Г 80
8924

БОРЬБА
ЗА
ПОЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ВЪ 1733 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИССЕРТАЦІЯ, СОСТАВЛЕННАЯ ПО АРХИВСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

В. ГЕРЬЕ.

Πρὸ τοῦ δῆμος εἶναι τὸ δημαγογεῖσθαι ἔθελον.
Plutarchi Dion.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Грачева и К°.
1862.

© ГПНТБ СО РАН

Г80
8924

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета печатать позволяется. Мая 26 дня. 1862 года.

Деканъ *С. Соловьевъ.*

7
303 80
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
СВЕРЕНО
1.2008

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со временъ Петра Великаго Россія вступаетъ въ число великихъ европейскихъ державъ и начинаетъ играть болѣе видную роль въ судьбахъ человѣчества. Подробное и всестороннее изученіе этой роли имѣетъ одинаковую важность и для русской исторіи и для исторіи всеобщей.

До сихъ поръ вліяніе Россіи на Европу было чисто внѣшнее, выражавшееся въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ союзахъ и войнахъ. Поэтому главные источники, которые могутъ бросить свѣтъ на отношеніе Россіи къ прочимъ европейскимъ державамъ слѣдуетъ искать въ архивахъ. Но матеріалы разбросаны по разнымъ архивамъ и полное изученіе ихъ превышаетъ силы отдѣльныхъ лицъ; имъ приходится ограничиваться подробнымъ и добросовѣстнымъ отчетомъ о тѣхъ матеріалахъ, которыми они имѣли возможность пользоваться.

Эти замѣчанія опредѣляютъ цѣль и объемъ нашего труда, въ которомъ излагается одинъ эпизодъ изъ важной и богатой послѣдствіями роли, которую Россія играетъ въ европейскихъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ развернулись ея силы.

Эпизодъ этотъ—борьба за польскій престолъ въ 1733 году. Въ концѣ XVII столѣтія какъ въ исторіи русской, такъ и въ польской произошелъ знаменательный пере-

© ГПНТБ СО РАН

воротъ. И Польша также тѣснѣе сблизилась съ западными европейскими государствами и болѣе стала привлекать на себя ихъ вниманіе. Но это не привело ее къ добру. Вслѣдствіе недостатковъ своего общественнаго быта — отсутствія сильной правительственной власти, раздѣленія всего народа на два слоя, наконецъ необузданнаго стремленія шляхтичей къ демократическому равенству, Польша не была въ состояніи поддержать свою самостоятельность и подпала подъ опеку европейскихъ дипломатовъ.

Первый опытъ этихъ дипломатовъ, произведенный въ болѣе широкихъ размѣрахъ относится къ 1733 году. Положительно всѣ европейскія государства были на этотъ разъ заинтересованы въ польскомъ вопросѣ и принимали большее или меньшее участіе въ его рѣшеніи. Событія 1733 года были поводомъ къ общеевропейской войнѣ, а самую Польшу они ослабили до того, что она потеряла свой голосъ на сонмѣ европейскихъ державъ.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ три самыя сильныя государства Европы вооружились противъ возрастающаго могущества Пруссіи, и для Польши настало удобное время отдѣлаться отъ предпріимчиваго и опаснаго сосѣда, она уже не могла подняться изъ своего безпомощнаго состоянія. Еще одинъ сильный толчекъ, еще одна операція дипломатовъ и больной организмъ ея долженъ былъ разрушиться.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. БРАКЪ ЛЮДОВИКА XV И МАРІИ ЛЕЩИНСКОЙ. 1

Франція по смерти Людовика XIV. Филиппъ орлеанскій, герцогъ бурбонскій—маркиза дё-При. Сватовство Куракина. Списокъ невѣстъ. Мад. дё Вермандуа. Марія Лещинская. Почему она понравилась маркизѣ. Ея бракъ съ королемъ.

ГЛАВА II. АВСТРІЯ, ПРУССІЯ И РОССІЯ—СОСѢДИ ПОЛЬШИ. 16

Императоръ Карлъ VI. Его дворъ. Его министры—Евгеній Савойскій, Синцендорфъ, Штарембергъ Прагматическая Санкція. Фридрихъ Вильгельмъ I король прусскій. Генералъ Грумкау и Секендорфъ, австрійскій посолъ. Юлихское наслѣдство. Россія—ея намѣренія относительно Курляндіи. Союзъ между Австріей и Россіей. Берлинскій договоръ 1728 года. Союзъ между Пруссіей и Россіей. Прусскій король предлагаетъ Бирону 200,000 талеровъ. Левенвольдовъ трактатъ. Попытка Франціи отвлечь Россію отъ союза съ Австріей. Замѣчанія Остермана на предложенія французскаго двора. Возраженія Миниха.

ГЛАВА III. АВГУСТЪ II КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ РОССІИ И ПРУССІИ. СМЕРТЬ ЕГО. 70

Личность Августа II. Послѣднія годы его царствованія въ Польшѣ. Жестокости католиковъ въ Торнѣ. Сеймы польскіе отъ 1717—1732 года. Русскій посолъ въ Варшавѣ камергеръ графъ Фридрихъ Казиміръ Левенвольдъ. Россія требуетъ самостоятельности Курляндіи. Пограничные споры между Русскими и Поляками на правомъ берегу Днѣпра. Притязанія Поляковъ на Лифляндію. Сближеніе между Августомъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ. Поѣздка прусскаго короля въ Дрезденъ, а польскаго въ Берлинъ. Радевицкій смотръ войскамъ. Намѣреніе Августа сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Поѣздка Августа въ Польшу на сеймъ. Свиданіе его съ Грумковымъ въ Кроснѣ. Сеймъ 1733 года. Оппозиціонная партія проситъ

© ПЕТЕРСБУРГ

помощи у Россіи и Австріи. Первыя засѣданія сейма. Интриги русскаго посла. Болѣзнь и смерть Августа.

ГЛАВА IV. НАСЛѢДНИКИ КОРОЛЯ АВГУСТА II. 113

Станиславъ Лещинскій. Первое избраніе его, его бѣгство, жизнь въ Турціи и въ Германіи. Курпринцъ саксонскій. Его воспитаніе, обращеніе въ католицизмъ. Его бракъ съ эрцгерцогиней. Донъ-Эммануилъ, инфантъ португальскій. Принцъ лотарингскій. Нѣмецкіе *принцы-кадеты*. Претендентъ англійскій. Яковъ Собѣскій. Іосифъ Потоцкій. Братья Вишневецкіе. Кн. Ѳедоръ Любомирскій. Коронный маршалокъ Мнишекъ. Станиславъ Понятовскій. Чарторижскіе. Кн. Сангушко. Прочіе паты.

ГЛАВА V. СОБЫТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ ОТЪ СМЕРТИ КОРОЛЯ ДО НАЧАЛА СОЗЫВНАГО СЕЙМА. 143

Примасъ польскій—Ѳеодоръ Потоцкій. Первыя дѣйствія его. Примиреніе Потоцкихъ съ Понятовскимъ и Чарторижскими. Старанія Левенвольда склонить на свою сторону литовскихъ вельможъ. Краковская конфедерація противъ иностранныхъ кандидатовъ. Конференція между примасомъ и Левенвольдомъ. Слухъ о пріѣздѣ Станислава въ Польшу. Турецкій посолъ. Грамота русскаго правительства къ примасу. Осторожность Австріи. Декларація Франціи отъ 17-го марта. Нерѣшительность Пруссіи. Отвѣтъ императора на французскую декларацію. Отправленіе подполковника Ливена въ Литву для переговоровъ съ литовскими вельможами.

ГЛАВА VI. БРОШЮРЫ, ИЗДАННЫЯ ВЪ ПОЛЬЗУ СТАНИСЛАВА И ДРУГИХЪ КАНДИДАТОВЪ. 184

Сношенія примаса съ Лещинскимъ и съ французскимъ правительствомъ до смерти Августа II. Записка, въ которой излагались причины, требовавшія немедленнаго пріѣзда Лещинскаго въ Польшу, а также и причины, требовавшія отсрочки. Братское предостереженіе, изданное Станиславомъ. Опроверженіе, написанное графомъ Левенвольдомъ. Другое опроверженіе, написанное епископомъ Липскимъ. Брошюра, изданная въ пользу Чарторижскаго.

ГЛАВА VII. СОЗЫВНОЙ СЕЙМЪ 1733 года. 212

Польская шляхта. Польскіе сеймы. Liberum Veto. Польское платье вытѣсняется нѣмецкимъ. Первыя засѣданія сейма. Споръ о диссидентахъ. Споръ о числѣ депутатовъ, присылаемыхъ различными воеводствами Соперничество Станислав-

ской партіи и саксонской при избраніи сеймоваго маршала. Постановленія созывнаго сейма. Исключеніе иностранныхъ принцевъ изъ числа кандидатовъ. Присяга для подтвержденія этого. Послѣднія засѣданія, разсказанныя по секретному журналу.

ГЛАВА VIII. ПРІѢЗДЪ ВЪ ПОЛЬШУ ОБЕРШТАЛМЕЙСТЕРА ЛЕВЕНВОЛЬДА. 247

Польскій посолъ Липскій въ Петербургѣ. Его аудіенція. Поѣздка Левенвольда. Его инструкціи. Его свита. Грамота императора, поданная примасу послами союзныхъ державъ. Разговоръ Левенвольдовъ и графа Вилчка съ примасомъ. Левенвольдъ возбуждаетъ неудовольствіе польскихъ и литовскихъ вельможъ противъ примаса Письмо вельможъ къ императрицѣ, въ которомъ они просятъ о вступленіи русскихъ войскъ для защиты польской вольности. Требованіе примаса, чтобъ иностранные послы выѣхали изъ Варшавы до начала сейма избранія. Отвѣтъ Левенвольда и цесарскаго посла. Конференція между послами и депутатами отъ польскаго сената. Возвращеніе Левенвольда въ Петербургъ.

ГЛАВА IX. СБЛИЖЕНІЕ МЕЖДУ АВСТРІЕЙ, РОССІЕЙ И КУРФИРСТОМЪ САКСОНСКИМЪ. НЕЙТРАЛИТЕТЪ ПРУССІИ. 275

Переговоры о юлихскомъ наслѣдствѣ. Пріѣздъ въ Вѣну саксонскихъ пословъ. Уклончивый отвѣтъ вѣнскаго двора. Требованія Польши. Отказъ португальскаго короля помогать инфанту въ достиженіи польскаго престола. Предложенія курфирста, сдѣланныя русскому двору. Требованія обоихъ императорскихъ дворовъ. Трактатъ, заключенный между Австріей и Саксоніей. Письмо курфирста къ императрицѣ. Трактатъ, заключенный между Россіей и Саксоніей. Требованія прусскаго короля. Отказъ курфирста. Переговоры между Россіей и Пруссіей. Ратификація Левенвольдова трактата. Нейтралитетъ Пруссіи.

ГЛАВА X. ДѢЛА ВЪ ПОЛЬШѢ ПОСЛѢ СОЗЫВНАГО СЕЙМА. 318

Оппозиція противъ примаса въ сенатѣ. Письма примаса къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Новая грамота императора. Предложенія короля Станислава. Слухъ о пріѣздѣ Станислава и о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу. Варшавскій сеймикъ. Саксонскій памфлетъ. Сожженіе его палачемъ. Протестъ иностранныхъ пословъ противъ нарушенія

международнаго права. Универсалы примаса. Польскіе сеймики. Дрогичинскій сеймикъ. Инструкціи плоцкаго сеймика. Descriptio Status Poloniae.

ГЛАВА XI. ОТНОШЕНІЯ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ИЗБИРАТЕЛЬНАГО СЕЙМА. 354

Пріѣздъ въ Россію посла Рудомины. Его конференція съ русскими министрами. Письмо Вишневецкаго къ кн. Трубецкому. Вторая поѣздка Левенвольда въ Варшаву. Манифестъ союзныхъ державъ о вступленіи ихъ войскъ въ Польшу. Примасъ не принимаетъ грамоты русской императрицы. Левенвольдъ предлагаетъ примасу 100,000 руб. Просьба вѣнскаго двора отсрочить вступленіе австрійскихъ войскъ въ Польшу. Левенвольдъ обѣщаетъ Любомирскому булаву коронаго гетмана. Отправленіе подполковника Даревскаго и подполковника Ливена въ Литву. Они составляютъ въ Новогродкѣ конфедерацію противъ Лещинскаго Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу. Латинскіе стихи, объясняющіе тогдашнее положеніе Польши.

ГЛАВА XII. ДЕРЖАВЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЯ КЪ ЛЕЩИНСКОМУ—ФРАНЦІЯ, ШВЕЦІЯ И ТУРЦІЯ 401

Равнодушіе Людовика XV. Нерасположеніе кардинала къ Лещинскимъ. Шовеленъ. Его виды относительно Польши. Маршалъ Вилларъ. Партія, желающая войны. Переговоры Франціи съ Испаніей и Сардиніей о союзѣ. Странности испанскаго короля. Разговоръ посольскаго секретаря Маньяна съ Минихомъ, Остерманомъ и Головкинымъ по поводу французской декларації. Мекленбургскій проектъ. Взглядъ на исторію Швеціи. Образованіе четырехъ сословій. Преобладаніе аристократіи. *Редукція* Карла XI. Преобладаніе демократической шляхты послѣ смерти Карла XII. Отношенія къ Франціи и Россіи. Графъ Горнъ. Расположеніе его къ Лещинскому. Русскій посолъ Бестужевъ подкупаетъ 5 членовъ государственнаго совѣта. Пріѣздъ турецкаго посла, требующаго уплаты долга сдѣланнаго Карломъ XII. Первый русскій резидентъ въ Константинополѣ. Россія и Порта дѣлятъ между собой кавказскія области, отнятыя у Персіи. Война между Турціей и Персіей. Недоразумѣнія между Портой и Россіей—пограничныя ссоры, высылка Дондукъ-Омбо изъ Крыма, споръ о Кабардѣ. Походъ Татаръ въ Персію. Протестъ Неплюева. Переговоры его съ турецкими министрами по поводу вмѣшательства Россіи въ польскія

дѣла и прохода Татаръ чрезъ Кавказъ. Турція, связанная персидской войной лишена возможности принять участіе въ польскихъ дѣлахъ.

ГЛАВА XIII. ИЗБРАНІЕ ДВУХЪ КОРОЛЕЙ. 445

Требованія новогродекскаго и минскаго воеводствъ. Начало сейма. Избраніе въ маршалы Раджевскаго родственника Станиславова. Вишневецкій переходитъ въ Прагу. Манифестъ сейма противъ тѣхъ, которые призвали русскія войска. Разговоръ Любомирскаго съ примасомъ. Пріѣздъ Станислава. Избраніе и провозглашеніе его. Протестъ Поляковъ, собранныхъ въ Прагѣ. Станиславъ выѣзжаетъ въ Данцигъ. Опасность, которой подвергаются русскіе и саксонскіе послы. Разграбленіе ихъ дворцовъ. Прибытіе русскихъ войскъ. Провозглашеніе короля Августа III. Заключеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ПИСЬМО КЪ БИРОНУ ОТЪ ПРУССКАГО КОРОЛЯ, ВЪ КОТОРОМЪ ОНЪ ЕМУ ОБѢЩАЕТЪ 200,000 тал. 1

II. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЕСКРИПТА КАРЛА VI, ВЪ КОТОРОМЪ ГОВОРИТСЯ О 300,000 гульд. ДАННЫХЪ БИРОНУ. 2

III. РЕЛЯЦІИ ГРАФА. Ф. К. ЛЕВЕНВОЛЬДА ИЗЪ ВАРШАВЫ.

1. Отрывокъ изъ реляціи отъ 11-го августа 1731 г. . . . 4
2. Реляція отъ 2-го февраля 1733 года. 18
3. Отрывокъ изъ реляціи отъ 8-го ф. 38
4. Реляція отъ 21-го ф. 39
5. Реляція отъ 22-го ф. 58
6. Реляція отъ 2-го марта. 59
7. Реляція отъ 8-го марта. 70
8. Отрывки изъ реляціи отъ 2-го апрѣля. 74
9. Реляція отъ 16-го апрѣля. 77
10. Реляція отъ 19-го апрѣля. 88
11. Реляція отъ 26-го апрѣля. 93
12. Реляція отъ 7-го іюня. 95
13. Реляція отъ 28-го іюня. 110

IV. РЕЛЯЦІИ ОБЕРШТ. ЛЕВЕНВОЛЬДА 113
V. ПИСЬМА ДАРЕВСКАГО.
1. Письмо отъ 12-го февр. 119
2. Отрывокъ изъ реляціи отъ 4-го м. 126
3. Отрывокъ изъ письма отъ 4-го м. 127
4. Письмо отъ 13-го апрѣля. 128
5. Письмо отъ 30-го мая. 131
6. Письмо отъ 13-го августа. 133
VI. РЕЛЯЦІЯ ЛИВЕНА отъ 10-го апр. 136
— ПИСЬМО ЛИВЕНА КЪ ОСТЕРМАНУ 138
VII. ПИСЬМО ОСТЕРМАНА КЪ ЛИВЕНУ 144
VIII. РЕСРИПТЪ КЪ ЛИВЕНУ отъ 2-го ген. 146
IX. ПИСЬМА ПОЛЬСКИХЪ ВЕЛЬМОЖЪ КЪ ИМП.
1. Письма Любомирскаго отъ 4-го іюня. 150
2. Письмо Люб. отъ 24-го ав. 152
3. Письмо Радзивила 153
4. Письмо Любомирскаго. 153
X. ПИСЬМО СТАН ЛЕЩИНСКАГО. 155
XI. СЧЕТЫ ЛЕВЕНВОЛЬДА. 156
XII. ДОГОВОРЪ ЗАКЛ. СЪ ЛЮБОМИРСКИМЪ. 162
XIII. НѢСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ СОБЫТІЯМЪ 1733 года. 164

ГЛАВА I.

БРАКЪ ЛЮДОВИКА XV И МАРІИ ЛЕЩИНСКОЙ.

Послѣ Людовика XIV, умершаго на 77 году своей жизни, на французскій престолъ взошелъ пятилѣтній ребенокъ. Изъ Версальскаго дворца исчезли благочестивые старцы и іезуиты, которые услаждали послѣдніе дни скучавшаго короля, пережившаго свои надежды и свою славу. Составился новый дворъ и любимцы правителя, герцога Орлеанскаго, какъ будто предчувствуя, что ихъ пора скоро пройдетъ, спѣшили испить до дна чашу удовольствій. Придворная жизнь измѣнилась; но внѣшняя обстановка Франціи нисколько не улучшилась. Франція не имѣла уже притязаній на опасное, но почетное первенство въ Европѣ, какъ въ началѣ царствованія Людовика XIV, когда вся западная Европа сплотилась въ дружную массу, чтобы поставить преграду ея честолюбію. Даже послѣдняя надежда Людовика не сбылась. Онъ возвелъ своего внука на испанскій престолъ, на перекоръ цѣлой Европѣ и надѣялся, что послѣ его смерти испанскіе Бурбоны будутъ идти рука объ руку съ его наслѣдниками на престолѣ Франціи. Но слабый и упрямый Филиппъ, который тяготился заботами по своему собственному королевству, вспоминалъ

© ГПНТБ СО РАН

съ негодованіемъ, что онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ правъ на французскій престолъ и ненавидѣлъ герцога Орлеанскаго, который, благодаря этому отреченію, сдѣлался наслѣдникомъ молодаго и болѣзненнаго Людовика XV. Испанскій король умѣлъ только негодовать; онъ былъ неспособенъ задумать какой-нибудь планъ и привести его въ исполненіе. Но судьба женила его на женщинѣ съ предпріимчивымъ и настойчивымъ характеромъ и дала ему ловкаго министра, къ сожалѣнію слишкомъ пылкаго и недальновиднаго. Подъ управленіемъ королевы Елисаветы Пармской и кардинала Альберони, Испанія стала оживать и дипломаты европейскихъ государствъ смотрѣли уже съ безпокойствомъ на ея возрастающее могущество.

Герцогъ Орлеанскій, встревоженный замыслами Альберони, послѣдовалъ совѣту аббата Дюбуа, своего наставника въ наукахъ и порокахъ, и сблизился съ Англіей и Голландіей, а потомъ и съ императоромъ Карломъ VI. У Елисаветы Пармской и ея совѣтника недостало терпѣнія выждать удобную минуту и они сами начали войну. Но Испанія не была въ состояніи защищаться противъ французскаго войска и англійскаго флота. Вскорѣ былъ заключенъ миръ; Елисавета должна была отказаться отъ своего плана завоевать Испанію и была принуждена удалить Альберони. Миръ между Франціей и Испаніей былъ скрѣпленъ тройнымъ бракомъ. Двѣ дочери герцога Орлеанскаго отправились въ Испанію, чтобы выйти замужъ за Дона Луи и Дона Карлоса сыновей Филиппа испанскаго, а дочь Филиппа и Елисаветы, трехлѣтняя инфанта была привезена во Францію, чтобы получить тамъ воспитаніе достойное будущей супруги Людовика XV.

Въ 1723 году по случаю совершеннолѣтія короля герцогъ Орлеанскій сложилъ съ себя званіе правителя, а по смерти Дюбуа, перваго министра, занялъ его мѣсто. Но въ томъ же году онъ умеръ отъ удара. Первымъ принцемъ крови и наслѣдникомъ престола былъ теперь сынъ его, герцогъ Шартрскій, молодой человѣкъ 20 лѣтъ, застѣнчивый и вялый, не любившій шума придворной жизни, и просиживавшій по цѣлымъ днямъ за книгами богословскаго содержанія. Не смотря на свою молодость и неопытность онъ желалъ занять мѣсто своего отца при королѣ. Но его предупредилъ его близкій родственникъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ герцога Бурбонскаго. Герцогъ Орлеанскій умеръ въ Версали, гдѣ находился дворъ; сынъ его въ это время былъ въ Парижѣ. Этимъ воспользовался герцогъ Бурбонскій и тотчасъ послѣ смерти Филиппа Орлеанскаго, онъ вошелъ въ кабинетъ короля и сталъ просить для себя мѣста перваго министра. Молодой король имѣлъ неограниченное довѣріе къ своему наставнику Флёри, епископу города Фрежю и не рѣшался ни на что безъ его совѣта. И въ этомъ случаѣ, Людовикъ сначала взглянулъ на Флёри, чтобъ узнать его мнѣніе. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и герцогъ Бурбонскій былъ тотчасъ же утвержденъ въ званіи перваго министра.

Герцогъ былъ потомокъ знаменитаго Конде, но онъ наслѣдовалъ отъ него только его ненасытное корыстолюбіе. Во время финансовыхъ оборотовъ Джона Ло, которые многихъ разорили, а немногихъ чрезвычайно обогатили, герцогъ пріобрѣлъ несмѣтныя сокровища. Онъ воспользовался своимъ положеніемъ и своимъ знаніемъ правительственныхъ тайнъ, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ какъ понизился курсъ би-

летовъ Ло, цѣлыя груды звонкой монеты были перевезены изъ казначейства въ кладовыя принца. Внѣшность его была очень не привлекательна, а манеры его еще болѣе отталкивали отъ него, хотя онъ былъ изысканно вѣжливъ. Народъ не любилъ его за его корыстолюбіе, за его гордость и сравнивалъ его съ Филиппомъ Орлеанскимъ, который бывалъ ласковъ и любезенъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выражалъ свое неудовольствіе. Своимъ высокомѣріемъ герцогъ Бурбонскій старался скрыть ограниченность своего ума и равнодушіе своего характера. Онъ не любилъ серьозныхъ разговоровъ и поддерживалъ ихъ не долго; но когда они ему надоѣдали, онъ обыкновенно отшучивался, или начиналъ отвѣчать съ высока. Когда онъ искалъ для себя власти, онъ не принесъ съ собой никакихъ плановъ, никакихъ желаній преобразованія и улучшенія. Онъ искалъ ея какъ будто для того только, чтобы дать возможность женщинѣ, которая управляла имъ самимъ, — распоряжаться своевольно цѣлымъ государствомъ. Эта новая правительница Франціи называлась маркиза дё-При. Она была дочерью откупщика Пленёфа, разбогатѣвшаго во время системы (такъ называли современники неудавшіяся спекуляціи Джона Ло) и вышла замужъ за французскаго посланника въ Туринѣ, маркиза дё-При. Она встрѣтилась въ одномъ маскарадѣ съ герцогомъ Бурбонскимъ и съ тѣхъ поръ имѣла неограниченное вліяніе на него, не смотря на то, что она для него нисколько не измѣняла своего прежняго легкомысленнаго образа жизни. Маркиза еще превосходила принца въ корыстолюбіи. Она воспользовалась тѣмъ, что онъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ и выхлопотала себѣ отъ англійскаго правительства пенсію, которую отъ него получалъ кардиналъ Дюбуа за то, что примирилъ Англію съ Франціей.

Маркиза была совершенно увѣрена, что она сохранитъ свою власть надъ герцогомъ; но нельзя было предвидѣть, долго ли еще самъ герцогъ сохранитъ свое значеніе при дворѣ. Король не выказывалъ къ нему никакого расположенія. Герцогъ устроилъ однажды для него великолѣпный праздникъ въ своемъ замкѣ Шантильи. Людовикъ воспитанный епископомъ Фрежюскимъ въ внѣшнемъ благочестіи и въ какомъ-то безсознательномъ страхѣ грѣха, поѣхалъ нехотя на пышный праздникъ; онъ избѣгалъ женскаго общества, великолѣпіе тяготило его, и онъ уѣхалъ среди празднествъ, не смотря на всѣ просьбы оскорбленнаго родственника. За то довѣріе и привязанность короля къ своему наставнику все болѣе увеличивались. Флёри былъ остороженъ и скрытенъ, но можно было предвидѣть, что онъ воспользуется своимъ вліяніемъ и удалитъ герцога отъ управленія. Маркиза и герцогъ поняли необходимость противопоставить Флёри другое лице, преданное имъ, которое могло бы привлечь къ себѣ всю привязанность юноши и охладить его къ опасному старцу. Они рѣшились женить короля. У Людовика уже была невѣста, съ которой онъ иногда встрѣчался на придворныхъ празднествахъ и съ которой онъ къ удивленію всего двора почти никогда не говорилъ. Но инфантѣ было только 6 лѣтъ. До ея свадьбы нужно было еще долго ждать и поэтому герцогъ съ маркизой рѣшились отослать инфанту къ ея отцу.

Была еще другая причина, которая заставила маркизу и герцога выслать испанскую принцессу и пріискать для короля другую невѣсту. Людовикъ могъ

умереть до свадьбы и тогда на престолъ вступилъ бы сынъ Филиппа Орлеанскаго, соперникъ и врагъ герцога Бурбонскаго. Вскорѣ послѣ поѣздки въ Шантильи Людовикъ заболѣлъ; хотя болѣзнь его была не опасна, но она чрезвычайно обезпокоила перваго министра; ночью онъ нѣсколько разъ самъ приходилъ освѣдомляться о здоровьи короля, и окружавшіе его слышали слова: „Теперь я уже не поддамся, если онъ выздоровитъ, я женю его.“ Но если герцогъ и маркиза хотѣли женить Людовика изъ корыстныхъ видовъ, то другіе члены двора желали этого изъ преданности къ престолу. Маршалъ Виларъ разсказывалъ откровенно въ своихъ мемуарахъ, какъ онъ убѣждалъ 14-лѣтняго короля жениться и успокоить этимъ своихъ подданныхъ. Тоже самое совѣтовали королю молодые люди окружавшіе его, которые надѣялись при новомъ дворѣ, составленномъ для молодой королевы играть болѣе важную роль, чѣмъ при королѣ неженатомъ. Они всѣ уговаривали Людовика отослать инфанту, которую онъ и безъ того не очень любилъ и жениться на взрослой принцессѣ.

Этими совѣтами и интригами думалъ воспользоваться русскій посолъ при Версальскомъ дворѣ, Куракинъ, чтобы привести въ исполненіе одинъ изъ любимѣйшихъ плановъ своего государя. Петръ Великій во время своей послѣдней поѣздки за границу хотѣлъ заключить союзъ съ Франціей и чтобы скрѣпить политическій союзъ родственной связью, онъ желалъ выдать свою дочь Елисавету замужъ за молодаго французскаго короля. Но правитель Франціи герцогъ Орлеанскій, и совѣтникъ его Дюбуа слишкомъ тѣсно сблизились съ Англіей, чтобы промѣнять союзъ съ ней на дружбу съ государствомъ сильнымъ, но еще никогда не оказавшимъ вліяніе на судьбу западныхъ народовъ. Правитель Франціи искалъ въ Англіи поддержки противъ Испаніи, на престолѣ которой сидѣлъ его личный врагъ Филиппъ V, а Дюбуа получалъ пенсію отъ англійскаго правительства. По этому герцогъ Орлеанскій отклонилъ предложеніе Петра Великаго, а потомъ помирившись съ Испаніей сталъ просить руки инфанты для Людовика XV. Сближеніе съ Россіей однако нравилось французскимъ дипломатамъ, и старый маршалъ Тессе предложилъ Куракину вмѣсто Людовика XV—герцога Бурбонскаго въ женихи цесаревнѣ Елисаветѣ. Французы потому особенно желали союза съ Россіей, чтобы возвести на польскій престолъ герцога Бурбонскаго. Тессе прямо говорилъ Куракину, что польская корона въ рукахъ русскаго государя и „кому онъ ее отдастъ, тому она и будетъ“ *). Это было уже по смерти Филиппа Орлеанскаго, въ то время когда принцъ Бурбонскій занималъ мѣсто перваго министра. Куракинъ извѣстилъ Петра, что герцогъ выразилъ въ разговорѣ съ нимъ нѣкоторое расположеніе къ претенденту англійскому или, какъ его называли къ кавалеру и совѣтовалъ воспользоваться сватовствомъ съ цесаревной Елисаветой какъ приманкой, чтобы отвлечь герцога Бурбонскаго отъ союза съ Англіей.

Въ то самое время, когда друзья герцога Бурбонскаго старались женить его на цесаревнѣ и доставить ему польскій престолъ, приближенные молодаго короля убѣждали съ своей стороны Людовика жениться. Куракинъ донесъ объ этомъ своему государю въ концѣ 1724 года, и Петръ Великій снова возвратился къ

*) О донесеніяхъ Куракина см. статью С. М. Соловьева: Птенцы Петра Великаго. Въ Рус. Вѣстникѣ 1861 года за м. май.

своей мысли выдать Елисавету за Людовика XV. Онъ приказалъ Куракину отклонить предложеніе герцога и стараться сосватать цесаревну за короля. Куракинъ дѣятельно принялся за это дѣло. Онъ самъ внушалъ мысль о сватовствѣ пожилымъ придворнымъ, а сынъ его долженъ былъ говорить объ этомъ съ молодыми. Узнавши, что и другіе послы въ Версали, Португальскій и Лотарингскій имѣютъ тоже самое порученіе и для большаго успѣха показываютъ портреты своихъ невѣстъ, Куракинъ сталъ просить, чтобы ему прислали портретъ цесаревны. Но портретъ былъ присланъ только черезъ полтора года, осенью 1726 года, когда уже было поздно. Желаніе Петра Великаго легко можно было согласить съ желаніемъ той партіи французскаго двора, которая хотѣла возвести герцога Бурбонскаго на польскій престолъ. Людовикъ XV могъ бы жениться на Елисаветѣ, а герцогъ на дочери польскаго короля Станислава Лещинскаго, который жилъ изгнанникомъ во Франціи *). Это былъ планъ, который имѣлъ бы самыя важныя послѣдствія, и на нѣкоторое время соединилъ бы въ тѣсный союзъ Францію, Польшу и Россію. Но всемогущей маркизѣ дё-При не нравился этотъ планъ. Ей не хотѣлось отпустить герцога Бурбонскаго въ Польшу и не хотѣлось потерять свою пенсію, которую присылалъ ей Робертъ Уалполь и уплата которой непремѣнно бы прекратилась послѣ брака французска-

*) Henry Martin Tome XV p. 134 утверждаетъ, что предложеніе женить герцога Бурбонскаго на Маріи Лещинской было сдѣлано русскимъ правительствомъ. Но уже гораздо раньше 1724 года говорили въ Версали объ этомъ сватовствѣ. Герцогъ Орлеанскій самъ совѣтовалъ своему родственнику жениться на польской принцессѣ, но апатичный герцогъ принялъ этотъ совѣтъ равнодушно.

го короля и русской цесаревны. Благодаря интригамъ маркизы планъ рушился. Герцогъ Бурбонскій не захотѣлъ жениться на Маріи Лещинской, а Людовику XV нашли другую невѣсту.

Еще въ концѣ 1724 года начали разсуждать въ королевскомъ совѣтѣ о женитьбѣ короля и графу Морвилю министру иностранныхъ дѣлъ, было поручено составить съ помощью альманаха списокъ всѣмъ европейскимъ принцессамъ, которыя были бы достойны вступить на престолъ Людовика XIV. Составили мемуаръ, въ которомъ доказывали необходимость отослать инфанту немедленно и женить короля, и къ этому мемуару приложили списокъ 90 принцессъ. За именемъ каждой принцессы слѣдовало нѣсколько краткихъ примѣчаній, въ которыхъ описывали внѣшнія свойства и нравъ невѣсты и выставляли выгоды и невыгоды, которыя могли бы воспослѣдовать отъ союза съ ней.

Изъ этого огромнаго списка первый министръ велѣлъ сдѣлать извлеченіе, и изъ 90 принцессъ были выбраны 17, на которыхъ слѣдовало обратить особенное вниманіе. Но этотъ списокъ былъ не очень вѣренъ, если судить объ немъ по двумъ примѣрамъ, которые намъ болѣе знакомы. Подъ номеромъ 5 мы читаемъ: „Марія Петровка, дочь царя.—16 лѣтъ. Греческаго вѣроисповѣданія. — Невѣста герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Анна Петровка, дочь царя. — 15 лѣтъ. Греческаго вѣроисповѣданія. Хорошо сложена, пріятное лице.—Низкое происхожденіе матери.—Странное воспитаніе и обычаи. — Крутой нравъ отца будетъ имѣть слишкомъ большое вліяніе на политику Франціи“. Въ концѣ этого донесенія королю предоставлялся выборъ между 4 принцессами, въ числѣ кото-

рыхъ были двѣ внучки короля англійскаго и 2 сестры герцога Бурбонскаго, мадемуазель дё-Вермандуа 21 года и м. дё-Сансъ 19 л. Маркизѣ и придворнымъ, зависѣвшимъ отъ нея, хотѣлось женить короля на м. Вермандуа. Она была сестра герцога, хотя отъ другой матери; и можно было надѣяться, что ея бракъ навсегда упрочитъ значеніе герцога, а слѣдовательно и его партіи. Ее нарочно поставили на ряду съ англійскими принцессами, которыя были протестантки, и которыхъ не выдали бы за французскаго короля.

Многочисленные враги герцога ничего не могли сказать противъ м. Вермандуа. Она не была похожа на прочихъ членовъ королевскаго семейства, которые своимъ образомъ жизни напоминали нравы Августова дома. Она жила вдали отъ двора въ монастырѣ, гдѣ она воспитывалась съ дѣтства. Тѣ, которые ее знали, говорили, что у нея тонкій и вѣрный умъ, а въ характерѣ много благородства и гордости. При дворѣ всѣ уже называли ее королевой, но м. де-Вермандуа не вступила на французскій престолъ. Въ оффиціальныхъ документахъ не объяснена причина этой перемѣны, но современники передали потомству разсказъ довольно правдоподобный о событіи, которое помѣшало принцессѣ сдѣлаться королевой.

Говорятъ, что маркиза передъ окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла, хотѣла сама удостовѣриться, найдетъ ли она въ будущей королевѣ благодарную и надежную заступницу. Она отправилась въ монастырь подъ чужимъ именемъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ принцессѣ и начала съ ней говорить о величіи, которое ее ожидаетъ. Принцесса, окруженная съ молодости равнодушными и очерствѣлыми старухами, привыкла сдерживать свои чувства, и въ этомъ случаѣ также не

выказала особенной радости. Это хладнокровіе молодой дѣвушки уже смутило маркизу. Она наконецъ навела разговоръ на самый интересный для нея предметъ и захотѣла узнать мнѣніе принцессы о женщинѣ, которая была такъ любима ея братомъ.

М. дё-Вермандуа слышала отъ своихъ благочестивыхъ монахинь самые ужасные разсказы о всемогущей маркизѣ. Она не могла сдержать своего негодованія, выразила все свое презрѣніе къ ней, пожалѣла о своемъ братѣ, который подпалъ подъ ея власть, и не замѣчая смущенія маркизы, сказала даже, что если бы Богъ привелъ ей сдѣлаться королевой, то она сочла бы первымъ долгомъ своимъ удалить эту ненавистную ей женщину отъ двора. Маркиза поспѣшно прервала разговоръ, вышла и въ дверяхъ сказала раздраженнымъ голосомъ: „такъ ты никогда не будешь королевой“ *).

Маркиза не рѣшилась сама просить герцога объ устраненіи его сестры. Она подговорила для этого Париса-Дюверне, который завѣдывалъ въ то время французскими финансами и былъ ей обязанъ своимъ возвышеніемъ. Дюверне представилъ герцогу, что Флёри будетъ противиться этому браку, что принцесса, вышедши за короля, не будетъ слушаться своего брата, но будетъ подъ вліяніемъ своей матери, женщины дѣятельной и честолюбивой и что герцогъ, если онъ пожертвуетъ выгодами своей семьи, и женитъ короля на иностранной принцессѣ, явитъ собой примѣръ высокаго безкорыстія, и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе народа.

Хотя эти доводы были очень слабы, но герцогъ пожертвовалъ своей сестрой и Маркиза начала пріи-

*) Vas, tu ne seras jamais reine.

скивать другую невѣсту. Маркиза дѣйствовала очень осторожно, потому что ее страшила судьба принцессы Орсини или Des Ursins, которая выбрала жену для Филиппа испанскаго, надѣясь черезъ нее управлять королемъ и королевствомъ. Но въ день пріѣзда молодой королевы Елисаветы Пармской, принцесса была выслана ею изъ Испаніи. Маркиза боялась италіянскихъ принцессъ по причинѣ ихъ „пылкаго нрава“, а нѣмецкихъ, за ихъ „высокомѣріе“. Тогда Дюверне, который былъ знакомъ съ изгнаннымъ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, потому что онъ ему давалъ денегъ взаймы, напомнилъ маркизѣ, что у Станислава дочь 23 лѣтъ. Маркиза узнала, что у польской принцессы тихій и скромный нравъ, и что она чрезвычайно почтительна въ обращеніи съ своими родителями. Услышавъ это, маркиза пришла въ восхищеніе отъ молодой изгнанницы, хотя она сама не отличалась особенной почтительностью и привязанностью къ своей матери. Она однажды поссорилась съ ней и тогда затѣяла уголовный процессъ противъ бывшаго военнаго министра Лё-Блана и его помощниковъ, потому только, что Лё-Бланъ былъ другомъ ея матери. Но добродѣтели Маріи Лещинской привели ее въ восторгъ и, благодаря ея стараніямъ, Марія Лещинская была избрана невѣстой Людовика. Французское правительство не обратило вниманія на то, что бракъ Людовика съ Лещинской не представлялъ Франціи никакихъ политическихъ выгодъ, что онъ напротивъ могъ привести ее въ столкновеніе съ Россіей, Австріей, Саксоніей, Пруссіей и даже съ союзной Англіей. Инфанта была выслана изъ Франціи и черезъ нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда былъ отправленъ курьеръ къ Станиславу Лещинскому.

Станиславъ жилъ въ это время въ нуждѣ и забытый всѣми въ Эльзасѣ, въ маленькомъ городкѣ Вейссембургѣ. Послѣ Полтавской битвы, которая лишила его польскаго престола, онъ долгое время скитался среди приключеній и опасностей по польскимъ и турецкимъ границамъ. Карлъ XII впрочемъ не забылъ объ немъ; послѣ своего возвращенія изъ Турціи онъ назначилъ Станиславу большую пенсію и позволилъ ему жить въ маленькомъ княжествѣ Цвейбрюкенѣ, принадлежавшемъ шведскому королю. Но врагъ Станислава польскій король Августъ II не стѣснялся никакими границами, онъ уже прежде велѣлъ схватить въ Силезіи на землѣ императора сыновей короля Іоанна Собѣскаго и теперь онъ послалъ въ Цвейбрюкенъ нѣсколько офицеровъ своей гвардіи, чтобы схватить или убить Станислава. Изгнанникъ спасся отъ нихъ и просилъ защиты у правителя Франціи. Филиппъ назначилъ ему маленькую пенсію и позволилъ жить въ Вейссембургѣ на нѣмецкой границѣ, а на жалобы Августа отвѣтилъ словами, что Франція была всегда убѣжищемъ королей преслѣдуемыхъ судьбой. Прошло уже почти 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Станиславъ лишился престола; онъ уже почти пересталъ мечтать объ немъ; у него была одна только забота—устроить судьбу своей дочери Маріи.

Маріи Лещинской было въ это время 23 года; ее нельзя было назвать красавицей, но она привлекала къ себѣ вниманіе своимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ, и заинтересовывала наивностью и невинной граціей, которыя отражались на ея лицѣ. Она принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые, не получивши отъ природы опредѣленнаго и сильнаго характера развиваются и слагаются по волѣ судьбы или обстоя-

тельствъ. Привыкшая съ молодости къ лишеніямъ и къ униженію послѣ величія, она была робка и мягка въ обращеніи со всѣми, особенно съ родителями. Она была очень религіозна, но эта религіозность не исключала природной веселости, данной въ удѣлъ ея національности. Объ умственномъ развитіи ея Станиславъ еще менѣе позаботился, чѣмъ обыкновенно заботились о принцессахъ 18-го столѣтія и поэтому Марія Лещинская, хотя у нея было много здраваго смысла, никогда не имѣла вліянія на своего мужа, и не пріобрѣла при Версальскомъ дворѣ того уваженія и значенія, которыя могли бы ей отчасти замѣнить любовь Людовика XV.

За Марію давно уже сватался молодой французскій графъ Куртанво, внукъ министра Лувуа, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ семилѣтнюю войну подъ именемъ маршала д'Естре. Станиславъ не противился этому браку, но потребовалъ отъ жениха, чтобы онъ выхлопоталъ себѣ у французскаго правительства званіе герцога и пера. Филиппъ Орлеанскій, который не любилъ семейства Куртанво, отказалъ ему и предложилъ, какъ мы видѣли, руку Маріи герцогу Бурбонскому, овдовѣвшему около того времени. Герцогъ отклонилъ предложеніе и Станиславъ черезъ нѣсколько времени съ удовольствіемъ согласился на просьбу молодаго маркграфа Баденскаго — выдать за него свою дочь. Но мать маркграфа, урожденная герцогиня Саксенъ-Лауенбургская была недовольна сближеніемъ своего сына съ Лещинскимъ врагомъ Августа, представителя всѣхъ саксонскихъ династій и поэтому все старалась отстрочить помолвку чтобъ разстроить сватовство*).

*) Stanislaw Leszczynski i Polska w pierwszej polowie 18 w. Tom I p. 198. Warszawa 1858.

Станиславъ былъ въ отчаяніи. Тѣмъ больше была его радость, когда онъ узналъ, что его дочь избрана въ королевы Франціи. Онъ чуть не упалъ въ обморокъ, потомъ бросился въ комнату дочери и могъ только выговорить слова: „дочь моя встанемъ на колѣни и возблагодаримъ Бога“—Развѣ васъ призвали на польскій престолъ, спросила дочь—„О нѣтъ, Богъ намъ оказалъ гораздо большую милость: ты будешь королевой Франціи“. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали герцогъ д'Антенъ и маркизъ де-Бово, присланные королемъ, чтобы просить у Станислава руку его дочери и 4 сентября 1725 Людовикъ XV обвѣнчался съ ней въ Фонтенебло.

Такимъ образомъ французское правительство тѣсно связало свои интересы съ судьбой изгнаннаго польскаго короля и обратило на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ державъ, неравнодушныхъ къ перемѣнамъ, которыя вскорѣ должны были совершиться на берегахъ Вислы. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Маріи Лещинской, польскій король Августъ II заболѣлъ и хотя онъ прожилъ еще 6 лѣтъ, но въ томъ же году уже начались переговоры между императоромъ Карломъ и русскимъ дворомъ, которые имѣли цѣлью помѣшать Станиславу Лещинскому, вступить снова на польскій престолъ.

ОТПЕЧАТАНО

ГЛАВА II.

АВСТРІЯ ПРУССІЯ И РОССІЯ—СОСѢДИ ПОЛЬШИ.

Извѣстіе о бракѣ французскаго короля и Маріи Лещинской встревожило Карла VI, послѣдняго императора изъ дома Габсбурговъ, и прибавило къ многимъ заботамъ его еще одну новую. Какъ спокойно и величаво проходила бы жизнь этихъ Габсбурговъ, среди торжественныхъ молебствій и аудіенцій съ испанскимъ церемоніаломъ, если бы не было Франціи! Габсбургскій домъ достигъ въ началѣ 18 ст. всего, къ чему онъ стремился со временъ Карла V, и даже еще болѣе. Корона священной Римской Имперіи была упрочена въ этомъ домѣ, и хотя она немного прибавляла къ могуществу его, но за то давала австрійскимъ эрцгерцогамъ право, считать себя главою міра, а австрійскимъ дипломатамъ — преимущество (прецеденцію) предъ всѣми другими. Протестантизмъ былъ почти истребленъ въ собственно австрійскихъ земляхъ и въ Богеміи, и значительно ослабленъ въ Венгріи. Владычество Австріи было упрочено въ Италіи, гдѣ ей принадлежали Сицилія, Неаполь и Миланъ и на берегахъ Нѣмецкаго моря, гдѣ ей принадлежала богатая Бельгія. Могущество опаснѣйшаго врага—Турціи было сломано навсегда блистательными побѣдами принца Савойскаго, и изъ рукъ невѣрныхъ были исторгнуты

Венгрія, Седмиградія, часть Босніи и Сербіи. Гордые венгерскіе магнаты, лишенные помощи турецкой, и напуганные кровавымъ судомъ графа Капрары въ Еперіесѣ, признали наконецъ Габсбургскій домъ наслѣдственнымъ въ Венгріи и отказались отъ своего древняго права—возставать противъ своего государя, если онъ поступалъ вопреки ихъ законамъ и правамъ.

Этому внѣшнему могуществу соотвѣтствовали пышность и важность придворной жизни. Этикетъ былъ доведенъ долголѣтними трудами до удивительныхъ тонкостей, чтобы придать блескъ престолу и внушить уваженіе къ нему въ жителяхъ столицы. Дворъ былъ раздѣленъ на 6 штабовъ, обергофмейстерштабъ, обергофкаммерштабъ и т. д. и каждый изъ нихъ состоялъ изъ безчисленнаго множества сановниковъ и чиновниковъ. Императрица и члены императорской фамиліи имѣли свои особенные штаты. Всѣхъ лицъ, причислявшихъ себя съ большимъ или меньшимъ правомъ ко двору, насчитывали во времена Карла VI до 40,000*), изъ которыхъ 2000 находились на дѣйствительной службѣ. Австрійская аристократія была особенно предана престолу, хотя она не утратила, подобно французской, своего достоинства. Венгерскіе магнаты начали мало по малу выѣзжать изъ своихъ дѣдовскихъ замковъ и чаще появляться на придворныхъ празднествахъ. Никогда и нигдѣ не было такого многочисленнаго дипломатическаго корпуса, какъ въ Вѣнѣ въ 18 ст. Всѣ члены Германской Имперіи, а ихъ было тогда очень много, болѣе 300, курфирсты и герцоги рейхсграфы и рейхсфрейгеры, вольные города и мо-

*) Vehse Oest. 6. p. 303.

настыри держали при вѣнскомъ дворѣ свои посольства, или, по крайней мѣрѣ агентовъ. Правда, что иногда одно и тоже лице было представителемъ нѣсколькихъ державъ и высокихъ членовъ священной Римской Имперіи.

Какое зрѣлище могло бы быть торжественнѣй параднаго обѣда, когда императоръ обѣдалъ, какъ говорилось, на своей половинѣ! Въ обыкновенные дни онъ обѣдалъ въ комнатахъ императрицы, и тогда этикетъ былъ менѣе тягостенъ. Но въ парадные дни онъ обѣдалъ одинъ, на возвышеніи и подъ балдахиномъ, окруженный дворомъ, генералитетомъ и дипломатическимъ корпусомъ. Всѣ присутствующіе стояли; иностранные дипломаты съ покрытыми головами. Но они снимали шляпы каждый разъ, когда императоръ подносилъ стаканъ ко рту. Въ обыкновенные дни и въ комнатахъ императрицы зрителей было не такъ много, но и здѣсь каждая тарелка должна была пройти по 24 рукамъ, прежде чѣмъ ее ставили на столъ.

Время императора Карла было поглощаемо тремя занятіями: исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, аудіенціями и охотой. Что касается до первыхъ, то они состояли въ усердномъ посѣщеніи церквей и монастырей, конечно въ сопровожденіи двора, генералитета и дипломатическаго корпуса. Во время праздниковъ и постовъ эти посѣщенія становились невыносимы для людей менѣе религіозныхъ, чѣмъ императоръ Карлъ. Французскій посолъ Ришелье, утомленный церковной службой на страстной недѣлѣ, жалуется въ письмѣ къ кардиналу Полиньяку въ горькихъ выраженіяхъ на свою судьбу: „Если бы я только зналъ, какую жизнь ведутъ здѣшніе посланники, ничего на свѣтѣ не заставило бы меня принять мою должность. Только капуцинъ съ самымъ крѣпкимъ здоровьемъ выдержалъ бы эту жизнь во время поста. Съ вербнаго воскресенья до середы на святой недѣлѣ, я простоялъ 100 часовъ въ церкви съ Его И. Вел.“

Аудіенціи были всегда торжественны, но особенно въ томъ случаѣ, когда пріѣзжалъ посолъ отъ какого-нибудь нѣмецкаго князя, чтобы принести за своего господина ленную присягу. Въ дверяхъ дворца у посла отнимали шпагу. При входѣ въ тронную залу онъ дѣлалъ испанскій поклонъ, т. е. становился на одно колѣно; въ срединѣ залы другой, а у подножія престола, на которомъ сидѣлъ императоръ съ покрытой головой—третій. Посолъ говорилъ свою рѣчь на колѣняхъ; по окончаніи ея вице-канцлеръ становился также на колѣни, и императоръ говорилъ ему отвѣтъ шепотомъ на ухо. Вице-канцлеръ передавалъ слова императора въ слухъ послу. Во время чтенія присяги императоръ снималъ шляпу, а потомъ бралъ изъ рукъ обермаршала обнаженную шпагу и давалъ цаловать послу эфесъ. По окончаніи аудіенціи посолъ кланился опять три раза по-испански, при этомъ онъ выходилъ изъ залы по восточному обычаю спиной къ двери и лицемъ къ престолу.

Карлъ страстно любилъ охоту и обыкновенную и соколиную, но и здѣсь строго соблюдался этикетъ. Никто кромѣ членовъ императорской фамиліи и егерей не имѣлъ права стрѣлять или обнажать оружіе. Однажды во время охоты выбѣжалъ изъ лѣса дикій кабанъ и бросился на императора; жизнь его была въ опасности. Два пажа подбѣжали къ нему и выхватили свои кортики, чтобы защитить его. Но, когда опасность миновала, они получили строжайшій выговоръ и были посажены на 14 дней подъ арестъ.

Такимъ образомъ протекала мирно и величаво жизнь Габсбургскихъ императоровъ, почти также какъ описываютъ поэты жизнь Олимпійцевъ. Почти—потому что одно ихъ тревожило. Франція не давала имъ покоя. Франція употребляла всевозможныя средства чтобы ослабить могущество ихъ. Она дѣйствовала посредствомъ войнъ и интригъ, отбила у нихъ богатое испанское наслѣдство, поддерживала протестантскихъ князей въ Германіи и вступала въ союзъ съ католическими. Она старалась отнять у Габсбургскаго дома императорскую корону; она сыпала золото въ Польшѣ, чтобы противодѣйствовать избранію на престолъ Ягеллоновъ приверженца Австріи; она даже вступала въ союзъ съ Турціей и возбуждала ее къ нападеніямъ на христіанскія земли.

Франція наконецъ противилась болѣе всѣхъ державъ Европы осуществленію любимѣйшей мысли императора—Прагматической Санкціи. Эта Прагматическая Санкція есть ключь къ политикѣ Австріи и къ исторіи Европы въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. На всѣхъ многочисленныхъ конгрессахъ того времени, на всѣхъ аудіенціяхъ, во всѣхъ договорахъ и секретныхъ артикулахъ, во всѣхъ газетахъ шла прямо или косвенно рѣчь о Прагматической Санкціи.

Императоръ Карлъ былъ послѣдній мужскій потомокъ Рудольфа Габсбургскаго. Когда онъ вступилъ на престолъ, между его родственниками находились только однѣ женщины, его сестры—дочери императора Леопольда и его двѣ племянницы—дочери императора Іосифа. Карлъ долго ждалъ дѣтей, наконецъ на девятомъ году брачнаго союза у него родился сынъ, но малютка умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ

родилось у него нѣсколько дочерей. Карлъ былъ въ отчаяніи. Онъ соглашался на самыя странныя средства, въ силу которыхъ вѣрилъ 18 вѣкъ, чтобы только выпросить у неба наслѣдника. Между прочимъ услужливые царедворцы разсказали ему, что въ Богеміи существуетъ преданіе, по которому только у короля богемскаго, коронованнаго какъ слѣдуетъ въ Прагѣ можетъ родиться сынъ. И вотъ Карлъ, который уже 13 лѣтъ называлъ себя королемъ богемскимъ отправляется съ своей супругой Елисаветой Брауншвейгской въ Прагу, и вѣнчается тамъ короною Оттокара. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого родился у императрицы ребенокъ, но это была опять дочь.

Тогда императоръ началъ серьозно думать объ томъ, какъ бы упрочить богатое австрійское наслѣдство за старшей своей дочерью, Маріей Терезіей, помимо ея двоюродныхъ сестеръ и тетокъ. Къ этому его побуждало и отцовское чувство и гордость Габсбурга, которому нехотѣлось, чтобы богатыя королевства и земли, собранныя съ такимъ трудомъ въ одно крѣпкое цѣлое, были раздроблены жадностью спорящихъ наслѣдниковъ. Въ этомъ огромномъ колоссѣ, называющимся Австріей, и состоящимъ изъ самыхъ разнородныхъ и враждебныхъ частей, была всегда удивительная живучесть и сила притяженія. Сколько разъ этотъ колоссъ былъ на краю гибели, но всегда онъ выходилъ изъ борьбы въ цѣлости, а иногда и съ увеличеніемъ территоріи. Примѣръ Австріи лучше всего доказываетъ, что образованіе государства обусловливается не одними географическими причинами и народностью, но что тутъ участвуетъ еще третій элементъ, который можно назвать вообще историческимъ, и который иногда сильнѣй географическихъ причинъ и чувства

народности. Къ утвержденію австрійской имперіи наиболѣе способствовали двѣ причины,—могущество Франціи и Турціи. Въ Германіи никогда не было центра политической жизни, подобно Парижу во Франціи и Лондону въ Англіи. Какъ императорская корона переходила отъ одного дома къ другому, такъ мѣнялись и столицы священной Римской Имперіи. Госларъ и Шпейеръ, Прага и Вѣна и много другихъ городовъ могли попеременно гордиться этимъ названіемъ. Въ началѣ политическая и духовная жизнь Германіи сосредоточивалась преимущественно на западѣ въ прирейнскихъ областяхъ, тамъ лежали богатые промышленные города ея. Но, по мѣрѣ того, какъ возвышалась Франція, Германія была принуждена перенести свой центръ на востокъ, къ границамъ славянскихъ племенъ, которыя ей были не опасны. Какой-нибудь изъ восточныхъ городовъ Берлинъ, Дрезденъ или Вѣна должны были сдѣлаться столицей. Близость Италіи и Адріатическаго моря, дружба Габсбурговъ съ папами и выгодные брачные союзы ихъ рѣшили споръ въ пользу Вѣны. И поэтому на отдаленномъ юговостокѣ Германіи образовалось небольшое политическое цѣлое, которому было суждено расти и дорости до могущественной Имперіи. Въ концѣ 14 ст. Турки перешли въ Европу: славянскія государства на Дунаѣ и Венгрія, были слишкомъ неустроены и слабы, чтобы остановить такого врага. Они сдѣлались его добычей. Но не желая подчиниться магометанству они искали для себя точку опоры. Могущество Франціи заставляло жизненныя силы Германіи удаляться на востокъ. Славяне и Венгры, спасаясь отъ Турокъ стремились на западъ,—тамъ гдѣ встрѣтились эти два движенія, долженъ былъ возникнуть центръ могущественнаго

цѣлаго, которое сдѣлалось сборнымъ мѣстомъ христіанъ противъ магометанъ, оплотомъ цивилизаціи противъ восточнаго варварства. И такъ, пока Турція была опасна для Европы, на Австріи лежала священная обязанность бороться за цивилизацію и передъ этимъ почетнымъ призваніемъ умолкали чувства самостоятельности и народной самобытности. Но когда опасность прошла, движеніе къ центру остановилось, и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ австрійской имперіи заиграли самобытныя жизненныя силы.

Еще до рожденія сына императоръ Карлъ издалъ указъ, по которому всѣ австрійскія земли должны были перейти къ его сыну, если такой родится, а если родится дочь, то къ ней. Потомъ этотъ указъ былъ предложенъ на утвержденіе чинамъ отдѣльныхъ земель австрійскихъ, наконецъ когда Карлъ увѣрился, что не найдетъ противорѣчія, были созваны въ 1724 г. депутаты изъ всѣхъ подвластныхъ Габсбургскому дому областей и вышеупомянутый указъ былъ имъ переданъ какъ „вѣчный ненарушимый законъ — Прагматическая Санкція, постановленная императоромъ въ силу самодержавной его власти“.

Потомъ императоръ сталъ заботиться о томъ, чтобы выхлопотать у европейскихъ державъ согласіе на эту Санкцію. Но намъ теперь нужно познакомиться съ людьми, которые стояли во главѣ австрійской дипломатіи.

При Карлѣ VI высшимъ правительственнымъ мѣстомъ Австріи былъ тайный-конференцъ-совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ самъ императоръ. Постоянными членами его были:

Евгеній Принцъ Савойскій, президентъ военнаго совѣта, знаменитаго Гофкригсрата.

Гр. Филиппъ Людвигъ Синцендорфъ Обергофканцлеръ и

Гр. Гундакеръ Штарембергъ министръ финансовъ. Кромѣ того приглашались на засѣданія нѣсколько тайныхъ совѣтниковъ по назначенію императора, обыкновенно не болѣе 6.

Леди Монтегю, жена англійскаго посланника при оттоманской Портѣ, прожившая нѣсколько времени въ Вѣнѣ и оставившая намъ интересное описаніе австрійскаго двора и вѣнскихъ салоновъ, называетъ принца Евгенія Геркулесомъ при дворѣ Омфалы. Это сравненіе очень вѣрно, потому что люди мелочные и завистливые мѣшали принцу вводить полезныя измѣненія какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ государственномъ устройствѣ и вдохнуть въ механизмъ австрійскаго управленія духъ жизни и прогресса, данный въ удѣлъ геніальнымъ людямъ. Евгеній былъ связанъ не женскою любовью, какъ древній Геркулесъ, но ограниченностью и рутиною посредственныхъ людей, совѣтниковъ и любимцевъ императора Карла. Не смотря однако на то, что принцу не давали простору, онъ игралъ важную роль въ австрійскомъ правительствѣ, и Фридрихъ Великій сказалъ объ немъ въ началѣ своихъ мемуаровъ, что императоромъ былъ собственно Евгеній Савойскій. На сколько Евгеній отличался отъ австрійсиихъ генераловъ геніальностью, проницательностью и „глазомѣромъ“; какъ говорилъ Суворовъ, на столько онъ превышалъ австрійскихъ дипломатовъ честностью. Эти дипломаты, которые сдѣлались образцомъ для дипломатовъ другихъ нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ государствъ, отличались въ 18 ст. особенной подкупностью и лживостью. Французскій посланникъ Ришелье и англійскіе безпрестанно жалуются на самыя грубыя выходки въ этомъ родѣ со стороны своихъ австрійскихъ товарищей. Эти дипломаты причиной, почему исторія 18 ст. переполнена трактатами совершенно безполезными, потому что они рѣдко имѣли обязательную силу для договарившихся сторонъ. Архивы завалены кипами ученѣйшихъ и вычурныхъ „рефлекцій, дедукцій и промеморій“, которыми дипломаты никого не убѣждали, но только тѣшили самихъ себя. Принцъ Евгеній велъ себя совершенно иначе въ своихъ дипломатическихъ порученіяхъ. Когда онъ заключалъ съ маршаломъ Виларомъ Раштадтскій миръ, маршалъ писалъ къ министру Торси, что самымъ затруднительнымъ для него дѣломъ было опасеніе не оскорбить при переговорахъ честности Евгенія.

Принца Савойскаго современники называли „благороднымъ рыцаремъ“, и онъ вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Онъ является таковымъ не только на государственномъ поприщѣ, но и въ отношеніяхъ частной жизни. Благороденъ былъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ прекрасной графини Батіяни, женщинѣ достойной любви Евгенія Савойскаго. Венрія многимъ обязана этой подругѣ принца Евгенія. Когда послѣ счастливой войны съ Турціей въ 1717 году, Австрійское правительство вздумало воспользоваться случаемъ, чтобы совершенно уничтожить самостоятельность Венгріи и поставить ее „на богемскую ногу“, графиня была извѣщена объ этомъ коротенькой запиской принца, которой стоялъ съ арміей въ Венгріи. Графиня, урожденная Стратманъ, но считавшая себя по мужу венгеркой, поспѣшила къ своей подругѣ, знаменитой красавицѣ графинѣ Алтганъ, управлявшей сердцемъ императора, и въ тотъ же вечеръ Карлъ

тронутый слезами и умоляющими просьбами двухъ красавицъ, обѣщалъ имъ оставить въ покоѣ Венгрію. Дорожная карета была уже готова; графиня Батіяни скакала два дня и двѣ ночи курьеромъ въ лагерь Евгенія, и привезла его съ собой ко двору. Венгрія была спасена.

Также благороденъ былъ онъ въ отношеніи къ бѣднымъ. Онъ имѣлъ страсть къ постройкамъ и любилъ давать работу бѣднымъ людямъ. Когда въ 1714 году по случаю чумы и дороговизны въ Вѣнѣ почти всѣ отпустили рабочихъ, Евгеній увеличилъ число ихъ до 1500. „Это было бы не по-христіански, сказалъ онъ заставить людей, которые борятся съ смертью, еще бороться съ голодомъ.“

Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ былъ одинаково благороденъ, великодушенъ, независтливъ и незлопамятенъ. Самая свѣтлая личность въ австрійской исторіи того времени — этотъ маленькій, живой, всегда веселый человѣкъ, съ длиннымъ худощавымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, съ карманами, набитыми нюхательнымъ табакомъ и съ маленькими огненными глазами, на которыхъ лежала печать генія.

Графъ Гундакеръ Штарембергъ былъ младшій братъ графа Эрнста, который прославился защитой Вѣны противъ Турокъ. Графъ Гундакеръ былъ типъ австрійскаго барина. Онъ учился въ нѣсколькихъ университетахъ и много путешествовалъ. Его спѣсь не позволяла ему льстить императору, и онъ всегда высказывалъ свое мнѣніе въ сухихъ и краткихъ выраженіяхъ. Онъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей Австріи и одинъ изъ немногихъ безкорыстныхъ и честныхъ слугъ ея государя. Предъ нимъ дрожали всѣ военные коммиссары, поставщики и откупщики, по-крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые обогащались чуднымъ

и непонятнымъ образомъ. Но онъ былъ мраченъ, завистливъ, раздражителенъ, другъ іезуитовъ, и готовъ на гоненія и притѣсненія. Для такой натуры былъ антипатиченъ принцъ Евгеній, и онъ былъ однимъ изъ главныхъ его недоброжелателей и завистниковъ *).

Второй по своему значенію членъ конференцъ-совѣта былъ графъ Филиппъ Людвигъ фонъ Синцендорфъ. Въ молодости его предназначали для духовныхъ должностей, но по смерти своего старшаго брата онъ вступилъ въ военную службу, былъ посланникомъ и наконецъ сдѣлался обергофканцлеромъ. Это былъ типъ придворнаго со всѣми необходимыми свойствами и слабостями. Онъ болѣе всѣхъ министровъ трудился надъ успѣхомъ Прагматической Санкціи, но вообще онъ не любилъ работать. Онъ рѣдко сидѣлъ въ кабинетѣ, а проводилъ время въ салонахъ, въ дамскихъ будуарахъ, за столомъ и за картами. Онъ прославился своимъ гастрономическимъ искусствомъ и сдѣлался предметомъ остротъ Фридриха Великаго. Его роскошь повергла его въ неоплатные долги, и онъ не пренебрегалъ для поправленія своего состоянія обыкновенными средствами дипломатовъ XVIII вѣка. Онъ бралъ и очень много, но къ его оправданію говорятъ, что онъ дѣлился съ императоромъ, который снова употреблялъ эти деньги для подкупа иностранныхъ дипломатовъ. Графъ Синцендорфъ соединялъ съ пріятною наружностью отличные манеры; какъ человѣкъ бывалый и натолкавшійся въ большомъ свѣтѣ, онъ могъ говорить обо всемъ съ самоувѣренностью и съ видомъ знатока, хотя обыкновенно говорилъ не много и принималъ видъ торжественно самодовольный. Онъ былъ необыкновенно тщеславенъ, желалъ прослыть покро-

*) Vehse. Gesch. d. Oest. Adels. VI p. 247.

вителемъ наукъ и поэтому любилъ окружать себя учеными и даже возилъ ихъ съ собой на конгрессы. Но главнымъ совѣтникомъ и источникомъ его мудрости былъ большой французскій словарь Морери: съ этимъ молчаливымъ другомъ онъ совѣтовался всегда передъ тѣмъ, какъ ему нужно было отправляться на совѣтъ министровъ. Счастіе и спокойствіе Синцендорфа зависѣло отъ расположенія духа императора, отъ ласковаго или суроваго взгляда его. По этому никто не освѣдомлялся такъ усердно какъ онъ о снѣ и аппетитѣ императора. Самымъ серьознымъ занятіемъ Синцендорфа было изученіе характера и привычекъ его повелителя. Съ подчиненными онъ былъ грубъ и гордъ, но необыкновенно привѣтливъ съ людьми, въ которыхъ онъ нуждался; въ этомъ отношеніи онъ не зналъ различія въ чинахъ и званіяхъ. Онъ считался другомъ принца Евгенія и принадлежалъ съ нимъ къ антифранцузской партіи, хотя и питалъ большую зависть къ этому великому человѣку.

Намъ нужно еще познакомиться съ статсъ-секретаремъ Бартенштейномъ, ибо мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ съ его скучными и вычурными деклараціями къ польскому примасу.

Бартенштейнъ былъ сынъ реформатскаго пастора въ Страсбургѣ и пріѣхалъ въ Вѣну въ 1714 году, въ качествѣ домашняго наставника. Здѣсь онъ счастливо окончилъ процессъ, порученный ему графомъ Гундакеромъ и сдѣлался его секретаремъ. Графъ Штарембергъ впослѣдствіи не разъ раскаивался въ томъ, что былъ первою причиной возвышенія надменнаго статсъ-секретаря. Бартенштейнъ хорошо игралъ на скрипкѣ и ловко ухаживалъ за дамами. Вѣнскія дамы начали ему покровительствовать. Потомъ онъ принялъ

католическую религію, и это самое очень подвинуло его въ милости вѣнскихъ дамъ и государственныхъ людей Австріи. Синцендорфъ поручалъ ему составлять ученыя *дедукціи* для австрійской дипломатіи. У Бартенштейна была одна способность, которая его дѣлала золотымъ человѣкомъ для дипломатіи и преимущественно для австрійской: онъ умѣлъ писать ученымъ, высокопарнымъ слогомъ, громкими, звучными фразами и безконечными періодами, въ которыхъ нельзя добраться до смысла. Но у него были также и серьозныя способности: удивительная память и трудолюбіе, не боявшееся никакой задачи. Онъ казался великаномъ передъ прочими дипломатами изъ аристократовъ, неумѣвшихъ взяться за перо. Съ тѣхъ поръ какъ Бартенштейнъ сдѣлался статсъ-секретаремъ австрійскія дипломатическія бумаги стали носить на себѣ печать его характера: изложеніе ихъ стало грубо и заносчиво и ими не разъ оскорблялись дипломаты другихъ державъ. Благодаря своему трудолюбію и низкопоклонничеству Бартенштейнъ получилъ неограниченное вліяніе на императора. Вскорѣ его надменность и грубость стали невыносимы и опасны для самыхъ важныхъ сановниковъ. Принцъ Евгеній едва могъ отстоять графа Кенигсека, вице-президента военнаго совѣта, который однажды сказалъ: „его и. в. было бы выгоднѣе слѣдовать въ военныхъ дѣлахъ совѣту своихъ генераловъ, чѣмъ совѣту своихъ секретарей“, и за это подвергся немилости Карла. Общеизвѣстна выходка Бартенштейна противъ герцога Лотарингскаго, жениха Маріи Терезіи: когда герцогу не хотѣлось промѣнять Лотарингіи на Тоскану, чего требовали условія Парижскаго мира, то Бартенштейнъ рѣзко сказалъ ему: Ohne Abtretung keine Erzherzogin, „безъ уступки не будетъ и эрцгерцогини“.

Современники хвалятъ Бартенштейна за его неподкупность; но эта неподкупность состояла только въ томъ, что онъ принималъ подарки иностранныхъ державъ свѣдома своего двора. Послѣ смерти Евгенія, во время несчастной для Австріи турецкой войны, онъ дѣлился съ генералами и поставщиками военныхъ матеріаловъ. Въ своемъ поведеніи онъ раздѣлялъ обыкновенныя недостатки людей, сдѣлавшихъ подобную незаслуженную карьеру: онъ подражалъ въ манерахъ аристократамъ, говорилъ крикливымъ голосомъ, всегда хотѣлъ казаться веселымъ, много смѣялся и старался увѣрить всѣхъ, что онъ на дружеской ногѣ съ первыми людьми имперіи.

Первая держава, согласившаяся признать Прагматическую Санкцію, была Испанія.

Послѣ непродолжительной войны между Испаніей, Франціей, Англіей и Австріей, о которой мы упомянули въ первой главѣ, былъ созванъ конгрессъ въ Камбрэ. Дипломаты съѣзжались 3 года, и собравшись на 4-й, ничего не рѣшили. Мы знаемъ только изъ письма Вольтера къ кардиналу Дюбуа, что нѣмецкіе послы пили постоянно за здоровье своего императора, что изъ испанскихъ пословъ одинъ слушалъ каждый день 2 обѣдни, а другой занимался устройствомъ балета и оперы и что англійскіе послы чаще посылали нарочныхъ въ Шампань, чѣмъ въ Лондонъ. Дипломаты разъѣхались, не порѣшивъ ничего.

Въ это время одинъ ловкій искатель приключеній воспользовался гнѣвомъ испанской королевы на Францію за отсылку инфанты и предложилъ Елисаветѣ Пармской начать сношенія прямо съ Австріей, безъ посредничества Франціи и Англіи. Человѣкъ этотъ— характеристическое лице въ исторіи XVIII вѣка,

столь богатаго подобными личностями. Баронъ Рипперда былъ по рожденію Голландецъ и служилъ сначала при нидерландскомъ посольствѣ въ Мадридѣ; потомъ онъ переселился въ Испанію, сталъ извѣстенъ своими стараніями улучшить суконныя фабрики въ этой странѣ, принялъ католическую вѣру, и обратилъ на себя вниманіе королевы; послѣ успѣшной поѣздки своей въ Вѣну, онъ сдѣлался министромъ; но потомъ впалъ въ немилость, бѣжалъ въ Марокко, сдѣлался министромъ Марокскаго султана и наконецъ умеръ во время попытки учредить новую религію, которая должна была примирить христіанъ съ магометанами— занятіе не менѣе безполезное, чѣмъ его дипломатическое поприще въ Европѣ.

Императоръ согласился передать Донъ-Карлосу, сыну королевы Елисаветы, герцогства Тоскану, Парму и Піаченцу, по смерти ихъ владѣтелей, какъ имперскій ленъ. За это Испанія признала Прагматическую Санкцію. Въ апрѣлѣ 1725 года былъ заключенъ оборонительный союзъ между этими двумя державами. Потомъ Австрія воспользовалась смертью Петра Великаго и своимъ вліяніемъ на совѣтниковъ Екатерины для того, чтобы заключить союзъ съ Россіей въ 1726 году. Это было первымъ шагомъ къ союзу и доброму согласію, такъ долго соединявшимъ Австрію съ Россіей. Англійскій и французскій кабинеты, устрашенные союзомъ Австріи съ Испаніей и Россіей, старались привлечь на свою сторону прусскаго короля Фридриха Вильгельма. Это удалось имъ вполнѣ и они заключили между собой союзъ въ замкѣ Герренгаузенѣ, близъ Ганновера, куда пріѣхалъ изъ Англіи король Георгъ I.

Сближеніе Пруссіи съ Франціей обезпокоило императора и онъ рѣшился употребить всѣ старанія, чтобы отвлечь Пруссію отъ союза съ западными державами и склонить ее къ союзу съ Австріей и Россіей. Съ этою цѣлью онъ отправилъ графа Секендорфа ко двору Фридриха-Вильгельма.

Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ—одна изъ тѣхъ личностей, съ которыми историкъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно. Въ его характерѣ столько неровностей, въ его жизни столько странностей, что его легко можно изобразить въ каррикатурномъ видѣ. Къ этому располагаютъ его деспотическое обращеніе съ семействомъ, собственноручные уроки, какіе онъ давалъ своимъ подданнымъ, его страсть къ рослымъ солдатамъ, наконецъ вечернія засѣданія съ грубыми прусскими генералами въ табачномъ дымѣ, за кружкою пива. Не смотря на все это, Фридрихъ-Вильгельмъ — почтенная личность, и изо всѣхъ государей, которымъ въ то время судьба ввѣрила счастіе народовъ, онъ одинъ только заслуживаетъ уваженіе потомства.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ бережливъ и даже скупъ, по счету отпускалъ королевѣ деньги на хозяйство; но это было въ то время, когда сосѣдъ его Фридрихъ-Августъ вымогалъ у своихъ подданныхъ милліоны на каруселі, охоту и придворныхъ дамъ. У Фридриха-Вильгельма былъ странный взлядъ на народное хозяйство: ему жаль было денегъ, которыя вывозились изъ Пруссіи на покупку рейнскихъ и французскихъ винъ, и онъ насадилъ виноградники на песчаныхъ берегахъ Шпре, гдѣ можетъ рости одинъ только картофель, и заставлялъ своихъ подданныхъ пить національное кислое вино. Чтобы поднять прусскія шерстяныя фа-

брики, онъ запретилъ англійскій ситецъ, и его жандармы срывали на улицѣ ситцевыя платья съ женщинъ и дѣвушекъ. Его подданные представлялись ему въ видѣ мягкаго воска, которому можно придать любую форму. Но вѣдь и гораздо позднѣе его жили государи, просвѣщенные и мудрые, которые однако держались того же взгляда. Фридрихъ-Вильгельмъ имѣлъ отвращеніе отъ науки и недовѣрчиво смотрѣлъ на представителей ея: онъ приказалъ философу Вольфу выѣхать изъ прусскихъ владѣній, въ теченіи двухъ сутокъ, въ противномъ случаѣ грозилъ повѣсить его — и все это только за то, что Вольфъ не поладилъ съ профессорами богословія въ Галльскомъ университетѣ. Преученаго, но всегда пьянаго и отупѣвшаго Гундлинга онъ сдѣлалъ придворнымъ шутомъ, а потомъ назначилъ его предсѣдателемъ Берлинской Академіи Наукъ. Онъ не уважалъ литературы и по восшествіи своемъ на престолъ тотчасъ же прогналъ придворнаго поэта Бессера. Но это было въ то время, когда поэты еще въ стихахъ поздравляли своихъ покровителей съ именинами и Новымъ Годомъ, и когда люди, владѣвшіе перомъ, употребляли его только на то, чтобы превозносить сильныхъ міра сего, выставлять самые обыкновенные поступки ихъ въ свѣтѣ величайшихъ, безсмертныхъ подвиговъ и напыщенными фразами обольщать наивный народъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ очень вспыльчивъ, и въ припадкѣ своей вспыльчивости забывалъ, что жена его—королева Пруссіи, а сынъ—наслѣдникъ престола; но онъ все-таки любилъ свою Фикхенъ (имя жены его было Софья Доротея) и былъ привязанъ къ своему многочисленному семейству. Онъ терпѣть не могъ Французовъ, французскія книги и французское вос-

питаніе; но это было въ то время, когда весь зажиточный классъ въ Германіи читалъ и писалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, а самые мелкіе владѣтели имперіи заводили у себя штаты, по образцу Версальскаго двора.

Какъ британскій король Артуръ прославился пирами за круглымъ столомъ съ своими паладинами, такъ Фридрихъ-Вильгельмъ возбудилъ любопытство свѣта своими табачными засѣданіями. Въ каждомъ изъ его дворцовъ, одна большая комната была особенно отдѣлана для этого на манеръ голландской кухни. Здѣсь каждый вечеръ, кромѣ праздничныхъ дней, собирались около 6 часовъ любимцы короля, все генералы. Они садились за столъ, ставили предъ собой кружку брауншвейгскаго пива, закуривали длинныя трубки и просиживали часто до полуночи въ оживленной бесѣдѣ, а иногда молча, обдумывая свои будущіе геройскіе подвиги. Гундлингъ, или кто-нибудь другой изъ тѣхъ ученыхъ, которые играли при королѣ роль шутовъ, читалъ въ слухъ амстердамскую газету, Times XVIII вѣка, и объяснялъ присутствующимъ, что имъ было непонятно.

Иногда вмѣсто этого, рыцари круглаго стола занимались тѣмъ, что подпаивали своего чтеца, а потомъ тѣшились надъ нимъ, придумывая разныя грубыя шутки. Эти вечернія засѣданія казались очень невинными, но они имѣли важное значеніе для политики того времени. Король былъ упрямъ и не уступалъ чьимъ-либо совѣтамъ и просьбамъ; но по вечерамъ онъ откровенно говорилъ о своихъ намѣреніяхъ и терпѣливо выслушивалъ противорѣчащія мнѣнія своихъ собесѣдниковъ. Хитрый генералъ Грумкау и искусный Секендорфъ пользовались этимъ правомъ,

запутывали короля въ своихъ сѣтяхъ и навязывали ему тѣ мнѣнія, которыя имъ были выгодны. Секендорфъ умѣлъ особенно ловко поддѣлываться къ королю: онъ самъ не курилъ, а Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ симметрію; поэтому Секендорфъ не выпускалъ цѣлый вечеръ холодной трубки изо рта, чавкалъ губами и затягивался съ видимымъ удовольствіемъ.

Самая оригинальная черта въ характерѣ короля была его страсть къ солдатамъ: онъ увеличилъ прусское войско отъ 30,000 до 89,000—огромное число для небогатой Пруссіи. Потомство не должно смѣяться надъ этой страстью, потому что она дала возможность Фридриху Великому снискать безсмертную военную славу; но оно можетъ удивляться тому варварству, съ какимъ король удовлетворялъ эту страсть. Въ то время въ Пруссіи не было опредѣленной системы набора; правительство руководствовалось правиломъ—что чѣмъ больше можно набрать рекрутъ, тѣмъ лучше. Отсюда образовался особенный классъ людей — вербовщики или поставщики рекрутъ. Эти вербовщики ложными обѣщаніями заманивали молодыхъ людей въ прусскую военную службу, часто подпаивая ихъ для того, чтобы вынудить согласіе у безпомощныхъ и потерявшихъ сознаніе, а бывало и такъ, что насильно увозили ихъ. Эти вербовщики истощили не только прусскія провинціи, но и всѣ сосѣднія области, которыя по дружбѣ къ прусскому королю, или изъ страха, допускали эту безчеловѣчную охоту за людьми. Но самыя ужасныя преступленія творились тогда, когда нужно было доставить въ Потсдамъ рослаго солдата, годнаго для „королевскаго полка“. Этотъ полкъ состоялъ изъ великановъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ земли.

Тамъ были Нѣмцы, Венгерцы, Валахи, австрійскіе Славяне, Русскіе, Шотландцы, Ирландцы, даже Французы, до которыхъ король во всемъ остальномъ не былъ охотникъ, и одинъ римскій монахъ. Большая часть великановъ попали въ Потсдамъ совершенно противъ своей воли: они были или похищены вербовщиками, или присланы своими государями въ подарокъ прусскому королю. Такъ Петръ Великій прислалъ своему сосѣду нѣсколькихъ великановъ и въ обмѣнъ пріобрѣлъ опытныхъ кузнецовъ изъ прирейнской области. Скупой Фридрихъ Вильгельмъ не жалѣлъ никакихъ суммъ, если ему представлялся случай купить какого-нибудь молодца. За одного рослаго Ирландца онъ заплатилъ 8,000 талеровъ. Много трогательныхъ и возмутительныхъ разсказовъ сохранилось о томъ, какъ эти несчастные были разлучены съ своими семействами, оторваны отъ мирной и часто обезпеченной жизни, и палкой капраловъ превращены въ прусскихъ гвардейцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы въ подарокъ австрійскими министрами тѣмъ изъ прусскихъ генераловъ, которые „не брали взятокъ“. Къ этимъ разсказамъ о голубой гвардіи мы можемъ прибавить еще одну черту, характеризующую Фридриха Вильгельма. Когда саксонскія и русскія войска преслѣдовали приверженцевъ Станислава Лещинскаго, и самъ король, во второй разъ изгнанный изъ своего королевства, искалъ спасенія въ Пруссіи, то Фридрихъ Вильгельмъ принялъ его къ себѣ; но не желая ссориться съ Россіей и ея союзниками, предписалъ циркуляромъ всѣмъ офицерамъ, командовавшимъ на прусской границѣ, не пропускать приверженцевъ Станислава. Въ одномъ только случаѣ смягчалось сердце короля: онъ позволилъ принимать всякаго, кто привелъ бы съ собой 12 человѣкъ „хорошихъ рекрутъ“.

Этотъ тиранъ и этотъ грубый солдатъ заслуживаетъ уваженіе за двѣ почтенныя стороны, которыя мы находимъ въ немъ. Въ то время глубокаго политическаго униженія всей Германіи, когда нѣмецкіе князья забывали о своемъ отечествѣ, и на вѣсъ золота продавали свои войска иностранцамъ, только одинъ прусскій король не забывалъ изъ-за личныхъ выгодъ объ интересахъ своего отечества. Сердце его сжималось отъ гнѣва, когда онъ слышалъ о безхарактерности и слабости нѣмецкихъ князей, и онъ готовъ былъ жертвовать войсками и деньгами на то, чтобы защитить границы Германіи отъ Французовъ. Еще болѣе почтенна его привязанность къ императору Карлу, въ которомъ онъ чтилъ главу нѣмецкой имперіи. Въ отношеніи къ нему онъ сохранилъ чувства средневѣковаго рыцаря, вѣрность вассала къ своему господину. Съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшилъ онъ въ Богемію на свиданіе съ императоромъ, на свиданіе, отъ котораго Карлъ такъ долго уклонялся; съ какимъ восторгомъ бросился онъ въ его объятія, не обращая вниманія на стѣснительный этикетъ. Еще въ 1733 году, когда онъ уже имѣлъ достаточное основаніе подозрѣвать, что императоръ обманываетъ его ложными обѣщаніями, онъ воскликнулъ: „пусть мои враги дѣлаютъ, что хотятъ, но я не отстану отъ императора; если онъ только не оттолкнетъ меня ногой, то я останусь вѣренъ ему до послѣдней капли крови и до могилы“. Можно понять, какъ сильна была его печаль, когда онъ убѣдился, что австрійская дипломатія тѣшила его призраками въ теченіи 10 лѣтъ и когда онъ воскликнулъ, указывая на своего молодаго сына: „вотъ кто отомститъ за меня“.

У Фридриха-Вильгельма было свое больное мѣсто, у него была своя Прагматическая Санкція; это—Юлихъ-Клевское наслѣдство. Для разъясненія этого запутаннаго вопроса въ XVIII столѣтіи написаны цѣлые томы и исписаны цѣлыя кипы дипломатическихъ бумагъ. Мы должны посвятить ему нѣсколько словъ, потому что въ царствованіе Фридриха-Вильгельма этотъ вопросъ былъ главнымъ рычагомъ дипломатіи въ сношеніяхъ съ Пруссіей.

За нѣсколько лѣтъ до начала Тридцатилѣтней войны умеръ герцогъ Вильгельмъ, которому принадлежали на Рейнѣ богатыя области: Юлихъ, Клеве, Гелдернъ, Бергъ, Маркъ, Равенштейнъ и другія. Такъ какъ онъ былъ послѣднимъ потомкомъ своего дома, то онъ оставилъ завѣщаніе, по которому всѣ эти земли должны были перейти нераздѣльно къ его старшей дочери и къ ея потомству. Старшая дочь его была въ замужствѣ за герцогомъ прусскимъ; отъ этого брака родилась опять дочь, которая вышла замужъ за курфирста Бранденбургскаго, Іоанна Сигизмунда, предка Фридриха В. Жена курфирста была такимъ образомъ законной наслѣдницей юлихскаго герцога. Но вторая дочь этого горцога была замужемъ за пфалцграфомъ нейбургскимъ и сынъ ея Волфгангъ объявилъ свои притязанія на наслѣдство дѣда, на томъ основаніи, что мужскіе наслѣдники должны имѣть преимущество передъ женскими. Оба наслѣдника завладѣли въ одно время наслѣдствомъ: курфирстъ землями, лежавшими на правомъ берегу Рейна, а пфалцграфъ—землями на лѣвомъ берегу, Юлихомъ и Бергомъ. Но были еще другіе князья, которые также изъявили свои притязанія; изъ нихъ важенъ для насъ курфирстъ саксонскій, который основывалъ свои права на старомъ завѣщаніи, изданномъ однимъ изъ предковъ послѣдняго герцога. Отъ императора зависѣло рѣшить споръ; его совѣтники, іезуиты, не желая, чтобы спорныя области достались лютеранину, совѣтовали ему протянуть дѣло, поссорить наслѣдниковъ, и завладѣть наслѣдствомъ для Австріи. Но Тридцатилѣтняя война помѣшала Габсбургамъ исполнить свое намѣреніе.

Пфалцграфъ принялъ католическую вѣру, породнился съ Баваріей и сталъ подъ покровительство католическихъ князей. Его нельзя было удалить; но и право курфирста было такъ очевидно, что и его нельзя было исключить изъ наслѣдс тва. Вестфальскій миръ оставилъ дѣло не вполнѣ рѣшеннымъ: онъ утвердилъ за каждой стороной тѣ области, которыми она завладѣла. Но Пруссія не забыла о своихъ притязаніяхъ на Юлихъ и Бергъ. Великій курфирстъ заключилъ въ 1666 году съ нейбургскимъ домомъ наслѣдственный договоръ (Erbvertrag), въ которомъ было постановлено, что по прекращеніи нейбургскаго дома, все наслѣдство герцога Вильгельма должно перейти къ Пруссіи, а въ случаѣ прекращенія линіи Гогенцоллерновъ, пфалцграфы получили бы прусскій участокъ. Въ разсчетъ слѣдовало принимать, какъ было сказано въ договорѣ, только прямыхъ потомковъ договорившихся сторонъ, но не боковыя линіи. Во время Фридриха-Вильгельма счастіе склонилось на сторону Пруссіи; послѣдній пфалцграфъ нейбургскій доживалъ свои дни и Пруссія съ нетерпѣніемъ ждала наслѣдства. Но родственники нейбургскаго дома, графы зульцбахскіе думали получить вмѣстѣ съ нейбургскимъ наслѣдствомъ и герцогства Юлихъ и Бергъ. Фридриху-Вильгельму хотѣлось заблаговременно устроить это дѣло. Онъ потому только и принялъ уча-

стіе въ Герренгаузенскомъ союзѣ, что Англія и Франція обезпечивали ему наслѣдство въ Юлихѣ. Однако все зависѣло отъ императора: если бы онъ согласился предоставить прусскому королю тѣ же самыя выгоды, какія предоставляли ему Англія и Франція, то послѣдній охотно промѣнялъ бы французскій союзъ на австрійскій. Съ этого времени Юлихскій вопросъ сдѣлался ловушкой, которую австрійскіе дипломаты ставили прусскому королю. Чтобы поймать Фридриха Вильгельма въ эту ловушку, въ Берлинъ былъ посланъ Секендорфъ, который съумѣлъ такъ понравиться королю, что сдѣлался его другомъ и необходимымъ для него человѣкомъ. Секендорфъ нашелъ въ Берлинѣ могущественную враждебную партію, во главѣ которой стояла сама королева, англійская принцесса. Главнымъ помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Ильгенъ, тотъ самый, которому принадлежитъ первая мысль раздѣла Польши. Черезъ него прусскій дворъ предложилъ въ 1710 г. польскому королю Августу II присоединить западную Пруссію къ Восточной, уступить Бѣлоруссію Петру, а изъ остальныхъ областей польскихъ образовать наслѣдственное королевство для саксонскаго дома. Но Секендорфъ смѣло вступилъ въ соперничество съ королевой и ея партіей и съумѣлъ вскорѣ привлечь на свою сторону, того человѣка, который имѣлъ особенное вліяніе на короля. Это былъ генералъ и военный министръ Грумкау. Сила его заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ чрезвычайно ловко приноравливаться къ характеру короля: онъ терпѣливо сносилъ его вспыльчивость, а когда король успокоивался, то Грумкау заставлялъ его дѣлать что ему было угодно. Однажды король въ своей табачнѣ по-

спорилъ съ Секендорфомъ и задѣлъ его за живое. Осторожный посолъ забылся и началъ рѣзко противорѣчить. Король разгорячился и споръ пошелъ все громче и громче. Вдругъ Грумкау вынимаетъ изъ кармана волчекъ и пускаетъ его по столу; со стола полетѣли стаканы и кружки и стукъ ихъ заглушилъ споривших. Разсерженный король съ неудовольствіемъ спросилъ генерала, что это значитъ. „Я купилъ этотъ волчекъ сегодня для младшаго сына вашего величества и хотѣлъ посмотрѣть, годится ли онъ“. А между тѣмъ прошелъ гнѣвъ короля; австрійскій посолъ понялъ намекъ и сталъ осторожнѣе. Грумкау былъ большій гастрономъ и Фридрихъ-Вильгельмъ назначалъ ему особый годовый окладъ, за что военный министръ долженъ былъ угощать всѣхъ иностранныхъ принцевъ и пословъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ. Самъ король, который дома не много тратилъ на обѣдъ, любилъ попировать у своего генерала. Но особенно извѣстенъ сдѣлался Грумкау своей необыкновенной силой, съ которой онъ могъ устоять противъ самой ужасной попойки; въ этомъ отношеніи съ нимъ могъ сравниться только одинъ человѣкъ въ мірѣ — Августъ II король польскій. Современники поэтому прозвали Грумкова Биберіемъ. Не смотря на то, что Биберій получалъ гораздо болѣе жалованія, чѣмъ прочіе прусскіе министры, онъ всегда нуждался въ деньгахъ, и поэтому охотно соглашался брать пенсіи съ иностранныхъ державъ, сначала съ Англіи, потомъ съ Австріи. Секендорфъ выхлопоталъ ему ежегодную пенсію въ 1,000 червонцевъ, кромѣ другихъ „дусёровъ“, въ 1730 г. Грумкау получилъ за разъ 40,000 гульденовъ за то, что разстроилъ бракъ кронпринца Фридриха съ англійской принцессой.

Съ помощью подкупленнаго Грумкова, Секендорфъ успѣлъ совершенно измѣнить политику прусскаго короля. Въ 1725 году онъ вступилъ въ союзъ съ Франціей и Англіей — союзъ враждебный Австріи, а въ слѣдующемъ году согласился въ Вустергаузенѣ на союзъ съ Австріей. Императоръ обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы въ теченіи 6 мѣсяцевъ кончить Юлихское дѣло въ пользу Пруссіи, и убѣдить зульцбахскихъ графовъ и саксонскаго курфирста отказаться отъ своихъ притязаній на спорное наслѣдство. Но въ тоже время императоръ обѣщалъ графамъ нейбургскимъ и зульцбахскимъ держать ихъ сторону и воспрепятствовать Пруссіи въ пріобрѣтеніи Юлиха.

Прошло 6 мѣсяцевъ и Фридрихъ-Вильгельмъ началъ сомнѣваться въ искренности императора. Но хитрая дипломатія вѣнскаго двора умѣла удерживать его въ союзѣ съ Австріей, лаская его постоянно надеждой, что императоръ наконецъ открыто прійметъ его сторону. Вскорѣ послѣ этого умеръ министръ иностранныхъ дѣлъ, Ильгенъ, главный приверженецъ англійскаго союза, а потомъ впалъ въ немилость и зять его, Книпгаузенъ. Съ 1730 г. иностранными сношеніями въ Пруссіи завѣдывали три кабинетъ-министра: Боркъ, Подевилсъ и Тулемейеръ.

Первый происходилъ изъ богатаго рода, помѣстья котораго лежали въ Померапіи. Онъ былъ честнѣе другихъ министровъ XVIII вѣка, и принадлежалъ къ тѣмъ прусскимъ министрамъ, которые не принимали денежныхъ подарковъ, но благосклонность которыхъ можно было снискать присылкою рослыхъ солдатъ. Боркъ держался политики Ильгена, но не могъ соперничать въ ловкости и хитрости съ Грумковымъ и Секендорфомъ.

Подевилсъ, бывшій посланникомъ въ Коппенгагенѣ и Стокгольмѣ держалъ сторону Грумкова.

Тулемейеръ самый дѣятельный изъ трехъ министровъ былъ племянникъ Ильгена и подобно ему мѣщанскаго происхожденія. Въ школѣ своего дяди онъ сдѣлался ловкимъ дѣльцомъ, и кромѣ того отличался обширною памятью, которая была необходима для дипломатовъ XVIII вѣка, потому что только дипломатъ, одаренный необыкновенной памятью могъ запомнить разнообразные и противорѣчащіе другъ другу трактаты, которые онъ заключалъ.

Бракъ Людовика XV и Маріи Лещинской имѣлъ важное значеніе и для русскаго правительства. Станиславъ Лещинскій былъ возведенъ на престолъ Карломъ XII, врагомъ Россіи, и изгнанъ изъ Польши съ помощью русскихъ войскъ. Правда, Петръ Великій однажды, въ минуту гнѣва на короля Августа, вступилъ съ Швеціей въ переговоры о томъ, чтобы для успокоенія Польши снова возвести на престолъ Лещинскаго русскими и шведскими войсками *). Но этотъ планъ не могъ состояться. Для Россіи было необходимо имѣть на польскомъ престолѣ короля, расположеннаго къ ней и враждебнаго къ Швеціи; въ противномъ случаѣ легко могъ возникнуть опасный для Россіи союзъ трехъ ея сосѣдей Польши, Турціи и Швеціи.

Была еще другая причина, почему Россіи было необходимо, чтобы польскій король зависѣлъ отъ нея или былъ обязанъ ей своимъ воцареніемъ. Этого требовали дѣла курляндскія. По распаденіи Ливонскаго ордена, Курляндія досталась послѣднему магистру

*) Förster August II p. 206. Во время Аландскихъ переговоровъ.

ордена, Готгарду Кетлеру, какъ наслѣдственное герцогство съ зависимостью отъ Польши. Въ началѣ XVIII вѣка, молодой герцогъ курляндскій женился на племянницѣ Петра, Аннѣ Іоанновнѣ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Наслѣдникомъ былъ старый и бездѣтный дядя его, герцогъ Фердинандъ, который поссорился съ курляндскимъ дворянствомъ и жилъ въ Данцигѣ. Курляндцы стали думать о назначеніи ему наслѣдника. Еще въ 1718 году король прусскій предложилъ, во время Аландскихъ переговоровъ, женить принца Брауншвейг-шведтскаго на Аннѣ Іоанновнѣ и сдѣлать его герцогомъ курляндскимъ. Петръ согласился, конвенція была подписана; но Августъ II не хотѣлъ слышать объ этомъ. Поляки желали воспользоваться прекращеніемъ Кетлерова дома и, основываясь на договорѣ, заключенномъ съ Готгардомъ Кетлеромъ, имѣли намѣреніе превратить Курляндію въ польскую провинцію, разбить ее на воеводства и поставить дворянство ея на одну ногу съ польскимъ шляхетствомъ. Въ 1725 вѣнскій дворъ предложилъ дать герцогу голштинскому, женатому на дочери Петра, Курляндію, Лифляндію и Эстляндію *)(въ замѣнъ Шлезвига и Голштиніи). Этотъ планъ былъ такъ невыгоденъ для Россіи, что о немъ нельзя было и разсуждать. Кромѣ того, полновластный правитель Россіи, князь Меншиковъ, самъ имѣлъ намѣреніе сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ. Между тѣмъ въ 1726 году сеймъ курляндскаго дворянства избралъ въ герцоги красиваго и храбраго графа Морица саксонскаго, сына Августа II и графини Кенигсмаркъ, прославившагося впослѣдствіи во французской службѣ. Но

*) Richter. Gesch. d. D. Ostseepr. Th. II. B. III. p. 115.

польскій сеймъ въ Гроднѣ. заставилъ короля Августа произнести опалу надъ Морицемъ и надъ мятежными Курляндцами. Сами постановленія польскаго сейма были бы не опасны для Морица; но Меншиковъ осадилъ его русскими войсками въ его собственномъ дворцѣ, и не смотря на храбрую защиту, на преданность актрисы Адріенъ Лекуврёръ, которая заложила свои брилліанты и прислала Морицу 40,000 франковъ,—не смотря на заступничество Анны Іоанновны, которой нравился отважный графъ, Морицъ долженъ былъ оставить Курляндію. Когда по смерти Екатерины I Меншиковъ получилъ еще большее значеніе, Морицъ потерялъ всякую надежду добыть себѣ герцогскую корону. Послѣ паденія Меншикова, Долгорукіе, управлявшіе Россіей, были слишкомъ заняты своими дѣлами и потеряли изъ виду Курляндію. Дѣло осталось нерѣшеннымъ, и вопросъ, какое вліяніе получитъ перевѣсъ въ Курляндіи, русское или польское, зависѣлъ теперь отъ избранія новаго польскаго короля.

Вотъ въ какомъ положеніи находились три державы, граничившія съ Польшей; вотъ три вопроса, особенно ихъ интересовавшіе и опредѣлявшіе точку зрѣнія, съ какой они смотрѣли на польскія дѣла: Прагматическая Санкція, Юлихское наслѣдство и судьба Курляндіи.

Осторожная Австрія встревожилась первая и стала думать о назначеніи преемника Августу II. Самое простое было бы избрать на престолъ его сына, кронпринца саксонскаго, который былъ женатъ на племянницѣ императора Карла VI, дочери умершаго императора Іосифа. Но это и послужило для него препятствіемъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ Карла. Хотя

эрцгерцогиня Марія Іозефа, выходя въ 1719 г. замужъ за саксонскаго принца, формальнымъ договоромъ и отказалась отъ своихъ правъ на австрійское наслѣдство; однако Карлъ продолжалъ тревожиться. И дѣйствительно, когда была обнародована Прагматическая Санкція, Августъ II и сынъ его не только не спѣшили признать ее, но и старались удержать прочихъ государей отъ этого признанія. Поэтому Австрія никакъ не могла согласиться на воцареніе Августа въ Польшѣ. Она готова была жертвовать войсками и деньгами, чтобы воспрепятствовать ему, и обратилась къ своей вѣрной союзницѣ Россіи.

Хотя недавно заключенный союзъ между Австріей и Россіей вовсе не соотвѣтствовалъ интересамъ второй изъ этихъ державъ, однако Австрія съумѣла расположить къ себѣ могущественнаго Меншикова и союзъ былъ заключенъ. Россія гарантировала Прагматическую Санкцію и обѣщала прислать императору вспомогательное войско въ 30,000, на случай войны. Съ своей стороны, императоръ гарантировалъ Россіи всѣ принадлежавшія ей области и провинціи; гарантія эта въ то время была совершенно излишня. Но побудительныя причины къ этому союзу нужно искать не въ этихъ обѣщаніяхъ императора, а въ тайныхъ бесѣдахъ между австрійскимъ посломъ и княземъ Меншиковымъ *).

1-го февраля 1727 года пріѣхалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ на конференцію австрійскій чрезвычайный посолъ графъ Рабутинъ. Онъ изложилъ русскимъ министрамъ планы своего двора и просилъ содѣйствія императрицы. Карлъ VI объявлялъ русскому двору,

*) Herrmann: Gesch. d. Russ. St. 4. p. 491.

чрезъ своего посла, что онъ не желаетъ видѣть на польскомъ престолѣ ни Станислава Лещинскаго, ни сына Августа II, а хочетъ видѣть кого-нибудь изъ польскихъ вельможъ, или какъ тогда говорили, кого-нибудь изъ Пястовъ. На вопросъ же Верховнаго Совѣта: „Кого же именно изъ польскихъ вельможъ императоръ желалъ бы видѣть на престолѣ“? графъ Рабутинъ отвѣчалъ уклончиво, объявивъ, что Карлъ VI желаетъ во всемъ дѣйствовать съ согласія императрицы, и предоставляетъ Россіи выставить удобнаго кандидата. Онъ сказалъ далѣе, что по мнѣнію императора слѣдовало бы выбрать Пяста не отъ кого независящаго, и что пока нужно все это дѣло держать въ глубокой тайнѣ.

27-го февраля, въ Верховномъ Совѣтѣ разсуждали о томъ, какой отвѣтъ дать графу Рабутину и 3-го марта сообщили ему на словахъ слѣдующее: „Императрица русская благодаритъ императора за довѣріе и объявляетъ, что не имѣетъ въ виду особеннаго кандидата и предоставляетъ выборъ самому императору; если же она признаетъ кого-нибудь достойнымъ этого престола, то сообщитъ о своемъ желаніи императору съ полной откровенностью.“

Смерть императрицы Екатерины и борьба партій при дворѣ юнаго Петра II на время остановили переговоры. Между тѣмъ, въ 1728 году Августъ II, который велъ весьма неумѣренную жизнь опасно заболѣлъ. Вездѣ стали говорить о его смерти и о назначеніи ему преемника. Французскій министръ Шовеленъ высказалъ русскому послу графу Головкину, что по мнѣнію французскаго двора самый удобный кандидатъ—Станиславъ Лещинскій, и что хотя Франція не станетъ приносить особенныхъ жертвъ для

возведенія его на престолъ, однако избраніе его было бы весьма пріятно французскому королю. Это встревожило русскій дворъ, который, воспользовавшись пріѣздомъ Августа II въ Польшу для открытія сейма, отправилъ туда посломъ князя Сергѣя Долгорукаго. Ему было поручено между прочимъ вывѣдать у польскихъ магнатовъ, кого они прочатъ въ преемники Августу, и внушить имъ, что лучше всего было бы избрать Поляка, но ни въ какомъ случаѣ Лещинскаго. Въ то же время русскій дворъ поручилъ своему послу въ Вѣнѣ, Ланчинскому, напомнить австрійскому двору о предложеніи графа Рабутина и объяснить ему, что въ интересахъ обѣихъ державъ слѣдуетъ заранѣе условиться на счетъ кандидата, чтобы никто не могъ ихъ предупредить. Поэтому русскій дворъ просилъ императора назначить кандидата и отправить въ Польшу чрезвычайнаго посла, который бы могъ дѣйствовать заодно съ Долгорукимъ.

Принцъ Евгеній отвѣчалъ Ланчинскому на его докладъ, что австрійскій дворъ поспѣшитъ исполнить требованія русскаго кабинета и отправитъ полномочнаго министра въ Польшу. Но Австрія никогда не любила спѣшить и рѣшительныя дѣйствія всегда откладывала до послѣдней минуты. Притомъ въ интересѣ ея было только устранить Лещинскаго отъ польскаго престола, а явнымъ покровительствомъ одному кандидату ей не хотѣлось навлечь на себя ненависть другихъ. Она медлила отправкой чрезвычайнаго посла. Между тѣмъ въ Варшаву пріѣхалъ шведскій посолъ, чтобы привести къ окончанію мирный трактатъ между Швеціей и Польшей. До русскаго правительства дошли слухи, что послу поручено хлопотать въ пользу Лещинскаго. Русскій дворъ въ своихъ

инструкціяхъ къ Ланчинскому сталъ настойчивѣе требовать отправки австрійскаго посла, который бы могъ съ помощью русскаго посла дѣйствовать противъ шведскихъ интригъ. Наконецъ, лѣтомъ 1729 года Карлъ отправилъ въ Польшу генерала графа Вилчка, а Синцендорфъ, на конференціи съ Ланчинскимъ, даже намекнулъ на кандидата, котораго Австрія хотѣла бы поддерживать; онъ объявилъ русскому послу, что нѣкоторые польскіе магнаты высказали будто бы склонность къ португальскому инфанту Дону-Еммануилу, и тутъ же прибавилъ Ланчинскому, что необходимо пригласить прусскій дворъ къ русско—австрійскому союзу. На это Ланчинскій возразилъ ему, что по слухамъ прусскій король обѣщалъ Августу II поддерживать его сына, и что онъ намѣренъ пригласить къ тому же и Австрію, но Синцендорфъ и Евгеній увѣрили посла, что этотъ слухъ невѣренъ. Они говорили правду. Австрія только что заключила новый договоръ съ Пруссіей, такъ-называемый „Тайный Берлинскій Трактатъ“, въ подтвержденіе Вустергаузенскаго договора *). Пруссія снова принимала на себя гарантію Прагматической Санкціи, Карлъ VI снова въ неясныхъ выраженіяхъ обѣщалъ Пруссіи свое содѣйствіе въ Юлихскомъ дѣлѣ; въ 4-й статьѣ этого договора, императоръ приглашалъ Пруссію пристать къ русско-австрійскому союзу и обѣщалъ сообщать королю о всѣхъ намѣреніяхъ союзныхъ державъ относительно Польши.

Смерть Петра и волненія, вызванныя попыткой верховниковъ ограничить самодержавіе, прервали переговоры. Но 30-го сентября 1730 года князь Сергѣй

*) Этотъ трактатъ былъ напечатанъ въ первый разъ у Ферстера. Фр. В. П. р. 215.

Голицынъ заключилъ въ Берлинѣ съ Пруссіей союзный трактатъ, въ которомъ былъ „секретный артикулъ“, относившійся къ польскимъ дѣламъ. Лещинскій и кронпринцъ саксонскій исключались изъ числа кандидатовъ на польскій престолъ, хотя и не были поименованы. Россія и Пруссія обязывались охранять вольность и права Рѣчи Посполитой и допустить къ ея престолу только такого короля, который бы не былъ опасенъ сосѣдямъ и не разрывалъ съ ними дружбы. Въ то же время они обязывались не допускать, ни отреченія Августа II, въ пользу кого бы то ни было, ни новаго избранія при его жизни.

Осенью того же года, австрійскій дворъ, успѣвшій пріобрѣсти расположеніе могущественнаго Бирона дарованіемъ ему титула Рейхсграфа и подаркомъ 300,000 гульденовъ для покупки замка и имѣнія Вартенбергъ въ Силезіи*), возобновилъ переговоры о польскихъ дѣлахъ. Императоръ поручилъ своему послу при петербургскомъ дворѣ графу Вратиславу хлопотать о заключеніи конвенціи между Россіей, Австріей и Пруссіей. До того времени существовали только трактаты между Россіей и Австріей, Россіей и Пруссіей, Пруссіей и Австріей, но не было еще формальнаго общаго договора между этими тремя державами. Австрійскій дворъ на этотъ разъ уже яснѣе высказалъ слѣдующія основанія, которыми онъ хотѣлъ руководствоваться при избраніи новаго короля: 1) непремѣнно устранить отъ престола Станислава; 2) имѣть въ виду саксонскаго принца только въ случаѣ, если онъ согласится на требованія союзниковъ; 3) предложить въ кандидаты кого-нибудь изъ Пястовъ; 4 принца *кадета*, т. е. младшаго

*) См. въ Приложеніи № II рескриптъ императора къ резиденту Гохгольцеру.

сына какого-нибудь нѣмецкаго князя имѣть въ виду только въ томъ случаѣ, если нельзя будетъ остановиться на Пястѣ, и если покровительство оказанное чужестранцу не заставитъ польскихъ вельможъ принять сторону Станислава.

Вратиславъ подалъ русскимъ министрамъ проектъ конвенціи, и 2-го января 1731 года воспослѣдовала, какъ говорилось на дипломатическомъ языкѣ того времени, „аппробація“. Въ этой конвенціи были подтверждены существовавшія между Россіей и Австріей соглашенія, которыя должны были остаться въ полной силѣ, хотя бы Пруссія и не присоединилась къ союзникамъ. Наконецъ, чтобы привести въ большую ясность намѣренія союзныхъ державъ, русскій кабинетъ отправилъ въ Берлинъ и Вѣну, въ званіи полномочнаго министра, генералъ-поручика графа Карла Густава Левенвольда.

Левенвольду было поручено употребить всѣ старанія, чтобы убѣдить Фридриха-Вильгельма дать свое согласіе на всѣ мѣры, предпринятыя Россіей и Австріей въ польскихъ дѣлахъ. Ему было поручено напомнить королю, съ какой заботливостью русскій кабинетъ увѣдомилъ короля о тайномъ намѣреніи Августа II напасть на прусскія владѣнія вооруженной силой, чтобы отомстить за безчинства прусскихъ вербовщиковъ на польскихъ границахъ. Левенвольду было дано еще другое средство—дѣйствовать на слабую сторону короля и вынудить у него согласіе на союзъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ давно уже смотрѣлъ съ скорбнымъ чувствомъ на Курляндію, которая у него была подъ рукой, безъ настоящаго господина. Эта осиротѣвшая и разстроенная область, казалось, такъ и просилась подъ руку строгаго, но справедливаго сосѣда.

Однако о пріобрѣтеніи ея нельзя было и думать: сосѣдство Россіи въ этомъ случаѣ давало себя чувствовать слишкомъ сильно. Фридриху-Вильгельму хотѣлось по крайней мѣрѣ возвести на курляндскій престолъ одного изъ своихъ младшихъ сыновей и онъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе чрезъ своего посла Мардефельда въ Петербургѣ. Прусскій король зналъ главную пружину русской политики того времени *) и не смотря на свою скупость, въ собственноручномъ письмѣ обѣщалъ Бирону 200,000 талеровъ, если онъ доставитъ сыну его Курляндію. Биронъ, можетъ быть, уже самъ мечталъ въ это время о герцогской коронѣ въ Курляндіи, но не смотря на это онъ поручилъ Левенвольду обнадежить короля, „что Е. И. В—у ничто пріятнѣе не будетъ, какъ чтобъ при будущей вакансіи маркграфъ Карлъ тамъ въ герцоги избранъ и во владѣніе того герцогства приведенъ быть могъ“.

Левенвольдъ выѣхалъ изъ Петербурга въ іюлѣ, а возвратился только въ январѣ 1732 года; посольство его не было особенно успѣшно. Австрійскій дворъ все еще не высказывалъ опредѣленнаго намѣренія и не назначалъ кандидата, а прусскій кабинетъ медлилъ формально приступить къ австро-русскому союзу. О переговорахъ Левенвольда въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ ничего не извѣстно, потому что онъ боялся доносить о нихъ въ своихъ реляціяхъ и ссылался только на устный докладъ.

Прошло болѣе полугода. Силы Августа II слабѣли, а неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ не уменьшалось; вѣроятность, что онъ проживетъ не

*) О письмѣ короля см. въ Приложеніи № 1. Письмо, напечатанное нами въ Прил. написано впрочемъ во время второй поѣздки Левенвольда въ Берлинъ.

долго, становилась все очевиднѣе. Наконецъ, австрійскій кабинетъ рѣшился на смѣлый шагъ: онъ отправилъ къ своему послу въ Варшавѣ опредѣленную инструкцію и сообщилъ ее русскому двору.

Графъ Вильчекъ получилъ приказаніе:

Стараться объ исключеніи Станислава, и для этого пользоваться враждой между домами Чарторижскихъ (приверженцевъ Августа II) и Потоцкихъ (къ которымъ принадлежалъ Ѳеодоръ Потоцкій, архіепископъ Гнезненскій, и Примасъ польскаго королевства).

Объ исключеніи кронпринца саксонскаго не говорить слишкомъ явно, чтобы не подвигнуть Августа на сближеніе съ Франціей и Баваріей (врагами Австріи).

Стараться объ избраніи инфанта португальскаго; но употреблять при этомъ только убѣжденія, а не угрозы.

Что касается до польскихъ кандидатовъ, то „можно остановиться на одномъ изъ братьевъ Вишневецкихъ“.

„Но и князь Сангушко и Мнишекъ не противны австрійскому двору“. Изъ Чарторижскихъ (принадлежавшихъ къ французской и саксонской партіи) никого не допускать, съ Потоцкими дѣйствовать осторожно

Послу присылаются на польскія дѣла 36,000 червонцевъ, но при этомъ поручается издерживать ихъ съ осторожностью.

Войска приготовляются на границѣ. Если будутъ спрашивать, зачѣмъ они собраны, то отвѣчать: для защиты вольнаго избранія.

Послу поручается дѣйствовать во всемъ съ согласія русскаго посла въ Варшавѣ, каммергера Фридриха Казиміра Левенвольда.

Примасу посылается остальная пенсія, съ обѣщаніемъ большаго награжденія, если онъ будетъ содѣй-

ствовать при избраніи короля намѣреніямъ союзниковъ.

Сангушку обнадежить скорѣйшимъ и справедливымъ окончаніемъ его претензій на земли, лежащія въ Венгріи.

Пользоваться вакантными должностями въ Польшѣ, чтобы обѣщаніемъ ихъ увеличить число приверженцевъ инфанта или другаго кандидата.

Австрійскій дворъ будетъ стараться склонить Англію и Папу къ устраненію Станислава отъ польскаго престола.

Въ ноябрѣ графъ Вратиславъ подалъ русскимъ министрамъ промеморію, въ которой настаивалъ на новомъ соглашеніи между союзниками, болѣе подробномъ и опредѣленномъ.

Въ декабрѣ онъ получилъ отвѣтъ. Русскій дворъ соглашался въ необходимости опредѣлить точнѣе намѣренія союзниковъ и средства, которыми они должны пользоваться Но русскій дворъ затруднялся въ выборѣ кандидата. Австрія поставила на первый планъ Эммануила, инфанта португальскаго. Но инфантъ не нравился русскому кабинету (впослѣдствіи мы увидимъ—почему). Русскіе министры предлагали избрать Пяста, полезнаго всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ, а если такой не найдется то общими силами стараться о возведеніи на королевскій престолъ кого-нибудь изъ иностранныхъ принцевъ.

Чтобы окончить это дѣло и сдѣлать еще одну попытку пригласить прусскаго короля къ союзу, былъ еще разъ отправленъ за границу графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, получившій въ это время званіе оберштальмейстера.

На этотъ разъ трактатъ былъ заключенъ. Онъ состоялъ изъ 9 „артикуловъ секретныхъ“ и 2 „артикуловъ сепаратныхъ и секретныхъ“. По обычаю XVIII вѣка, самое главное содержалось въ прибавленіи или въ артикулахъ сепаратныхъ. Вотъ содержаніе этого трактата:

1) Союзники обязуются употреблять всѣ средства, допускаемыя польской конституціей, чтобы во время избранія былъ предложенъ кандидатъ, способный сохранять покой и доброе согласіе съ сосѣдними державами; ибо опытъ доказалъ, что французская партія въ Польшѣ возбуждаетъ безпрестанныя безпокойства цесарскому и королевскому прусскому Величеству, а также своими интригами въ Константинополѣ противъ Россіи, вводитъ эту державу въ тяжкія издивенія.

2) Такъ какъ въ Польшѣ легко можетъ составиться партія, которая станетъ поддерживать Станислава и возбуждать къ дѣйствіямъ, беззаконнымъ и противнымъ постановленіямъ Рѣчи Посполитой, то союзники обязуются поставить на польскихъ границахъ армію во время избранія, не для того, чтобы производить это избраніе вооруженной силой, но чтобы охранять польскую вольность отъ всякаго чужестраннаго стѣсненія.

3) Его Римско-Цесарское Величество выставитъ кавалерійскій корпусъ въ 4000 и одинъ гусарскій полкъ; Ея И. В. Всероссійское — 6000 конницы и 14000 пѣхоты; Его К. В. Прусское—12 баталіоновъ и 20 эскадроновъ въ полномъ комплектѣ; войска должны быть разставлены на границѣ такимъ образомъ, чтобъ всѣ три арміи могли соединиться въ теченіи 4 недѣль.

4) Союзныя державы обязуются увеличить это число, если оно окажется недостаточнымъ, а въ случаѣ нужды дѣйствовать со всей вооруженной силой,

и не оставлять оружія, пока это намѣреніе, клонящееся къ пользѣ и безопасности Рѣчи Посполитой, не будетъ исполнено. И если между тѣмъ какая нибудь посторонняя держава сдѣлаетъ нападеніе на одну изъ высокодоговаривающихся сторонъ, то прочія должны помогать ей до тѣхъ поръ, пока не возстановятся спокойствіе и всеобщая безопасность.

5) Кромѣ того, союзники соглашаются между собой, чтобы герцогство Курляндское, по смерти герцога, не было присоединено къ польскому королевству и раздѣлено на воеводства, а сохранило бы нынѣшнюю форму правленія, подъ властью особеннаго герцога, какъ она установлена съ давнихъ поръ.

6) Поэтому союзники гарантируютъ курляндскому дворянству всѣ привилегіи и между ними право, по прекращеніи нынѣшняго княжескаго дома, избрать новаго герцога.

7) Союзники обязуются наблюдать за тѣмъ, чтобы новый герцогъ, кто бы онъ ни былъ, отказался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ владѣнія другими землями, такъ что если бы эти земли достались ему, и онъ захотѣлъ бы принять ихъ, то долженъ былъ бы отказаться за себя и за свое потомство отъ Курляндіи, ибо главное намѣреніе договаривающихся державъ состоитъ въ томъ, чтобы это герцогство имѣло на вѣчныя времена своего особеннаго князя.

8) Новоизбранный герцогъ, до вступленія своего, долженъ подтвердить привилегіи шляхетства и возвратить ему всѣ тѣ привилегіи, которыя могли бы быть утрачены со времени утвержденія ихъ при первомъ герцогѣ изъ Кетлеревой фамиліи.

9) Все, что постановлено относительно Курляндіи не должно служить къ ущербу Рѣчи Посполитой, которая сохранитъ свое верховное право надъ Курляндіей и при новомъ герцогѣ.

Артикулъ сепаратный. I. Союзныя державы, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, рѣшились единогласно и предпочтительно предложить въ наслѣдники польскаго короля португалькаго инфанта Эмануэля. Такъ какъ это намѣреніе принадлежитъ всѣмъ державамъ, то необходимыя для осуществленія его денежныя суммы разлагаются по ровну на три договаривающіяся стороны, такъ что каждая должна препроводить къ своимъ посламъ въ Варшавѣ, въ вѣрныхъ векселяхъ или кредитныхъ билетахъ, по крайней мѣрѣ 36000 червонцевъ. Но такъ какъ Е. В. императоръ Всероссійскій и Е. В. король Прусскій даютъ эти деньги во вниманіе близкаго свойства, въ которомъ прибываетъ Донъ-Эмануэль съ Е. Р. Ц. и Католическимъ Величествомъ, то Е. Р. Ц. и К. Величество будетъ стараться у португальскаго короля, чтобы эти деньги, или вовсе не потребовались или были возвращены высокимъ державамъ. Однако Е. Р. Ц. В. надѣется, что въ случаѣ неудачи Россія и Пруссія, ради общаго интереса, не станутъ требовать у Эмануэля этихъ денегъ, или въ замѣнъ ихъ земель къ ущербу Рѣчи Посполитой, чѣмъ они могутъ навлечь на него ненависть его подданныхъ. Въ случаѣ, если инфанту нужно будетъ пріѣхать до избранія, то ему позволено будетъ жить у той изъ трехъ державъ, у которой онъ захочетъ, и притомъ на ея счетъ. Точно также, если можно будетъ какимъ нибудь бракомъ способствовать къ возведенію инфанта на польскій престолъ, то высокія державы не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи.

Если инфантъ умретъ до избранія, или если нельзя будетъ его возвести на престолъ, то союзники должны

согласиться на счетъ другаго кандидата и сохранить относительно его тѣ же самыя условія.

II. Е. В. императрица Всероссійская, по особенной дружбѣ и склонности къ прусскому королю, обѣщаетъ стараться всѣми средствами, чтобы по смерти нынѣшняго курляндскаго герцога, былъ избранъ второй сынъ короля прусскаго, Августъ Вильгельмъ, впрочемъ съ сохраненіемъ права вольнаго избранія курляндскаго шляхетства. И если это избраніе падетъ на вышепомянутаго принца, то Е. И. Величество обязуется гарантировать и защищать его. Е. Р. Ц. Величество также приступитъ къ этой гарантіи, какъ скоро воспослѣдуетъ избраніе. Чтобы доказать еще свое расположеніе къ прусскому королю, Е. И. Величество согласна поддерживать третьяго сына въ томъ случаѣ, если второй умретъ до избранія, или бездѣтнымъ, а послѣ третьяго сына и четвертаго равнымъ образомъ.

Трактатъ былъ написанъ въ 6 экземплярахъ и размѣненъ, а ратификація должна была воспослѣдовать въ теченіи 2 мѣсяцевъ. Но Австрія была чрезвычайно недовольна этимъ договоромъ и своимъ посломъ Секендорфомъ, преступившимъ свое полномочіе. Вѣнскій дворъ согласился бы обѣщать прусскому принцу Курляндію, но онъ требовалъ, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ за это отказался отъ притязаній на Юлихъ и Бергъ. Такъ какъ въ новомъ трактатѣ объ этихъ герцогствахъ не было рѣчи, то вѣнскій дворъ потребовалъ чрезъ своего посла въ Петербургѣ, чтобы трактатъ не былъ ратификованъ. Дѣйствительно, хотя этотъ трактатъ, извѣстный подъ именемъ Левенвольдовскаго и былъ ратификованъ въ Петербургѣ 25-го января 1733 года, но ратификація не была послана ни къ цезарю ни къ королю. Россія поступила съ

Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ Австрія въ Вустергаузенѣ; она утѣшила его трактатомъ, а потомъ не подписала его. Этимъ отчасти объясняется нерѣшительная и эгоистическая политика прусскаго короля послѣ смерти Августа II.

И такъ, союзъ между Австріей, Россіей и Пруссіей становился все крѣпче и крѣпче; цѣпь, которую сосѣди обвели около разрушавшейся Польши стягивалась все уже и некому было ее прорвать. Англіей управлялъ въ то время миролюбивый и не терпѣвшій военнаго шума Робертъ Вальполь. Притомъ Польша была слишкомъ отдалена отъ Англіи; границы Польши были расположены такъ неудобно, что Англіи нельзя было взять ее подъ свою опеку, какъ напримѣръ Португалію. Франція правда интриговала при Петербугскомъ дворѣ. Она старалась увлечь Россію въ тѣсный союзъ противъ Австріи, и предлагала „забыть все минувшее“. Она соглашалась признать за Анной титулъ императрицы Всероссійской, гарантировать всѣ провинціи, завоеванныя Россіей, и особенно Ливонію, признать герцогомъ курляндскимъ того, кого назначитъ императрица, сильно защищать интересы русскіе при Отоманской Портѣ, и обязывалась даже, въ случаѣ войны между Турціей и Россіей, платить послѣдней значительныя субсидіи, но лишь съ условіемъ, чтобы это происходило тайно отъ Турціи. Франція обязывалась настоять на томъ, чтобы Польша удовлетворила Россію относительно всѣхъ требованій, далѣе обязывалась склонить Швецію и прочихъ своихъ союзниковъ (Испанію и Сардинію) къ участію въ союзѣ съ Россіей, и обѣщала скорую и дѣятельную помощь, если бы этотъ союзъ вовлекъ Россію въ какую бы то ни было войну.

Франція требовала, съ своей стороны, только того, чтобы Россія отказалась отъ союза съ Австріей, непризнавала Прагматической Санкціи, заключила съ Франціей торговый договоръ и условилась съ нею о возведеніи на польскій престолъ такого кандидата, который бы былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ.

Эти предложенія сдѣлалъ Россіи французскій хранитель печати (Garde des Sceaux) Шовеленъ, черезъ секретаря посольскаго Маньяна въ августѣ мѣсяцѣ 1732 года. О Станиславѣ вовсе не упоминалось въ инструкціяхъ французскаго министра; но мы видѣли, что тотъ-же Шовеленъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоря съ Головкинымъ, отправленнымъ въ качествѣ представителя Россіи на Суассонскій конгрессъ, прямо называлъ Станислава, какъ самаго выгоднаго для Франціи и Россіи кандидата. Какъ Австрія опиралась при русскомъ дворѣ на Бирона, такъ Франція надѣялась найти опору для своей политики въ Минихѣ. Маньанъ показалъ свои инструкціи Миниху и, фельдмаршалъ принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Но Минихъ нашелъ противника въ Остерманѣ, который чрезвычайно искусно и съ большой ироніей сдѣлалъ къ французскому проекту такія примѣчанія, которыя выставили его въ чрезвычайно невыгодномъ свѣтѣ.

Остерманъ называлъ союзъ съ Франціей очень выгоднымъ, но спрашивалъ, на столько ли онъ выгоденъ, чтобы Россія для него пожертвовала союзами, уже заключенными ею, тѣмъ болѣе, что французская помощь при огромномъ разстояніи между Франціей и Россіей очень сомнительна. Въ курляндскомъ вопросѣ Франція предлагала свое содѣйствіе, но совѣтовала, чтобы Россія не требовала отъ Поляковъ уничтоженія гродненскихъ постановленій, а старалась достигнуть своей

цѣли мирными переговорами. Остерманъ замѣчалъ, что переговорами невозможно заставить Поляковъ согласиться на уничтоженіе гродненскихъ постановленій, а Франція, не желая потерять своего вліянія на Польшу, никогда не согласится содѣйствовать Россіи въ крутыхъ мѣрахъ. Французскій министръ обращалъ вниманіе русскихъ министровъ на то, что союзъ заключенный между Австріей и Россіей, очень не выгоденъ для послѣдней, ибо императоръ скорѣе можетъ прійти въ столкновеніе съ Турціей чѣмъ Россія, а въ случаѣ войны между Россіей и Турціей, императоръ никогда не исполнитъ своего обѣщанія—прислать на помощь 30,000 войска. Остерманъ замѣчаетъ, что невозможно предполагать въ императорѣ такую недобросовѣстность тѣмъ болѣе, что онъ самъ потерялъ бы при этомъ гораздо болѣе, чѣмъ Россія. Французскій министръ говорилъ, что услуги, оказанныя Петру Великому Франціей въ турецкихъ дѣлахъ, хотя заключались только въ переговорахъ, несравненно важнѣе тѣхъ, которыя когда-либо могла оказать Австрія. Остерманъ замѣчаетъ, что услуги, о которыхъ говоритъ французская инструкція, ему совершенно неизвѣстны. Для Франціи союзъ съ Турціей гораздо важнѣе, чѣмъ союзъ съ Россіей и Франція никогда не будетъ дѣятельно помогать Россіи противъ своего стариннаго союзника. Франція предлагала Россіи гарантировать договоры, заключенные ею съ Турціей. Русскій вицеканцлеръ насмѣшливо замѣчаетъ, что договоръ Прутскій 1711 г. и Константинопольскій 1712 г. были заключены въ то время, когда Россія находилась въ стѣсненномъ положеніи и потому для нея гораздо выгоднѣе нарушить эти договоры при удобномъ случаѣ, чѣмъ увѣковѣчить ихъ. Притомъ если услуги, обѣщан-

ныя Франціей въ сношеніяхъ съ Турціей не будутъ выгоднѣе тѣхъ, которыя Франція оказала во время прутскаго договора, то всѣ вѣрные слуги императрицы должны молить Бога, чтобъ онъ избавилъ Россію впредь отъ такихъ услугъ. Франція хочетъ, продолжаетъ Остерманъ принять на себя ходатайство у Турціи о русскихъ интересахъ; это значитъ, что они будутъ совершенно предоставлены французскому произволу, а такъ какъ Франція, безъ сомнѣнія, болѣе дорожитъ Турціей чѣмъ Россіей, то Россія найдетъ въ ней отличнаго ходатая (So dürften die russischen Interessen in sehr guten Händen und wohl verwahrt sein.) Франція обѣщала склонить Швецію къ участію въ союзѣ между Франціей и Россіей. Остерманъ замѣчаетъ, что это ему кажется страннымъ. Франція должна всегда желать усиленія Швеціи, а сама Швеція никогда не откажется отъ надежды возвратить когда-нибудь отнятыя у нея провинціи. Французскій министръ предлагалъ условиться съ Россіей о кандидатѣ для польскаго престола. Остерманъ замѣчаетъ: „Такъ какъ Франція не хочетъ назвать своего кандидата, то мнѣ непонятно, какъ мы объ этомъ условимся. Притомъ интересъ Франціи требуетъ, чтобы на польскомъ престолѣ былъ король, ей преданный, а такой король естественно будетъ союзникомъ Турціи и Швеціи и врагомъ Россіи". Франція предлагала признать за Анной Іоанновной и за ея преемниками императорскій титулъ, но требовала, чтобы при этомъ былъ сохраненъ прежній этикетъ; она указывала на примѣръ Англіи, которая признала императорскій титулъ, но не допустила измѣненій въ этикетѣ. Остерманъ замѣчаетъ, что Франція съ признаніемъ императорскаго титула должна признать преимущество русскихъ пословъ и дипломатовъ

предъ своими. Франція предлагала вступить съ Россіей въ торговый договоръ, и при этомъ не выговаривала себѣ условій, болѣе выгодныхъ чѣмъ тѣ, которыми пользовались Англичане и Голландцы. Остерманъ замѣчаетъ, что требованіе Франціи разумно, но что подобный торговый договоръ гораздо выгоднѣе для Франціи, чѣмъ для Россіи, потому что иностранные корабли, приходя въ Россію съ грузомъ, возвращаются часто не нагруженными *). Франція предлагала Россіи субсидіи, но Шовеленъ замѣчалъ, что такъ какъ его правительство не требуетъ отъ Россіи увеличенія войска, то до поры до времени Франція не обязана платить субсидій. Русскій вице-канцлеръ возразилъ на это, что если Россія заключитъ союзъ съ Франціей, то должна будетъ пожертвовать другими выгодными для нея договорами; поэтому она имѣетъ полное право разсчитывать на денежное вознагражденіе со стороны Франціи. „Впрочемъ, говоритъ онъ, Франція не считаетъ нужнымъ опредѣлить сумму субсидій; довольно и того, что она обѣщаетъ эти субсидіи. А когда окажется въ нихъ нужда, то она дастъ, конечно, сколько будетъ въ состояніи дать. Ultra posse nemo obligatur. Но найти настоящее отношеніе между количествомъ субсидій и убыткомъ, какой можетъ причинить Россіи разрывъ съ ея прежними союзниками, покажется труднымъ самому лучшему алгебраисту." И такъ, заключаетъ Остерманъ, изъ всѣхъ предложеній, сдѣланныхъ Фран-

*) Замѣчательно что когда вступила на престолъ Анна Іоанновна и русскому послу въ Парижѣ, каммеръ-юнкеру Миниху, было приказано привести присягѣ русскихъ, жившихъ въ то время во Франціи, то посолъ отвѣчалъ, что Русскихъ во Франціи не нашлось, кромѣ одного Лифляндца, который и присягнулъ.

ціей, только два представляютъ прямую выгоду для Россіи (Etwas Reelles) — признаніе императорскаго титула и обѣщаніе платить субсидіи. Всѣ же прочія предложенія представляютъ только кажущіяся выгоды.

Минихъ также написалъ свои замѣчанія на французскій проектъ и подалъ ихъ Бирону. Фельдмаршалъ сначала выставилъ слѣдующія причины, которыя по его мнѣнію должны были склонить русское правительство къ сближенію съ Франціей:

1) Французское королевство, пишетъ Минихъ, такъ могущественно, что, говоря словами Пуфендорфа, ни одно государство въ мірѣ не можетъ съ нимъ сравниться; и хотя оно очень отдалено отъ Россіи, однако можетъ помогать послѣдней посредствомъ субсидій.

2) Это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что Россія вовсе не нуждается въ войскѣ; Петръ Великій предлагалъ Франціи, даже во время шведской войны 15,000 вспомогательнаго войска.

3) Если Россія откажется отъ союза съ Франціей, то послѣдняя можетъ заключить союзъ съ Баваріей и Саксоніей противъ императора, а съ Швеціей, Польшей, Турціей и Татарами противъ Россіи.

4) Ея В. Государыня сама жаловалась на союзъ съ Австріей и называла его тягостнымъ для Россіи, потому что гарантія Прагматической Санкціи непремѣнно вовлечетъ Россію въ войну, и кромѣ того при разбросанности своихъ провинцій императоръ можетъ гораздо скорѣе прійти въ столкновеніе съ Турціей, чѣмъ Россія.

5) Россія можетъ воспользоваться этими предложеніями Франціи для того, чтобы избавиться отъ гарантіи Прагматической Санкціи и выговорить себѣ у Австріи нейтральность въ этомъ вопросѣ.

6) Въ такомъ случаѣ Россія получитъ возможность дѣйствовать самостоятельнѣй и энергичнѣй въ содержаніи политическаго равновѣсія въ Европѣ, а также будетъ болѣе въ состояніи соблюдать свои собственные интересы, чѣмъ теперь, когда она должна дѣйствовать согласно желанію Римскаго императора.

7) Признаніе русскаго императорскаго титула со стороны первой христіанской державы доставитъ славу царствованію Ея Величества.

8) Установленіе непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Франціей, безъ монополіи, также имъ выгодно.

9) Остальныя предложенія Франціи относительно Курляндіи и Польши такого свойства, что они могутъ быть очень полезны при нѣкоторомъ видоизмѣненіи ихъ. Въ договорѣ нужно предоставить Россіи полную свободу дѣйствій и выговорить для нея отъ Франціи дѣйствительную помощь (Reelle Hülfe). Русскіе министры могли бы подвергнуться не малой отвѣтственности, если бы они отклонили отъ себя дружбу Франціи и не воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ избавиться отъ тягостныхъ обязательствъ, возложенныхъ на Россію Австріей. По моему мнѣнію можно было бы достигнуть этой цѣли слѣдующимъ образомъ:

1) Положить въ основаніе переговоровъ между Россіей и Франціей трактатъ 1717 года и заключить между обоими государствами оборонительный и торговый союзъ (Ein Freundschafts-Garantie und Commerce-Tractat). Этотъ союзъ нужно содержать въ большой тайнѣ и потребовать только признаніе императорскаго титула какъ публичнаго и яснаго выраженія возобновленныхъ добрыхъ отношеній.

2) Вмѣсто обязательства водворить на сѣверѣ миръ,

о которомъ говорится въ трактатѣ 1717 года, потребовать отъ Франціи гарантіи Ништадскаго и Копенгагенскаго договоровъ.

3) Что касается до Курляндіи, то нужно формально обязать Францію, чтобы она содѣйствовала всѣми способами къ уничтоженію Гродненской конституціи и другихъ противозаконныхъ мѣръ Рѣчи Посполитой.

4) Предложенія Франціи относительно Турціи нужно расширить слѣдующимъ образомъ: Франція обязывается удержать Турцію отъ вмѣшательства, если бы дошло до войны между Россіей и Польшей. Если же старанія Франціи были бы безуспѣшны, то она должна помогать Россіи субсидіями до тѣхъ поръ, пока Турція согласится на миръ, болѣе выгодный для Россіи, чѣмъ Прутскій договоръ 1711 года.

5) Франція и Россія должны согласиться на счетъ кандидата на польскій престолъ.

6) Для торговаго договора положить въ основаніе трактатъ 1717 года.

7) Слѣдуетъ принять предложенія Франціи относительно Швеціи.

8) Надо потребовать отъ Франціи, чтобы она приступила къ Копенгагенскому договору.

9) Франція обѣщаетъ свое содѣйствіе тому, чтобы Польша удовлетворила Россію во всѣхъ требованіяхъ. Къ этому надо прибавить еще слѣдующее: если переговоры не будутъ имѣть успѣха въ теченіи 4 или 6 мѣсяцевъ, и Россія будетъ вынуждена объявить Польшѣ войну, то Франція поступитъ по смыслу союзнаго договора.

10) Надо опредѣлить количество субсидій. Договоръ этотъ можно заключить тѣмъ удобнѣе, что Россія собственно еще не приступала къ формальной

гарантіи Прагматической Санкціи. Можно замѣтить австрійскимъ министрамъ, что императоръ по вѣнскому договору обязался прислать 30,000 вспомогательнаго войска только въ случаѣ войны между Россіей и Турціей; а потому и Россія считаетъ себя обязанною помогать императору противъ Турокъ, но не противъ другихъ враговъ. Минихъ заключаетъ свою записку къ Бирону слѣдующими словами: „Замѣчанія на предложенія Франціи, которыя я имѣю честь представить при семъ вашему сіятельству, основываются на мнѣніи, высказанномъ Е. В. нашей Всем. Государыней о вѣнскомъ договорѣ 1726 года, и на томъ, что я самъ имѣлъ честь слышать отъ вашего сіятельства въ секретныхъ разговорахъ объ этомъ предметѣ. Ничего не могло бы быть мнѣ такъ пріятно, какъ если бы мои замѣчанія удостоились высокаго одобренія вашего сіятельства. Дѣло чрезвычайно важно и стоитъ того, чтобы были обсуждены всѣ обстоятельства, говорящія за и противъ него. Я не нахожу, что мы имѣемъ право оставить секретаря Маньяна безъ отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ обратился не къ Иностранной Коллегіи и не акредитованъ при русскомъ дворѣ; ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, отвѣтить чрезъ то лице, чрезъ которое онъ сдѣлалъ свои предложенія. Надѣясь, что мои ничтожныя замѣчанія дадутъ поводъ къ болѣе серьозному обсужденію дѣла и смиренно испрашивая себѣ вашего сіятельства высокую благосклонность, я пребываю и т. д. *Минихъ*“.

Изъ этихъ замѣчаній Миниха видно, что русскій фельдмаршалъ иначе понималъ выгоды Россіи, чѣмъ его товарищъ, вице-канцлеръ. Мнѣніе Бирона неважно, потому что оно не было самостоятельно. Бирону бы-

ло все равно, съ кого брать, съ Австріи или съ Франціи; если бы оба и Остерманъ и Минихъ стояли за союзъ съ Франціей, то Бирономъ не сталъ бы противиться этому союзу.

Минихъ лучше Остермана понималъ выгоды Россіи, и его политическій взглядъ болѣе сходенъ съ взглядомъ Петра Великаго. Минихъ понималъ, что Россія, благодаря своему географическому положенію, не нуждается въ тѣсномъ союзѣ съ какой либо другой европейской державой, что такой союзъ можетъ только связать Россію и вовлечь ее въ войну за чуждые ей интересы. Для политическаго значенія и славы Россіи было гораздо важнѣе—никому не отдаваться совершенно, а держаться нѣсколько въ сторонѣ и сдѣлать союзъ свой предметомъ желаній всѣхъ европейскихъ державъ. Правда, министровъ Анны Іоанновны нельзя винить за союзъ съ Австріей—онъ былъ заключенъ еще гораздо прежде Меншиковымъ. Но они могли бы, какъ совѣтовалъ Минихъ, воспользоваться союзомъ съ Франціей и избавиться отъ гарантіи Прагматической Санкціи. Къ счастію Россіи, во главѣ ея стояло уже другое правительство, когда пришлось расплачиваться за союзъ 1726 года. Перевороты 1741 года, а потомъ осторожная политика Бестужева лишили Австрію дѣятельной помощи союзницы.

Различіе между политическими взглядами Миниха и Остермана объясняются, кромѣ взаимной зависти, еще и тѣмъ, что одинъ изъ нихъ былъ полководецъ, а другой дипломатъ. Остерманъ былъ остороженъ: онъ боялся турецкой войны, и считалъ необходимымъ обезпечить Россію союзомъ съ императоромъ; а Польшу и Швецію онъ надѣялся держать въ зависимости нравственнымъ вліяніемъ, которое бы имѣлъ на эти государства тѣсный союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей.

Минихъ же желалъ войны, войны съ Польшей, войны съ Турціей. Онъ надѣялся съ помощью французскихъ субсидій совершить большіе успѣхи и для своей славы и для могущества Россіи. Какъ бы то ни было, но замѣчанія Миниха на французскій проектъ не убѣдили Бирона. Напротивъ, русское правительство еще болѣе сблизилось съ Австріей и рѣшилось совершенно устранить вмѣшательство Франціи въ польскія дѣла.

ГЛАВА III.

АВГУСТЪ II, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ: ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ РОССІИ И ПРУССІИ. СМЕРТЬ ЕГО.

Августъ II, курфирстъ саксонскій и король польскій, названный современниками Великимъ, и потомками Сильнымъ, прославился въ исторіи, потому что судьба назначила ему дѣйствовать на ряду съ такими героями, какъ Петръ I и Карлъ XII и дала ему роль въ великой драмѣ, въ которой Россія впервые выступила на европейскую сцену. Впрочемъ и безъ этого счастливаго обстоятельства, память о немъ дошла бы до позднѣйшаго потомства. Въ концѣ XVII вѣка во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ совершенно утвердилось неограниченное монархическое правленіе. Учрежденіе постоянныхъ войскъ съ новыми военными отличіями и чинами, искусно придуманныя финансовыя системы, усовершенствованіе промышленности, расширеніе торговли, даже развитіе искусства и наукъ стали сообщать престоламъ особенный блескъ. Европейскіе монархи, освободившись отъ тяжкаго стѣсненія феодализма и еще не чувствуя надъ собою гнета общественнаго мнѣнія, не могли не увлечься своимъ новымъ положеніемъ. Изумленная Европа увидала тогда удивительное зрѣлище: самостоятельность общинъ и отдѣльныхъ провинцій изчезла, весь народъ слился въ одну густую, темную массу, которая служила фономъ для блестящей придворной жизни. Люди, на которыхъ народъ, работавшій въ потѣ лица, привыкъ смотрѣть съ довѣріемъ, владѣтели большихъ помѣстьевъ и крѣпкихъ замковъ и тѣ, которымъ была поручена проповѣдь утѣшенія и мира, епископы и пасторы превратились въ царедворцевъ. Придворныя отличія начали играть важную роль въ жизни людей, и знаніе этикета придворнаго и салоннаго считалось высшей мудростью, доступной лишь немногимъ избраннымъ. Всѣ преграды и завѣсы пали, для властителей не было ничего затаеннаго или недоступнаго, ни въ кошелькѣ бѣднаго пахаря, ни въ сердцѣ красавицы. Вслѣдствіе новаго образа жизни измѣнились и нравственыя понятія: что̀ прежде имѣло силу закона, стало предразсудкомъ; что̀ прежде считалось нравственнымъ долгомъ, превратилось въ шутку. На Августѣ II отразились особенно ярко недостатки того времени и поэтому историку, даже самого отдаленнаго потомства, который захотѣлъ бы представить своимъ современникамъ картину той эпохи, нельзя пройти молчаніемъ этого характера.

Изъ числа многочисленныхъ подражателей Людовика XIV, Августъ самый оригинальный, самый блестящій и, пожалуй, самый симпатичный. Онъ отлично зналъ свое дѣло и довелъ его до возможной утонченности и совершенства. Уже по одному наружному виду Августъ могъ бы быть украшеніемъ всякаго двора. Онъ не былъ собственно Адонисомъ, но его статная фигура, его необыкновенная тѣлесная сила внушали современникамъ невольное уваженіе къ нему, а его неизмѣнная веселость, его привѣтливая улыбка, его щедрость, беззаботность, съ которыми онъ раздавалъ

послѣднія деньги, наконецъ его утонченная любезность съ дамами располагали въ его пользу подданныхъ обоего пола. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда послѣ операціи его носили на креслѣ и мучительная боль не позволяла ему стоять на ногахъ, онъ ни за что не хотѣлъ садиться. Когда онъ говорилъ съ дамами, то не смотря на боль, улыбка не сходила съ его устъ. Впрочемъ, эта привѣтливость и любезность не мѣшали ему быть жестокимъ и вѣроломнымъ и разыгрывать роль султана въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Августъ не сдерживалъ своихъ обѣщаній, данныхъ врагамъ въ трудныя минуты жизни, и жертвовалъ своими приближенными если несчастіе ихъ могло принести ему какую-нибудь пользу. Выдача Паткуля, вѣроломный поступокъ съ министрами Имгофомъ и Пфингстеномъ, заключеніе принцевъ Собѣскихъ и попытка убить Станислава Лещинскаго—это черныя пятна въ жизни этого блестящаго монарха. Злые языки говорили, что у него было 354 незаконныхъ дѣтей; за цифру эту поручиться, конечно нельзя, но она можетъ служить выраженіемъ того мнѣнія, какое современники имѣли объ этомъ идеалѣ вѣжливости и любезности. Августъ не терялъ хладнокровія и не смущался въ самое опасное время; но это происходило не отъ твердости духа а отъ безпечности. Однажды, когда ему пришлось скрыться въ Данцигѣ отъ своихъ мятежныхъ подданныхъ, — когда каждая минута была дорога, и всѣ министры потеряли голову, Августъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своего кабинета и диктовалъ что-то съ утра до вечера: всѣ думали, что король начерталъ какой-нибудь планъ для военныхъ дѣйствій, или что онъ написалъ проектъ какого нибудь чрезвычайно

выгоднаго трактата. Наконецъ Августъ призвалъ своихъ министровъ и прочелъ имъ — новую табель о рангахъ.

По алтранштадскому миру Августъ, какъ извѣстно, лишился польской короны, и неумолимый побѣдитель заставилъ его написать поздравительное письмо къ его счастливому сопернику Станиславу. Но послѣ Полтавской битвы, Августъ опять схватился за польскую корону и съ помощью русскихъ войскъ изгналъ наконецъ Шведовъ и Станислава изъ Польши. Однако, несчастная страна не успокоилась: ее оставили недруги, но въ ней стояли еще друзья — русскія и саксонскія войска. Польская шляхта стала опасаться за свою свободу, и не безъ основанія. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, дипломаты въ первый разъ заговорили о раздѣлѣ Польши. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ письмѣ прусскаго министра Ильгена къ польскому королю; но изъ словъ прусскаго дипломата можно было бы заключить, что первая мысль принадлежала не ему, а Петру Великому: Ильгенъ предлагалъ Августу сдѣлаться наслѣдственнымъ королемъ польскимъ, уступивъ Пруссіи и Россіи нѣсколько пограничныхъ областей. Поляки, вѣроятно, не знали объ этомъ проектѣ, но ихъ безпокоили саксонскія войска. Составились конфедераціи, началась междуусобная война, ознаменованная тѣми страшными жестокостями, къ которымъ можетъ привести международная антипатія. Наконецъ, при посредничествѣ русскаго посла, князя Долгорукаго, послѣдовало примиреніе и 1-го февраля 1717 года въ Варшавѣ—былъ открытъ и распущенъ такъ-называемый „примирительный сеймъ“. Августъ обязался вывести свои саксонскія войска изъ Польши. Но по-

дозрительное польское дворянство еще не успокоилось Въ то время польское войско представляло странную смѣсь вооруженія и военной дисциплины. Оно состояло изъ 18,000 человѣкъ, а литовское изъ 6000 *). Оба отряда распадались на три части: на рейтарей, драгуновъ и пѣхоту. Рейтары были вооружены по древнему польскому обычаю, драгуны же и пѣхота были обучены нѣмецкому строю, усовершенствованному во время войны съ Людовикомъ XIV Евгеніемъ и Мальбрукомъ. Надъ польскими войсками былъ поставленъ такъ-называемый „коронный гетманъ“. Августъ поручилъ пріученныя къ нѣмецкому строю польскія войска нѣмецкому генералу, своему любимцу—графу Флемингу, который находился подъ начальствомъ короннаго гетмана. Но Флемингъ былъ иностранецъ, и Поляки смотрѣли на него съ недовѣрчивостью и требовали отъ короля увольненія его. Августъ медлилъ исполненіемъ ихъ просьбы, и старался выиграть время. Но Поляки хотѣли настоять на своемъ. Три сейма (1719 г., который былъ продолженіемъ сейма 1718 г. и сеймы 1720 и 1722 г.) были прерваны недовольными, а на сеймѣ 1720 года протестовавшіе не хотѣли допустить даже до избранія сеймоваго маршала требуя, чтобъ Флемингъ прежде сложилъ съ себя свою должность. По обычаю того времени обыкновенные сеймы собирались черезъ два года поочереди, одинъ разъ въ Варшавѣ, а другой въ Гроднѣ, столицѣ Литовской. На этихъ сеймахъ прежде всего избирали предсѣдателя палаты депутатовъ или сеймоваго маршала; такъ какъ для этого требовалось единогласное избраніе, то рѣдко дѣло доходило до избранія и сеймъ разрывался до сво-

*) Lengnich. Gesch. d. Kon. Polen unter Aug. II. 1755 p. 307.

его начала. Въ случаѣ назначенія маршала, палата депутатовъ присоединялась къ палатѣ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ короля. Депутаты или нунціи, сенаторы и король составляли такъ-называемые три *чина* (ордена) Рѣчи Посполитой. Обыкновенный сеймъ могъ продолжаться только шесть недѣль; иногда по истеченіи этого срока сеймъ откладывался до слѣдующаго года. Но на сеймѣ 1726 года отсрочка эта была запрещена *). Король имѣлъ право созывать во всякое время такъ-называемые „чрезвычайные сеймы“, которые могли продолжаться только двѣ недѣли, впрочемъ Августъ не строго придерживался этихъ правилъ. Онъ больше жилъ въ Саксоніи и лишь на короткое время пріѣзжалъ въ Польшу. Иногда мѣшала ему болѣзнь, а иногда ему просто не хотѣлось пріѣзжать въ Польшу во-время и тогда этотъ порядокъ нарушался. Чрезвычайно не охотно отправлялся онъ въ дальное и затруднительное путешествіе въ Гродно и всегда старался назначить мѣстомъ для сейма Варшаву, что̀ служило для недовольныхъ новымъ предлогомъ разорванія сейма. Наконецъ, до начала сейма 1724 г. Флемингъ передалъ свою должность Понятовскому. Въ этомъ году сеймъ былъ отсроченъ потому, что вниманіе депутатовъ было занято событіемъ, совершившимся въ Торнѣ. Хотя населеніе этого города было по преимуществу протестантское, и весь городскій совѣтъ состоялъ изъ протестантовъ, однако католики успѣли построить въ городѣ женскій монастырь и учредить іезуитскую семинарію. 16-го іюля, католики устроили крестный ходъ въ честь Божіей Матери Кармельской, и лютеранское населеніе собралось посмотрѣть на процессію. Одинъ семинаристъ

*) Lengnich p. 360.

завелъ споръ съ однимъ изъ зрителей за то, что тотъ не оказалъ иконамъ должнаго почтенія и ударилъ его. Семинариста арестовали, сотоварищи его собрались передъ ратушей и потребовали выдачи арестанта; тогда ихъ разогнали и арестовали еще одного; семинаристы схватили лютеранскаго гимназиста, который стоялъ въ дверяхъ своего дома и увели его въ семинарію, чтобы промѣнять его потомъ на своихъ товарищей. Толпа черни собралась передъ семинаріей, требовала выдачи мальчика и, получивъ отказъ, вломилась въ двери и освободила его. Эта толпа была такъ разгорячена, что потомъ возвратилась въ семиминарію, перебила вещи и мебель, а другія вытащила на улицу и сожгла. Наконецъ, къ 11 часамъ ночи, вооруженные граждане и гарнизонъ разогнали толпу. Лютеране оправдывались тѣмъ, что іезуиты начали стрѣлять изъ семинаріи и бросать камнями въ толпу; но іезуиты отвергали это и обвиняли лютеранъ въ томъ, что они переломали и сожгли найденныя ими распятія и иконы.

Іезуиты подняли въ цѣлой Польшѣ страшный крикъ. Назначена была коммисія, для произведенія слѣдствія; сеймъ подтвердилъ приговоръ коммисіи и ассесоріальнаго суда; президентъ города Реснеръ былъ казненъ за то, что допустилъ возмущеніе; за нимъ были казнены 9 человѣкъ изъ Торнскихъ гражданъ, четыремъ изъ нихъ отрубили предварительно правую руку, трупы ихъ сожгли подъ висѣлицами. Коммисія основывала свой приговоръ на показаніяхъ свидѣтелей, которыя лютеране называли ложными. Одинъ изъ осужденныхъ, причастившись передъ казнію, сказалъ священнику: „никогда въ жизни нога моя не была въ іезуитской семинаріи, а тѣмъ менѣе въ тотъ несчастный день.“ Городъ долженъ былъ заплатить іезуитамъ за понесенные убытки 22,000 злотыхъ, отдать Бернардинцамъ лютеранскую церковь и домъ гимназіи, самую гимназію перенести за городъ въ деревню и половину членовъ городскаго совѣта замѣнить католиками.

Города Элбингъ и Данцигъ и осужденный Торнъ старались склонить короля на милость. Король обратился къ великому коронному канцлеру; но тотъ согласился на одну только уступку: нѣкоторымъ изъ приговоренныхъ къ смерти, противъ которыхъ нельзя было привести достаточныхъ свидѣтелей, была подарена жизнь, и поэтому казнили только 10 человѣкъ. Европейскія державы, гарантировавшія Оливскій миръ, поручили своимъ посламъ вступиться за диссидентовъ; но это заступничество не имѣло успѣха. Рѣзкія рѣчи англійскаго посла Финча и угрозы прусскаго короля только раздражили сеймъ, такъ что Поляки не хотѣли позволить Финчу пріѣхать въ Варшаву и требовали войны съ Пруссіей. Сеймъ 1724 года былъ снова открытъ въ Гроднѣ въ 1726 году; это — единственный правильный сеймъ, который съ 1699 до смерти Августа II не былъ разорванъ и имѣлъ какой-нибудь результатъ. Главнымъ постановленіемъ этого сейма было уничтоженіе избранія Морица Саксонскаго въ герцоги Курляндіи и рѣшеніе раздѣлить Курляндію на воеводства.

Съ этого времени и до смерти Августа было еще три сейма, въ 1729, 1730 и чрезвычайный сеймъ въ 1732 годахъ. Но всѣ они были разорваны.

Первый сеймъ былъ собранъ въ Гроднѣ и былъ разорванъ литовскими депутатами подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ былъ созванъ неправильно. „Если

онъ долженъ имѣть силу обыкновеннаго сейма, говорили они, то его слѣдовало бы созвать въ прошломъ году; если же это чрезвычайный сеймъ, то слѣдуетъ объявить, почему онъ созванъ, и онъ не можетъ продолжаться болѣе двухъ недѣль". Напрасно польскіе депутаты доказывали имъ, что они протестуютъ незаконно, потому что въ польскихъ законахъ нѣтъ статьи, которая бы запрещала королю заболѣть и отложить сеймъ до другаго года.

Сеймъ 1730 года, въ Гроднѣ, былъ опять разорванъ литовскими депутатами, подъ разными мелочными предлогами. А также и сеймъ 1732 года, въ Варшавѣ, былъ разорванъ Литовцами, жаловавшимися, что вмѣсто обыкновеннаго сейма въ Гроднѣ былъ созванъ чрезвычайный въ Варшавѣ и не допустившими до избранія сеймоваго маршала.

Но всѣ эти сеймы имѣютъ еще закулисную исторію. Депутаты, которые своимъ протестомъ прерывали сеймъ, подвергались большой опасности: очень часто случалось, что въ нихъ стрѣляли при выходѣ изъ палаты, а иногда еще въ самой палатѣ обнаженныя сабли и громкія крики другихъ депутатовъ заставляли ихъ отказываться отъ своего протеста. Такимъ опасностямъ нельзя было подвергать себя даромъ, лишь изъ любви къ отечеству, а потому эту трудную роль брали на себя обыкновенно шляхтичи за нѣсколько сотъ злотыхъ, которые они получали отъ какого-нибудь польскаго вельможи, заинтересованнаго въ дѣлѣ, или отъ посланника какой-нибудь сосѣдней державы, также имѣвшей свои виды.

Настоящая причина неуспѣха послѣднихъ сеймовъ заключалась въ упраздненіи главныхъ военныхъ должностей. Въ 1728 году, умерли литовскій подгетманъ,

графъ Станиславъ Денгофъ, коронный подгетманъ, Стефанъ Хоментовскій, и великій коронный гетманъ— Станиславъ Ржевускій. Затѣмъ, въ 1730 году, умеръ Литовскій гетманъ Людвигъ Поцѣй.

Во всей польской исторіи еще не было такого случая, чтобы всѣ четыре военныя должности были въ одно время упразднены. Начались интриги, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе послы сосѣднихъ державъ. Эти должности были такъ важны, что король не могъ раздать ихъ по собственному произволу: избранныя имъ лица должны были получить утвержденіе сейма. Но король и не спѣшилъ назначеніемъ новыхъ гетмановъ; ему было гораздо выгоднѣе, чтобы должности эти оставались не замѣщенными; всякій, кто добивался ихъ, поддерживалъ короля, въ надеждѣ получить въ награду гетманскую булаву; но коль скоро онѣ были бы розданы, то всѣ обманувшіеся въ своихъ надеждахъ примкнули бы къ оппозиціи. Вотъ почему Августъ назначилъ, вмѣсто великихъ коронныхъ гетмановъ, исправляющихъ ихъ должность регементарей, находившихся въ совершенной зависимости отъ короля, который могъ смѣнить ихъ и не утвердить въ гетманской должности. Короннымъ регементаремъ былъ назначенъ имъ Станиславъ Понятовскій, а литовскимъ — кн. Михаилъ Вишневецкій, литовскій великій канцлеръ. Сверхъ того, упразднились еще двѣ важныя должности — канцлерскія, потому что коронный канцлеръ, Іоаннъ Шембекъ, умеръ въ 1731 году, а подканцлеръ Липскій получилъ санъ краковскаго епископа, несовмѣстимый съ должностью канцлера. Главными кандидатами на мѣсто великаго гетмана были Понятовскій и кіевскій воевода, Потоцкій. (Кіевъ находился въ то время во вла-

сти русскихъ, но въ Польшѣ продолжало существовать кіевское воеводство).

Честолюбіе польскихъ вельможъ было возбуждено въ высшей степени, и при такомъ тревожномъ состояніи, нельзя было ожидать счастливаго окончанія сеймовъ, тѣмъ болѣе, что русскіе послы, которые не хотѣли, чтобы на сеймѣ состоялось какое-нибудь рѣшеніе относительно Курляндіи, старались разрывать сеймы всякими рѣшительными мѣрами. Общая вражда къ Швеціи соединила въ началѣ прошлаго столѣтія Польшу и Россію, но союзъ этотъ не могъ продолжаться долго. Какъ скоро, съ помощью русскихъ войскъ, изъ Польши были изгнаны Шведы, начались неудовольствія. Петръ не выводилъ своихъ войскъ изъ Литвы и требовалъ отъ Данцига высылки каперовъ противъ Шведовъ. Получивъ въ этомъ отказъ, онъ приказалъ генералу Репнину осадить Данцигъ, и русскіе корабли начали блокаду гавани. Тогда городъ обѣщалъ прекратить торговлю со Шведами и заплатилъ 140,000 талеровъ, и хотя русскія войска отошли отъ городскихъ стѣнъ, однако все еще не выходили изъ Польши. Петръ хорошо понималъ Августа. Карлъ XII былъ еще живъ и Августъ могъ легко промѣнять русскій союзъ на шведскій. Петръ требовалъ, чтобы Августъ женилъ своего родственника, герцога Саксенъ-Вейссенфельскаго на Аннѣ Іоанновнѣ и отдалъ ему Курляндію, посмерти ея стараго герцога. Августъ затягивалъ дѣло и хитрилъ. Тогда Петръ увлекся предложеніями барона Герца и на Аландскихъ островахъ произошли переговоры между Швеціей, Пруссіей и Россіей, о которыхъ мы уже упоминали. Смерть Карла XII прервала эти переговоры. Польша заключила со Швеціей перемиріе и

требовала еще настоятельнѣе, чтобы русскія войска вышли изъ Польши. Съ этимъ порученіемъ былъ отправленъ въ Петербургъ каммеръ-юнкеръ Лесевскій; Петръ согласился вывести свои войска, которые однако выступали чрезвычайно медленно, проходя въ день лишь по нѣсколько верстъ и очень часто останавливаясь для отдыха. Наконецъ, въ 1719 году послѣдніе русскіе отряды перешли черезъ польскую границу. Только въ Курляндіи остался небольшой отрядъ, подъ предлогомъ охраненія имущества вдовствующей герцогини Анны Іоанновны.

Но этимъ не прекратилось взаимное неудовольствіе между Польшей и Россіей. Мы можемъ составить себѣ ясное понятіе объ этомъ изъ тѣхъ инструкцій, которыя даны были русскому послу каммергеру графу Фридриху Казиміру Левенвольду, отправленному въ Польшу въ концѣ 1730 года. Фридрихъ Казиміръ былъ младшимъ изъ трехъ братьевъ Левенвольдовъ, которые вмѣстѣ съ многими другими лифляндскими и курляндскими дворянами наполняли дворъ императрицы Анны Іоанновны. Самымъ главнымъ изъ нихъ былъ обергофмаршалъ Левенвольдъ, соперникъ Бирона въ благосклонности императрицы, который потомъ, по воцареніи Елисаветы, вошелъ вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ и другими на эшафотъ, а оттуда отправленъ въ Соликамскъ. Другой братъ, оберштальмейстеръ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, при Аннѣ Іоанновнѣ былъ два раза посыланъ въ Берлинъ и заключилъ трактатъ, извѣстный въ исторіи подъ его именемъ. Онъ имѣлъ случай оказать важную услугу своему отечеству — Лифляндіи, какъ разсказываетъ Манштейнъ. По Ништадскому миру Петръ обязался сохранить за Лифляндіей всѣ привилегіи, которыми

она пользовалась при шведскомъ владычествѣ, но съ оговоркой: „на сколько они согласны съ образомъ правленія установленнымъ въ Россіи“. При воцареніи Анны, Лифляндцы хлопотали объ уничтоженіи этой оговорки, но имъ противился въ этомъ Остерманъ, заключившій Ништадскій миръ. Тогда Ягужинскій предложилъ Левенвольду исключить эту оговорку, если онъ доставитъ ему мѣсто генералъ-прокурора въ Сенатѣ, которое онъ занималъ еще прежде. Ягужинскій получилъ мѣсто и дѣло кончилось по желанію Лифляндцевъ. Младшій изъ Левенвольдовъ находился сначала въ австрійской службѣ, при Аннѣ перешелъ въ русскую и былъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву, гдѣ и пробылъ до конца 1733 года. Реляціи его и его брата, оберштальмейстера, присланныя въ Петербургъ—главный источникъ для исторіи 1 33 года.

Претензіи со стороны Россіи заключались въ слѣдующемъ:

1) Послѣ Гродненскаго сейма 1726 года, курляндское дворянство должно было „выставить реверсъ“, т. е. обязаться не приступать по смерти герцога Фердинанда къ новому избранію. Поляки непремѣнно хотѣли разбить страну на воеводства. Левенвольду было поручено выставить на видъ слѣдующее: „Ради сосѣдства и другихъ важныхъ причинъ, Е. И. В. Всероссійское желаетъ, чтобы Курляндія сохранила свой прежній образъ правленія. Е. И. В. вступается за права Курляндіи безъ всякихъ собственныхъ интересовъ. Русскія войска очищали нѣсколько разъ Курляндію съ большимъ трудомъ отъ непріятеля, и еще въ послѣдній разъ, когда Станиславъ уступилъ Швеціи эту страну по формальному договору. Рѣчь

Посполитая ничего не выиграетъ отъ присоединенія, потому что на герцогствѣ много долговъ, и Польшѣ будетъ трудно заплатить ихъ. Притомъ, при самостоятельномъ управленіи Курляндія служитъ оплотомъ („баррьеромъ“) для Польши. Частная выгода нѣкоторыхъ польскихъ вельможъ, надѣющихся получить должности въ новоустроенныхъ воеводствахъ, исчезнетъ передъ опасностью, которая бы грозила отечеству ихъ отъ уничтоженія этого оплота“. На это польское правительство отвѣчало: „оно удивляется тому, что постороннія державы вмѣшиваются въ ея домашнія дѣла. По трактату, заключенному Кетлеромъ съ Рѣчью Посполитою, послѣдняя въ полномъ правѣ присоединить теперь Курляндію, и только силою оружія можно было бы заставить ее отказаться отъ своего права“.

2) Второй пунктъ составляли пограничные споры въ Бѣлоруссіи. Россія требовала выдачи перебѣжчиковъ и вознагражденія за убытки, понесенные отъ польскихъ людей на границѣ.

Поляки, съ своей стороны, выставляли подобныя же требованія и готовы были назначить пограничную коммиссію для прекращенія недоразумѣній. Но въ Малороссіи дѣла были запутаннѣе. По Андрусовскому миру или вѣрнѣе перемирію, заключенному въ 1667 году Днѣпръ долженъ былъ составлять границу между Россіей и Польшей. Кіевъ, лежащій на польской сторонѣ, былъ уступленъ Россіи первоначально только на два года. Но въ 1686 году Янъ Собѣскій, стѣсненный Турками, заключилъ съ Россіей такъ-называемый „вѣчный миръ“. Россія обязалась помогать Польшѣ противъ Турціи, а Польша согласилась на нѣкоторыя уступки. Кіевъ былъ совершен-

но уступленъ Россіи. Береговая линія Днѣпра отъ Кіева внизъ до мѣстечка Стайкъ была также отдана Россіи, потомъ береговая линія отъ устья рѣки Тясмина внизъ по Днѣпру. Но насчетъ береговой линіи между устьемъ Тясмина и Стайками русскіе и польскіе послы никакъ не могли согласиться. Поляки говорили, что не имѣютъ полномочія уступить эту область; тогда русскіе предложили имъ оставить ее нейтральной, пока они получатъ позволенія отъ короля уступить ее Россіи; такъ какъ она была совершенно разорена, города и деревни выжжены, то постановили, чтобы ни Русскіе, ни Поляки не населяли ее и не строили бы тамъ городовъ. „Земли эти должны были лежать пусты". Въ 1720 г. пріѣзжалъ въ Россію великій посолъ польскій Хоментовскій и просилъ уступить эти пустыя земли Польшѣ. Но ему отвѣтили, что не Полякамъ слѣдуетъ объ этомъ просить, а Русскимъ. Ибо вся правая береговая линія Днѣпра должна бы была по вѣчному миру перейти къ Россіи. Но русскіе послы, принимая во вниманіе, что у польскихъ нѣтъ полномочія, согласились, чтобы эти земли оставались пустыми до тѣхъ поръ, пока Польша формально не уступитъ ихъ Россіи.

Но мало по малу Поляки начали не только захватывать земли и хутора, принадлежавшіе миргородскому и переяславскому полкамъ на правой сторонѣ Днѣпра, но также занимать пустыя земли между устьемъ Тясмина и Стайками. Русскими перебѣжчиками они населяли хутора и деревни и мало по малу выстроили 14,203 двора въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны были оставаться пусты. Кромѣ того, они обстроили разоренный городъ Чигиринъ и другіе.

Въ Чигиринѣ сидѣлъ староста Яблоновскій, который разставилъ караулы, построилъ заставы и началъ собирать пошлины съ русскихъ людей. Левенвольду было приказано напомнить Полякамъ статьи «вѣчнаго мира" и заставить ихъ выбраться изъ деревень и городовъ, несправедливымъ образомъ захваченныхъ. Поляки ссылались на дѣйствія пограничной коммисіи, которая все еще не собиралась. Тогда лѣтомъ 1732 году кіевскій генералъ-губернаторъ Вейсбахъ и малороссійскій гетманъ Апостолъ получили приказаніе послать команду на правый берегъ Днѣпра и изгнать Поляковъ изъ областей, захваченныхъ ими.

29-го августа 1732 года генералъ квартирместеръ лейтенантъ Штофель переправился черезъ Днѣпръ съ 150 драгунами и 120 казаками и объявилъ жителямъ деревень Каменки, Крюкова и пр., чтобы они находились по прежнему подъ державой русской императрицы. Онъ завладѣлъ всѣми деревнями отъ устья рѣки Тясмы до устья рѣки Ирклея, и отъ устья Ирклея вверхъ по этой рѣкѣ до источника ея, мимо Чигирина, до Чернаго Лѣса. Онъ нашелъ здѣсь 494 двора и 1,245 человѣкъ мужескаго пола. Между плѣнными былъ захваченъ нѣкто Чайковскій, который собиралъ пошлины на старосту Чигиринскаго со всѣхъ проѣзжающихъ. Въ мѣста за Тясминомъ рѣкой Штофель по случаю осени не ѣздилъ.

Генералъ Вейсбахъ, посредствомъ шпіоновъ, переодѣтыхъ купцами узналъ о числѣ дворовъ, построенныхъ въ мѣстахъ, которыя должны были оставаться не населенными. Русскій Дворъ сталъ требовать отъ Поляковъ, чтобы они разорили эти дворы и опустошили земли. Но польское правительство старалось придать экспедиціи лейтенанта Штофеля видъ непріятельскаго вторженія во время мира, а такъ какъ Турція въ

Прутскомъ мирѣ гарантировала неприкосновенность польскихъ владѣній въ Малороссіи, то польское правительство отправило въ Константинополь посла Сѣраковскаго, который долженъ былъ жаловаться на вторженіе русскихъ войскъ и возбуждать Порту противъ Россіи.

Третья претензія касалась имѣній кн. Меншикова въ Польшѣ. Этотъ алчный и ловкій любимецъ Петра воспользовался обстоятельствами, когда онъ стоялъ съ русскимъ войскомъ въ Литвѣ и купилъ тамъ много имѣній. Онъ заставилъ литовскихъ дворянъ признать его польскимъ шляхтичемъ; безъ этого онъ, какъ иностранецъ не могъ пріобрѣсти въ польскомъ королевствѣ поземельной собственности. Послѣ ссылки его въ Березовъ, изъ Россіи были отправлены въ Польшу офицеры и солдаты, чтобы охранять эти имѣнія. Поляки, конечно, не могли допустить, чтобы внутри Польши стояла команда русскихъ солдатъ, и требовали уступки этихъ имѣній. Они говорили, что Меншиковъ вынудилъ вооруженной силою у Литовцевъ право гражданства (индигенатъ), и что во всякомъ случаѣ по смерти его эти имѣнія должны перейти въ казенную собственность.

Русское правительство было согласно уступить эти имѣнія, но требовало, чтобы ему возвратили суммы, заплаченныя за нихъ Меншиковымъ. За графство Горыгорку 135,147 р., за нѣкоторыя другія деревни 43,100 р. и за похищенныя въ Горыгоркахъ деньги 9,820 р. 20 копѣекъ.

Кромѣ того, Меншиковъ купилъ у Поцѣя графство Дубровну въ 1719 г. за 150,000 р. Но это графство было предметомъ спора между Поцѣями и Сапѣгами. Въ 1723 г. трибуналъ присудилъ это графство Сапѣгамъ и оно было отнято у Меншикова. Русское правительство требовало, чтобы Сапѣги возвратили 150,000 р. съ процентами, считая съ 1723 года по 6% въ годъ; потомъ они могли бы взыскать эти деньги съ наслѣдниковъ Поцѣя.

4) Въ Ништадскомъ договорѣ было сказано, что Швеція заключитъ миръ съ Польшей при посредничествѣ Россіи. Но Швеція хотѣла обойтись безъ этого посредничества. Въ 1729 году былъ заключенъ этотъ миръ и подписанъ королемъ шведскимъ, а потомъ польскимъ, нужно было еще согласіе шведскаго и польскаго сеймовъ. Русское правительство протестовало противъ этого мира, но Поляки отвѣчали, что такъ какъ между Рѣчью Посполитою и Швеціею не было войны, то теперь не можетъ быть рѣчи о мирѣ. Это только возобновленіе прежнихъ договоровъ, поэтому посредничество Россіи не нужно. Во всякомъ другомъ случаѣ Поляки сочли бы за честь принять русское посредничество.

5) Наконецъ, Россія требовала, чтобы Августъ и Рѣчь Посполитая признали за Анной титулъ императрицы всероссійской. Министры Августа отвѣчали, что они согласны дать Аннѣ титулъ императрицы, но прибавка *Всероссійская*—могла бы привести къ ложнымъ и невыгоднымъ для Польши истолкованіямъ. Левенвольдъ писалъ въ Петербургъ, что вельможи польскіе готовы назвать императрицу всероссійской, но король медлитъ, ожидая для себя какихъ-нибудь выгодъ за эту услугу.

Претензіи со стороны Польши были гораздо менѣе важны и основательны. Поляки требовали Лифляндіи и основывались на договорѣ, заключенномъ въ 1704 году Дзялинскимъ, воеводою Хелминскимъ, по кото-

рому Россія обязалась уступить Польшѣ, всѣ шведскія области и города, которые когда-либо принадлежали Рѣчи Посполитой и будутъ отняты русскими войсками у Шведовъ. Русское правительство отвѣчало, что по тому же самому договору Польша обязалась собственными силами изгнать Шведовъ изъ Польши и помогать Россіи противъ Швеціи и Турціи. Но такъ какъ Польша этой обѣщанной помощи никогда не оказывала, то Россія имѣетъ полное право оставить за собой Лифляндію. Левенвольдъ писалъ, что притязанія Поляковъ на Лифляндію вовсе не серьозны, что польскія вельможи поддерживаютъ ихъ, потому что надѣятся получить отъ Россіи за это приднѣпровскія области или нѣсколько сотъ тысячъ рублей отступнаго, которыя они между собой раздѣлятъ. Потомъ Поляки жаловались, что русскія войска во время шведской войны взяли съ собой много пушекъ изъ польскихъ городовъ и замковъ и особенно изъ Бродъ, принадлежавшихъ Потоцкому. Имъ отвѣчали, что уже Хоментовскій просилъ объ этихъ пушкахъ, и что тогда были посланы указы къ губернаторамъ смоленскому и кіевскому возвратить всѣ польскія пушки, которыя у нихъ найдутся. Изъ Смоленска уже всѣ вывезены, и русское правительство готово выдать и остальныя, если только такія найдутся.

И въ этомъ случаѣ польскимъ вельможамъ, которые жили не по своимъ средствамъ и у которыхъ были неоплатные долги, хотѣлось только выманить у русскаго Кабинета нѣсколько тысячъ рублей.

Левенвольду было еще поручено стараться, чтобъ гетманскія булавы достались лицамъ, приверженнымъ Россіи.

Болѣе довѣрія и расположенія, чѣмъ къ Россіи, выказывалъ король Августъ въ послѣднее время своего царствованія къ Пруссіи.

Въ Дрезденской галлереѣ виситъ картина, замѣчательная не по работѣ, но по сюжету, который она изображаетъ *).

На этой картинѣ представленъ человѣкъ средняго роста въ вытяжкѣ и съ выраженіемъ лица фрунтоваго офицера. На немъ мундиръ прусскаго гренадерскаго полка изъ синяго бархата съ красными отворотами и золотыми снурками. На груди стальной кирасъ съ золотымъ ободкомъ, а надъ кирасомъ звѣзда и лента чернаго орла; подъ мышкой у него маленькая треугольная шляпа, лѣвая рука его держится за эфесъ тяжелой сабли, правой онъ крѣпко жметъ руку другаго человѣка, который стоитъ противъ него. Это новое лице, человѣкъ высокаго роста, съ величавой осанкой, и съ мягкимъ и ласковымъ выраженіемъ придворнаго сановника. Его богатая одежда изъ краснаго бархата выткана золотомъ; его большая французская шляпа украшена страусовыми перьями; къ его портупеѣ съ золотыми кистями прикрѣплена модная шпага; на груди его голубая польская лента, и орденъ золотаго руна. Около него на красной подушкѣ лежатъ два скипетра и двѣ золотыя короны, а на стѣнѣ въ одномъ гербѣ соединены бранденбургскій скипетръ и саксонскіе два меча.

Эта картина заказана въ 1728 году королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ дрезденскому живописцу Сильвестру, въ память свиданія между двумя королями.

Австрійскій посолъ Секендорфъ и другъ его генералъ Грумкау все болѣе опутывали короля въ сѣтяхъ австрійской политики, чтобы удалить его отъ союза

*) Carlyle. Frederick The Great.

© ГПБ СПбАН

съ Англіей. Любимой мыслью прусской королевы было женить своего сына Фридриха на англійской принцессѣ Амаліи, и выдать свою Вильгельмину за англійскаго Фридриха. Но супругъ ея все болѣе противился этому браку и упрямство его не могли смягчить ни слезы, ни просьбы королевы. Между супругами безпрестанно происходили самыя непріятныя сцены. Чтобы развлечь угрюмаго короля, Секендорфъ и Грумкау уговорили его навѣстить своего сосѣда и провести нѣсколько дней при веселомъ дрезденскомъ дворѣ. Гостепріимный Августъ удивилъ Европу великолѣпнымъ пріемомъ, который онъ сдѣлалъ желанному гостю. Прусскій король пробылъ около мѣсяца въ Дрезденѣ и провелъ тамъ время карнавала; въ продолженіе всего этого времени одно увеселеніе смѣнялось другимъ *): не было конца иллюминаціямъ, фейерверкамъ и пушечнымъ залпамъ, новымъ операмъ, комедіямъ и раутамъ, различнымъ охотамъ за кабанами за лисицами и за барсуками; но болѣе всего времени заняли смотры, карусели и пышные обѣды. Бережливый король, который тратилъ въ Берлинѣ въ день акуратно 93 талера на всѣ издержки своего хозяйства, любилъ однако пировать въ гостяхъ и находился тогда въ самомъ пріятномъ и любезномъ настроеніи духа. Августъ былъ веселый хозяинъ и ничего не жалѣлъ. Онъ хотѣлъ занять своего гостя и другаго рода развлеченіями, но это совершенно не удалось. Однажды онъ повелъ вечеромъ прусскаго короля, со всей свитой его, въ роскошно убранныя и отлично освѣщенныя комнаты; король съ удивленіемъ разсматривалъ богатое убранство и хвалилъ вкусъ хозяина; вдругъ упалъ занавѣсъ и зрителямъ представилась сцена, которая перенесла ихъ въ чудесную область восточныхъ сказокъ; саксонскіе придворные были въ восторгѣ, но прусскій король съ досадой отвернулся, и увидавъ, что его 16-ти-лѣтній сынъ, будущій герой и побѣдитель безчисленныхъ войскъ съ жадностью впился въ невиданное зрѣлище, онъ поспѣшно вытолкалъ его изъ комнаты *). Онъ былъ цѣлый день не въ духѣ и хотя Августъ старался придать всему видъ шутки, онъ объявилъ, что если ему еще разъ сдѣлаютъ такую непріятность, то онъ немедленно уѣдетъ изъ Дрездена. Однако Августъ съумѣлъ своей любезностью скоро уничтожить дурное впечатлѣніе, которое произвела на короля эта неуспѣшная услужливость. Они разстались друзьями. Августъ только что овдовѣлъ, онъ рѣшился скрѣпить новую дружбу брачнымъ союзомъ и предложилъ себя въ женихи старшей дочери Фридриха-Вильгельма. Ему было 53 года, его крѣпкое тѣло было истощено неумѣренной жизнью и у него уже было 354 человѣка дѣтей, какъ разсказываетъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ мемуарахъ та, за которую онъ сватался. Но прусскій король не спрашивалъ дочерей, когда онъ ихъ выдавалъ замужъ, онъ обрадовался жениху и пригласилъ его въ Берлинъ.

*) Carlyle. Frederick The Great. T. Ed. V. 3 p. 99.

Въ маѣ того же года Августъ прибылъ въ столицу Пруссіи съ свитой изъ 500 человѣкъ. Фридрихъ Вильгельмъ не желалъ уступить своему новому другу въ гостепріимствѣ и любезности и забылъ о своей бережливости. О дѣлахъ не много говорили; еще до своего пріѣзда Августъ прислалъ графа Мантейфеля къ королю съ просьбой, чтобы во все время его пребыванія въ Берлинѣ не было рѣчи ни о какихъ серьозныхъ дѣлахъ, и чтобы его не принуждали пить противъ

*) См. мемуары маркграфини Вильгельмины. I. p. 101.

ОТДЕЛ РЕДКОЙ КНИГИ

желанія. Король, конечно, согласился. Поговорили только о сватовствѣ; но сынъ Августа кронпринцъ Саксонскій, не желавшій имѣть мачихи, не соглашался подписать договора, которымъ Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ обезпечить будущность своей дочери. Бракъ не состоялся, но дружба и доброе согласіе между двумя королями отъ этого не пострадали. Августъ уѣхалъ изъ Берлина, а король прусскій поспѣшилъ пополнить убытки, которые понесла его казна отъ саксонскаго нашествія. Онъ приказалъ, чтобы со дня отъѣзда гостей выдавали на королевское хозяйство не 93 талера въ день какъ прежде, а 72, когда онъ будетъ находиться въ Потсдамѣ, а королева въ Берлинѣ; если же они будутъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, то выдавать только 55 талеровъ.

Августъ и Фридрихъ-Вильгельмъ видѣлись еще разъ въ 1730 году, когда король польскій устроилъ на берегахъ Эльбы, въ Радевицѣ, знаменитый смотръ, надѣлавшій столько шуму въ газетахъ того времени. Тамъ были построены палатки для 30,000 арміи, одѣтой къ этому дню въ новые мундиры; черезъ рѣку были устроены три моста. Для двора и для многочисленныхъ гостей были поставлены палатки изъ шелковой матеріи, и деревянные домики, около которыхъ были разведены сады съ цвѣтами, обведенные рѣшетками съ вызолоченными головками. На рѣкѣ стояла цѣлая флотилія богато украшенныхъ шлюпокъ. Армія была раздѣлена на двѣ части, которыя каждый день давали другъ другу сраженія; вечеромъ и ночью сожигались фейерверки. На другой сторонѣ рѣки былъ выстроенъ дворецъ геніевъ, съ башнями и зубчатыми стѣнами. Двѣсти плотниковъ работали за нимъ около 6 мѣсяцевъ. Онъ былъ обитъ

разрисованнымъ холстомъ; 6,000 аршинъ холста понадобилось для этого. Вечеромъ его увѣшивали тысячами разноцвѣтныхъ фонарей и этотъ дворецъ геніевъ представлялъ изъ-за рѣки чудесный видъ. Символическія изображенія и огненныя надписи были видны изъ далека. По окончаніи смотровъ, данъ былъ обѣдъ для гостей и всего войска; 80 быковъ были изжарены для солдатъ и розданы имъ цѣлыя бочки вина и пива; наконецъ 8 лошадей привезли дроги, на которыхъ стояла деревянная палатка; ее сняли и зрители увидали огромный пирогъ въ 14 аршинъ въ длину и 6 въ ширину: 5,000 яицъ и цѣлая бочка масла пошли на него; мука и прочія принадлежности соразмѣрно съ этимъ. Топоромъ отрубали отъ этого пирога куски для почетныхъ гостей, потомъ онъ былъ отданъ солдатамъ *).

Августъ не даромъ тѣшилъ своего сосѣда; ему нуженъ былъ прусскій союзъ и помощь 80,000 прусскаго войска. Августъ въ послѣднее время убѣдился болѣе чѣмъ когда-либо, какъ трудно управлять его безпокойными и упрямыми подданными на берегахъ Вислы; его тревожило наслѣдство, которое онъ оставлялъ сыну; національная ненависть къ Саксонцамъ возрасла въ Польшѣ до того, что кронпринцъ имѣлъ мало надежды на польскій престолъ. Не разъ королю Августу должна была приходить мысль, составить себѣ сильную партію приверженцевъ, посредствомъ раздачи почетныхъ должностей, орденовъ и денегъ, призвать свое выдрессированное саксонское войско и объявить престолъ польскій наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Онъ рѣшился бы на борьбу съ національ-

*) Живое и интересное описаніе этого празднества у Карлейла. Fred. 3 p. 285.

ной партію въ Польшѣ, но боялся своихъ сосѣдей, которые были къ нему нерасположены, и которые не допустили бы, чтобъ около нихъ, вмѣсто ослабленной раздорами Рѣчи Посполитой, образовалось сильное государство съ наслѣдственнымъ престоломъ, благоустроенными финансами и дисциплинированнымъ войскомъ. Безъ союзниковъ Августъ не могъ и думать о насильственныхъ мѣрахъ въ Польшѣ и поэтому онъ въ послѣднее время своей жизни склонялся къ союзу съ Франціей и искалъ дружбы Фридриха-Вильгельма.

Августъ былъ слишкомъ вялъ и слишкомъ разбитъ неумѣренной жизнью, чтобы серьозно думать о какомъ-нибудь планѣ и привести его къ счастливому окончанію. Однако слухъ о его тайныхъ намѣреніяхъ встревожилъ Поляковъ. Въ Польшѣ Примасъ, т. е. архіепископъ Гнезненскій первый сенаторъ и правитель Рѣчи Посполитой во время междуцарствія, стоялъ почти всегда во главѣ оппозиціи противъ короля. Въ это время Примасомъ былъ Ѳеодоръ Потоцкій. Онъ прежде былъ епископомъ Вармійскимъ *) и никогда не принадлежалъ къ приверженцамъ Августа. Король думалъ расположить его къ себѣ, когда онъ ему въ 1722 году поручилъ самую высшую должность въ Польшѣ. Но Примасъ уже по родственнымъ связямъ своимъ не могъ сблизиться съ королемъ. Фамилія Потоцкихъ соперничала въ это время съ Чарторижскими; такъ какъ послѣдніе были въ числѣ любимцевъ Августа и находились подъ вліяніемъ Франціи, то Потоцкіе искали подпоры Австріи. Примасъ получалъ, какъ мы видѣли, пенсію отъ австрійскаго двора, 6000 черв. въ годъ. Испуганный слухами о намѣреніяхъ Августа, онъ обратился съ просьбою о защитѣ польской

*) Massuet H. des Rois de Pologne. T. III. p. 271.

вольности къ Австріи и Россіи. Эти державы выразили полную готовность поддерживать польскихъ патріотовъ, и осторожная Австрія уже начала собирать войска въ Силезіи, на границахъ Польши.

Сопротивленіе, которое встрѣтилъ Августъ на послѣднемъ сеймѣ осенью 1732 года сильно раздражила его, и онъ сталъ думать настойчивѣе чѣмъ когда либо о насильственномъ переворотѣ. Въ ноябрѣ отъ него отправился уполномоченный къ берлинскому двору, чтобы склонить короля къ тѣсному союзу и рѣшительнымъ мѣрамъ. Дѣло это держалось конечно въ большой тайнѣ; переговоры были для безопасности только устные. Поэтому мы мало знаемъ о нихъ; только въ письмахъ Грумкова къ Мантейфелю есть нѣсколько намековъ на предложенія Августа. Король польскій требовалъ, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ помогъ ему утвердить наслѣдство въ своемъ домѣ и не щадилъ обѣщаній: онъ предлагалъ уступить ему польскую Пруссію, часть Великой Польши, Курляндію и отказывался въ пользу его отъ своихъ притязаній на Юлихъ и Бергъ. Чтобы ободрить прусскаго короля, Августъ обѣщалъ ему снискать расположеніе Австріи и Россіи.

Онъ хотѣлъ, между прочимъ, уступить Австріи Ципскую область, предметъ давнишнихъ споровъ между Венгріей и Польшей, и разорвать свой союзъ съ Франціей. Августъ желалъ имѣть свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, когда приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и какъ ему вести себя во время сейма, который долженъ былъ собраться. Уполномоченный его былъ увѣренъ, что дѣло пойдетъ успѣшно и что „четыре орла раздѣлятъ между собой пирогъ“. Онъ старался скло-

нить на свою сторону вліятельнаго Грумкова и обѣщалъ ему отъ имени своего короля староство въ 15,000 талеровъ.

Проектъ этотъ очень понравился прусскому королю, но онъ не зналъ, что дѣлать; съ одной стороны другъ его, австрійскій посолъ Секендорфъ и любимецъ его, подкупленный Австріей Грумкау влекли его къ союзу съ Австріей и Россіей; съ другой стороны — главный совѣтникъ его кабинета Маршальфонъ-Биберштейнъ, бывшій посланникомъ въ Польшѣ, располагалъ его въ пользу Августа. Король позволилъ австрійской партіи заключить Левенвольдовъ трактатъ и въ тоже время отправилъ Маршала въ Дрезденъ, чтобы изустно переговорить обо всемъ съ Августомъ. Фридриху-Вильгельму хотѣлось привести сначала въ ясность нѣкоторыя подробности, и онъ далъ своему послу инструкцію, въ которой требовалъ отвѣта на 12 вопросовъ*). Главнымъ образомъ онъ хотѣлъ узнать, какія силы Августъ думаетъ противопоставить Россіи, если бы эта держава не согласилась на раздѣлъ Польши, и снесся ли онъ уже по этому дѣлу съ Турціей и съ крымскимъ ханомъ. Потомъ, какія мѣры предпринялъ онъ въ самой Польшѣ, чтобы облегчить успѣхъ этого намѣренія, и надѣется ли онъ переманить на свою сторону польское войско. Наконецъ, сколько полковъ должны выставить Пруссія и Саксонія, чтобы привести въ исполненіе задуманный планъ? Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Августъ на эти вопросы. Маршалъ писалъ изъ Дрездена, что Саксонскій дворъ надѣется на успѣхъ и въ концѣ декабря возвратился въ Берлинъ. Король разсказалъ обо всемъ Грумкову и спрашивалъ у него совѣта.

*) У Ферстера р. 119.

Грумкау не очень охотно входилъ въ эти переговоры, не смотря на личныя выгоды, которыя ему обѣщали. Онъ только что заключилъ Левенвольдовъ трактатъ и вѣроятно получилъ благодарность отъ союзныхъ дворовъ. Ему было не ловко измѣнить свою политику въ 2 недѣли. Но какъ бы то ни было, въ январѣ 1733 г. Грумкау отправился съ тайнымъ порученіемъ къ королю Августу. Не смотря на нѣкоторое разногласіе въ политическихъ взглядахъ Августъ и Грумкау чувствовали другъ къ другу большую симпатію; у нихъ было такъ много общаго. Никто не могъ высидѣть такъ долго съ королемъ польскимъ въ его чудовищныхъ попойкахъ, какъ прусскій министръ, который заслужилъ себѣ прозвище Биберія.

Король спѣшилъ въ Варшаву, гдѣ въ концѣ января долженъ былъ открыться новый чрезвычайный сеймъ. Онъ долженъ былъ проѣхать черезъ прусскія владѣнія. Тамъ въ Кроснѣ 11 января ожидалъ его Грумкау. Они провели вмѣстѣ цѣлый вечеръ и цѣлую ночь и пили и говорили о политикѣ. Они угощали другъ друга, какъ будто каждому хотѣлось узнать съ помощью вина тайны другаго. Объ чемъ они тамъ переговорили, потомство никогда не узнаетъ. Они пили такъ неумѣренно, что Грумкау возвратился въ Берлинъ угрюмый и больной. Его крѣпкое тѣлосложеніе было такъ разстроено, что ему начали являться привидѣнія. Однажды ночью подошелъ къ его постели король польскій, одѣтый въ саванъ; онъ отодвинулъ занавѣску и пристально смотрѣлъ на товарища минувшихъ дней.

На другой день прусскій министръ съ ужасомъ разсказывалъ своему королю и всему двору объ этомъ

ночномъ посѣщеніи. Грумкау прожилъ еще 6 лѣтъ, но говорятъ, что онъ уже не могъ оправиться послѣ памятнаго 10-го января.

Король польскій Августъ продолжалъ свое путешествіе; онъ ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ его ждала смерть.

Въ Варшавѣ, въ январѣ 1733 года, кипѣла необыкновенная жизнь. Со всѣхъ концевъ обширной Польши съѣзжались въ столицу воеводы, кастеляны и земскіе послы, съ безчисленнымъ количествомъ вооруженныхъ шляхтичей и дворовыхъ людей. Всѣ были въ большомъ волненіи. Только что былъ разорванъ сеймъ, въ концѣ 1732 года, и вотъ король уже созываетъ новый чрезвычайный сеймъ. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго. Ходили слухи, что король на этотъ разъ непремѣнно раздастъ упраздненныя должности, не смотря ни на какое сопротивленіе партій. Однихъ это радовало, другихъ очень безпокоило. Чарторижскіе и зять ихъ Понятовскій, любимцы короля, сорили деньгами, чтобы составить сильную партію, которая не позволила бы разорвать сеймъ. Другіе вельможи, Потоцкіе, Мнишекъ, Вишневецкіе, составляли оппозицію, чтобы разорвать сеймъ во чтобы то ни стало. Сеймики, на которыхъ избирались земскіе послы въ каждомъ воеводствѣ, были самые бурные; особенно въ Краковѣ. На сеймахъ предсѣдателемъ посольской избы бывалъ всегда маршалъ прошлаго сейма до тѣхъ поръ, пока не окончивалось избраніе новаго маршала. Но часто сеймы разрывались, прежде чѣмъ могъ быть избранъ новый маршалъ. Тогда на слѣдующемъ сеймѣ предсѣдателемъ былъ первый посолъ краковскаго воеводства. Такимъ образомъ на сеймѣ 1732 года роль маршала исполнялъ краковскій посолъ Ожаровскій. Онъ энергически занялся своимъ

дѣломъ и навлекъ на себя ненависть всѣхъ тѣхъ, которымъ хотѣлось разорвать сеймъ. Теперь враги его хлопотали о томъ, чтобъ онъ не былъ снова избранъ посломъ отъ краковскаго воеводства. Они успѣли разорвать краковскій сеймикъ. Но Ожаровскій былъ избранъ посломъ въ княжествѣ Заторскомъ, второмъ повѣтѣ краковскаго воеводства и такимъ образомъ пришлось все-таки ему быть предсѣдателемъ посольской избы на варшавскомъ сеймѣ.

Въ черниговскомъ воеводствѣ сеймикъ былъ также шуменъ. На послѣднемъ сеймѣ главной причиной неудачи былъ протестъ земскаго посла, Любинецкаго. Приверженцы короля, особенно Понятовскій, старались исключить его на этотъ разъ изъ числа земскихъ пословъ. Имъ удалось это, но Любинецкій успѣлъ вмѣсто себя выставить своего брата, который и былъ избранъ.

Литовскіе послы пріѣхали недовольные и раздраженные. Въ инструкціяхъ витебскаго посла Гурки, который протестовалъ на послѣднемъ сеймѣ, требовали наказанія Ожаровскаго, который будто бы своими самовластными поступками нарушилъ право земскихъ пословъ *) на послѣднемъ сеймѣ.

Иностранные посланники, особенно римско-цесарскій и русскій были не менѣе озабочены чѣмъ польскіе вельможи. У нихъ постоянно происходили тайныя конференціи между собой и съ Поляками, устроивались обѣды, на которыхъ пили за сохраненіе польскихъ вольностей. Этими тостами посланники поддерживали благородный жаръ въ сердцахъ польскихъ патріотовъ, которые искали чужеземной помощи для

*) Mercure Historique et Politique. Fevrier 1733. Rousset. Томъ 94. A la Haye p. 168.

достиженія своихъ цѣлей. Еще во время послѣдняго сейма, оппозиція противъ короля, т. е. Примасъ, Потоцкіе, Вишневецкіе, Мнишекъ и др. просили черезъ Левенвольда русскую императрицу, чтобы она поддержала ихъ вооруженной силой. Помощь была имъ обѣщана. Теперь Левенвольдъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда кіевскаго воеводы Потоцкаго и кн. Михаила Вишневецкаго, регименгаря литовскихъ войскъ. Они медлили, и Левенвольдъ сталъ уже опасаться, что они раскаялись и не хотятъ вступать съ нимъ въ обязательства. Это сомнѣніе возбудилъ въ немъ осторожный вопросъ гр. Мнишка: „На чей счетъ будетъ содержаться русское войско, которое въ случаѣ необходимости должно вступить въ Польшу.“ Левенвольдъ спѣшилъ успокоить своего союзника, и отвѣтилъ ему: „Это только багатель, русскіе солдаты малымъ довольны“*). Наконецъ Потоцкій и Вишневецкій прибыли въ Варшаву.

Этотъ коронный маршалокъ Мнишекъ, который получалъ въ одно и то же время пенсію отъ своего короля и отъ русскаго двора**), хлопоталъ болѣе другихъ, чтобы сеймъ не состоялся. Онъ увѣрялъ Левенвольда, что его партія не допуститъ даже до избранія сеймоваго маршала. Русскій посолъ ободрялъ его въ этомъ намѣреніи и обѣщалъ помощь императрицы. Въ половинѣ января пріѣхалъ въ Варшаву саксонскій референдарь Тіоли; Понятовскій и Чарторижскіе тотчасъ поѣхали къ нему, какъ пишетъ Левенвольдъ, чтобы „чинить куру.“

Наконецъ, 16-го числа прибылъ самъ король. Но онъ пріѣхалъ усталый отъ дороги и больной; въ Варшавѣ ему сдѣлалось хуже, онъ никого не принималъ, ни посланниковъ, ни польскихъ вельможъ. Напрасно старался Левенвольдъ выхлопотать себѣ аудіенцію, чтобы жаловаться на Ожаровскаго и требовать удовлетворенія за то, что онъ распространялъ на послѣднемъ сеймѣ ложные слухи относительно Курляндіи, будто бы императрица хочетъ занять эту страну вооруженной силой. Подобные слухи о вступленіи русскихъ войскъ въ Курляндію или о приближеніи ихъ къ польской границѣ служили для людей, нерасположенныхъ къ Россіи, орудіемъ для того, чтобы возбуждать противъ нея ненависть и усиливать приверженцевъ короля. Одни только Чарторижскіе имѣли свободный доступъ къ королю во время его болѣзни.

*) Реляція Левенв. 1733. №. 2. отъ 4 янв. ст. ст.

**) 28 сент. 1732 г. Левенв. далъ ему по указу императрицы 2160 червонцевъ, какъ видно изъ его счетовъ.

26-го января послѣдовало открытіе сейма. Въ этотъ день сенаторы и земскіе послы собирались въ замкѣ въ часъ назначенный великимъ маршалкомъ коронным, и оттуда отправляли свои кареты и свою свиту во дворецъ для украшенія королевскаго поѣзда. Въ этотъ день на Краковской улицѣ, которая вела отъ дворца къ замку, сметали грязь и соръ, а въ сухую погоду поливали ее водой. Никому не позволяли проѣзжать по ней, пока не оканчивалось торжество. Саксонскіе трабанты, въ парадныхъ мундирахъ, были разставлены по обѣимъ сторонамъ улицы, въ разстояніи десяти шаговъ другъ отъ друга.

Кареты ѣхали въ порядкѣ одна за другой, смотря по знатности своихъ владѣльцевъ; около каждой каретой шла пѣшкомъ свита или либерія, передъ лошадьми лакеи, потомъ гайдуки, въ длинныхъ контушахъ и высокихъ венгерскихъ шапкахъ съ страусовыми перьями; возлѣ кареты янычары или паюки, въ богатой турецкой одеждѣ, а за ними ѣхали верхомъ два

пажа. Самая малочисленная свита состояла изъ 4 лакеевъ и двухъ гайдуковъ; самая многочисленная—изъ 12 лакеевъ, 6 гайдуковъ, съ 2 или 4 янычарами.

За каретами польскихъ вельможъ слѣдовали кареты иностранныхъ посланниковъ и папскаго нунція, а за ними карета великаго маршалка коронnаго, потомъ тянулась такъ-называемая кавалькада королевская, которая состояла изъ нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ, коронныхъ и литовскихъ, региментарей и полковниковъ; ее замыкалъ королевскій конюшій; наконецъ передъ королевской каретой тянулась либерія короля. Самъ король ѣхалъ въ каретѣ, запряженной 6 большими испанскими конями, соловаго цвѣта, вызолоченной, со стекляными стѣнками, чрезъ которыя видна была вся особа его. За каретой короля ѣхали верхами 36 трабантовъ съ двумя офицерами, однимъ впереди, а другимъ сзади*).

Это пышное зрѣлище привлекало тысячи зрителей, которые толпились на улицѣ, въ окнахъ и на крышахъ домовъ; но на этотъ разъ любопытные жители Варшавы не дождались зрѣлища: королю стало хуже, доктора не позволили ему встать съ постели, и сеймъ былъ открытъ безъ него. Противъ этого протестовали Примасъ и его партія. Они говорили, что сеймъ не дѣйствителенъ, если король не присутствуетъ на немъ вмѣстѣ съ двумя другими чинами Рѣчи Посполитой, сенаторскимъ и рыцарскимъ. Но имъ отвѣчали на это, что достаточно, если король только находится въ одномъ городѣ съ сеймомъ.

Епископъ Вармійскій отправилъ литургію въ соборѣ св. Іоанна, а потомъ коронный референдарь сказалъ рѣчь; послѣ чего послы обоихъ народовъ, т. е. польскаго и литовскаго вошли въ свою палату и сѣли на свои мѣста. Временный предсѣдатель палаты, Ожаровскій, открылъ засѣданіе напыщенною по обычаю того времени рѣчью, въ которой онъ благодарилъ короля за его неусыпное стараніе объ общей пользѣ, поздравилъ пословъ съ открытіемъ сейма, возбуждалъ ихъ рвеніе къ общему дѣлу и выразилъ желаніе, чтобы они послѣ троекратной неудачи привели этотъ сеймъ къ счастливому концу. Потомъ онъ предложилъ имъ приступить къ избранію сеймоваго маршала. Но рѣчь эта была перервана брацлавскимъ посломъ Огинскимъ. Этотъ Огинскій былъ сыномъ воеводы витепскаго, который принадлежалъ къ партіи Левенвольда и имя котораго находится въ счетѣ о раздачѣ русскихъ соболей разнымъ „доброжелательнымъ лицамъ.“ Молодаго Огинскаго поддержали другіе послы его воеводства, и между ними Гурко, который разорвалъ послѣдній сеймъ. Въ палатѣ начались споры и шумъ. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и столпились въ серединѣ залы. Съ трудомъ Ожаровскій успокоилъ ихъ и разсадилъ по мѣстамъ. Потомъ начали спорить о томъ, съ какихъ пословъ начать подачу голосовъ, ибо краковское воеводство не прислало депутатовъ. Споры продолжались такъ долго, что наконецъ всѣ утомились. Мазовецкіе послы стали требовать закрытія засѣданія. Но Ожаровскій отвѣтилъ имъ на это, что по польскимъ законамъ избраніе маршала должно быть окончено въ первый день. Такъ какъ нельзя было надѣяться на единодушіе, то нѣкоторые предложили, избрать маршала по большинству голосовъ. Предложеніе это возбудило всеобщее негодованіе; опять всѣ столпились въ серединѣ залы. Огинскій кричалъ, что

*) Opis obyczajów y Zwyczaiów za panowania Augusta III. Kitowicza. Wydany pr. Ed. Raczynskiego. T. IV p. 46.

никогда такихъ злоупотребленій не бывало въ этой „мастерской законовъ“ (officina legum *). Наконецъ, всѣ члены опять сѣли по мѣстамъ, а нѣкоторые стали требовать прекращенія засѣданія.

Ожаровскій объявилъ, что хотя и противно закону отсрочивать засѣданіе до избранія маршала, однако онъ соглашается на требованіе ихъ, въ надеждѣ, что засѣданіе слѣдующаго дня будетъ успѣшнѣе. Въ 6 часовъ вечера земскіе послы вышли изъ палаты, утомленные своимъ безполезнымъ трудомъ.

Между тѣмъ какъ измученные послы мечтали дома о счастливомъ продолженіи сейма, въ кабинетѣ русскаго посланника рѣшалась его судьба. Тамъ сидѣли у Левенвольда 2 брата Любинецкихъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже давно знакомъ съ русскимъ посланникомъ, онъ получалъ пенсію отъ русскаго двора въ 139 червонцевъ въ годъ и вполнѣ заслуживалъ ее своимъ отчаяннымъ протестомъ на сеймахъ. Другой, въ первый разъ избранный въ земскіе послы, былъ еще робокъ и Левенвольдъ давалъ ему наставленія, какъ дѣйствовать. Онъ обѣщалъ ему 300 червонцевъ, если онъ не допуститъ сеймъ до избраніи маршала. Но въ эту ночь не спала и противная партія. „Чарторижскихъ деньги довольно сыпались, сообщаетъ реляція русскаго посла и задобрили большую часть голосовъ“.

Засѣданіе открылось. Левенвольдъ принялъ всѣ мѣры, чтобы поддержать свое орудіе и въ случаѣ опасности опасти его. Входъ въ земскую палату никому не былъ воспрещенъ, а потому около Любинецкаго сталъ его опытный братъ, уже привыкшій къ бурямъ польскихъ сеймовъ. Въ густой толпѣ, окружавшей зданіе, были разсѣяны польскіе шляхтичи, находив-

*) Изъ рукописнаго журнала этого сейма, приложеннаго къ рел. Лев.

шіеся на службѣ русскаго посла, и въ разныхъ мѣстахъ были искусно разставлены „резолютные“ офицеры верхами, для безопасности отважнаго депутата.

Ожаровскій опять открылъ засѣданіе высокопарною рѣчью и пригласилъ членовъ приступить къ избранію маршала.

Тогда Любинецкій всталъ и объявилъ: „Такъ какъ законъ требуетъ, чтобы избраніе маршала было окончено въ первый день, и такъ какъ это требованіе не было исполнено, то онъ протестуетъ противъ всего, что будетъ происходить на этомъ сеймѣ“. Затѣмъ онъ направился къ двери, потому что протестъ получалъ силу только тогда, когда протестовавшій выходилъ изъ собранія. Но при этихъ словахъ его въ палатѣ начался страшный шумъ и крикъ; у двери столпилось такъ много народу, что Любинецкій едва могъ выйти изъ залы; одинъ шляхтичъ Понятовскаго выхватилъ было саблю, чтобъ нанести ударъ Любинецкому, но отъ тѣсноты могъ только приткнуть саблю къ его груди. Старшій Любинецкій не отставалъ отъ своего брата ни на шагъ: тростью своею онъ отбилъ саблю и протащилъ брата сквозь толпу на улицу. Тамъ грозила ему новая опасность отъ яростной черни; но одинъ изъ офицеровъ Левенвольда посадилъ Любинецкаго на свою лошадь, на которой тотъ благополучно и ускакалъ домой.

Протестъ Любинецкаго не удался. Партія, желавшая продолженія сейма была несравненно сильнѣе своихъ противниковъ. Въ палатѣ поднялись голоса, которые утверждали, что протестъ Любинецкаго незаконенъ. Черниговское воеводство, говорили они имѣетъ право прислать только 4 депутатовъ, а Любинецкій самъ—шестой. Но такъ какъ число депута-

товъ, которыхъ должно было высылать на сеймъ каждое воеводство, было опредѣлено не закономъ, а только обычаемъ, то и не возможно было рѣшить этого вопроса. Однако всѣ присутствовавшіе обрадовались предлогу—объявить протестъ Любинецкаго незаконнымъ, что и было принято большинствомъ собранія. Староста Крушвицинскій объявилъ, что онъ предпочитаетъ лучше нарушить свободу, чѣмъ вовсе утратить ее *). Огинскій хотѣлъ поддержать Любинецкаго и требовалъ, чтобъ ему показали постановленіе о Черниговскихъ депутатахъ. Когда его требованіе исполнили, то онъ склонился на просьбы прочихъ пословъ и замолчалъ. Черниговскіе послы хотѣли вступиться за своего товарища и за права своего воеводства, доказывая, что оно постоянно высылало шестерыхъ пословъ; но наконецъ и они успокоились. Первый посолъ между ними сказалъ, что онъ предпочитаетъ уступить большинству, чѣмъ умничать одному **). Въ часъ пополудни казалось, что сеймъ будетъ разорванъ, но въ 4 часа избраніе маршала счастливо кончилось. Маршаломъ былъ провозглашенъ Ожаровскій и засѣданіе закрылось.

Левенвольдъ былъ очень недоволенъ, что планъ его не удался. Въ письмѣ къ своему двору онъ жалуется на Потоцкихъ и на австрійскаго посланника, говоря, что если бы они не пожалѣли денегъ и подкупили еще одного посла, то сеймъ былъ бы разорванъ. Левенвольдъ просилъ графа Вильчка, римско-цесарскаго посла не скупиться и пожертвовать нѣсколько денегъ

*) Melius esse in parte laedere libertatem, quam integram amittere; quia haec non est libertas, quae se ipsam tollit.

**) Malit in pluralitate parere, quam solus sapere. Пословица собственно гласитъ: лучше ошибаться съ большинствомъ, чѣмъ быть правымъ одному.

для общей пользы; но графъ отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ на это инструкцій и что онъ не можетъ взять это на свою отвѣтственность. Левенвольдъ хвалитъ въ своей реляціи Любинецкихъ и проситъ императрицу, чтобы она наградила ихъ за опасность, которой они подвергались, напоминая, что одинъ изъ нихъ уже 10 лѣтъ съ пользой находится на службѣ ея величества, и что „такихъ надежныхъ людей въ здѣшней землѣ зѣло найти трудно“. Левенвольдъ говорилъ съ Примасомъ о незаконномъ поступкѣ сейма, который не обратилъ вниманія на протестъ одного изъ своихъ членовъ. Но Примасъ принялъ это какъ-то холодно. „Нельзя отрицать, сказалъ онъ, что Любинецкій шестой посолъ, тогда какъ воеводство можетъ прислать только четверыхъ. Но вѣдь сеймъ до избранія маршала еще не существуетъ, поэтому и не можетъ быть расторгнутъ. Любинецкому слѣдовало бы дождаться избранія маршала, а уже потомъ протестовать“. Напрасно приводилъ Левенвольдъ примѣры того, какъ сеймы были разрываемы до избранія маршала и какъ въ 1726 году, братъ Любинецкаго протестовалъ въ Гроднѣ противъ продолженія сейма, и хотя онъ былъ тогда пятымъ черниговскимъ посломъ, однако имя его все-таки было внесено въ протестъ, какъ законнаго посла. Примасъ отвѣчалъ, что сеймъ правъ, и не вступался въ дѣло. Но другіе вельможи сильнѣе его приняли это дѣло къ сердцу; „это есть нарушеніе польскихъ вольностей“, говорили они. Князь Любомирскій, воевода Краковскій, который не смотря на собственноручное письмо къ нему Августа II помѣшалъ избранію Ожаровскаго въ послы отъ его воеводства, жаловался графу Вильчку на притѣсненіе liberum veto, т. е. свободной подачи голосовъ. Онъ говорилъ,

что Примасу слѣдовало бы оберегать свободу посольской избы противъ королевскихъ приверженцевъ, между тѣмъ какъ Примасъ ни разу не былъ въ замкѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что санъ его не позволяетъ ему присутствовать тамъ безъ короля. Любомирскій просилъ графа не разглашать объ этомъ, ссылаясь на то, что однажды, когда ему пришлось говорить съ Примасомъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, въ присутствіи примасова племянника, воеводы бележскаго, то на другой же день обо всемъ уже было извѣстно самому королю, и что вслѣдствіе этого онъ впалъ въ немилость: „Вѣроятно, воевода разсказывая другимъ, былъ въ нетрезвомъ видѣ; а тѣ донесли королю“.

Но Любомирской не всегда былъ такъ остороженъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, находясь въ пріемной короля, въ рѣзкихъ выраженіяхъ жаловался онъ на Примаса, просилъ коронаго маршалка донести о его рѣчахъ королю и грозилъ уѣхать изъ Варшавы, протестуя противъ сейма.

Главная причина, почему Левенвольдъ старался разорвать сеймъ, заключалась въ извѣстіи, полученномъ имъ изъ Константинополя, о томъ, что польскій посолъ Сѣраковскій возбуждаетъ Оттоманскую Порту противъ Россіи, и жалуется, что Россія захватила часть польскихъ земель вопреки трактатамъ, заключеннымъ между Россіей и Портой. Левенвольдъ видѣлъ въ этомъ козни Понятовскаго, который надѣялся быть великимъ гетманомъ и можетъ быть для усиленія своего значенія желалъ войны съ Россіей.

Не смотря на всѣ происки партіи, враждебной королю, сеймъ казался прочнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ третье засѣданіе, 28-го января, снова стали разсуждать о протестѣ Любинецкаго и нашли, что причины протеста такъ несущественны, что не могутъ остановить преній. Въ этотъ день король чувствовалъ себя лучше, принималъ Ожаровскаго, присланнаго отъ посольской избы, и далъ ему такое порученіе къ посламъ: „Увѣрьте отъ меня сеймъ, сказалъ онъ, что я поддержу его всѣми зависящими отъ меня средствами и не пощажу собственнаго здоровья для того, чтобы привести его къ благополучному концу: я отправлюсь въ замокъ, какъ скоро земскіе послы будутъ въ состояніи предстать предъ моимъ престоломъ“. Послѣ избранія маршала, происходила такъ-называемая Руга, т. е. разборъ довѣрительныхъ посольскихъ грамотъ, а потомъ земскіе послы присоединялись къ сенаторамъ, и тогда король принималъ предсѣдательство цѣлаго сейма.

Сеймъ собрался еще 2 раза и все предвѣщало счастливое окончаніе, какъ вдругъ онъ былъ прерванъ смертью короля. Въ 1726 году Августъ II, возвращаясь съ Гродненскаго сейма, въ дорогѣ опасно заболѣлъ и долженъ былъ пролежать 2 мѣсяца въ Бѣлостокѣ у короннаго хорунжаго, Браницкаго. Августъ былъ очень силенъ и охотно хвастался своей силой; онъ любилъ ломать подковы и серебреные талеры: однажды онъ поднялъ тяжелый каменный столъ; плитка стола сорвалась и отдавила королю палецъ на лѣвой ногѣ. Рану эту никогда не могли окончательно залѣчить. На дорогѣ изъ Гродна у него распухла лѣвая нога, онъ не обратилъ на это никакого вниманія; опухоль усилилась и началось воспаленіе. Жизнь короля находилась въ опасности; онъ самъ готовился къ смерти и дѣлалъ послѣднія распоряженія; но врачи сдѣлали ему операцію, отрѣзали больной палецъ и тѣмъ спасли его жизнь. Съ тѣхъ поръ король могъ

ходить только съ трудомъ, такъ что его носили обыкновенно на креслѣ. Не смотря на это, король не измѣнилъ своего образа жизни и предавался такой же неумѣренности какъ и прежде.

Болѣе чѣмъ черезъ 6 лѣтъ послѣ этого происшествія, Августъ II, на дорогѣ въ Варшаву, встрѣтился въ Кроснѣ съ своимъ другомъ Грумковымъ. Они „нѣчто пили“, какъ выражается вѣжливо русскій посланникъ, а потомъ король остановился ночевать на почтовомъ дворѣ у одного священника. Комната, въ которой спалъ король, была жарко натоплена. Когда онъ проснулся на другой день, съ нимъ сдѣлалась одышка, и онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Отъ дурной дороги, по которой королю пришлось ѣхать 4 дня, онъ ослабѣлъ еще болѣе. Однако онъ продолжалъ путь съ большимъ трудомъ и постоянно освѣдомляясь, далеко ли до Варшавы.

Когда король пріѣхалъ въ свою столицу, и гайдуки бросились къ каретѣ, чтобы высадить его, то онъ запутался правой ногой въ своемъ плащѣ и такъ сильно ушибъ больную ногу, что на отрѣзанномъ пальцѣ открылась рана изъ которой хлынула кровь: король громко вскрикнулъ и лишился сознанія. Тогда его положили въ постель, съ которой онъ болѣе не вставалъ. Одно время ему сдѣлалось лучше; но 29-го числа нога его стала болѣть сильнѣе обыкновеннаго, началась лихорадка, а на другой день открылся антоновъ огонь. Саксонскіе придворные, боясь ненависти Поляковъ, старались скрыть опасность, въ которой находился Августъ, а баронъ Эйнсиделнъ даже пришелъ къ Левенвольду и просилъ у него убѣжища, въ случаѣ смерти короля.

Когда мысль о смерти овладѣла Августомъ, онъ запретилъ кого-либо допускать до него и какъ не хотѣлось Чарторижскимъ воспользоваться послѣдними минутами короля и выманить у него назначеніе ихъ въ высокія должности, которыхъ они добивались, имъ неудалось проникнуть въ комнату больнаго. Тогда они подкупили королевскаго камердинера, Петра Августа, родомъ Калмыка, котораго Петръ Великій подарилъ польскому королю. Они обѣщали ему 1,800 червонцевъ *), если онъ уговоритъ короля послать за Понятовскимъ, или за подканцлеромъ литовскимъ Чарторижскимъ или за епископомъ плоцкимъ Залускимъ. Калмыкъ польстился на обѣщанныя ему деньги и сталъ просить короля. Но Августъ вышелъ изъ терпѣнія, закричалъ на него, какъ онъ смѣетъ безпокоить его подобной просьбой, такъ какъ люди эти и составляютъ причину его смерти. „Я желаю теперь, прибавилъ онъ, только одного — чтобъ мнѣ дали спокойно умереть“.

Но Чарторижскіе добились своего: Левенвольду говорили, что дипломы ихъ были подписаны во время болѣзни короля; впрочемъ, если это и правда, то они не много выиграли: смерть короля уничтожила дѣйствительность ихъ, потому что они не были утверждены сеймомъ.

Въ ночь съ 30-го на 31-е, болѣзнь короля усилилась: онъ очень страдалъ отъ боли и воспаленія. Страданія его усиливались еще болѣе отъ раздраженія, въ которомъ онъ находился; онъ считалъ польскихъ вельможъ причиной своей смерти. Нѣсколько разъ во время мучительной боли онъ подымалъ глаза къ небу и воскликалъ: „ахъ поллецы“! (oh coquins.) Левенвольдъ, разсказывая это, прибавляетъ, „что неизвѣстно, къ кому именно относились эти слова; но что они спра-

*) Sp. Ducaten. Рел. Лев. отъ 2 фев. ст. ст.

ведливы относительно большей части и самыхъ важныхъ изъ польскихъ вельможъ".

Передъ смертью король подозвалъ къ себѣ своего пажа Маршала и приказалъ ему въ случаѣ его смерти немедленно ѣхать въ Дрезденъ и извѣстить о ней новаго курфирста. Около полудня ему опять стало легче. На больной ногѣ показался вередъ, доктора говорили, что если онъ вскроется, то король будетъ спасенъ. Но въ ночь на 1-е февраля король Августъ причастился, а къ 5-ти часамъ утра скончался.

Тотчасъ полетѣли изъ Варшавы курьеры ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, съ извѣстіемъ о смерти короля. Черезъ нѣсколько дней, всѣ газеты повторили извѣстіе, что великій король скончался. Газетчики того времени были склонны къ похваламъ. Самый невинный поводъ приводилъ ихъ въ восторгъ, и вотъ король Августъ былъ произведенъ въ герои. Газетчики прославляли его воинскіе подвиги, будто бы совершенные имъ въ турецкую войну 90-хъ годовъ. Они прославляли его доброту, щедрость, любезность, гуманное снисхожденіе къ наукамъ и искусствамъ. Они находили даже, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ своихъ подданныхъ и страдальцемъ своего высокаго, но тягостнаго положенія. Когда его придворные отсовѣтовали ему ѣхать въ Варшаву при его разстроенномъ здоровьѣ, то онъ отвѣтилъ имъ: „Я знаю всю опасность, которой подвергаюсь; но я обязанъ думать болѣе о моемъ народѣ, чѣмъ объ себѣ".

Въ Варшавѣ все засуетилось. Скрытое честолюбіе заиграло во многихъ сердцахъ; самые равнодушные встрепенулись, и частью съ любопытствомъ, частью съ озабоченнымъ вниманіемъ стали слѣдить за событіями, которыя повлекла за собой смерть короля.

ГЛАВА IV.

НАСЛѢДНИКИ КОРОЛЯ АВГУСТА II.

Ни одинъ патріархъ, ни одинъ восточный султанъ не оставлялъ послѣ себя столько наслѣдниковъ, какъ умирающій польскій король. Коронованныя особы, и принцы всѣхъ европейскихъ странъ, даже португальскіе и италіянскіе начинали копить деньги при извѣстіи о смерти королевской, отправляли тайно монаховъ въ Варшаву для интригъ и заказывали высокопарныя брошюры, въ которыхъ выхваляли свои достоинства и обѣщали польскому народу въ случаѣ избранія ихъ земной рай. А число такъ называемыхъ пястовъ, т. е. польскихъ шляхтичей, которые явно добивались польской короны или тайно мечтали о ней, было такъ велико, что ихъ не можетъ перечислить ни одинъ лѣтописецъ. Благодаря убѣжденію, которое укоренилось въ Польшѣ — что польская корона должна достаться достойнѣйшему, не было сенатора, занимавшаго высокую коронную должность, не было шляхтича, стоявшаго во главѣ какого-нибудь воеводства, который бы не считалъ себя первымъ кандидатомъ на польскій престолъ.

Въ 1733 году много наслѣдниковъ спѣшили предъявить свои права на упраздненный польскій престолъ. На первомъ планѣ стоялъ, конечно, уже коронован-

ОЛГИБСО РАН

ный, но лишенный престола польскій король Станиславъ Лещинскій, и мы должны прежде всего на немъ остановить наше вниманіе.

Послѣдній біографъ *) Станислава перенесъ любовь къ своему отечеству на короля, два раза избраннаго польскимъ народомъ и два раза изгнаннаго чужестранными войсками изъ своего королевства, и сдѣлалъ изъ него героя. Изъ всѣхъ побужденій, которыя могутъ ослѣпить историка и заставить его исказить истину, извинительно только одно,—патріотизмъ, но конечно можно остаться патріотомъ и не хвалить однако того, что не заслуживаетъ особенныхъ похвалъ. Если рожденіе поставило во главѣ народа человѣка, который не въ силахъ разрѣшить возложенную на него задачу, то можно только пожалѣть о народѣ, счастье котораго судьба подвергла случайности; но если частный человѣкъ рѣшился принять предложенную ему корону, то потомство имѣетъ право быть строгимъ къ нему, если оно не находитъ въ немъ тѣхъ качествъ, которыя бы оправдывали такой шагъ.

Станиславъ принялъ корону, когда отечество его находилось въ затруднительномъ положеніи. Польскій король Августъ, царствовавшій уже 6 лѣтъ, но изгнанный изъ своей столицы непріятелемъ, держался съ помощью саксонскихъ войскъ и своихъ приверженцевъ въ южныхъ предѣлахъ королевства. Въ столицѣ польской распоряжался побѣдитель, который грозилъ Полякамъ, что не заключитъ съ ними мира, пока они не выберутъ себѣ другаго короля. Карлъ XII хотѣлъ возвести на престолъ польскій одного изъ сыновей короля Яна Собѣскаго, но Августъ не разборчивый

*) Stanisław Leszczynsky i Polska w Pierwszej Połowie XVIII Wieku przez Autora Ukrainy i Zaporoża T. 2. Warszawa 1858 r.

въ средствахъ приказалъ схватить двухъ старшихъ королевичей, которые жили въ своихъ имѣніяхъ въ Силезіи и отвести ихъ въ Саксонію въ заключеніе. Младшій, Александръ, спасся въ Польшу, ему предложили корону, но онъ отказался, потому что по его мнѣнію она принадлежала по праву его старшему брату. Тогда выборъ Карла XII остановился на молодомъ воеводѣ познанскомъ, Станиславѣ Лещинскомъ. Этимъ выборомъ Карлъ оскорблялъ Примаса кардинала Радзіевскаго и короннаго гетмана Любомирскаго, который только что перешелъ на сторону Шведовъ; но упрямство шведскаго героя не останавливалось ни предъ какими соображеніями. Когда Примасъ старался отклонить его отъ выбора Станислава и между другими причинами указалъ на молодость Лещинскаго, Карлъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ отвѣтилъ ему: „однако вѣдь онъ не моложе меня“. Карлъ, родившійся въ 1682 году, былъ пятью годами моложе Станислава, и вѣроятно хотѣлъ напомнить Примасу, что 19-ти лѣтъ онъ заключилъ травендальскій миръ и одержалъ Нарвскую побѣду.

И такъ по волѣ шведскаго короля Станиславъ Лещинскій былъ избранъ въ польскіе короли 12 іюля 1704 года. Нѣкоторые изъ поклонниковъ его стараются восхвалить его скромность и безкорыстіе, выказанныя имъ при этомъ случаѣ. Въ доказательство они приводятъ письмо, написанное Лещинскимъ за двѣ недѣли до его избранія. Это — „ассекурація“ *), выставленная Станиславомъ въ пользу старшаго сына Собѣскаго. Лещинскій увѣряетъ принца Александра Собѣскаго, что онъ приметъ польскую корону только какъ залогъ, который будетъ находиться въ его рукахъ, пока

*) Напечатана въ Materialy do historyi St. Leszczynskiego.

не освободится изъ плѣна королевичъ Яковъ и пока Польша не будетъ спасена отъ постигшихъ ее бѣдствій. Но тогда Лещинскій уступитъ корону принцу Собѣскому и выхлопочетъ на то позволеніе у Рѣчи Посполитой. Во всемъ этомъ онъ обязуется честнымъ словомъ.

Мы не можемъ поручиться за историческую достовѣрность этого письма, потому что неизвѣстно, гдѣ находится оригиналъ письма, напечатана же только найденная копія съ него. Притомъ Карлъ XII въ своемъ письмѣ къ королевичамъ Собѣскимъ *), написаннымъ 18-го февраля 1707 года, увѣряетъ, что онъ никогда не слыхалъ о такомъ обязательствѣ. Но во всякомъ случаѣ, нужно предположить, что Лещинскій принялъ на себя подобное обязательство, потому что въ противномъ случаѣ Собѣскіе не могли бы говорить о немъ такъ положительно, да и самъ Карлъ XII въ своемъ письмѣ къ нимъ допускаетъ возможность его.

Лещинскій могъ увѣрять многочисленныхъ приверженцевъ Собѣскихъ, что принимаетъ корону только на время, для того, чтобы склонить ихъ на свою сторону и усилить свою партію. Но тогда это нисколько бы не говорило въ пользу его честности и правдивости, которыя ему приписываются. Если же увѣренія его были искренни, то этотъ поступокъ говоритъ въ пользу его добродушія, но доказываетъ, что у него именно и не было тѣхъ качествъ и способностей, которыя оправдали бы выборъ Карла XII. Онъ доказываетъ, что Станиславъ не понималъ своего новаго положенія и не сознавалъ того, чего былъ въ правѣ требовать отъ него польскій народъ. Если бы

*) Тамъ, же стр. 104 на польскомъ языкѣ. Латинскій оригиналъ напеч. въ 5 томѣ соч. Archiv für die Geschichte v. Schlesien.

Станиславу удалось успокоить свое отечество, избавить его отъ непріятельскихъ войскъ и внушить сосѣдямъ уваженіе къ нему, то тогда ему и слѣдовало бы оставаться на престолѣ, а не уступать его человѣку вялому и слабоумному, который не имѣлъ къ тому же на этотъ престолъ ни малѣйшаго права. Съ тѣхъ поръ, какъ избирательный образъ правленія утвердился въ Польшѣ, каждое избраніе обходилось дорого польскому народу; каждый разъ Польша разрывалась на партіи и междуусобія часто привлекали въ нее иностранныя войска. Съ каждымъ избраніемъ усиливался произволъ шляхты и врѣзывалась глубже нравственная порча высшихъ классовъ, ихъ подкупность и низкопоклонничество предъ чужими престолами. Польская корона была не наградой за добродѣтель, отъ которой можно было отказаться по скромности, но бременемъ, которое слабаго человѣка лишало послѣднихъ силъ и способностей. Къ несчастію Польши, честолюбивые польскіе магнаты, которые добивались короны, смотрѣли на нее какъ на награду — и какъ награду принялъ ее изъ рукъ русской императрицы послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій.

Послѣ своего избранія Лещинскій игралъ довольно жалкую роль. У него не было ни матеріальныхъ средствъ, ни достаточно приверженцевъ, ни личныхъ способностей, чтобы счастливо окончить борьбу начатую съ Августомъ II. Онъ былъ только безопасенъ въ шведскомъ лагерѣ; поэтому онъ всюду слѣдовалъ за Карломъ XII и въ Саксонію въ 1706 году, и въ Литву въ 1707; онъ не отставалъ отъ него, какъ хвостъ отъ кометы.

Наконецъ они разстались; звѣзда приближалась къ

своему закату; Станиславъ же остался въ Польшѣ, но никакъ не могъ подчинить себѣ недовольныхъ, которые не бросали оружія. Когда до Поляковъ дошли слухи о полтавскомъ сраженіи, то Станиславъ долго не вѣрилъ имъ; наконецъ къ нему прискакалъ курьеръ изъ Бендеръ отъ Карла XII. Тогда положеніе его стало еще грустнѣе. Онъ умолялъ генерала Крассау остаться въ Польшѣ съ шведскимъ войскомъ, но тотъ боялся за шведскія владѣнія въ Германіи, которыя оставались безъ защиты и отступилъ въ Померанію. Лещинскій собралъ свой дворъ и послѣдовалъ за нимъ, хотя въ это время у его короннаго гетмана Потоцкаго было 10,000 войска, а въ Литвѣ у гетмана Сапѣги 23,000 *). Но Лещинскій не довѣрялъ счастію своихъ гетмановъ и боялся быть окруженнымъ саксонскими и русскими войсками. Изъ Помераніи онъ отправилъ въ Польшу Потоцкаго, но тотъ былъ разбитъ русскими, спасся въ Венгрію и оттуда бѣжалъ въ Турцію.

Шведскіе генералы въ Помераніи просили Карла XII пріѣхать поскорѣе и принять начальство надъ ихъ отрядами; но Станиславъ уповалъ на турецкую помощь и совѣтовалъ Карлу возвратиться только въ челѣ турецкаго войска. Между тѣмъ, войска союзниковъ вступили въ Померанію; Станиславу нечѣмъ было содержать свой дворъ и онъ долженъ былъ отправить своего генерала Смигельскаго въ Польшу, чтобы добыть припасовъ и денегъ. Добычей Смигельскаго онъ нѣсколько времени кормилъ своихъ при-

*) Разсказъ нашъ основанъ на „реляціи того, что дѣлалъ Станиславъ съ 1707 по 1714 г. Перев. съ рукописи франц. наход. въ Дрезд. библіотеки", напеч. на польскомъ языкѣ въ „Матеріалахъ" Рачинскаго, стр. 15 до 86.

дворныхъ. Но когда этотъ источникъ изсякъ, Станиславъ не зналъ что дѣлать. Швеція была такъ истощена, что не могла прислать ни денегъ, ни людей. Напрасно Станиславъ грозилъ сенату шведскому гнѣвомъ Карла. Наконецъ 1711 года онъ самъ отправился въ Стокгольмъ.

Карлъ XII присылалъ изъ Бендеръ грозные указы, и бѣдная Швеція должна была собрать послѣднія свои силы; уже болѣе 400,000 *) людей было выведено изъ этого скудно населеннаго края. Но и этого все еще было мало. Въ южной Швеціи свирѣпствовала моровая язва; съ далекаго сѣвера были приведены послѣдніе обитатели. Но всѣ эти пожертвованія были безплодны, потому что не было распорядителя. Такъ, напримѣръ, зимой 1712 г. отрядъ въ 4,000 человѣкъ былъ приведенъ съ сѣвера въ Сканію; но тамъ была моровая язва и уставшіе солдаты должны были жить въ своихъ палаткахъ, никто не пускалъ ихъ въ свой домъ, боясь заразы. Потомъ ихъ перевезли на островъ Рюгенъ. Такъ какъ они пріѣхали изъ зараженной страны, то ихъ и здѣсь не впускали въ деревни и города. Они должны были провести суровую зиму въ полѣ. Наконецъ, ихъ привезли въ Стральзундъ. Но у коменданта этой крѣпости генерала Дукера едва доставало припасовъ для своего гарнизона. Онъ поставилъ вновь прибывшихъ въ окопахъ. Здѣсь они всѣ перемерли отъ голода и холода.

Осенью 1712 года, сенатъ собралъ новое войско и флотъ; но отсутствіе опытнаго распорядителя опять испортило дѣло. Лещинскій переправился въ Померанію съ частью войска, безъ припасовъ. Шведскій ад-

*) Цифру эту приводитъ Шлоссеръ: Gesch d. XVIII Jahr. I. p. 175. Но она кажется намъ слишкомъ преувеличенною

миралъ долженъ былъ въ это время блокировать датскіе корабли въ гавани, пока не будетъ перевезена остальная часть шведскаго войска съ припасами: но онъ оставилъ свой постъ. Тогда датскіе корабли зажгли шведскія транспортныя суда и Лещинскій потерялъ надежду получить подкрѣпленіе. Генералъ Стенбокъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ Саксонцами, Датчанами и Русскими. Лещинскій рѣшился тогда, противъ желанія Карла, вступить въ мирные переговоры съ Августомъ. Онъ видѣлся съ Флемингомъ, любимцомъ Августа, и предлагалъ отказаться отъ короны, если Августъ возвратитъ ему отцовское наслѣдство и вознаградитъ доходами съ нѣсколькихъ староствъ. Чтобы упрочить успѣхъ этихъ переговоровъ, Станиславъ рѣшился отправиться въ Бендеры къ Карлу XII: онъ выхлопоталъ у Флеминга паспортъ для двухъ офицеровъ, и подъ именемъ маіора Гавенга проѣхалъ Германію, Венгрію и прибылъ въ Валахію. Отсюда онъ далъ знать Карлу о своемъ пріѣздѣ. Но тотъ слышать не хотѣлъ о мирныхъ переговорахъ и требовалъ, чтобы Станиславъ возвратился въ Германію. Лещинскій рѣшился однако предстать предъ гнѣвнымъ союзникомъ и поѣхалъ въ Бендеры. На дорогѣ онъ узналъ, что Карлъ схваченъ янычарами и отвезенъ въ Адріанополь.

Самъ Лещинскій едва спасся отъ Турокъ и отправился въ Яссы. Тамошній господарь Маврокордато, который подружился съ отцомъ Лещинскаго, Рафаиломъ, въ бытность послѣдняго посланникомъ въ Константинополѣ, принялъ его радушно. Дѣла Карла XII пошли лучше; въ турецкомъ министерствѣ произошла перемѣна; Бендерскій паша былъ лишенъ мѣста и потомъ казненъ; турецкія войска уже двигались къ Хотину; Станиславъ ждалъ въ Бендерахъ, что они вступятъ въ Польшу или Россію; но Англичане и Голландцы уговорили султана заключить съ Россіей новый миръ. (Въ маѣ 1713 г.).

Надежды Станислава рушились. Хотя Карлъ все еще ждалъ въ Бендерахъ новой перемѣны въ турецкомъ министерствѣ, однако Лещинскій возобновилъ мирные переговоры съ Августомъ: министры его нарочно затягивали ихъ, чтобы вполнѣ унизить враговъ своего господина.

Когда Карлъ оставилъ наконецъ Турцію и послѣ неудачной попытки отстоять Стральзундъ удалился въ Швецію, то онъ не позабылъ о Станиславѣ и послалъ его въ свое маленькое герцогство Цвейбрюкенъ, гдѣ онъ могъ жить въ безопасности, а самъ между тѣмъ снова искалъ военной славы въ борьбѣ съ врагами. Станиславъ и здѣсь не могъ устроиться. Онъ былъ благочестивъ, но благочестіе его заставляло искать дружбы съ іезуитами; онъ жилъ въ протестантской странѣ и тревожилъ жителей своими стараніями распространить между ними католицизмъ. Когда Карлъ XII былъ убитъ, Цвейбрюкенъ досталось его родственнику, Густаву, который заставилъ выѣхать оттуда Станислава.

Мы уже видѣли, какое нашелъ онъ убѣжище во Франціи, и какъ потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ успѣлъ обвѣнчать свою дочь съ Людовикомъ XV. Зять его далъ ему для жительства замокъ Шамборъ и назначилъ ему приличное содержаніе. Онъ хлопоталъ также о возвращеніи ему утраченныхъ польскихъ имѣній. Но Августъ, отдавшій ихъ въ аренду за дешевую цѣну *), чтобы привязать къ своимъ интересамъ

*) Изъ рел. Левенв. 1731 года.

всѣхъ тѣхъ, которые пользовались имѣніями изгнаннаго короля, не соглашался на просьбу Людовика XV, хотя отношенія между Франціей и Саксоніей въ это время были очень дружественныя. Черезъ своего посла при французскомъ дворѣ, графа фонъ-Гойма, онъ совѣтовалъ Станиславу самому обратиться къ нему съ письмомъ по этому дѣлу: это было бы съ его стороны признаніемъ того, что болѣе онъ не считаетъ себя королемъ. Августу, который по приказанію Карла XII, долженъ былъ написать послѣ Алтранштадскаго мира поздравительное письмо къ Станиславу, хотѣлось вознаградить себя за претерпѣнное униженіе и получить подобное письмо отъ своего противника. Но этого не могло допустить достоинство Людовика XV, считавшаго Станислава своимъ тестемъ.

Лещинскій былъ совершенно доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. У него были всѣ добродѣтели, которыя могутъ составить счастіе частнаго человѣка: набожность, доброта, бережливость: онъ не нуждался въ роскоши, любилъ философствовать и терпѣливо сносилъ всякія перемѣны судьбы. Но этого было мало, чтобы составить счастіе польскаго народа, и Польша поэтому ничего не потеряла, когда его вторая попытка утвердиться на польскомъ престолѣ оказалась также неуспѣшной, какъ и первая.

Главнымъ соискателемъ престола, послѣ Лещинскаго, былъ сынъ Августа II, курфирстъ саксонскій и королевичъ польскій; такъ какъ судьба благопріятствовала ему и онъ одержалъ верхъ надъ всѣми соперниками; то слѣдовало бы войти о немъ въ нѣкоторыя подробности. Впрочемъ это сопряжено съ чрезвычайными трудностями, потому это личность его очень блѣдна и ничѣмъ незамѣчательна. Курфирсту,

какъ это часто случается, не доставало именно самыхъ рѣзкихъ чертъ составлявшихъ характеръ его отца. Августу III не доставало той живости и любезности, за которыми иногда забывались многочисленные пороки его отца; онъ былъ всегда холоденъ и молчаливъ. Красивыя черты его лица никогда не озарялись ни присутствіемъ мысли, ни какимъ либо сильнымъ чувствомъ. Онъ держалъ себя неловко, постоянно стѣснялся и чтобы скрыть свое смущеніе часто прибѣгалъ къ смѣху, который современники называли непріятнымъ. Если онъ не вдавался въ крайности своего отца, то это было не вслѣдствіе правильнаго воспитанія или сильной воли, а просто потому, что въ немъ не было той жизни, которая кипѣла въ жилахъ его отца. Его серьозность и скромность жизни заставляли многихъ предполагать, что въ немъ скрыты большія добродѣтели, что онъ думаетъ только о пользѣ своихъ подданныхъ, и хочетъ служить для нихъ живымъ примѣромъ. Маркграфиня Вильгельмина, напримѣръ, которая видѣла Августа, когда его отецъ пріѣзжалъ съ нимъ гостить въ Берлинъ, составила о немъ очень высокое мнѣніе. Но слѣдуетъ только познакомиться съ нимъ поближе, чтобы убѣдиться, что это одна изъ тѣхъ личностей, которыя не имѣютъ сильнаго влеченія ни ко злу, ни къ добру. Августъ всегда находился или подъ вліяніемъ своей ханжи-жены или подъ еще худшимъ вліяніемъ безсовѣстныхъ любимцевъ министровъ, какъ напримѣръ, Брюля.

Когда онъ выступилъ въ числѣ искателей польскаго престола ему было уже 37 лѣтъ; но онъ успѣлъ привлечь на себя вниманіе свѣта только однимъ—таинственной перемѣной религіи. Когда онъ родился

отецъ его еще не добивался польскаго престола и не принималъ еще поэтому католической религіи. Сынъ былъ крещенъ въ лютеранскомъ вѣроисповѣданіи и воспитаніе его было поручено матери, ревностной лютеранкѣ и гофмейстрамъ того же вѣроисповѣданія.

Папа Климентъ XI изъ дома Альбани остался этимъ очень недоволенъ: онъ постоянно посылалъ буллы къ польскому королю и грозилъ ему Божіимъ гнѣвомъ, если онъ не будетъ воспитывать сына въ католической религіи. Августъ II охотно бы согласился на это, ради папы и ради Поляковъ, но онъ не хотѣлъ разсердить своихъ саксонскихъ подданныхъ, въ помощи которыхъ нуждался для войны съ Карломъ XII, и боялся своей матери, курфирстыни Софьи. Когда принцу минуло 14 лѣтъ, его причастили по лютеранскому обычаю. Августъ II писалъ папѣ, что это случилось безъ его вѣдома и вопреки его приказаніямъ. Папа отвѣчалъ, что словами не поправишь дѣла, что нужно дѣйствовать и прислалъ въ Польшу своего племянника Аннибала Альбани и іезуита Джіованни Батиста Салерно. Молодой принцъ, преданный религіи, въ которой его воспитывали, понималъ, что его хотятъ обратить въ католичество: онъ отправился въ лютеранскую церковь и принялъ тамъ имя Константа, т. е. „вѣрнаго“. Вскорѣ послѣ того, Августъ II взялъ съ собой сына во Франкфуртъ, на коронацію императора Карла VI: тамъ онъ удалилъ отъ него лютеранъ и окружилъ католической свитой, а потомъ онъ отправилъ его путешествовать.

Семь лѣтъ возили принца по католическимъ землямъ, чтобы отучить его отъ его прежнихъ друзей и удалить отъ надзора матери и бабки. Въ Болоньѣ іезуитъ Салерно началъ посвящать принца въ догматы католическаго вѣроисповѣданія и въ томъ же году Августъ принялъ новую вѣру. Но все это содержалось въ большой тайнѣ. Августъ II не хотѣлъ ссориться съ саксонскими чинами и принцъ, спустя уже три года послѣ этого обращенія писалъ своей матери, что онъ никогда не измѣнитъ религіи своихъ предковъ.

Папѣ хотѣлось не только спасти душу молодаго принца, но и утвердить навсегда католическую вѣру въ саксонскомъ домѣ, а съ помощью его и въ самой Саксоніи. Поэтому онъ старался женить Августа на какой-нибудь принцессѣ изъ ревностной католической фамиліи, которая бы поставила непремѣннымъ условіемъ брака, чтобы дѣти были крещены въ католичествѣ, и самъ принцъ передъ свадьбой торжественно объявилъ о перемѣнѣ религіи. Съ 1714 года Климентъ хлопоталъ о томъ, чтобы императоръ Карлъ выдалъ за него одну изъ своихъ племянницъ. Съ помощью преданнаго іезуитамъ министра Штаремберга дѣло наконецъ устроилось. Въ 1717 году умерла бабка Августа, и тогда польскій король позволилъ своему сыну торжественно объявить, что онъ католикъ и свататься за эрцгерцогиню. У императора были двѣ племянницы и у нихъ было два жениха, саксонскій и баварскій принцы. Вопросъ, за кого выдать старшую, былъ очень важенъ. Императоръ покровительствовалъ Августу, а мать невѣсты баварскому принцу. Наконецъ, старшая была назначена Августу и осенью 1719 года была обвѣнчана съ нимъ.

Марія Іозефа была чрезвычайно не хороша собой и очень зла. Главной чертой ея характера было ханжество: она вмѣшивалась при дворѣ во всѣ мелочи, потому что важными дѣлами распоряжались любимцы

короля; такъ, напримѣръ, она раздавала роли въ операхъ и балетахъ и покровительствовала не тѣмъ актерамъ, которые отличались талантомъ, а тѣмъ, которые чаще другихъ ходили въ церковь. Серъ Виліамсъ англійскій посолъ при дворѣ Августа III, говоритъ о ней въ своихъ депешахъ: „Королева очень не любима и не стоитъ того, чтобъ ее любили; потому что она никому не дѣлаетъ добра, кромѣ тѣхъ, которые приняли ея религію, да и тѣмъ не много“.

Тотъ же самый посолъ хвалитъ способности Августа, но говоритъ, что его лѣнь и страсть къ пошлымъ удовольствіямъ, маскерадамъ, турнирамъ, стрѣльбѣ въ цѣль и т. п. мѣшаютъ ему и его странѣ играть ту роль въ европейской исторіи, къ которой они призваны. Онъ не можетъ долго говорить о политикѣ и начинаетъ тотчасъ зѣвать; тогда необходимо перенести разговоръ на послѣдняго оленя, за которымъ охотился, на новую оперу, на послѣднюю картину, которую онъ купилъ; въ такомъ случаѣ его лице принимаетъ опять веселый видъ и онъ съ удовольствіемъ продолжаетъ разговоръ.

Станиславъ и Августъ могли надѣяться на поддержку своихъ приверженцевъ въ Польшѣ во время избранія; но третій искатель престола былъ почти неизвѣстенъ Полякамъ и могъ разсчитывать только на деньги и войско союзныхъ державъ — это былъ инфантъ португальскій. Въ XVIII вѣкѣ было гораздо болѣе царствующихъ домовъ, чѣмъ теперь; оттого доходы многихъ изъ нихъ были очень не велики и судьба младшихъ принцевъ въ мелкихъ государствахъ была самая неблестящая; они обыкновенно отправлялись странствовать отъ одного двора къ другому, и вездѣ жили на счетъ хозяевъ; часто они вступали въ

военную службу въ какомъ-нибудь сильномъ государствѣ, въ Австріи или Франціи, и благословляли судьбу свою, если по неимѣнію жениховъ, за нихъ выдавали какую-нибудь богатую невѣсту, принцессу; впрочемъ это случалось рѣдко.

Донъ-Эммануилъ былъ младшій *) братъ португальскаго короля, Іоанна V. Португалія, освободившаяся въ 1640 году отъ Испаніи, не могла хвастаться своими природными королями изъ дома Браганцскаго. Двое изъ нихъ, Альфонсъ и Педро, умерли совершенно лишившись ума, третій—Іоаннъ V всю жизнь провелъ на той чертѣ, гдѣ здравый смыслъ граничитъ съ бредомъ. Онъ истощилъ доходы своего маленькаго королевства на подарки папамъ и взятки для папской канцеляріи. Онъ хлопоталъ о позволеніи учредить два патріаршества, одно для Индіи, другое въ Лиссабонѣ. Португальскаго патріарха онъ окружилъ 24 канониками, которые носили кардинальскій костюмъ, лиловые чулки, красные башмаки и кардинальскій посохъ. За это удовольствіе онъ долженъ былъ много денегъ переслать въ Римъ. Іоаннъ построилъ огромнѣйшее зданіе на подобіе Эскуріала: въ одной половинѣ помѣщались 300 францисканскихъ монаховъ, а въ другой самъ король. Когда онъ заболѣлъ, то изъ многихъ монастырей присылали ему мощи и другія цѣлительныя средства; онъ приказалъ заплатить каждому монастырю 200 талеровъ; всего истратилъ онъ на это лѣченіе 200,000 талеровъ **). Іоаннъ однако ссорился съ папами за то, что они хотѣли ввести въ Португалію инквизицію. Онъ противился этому, потому

*) Genealogischer Archivarius. v. M. R. Th. VI. p. 194. Въ Имп. Пуб. Биб.

**) Шлоссеръ. Gesch. d. XVIII J. II. p. 154.

что не желалъ предоставить никому, кромѣ самого себя, обязанность слѣдить за чистотой вѣры. Чтобы показать папѣ, что онъ можетъ справиться съ еретиками безъ его инквизиціи, въ 1742 году онъ сжегъ 8 еретиковъ

Съ такимъ братомъ не могъ ужиться Донъ-Эммануилъ. Онъ оставилъ Португалію въ 1715 году, безъ вѣдома своего брата, и удалился въ Голландію; въ слѣдующемъ году онъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ дали ему кирассирскій полкъ, съ которымъ онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ, за что получилъ впослѣдствіи орденъ „Золотаго Руна“. Послѣ заключенія мира, онъ отправился во Францію, потомъ возвратился въ Вѣну, но не надолго. Ему хотѣлось объѣздить весь свѣтъ. Въ 1725 году мы находимъ его въ Испаніи, гдѣ онъ хлопочетъ о томъ, чтобы папа сдѣлалъ его кардиналомъ. Но папы ничего не дѣлали даромъ.

Онъ возвратился въ Вѣну и надоѣлъ тамошнему двору, который желалъ поэтому его какъ-нибудь пристроить. Цесарскій посолъ, графъ Вратиславъ, внушилъ своему двору мысль, предложить его въ женихи императрицы Анны Іоанновны; австрійскій дворъ одобрилъ мысль, далъ принцу средства на путешествіе и въ январѣ 1731 *) году Донъ-Эммануилъ прибылъ въ Москву; его приняли со всевозможными почестями, но деликатно отклонили сватовство. Однако онъ прогостилъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ. Пребываніе его въ Москвѣ обезпокоило короля польскаго Августа II, который думалъ что инфанта прочатъ ему въ наслѣдники. Донъ-Эммануилъ долженъ былъ опять уѣхать въ Вѣну и поселился въ Петерсдорфѣ, недалеко отъ Вѣны *). Здѣсь у него былъ свой маленькій дворъ. Онъ ничего не получалъ отъ короля своего брата, который былъ на него сердитъ и жилъ пенсіей, которую давалъ ему вѣнскій дворъ — 50,000 гульденовъ въ годъ. Дону Эммануилу было вѣроятно не очень весело въ своемъ Петерсдорфѣ и съ чванными австрійскими министрами. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Ланчинскій, писалъ о принцѣ, что онъ обыкновенно не „гораздо веселъ“. Въ Польшѣ знали его потому, что онъ провелъ тамъ нѣсколько времени; но, по словамъ Левенвольда, это именно ему и повредило. Русскій посолъ приводитъ на его счетъ латинскую пословицу, minuit praesentia famam, т. е. „присутствіе умалило молву“. Онъ говоритъ, что принцъ могъ бы надѣяться вступить на польскій престолъ при денежныхъ пособіяхъ своего брата и при поддержкѣ „высокихъ союзниковъ“, если бы его личныя достоинства и заслуги соотвѣтствовали его высокому происхожденію, и если бы онъ прежде никогда не показывался въ Польшѣ. Но теперь даже польскія дамы, которыя обыкновенно распоряжаются волей своихъ мужей надъ нимъ смѣются и радуются, что въ Польшѣ подешевѣютъ апельсины, если принцъ сдѣлается польскимъ королемъ.

Вѣнскій дворъ готовилъ еще другаго кандидата на случай, если бы Донъ-Эммануилъ не понравился Полякамъ. Это былъ принцъ Карлъ лотарингскій, братъ герцога Франциска, пріобрѣвшій въ послѣдствіи во время семилѣтней войны извѣстность своими неудачами противъ Фридриха Великаго. Онъ былъ еще очень молодъ и жилъ съ своимъ братомъ въ Вѣнѣ. Лотарингскіе принцы были племянниками императора

*) Manstein I. 77. Это кажется не точно Вѣроятнѣй что онъ пріѣхалъ въ августѣ 1730 г.

*) Изъ реляцій Ланч. 1733 въ Моск. Глав. Архивѣ Ин. Дѣлъ.

Карла и считались женихами его двухъ дочерей. Дѣдъ ихъ былъ въ 1674 году въ числѣ соискателей польскаго престола; а бабка, жена Михаила Вишневецкаго, королевой польской. Австрійское правительство надѣялось что это обстоятельство расположитъ польскихъ избирателей въ пользу принца. Но не всѣ желали въ Вѣнѣ, чтобы принцъ выступилъ въ числѣ соискателей польскаго престола *): многіе доказывали, что ему нужно жениться на младшей эрцгерцогинѣ и остаться жить въ Австріи, чтобъ въ случаѣ бездѣтнаго брака его старшаго брата и Маріи Терезіи были бы въ Австріи наслѣдники Габсбургскаго дома. Другіе говорили, что его избраніе вовсе не помѣшаетъ этому намѣренію, что эрцгерцогиню приличнѣе выдать за польскаго короля, чѣмъ за лотарингскаго принца, а въ случаѣ нужды всегда можно будетъ взять одного изъ его сыновей въ Австрію и выбрать его въ Римскіе короли.

Надежду на польскій престолъ имѣли еще изъ нѣмецкихъ принцевъ дѣти умершаго курфирста баварскаго, Максимиліана Эммануила, который былъ женатъ на дочери Яна Собѣскаго. Старшій изъ его сыновей былъ Карлъ Альбрехтъ, курфирстъ баварскій, тотъ самый, который потомъ началъ войну за австрійское наслѣдство и былъ избранъ въ германскіе императоры подъ именемъ Карла VII. Онъ былъ женатъ на дочери императора Іосифа и въ качествѣ внука Яна Собѣскаго льстилъ себя надеждой вступить на польскій престолъ. Но Баварія заключила союзъ съ Саксоніей противъ Прагматической Санкціи и Карлу Албрехту было неловко вступить въ соперничество съ своимъ союзникомъ. Поэтому онъ заключилъ уговоръ съ курфирстомъ саксонскимъ, что онъ не будетъ ему мѣшать въ достиженіи польской короны, но, если Августъ увидитъ, что для него самого нѣтъ надежды на успѣхъ, то онъ долженъ съ своей стороны поддерживать курфирста баварскаго. Впрочемъ Карлъ Альбрехтъ мало могъ разсчитывать на успѣхъ, потому что большинство Поляковъ боялось избрать въ короли кандидата, имѣющаго наслѣдственныя владѣнія, что тогда называлось spes duorum dominiorum. Поэтому въ дипломатическомъ мірѣ полагали, что онъ предложитъ вмѣсто себя своего младшаго брата Фердинанда; но Фердинандъ не выразилъ послѣ смерти Августа II никакими открытыми дѣйствіями своего желанія вступить на польскій престолъ.

*) Изъ рел. Ланчинскаго.

Было еще много другихъ нѣмецкихъ принцевъ, которыхъ молва прочила въ наслѣдники короля польскаго. Левенвольдъ называетъ ихъ въ своей реляціи: такъ, напримѣръ, сыновей герцога Саксенъ-Готскаго, и принца Адольфа Саксенъ-Вейссенфелсскаго.

Кромѣ нихъ Левенвольдъ говоритъ еще о слѣдующихъ кандидатахъ: „Бранденбурскимъ принцамъ помѣшаетъ ненависть Поляковъ противъ королевско-прусскаго дома, у виртембергскихъ нѣтъ ни денегъ, ни протекціи, гессенскаго принца готовъ былъ бы поддерживать шведскій король и Франція не была бы ему противна, но Поляки никогда не выберутъ его. Наконецъ Бевернскіе принцы нашли бы поддержку у императора Карла, какъ родственники его, но это родство съ Австріей было бы препятствіемъ для нихъ въ глазахъ Поляковъ.“ Левенвольдъ писавши это, еще ничего не зналъ о предложеніи австрійскаго двора — женить младшаго бевернскаго принца Антона Ульриха на Аннѣ Леопольдовнѣ племянницѣ импера-

трицы Анны. Бевернскіе принцы послужили совершенно невинно яблокомъ раздора между Англіей, Пруссіей и Россіей. Прусскій король въ досадѣ, что Георгъ II все откладывалъ бракъ своихъ дѣтей съ дѣтьми Фридриха Вильгельма, женилъ Фридриха Великаго на бевернской принцессѣ, а старшаго бевернскаго принца на своей второй дочери. Англія была оскорблена этимъ. Потомъ когда оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ пригласилъ Антона Ульриха въ Россію, гдѣ хотѣли узнать, годится ли онъ въ женихи великой княжнѣ, Георгъ опять встревожился, не желая, чтобы бевернскія земли когда-нибудь достались русскому императорскому дому.

Но громче чѣмъ обо всѣхъ этихъ принцахъ говорили въ Польшѣ о „претендентѣ“, т. е. о сынѣ умершаго въ изгнаніи англійскаго короля Іакова II. Охотно стала бы поддерживать его въ Польшѣ цѣлая партія такъ-называемыхъ якобитовъ, т. е. приверженцевъ Якова Собѣскаго, потому что претендентъ былъ женатъ на его дочери Клементинѣ, но въ Польшѣ уже ничего нельзя было сдѣлать безъ иностранной помощи; а изъ иностранныхъ государствъ ни одно не думало поддерживать претендента: Франція уже имѣла своего кандидата; а Австрія была въ союзѣ съ Англіей, которая не могла радоваться вступленію Стюартовъ на польскій престолъ. Одинъ только папа имѣлъ интересъ въ этомъ возвышеніи, потому что изгнанные Стюарты жили почти на его счетъ. Но папы готовы были помогать буллами и индульгенціями, но не деньгами; а уваженіе къ первымъ уже исчезло въ то время въ Польшѣ.

Теперь обратимся къ пястамъ, т. е. кандидатамъ изъ среды польскаго народа. Первое мѣсто между

ними занималъ не по значенію, а по тому почтенію, какое связано съ громкимъ историческимъ именемъ, старшій королевичъ Собѣскій — Яковъ. При жизни его отца многіе считали его наслѣдникомъ престола. Но слѣпая привязанность его матери къ его младшему брату и хитрость французскаго посла Полиньяка лишили его этой надежды. Августъ II, опасаясь, чтобы при вторженіи Карла XII, Шведы не заставили Поляковъ провозгласить Якова королемъ, велѣлъ схватить его на землѣ императора и держалъ его въ заключеніи. Послѣ алтранштадскаго мира его освободили. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ скромно и тихо въ своихъ имѣніяхъ въ Силезіи. Хотя партія Собѣскихъ была послѣ смерти Августа еще довольно многочисленна въ Польшѣ, но никто не думалъ серьозно о его возвышеніи. Онъ былъ уже старъ, 66 лѣтъ и ему не доставало ни честолюбія, ни денегъ, чтобы играть роль во время междуцарствія.

Вельможи польскіе въ концѣ царствованія Августа II распадались на двѣ партіи: одни составляли оппозицію и назывались республиканцами; сюда принадлежали Потоцкіе, Вишневецкіе, Любомирскіе, Мнишекъ и др.; другая партія только на время была привержена королю; во главѣ ея стояли Чарторижскіе и Понятовскій.

Фамилія Потоцкихъ выставила двухъ кандидатовъ на польскій престолъ. Первымъ изъ нихъ былъ Іосифъ Потоцкій, воевода кіевскій, родственникъ примаса, Ѳеодора Потоцкаго. Когда Шведы въ 1704 году заняли Львовъ въ Галиціи, молодой Потоцкій явился къ Карлу XII и пріобрѣлъ въ короткое время совершенное довѣріе шведскаго короля, поручившаго ему надзоръ надъ цѣлымъ галицкимъ краемъ. Въ битвѣ

при Калишѣ, гдѣ Меншиковъ разбилъ приверженцевъ Лещинскаго, Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ, но отпущенъ послѣ алтранштадскаго мира. Тогда Карлъ заставилъ Станислава возвысить Потоцкаго въ должность великаго коронnаго гетмана, т. е. начальника надъ всѣми войсками. Когда Шведы ушли въ 1709 году изъ Польши у Потоцкаго было 10,000 войска, съ которымъ онъ хотѣлъ защищать Великую Польшу отъ Саксонцевъ и Русскихъ. Но онъ былъ разбитъ русскимъ фельдмаршаломъ Голцомъ; его войско разсѣялось, самъ онъ бѣжалъ въ Венгрію, а потомъ въ Турцію. Оттуда онъ дѣлалъ набѣги съ татарскими шайками и пріобрѣлъ себѣ имя и вліяніе между Татарами. Онъ жилъ въ Бендерахъ пока еще была надежда, что Турки окажутъ помощь Карлу XII. Но въ 1714 г., когда всякая надежда въ этомъ исчезла, онъ возвратился въ Польшу, гдѣ былъ милостиво принятъ Августомъ, однако онъ долженъ былъ отказаться отъ гетманской булавы. Послѣ смерти Гетмана Ржевускаго онъ сталъ снова домогаться булавы и сдѣлался соперникомъ Понятовскаго. Такъ какъ послѣдній имѣлъ болѣе надежды на милость короля, то Потоцкій присталъ къ оппозиціи и разрывалъ сеймы чтобы воспрепятствовать раздачи булавъ. Онъ былъ скупъ и честолюбивъ и поэтому не очень любимъ польскимъ народомъ, не смотря на то, что онъ былъ женатъ на дочери коронnаго маршалка Мнишка, пользовавшагося извѣстной популярностью. Потоцкій былъ маленькій смуглый человѣкъ, очень отважный и умѣвшій отлично притворяться. Второй кандидатъ изъ этой фамиліи былъ Антоній Потоцкій, воевода белжскій, племянникъ примаса. Не смотря на свою молодость, онъ игралъ довольно значительную роль въ Польшѣ и былъ лично

извѣстенъ императрицѣ Аннѣ и ея министрамъ, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву поздравлять ее съ восшествіемъ на русскій престолъ. Хотя ему была продана часть Меншиковскихъ имѣній въ Польшѣ, конечно съ большими льготами; однако средства его не были на столько значительны, чтобы составить себѣ сильную партію приверженцевъ.

Болѣе всѣхъ другихъ польскихъ вельможъ пользовался расположеніемъ средней шляхты князь Янъ Вишневецкій, вѣроятно потому, что отецъ его Христофоръ былъ двоюроднымъ братомъ короля Михаила Вишневецкаго. Но у вельможъ онъ былъ не любимъ за жестокость и мстительность *). Примасъ сказалъ о немъ однажды въ интимной бесѣдѣ, что онъ въ короли не годится, потому что „преданъ питью, отмщенію и вѣрить ему не можно“ **). Русскій же посолъ писалъ о немъ къ своему двору, что онъ не можетъ быть кандидатомъ по „глупости и бѣшенству“. Не смотря на то, что онъ былъ краковскимъ кастеляномъ, т. е. занималъ мѣсто перваго свѣтскаго сенатора, онъ находился въ очень затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ уже старъ, и еще въ 1702 году уступилъ мѣсто гофмаршала Сангушку, когда король Августъ сдѣлалъ его брата Михаила подгетманомъ литовскимъ, потому что по польскимъ законамъ двѣ важныя должности не могли быть заняты членами одной фамиліи. Послѣ алтранштадскаго мира, онъ принялъ сторону Лещинскаго, но потомъ примирился съ Августомъ; а въ 1726 году получилъ мѣсто краковскаго кастеляна.

*) Реляція Лев.

**) Разговоръ пр. съ австр. резид. Кинерномъ прилож. къ реляц. Лев.

Братъ его, Михаилъ Вишневецкій, былъ сдѣланъ Августомъ, еще въ началѣ его царствованія, литовскимъ подгетманомъ, а когда великій литовскій гетманъ Сапѣга принялъ сторону Шведовъ, то Августъ возвелъ Вишневецкаго въ санъ великаго гетмана. Въ этомъ званіи онъ защищалъ сандомирскую конфедерацію, составленную въ пользу Августа, но послѣ алтранштадскаго мира призналъ Лещинскаго. Тогда въ лагерѣ Станислава было два гетмана литовскихъ — Сапѣга и Вишневецкій. Лещинскій послѣ долгихъ усилій убѣдилъ обоихъ отказаться отъ гетманства и отдалъ булаву Яну Сапѣгѣ, старостѣ Бобруйскому и Вишневецкій удовольствовался малой булавой. Послѣ побѣды Петра Великаго надъ Карломъ XII, онъ потерялъ это мѣсто, былъ взятъ русскими въ плѣнъ, и жилъ въ Кіевѣ, откуда онъ въ 1711 году бѣжалъ съ помощью казаковъ въ Бендеры къ Станиславу. Въ 1714 возвратился онъ въ Польшу, былъ сдѣланъ литовскимъ канцлеромъ; а съ 1730 г. сталъ исправлять должность великаго литовскаго гетмана, т. е. былъ назначенъ литовскимъ регименторемъ. Такой же старый и слабый, какъ и братъ, онъ превосходилъ его дурными свойствами характера. Левенвольдъ называетъ его упрямымъ и пишетъ объ немъ, что онъ „въ глупости и бѣшенствѣ отъ брата не вовсе (очень) отсталъ, а Примасъ называетъ его просто дикимъ звѣремъ.“

Самый умный и самый дѣятельный изъ членовъ оппозиціи былъ князь Ѳеодоръ Любомирскій, воевода краковскій. Онъ былъ сыномъ славнаго и ученаго Станислава Любомирскаго, коронnаго маршалка, умершаго въ 1702 году. Ѳеодоръ Любомирскій служилъ въ молодости волонтеромъ въ Венгріи противъ Турокъ,

отличился храбростью и пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе австрійскаго правительства. Потомъ онъ былъ сдѣланъ Спижскимъ старостой. Въ качествѣ старшаго посла краковскаго воеводства, онъ предсѣдательствовалъ на сеймахъ 1728 и 1730 годовъ, которые были разорваны до избранія маршала. На первомъ изъ нихъ онъ сильно отстаивалъ права папы на назначеніе въ духовныя должности (jus patronatus), противъ которыхъ поднимались въ Польшѣ многіе голоса. При смерти Августа, онъ былъ еще довольно молодымъ человѣкомъ и въ полной силѣ; онъ превосходилъ другихъ вельможъ честолюбіемъ и болѣе всѣхъ хлопоталъ о достиженіи польскаго престола. И друзья, и недруги его признавали за нимъ большой умъ и много здраваго смысла, энергію, мужество и извѣстную горячность во всякомъ дѣлѣ, за которое онъ брался. Онъ не былъ очень богатъ, но личныя достоинства замѣняли въ этомъ случаѣ ему силу матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе излишняго честолюбія, характеръ Любомирскаго сдѣлался неспокойнымъ и онъ часто увлекался Этимъ онъ вселилъ недовѣріе къ себѣ шляхтѣ, и примасъ называетъ его факціонистомъ и безпокойной головой.

Коронный маршалокъ Мнишекъ былъ уже человѣкъ пожилой: онъ умѣлъ ладить со всѣми партіями и велъ себя такъ, что всѣ были имъ довольны; но это было не слѣдствіемъ хитрости, а вытекало изъ извѣстнаго благодушія. Русскій посолъ называетъ его наичестнѣйшимъ человѣкомъ изъ польскихъ вельможъ; но только это слово не слѣдуетъ принимать въ современномъ его значеніи, потому что Мнишекъ пользовался щедростью короля Августа, получалъ отъ него ежегодную пенсію въ 12,000 талеровъ и въ тоже время

принималъ значительную пенсію отъ русскаго правительства. Хотя Левенвольдъ зналъ объ этомъ, однако это не помѣшало ему назвать его наичестнѣйшимъ, вѣроятно потому, что Мнишекъ менѣе другихъ хитрилъ предъ нимъ и простодушно бралъ то, что ему давали. Можетъ быть, къ этому побуждало его корыстолюбіе жены его, о которомъ знала вся Польша, такъ что жену Мнишка сравнивали съ „сребролюбивой“ королевой Маріей. Она была женщина очень энергическая, подстрекала своего мужа и гораздо болѣе хлопотала о коронѣ, чѣмъ онъ самъ. Она успѣла собрать около себя толпу приверженцевъ, но своимъ сребролюбіемъ и заносчивостью нажила себѣ много враговъ.

Во главѣ королевскихъ приверженцевъ стоялъ коронный региментарь Станиславъ Понятовскій. Родъ его былъ не изъ знатныхъ, но онъ возвысился своими военными способностями и своимъ дипломатическимъ искусствомъ. Когда Шведы вторгнулись въ Польшу, онъ тотчасъ принялъ ихъ сторону, полюбился Карлу XII и сдѣлался неразрывнымъ спутникомъ его. Когда Карлъ отправился съ своимъ войскомъ въ малороссійскія степи, гдѣ померкла его слава, Понятовскій находился при немъ въ качествѣ польскаго резидента, и въ санѣ короннаго обознаго. Съ Карломъ бѣжалъ онъ въ Бендеры, а потомъ уѣхалъ въ Константинополь, чтобы возбудить Турокъ къ войнѣ съ Россіей. Вслѣдствіе его интригъ, нѣсколько визирей потеряли свое мѣсто. Вмѣстѣ съ Карломъ, онъ оставилъ Турцію, но не послѣдовалъ примѣру другихъ Поляковъ, которые примирились съ Августомъ. Шведскій король сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ въ Цвейбрюкенѣ. Только послѣ его смерти онъ возвратился въ Польшу, получилъ амнестію и свои конфискованныя имѣнія. Онъ

умѣлъ сойтись съ всемогущимъ любимцемъ Августа, Флемингомъ, и черезъ него вошелъ въ милость къ королю. Съ помощью своей вкрадчивости и ловкости онъ такъ укрѣпился въ ней, что пріобрѣлъ названіе *миньона*. Онъ сталъ быстро возвышаться: былъ сдѣланъ литовскимъ подстоліемъ, потомъ литовскимъ казначеемъ, полковникомъ королевской гвардіи, наконецъ въ 1728 г. исправляющимъ должность великаго короннаго гетмана.

Понятовскій былъ уменъ, образованнѣе другихъ польскихъ вельможъ, пріобрѣлъ опытность на войнѣ, былъ рѣшителенъ, хитеръ и очаровывалъ всѣхъ своей любезностью и пріятнымъ обхожденіемъ. Онъ былъ богатъ и честолюбивъ и вообще могъ служить типомъ своихъ соотечественниковъ или по крайней мѣрѣ польскихъ аристократовъ XVIII вѣка: онъ былъ расточителенъ, хвастливъ и самонадѣянъ; пользовался большимъ значеніемъ у войска, но аристократы его ненавидѣли за его низкое происхожденіе и за милость у короля. Главная сила его основывалась на привязанности къ нему мелкаго шляхетства, которое онъ ослѣплялъ своимъ блескомъ и хвастовствомъ, и которое обоготворяло его, потому что видѣла въ немъ своего брата-шляхтича, поднявшагося на недосягаемую высоту. Онъ мечталъ о коронѣ, но былъ очень привязанъ къ Станиславу Лещинскому и охотно ему уступилъ первенство. Значеніемъ своимъ Понятовскій былъ обязанъ отчасти тому, что женился на Чарторижской. Эта знаменитая теперь фамилія пріобрѣла знатность во время царствованія Августа II, вслѣдствіе его милостей. Она состояла изъ трехъ представителей. Отецъ Казиміръ, до 1724 года былъ литовскимъ подканцлеромъ, а въ это время передалъ свое

мѣсто сыну Михаилу и сдѣлался виленскимъ кастеляномъ. Онъ уже не могъ думать о коронѣ, потому что былъ слабъ и старъ, часто напивался и тогда хвастался и болталъ всякій вздоръ. Старшій сынъ его, Михаилъ, также не пользовался особеннымъ значеніемъ, потому что родъ ихъ былъ бѣденъ и навлекъ на себя презрѣніе вельможной шляхты за нѣкоторыя брачные союзы, не соотвѣтствовавшіе аристократическимъ понятіямъ. За то въ числѣ кандидатовъ былъ второй сынъ Казиміра Августъ, воевода русскій, благодаря своему несмѣтному богатству. Онъ пріобрѣлъ его, женившись на самой богатой невѣстѣ въ Польшѣ, вдовѣ генерала Денгофа, дочери умершаго великаго коронаго гетмана Синявскаго, который получилъ извѣстность во время шведской войны. Родъ Потоцкихъ, желавшій женить на ней одного изъ своей фамиліи, сталъ вслѣдствіе этого въ непріязненныя отношенія къ Чарторижскимъ. Даже король Августъ былъ недоволенъ этимъ бракомъ, хотя Чарторижскіе принадлежали къ его приверженцамъ. Онъ боялся, что Чарторижскій, пользуясь своимъ богатствомъ будетъ отбивать у его сына польскую корону. Зять Августа Чарторижскаго, Понятовскій уступилъ ему начальство надъ коронной гвардіей; а король далъ ему орденъ Бѣлаго Орла, обѣщанный еще прежде его женѣ; но не смотря на эти почести, отсутствіе личныхъ достоинствъ заграждало Чарторижскому путь къ престолу; его такъ не уважали въ своемъ воеводствѣ, что во время сеймика его даже не выбрали полковникомъ воеводства, чего требовало обыкновеніе и чуть не изрубили его. Къ честолюбивымъ замысламъ подстрекала его жена, которая увѣряла, что готова продать свое послѣднее платье, лишь бы только возвести мужа на престолъ.

Въ Польшѣ было еще нѣсколько фамилій, которыя не принадлежали ни къ оппозиціи, ни къ королевской партіи; по смерти Августа онѣ также стали думать о коронѣ. Литовскій гофмаршалъ князь Павелъ Сангушко пользовался извѣстной популярностью по своему сносному характеру и богатству. Къ тому же сынъ его былъ женатъ на дочери генерала Денгофа, который оставилъ послѣ себя добрую память. О Сангушкѣ и сосѣднія державы Россія, Австрія и Пруссія были очень хорошаго мнѣнія. Австрійскій Кабинетъ писалъ о немъ къ своему послу, что отъ него нельзя ждать ни добра, ни зла, и что онъ именно поэтому особенно годится въ польскіе короли. Не смотря на эту хорошую репутацію Сангушко меньше хлопоталъ о коронѣ, чѣмъ отъ него ожидали, вслѣдствіе своего равнодушнаго характера.

Родъ Сапѣговъ былъ когда-то однимъ изъ самыхъ могущественныхъ; но послѣ пораженія Шведовъ потерялъ свое значеніе. Въ послѣдніе годы царствованія Яна Собѣскаго, Казиміръ Сапѣга былъ литовскимъ великимъ гетманомъ. Такъ какъ содержаніе войскъ было дурно обезпечено въ Польшѣ, то Сапѣга сталъ обращаться деспотически съ литовскимъ духовенствомъ и шляхетствомъ, требовать отъ нихъ постоя и т. п. Шляхта составила конфедерацію, подъ предводительствомъ Огинскаго, началась междоусобная война, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ. При вторженіи своемъ въ Польшу, Карлъ XII воспользовался этой ссорой и принялъ сторону Сапѣговъ. Нѣсколько членовъ изъ этого рода отличились въ рядахъ приверженцевъ Лещинскаго, но вмѣстѣ съ нимъ пало и ихъ значеніе. Въ 1733 году почти всѣ члены этого рода были уже пожилыми людьми и въ затруднительномъ положе-

ніи, исключая кастеляна трокскаго. Хотя они, были по словамъ примаса „къ господствованію лакомы“, но надежды у нихъ было мало; ибо возвышенію ихъ воспротивилось бы все литовское шляхетство, боявшееся, чтобы Сапѣги не стали мстить за нанесенныя имъ обиды. Ихъ считали приверженцами Швеціи и слѣдовательно Лещинскаго. Непримиримыми врагами Сапѣговъ были Огинскіе, которые выставили трехъ кандидатовъ, воеводу виленскаго, сына его воеводу трокскаго, и брата его воеводу витепскаго; но у нихъ у всѣхъ было мало надежды, потому что они были безъ средствъ и не пользовались расположеніемъ. Левенвольдъ писалъ объ нихъ, что кто имъ больше дастъ, тотъ и привлечетъ ихъ на свою сторону. Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ можно упомянуть еще о конюшемъ литовскомъ, Раздивилѣ, но онъ былъ „молодъ и неразуменъ“; притомъ въ Польшѣ ненавидѣли его мать, которая управляла имъ, за ея гордость и надменность.

Выборъ изъ этихъ многочисленныхъ кандидатовъ былъ довольно труденъ, потому что ни одинъ изъ ихъ не превосходилъ остальныхъ особенной доблестью. Два противорѣчащихъ чувства руководили польскими вельможами при избраніи короля; ненависть къ иностранному кандидату и зависть другъ къ другу. Только на одномъ кандидатѣ мирились оба эти чувства—на Станиславѣ Лещинскомъ. Онъ былъ природный Полякъ и въ тоже время выходилъ изъ ряда вельможъ; самый гордый изъ Поляковъ могъ поладить съ своимъ самолюбіемъ, признавъ Лещинскаго королемъ. Поэтому безъ особенныхъ, съ его стороны усилій, вся почти Польша стала на его сторону.

ГЛАВА V.

СОБЫТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ ОТЪ СМЕРТИ КОРОЛЯ ДО НАЧАЛА СОЗЫВАТЕЛЬНАГО СЕЙМА. (1 ФЕВР.—27 АПР. 1733 Г.).

Когда колокола извѣстили жителей Варшавы о смерти ихъ короля, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ королевствѣ сталъ архіепископъ гнезненскій, или такъ-называемый примасъ. Къ нему переходила вся власть короля и весь блескъ, которымъ былъ окруженъ его престолъ; къ нему входили съ докладомъ польскіе министры и ѣздили на аудіенцію иностранные послы. Онъ извѣщалъ воеводства посредствомъ универсаловъ о смерти короля, назначалъ сроки сеймикамъ и большому созывательному сейму въ Варшавѣ. Онъ могъ пользоваться годъ и 6 недѣль всѣми доходами, которые отходили въ собственную казну польскаго короля.

При смерти Августа II, примасомъ былъ Ѳеодоръ Потоцкій. Въ рукахъ его была отчасти судьба Польши и потому на немъ преимущественно лежитъ тяжелая отвѣтственность за событія 1733 года, привлекшія въ Польшу иностранныя войска и нанесшія рѣшительный ударъ ея дряхлому организму. Съ этого времени Польша лежала въ глубокомъ снѣ до самыхъ смутъ, вызванныхъ восшествіемъ на престолъ Станислава Понятовскаго и разыгравшихся первымъ раздѣломъ ея.

© ПНБ СПб

Главный упрекъ, который можно сдѣлать примасу относится къ его характеру; его можно обвинить согласно съ отзывомъ посланниковъ союзныхъ державъ въ хитрости и двоедушіи; но таковъ былъ характеръ почти всѣхъ государственныхъ людей того времени, когда историческіе вопросы рѣшались въ кабинетахъ и нисколько не зависѣли отъ общественнаго мнѣнія. Двоедушіе было особенно простительно польскимъ государственнымъ людямъ, которые по меткому выраженію находились „между молотомъ и наковальней".

Ѳеодоръ Потоцкій началъ свое поприще при краковскомъ соборѣ. Тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ, Августъ II возвелъ его изъ краковскихъ канониковъ въ кульмскіе епископы. Когда явились Шведы, Потоцкій держался стороны Августа и присутствовалъ при заключеніи сандомирской конфедераціи, подъ которой онъ подписался вмѣстѣ съ другими. Послѣ алтранштадскаго мира, онъ явился къ Станиславу въ Саксонію, который сдѣлалъ его краковскимъ епископомъ. Но это повышеніе ему не помогло, потому что послѣ возвращенія Августа онъ опять долженъ былъ довольствоваться своей прусской епархіей. Въ 1713 году Августъ назначилъ его епископомъ Варміи (Ermeland), а въ 1722 архіепископомъ гнезненскимъ и примасомъ. Обязанностью его было охранять учрежденія своего отечества, и когда онъ замѣтилъ, что Августъ былъ бы не прочь нарушить эти учрежденія, для утвержденія наслѣдства за своимъ сыномъ, онъ сталъ сближаться съ Россіей и Австріей. Но по обычаямъ XVIII вѣка расположеніе всякаго государственнаго человѣка къ другой державѣ, всякое сближеніе его съ ея правителями выражалось пенсіей, и примасъ польскаго королевства не

постыдился получать пенсію отъ австрійскаго кабинета. Впрочемъ пенсія обыкновенно не очень обязывала и тяготила пенсіонеровъ. Примасъ искалъ опоры у Россіи и Австріи, но не думалъ жертвовать для нихъ своими симпатіями или антипатіями. Онъ ненавидѣлъ Саксонцевъ, ненавидѣлъ Понятовскаго и Чарторижскихъ, въ своей фамиліи не имѣлъ ни одного человѣка, котораго бы могъ предложить въ короли съ нѣкоторою увѣренностью въ успѣхѣ, и поэтому выборъ его остановился на Станиславѣ.

Тотчасъ послѣ смерти короля, польскіе министры собрались въ домѣ примаса и совѣтовались объ томъ, что дѣлать.

Приверженцы Лещинскаго требовали, чтобы примасъ вовсе не объявлялъ о смерти короля и не провозглашалъ междуцарствія, потому что, говорили они, законный король, избранный и коронованный, живъ и теперь по смерти узурпатора безпрепятственно возвратится на свой престолъ. Къ этому совѣту склонялся самъ примасъ. Дѣйствительно, немедленное провозглашеніе Станислава, казалось лучшимъ средствомъ, чтобы избѣжать смуты безгосударственнаго времени, разомъ отнять у честолюбцевъ надежду на успѣхъ и возможность къ интригамъ, а у сосѣдей польскихъ поводъ ввести туда свои войска.

Но другіе члены совѣта доказывали, что такой неожиданный и рѣшительный поступокъ слишкомъ вооружитъ противниковъ Станислава, подастъ имъ поводъ жаловаться на нарушеніе польской вольности и возбудить мелкую шляхту, которая не охотно откажется отъ подкуповъ и пировъ сопровождающихъ избраніе короля. Эти честолюбцы могутъ обратиться за помощью къ сосѣднимъ державамъ, а теперь еще

неизвѣстно, на сколько молодой французскій король захочетъ поддержать деньгами и войсками своего тестя на польскомъ престолѣ. Примасъ и другіе отвѣчали на это, что, провозглашая междуцарствіе, они какъ будто сознаются въ незаконности перваго избранія Станислава, и что помазанникъ не можетъ быть подвергнутъ новому избранію. (Semel unctus, semper unctus.) Но противное мнѣніе одержало верхъ, и въ этомъ, можетъ быть, не въ малой мѣрѣ участвовалъ эгоизмъ польскихъ вельможъ. Время междуцарствія было для нихъ настоящимъ праздникомъ. Тутъ можно было погулять на просторѣ, разыгрывать роль, а подъ конецъ заключить свои условія съ друзьями или недругами, поправить свое состояніе, заплатить долги и выговорить себѣ какую-нибудь важную должность. И самъ примасъ можетъ быть не охотно бы лишился того значенія, которое было бы сопряжено съ его должностью во время междуцарствія.

Примасъ и его приближенные рѣшились держать въ тайнѣ свое расположеніе въ пользу Станислава до тѣхъ поръ, пока узнаютъ о намѣреніяхъ французскаго двора и успѣютъ вовлечь въ свои интересы значительное число своихъ соотечественниковъ. И на этотъ разъ тайна сохранялась такъ искусно, что русскій и цесарскій послы, которымъ секреты польскаго двора были лучше извѣстны, чѣмъ секреты своихъ дворовъ, ничего достовѣрнаго не узнали, хотя двое изъ министровъ были ими подкуплены, коронный маршалокъ Мнишекъ и краковскій епископъ Липскій, временно исправлявшій должность канцлера.

Первымъ дѣломъ примаса было распустить сеймъ, который собрался на свое седьмое и послѣднее засѣданіе, 3-го февраля. Потомъ бренные останки короля

были перенесены въ городскій замокъ; тамъ они должны были стоять до созывательнаго сейма, а потомъ предполагалось перевезти ихъ въ Краковъ и похоронить уже послѣ избранія новаго короля. Но сердце Августа II было вырѣзано и въ серебреной капсулѣ отправлено въ Саксонію. Бѣдные Саксонцы, трудовыя деньги, которыхъ расточались въ продолженіи 36 лѣтъ на то, чтобы удержать Августа на польскомъ престолѣ были по крайней мѣрѣ утѣшены тѣмъ, что сердце его не осталось въ Польшѣ, а было доставлено къ нимъ.

Дальнѣйшія распоряженія примаса доказывали его ненависть къ Саксонцамъ. Онъ распустилъ два полка, которые составляли королевскую гвардію и были набраны изъ всѣхъ польскихъ полковъ, а гранъ-мушкетеровъ, которыхъ Августъ завелъ изъ подражанія французскому двору и которыхъ онъ содержалъ на свой собственный счетъ онъ принялъ на службу Рѣчи Посполитой.

Потомъ примасъ далъ приказаніе всѣмъ Саксонцамъ, знатнымъ и простымъ, находившимся на службѣ при дворѣ Августа, немедленно выѣхать изъ Польши. Такъ какъ ихъ было 1,200 человѣкъ, то они было раздѣлены на двѣ партіи, каждой изъ нихъ даны въ провожатые сотня польскихъ улановъ и отрядъ пѣхоты, которые и выпроводили ихъ за польскую границу, одну партію черезъ Великую Польшу, другую черезъ Силезію и Бреславль. Примасъ былъ такъ радъ удаленію Саксонцевъ, что не скрылъ своего удовольствія даже отъ русскаго посла и сказалъ ему: „наконецъ-то мы отдѣлались отъ всѣхъ этихъ Саксонцевъ“ *). Ненависть къ нимъ въ польскомъ народѣ

*) A la fin nous serons pourtant une fois quittes de tous ces Saxons.

была такъ велика, что многіе изъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, поселившихся въ Варшавѣ продали свое имущество и присоединились къ свитѣ умершаго короля. Въ то же время Сенатъ, собранный около примаса, приказалъ коронному региментарю двинуть отрядъ войска на границы Бранденбурга и Силезіи, для наблюденія за намѣреніями этихъ державъ.

При этой всеобщей ненависти ко всему саксонскому становилось затруднительно положеніе польскихъ приверженцевъ Августа, особенно Понятовскаго и Чарторижскихъ. Примасъ могъ по своей власти отнять у Понятовскаго должность короннаго региментаря и повредить во многомъ Чарторижскимъ. Но они съумѣли удержаться. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти короля, вся столица была изумлена извѣстіемъ, что Потоцкіе и Чарторижскіе помирились, что примасъ не только утвердилъ Понятовскаго въ его должности, но не разстается съ нимъ и называетъ его при всѣхъ своимъ любезнымъ Стасей*). Это было очень естественно, потому что Понятовскій не смотря на милость Августа остался самымъ преданнымъ приверженцемъ Станислава, а Чарторижскіе давно уже находились въ близкихъ сношеніяхъ съ французскимъ дворомъ и получали оттуда пенсіи. Примасъ не могъ пренебрегать опорой такой сильной партіи и долженъ былъ радоваться, что она не передалась на сторону Россіи. Но въ городѣ ходили слухи, что Понятовскій пріобрѣлъ милость примаса не даромъ, а за 20,000 червонцевъ.

Чарторижскіе однако не хотѣли испортить своихъ отношеній къ саксонской партіи; они и прежде льстили королю Августу обѣщаніями поддерживать его сына въ намѣреніи получить польскую корону и теперь

*) Kochany Stasiu und favorit.

устроивали постоянныя свиданія въ домѣ кастеляна виленскаго между членами своей партіи и саксонскими министрами Брюлемъ и Тіоли, чтобы совѣщаться о средствахъ доставить корону курфирсту. Все это происходило конечно свѣдома и согласія примаса; Чарторижскіе хотѣли только узнать о намѣреніяхъ и надеждахъ саксонцевъ, а можетъ быть даже выманить у нихъ деньги; но Левенвольдъ, нерасположенный къ Чарторижскимъ, предполагаетъ, что они обманывали и Саксонцевъ и приверженцевъ Лещинскаго, желали только взять большія деньги у тѣхъ и другихъ, ослабить такимъ образомъ обоихъ соперниковъ и наконецъ выставить своего собственнаго кандидата Августа Чарторижскаго, воеводу русскаго.

Чарторижскіе умѣли ловко расположить къ себѣ и другихъ польскихъ вельможъ. Такъ, напримѣръ, они узнали, чрезъ своихъ шпіоновъ, что Янъ Вишневецкій, кастелянъ краковскій находился въ очень затруднительномъ положеніи. Вліяніемъ своимъ они доставили ему изъ казны 300 червонцевъ и такимъ образомъ расположили къ себѣ безъ всякой жертвы съ своей стороны перваго свѣтскаго сенатора въ Польшѣ.

Болѣе всѣхъ пораженъ былъ перемѣнами, которыя случились послѣ смерти короля, русскій посолъ Левенвольдъ. Во время сейма, его домъ относился къ королевскому дворцу какъ одинъ магнитный полюсъ къ другому. Въ немъ безпрестанно толпились члены оппозиціи, которые завѣряли посла въ своемъ расположеніи къ интересамъ русскаго двора и искали защиты его. Раздача гетманскихъ булавъ и успѣхъ сейма зависѣли, казалось, столько же отъ желанія русскаго посла, сколько отъ самаго короля. Но со смертью послѣдняго все это измѣнилось. Интересы

членовъ оппозиціи приняли другое направленіе и они уже не нуждались въ расположеніи русскаго посла. Это выразилось въ самый день смерти короля. Перваго февраля въ день восшествія на престолъ императрицы Анны, Левенвольдъ приготовилъ у себя въ домѣ пышный „фестенъ“ и пригласилъ польскихъ министровъ, иностранныхъ пословъ и знатнѣйшихъ сенаторовъ. Но утромъ въ тотъ же день умеръ король; ни одинъ изъ Поляковъ не пріѣхалъ и только трое изъ вельможъ, преданныхъ Россіи: Мнишекъ, Липскій и воевода белжскій Потоцкій пріѣхали утромъ съ поздравленіемъ и съ извиненіемъ, что не могутъ быть вечеромъ. Но особенно разсердился Левенвольдъ на иностранныхъ пословъ. Такъ какъ примасъ не извѣстилъ ихъ въ тотъ же день о смерти короля, то, по мнѣнію русскаго посла, они должны были не подавать вида, что знаютъ это и пировать у него. Но французскій посолъ и папскій нунцій не пріѣхали и только поздно извинились; цесарскій посолъ пріѣхалъ вечеромъ, но не остался ужинать, подъ предлогомъ, что ему нужно отправить курьера въ Вѣну. Англійскій, голландскій и шведскій послы пріѣхали вечеромъ поздно, и первый, по имени Водвардъ, объявилъ, что они не могутъ остаться. Такъ какъ Водвардъ и голландскій посолъ были очень дружны съ Чарторижскими и расположены къ Августу, то Левенвольдъ принялъ ихъ отказъ за оскорбленіе и отвѣтилъ имъ: „Я не знаю умеръ ли польскій король, да во всякомъ случаѣ живой государь стóитъ бóльшаго вниманія, чѣмъ умершій“ *).

*) Рел. отъ 2 ф. (ст. ст.) Comme je n'en sai rien, que le Roy soit mort, je crois qu'en tout cas un monarque vivant vaut mieux, qu'un Rois mort en toute manière.

Левенвольдъ не зналъ еще подробно о намѣреніяхъ своего двора, но зналъ только, что союзныя державы рѣшились не допустить избраніе Станислава. Поэтому ему крайне не нравились холодность польскихъ вельможъ и таинственный видъ примаса. Онъ старался навести его на откровенный разговоръ, и однажды это ему удалось сдѣлать послѣ обѣда. Послѣобѣденная пора была вообще очень опаснымъ временемъ въ прежніе вѣка какъ для дипломатовъ, такъ и для администраторовъ. Англійскіе законы напримѣръ запрещали судьямъ подписывать смертные приговоры послѣ обѣда.

Примасъ сказалъ русскому послу, что онъ еще ни съ однимъ кандидатомъ не вступилъ въ обязательства, но если бы онъ могъ слѣдовать своей собственной склонности, то зналъ бы, что ему дѣлать. Чтобы выпытать у него по больше, Левенвольдъ возразилъ ему: „Всякій имѣетъ болѣе расположенія къ одному лицу, чѣмъ къ другому и на основаніи того Станиславъ, кажется, можетъ разсчитывать на многихъ польскихъ вельможъ“. Тогда „старый и хитрый“ примасъ не удержался (denn es war Nachmittag, прибавляетъ Левенвольдъ) и сказалъ, что никому не слѣдовало бы упрекать его, если бы онъ сталъ помогать Станиславу, потому что онъ связанъ съ нимъ двойными узами и родства и дружбы.

Русскій посолъ, встревоженный этими словами и слухами, что партія Станислава съ каждымъ днемъ увеличивается, отправился къ австрійскому послу Вилчку и они рѣшились поднять всѣхъ своихъ польскихъ друзей на ноги, чтобы положить преграду успѣхамъ французской партіи. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого было составленіе въ разныхъ частяхъ

Польши и Литвы конфедерацій для исключенія Станислава. Поставить прямою цѣлью этихъ конфедерацій или шляхетскихъ скопищъ исключеніе Станислава было бы опасно; но это можно было сдѣлать подъ благовиднымъ предлогомъ. Когда въ 1716 году послѣдовало примиреніе между Августомъ II и конфедераціей, составленной противъ саксонскаго войска, то была провозглашена амнестія. Въ эту амнестію включенъ былъ и Станиславъ Лещинскій съ условіемъ, чтобы онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ возвратился въ Польшу и призналъ королемъ Августа II; въ противномъ случаѣ грозили объявить его мятежникомъ и врагомъ отечества. Срокъ прошелъ и на примирительномъ сеймѣ 1-го фев. 1717 года Станиславъ былъ дѣйствительно преданъ опалѣ.

Поэтому иностранные послы рѣшились составить конфедераціи подъ предлогомъ охраненія польскихъ законовъ и конституцій. Такимъ образомъ онѣ имѣли бы законный видъ и все-таки достигли бы своей цѣли, потому что давали Россіи и ея союзникамъ средство вмѣшаться въ польскія дѣла. Примиреніе между Августомъ и конфедераціей 1716 г. произошло при посредничествѣ русскаго посла Долгорукаго. Хотя подъ актомъ примиренія не было его подписи и не говорилось о гарантіи Россіи, но русское правительство могло, основываясь на своемъ посредничествѣ, покровительствовать конфедераціямъ, составленнымъ противъ Лещинскаго. Австрійскій посолъ взялъ на себя убѣдить князя Любомирскаго составить конфедерацію, потому что его воеводство лежало на австрійскихъ границахъ и онъ могъ получать оттуда деньги и войска, а въ случаѣ опасности бѣжать въ Венгрію. Русскій посолъ обязался составить нѣсколько конфедерацій

на русскихъ границахъ въ Литвѣ. Литвины давно уже составляли главную опору русскаго вліянія въ Польшѣ. Въ случаѣ войны съ Россіей они пострадали бы скорѣе всѣхъ; притомъ они были бѣдны, и страхъ и недостатокъ дѣлали ихъ доступными русскому вліянію. Съ помощью Литвиновъ русскіе послы нѣсколько разъ разрывали польскіе сеймы. Еще не за долго передъ смертью короля Литвины обѣщали составить конфедерацію, если бы Августъ вздумалъ, безъ согласія сейма, роздать булавы. Чтобы разузнать, на сколько русское правительство, согласно поддерживать эту конфедерацію, Левенвольдомъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ концѣ 1732 г., полковникъ Даревскій, Полякъ находившійся въ русской службѣ. Но Литвины не оправдали на сеймѣ ожиданій русскаго посла. Они были запуганы и подкуплены приверженцами короля и слабо сопротивлялись, какъ мы видѣли, избранію сеймоваго маршала, за что Левенвольдъ въ своихъ реляціяхъ называетъ ихъ вѣтренными и предательскими и говоритъ, что они постоянны только въ одномъ — въ испрашиваніи денегъ.

Между тѣмъ Даревскій возвратился изъ Петербурга и Левенвольдъ поручилъ ему вступить въ переговоры съ литовскими вельможами. При первомъ свиданіи Литвины стали жаловаться на примаса, хвалить свое поведеніе во время сейма и высчитывать издержки, которыя они понесли ради общаго дѣла. Наконецъ, они спросили Даревскаго: „какихъ хорошихъ новостей привезъ онъ имъ“? Онъ отвѣчалъ, что они останутся довольны, но не могъ продолжать разговора, потому что кто-то изъ непосвященныхъ въ тайну прервалъ ихъ бесѣду. На другой день, надворный казначей литовскій Сапѣга явился къ Даревскому, разсказалъ о

примиреніи Чарторижскихъ и Потоцкихъ, бранилъ примаса рѣзкими словами и объявилъ, что необходимо составить конфедерацію; но можетъ ли Даревскій обнадежить ихъ, что русское правительство ихъ защититъ. Даревскій отвѣтилъ на это, что они вполнѣ могутъ положиться на всякую помощь со стороны Россіи; тогда Сапѣга принялъ рѣшительный видъ и спросилъ, находится ли русское правительство все еще въ тѣсномъ союзѣ съ австрійскимъ? Даревскій успокоилъ его на этотъ счетъ: „Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сапѣга, пусть вашъ посолъ убѣдитъ австрійскаго составить конфедерацію въ Великой Польшѣ, а на насъ, Литвиновъ, вы можете положиться.“ Онъ просилъ Даревскаго прійти въ три часа къ воеводѣ витебскому Огинскому, а самъ хотѣлъ отправиться къ Мнишку, Любомирскому, регименгарю Вишневецкому и къ Браницкому, чтобы поговорить съ ними.

Даревскій былъ увѣренъ, что Сапѣга смотрѣлъ серьозно на это дѣло, потому что онъ былъ оскорбленъ примасомъ. Такъ-называемыя экономіи королевскія находились по смерти короля въ распоряженіи надворнаго казначея, и часто даже при жизни короля; но примасъ отдалъ ихъ великому казначею Сологубу, который распорядился ими, съ согласія Чарторижскихъ въ пользу людей ихъ партіи. Поэтому Даревскій поспѣшилъ къ Левенвольду и передалъ ему просьбу Сапѣги. Тотъ отвѣчалъ ему, что онъ уже говорилъ съ Вилчкомъ и что австрійскій посолъ обѣщалъ составить конфедерацію.

Даревскій отправился въ назначенный часъ къ Сапѣгѣ, нашелъ тамъ его брата старосту вилковскаго и передалъ имъ отвѣтъ своего посла. Сапѣга былъ очень доволенъ, оставилъ Даревскаго у себя обѣдать

и все время говорилъ съ нимъ о конфедераціи. Между тѣмъ Левенвольдъ былъ у Мнишка и говорилъ также съ кіевскимъ воеводой Потоцкимъ; оба обѣщали ему свое содѣйствіе; послѣдній можетъ быть былъ недоволенъ, что примасъ помирился съ Понятовскимъ или просто хитрилъ.

Вечеромъ, Даревскій отправился къ воеводѣ витебскому Огинскому и нашелъ тамъ многочисленное собраніе. Его спросили, какой отвѣтъ привезъ онъ имъ изъ Петербурга. Даревскій сказалъ, что онъ представлялъ императрицѣ о ихъ благорасположеніи и что они нуждаются въ денежныхъ пособіяхъ, чтобы воспрепятствовать намѣреніямъ своего двора. Императрица приказала ему предложить имъ пенсіи. Въ это самое время пріѣхалъ Любомирскій и такъ какъ Даревскій не былъ знакомъ съ нимъ, то онъ ушелъ въ другую комнату, чтобы не помѣшать ихъ разговору.

Любомирскій уѣхалъ очень поздно и Литвины рѣшились отложить конференцію до другаго утра и собраться у Гонсѣвскаго, епископа смоленскаго. Въ 8 часовъ всѣ собрались и первымъ вопросомъ Литвиновъ было, „что это такое онъ имъ говорилъ о пенсіяхъ“. Даревскій повторилъ имъ, что русскій дворъ принялъ во вниманіе большія издержки ихъ по причинѣ частыхъ сеймовъ, и поэтому предлагаетъ имъ постоянное жалованье и единовременныя пособія по мѣрѣ надобности. Тогда Литвины спросили, чего же русскій дворъ требуетъ за это отъ нихъ. Даревскій былъ оскорбленъ этимъ вопросомъ, потому что онъ не въ первый разъ объ этомъ съ ними говорилъ и сказалъ: русское правительство желаетъ прежде всего, чтобы были исполняемы законы и конституціи Рѣчи Поспо-

литой, а отъ вельможъ литовскихъ требуетъ, чтобы они старались сохранять дружбу и доброе согласіе между обоими государствами и такъ какъ теперь идетъ рѣчь о избраніи новаго короля, то чтобъ они избрали такого, который бы жилъ въ согласіи и съ ними и съ своими сосѣдями: при этомъ онъ сталъ говорить имъ объ исключеніи Станислава и курфирста саксонскаго. Тогда они спросили: какъ велики пенсіи, которыя онъ предлагаетъ имъ. Онъ отвѣтилъ, что они сами должны опредѣлить сумму, которой хотятъ довольствоваться, но при этомъ однако и вспомнить то, что съ друзей лишняго не берутъ (quod ab amicis justa petenda). Тогда они потребовали 5000 талеровъ для четверыхъ изъ нихъ, вѣроятно это были двое Сапѣгъ, Гонсѣвскій и Огинскій воевода витебскій. Даревскій сказалъ, что русскій дворъ не затруднится дать имъ эту сумму, если будетъ имѣть возможность положиться на нихъ. Они опять спросили, что же имъ сдѣлать для этого. Даревскій совѣтовалъ имъ послать одного изъ нихъ въ Петербургъ и дать ему полномочіе условиться обо всемъ съ русскими министрами; этотъ посланный привезетъ имъ тогда необходимыя деньги; или пусть они по крайней мѣрѣ тотчасъ письменно изложатъ обязательства, въ которыя хотятъ вступить, и такъ какъ Россія не желаетъ ничего, что клонилось бы ко вреду Рѣчи Посполитой, то они могутъ включить какія угодно предостереженія для соблюденія интересовъ своего отечества.

Тогда литовскіе паны приняли видъ, какъ будто хотятъ приступить къ изложенію своихъ желаній, а между тѣмъ потребовали, чтобы имъ выдали тотчасъ 2500 злотыхъ въ вознагражденіе за издержки, понесенныя во время сейма. Они говорили, что имъ нужно заплатить эти деньги земскимъ посламъ, возвращающимся съ сейма. Эти послы могли бы на своей родинѣ приготовить умы для конфедераціи. Даревскій возразилъ, что смерть короля случилась неожиданно и что у русскаго посла нѣтъ столько денегъ, но если они начнутъ дѣйствовать, то деньги найдутся.

Тогда они начали жаловаться, что имъ напрасно не довѣряютъ, что они честные люди и не стали бы ничего обѣщать, еслибъ не имѣли намѣренія сдержать своихъ обѣщаній.

Даревскій сказалъ имъ, что они получатъ деньги, если составятъ условный актъ и подпишутся подъ нимъ. Долго тянулся споръ, наконецъ они изъявили готовность составить актъ и дать свои подписи, но сказали, что этого нельзя сдѣлать въ одну минуту, нужно посовѣтоваться еще съ другими, а между тѣмъ имъ нужны деньги тотчасъ же, потому что земскіе послы ѣдутъ въ тотъ же день; они согласны дать росписку въ томъ, что они деньги роздали посламъ.

Даревскій наконецъ уступилъ имъ и отправился къ Левенвольду: но тотъ не забылъ ихъ поведенія во время сейма и отказалъ имъ въ деньгахъ, если они не дадутъ болѣе положительныхъ обезпеченій. Возвратившись къ нимъ, Даревскій сказалъ, что русскій посланникъ охотно бы удовлетворилъ ихъ, но деньги, на которыя онъ, Даревскій, привезъ векселя, еще не находятся въ рукахъ посла. Тогда они начали опять жаловаться, что съ ними поступаютъ не благородно, что для Россіи гораздо важнѣе имѣть друзей въ Польшѣ, чѣмъ для нихъ расположеніе русскаго двора. На это Даревскій отвѣчалъ имъ, что Россія имѣетъ только одинъ интересъ — сохранить всеобщую тишину, кончить дѣло мирнымъ образомъ и избѣгнуть всякихъ

непріятностей, отъ которыхъ бы они пострадали болѣе другихъ. Этимъ конференція окончилась; между русскимъ посольствомъ и литовскими вельможами возстановились холодныя отношенія, и въ такомъ расположеніи Литвины возвратились на родину.

Левенвольдъ былъ очень разсерженъ неудачнымъ исходомъ этихъ переговоровъ; онъ старался склонить свой кабинетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ и писалъ, что только тремя средствами можно достигнуть цѣли въ Польшѣ, т. е. помѣшать избранію непріязненнаго къ Россіи короля, деньгами, силой или деньгами и силой вмѣстѣ. Что касается до денегъ, то при непостоянствѣ и жадности поляковъ потребуется такое количество, которое онъ не берется опредѣлить, а которое дойдетъ до многихъ сотенъ тысячъ. При томъ весьма затруднительно пересылать большія суммы въ Польшу, потому что ни одинъ варшавскій купецъ не въ состояніи заплатить по векселю тотчасъ даже 10,000 тал.; банкирскій срокъ обыкновенно 14 недѣль, а въ это время можетъ въ Польшѣ все кончится; кромѣ того самимъ банкирамъ затруднительно привозить звонкую монету въ большомъ количествѣ изъ за границы, потому что дороги въ Польшѣ становятся далеко не безопасны. Лучше всего было бы отправить изъ Россіи деньги, необходимыя для роздачи, въ монетахъ и подъ прикрытіемъ 20 или 30 драгуновъ, которые могли бы быть присланы въ видѣ караула для русскаго посольскаго дома въ Варшавѣ, потому что почетный караулъ изъ польской гвардіи служитъ только средствомъ для Понятовскаго—разузнать все „что дѣлается въ домѣ посла.“ Поэтому необходимо, продолжаетъ Левенвольдъ, поставить войска на польской границѣ и двинуть ихъ въ Польшу при первой

необходимости; при этомъ Левенвольдъ не забываетъ о Литвинахъ, совѣтуетъ отплатить имъ за ихъ измѣну, и разрушеніемъ ихъ деревень „дать имъ возчувствовать“ ихъ вину. Особенно пораженъ былъ Левенвольдъ, когда узналъ объ измѣнѣ Гонсѣвскаго, епископа смоленскаго, въ домѣ котораго собиралась въ послѣдній разъ конференція. Этотъ Гонсѣвскій давно уже пользовался милостями русскаго кабинета: въ 1732 году онъ получилъ вмѣстѣ съ Сапѣгой, старостой Мерецкимъ, 1000 черв. за расторженіе сейма; а черезъ мѣсяцъ еще 100 черв. въ „особливое награжденіе“. Но черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Даревскимъ, одинъ изъ знакомыхъ Левенвольда засталъ Гонсѣвскаго въ кабинетѣ французскаго посла въ которомъ онъ сидѣлъ уже три часа. Въ тоже время также и австрійскій кабинетъ далъ знать своему послу, что Гонсѣвскій подкупленъ Франціей.

Когда австрійскій кабинетъ узналъ о воинственномъ расположеніи русскаго посла, то приказалъ своему посланнику успокоить его и увѣщаніями и даже лестью; австрійскій дворъ очень боялся рѣшительныхъ дѣйствій, пока дѣла еще не разъяснились.

Конфедерація, которую взялся устроить австрійскій посолъ удалась или потому, что онъ не жалѣлъ денегъ или потому что имѣлъ дѣло не со многими слабыми людьми, а съ однимъ рѣшительнымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ. Любомирскій выѣхалъ изъ Варшавы и черезъ двѣ недѣли уже узнали, что краковское воеводство и съ нимъ княжества Заторское и Освицимское заключили 23 февраля конфедерацію, въ силу которой всѣ члены ея обязались признать королемъ только Поляка имъ равнаго и избраннаго свободными голосами, содержать миръ съ сосѣдями и не входить

въ тайныя сношенія ни съ одной иностранной державой. Казалось, что эта конфедерація составлена только для исключенія иностранныхъ кандидатовъ и преимущественно курфирста саксонскаго; но выраженія: избрать Поляка, равнаго всѣмъ и сохранить миръ съ сосѣдями, ясно доказывали, что вожди конфедераціи вооружались также противъ Станислава.

Но Любомирскій на этомъ не остановился: онъ набралъ войско и занялъ имъ два весьма важныхъ пункта; онъ захватилъ солончаки въ своемъ воеводствѣ, главный источникъ доходовъ польскаго короля, а слѣдовательно и примаса, и поставилъ свой гарнизонъ въ Краковѣ. Этотъ древній городъ получалъ важное значеніе во время избранія короля; въ его замкѣ хранились регаліи, корона и пр. и въ немъ долженъ былъ непремѣнно короноваться новый король. Кандидатъ, въ рукахъ котораго находился этотъ городъ, имѣлъ большое преимущество передъ всѣми другими соискателями.

Примасъ былъ очень встревоженъ этими извѣстіями; онъ собралъ сенаторовъ, которые въ это время были въ Варшавѣ и 2-го марта держалъ съ ними совѣтъ о поступкахъ Любомирскаго. Было опредѣлено чтобы князь Янъ Вишневецкій, отправился къ Любомирскому и упросилъ его вывести изъ Кракова свои войска, чтобы епископы краковскій и куявскій находились при немъ въ качествѣ посредниковъ; въ случаѣ если воевода краковскій не уступитъ ихъ просьбамъ, то коронный регементарь получитъ приказаніе собрать войска и силою изгнать изъ Кракова гарнизонъ Любомирскаго. Узнавъ объ этомъ, Любомирскій обратился къ императорскому послу съ просьбой, чтобы ему прислали на помощь нѣсколько сотъ солдатъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Венгріи на границахъ краковскаго воеводства; онъ обязывался содержать ихъ на свой счетъ и просилъ только, чтобы офицеры получали жалованье изъ императорской казны. Не желая дать огласку этому дѣлу, онъ совѣтовалъ распустить нѣсколько батальоновъ, и приказать солдатамъ тайно перебраться черезъ польскую границу*). Но Вѣнскій дворъ не любилъ рѣшительныхъ мѣръ, онъ боялся, что этотъ поступокъ не останется неизвѣстнымъ и подастъ Франціи поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла. Любомирскому было отказано въ помощи; онъ долженъ былъ вывести свой гарнизонъ изъ Кракова, а вслѣдствіе дурнаго впечатлѣнія, которое произвело это неудачное предпріятіе рушилась и краковская конфедерація.

Вскорѣ послѣ этого примасъ разослалъ по воеводствамъ универсалы съ указаніемъ на тѣ вопросы, которые должны были обсуждаться на сеймикахъ. Въ числѣ этихъ 16 пунктовъ, нѣкоторые прямо указывали на неудовольствіе, вызванное послѣдними дѣйствіями краковскаго воеводы.

Такъ предлагалось сеймикамъ объявить за врага отечества всякаго, кто дерзнетъ провозгласить произвольно кого-нибудь королемъ. Обязать регементарей, чтобы они поступали по всей строгости закона со всякимъ, кто станетъ набирать войско, безъ порученія Рѣчи Посполитой.

Поставить въ Краковѣ гарнизонъ, который бы зависѣлъ отъ Рѣчи Посполитой, а не отъ частнаго лица.

Отнять у диссидентовъ возможность производить смуты. Опредѣлить какъ можно раньше срокъ избирательнаго сейма. Не отвергать преждевременно ни

*) Изъ рескр. Импер. къ послу Вилчку.

одного кандидата, чтобы никого не оскорбить. Уничтожить постановленія 1717 года, потому что онѣ содержатъ статью, подавшую поводъ къ расторженію нѣсколькихъ сеймовъ.

Еще прежде въ первомъ собраніи сената было рѣшено возобновить переговоры съ русскимъ и прусскимъ посланниками по поводу недоразумѣній, возникшихъ уже давно между ихъ государствами и Рѣчью Посполитой. Левенвольдъ зналъ почти все, что происходило въ польскомъ сенатѣ, потому что онъ имѣлъ на своей сторонѣ краковскаго епископа Липскаго. Этотъ Липскій былъ прежде короннымъ вицеканцлеромъ, но въ 1732 году получилъ краковскую епархію, которая была несовмѣстна съ должностью канцлера или вицеканцлера: онъ однако искусно успѣлъ удержать за собой и прежнюю должность. Въ счетахъ Левенвольда, представленныхъ въ иностранную коллегію послѣ его отзыва изъ Польши, находится также графа, въ которой отмѣчено, что 8 октября 1732 выдано изъ посольской казны епископу краковскому и канцлеру графу Липскому по указу 1000 червонцевъ *). Липскій напередъ объявилъ Левенвольду въ чемъ будутъ заключаться требованія съ польской стороны. Главнымъ предметомъ несогласія было конечно избраніе курляндскаго герцога. Польша, говорилъ Липскій, смотритъ на Курляндію какъ на верховное помѣстье или ленъ, а по феодальному праву, сохранившемуся напримѣръ въ Германіи, назначеніе вассала въ выморочномъ помѣстьѣ принадлежитъ конечно верховному господину, въ Германіи императору, въ Польшѣ сейму. И такъ остается только опредѣлить, кого сеймъ назначитъ герцогомъ по

*) См. въ Приложеніи счеты Левенв.

смерти Фердинанда и успокоить этимъ Россію. Будущаго герцога можно избрать изъ кандидатовъ трехъ родовъ, изъ иностранныхъ принневъ, изъ курляндскаго дворянства и изъ польскаго шляхетства. Если Польша захотѣла бы дать Курляндію иностранному принцу, то она могла бы для своей безопасности избрать принца бѣднаго, не связаннаго родствомъ ни съ одной сильной династіей; но для чего же бы она стала возвышать человѣка ей неизвѣстнаго и которому она ничѣмъ не обязана? Пригласить же принца изъ какой-нибудь сильной сосѣдней державы было бы опасно, потому что новый герцогъ можетъ воспользоваться своимъ возвышеніемъ во вредъ Рѣчи Посполитой. Между курляндскимъ дворянствомъ нѣтъ ни одного, которому заслуги или личныя достоинства могли бы дать право на такое возвышеніе. Прійдется обратиться къ польскому шляхетству. Въ Польшѣ только одинъ знатный родъ исповѣдуетъ еще аугсбургское ученіе; но единственный представитель его генералъ Дёнгофъ, старикъ 70 лѣтъ, не имѣющій наслѣдниковъ. И такъ остается только избрать Поляка, католика. Онъ можетъ дать обѣщаніе, что не станетъ стѣснять въ Курляндіи лютеранство и вводить тамъ католицизмъ; Россія и Пруссія могутъ гарантировать безопасность лютеранства въ Курляндіи, и тогда это герцогство не будетъ имѣть возможности жаловаться на нарушеніе своихъ привилегій.

Что касается до притязаній польскихъ на Лифляндію, то Рѣчь Посполитая охотно откажется отъ нихъ, если бы Россія съ своей стороны уступила ей земли на Днѣпрѣ, которыя должны были остаться пустопорожними и позволила бы населить ихъ. Что касается до признанія съ польской стороны за русской госу-

дарыней титула императрицы, то теперь самое удобное время устроить это. Польскій король можетъ быть никогда бы на это не согласился, но Рѣчь Посполитая можетъ во время междуцарствія признать этотъ титулъ и потребовать того же отъ своего новаго короля при его вступленіи на престолъ. Что касается до прибавленія „Всероссійской“, то на конференціяхъ уже найдутся средства устранить и это недоразумѣніе. Остальныя же недоразумѣнія между Польшей и Россіей не важны. Во время шведской войны русскія войска захватили много пушекъ, принадлежавшихъ или Рѣчи Посполитой или частнымъ людямъ, напримѣръ, Браницкому и Потоцкому. Такъ какъ эти пушки вѣроятно давно уже перелиты, говорилъ Липскій, то было бы лучше всего, если бы Россія заплатила 40, или 50 тысячъ рублей въ вознагражденіе Рѣчи Посполитой и частнымъ людямъ, особенно же кіевскому воеводѣ; мелкихъ же „претендентовъ“ можно будетъ какъ-нибудь удовлетворить. Левенвольдъ написалъ обо всемъ этомъ въ иностранную коллегію и получилъ въ отвѣтъ рескриптъ отъ 8 марта ст. ст.

Ему предписывалось избѣгать подъ различными предлогами конференцій, указывать на послѣднія волненія въ Польшѣ, ссылаться на недостатокъ полномочій и на пріѣздъ новаго посла изъ Россіи. Русскій кабинетъ не хотѣлъ согласиться ни на какія уступки, зналъ поэтому впередъ, что переговоры не приведутъ ни къ какому результату и видѣлъ въ желаніи съ польской стороны возобновить ихъ только хитрость Чарторижской партіи, которая думала воспользоваться неудачнымъ исходомъ переговоровъ для того, чтобы возбудить подозрѣніе противъ Россіи въ польскомъ народѣ. Если же Левенвольдъ никакъ не могъ бы подъ

благовиднымъ предлогомъ миновать конференцій, то ему предписывалось держаться прежнихъ инструкцій и ни въ чемъ не уступать. Въ дѣлѣ Курляндіи, онъ долженъ былъ представлять, что это герцогство нельзя сравнивать съ ленами Германской имперіи, потому что оно по собственной волѣ признало надъ собой покровительство Польши, съ условіемъ сохранить свою самостоятельность подъ герцогами лютеранскаго вѣроисповѣданія. Такъ какъ въ Курляндіи даже къ нижнимъ земскимъ чинамъ допускаются только люди аугсбургскаго вѣроисповѣданія, то Россія тѣмъ менѣе позволитъ, чтобы въ герцоги былъ избранъ католикъ.

Примасъ черезъ нѣсколько времени сталъ дѣйствительно настаивать на переговорахъ. Онъ былъ очень любезенъ съ русскимъ посланникомъ, самъ назвался къ нему на обѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и только ему оказалъ эту честь. За честь по крайней мѣрѣ принялъ это Левенвольдъ, потому что въ то время примасъ заступалъ мѣсто короля. О конференціяхъ говорилъ онъ, что желалъ бы все опредѣлить полюбовнымъ образомъ (in camera caritatis) прежде чѣмъ вступить въ оффиціальные переговоры. 4 марта было устроено свиданіе въ домѣ Липскаго между примасомъ, Мнишкомъ, воеводой белжскимъ Потоцкимъ и Левенвольдомъ и его резидентомъ Голембѣвскимъ съ другой стороны. Конференція продолжалась нѣсколько часовъ и кончилась ничѣмъ. Левенвольдъ понялъ, что примасъ предложилъ возобновить переговоры, чтобы увѣрить Россію въ добромъ расположеніи къ ней польскаго министерства, выиграть время, и между тѣмъ незамѣтно достигнуть своей цѣли въ дѣлѣ избранія новаго короля. Вскорѣ возникли однако между Поль-

шей и Россіей болѣе серьозные вопросы, которые оттѣснили эти переговоры на второй планъ.

Въ это время Варшава была занята разговорами о нечаянномъ пріѣздѣ въ Польшу Станислава и о проѣздѣ черезъ Польшу въ Швецію турецкаго посланника.

Слухъ о томъ, что Станиславъ собирается пріѣхать въ Польшу, былъ распущенъ австрійскимъ кабинетомъ который находился всегда въ волненіи, и каждое пзвѣстіе, сообщаемое какимъ-нибудь письмомъ изъ Франціи, принималъ за правду. Русскій посолъ не вѣрилъ этому слуху: по его мнѣнію Станиславу не доставало рѣшительности и отваги къ такому поступку; если же бы Лещинскій противъ ожиданія пріѣхалъ въ Варшаву, то онъ *обязывался захватить его живаго или мертваго.* Но австрійскому кабинету хотѣлось не допустить Станислава въ Польшу: нельзя было ожидать, что онъ поѣдетъ черезъ Германію, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы ѣхать черезъ Саксонію или Силезію. Оставался путь моремъ, черезъ Данцигъ. Левенвольдъ предлагалъ своему кабинету воспользоваться однимъ неважнымъ событіемъ случившимся въ Данцигѣ, и блокировать русскими кораблями этотъ городъ. Въ Данцигѣ зимой 1733 года одинъ полковникъ дё-Серъ (DeSerre) увезъ дѣвушку изъ богатаго купеческаго или патриціанскаго дома, и тайно обвѣнчался съ ней въ домѣ русскаго резидента Эрдмана, который далъ ему убѣжище, потому что Дё-Серъ хотѣлъ вступить въ русскую службу. Родственники дѣвушки жаловались городскому сенату и просили наказать полковника. Однажды де-Серъ выѣхалъ въ каретѣ русскаго резидента. Карету остановили, полковника отвели въ тюрьму, а карета и лошади цѣлый день стояли на улицѣ, наконецъ ихъ привели къ резиденту, который ихъ не принялъ.

Левенвольдъ совѣтовалъ воспользоваться этимъ случаемъ и послать къ устьямъ Вислы два военныхъ русскихъ корабля, подъ предлогомъ, что русское правительство требуетъ удовлетворенія за обиду, нанесенную ея резиденту, а между тѣмъ эти корабли могли бы задерживать и обыскивать всѣ корабли, подплывающіе къ гавани, и если бы на одномъ изъ нихъ находился Станиславъ, то его можно было бы схватить и привезти въ Россію. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ Франціи, которая захватывала всѣ гданскіе корабли въ теченіи 15 лѣтъ за то, что въ этомъ городѣ было нанесено оскорбленіе французскому флагу, когда принцъ Конти пріѣзжалъ искать польскую корону, пока наконецъ Голландцы во время утрехтскихъ переговоровъ не уладили эту ссору. Русскіе корабли не были посланы къ Гданску, но русскій кабинетъ приказалъ своему резиденту передать магистрату Гданска волю Ея Россійскаго И. В., чтобы онъ Станиславу у себя убѣжища не давалъ и помощи не оказывалъ. Въ противномъ же случаѣ будетъ поступлено съ городомъ непріятельски. Магистратъ жаловался польскому сенату и тотъ спрашивалъ русскаго посла, правда ли, что Россія сдѣлала такое объявленіе вольному городу, находящемуся подъ покровительствомъ Рѣчи Посполитой. Левенвольдъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ.

Въ то самое время, когда члены австрійскаго кабинета были взволнованы слухами о пріѣздѣ Станислава, русскій кабинетъ былъ встревоженъ извѣстіемъ, что турецкій посолъ Мегеметъ-Эфенди, который отправлялся въ Швецію и хотѣлъ ѣхать черезъ Россію, вдругъ подъ предлогомъ избѣжанія карантина направилъ свой путь черезъ Варшаву. Русскій каби-

нетъ думалъ, что причиной этого въ сущности не важнаго происшествія были жалобы польскаго посла Сѣраковскаго въ Константинополѣ на насильственное вступленіе русской команды въ заднѣпровскія земли. Левенвольду было предписано наблюдать за поведеніемъ турецкаго посла въ Варшавѣ. Примасъ принялъ Мегмета съ большою учтивостью и на другой же день далъ ему у себя обѣдъ. Чтобы не пропустить удобнаго случая, русскій посолъ отправился нѣсколько позднѣе на обѣдъ незваный и засталъ у примаса за столомъ общество изъ 50 лицъ. Турецкій посолъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, между старою кастеляншей виленской Чарторижской и ея невѣсткой, женой вицеканцлера литовскаго. Преданные Россіи польскіе министры дали Левенвольду случай поговорить съ турецкимъ посломъ и послѣдній не могъ нахвалиться русскимъ гостепріимствомъ, съ которымъ онъ познакомился во время своего пребыванія въ Россіи. Этотъ турецкій сановникъ стоялъ гораздо выше своихъ товарищей. Отецъ его былъ турецкимъ посланникомъ во Франціи и маленькій Мегметъ-Эфенди воспитывался въ Парижѣ, говорилъ на иностранныхъ языкахъ и уже привыкъ нѣсколько къ европейскимъ нравамъ и обычаямъ. Левенвольдъ сдѣлалъ ему визитъ, и когда турецкій посолъ пріѣхалъ потомъ къ нему, то онъ сталъ ему говорить о несправедливости жалобъ Сѣраковскаго, представилъ ему дѣло, какъ оно было, и ему казалось, что турецкій посолъ во всемъ съ нимъ согласился. Но тѣмъ не менѣе Мегметъ-Эфенди былъ откровеннѣе съ французскимъ посланникомъ, чѣмъ съ русскимъ. Съ первымъ онъ безпрестанно совѣщался, и они просиживали вмѣстѣ и бесѣдовали цѣлые часы, а съ Чарторижскими, писалъ

Левенвольдъ въ Петербургъ, Мегеметъ проводитъ въ бесѣдахъ цѣлые дни и ночи. Наконецъ, онъ уѣхалъ, приславши передъ отъѣздомъ Левенвольду въ подарокъ отличную турецкую лошадь. Пріѣздъ его подалъ нерасположеннымъ къ Россіи лицамъ поводъ распускать въ польскомъ народѣ слухи о турецкой и татарской помощи въ случаѣ войны съ Россіей. По своему обыкновенію, многіе изъ польскихъ вельможъ стали хвастаться союзомъ съ Турціей и свысока говорить о Россіи и ея союзникахъ. Однажды старый кастелянъ Чарторижскій былъ въ гостяхъ у австрійскаго посла Вилчка съ епископомъ плоцкимъ, Залускимъ. Чарторижскій началъ выхвалять личныя достоинства турецкаго посла и разсказывать о вѣжливомъ и почетномъ пріемѣ, который ему сдѣлали. Графъ Вилчекъ отвѣчалъ ему, съ намѣреніемъ также сказать ему колкость, что Полякамъ необходимо принимать съ должнымъ почетомъ всѣхъ иностранныхъ пословъ даже и турецкаго. Гость не остался въ долгу у хозяина и сказалъ, что они не даромъ ухаживаютъ за турецкимъ посломъ, что они хотятъ этимъ еще болѣе расположить къ себѣ Турцію, чтобы найти въ ней помощь противъ всѣхъ, которые бы захотѣли нарушить въ Польшѣ вольное избраніе короля и навязать ей свои условія. Австрійскій посолъ вышелъ изъ терпѣнія и спросилъ: кто же желаетъ нарушить польское вольное избраніе? и прибавилъ, что онъ напишетъ своему государю, какъ христіанская держава, вмѣсто того, чтобы жить въ согласіи съ сосѣдями, прибѣгаетъ къ Туркамъ и Татарамъ. На это Чарторижскій отвѣчалъ равнодушно и насмѣшливо, что не сталъ бы говорить этого, если бы самъ примасъ не сказалъ этого въ слухъ у себя за обѣдомъ, нарочно, чтобы это слы-

шалъ русскій посолъ Левенвольдъ, который находился въ другой комнатѣ. Австрійскій и русскій послы конечно тотчасъ же обратились къ примасу съ запросомъ, правда ли это. Тотъ отказывался и. чтобы кончить дѣло, послалъ къ Вилчку вицеканцлера Чарторижскаго, который извинился за своего отца и объявилъ, что онъ все это говорилъ въ не трезвомъ видѣ.

Въ Польшѣ все казалось спокойнымъ; между тѣмъ дѣятельно шла подземная работа дипломатовъ. Изъ Франціи въ короткое время было прислано болѣе милліона ливровъ; изъ Вѣны — болѣе 100,000 червонцевъ; изъ Россіи ожидались большія деньги, которыя долженъ былъ привести съ собой новый чрезвычайный посолъ; изъ Саксоніи прибыло блестящее посольство съ драгоцѣнной посудой курфирста и прислугой его: оно наняло въ Варшавѣ великолѣпный домъ и держало каждый день открытый столъ на 40 человѣкъ. Польскіе вельможи спѣшили заключить свои условія, чѣмъ ловчѣе и предпріимчивѣе кто изъ нихъ былъ, тѣмъ лучше онъ устроивалъ свои дѣла. Левенвольду очень хотѣлось отдѣлить отъ партіи Чарторижскихъ люблинскаго воеводу Тарло, человѣка предпріимчиваго, смѣлаго и богатаго. Но маркизъ Монти, французскій посолъ предупредилъ его. Уѣзжая изъ Варшавы Тарло поручилъ одному монаху привести къ концу переговоры съ французскимъ посломъ. Тарло обѣщалъ поддерживать Станислава, а ему было обѣщано мѣсто великаго короннаго гетмана. Такъ какъ кіевскій воевода, Потоцкій, давно уже искалъ этого важнаго мѣста, то Тарло предложилъ ему въ утѣшеніе, должность великаго короннаго канцлера. Но Потоцкій обидѣлся и сталъ искать въ противуположномъ лагерѣ того, въ чемъ ему отказали приверженцы Станислава. Онъ объявилъ австрійскому послу, что отказывается отъ притязаній на польскую корону и уступаетъ права, которыя ему даютъ на нее древнія заслуги его рода, своему тестю, коронному маршалку Мнишку, и что самъ будетъ довольствоваться саномъ коронаго гетмана. Между тѣмъ Мнишекъ старался найти поддержку для себя въ русскомъ правительствѣ. Левенвольдъ обнадеживалъ его въ общихъ выраженіяхъ: что если будетъ избранъ Полякъ, то корона достанется вѣроятно ему, и что Россіи будетъ весьма пріятно видѣть его на престолѣ. Мнишекъ скромничалъ, ссылался на свою старость, на недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и кончилъ рѣчь словами: „буду я, или не буду королемъ, но никогда не отстану отъ интересовъ вашего двора“ *). Въ другой разъ онъ былъ еще откровеннѣе: „я всегда буду вашимъ другомъ, сказалъ онъ, будьте и вы моимъ другомъ, и предоставьте мнѣ заботу пріискивать для себя въ Польшѣ друзей.“ Эти домогательства и увѣренія принесли ему по крайней мѣрѣ одну пользу, русскій посланникъ просилъ у своего двора позволеніе заплатить коронному маршалку впередъ обѣщанную ему пенсію въ 6,000 рублей.

Противъ всякаго ожиданія составилась довольно сильная партія въ пользу стараго королевича Якова Собѣскаго. Онъ жилъ въ это время въ Жолкѣвѣ, недалеко отъ Львова и тамъ собирались около него его приверженцы, во главѣ которыхъ сталъ князь Сангу-

*) Roi, ou point roi, je ne me departerai jamais des interêts de Votre cour. Рел. Л. 2 фев.

**) Messieurs, je suis et je serai toujours de vos amis, soyez des miens je Vous prie, et laissez moi le soin de trouver des amis dans la Pologne. Рел. 2 марта.

шко. Но ни Собѣскій, ни Сангушко не имѣли достаточно рѣшимости и предпріимчивости, чтобъ можно было ручаться за успѣхъ; при томъ даже болѣе ихъ способные вожди не много бы сдѣлали, потому что два противоположныхъ вліянія, французское и русско-австрійское, имѣли такую силу, что ни одинъ кандидатъ не могъ пріобрѣсти помимо ихъ какое-нибудь значеніе.

Между тѣмъ настойчивыя представленія Левенвольда, что нужно дѣйствовать „насильственнымъ образомъ“, чтобы достигнуть цѣли въ Польшѣ, и что нужно тотчасъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ и внушить Полякамъ почтительный страхъ (metum reverentialem), побудили русскій кабинетъ отправить 24-го февраля грамоту къ примасу объ исключеніи Станислава, написанную въ очень рѣзкихъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ. Мы узнали, говорилось въ грамотѣ, что нѣкоторыя чужестранныя державы и члены Рѣчи Посполитой хотятъ возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго. Мы не хотимъ вѣрить, чтобы какой-нибудь вѣрный и любящій свое отечество патріотъ могъ поддерживать это намѣреніе, а тѣмъ менѣе ваша княжеская милость. Потому что всѣмъ извѣстно, какъ Станиславъ принялъ корону изъ рукъ чужестраннаго короля, съ нарушеніемъ правъ и вольностей своего отечества, какіе безстыдные договоры заключилъ онъ съ этой державой противъ насъ и государства нашего и ко вреду Рѣчи Посполитой, и какъ онъ изгнанъ изъ Польши голько благословеннымъ отъ Бога всероссійскимъ оружіемъ. Отъ произведенія Станислава на польскій престолъ, произошли бы самыя опасныя послѣдствія, потому что онъ всегда дѣйствовалъ и долженъ дѣйствовать въ пользу чужихъ интересовъ. Потому мы надѣемся, что ваша княжеская милость не только не станетъ благопріятствовать такимъ опаснымъ намѣреніямъ, но по извѣстной своей любви къ отечеству будетъ имъ всѣми силами противиться, „понеже вамъ и всѣмъ чинамъ Рѣчи Посполитой давно извѣстно, что ни мы, ни другія сосѣднія державы избраніе оного Станислава или другаго такого кандидата, которой бы въ той же депенденціи и интересахъ быть имѣлъ, въ которыхъ оной Станиславъ находится, по вѣрному нашему доброжелательству къ Рѣчи Посполитой и къ содержанію оной покоя и благополучія и къ собственному въ томъ имѣющемуся натуральному великому интересу, никогда допустить не можемъ, и было бы къ чувствительному нашему прискорбію, ежели бы мы для препятствованія такого намѣренія противу воли своей иногда (т. е. наконецъ) принуждены были, иные дѣйствительные способы и мѣры предвоспріять“.

Но грамоту эту Левенвольдъ не рѣшился представить. Онъ долженъ былъ во всемъ дѣйствовать съ согласія австрійскаго и прусскаго министровъ и поэтому пригласилъ ихъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, для подачи этой грамоты, также отъ имени и ихъ государей, но выраженія ея показались имъ такъ рѣзки, что они послали копіи съ него къ своимъ дворамъ и требовали инструкцій. Сначала пришелъ отвѣтъ отъ прусскаго короля, который остался не доволенъ, что Россія и Австрія не подписали Левенвольдова трактата и не хотѣлъ ради ихъ сильно вмѣшиваться въ польскія дѣла. Онъ запретилъ своимъ посламъ подавать грамоту отъ его имени, подъ тѣмъ предлогомъ, что Рѣчь Посполитая не признаетъ за нимъ титулъ короля, и что поэтому онъ не можетъ писать къ ней.

Австрійскій кабинетъ также не хотѣлъ участвовать въ подачѣ такой грамоты, въ которой Станиславъ прямо устранялся отъ польскаго престола, а прислалъ своему послу другую, въ которой по своему обыкновенію, косвеннымъ образомъ и намеками, давалъ примасу понять, что союзныя державы не охотно бы смотрѣли на возведеніе Станислава на польскій престолъ, но что имъ было бы пріятно, если бы какой нибудь миролюбивый и расположенный къ сосѣдямъ пястъ получилъ польскую корону. Но даже и эту грамоту послу было поручено подать только въ крайнемъ случаѣ. Осторожность австрійскаго кабинета въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что онъ былъ устрашенъ рѣшительнымъ тономъ, которымъ заговорило французское правительство, когда узнало о положительномъ намѣреніи союзниковъ устранить Станислава отъ престола. Императорскому послу въ Парижѣ, Вассенеру, была передана слѣдующая декларація французскаго правительства и потомъ отослана къ французскимъ посланникамъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ. „Французскій король оставилъ бы безъ вниманія то, что значительный отрядъ императорскихъ войскъ собранъ въ Силезіи, если бы поведеніе министровъ императора въ Вѣнѣ и пословъ его при нѣкоторыхъ другихъ дворахъ не оставили никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ хочетъ нарушить полную и совершенную свободу, которою долженъ пользоваться польскій народъ при избраніи новаго короля, согласно съ коренными законами Рѣчи Посполитой. Достоинство французскаго короля, мѣсто, которое онъ занимаетъ между сильнѣйшими европейскими державами, и такъ часто высказанное имъ желаніе поддерживать всеобщій миръ, не позволяютъ ему допустить

равнодушно, чтобъ какая бы то ни была держава нарушила священнѣйшія права государства, состоящаго въ дружбѣ и союзѣ съ Франціей. На этомъ основаніи, король объявляетъ, что онъ будетъ сопротивляться всѣми своими силами предпріятіямъ, клонящимся къ стѣсненію свободнаго избранія новаго польскаго короля“.

Французскій посланникъ въ Берлинѣ, маркизъ Шетарди, зналъ о холодности, которая обнаружилась въ послѣднее время между прусскимъ королемъ и его союзниками. Ему хотѣлось довести дѣло до разрыва и потому онъ настойчиво требовалъ отвѣта на декларацію французскаго двора. Прусское министерство совѣтовало королю отвѣтить, что ему все равно, кто бы ни былъ избранъ на польскій престолъ, лишь бы онъ оставлялъ въ покоѣ Пруссію и ея союзниковъ. Узнавъ объ этомъ, графъ Секендорфъ, упросилъ короля не отвѣчать, пока онъ не спишется съ своимъ дворомъ, для того, чтобы отвѣтъ прусскаго короля былъ сходенъ съ отвѣтомъ императора и Фридрихъ-Вильгельмъ согласился на это.

Австрійскій кабинетъ разослалъ ко всѣмъ своимъ посланникамъ слѣдующій отвѣтъ на французскую декларацію. „Императоръ тѣмъ болѣе удивленъ поступкомъ Франціи, что у него никогда и въ мысляхъ не было насильственно вмѣшаться въ избраніе польскаго короля. Конечно, по причинѣ сосѣдства съ Польшей онъ имѣетъ особенный интересъ желать, чтобы выборъ палъ на такого кандидата, который бы не былъ его врагомъ; но онъ будетъ стараться достигнуть этого только посредствомъ договоровъ, какъ это можетъ дѣлать всякая другая держава. Что касается до отряда, собраннаго въ Силезіи, который подалъ

Франціи поводъ къ подозрѣніямъ, то это не болѣе, какъ мудрая предосторожность. Во время избранія короля не можетъ обойтись безъ волненій, и осторожность требуетъ обезопасить на всякій случай земли императора, лежащія на польскихъ границахъ. Императоръ имѣетъ право располагать свои войска въ своемъ государствѣ, гдѣ ему угодно, не давая никому въ этомъ отчета, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не спрашивалъ другихъ государей, если они дѣлали то же самое, о причинахъ побудившихъ ихъ къ тому."

Императорскій посолъ, Вассенеръ, долженъ былъ передать этотъ отвѣтъ кардиналу Флёри въ учтивыхъ и мягкихъ выраженіяхъ, въ какихъ тотъ ему передалъ французскую декларацію; а министру Шовелену, который стоялъ во главѣ партіи, желавшей разрыва съ императоромъ, — гордо и съ „остентаціей", какъ тотъ говорилъ съ нимъ, для того, чтобы показать, что австрійскій дворъ не устрашился французской деклараціи.

Примасъ былъ очень обрадованъ рѣшительнымъ тономъ французскаго манифеста и велѣлъ его тотчасъ перепечатать въ варшавской газетѣ. Посланники союзныхъ державъ сочли это за оскорбленіе и поѣхали къ нему за объясненіемъ. Они спросили его, напечатанъ ли манифестъ по его приказанію, или безъ его вѣдома. Примасъ отвѣчалъ, что онъ не зналъ объ этомъ. Тогда австрійскій посолъ потребовалъ, чтобы примасъ приказалъ редактору газеты оговориться и оправдаться въ своемъ поступкѣ, или бъ его наказалъ. Примасъ объявилъ, что онъ не можетъ сдѣлать ни того, ни другаго. Тогда посолъ сказалъ, что онъ самъ найдетъ случай наказать „газетира" за дерзость противъ своего высокаго двора. На это примасъ ничего

не отвѣтилъ. Послѣ это графъ Вилчекъ вручилъ ему отвѣтъ своего двора на французскій манифестъ. Въ продолженіи разговора примасъ объявилъ, что онъ какъ духовное лице не можетъ скрыть отъ нихъ свое расположеніе къ Станнславу, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ помогать ему въ достиженіи короны. Впрочемъ, не смотря на свое расположеніе къ Станиславу, онъ, по силѣ своей присяги, можетъ провозгласить его только при единодушномъ избраніи его польскимъ народомъ. Левенвольдъ, спросилъ его, что бы онъ сдѣлалъ, если бы изъ 34 воеводствъ, 30 стали за Станислава, а 3 или 4 за другаго кандидата? Примасъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ вопросомъ же: а что бы *онъ* сдѣлалъ въ такомъ случаѣ? Тогда можно бы было, сказалъ Левенвольдъ, избрать третьяго, также пяста. Но примасъ оставилъ этотъ совѣтъ безъ вниманія.

Въ то время, когда русскій кабинетъ въ грамотѣ своей къ примасу польскому, ясно высказалъ свое намѣреніе относительно польскихъ дѣлъ, онъ рѣшился отправить въ Литву особеннаго посла, чтобы увѣдомить литовскихъ вельможъ о томъ же и склонить ихъ на свою сторону. Это порученіе было дано подполковнику кирасирскаго полка курляндскому дворянину, Юрію фонъ-Ливену. Ливенъ былъ сродни Бирону, черезъ своихъ родственниковъ фонъ-Трейденъ, потому что жена Бирона была изъ фамиліи фонъ-Трейденъ. Ливену были даны надлежащія инструкціи и въ концѣ февраля онъ отправился изъ Петербурга. Въ этихъ инструкціяхъ Ливену было поручено высказать литовскимъ вельможамъ желаніе императрицы, чтобы они, устранивъ Станислава, согласились между собой въ избраніи на престолъ одного

изъ пястовъ. „Ея В., было сказано въ инструкціяхъ, равно какъ и ея предки многократно декларовали, что никогда и въ вѣкъ допускать не будутъ, чтобъ помянутой Станиславъ или иной какой отъ Франціи зависящій принцъ на польскій престолъ возведенъ былъ". Ливену было поручено внушить вельможамъ, что если бы они дали себя обмануть и склонить къ французской партіи, то изъ этого неминуемо произойдутъ непріятности съ Россіей и съ другими сосѣдями польскими, отъ которыхъ больше всего пострадаетъ Литва.

Ливену были вручены письма отъ императрицы къ главнымъ литовскимъ вельможамъ, къ регименгарю Вишневецкому, къ старостѣ мерецкому Сапѣгѣ и къ надворному маршалку Сангушку. Въ этихъ письмахъ императрица просто увѣряла ихъ въ своей благосклонности къ нимъ. Но Ливенъ долженъ былъ конфиденціальнымъ образомъ сообщить Вишневецкому, что если бы онъ, или братъ его кастелянъ краковскій, пожелали домогаться короны, то откровенно увѣдомили бы объ этомъ русскій дворъ, который въ такомъ случаѣ не только имъ не воспротивится, но станетъ всячески помогать имъ. Тоже самое Ливенъ долженъ былъ передать Сангушкѣ, но этотъ послѣдній находился въ Волыни и посланный отъ Россіи не видалъ его.

Ливенъ нашелъ, что литовское шляхетство было большею частью нерасположено къ иностраннымъ кандидатамъ, и что между нимъ было много приверженцевъ Станислава; но какой оборотъ приметъ дѣло, положительнаго сказать нельзя было ничего. Литовскіе вельможи, живя въ большомъ отдаленіи отъ Варшавы, не знали, что тамъ дѣлается и не хотѣли предпринимать

ничего рѣшительнаго, не повидавшись съ своими польскими друзьями. Какъ во всякой глуши, въ Литвѣ вѣрили самымъ страннымъ слухамъ, напримѣръ тому, что прусскій король предлагаетъ себя въ кандидаты польской короны и обѣщаетъ за это возвратить заложенное ему староство Эльбингъ и 100,000 ефимковъ (талеровъ).

Ливенъ ѣздилъ изъ одной деревни въ другую, старался попадать туда, гдѣ больше было собрано вмѣстѣ дворянъ, былъ въ Ковнѣ во время сеймика и старался видѣться на дорогѣ съ Поляками, отправлявшимися въ Варшаву на сеймъ, чтобы расположить ихъ къ Россіи.

Въ то же время онъ разсылалъ по другимъ мѣстамъ своихъ родственниковъ курляндскихъ дворянъ, знакомыхъ съ польскимъ языкомъ и съ литовской шляхтой по причинѣ сосѣдства, фонъ-Трейдена, Бринкена, Ламсдорфа и своего младшаго брата, корнета Ливена. Онъ описываетъ въ довольно яркихъ краскахъ безурядицу. господствовавшую въ Литвѣ. У всякаго изъ большихъ, говоритъ онъ, корона на умѣ, ненависть преодолѣваетъ всѣхъ, одинъ другому не вѣритъ, среднее и мелкое шляхетство смотритъ на интриги большихъ и нѣтъ такого, который бы не надѣялся на взятки и „безъ прихотей былъ" *). Еще сильнѣе жалуется онъ, въ письмѣ къ Остерману, на жадность большихъ

*) Изъ письма въ Кол. Иностр. Дѣлъ отъ 19 марта.

**) Въ письмѣ къ Остерману изъ Гродно 19 M. Das Interesse ist bei den Leuten so gross, dass die meisten ja auch wohl einige von den Magnaten mit aufgesperrten Augen und Rachen nach dem Gelde lauern, welches den Anlass zu befürchten giebt, dass sich viele durch die frantzösische Louis werden blenden lassen, wo sie nicht die Angst der consequence, als welches seit mich hier herum schleppe unterschiedliche auf andre Gedanken gebracht, zurückhalten wird.

и малыхъ и выражаетъ опасеніе, что французскіе луидоры многихъ ослѣпятъ, если ихъ неудержитъ страхъ передъ Россіей.

Канцлеръ и региментарь литовскій, Михаилъ Вишневецкій, написалъ по смерти Августа II письмо къ примасу, въ которомъ онъ обѣщалъ защищать съ литовскимъ войскомъ Рѣчь Посполитую противъ всякихъ опасностей и ручался за литовское шляхетство въ той же преданности къ отечеству; но это не мѣшало ему принять очень ласково русскаго посланнаго, который обѣщалъ ему помощь Россіи. Публично говорилъ онъ, что не будетъ спорить противъ Станислава, если онъ будетъ избранъ вольнымъ избраніемъ; но хотя онъ ему и двоюродный братъ, однако онъ никогда не допуститъ, чтобы Станиславъ былъ провозглашенъ королемъ, безъ новаго избранія, а что самъ онъ короны не желаетъ. Впрочемъ, никто не вѣрилъ, что эти слова были искренни. Письмо императрицы принялъ онъ съ большимъ почтеніемъ и сказалъ Ливену, что хотя Станиславъ и приходится ему двоюроднымъ братомъ, однако онъ и роднаго брата на отечество не промѣняетъ. Когда Ливенъ обѣщалъ ему, или брату его, помощь Россіи въ достиженіи короны, то онъ благодарилъ за милость и отвѣчалъ, что не ищетъ ея, однакоже въ томъ воля Божія; а что касается до брата, то онъ не знаетъ о его желаніяхъ. Впрочемъ, Ливенъ узналъ стороной, что Вишневецкому не хотѣлось, чтобы братъ его былъ польскимъ королемъ, потому что по польскимъ законамъ король и гетманъ не могли быть изъ одного рода, а онъ уже давно домогался литовской булавы.

Кастелянъ краковскій, которому покровительствовала Россія, и которому Австрія давала деньги, писалъ между тѣмъ въ Литву, что если Литвины не будутъ стоять за Станислава, то они погубятъ свое отечество.

Извѣстіе, что Любомирскій составилъ конфедерацію обезпокоило нѣкоторыхъ пановъ. Въ Литвѣ говорили, что онъ сдѣлалъ это по совѣту цесарскаго двора, и что для произведенія его на польскій престолъ прислано изъ Вѣны въ Варшаву 100,000 ефимковъ. Нѣкоторые Литвины говорили Ливену: мы увѣрены, что Россія не хочетъ ничего пріобрѣсти отъ Рѣчи Посполитой, но достаточно ли ея ручательство въ томъ, что и Нѣмцы не имѣютъ этого намѣренія. Намъ неизвѣстно также, будетъ ли императрица стоять за насъ и защищать насъ противъ нихъ. Когда Ливенъ старался ихъ успокоить, то они отвѣчали: „русскій дворъ предостерегаетъ насъ предъ союзомъ съ Франціей, а почему онъ самъ заключилъ союзъ съ Турціей, не давши объ этомъ знать Рѣчи Посполитой, хотя и связанъ съ ней вѣчнымъ миромъ?“ Другіе спрашивали: правда ли, что русская императрица хочетъ возвести Бирона въ герцоги курляндскіе?

Въ это время въ Литвѣ былъ многочисленъ родъ Огинскихъ и Ливенъ имѣлъ частыя свиданія съ членами этого рода. Во главѣ его стоялъ воевода виленскій; надъ нимъ смѣялись, потому что онъ былъ старъ и боленъ, а жена его все-таки дѣлала происки, чтобы доставить ему корону. Воевода виленскій и сынъ его воевода троцкій въ душѣ были преданы курфирсту саксонскому, но они не смѣли высказывать это при всеобщемъ нерасположеніи къ иностранцамъ. Старый воевода увѣрялъ Ливена въ своей преданности къ Россіи. „Хотя, говорилъ онъ, императоръ Петръ и обѣщалъ вознаградить меня и родъ мой за

убытки, понесенные нами во время войны, однако обѣщанія эти по причинѣ смерти его, не исполнены; но, видя доброжелательное намѣреніе Ея И. В., я сочту за долгъ быть ея слугой, возвышенію Станислава буду противиться, а о французскомъ принцѣ и думать нечего". Братъ его, воевода витебскій, котораго мы знаемъ изъ переговоровъ съ Даревскимъ, возвратился изъ Варшавы съ совершенно другими мыслями. Но старый воевода настращалъ его и уговорилъ перемѣнить свое намѣреніе, такъ что тотъ далъ слово Ливену, въ собраніи 7 человѣкъ Огинскихъ, не отставать и не отдѣляться отъ своихъ родственниковъ а служить по прежнему интересамъ Ея И. В. Но Ливенъ совѣтовалъ не полагаться даже на стараго воеводу, потому что онъ былъ бѣденъ, а французскій посолъ обѣщалъ ему денегъ, такъ что послѣ поѣздки въ Варшаву намѣренія Огинскихъ могли очень легко перемѣниться въ противоположную сторону.

Князь Радзивилъ конюшій литовскій, также одинъ изъ кандидатовъ, увѣрялъ Ливена въ своей преданности интересамъ Россіи и Австріи, потому что онъ обязанъ русской императрицѣ за многія милости и потому, что братъ его долженъ жениться на нѣмецкой принцессѣ изъ дома Зулцбахъ.

Въ Литвѣ разсказывали, что воевода русскій, Августъ Чарторижскій, обѣщалъ Яну Вишневецкому 50,000 червонцевъ, если онъ откажется отъ короны и станетъ помогать ему въ достиженіи ея и что кастелянъ краковскій согласился на это. Этимъ была особенно встревожена фамилія Сапѣговъ, которые говорили, что лучше допустить Станислава, даже если бы пришлось совсѣмъ пропасть, чѣмъ Чарторижскаго. Сапѣги также увѣряли Ливена въ своемъ расположеніи

къ Россіи: надворный казначей говорилъ ему, что ни взятки, ни Станиславъ не заставятъ его забыть о настоящемъ интересѣ своего отечества. Но Огинскій старался очернить своихъ враговъ въ глазахъ посланнаго отъ Россіи и увѣрялъ его, что они всѣ стоятъ за Станислава. Однажды Ливенъ прямо спросилъ старосту мерецкаго, который за расторженіе сейма 1732 года получилъ вмѣстѣ съ епископомъ смоленскимъ, 1,000 червонцевъ: справедливъ ли слухъ, что Сапѣги стоятъ за Станислава? Староста отвѣтилъ, что онъ за всѣхъ не можетъ ручаться, а за себя ручается, что ему это никогда и въ голову не приходило, и нѣтъ для него никакого основанія стоять за Лещинскаго, если онъ не желаетъ разоренія своего отечества и своихъ вотчинъ, которыя всѣ лежатъ на русской границѣ, близъ Смоленска.

Не смотря на всѣ эти прекрасныя увѣренія, Ливенъ писалъ въ Петербургъ, что онъ за Литовцевъ не ручается; все должно рѣшиться на сеймѣ и будетъ зависѣть отъ щедрости соискателей; многіе послы ѣдутъ туда безъ денегъ, надѣясь тамъ получить, а другіе его уже заблаговременно просили, чтобъ ихъ не забыли.

ГЛАВА VI.

Брошюры, изданныя въ пользу Станислава и другихъ кандидатовъ.

Не смотря на то, что примасъ искалъ помощи Австріи и Россіи противъ Августа II, онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Станиславомъ и французскимъ правительствомъ и подготовлялъ все, что могло способствовать вторичному утвержденію Лещинскаго на польскомъ престолѣ. За нѣсколько времени передъ смертью Августа, примасъ послалъ во Францію своего исповѣдника съ предложеніями и совѣтами, которыя онъ хотѣлъ черезъ Станислава передать франпузскому правительству. Король самъ перевелъ на французскій языкъ письмо примаса и передалъ его министрамъ своего зятя. Шовеленъ возвратилъ королю письмо, снабдивъ его своими примѣчаніями.

Примасъ сообщалъ, что поздравляя императрицу Анну Іоанновну съ восшествіемъ на престолъ, онъ старался узнать ея намѣренія относительно польскаго престола. Императрица увѣряла его, что она не допуститъ, чтобы польскій престолъ сдѣлался наслѣдственнымъ въ домѣ курфирстовъ. Она обѣщала также, писалъ примасъ, признать Станислава королемъ, слѣдуя въ этомъ примѣру Петра Великаго, который въ письмѣ къ барону Герцу призналъ Станислава. Но

оригиналъ письма исчезъ съ другими бумагами Герца, когда баронъ былъ арестованъ въ Швеціи и только копія съ него сохранилась въ петербургскомъ архивѣ. Шовеленъ отвѣчалъ на это, что примасу слѣдуетъ заискивать расположеніе императрицы, но нельзя слишкомъ довѣрять русскому двору, пока не произойдетъ перемѣна въ министерствѣ, ибо Остерманъ совершенно преданъ нѣмецкимъ интересамъ.

Примасъ писалъ также, что Турки увѣряли его въ своемъ расположеніи къ Станиславу и просилъ, чтобы французское правительство вступило въ переговоры по этому поводу съ турецкимъ. Шовеленъ отвѣчалъ, что переговоры объ этомъ дѣлѣ были начаты еще прежде переворота, совершившагося въ Турціи въ 1730 году. Примасъ доносилъ, что австрійское правительство подобно русскому, не допуститъ владычества Саксонцевъ въ Польшѣ, но что оно боится также и Лещинскаго, который можетъ поддерживать въ Венгріи вельможъ, недовольныхъ господствомъ Габсбурговъ. Примасъ просилъ, чтобы французское правительство вступило въ переговоры съ вѣнскимъ кабинетомъ. Шовеленъ отвѣчалъ, что этого не допускаютъ обстоятельства.

Примасъ сообщалъ, что регименгарь кн. Вишневецкій домогается короны польской, потомъ признавался что вѣнскій кабинетъ предлагалъ ему, примасу, пенсію, что онъ отъ нея отказался, но что получать пенсію отъ французскаго правительства онъ бы согласился. Шовеленъ просилъ Станислава увѣрить примаса, что онъ вполнѣ можетъ надѣяться на благодарность Франціи, если только приведетъ къ концу свое дѣло. Примасъ жаловался на маркиза Монти, который будто бы оказывалъ ему мало довѣрія, не смотря на его предан-

ность къ Франціи; при томъ, писалъ онъ, маркизъ не умѣетъ заискивать расположеніе Поляковъ, подобно другимъ министрамъ. Поляки любятъ, чтобы ихъ ласкали (qu'on les caresse). Шовеленъ отвѣчалъ, что маркизъ поступаетъ такъ, потому что окруженъ шпіонами. Примасъ жаловался также на то, что Людовикъ XV не отвѣтилъ на его поздравленіе съ рожденіемъ дофина. Шовеленъ замѣчалъ, что это случилось по ошибкѣ. Отвѣтъ теперь уже посланъ къ примасу. Наконецъ примасъ просилъ, чтобъ Франція выхлопотала ему у папы кардинальскую шапку. Папа самъ ее не дастъ, но не откажетъ, если его попроситъ объ этомъ французскій король. Шовеленъ отвѣчалъ, что примасу можно обѣщать кардинальскую шапку въ томъ только случаѣ, если начатое имъ дѣло увѣнчается успѣхомъ *).

Когда во Франціи получили извѣстіе о болѣзни Августа II, то при дворѣ стали обсуждать вопросы: слѣдуетъ ли Станиславу отправиться въ Польшу тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти короля, или не слѣдуетъ? Станиславъ самъ обстоятельно изложилъ для французскихъ министровъ причины, требовавшія немедленнаго отъѣзда въ Польшу, а также причины, требовавшія отстрочки отъѣзда, пока не выяснится положеніе дѣлъ въ Польшѣ.

Станиславу слѣдуетъ немедленно ѣхать въ Польшу, было сказано въ запискѣ Лещинскаго, потому что онъ законный король и уступилъ одному только насилію; какъ скоро исчезло препятствіе, преграждавшее ему путь къ престолу, онъ имѣетъ право тотчасъ же занять его и долженъ сдѣлать это, чтобы не

*) Materialy do Historyi Stan. Lesz. Wyd. Edwarda Raczynskiego. 1841 r.

дать времени Полякамъ сомнѣваться въ его правѣ, и отвратить интриги своихъ противниковъ. Приверженцы Станислава ободрятся, такъ что можно будетъ надѣяться на единодушное избраніе, а противники, видя, что престолъ уже занятъ, не рѣшатся возстать противъ короля, который уже утвердился на престолѣ. Станиславъ, оставаясь за границей не имѣетъ права раздавать должности и почетныя мѣста. А роздачи ихъ самый вѣрный способъ для того, чтобы пріобрѣсти себѣ въ Польшѣ приверженцевъ, ибо каждый спѣшитъ на встрѣчу къ новому монарху, въ надеждѣ предупредить своихъ соперниковъ. Присутствіе короля въ Польшѣ и созваніе сейма помѣшаютъ иностраннымъ державамъ, нерасположеннымъ къ нему, интриговать противъ него, ибо они воспользуются междуцарствіемъ для того, чтобы выставить собственныхъ кандидатовъ.

Но причины, требовавшія, чтобы Станиславъ отложилъ свой отъѣздъ въ Польшу, казались ему важнѣе.

Надо помнить, писалъ Станиславъ французскимъ министрамъ, что польскій народъ всегда сильно стоитъ за свои права, какъ бы они ни были вредны интересамъ цѣлаго края. Хотя и можно надѣяться, что въ Польшѣ найдутся люди разумные, которые пожелаютъ воцаренія Станислава, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ новаго избранія, и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ смутъ. Однако найдется много и такихъ людей, которые потребуютъ новаго избранія, подъ предлогомъ возобновленія устарѣлыхъ правъ Станислава, въ сущности же потому только, что избраніе короля представляетъ частнымъ людямъ много выгодъ и поэтому нравится народу.

Если польскій народъ не весь возметъ сторону Ста-

ниславa, то ему придется смотрѣть на своихъ противниковъ, какъ на рокошанъ, поднять противъ нихъ оружіе и начать междуусобную войну. По этому если Станиславъ поѣдетъ теперь, то ему нужно будетъ взять съ собой войско, чтобы силой защищать свои права. Невозможно разсчитывать на единогласное избраніе цѣлаго народа, потому что частныя выгоды играютъ большую роль при избраніи. Въ случаѣ же неудачи, Станиславъ навлечетъ на себя гораздо меньше сраму, если онъ будетъ находиться во Франціи далеко отъ поля избранія, чѣмъ въ самой Польшѣ. Если Станиславъ пріѣдетъ въ Польшу послѣ смерти Августа, то приверженцы его тотчасъ же признаютъ его своимъ законнымъ королемъ; но это дастъ поводъ противникамъ обратиться съ просьбой о помощи къ иностраннымъ державамъ къ цесарю и къ Москвѣ, войска которыхъ непремѣнно одержатъ верхъ надъ партіей Станислава, ибо онъ имѣетъ за себя одну только Францію, очень отдаленную, и Швецію, которая при своемъ настоящемъ положеніи не имѣетъ никакого значенія. Если Станиславъ пріѣдетъ въ Польшу прежде, чѣмъ народъ призоветъ его на престолъ, то ему прійдется торговаться съ каждымъ избирателемъ, а при роздачѣ должностей онъ наживетъ себѣ 10 противниковъ на каждаго приверженца, котораго онъ былъ бы въ состояніи удовлетворить. Если же онъ пріѣдетъ въ Польшу по приглашенію народа, то будетъ имѣть возможность награждать каждаго, смотря по его заслугамъ.

Станиславъ просилъ переслать его записку къ маркизу Монти, который живя на самомъ мѣстѣ и зная всѣ обстоятельства, болѣе въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ.

Мы не знаемъ, что писалъ Монти къ Станиславу изъ Варшавы, но вѣроятно и онъ совѣтовалъ ему не спѣшить пріѣздомъ. Впрочемъ, главная причина, почему Станиславъ медлилъ и, послѣ смерти Августа, дѣйствительно не поѣхалъ въ Польшу, заключалась въ нерѣшительности французскаго правительства. Во главѣ его стоялъ кардиналъ Флёри. съ осторожностью своей болѣе похожій на президента вѣнскаго гофкригсрата, чѣмъ на перваго министра Франціи. Станиславъ не зналъ, на сколько онъ можетъ разсчитывать на французскую помощь и долженъ былъ выжидать, пока выяснится положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Лишенный возможности дѣйствовать, онъ рѣшился расположить къ себѣ своихъ соотечественниковъ писаннымъ словомъ и написалъ или поручилъ кому-нибудь изъ Поляковъ бывшихъ при немъ написать брошюру, въ которой доказывалъ свои права на польскій престолъ. Эта брошюра, изданная подъ заглавіемъ: „Братское предостереженіе“ вызвало много опроверженій со стороны его противниковъ и обратила на себя вниманіе всѣхъ современниковъ, интересовавшихся польскими дѣлами. Какъ всѣ политическія брошюры того времени, она отличается цвѣтистымъ слогомъ и высокопарностью выраженій. Мы изложимъ вкратцѣ ея содержаніе, чтобы показать, какъ смотрѣли на польскій вопросъ приверженцы Станислава.

„Не хочу, начинаетъ авторъ, вскрывать раны, которыми была уязвлена Рѣчь Посполитая при послѣднемъ царствованіи, не хочу зломъ поминать умершихъ, но не могу не напомнить, что нашъ естественный интересъ заключается въ охраненіи нашей вольности; а какъ всѣ монархи считаютъ славнымъ подвигомъ уничтоженіе народной вольности, то неудивительно, что и король

Августъ старался ходить по нашимъ выямъ, хотя онъ и не могъ исполнить своего намѣренія, ибо былъ государемъ вольнаго народа.

Намъ не слѣдуетъ думать, что смерть его спасла насъ отъ всѣхъ опасностей; хотя мы и вышли здравы изъ смертельной болѣзни, однако намъ слѣдуетъ быть осторожными. Мы прожили нашъ вѣкъ печально, и никогда не должны забывать о томъ несчастномъ времени, когда приняли въ государи иноземца, рожденнаго и воспитаннаго въ самодержавной власти, въ вѣрѣ подозрительнаго, въ управленіи повелительнаго, недоброжелательнаго къ нашей свободѣ и не знающаго нашихъ правъ. Кто забудетъ, какъ происходило избраніе Августа II, какъ онъ былъ возведенъ на престолъ ненавистью партій, корыстолюбіемъ однихъ и упрямствомъ другихъ? Но теперь наступило время, отъ котораго зависитъ наше благополучіе. Мы свободны избрать короля, который насъ совершенно погубитъ или такого, который спасетъ насъ отъ всякой опасности.

Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ новому избранію, слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: имѣемъ ли мы право на это? Новое избраніе можетъ существовать только во время междуцарствія, когда престолъ упраздненъ, а теперь престолъ польскій не упраздненъ, ибо только похититель престола умеръ, а законный король живъ. Рѣчь Посполитая имѣетъ право избирать себѣ королей; но она имѣетъ также право и низвергать ихъ съ престола, и если низверженный король снова займетъ престолъ насильственнымъ образомъ, безъ согласія Рѣчи Посполитой, какъ сдѣлалъ это Августъ, то онъ — не законный король, а узурпаторъ.

Если кто-нибудь несогласенъ со мной въ томъ, что Рѣчь Посполитая имѣла право низвергнуть съ престола короля Августа, то пусть онъ отвѣтитъ мнѣ на слѣдующіе вопросы: почему Августъ не исполнялъ договоровъ заключенныхъ съ Рѣчью Посполитой? Почему онъ началъ войну съ Швеціей безъ согласія сейма? Почему онъ ввелъ въ Польшу саксонскія войска, вопреки конституціи Кожуховской? Почему онъ воевалъ съ ними противъ насъ и налагалъ для содержанія ихъ контрибуціи на имѣнія шляхты? Почему осуждалъ шляхтичей на смерть военнымъ судомъ саксонскихъ офицеровъ? Почему онъ держалъ въ заключеніи и казнилъ безъ суда епископовъ и сенаторовъ? Почему управлялъ посредствомъ саксонскихъ министровъ, низвергалъ гетмановъ, жилъ болѣе за границей, чѣмъ въ Польшѣ, безъ позволенія Рѣчи Посполитой? Наконецъ, почему, уважая святую вѣру, онъ своей порочной жизнью вводилъ въ соблазнъ своихъ подданныхъ?

Развѣ его не предупреждали примасъ, сенаторы и рыцарскій чинъ, что онъ долженъ исправляться или отказаться отъ престола? Только по истощеніи всѣхъ средствъ онъ былъ низверженъ съ престола собраніемъ сенаторовъ и шляхтичей, безъ всякаго противорѣчія. Кто сомнѣвается въ этомъ, тотъ можетъ прочесть актъ отреченія, написанный самимъ Августомъ. (За тѣмъ слѣдуетъ текстъ алтранштадскаго отреченія). Послѣ этого отреченія, Августъ не могъ уже снова возвратиться на престолъ; но онъ похитилъ польскую корону съ помощью саксонскихъ и московскихъ войскъ.

Что касается до вопроса: слѣдуетъ ли считать Станислава законнымъ королемъ, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Августъ безразсудно объявляя войну королю шведскому, исключилъ насильствен-

нымъ образомъ съ Люблинскаго сейма велико-польскихъ пословъ, хотя они были правильно избраны въ своихъ воеводствахъ, за то, что они протестовали противъ объявленія войны, пагубной для отечества, такъ какъ Шведы въ то время завладѣли почти цѣлымъ государствомъ.

Исключенные послы составили конфедерацію: сначала она состояла только изъ воеводствъ познанскаго и калишскаго, но потомъ превратилась въ генеральную конфедерацію подъ защитою примаса. Эта конфедерація думала сначала только объ одномъ,—какъ бы примирить своего короля съ шведами, когда же она узнала, изъ подлинныхъ писемъ короля шведскаго, о томъ, что Августъ предлагалъ ему раздѣлить Польшу между Саксоніей и Швеціей, то должна была прибѣгнуть къ послѣднему средству для спасенія своего отечества и низвергнуть Августа. Затѣмъ нужно было приступить къ новому избранію, но никто не хотѣлъ, подобно Курцію обречь себя на гибель для спасенія своего отечества; только Е. К. В. Станиславъ, тогда еще воевода познанскій, склонился на просьбы примаса и сконфедерованныхъ чиновъ и по особенной своей ревности къ отечеству рѣшился возложить на главу свою по истинѣ терновый вѣнецъ. Король Станиславъ не хотѣлъ сѣсть на престолъ до тѣхъ поръ, пока Карлъ XII не обѣщалъ ему письменно, что во 1-хъ не станетъ ничего предпринимать въ ущербъ св. вѣры; во 2-хъ не потребуетъ отъ Рѣчи Посполитой ни одного клочка земли.

На это могутъ возразить, что король Станиславъ былъ избранъ не всею Рѣчью Посполитой! Правда; но въ то время она была раздвоена на двѣ конфедераціи, сендомирскую и варшавскую. А которая изъ нихъ

должна быть почтена за истинную, за выраженіе воли Рѣчи Посполитой: та ли, которая уничтожила права и вольности Рѣчи Посполитой, или та, которая ихъ защищала? На это можно возразить, что избраніе Станислава незаконно: ибо оно происходило подъ защитою иноземнаго войска Шведовъ. Но свобода польская и liberum veto не страдали отъ присутствія Шведовъ. Вѣдь извѣстно, что двое подляшскихъ пословъ протестовали противъ избранія, а потомъ добровольно взяли назадъ свою протестацію. Самъ примасъ не хотѣлъ быть на мѣстѣ избранія, и его къ этому не принуждали, но когда Станиславъ былъ избранъ примасъ немедленно призналъ его королемъ. Въ 3-хъ, Станиславъ не былъ коронованъ въ обыкновенномъ мѣстѣ коронаціи въ Краковѣ. Правда, но пословица говоритъ „гдѣ папа, тамъ и Римъ“. Коронація Станислава была отправлена торжественно и безъ нарушенія liberum veto, хотя и не въ Краковѣ. Въ Краковъ же нельзя было проникнуть по причинѣ войны; но развѣ не отправлялись сеймы въ разныхъ мѣстахъ, хотя только два города, Варшава въ Польшѣ и Гродно въ Литвѣ, назначены обычаемъ для этого?

Въ 4-хъ, конфедерація сендомирская протестовала противъ избранія. Но вѣдь эта конфедерація, составленная Августомъ, потеряла свое значеніе и рушилась вмѣстѣ съ отреченіемъ этого короля.

Въ 5-хъ, не всѣ воеводства присутствовали при избраніи Станислава. Но присутствіе всѣхъ воеводствъ и не нужно, чтобы дать законную силу сеймовымъ постановленіямъ. Очень часто важныя дѣла рѣшались въ отсутствіи нѣсколькихъ воеводствъ, которые не могли прійти на сеймъ, потому что ихъ сеймики были расторгнуты. Въ избраніи Станислава нѣкоторыя вое-

водства не могли участвовать по причинѣ войны, но впослѣдствіи онъ былъ признанъ всѣми воеводствами, а потомъ и иностранными державами и даже самимъ Августомъ, который написалъ къ нему поздравительное письмо.

Развѣ избраніе Августа происходило болѣе законнымъ образомъ? Однакоже мы его признавали королемъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. И такъ — Станиславъ нашъ законный король и намъ нельзя думать при его жизни о новомъ избраніи.

Желая упрочить въ нашемъ отечествѣ миръ и согласіе, я позволю себѣ дать нѣсколько совѣтовъ и сдѣлать нѣсколько замѣчаній: 1) чтобъ не дать возможности иноземцамъ вмѣшаться въ наши дѣла, нужно какъ можно скорѣе призвать Станислава въ Польшу и вручить ему корону, тѣмъ болѣе, что курфирстъ можетъ послѣдовать примѣру отца своего и насильственными средствами искать пріобрѣтенія польской короны. А онъ для насъ особенно опасенъ, ибо Габсбурскій домъ въ скоромъ времени пресѣчется, цесарскій престолъ можетъ достаться курфирсту, какъ ближайшему родственнику императора, и Польша подвергнется тогда той же участи, какая постигла Венгрію подъ австрійскимъ владычествомъ.

2) Не приступать къ новому избранію, потому что оно всегда бываетъ причиной большихъ смутъ.

3) Неужели найдутся между нами враги своего отечества, которые не захотятъ имѣть государя, знающаго наши права и обычаи, кость отъ костей нашихъ рожденнаго.

4) Король Станиславъ не будетъ подобно другимъ утѣснять Рѣчь Посполитую, чтобы обогатить дѣтей своихъ, ибо у него одна только дочь и та королева Франціи.

5) При немъ наши права не будутъ нарушены, ибо онъ не имѣетъ наслѣдника, за которымъ бы захотѣлъ упрочить польскій престолъ. Могутъ возразить, что родство Станислава съ французскимъ королемъ можетъ быть опасно для нашего отечества. Но исторія доказываетъ, что Франція никогда не была враждебно расположена къ Польшѣ, а напротивъ, ея политика всегда состояла въ томъ, чтобы защищать насъ противъ нашихъ сосѣдей, нашихъ естественныхъ непріятелей.

И такъ, если мы желаемъ отвратить раздоръ и междоусобіе, предупредить вмѣшательство иноземцевъ въ наши домашнія дѣла, и упрочить безопасность и благополучіе нашего отечества, намъ не остается другаго способа какъ призвать на престолъ нашъ Станислава уже однажды избраннаго и коронованнаго короля польскаго“.

Станиславъ прислалъ въ Польшу нѣсколько копій съ этой брошюры съ курьерами, которыхъ онъ отправилъ къ примасу. По онъ ошибся, если надѣялся, что эта брошюра произведетъ благопріятное для него впечатлѣніе. Не только противники Станислава, но и многіе изъ его приверженцевъ были недовольны ею, находя, что въ ней слишкомъ оскорблена память короля Августа. Маркизъ Монти, писалъ къ Станиславу отъ 22 марта *): „Я думалъ, что В. Королевское Величество только мнѣ одному прислало свою безъименную брошюру (memorandum), чтобы я ее могъ употребить, какъ мнѣ покажется полезнымъ. Но теперь я узналъ, что ее имѣютъ кромѣ меня еще три польскихъ шляхтича. Я просилъ пана Ростворовскаго (онъ

*) Письмо напечатано въ Materialy do hist. St. Lesz. Wyd. Raczynskiego p. 156.

былъ присланъ Станиславомъ изъ Франціи), чтобы онъ отдалъ мнѣ свой экземпляръ, но панъ Мясковскій уже выѣхалъ съ своимъ въ Великую Польшу, а панъ Ябахъ въ Литву. Кромѣ того я узналъ, что банкиръ Хоргелинъ изъ Бреславля прислалъ сюда копію съ этого письма къ примасу, къ в. кор. маршалку, къ пану Тарло и другимъ. Письмо это даже уже напечатано въ Великой Польшѣ. Здѣсь всѣ знаютъ, что оно написано Вашимъ В.

„Многіе думаютъ, что въ немъ недостаточно уважена память короля Августа. Что касается до меня, то я съ огорченіемъ долженъ сообщить, что оно не произвело здѣсь благопріятнаго впечатлѣнія. Тѣ, которые пишутъ къ В. Величеству противное, льстятъ ему. Мнѣ доставили здѣсь французскій переводъ съ него. В. В. проститъ меня, если я его не отдамъ въ печать. Если же онъ будетъ напечатанъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то это будетъ не моя вина".

Въ томъ же письмѣ Монти сообщалъ Станиславу, что въ Познани родинѣ Лещинскаго всѣ противятся его желаніямъ; всѣ требуютъ вторичнаго избранія. Панъ М., писалъ Монти, просилъ меня, прислать ему 2,000 червонцевъ, чтобы онъ могъ склонить на свою сторону шляхту въ познанской области. Но я не пошлю этихъ денегъ, во первыхъ потому, что 2,000 червонцевъ не измѣнятъ общественнаго мнѣнія; во вторыхъ, какъ скоро только узнаютъ, что мы сыплемъ червонцами, всякій захочетъ получить деньги. Правда, что В. В. приказало этимъ панамъ дѣйствовать сообразно съ моими совѣтами; но если бы они даже жили въ одномъ домѣ со мной, то я не могъ бы справиться съ ними, тѣмъ менѣе теперь, когда они находятся въ разныхъ провинціяхъ. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, гораздо лучше, если одинъ человѣкъ, даже менѣе способный, заправляетъ всѣмъ, чѣмъ поручить его нѣсколькимъ особамъ, хотя бы они и были самые геніяльные люди; ибо между ними не можетъ быть согласія.

Маркизъ Монти былъ во время междуцарствія въ Польшѣ не только представителемъ короля французскаго, но также и довѣреннымъ лицемъ Станислава. Лещинскій въ своихъ письмахъ въ Польшу проситъ своихъ приверженцевъ обращаться во всякомъ дѣлѣ къ маркизу за совѣтами и инструкціями *). Но своевольные польскіе шляхтичи, не привыкшіе подчиняться кому бы то ни было, не всегда слушались маркиза, и вѣроятно часто подавали ему поводъ къ подобнымъ жалобамъ.

Одинъ экземпляръ братскаго предостереженія, съ собственноручной припиской Станислава, достался въ руки графу Левенвольду и былъ имъ отправленъ въ Петербургъ. Этотъ экземпляръ былъ присланъ Станиславомъ къ старостянкѣ Тарло, дѣв. 50 лѣтъ, старинной пріятельницѣ Лещинскаго. На послѣдней страницѣ Станиславъ приписалъ слѣдующія слова: „Прошу васъ, какъ истинную пріятельницу, по любви и добротѣ вашего сердца распространить это по цѣлой Варшавѣ, а если можно, то и дальше". Но въ пожилой пріятельницѣ его прежняя привязанность уступила мѣсто осторожности и она обратилась къ французскому послу за совѣтомъ: маркизъ посовѣтовалъ ей уничтожить полученный ею экземпляръ. Старостянка разсказала впрочемъ обо всемъ другому пріятелю своему пану Даревскому, который состоялъ на русской службѣ и, какъ мы видѣли въ предшест-

*) См. въ Приложеніи собственноручное письмо Ст. къ Грудзинскому.

вующей главѣ, велъ переговоры съ литовскими вельможами. Даревскій выманилъ у нея экземпляръ и доставилъ его Левенвольду *).

Братское предостереженіе вызвало въ Польшѣ много отвѣтовъ и опроверженій. Они интересны потому, что характеризуютъ притязанія и точку зрѣнія различныхъ партій. Дипломаты союзныхъ державъ собрались на совѣтъ и поручили австрійскому резиденту Киннерну написать возраженіе, которое было переведено на польскій языкъ русскимъ резидентомъ Голембѣвскимъ и тайно напечатано. Хотя авторъ выдавалъ себя за истиннаго польскаго патріота, однако можно было тотчасъ узнать, что брошюра написана австрійскимъ дипломатомъ, ибо вопросъ польскій разсматривался въ ней уже слишкомъ односторонне и въ интересахъ сосѣднихъ державъ.

Брошюра была издана подъ заглавіемъ: „Откровенное и безпристрастное мнѣніе о современномъ положеніи нашего государства и о свободѣ избранія короля, высказанное честнымъ и заботящимся о благѣ своего отечества польскимъ патріотомъ по настоятельной просьбѣ его друзей.“ На первой страницѣ былъ эпиграфъ изъ Теренція, который имѣлъ очень двусмысленное значеніе въ устахъ австрійскаго дипломата, выдающаго себя за польскаго патріота:

Hoccine credibile est aut memorabile
Tanta vecordia innata cuiquam ut siet,
Ut malis gaudeat, atque ex incommodis
Alterius sua comparet ut commoda?

„Всякій истинный польскій патріотъ, начинаетъ дипломатъ свою брошюру, обязанъ всегда заботиться о

*) Fraulein Tarlo ein Mädchen dermahlen von 50 Jahren, welche aber schon seit mehr als 30 Jahren eine sehr specielle Freundin von dem St. ist. Рел. Лев. отъ 8 марта.

благополучіи Рѣчи Посполитой и о сохраненіи нашей драгоцѣнной свободы, данной намъ Богомъ и завѣщанной нашими предками; особенно же должны мы заботиться о свободѣ и спокойствіи нашего отечества въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда по смерти нашего короля намъ необходимо приступить къ избранію другаго. Въ послѣднее время наша шляхетская свобода подвергалась большимъ опасностямъ; вспомнимъ, что происходило на послѣднихъ сеймахъ: какъ въ сентябрѣ прошлаго года продолжались засѣданія сейма не смотря на то, что литовскіе послы протестовали противъ него. А въ нынѣшнемъ году новый чрезвычайный сеймъ началъ свою дѣятельность вопреки закону, который требуетъ, чтобы король „находился съ сеймомъ подъ одной кровлей.“ На протестацію черниговскаго посла не обратили вниманія и едва онъ не лишился жизни на сеймѣ. Къ безчестію польскаго имени однихъ пословъ подкупали золотомъ, другихъ пугали угрозами, у нѣкоторыхъ выманивали инструкціи и потомъ не возвращали ихъ.

„Съ Швеціей заключили постыдный миръ и отказались отъ справедливыхъ требованій, чтобы Швеція возвратила Рѣчи Посполитой пушки, вывезенныя изъ Польши во время послѣдней войны, и милліоны денегъ, награбленные шведскимъ войскомъ.

„Но прежде чѣмъ можно будетъ залѣчить внутреннія раны нашей Рѣчи Посполитой, нужно позаботиться о ея внѣшней безопасности и устранить недоразумѣнія, возникшія между нею и ея сосѣдями. Безъ этого нельзя приступить къ новому избранію. Ибо нельзя предположить, чтобъ въ полѣ избранія не нашлось нѣсколько недовольныхъ. Сосѣднія державы могутъ воспользоваться ихъ протестомъ, и отечество наше

опять сдѣлается добычей иноземныхъ войскъ. Поэтому лучше сдѣлать имъ нѣсколько уступокъ, которыя не будутъ въ ущербъ нашему отечеству и слѣдовать пословицѣ: худой миръ лучше доброй брани.

„Намъ нельзя разсчитывать на иностранную помощь, хотя нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ стараются ослѣпить насъ надеждой, что мы можемъ призвать на помощь Турокъ. Предположимъ даже, что невѣрные пришлютъ въ Польшу свои разбойничьи шайки, но что тогда будетъ съ нашей св. вѣрой, что станется съ нашими церквами и алтарями. Притомъ на этотъ разъ Турки и не въ состояніи даже оказать намъ помощь, ибо они заняты персидской войной.

„А на кого же можемъ мы еще разсчитывать? Наши сосѣди находятся между собой въ тѣсномъ союзѣ, а Франція не можетъ намъ помочь непосредственнымъ образомъ, по причинѣ огромнаго разстоянія Если бы она даже захотѣла отвлечь отъ насъ нашихъ сосѣдей объявленіемъ войны цезарю, то намъ отъ этого не будетъ легче, ибо наше отечество все-таки сдѣлается театромъ войны.

„Если даже какая-нибудь изъ постороннихъ державъ рѣшится дѣятельно вступиться за насъ, то она сдѣлаетъ это не ради насъ, а изъ личныхъ выгодъ. Одинъ иностранный министръ сказалъ недавно въ Варшавѣ: „Если я не склоню боговъ, то я подниму всю преисподню“ *). Не доказываетъ ли это, что онъ готовъ привести наше отечество въ самое бѣдственное положеніе, чтобы только достигнуть своей цѣли? Польша

*) Латинскій гекзаметръ: Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo-слова маркиза Монти, сказанныя имъ однажды польскимъ вельможамъ, чтобы увѣрить ихъ въ дѣятельномъ участіи, которое пріиметъ Франція въ дѣлахъ Польши.

будетъ въ рукахъ своихъ союзниковъ подобно бомбѣ, которую артилеристъ бросаетъ въ непріятеля. и которая губитъ его враговъ, разлетаясь сама на мелкіе куски.

„Дружба съ сосѣдними державами для насъ тѣмъ необходимѣй, что между нами находится нѣсколько Катилинъ, которые дерзаютъ возжечь въ своемъ отечествѣ страшное пламя раздора. Это пламя уже курится подъ *пепломъ*, ибо нѣкоторые изъ насъ желаютъ возвести на упраздненный престолъ человѣка, который не только лишенъ Рѣчью Посполитой этого права, но у котораго даже отнято право гражданства въ Польшѣ.

„Всякій догадается, продолжаетъ авторъ, что я говорю о Станиславѣ. Приверженцы его основываются на томъ, что онъ уже избранъ королемъ, коронованъ, и признанъ иностранными державами. Но кѣмъ же онъ былъ избранъ. Онъ получилъ корону польскую по милости Карла XII, потому что никто кромѣ его не хотѣлъ возложить на свою главу этотъ терновый вѣнецъ. Онъ избранъ при жизни законнаго короля нѣсколькими сотнями шляхтичей, собранныхъ силою въ Варшавѣ.

„Такъ какъ избраніе его было незаконно, то и коронація его не имѣетъ значенія. И какъ же она происходила? Шведскій генералъ Горнъ привезъ Станислава въ Варшаву, чтобы надѣть на него подъ прикрытіемъ шведскаго оружія корону, сдѣланную для этой цѣли.

„Что же касается до признанія Станислава, то я замѣчу, что не только онъ, но и епископъ познанскій, провозгласившій его, и тѣ, которые его признали, были преданы церковному проклятію. А если

онъ былъ признанъ, нѣкоторыми иностранными державами, то онѣ были принуждены къ этому, какъ покойный Августъ, или сдѣлали это изъ личныхъ выгодъ, а не изъ уваженія къ Станиславу. Рѣчь же Посполитая никогда не признавала Станислава королемъ, а въ 1717 году объявила его мятежникомъ, врагомъ отечества, преступникомъ въ оскорбленіи величества, предала его опалѣ и имѣнія его присудила казнѣ.

„Послѣ отреченія Августа отъ престола, Рѣчь Посполитая получила свободу избрать себѣ новаго короля и она должна была или подвергнуть Станислава новому избранію, потому что первое, сдѣланное до отреченія было незаконно, или признать альтранштатское отреченіе Августа въ пользу Лещинскаго. Но она не сдѣлала ни того ни другаго. Напротивъ, когда послѣ альтранштатскаго мира многіе сенаторы съѣхались на избирательный сеймъ въ Львовѣ, а потомъ въ Люблинѣ, тамъ было предложено много кандидатовъ, но не было и рѣчи о Лещинскомъ. Какой поводъ къ смутамъ даютъ тѣ, которые поддерживаютъ мнимыя права Станислава! Если Августъ, какъ они утверждаютъ, былъ незаконный король, то онъ не имѣлъ права раздавать почетныя мѣста и должности сенаторскія; вслѣдствіе этого Рѣчь Посполитая была бы теперь безъ сената, ибо только двое изъ теперешнихъ сенаторовъ, воевода полоцкій и в. маршалъ литовскій Сапѣга получили свои должности еще до отреченія Августа.

„Польскіе законы запрещаютъ назначать при жизни короля наслѣдника. Слѣдовательно, или нельзя придавать значенія избранію Лещинскаго, или нужно допустить нарушеніе нашихъ коренныхъ законовъ, тѣмъ болѣе опасное, что примѣръ Станислава можетъ быть заразителенъ. Иностранныя державы могутъ всегда при жизни польскаго короля какимъ-нибудь образомъ, съ помощью своей партіи, избрать ему преемника, и Рѣчь Посполитая лишится своего драгоцѣннѣйшаго права—избирать себѣ королей.

„Даже если подвергнуть Станислава новому избранію, опасность будетъ велика для Польши. Ибо Станиславъ не будетъ основывать свое право на этомъ вторичномъ избраніи, а будетъ думать, что Поляки были обязаны призвать его на престолъ. А эта мысль можетъ внушить ему монархическія стремленія, особенно опасныя при его родствѣ съ извѣстной династіей.

„Сосѣднія державы не могутъ допустить воцаренія Станислава, союзника Турціи; а договоры, заключенные имъ съ нѣкоторыми европейскими государствами дадутъ сосѣдямъ Польши поводъ воспрепятствовать его избранію силою оружія. Ибо извѣстно, что Станиславъ уступилъ Швеціи Курляндію и обязался держать въ Польшѣ шведскій корпусъ въ 12,000 человѣкъ. И такъ, не осрамимъ нашего отечества избраніемъ человѣка, отверженнаго польскими законами и устраненіемъ сотни другихъ болѣе достойныхъ кандидатовъ, но изберемъ короля, который не будетъ виновникомъ войны съ нашими сосѣдями и который будетъ подпорой для поколебавшейся свободы нашего отечества. Я окончу мою рѣчь замѣчательными словами великаго государственнаго человѣка и защитника древней свободы римской республики—Цицерона: Reipublicae et civitatis nostrae divitias ego arbitror, socios vicinos, fidem mutuam atque inter nosmet ipsos benevolentiam» *).

*) Сила нашего государства по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ

Приверженцы саксонскаго дома сочли также своимъ долгомъ отвѣтить брошюрой на „Братское Предостереженіе“, и эту задачу взялъ на себя епископъ краковскій, Липскій. Когда онъ писалъ свой отвѣтъ, приверженцы курфирста не смѣли еще поднимать своего голоса, при всеобщей ненависти противъ Саксонцевъ. Поэтому Липскій долженъ былъ ограничиться защитой покойнаго короля, и принужденный скрывать свое настоящее мнѣніе, онъ позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки и самую странную брань противъ автора „Братскаго Предостереженія“. Эта тактика любопытна, потому что епископъ зналъ, кто авторъ „Братскаго предостереженія“, и пользовался случаемъ, чтобы избранить хорошенько ненавистнаго противника, который не могъ отвѣчать. Липскій, издавшій свою брошюру конечно анонимно, далъ ей слѣдующее заглавіе: „Отвѣтъ правдиваго шляхтича жителя польскаго, умѣющаго почитать государей, королей своихъ и по смерти ихъ, написанный противъ предостереженія сочиненнаго какимъ-то клеветникомъ и названнаго „братскимъ“, но подобнаго сѣти, разставленной для уловленія братьи шляхетской, и изданнаго въ какой-то подозрительной и еретической типографіи“.

„Не хочу, начинаетъ епископъ, отвѣчать на предложенія, сдѣланныя въ этомъ предостереженіи, но хочу только защищать честь и безсмертную славу пресвѣтлѣйшаго Е. К. В. Августа, оскорбленнаго богомерзской продерзостью какого-то дикаго звѣря, а не человѣка“.

что наши сосѣди намъ союзники, что мы свято сохраняемъ договоры и что между гражданами существуетъ взаимное расположеніе.

„Авторъ подъ видомъ сожалѣнія къ Рѣчи Посполитой говоритъ, что не хочетъ раскрывать ранъ своего отечества и между тѣмъ исчисляетъ всѣ бѣдствія, которымъ подвергалась Рѣчь Посполитая въ царствованіе Августа и коварнымъ образомъ увеличиваетъ ихъ съ лукавствомъ, заимствованнымъ въ школѣ флорентійскаго мудреца Макіавелли. Но авторъ, не что иное, какъ подлѣйшая муха, одна изъ тѣхъ мухъ, которыя смѣются надъ умершимъ львомъ. Авторъ не знаетъ, что у царей длинныя руки, и что они всегда мстятъ за оскорбленія, нанесенныя одному изъ нихъ. Авторъ старался подточить собачьимъ зубомъ славу монарха, уважаемаго не только западомъ и востокомъ, но и сѣверомъ и югомъ; не удивительно, что во время полуденнаго солнечнаго сіянія летучая мышь бываетъ ослѣплена.

„Хотя мы согласны съ авторомъ въ томъ, что обязаны защищать свободу нашего отечества; но мы не думаемъ, подобно ему, приписывать всѣмъ монархамъ желаніе уничтожить эту свободу. Автору нужно лопатою прочистить мозгъ, ибо онъ не понимаетъ, что если въ началѣ царствованіе Августа было несчастно, то не его слѣдуетъ винить въ этомъ, а недостойныхъ сыновъ нашего отечества. Забудемъ первые года его царствованія, когда происходили въ Польшѣ смуты безъ его воли и обратимся къ 17-ти-лѣтнему спокойному правленію его. Хотя авторъ и правду пишетъ, что Августъ рожденный иноземцемъ былъ сначала грозенъ въ правленіи, неискусенъ и не зналъ нашихъ правъ; но потомъ онъ совершенно измѣнился. Всѣмъ извѣстно, что онъ не хотѣлъ, не смотря на всѣ просьбы сенаторовъ, раздать гетманскія булавы, безъ того, чтобы состоялся сеймъ, и въ этомъ случаѣ предпочелъ законность дѣйствій своимъ личнымъ выгодамъ.

„Напрасно авторъ вспоминаетъ о неправильнѣйшемъ избраніи Станислава. На подобіе молніи, блеснувшей на востокѣ и изчезнувшей на западѣ, явился и исчезъ этотъ король. Авторъ смотритъ на Станислава, какъ на короля, возвращающагося теперь на родину изъ далекихъ странъ, послѣ долгаго отсутствія. Но если Станиславъ и имѣлъ нѣкоторое право на престолъ, то давно потерялъ его. Отношенія королей къ народамъ подобны отношеніямъ супружескимъ, освященнымъ религіей. Но вѣдь и супружество можетъ быть расторгнуто вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ и послѣ этого уже не дѣйствительно. Кромѣ того Станиславъ былъ такъ давно разлученъ съ своей супругой, короной польской (remotus a thoro et throno), что бракъ его теперь не дѣйствителенъ и требуетъ новаго подтвержденія. Станиславъ долженъ подвергнуться новому избранію, но уже конечно на этотъ разъ не подъ защитой шведскихъ орудій.

Напрасно авторъ старается доказать, что правленіе Августа было незаконно: авторъ должно-быть жилъ не въ Польшѣ, а пріѣхалъ издалека, изъ-за границы, ибо онъ не знаетъ, что даже французскій король, зять Станислава призналъ Августа законнымъ королемъ польскимъ. Но авторъ вѣроятно никогда не слыхалъ о торжественномъ въѣздѣ въ Варшаву французскаго посла маркиза Монти.

Автору не слѣдовало бы отвѣчать, но выколоть ему глаза, ибо у него нѣтъ христіанскаго смиренія. Если Богъ повелѣваетъ ласково обходиться съ равными и прощать имъ ихъ грѣхи; то тѣмъ болѣе нужно быть снисходительнымъ къ помазанникамъ божіимъ, къ правителямъ народнымъ. Авторъ говоритъ, что Августа слѣдовало низвергнуть съ престола польскаго, хотя

покойный король нарушилъ можетъ быть только одну статью нашей конституціи. Но нельзя свергать съ престола даже недостойнѣйшихъ королей. Священная исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Давидъ не поднялъ руки противъ Саула, хотя онъ былъ отверженъ Богомъ. Низвергнуть короля съ престола можно развѣ только въ томъ случаѣ, если онъ не истинный католикъ и хотѣлъ бы предпринять что-нибудь противъ вѣры и св. церкви.

„Отреченіе Августа не дѣйствительно, подобно отреченію короля Яна Казиміра, подтвержденному на двухъ сеймахъ, но вынуждено насильствомъ и поэтому можетъ считаться только временною мѣрой. Но Богъ самъ низвергнулъ враговъ Августа, и пока они скитались на чужбинѣ и искали помощи у Турокъ, онъ царствовалъ спокойно и спасъ католическую вѣру. Ибо Станиславъ заключилъ съ Карломъ договоръ пагубный для католической церкви и если бы онъ успѣлъ привести его въ исполненіе, онъ наполнилъ бы Польшу еретиками какъ саранчей.

Почтенный епископъ заключаетъ свой памфлетъ слѣдующими словами: „этого клеветника я предоставляю суду Божію, но за дерзость, съ которою онъ оскорбилъ память короля, уважаемаго цѣлымъ свѣтомъ, и за мерзкій пасквиль, въ которомъ онъ его назвалъ тираномъ, онъ достоинъ, чтобы его связаннаго веревками сослали на покаяніе къ звѣрямъ, въ дикіе лѣса.“

Въ трехъ приведенныхъ нами брошюрахъ выразились желанія и взгляды трехъ главныхъ соперничествовавшихъ партій въ Польшѣ: станиславской, саксонской и партіи приверженной Россіи и ея союзникамъ. Но какъ мы видѣли, въ Польшѣ было еще много мел-

кихъ партій, желавшихъ возвести на престолъ какого-нибудь польскаго вельможу. Между этими вельможами особенно выдавался своимъ богатствомъ кн. Чарторижскій, воевода русскій, благодаря огромнымъ имѣніямъ его жены, вдовы генерала Денгофа. Чарторижскіе примкнули къ партіи Станислава, но они надѣялись, если политическія обстоятельства помѣшали бы Лещинскому возвратиться въ Польшу, добыть польскую корону для главы своего дома. Они много интриговали особенно въ гвардіи, находившейся подъ начальствомъ Чарторижскаго и въ коронной арміи, подчиненной его зятю Понятовкому, и издали также анонимную брошюру, авторъ который указывалъ на всѣ выгоды, могущія произойти отъ избранія Чарторижскаго. Но кандидатъ Чарторижскихъ не отличался личными достоинствами, за него говорило одно только богатство его, и вся брошюра состоитъ поэтому въ томъ, что въ ней доказывается необходимость избрать на престолъ богатаго кандидата. Брошюра написана впрочемъ не такъ ловко, какъ первыя три нами приведенныя, видно что авторъ былъ не дипломатъ, а какой-нибудь ученый ксензъ, желавшій пощеголять своей начитанностью. Вся первая половина брошюры состоитъ изъ разсказовъ о различныхъ королевскихъ избраніяхъ, не всегда приведенныхъ кстати.

Неизвѣстный авторъ издалъ свою брошюру подъ заглавіемъ: „Голосъ поданный въ пользу Пяста, старичкомъ не могущимъ ѣхать на избраніе.“ Въ началѣ ея онъ указываетъ на всѣ бѣдствія царствованія Августа, и совѣтуетъ потомъ поблагодарить иностранцевъ за всѣ милліоны, которыми они хотятъ купить польскую вольность и возвести на престолъ Поляка. Но между Поляками такъ много достойныхъ короны, что трудно

найти между ними достойнѣйшаго. Полководцы македонскіе, разсказываетъ авторъ, не зная, кто изъ нихъ достойнѣе, раздѣлили между собой монархію Александра Великаго. Апостолы, не зная, кого изъ учениковъ Іисуса назначить на мѣсто погибнувшаго Іуды избрали двухъ, Іосифа и Матѳѣя, и просили Господа, чтобъ онъ далъ имъ знать, который изъ нихъ достойнѣе. Господь услышалъ ихъ молитву и надъ главой Матѳѣя возсіялъ свѣтъ. Но Поляки не могутъ надѣяться на такое чудо, хотя можетъ быть подобное чудо было бы ниспослано и имъ, если бы они испросили его у Господа надлежащимъ моленіемъ, постомъ и подаяніемъ.

„Персы избрали Дарія Гистаспа съ помощію коня, продолжаетъ авторъ и излагаетъ здѣсь извѣстный разсказъ, заимствованный имъ у Юстина. Граждане тирской республики рѣшились избрать царемъ того, кто въ назначенный день первый увидитъ солнце. Въ Польшѣ послѣ короля Премыслава, какъ разсказываетъ Кромеръ, условились избрать того, чья лошадь первая прибѣжитъ къ назначенному мѣсту. При избраніи Пяста, Богъ послалъ чудо, ибо Пястъ угощалъ въ Кросвицѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, всѣхъ собравшихся на сеймъ—одной тушей никогда не убавлявшейся и одной бочкою меда.

„Во время избранія короля Михаила кн. Флоріанъ Чарторижскій и Фредро кастелянъ львовскій предложили написать имена кандидатовъ на бумажки, положить ихъ въ св. чашу и дать трехлѣтнему младенцу вынуть одну изъ нихъ. Но тогда было не много кандидатовъ, а теперь ихъ нѣсколько тысячъ, ибо теперь всякаго должно считать кандидатомъ, кто честенъ, разуменъ, твердъ и добродѣтеленъ.

„Лучше всего избрать на престолъ того, кто не ищетъ этой чести, хотя и наиболѣе достоинъ ея. Такъ по смерти Сигизмунда, хотѣли возвести на престолъ Костку, воеводу сандомирскаго, который вовсе не искалъ короны. Но Костка отказался отъ нея.

„Поляки сами должны искать между собой достойнѣйшаго кандидата. Когда Богъ хотѣлъ дать Израильтянамъ царя, онъ указалъ на Саула и когда увидѣлп, что онъ превосходитъ всѣхъ ростомъ, Самуплъ сказалъ: „Истинно видите, его же избра Богъ, зане никто ему подобенъ между всѣми людьми“. Но между Поляками нѣтъ Саула, который превосходплъ бы всѣхъ ростомъ. Слѣдуетъ искать такого кандидата, который превосходилъ бы всѣхъ чѣмъ-нибудь другимъ.

„Короли польскіе имѣли большіе доходы, но Августъ II отдалъ $^3/_4$ этихъ доходовъ старостамъ, а $^1/_4$ опредѣлилъ на содержаніе войска, такъ что теперь всѣ доходы королевскіе составляютъ только 600,000 злотыхъ. Не только иностранные князья, но даже нѣмецкіе и испанскіе епископы получаютъ гораздо больше. По этому Полякамъ слѣдуетъ избрать такого кандидата, который былъ бы въ состояніи своей собственной казной дополнить небольшіе королевскіе доходы, и не былъ бы принужденъ брать деньги и подарки за производство въ чины и раздачу воеводствъ и староствъ.

„Я знаю, говоритъ авторъ, кандидата, который имѣетъ болѣе 1,000,000 годоваго дохода, а въ прочихъ достоинствахъ никому не уступитъ. Апостолъ сказалъ: „Дерзаю тако, якоже и другіе дерзаютъ. Евреи „суть и азъ, Израильтяне суть и азъ, Авраамія суть „и азъ“. И мой кандидатъ можетъ сказать: другіе хвастаются свойствомъ съ королями, разумомъ, опытностью въ правленіи, знаніемъ многихъ языковъ, и я всѣмъ этимъ могу гордиться, но сверхъ того, я имѣю болѣе доходовъ, чѣмъ они. Мой кандидатъ, продолжаетъ авторъ, служилъ въ цесарскихъ войскахъ, пріобрѣлъ тамъ славу и всѣмъ сталъ извѣстенъ своей вѣжливостью, обходительностью и умѣренностью. Мой кандидатъ не ищетъ престола, онъ и не знаетъ о брошюрѣ, которую я пишу, а я готовясь къ смерти, пишу ее безъ пристрастія и не разсчитывая на личныя выгоды, единственно повинуясь духу Божію. Мой кандидатъ не имѣетъ близкихъ свойственниковъ и будетъ раздавать чины и почести только по заслугамъ. У него 2 брата, но оба имѣютъ такія достоинства и занимаютъ такія высокія должности, что могутъ разсчитывать на повышеніе при всякомъ королѣ. Богъ даровалъ ему супругу, которая, яко добрая жена вѣнецъ мужу своему и всѣ пани уступаютъ ей первое мѣсто за ея красоту, высокій умъ и благородныя манеры. Она знатнаго происхожденія, ея прадѣду Косткѣ предлагали польскую корону, а отецъ ея много селъ роздалъ нуждающемуся шляхетству и защищалъ достоинство и честь Рѣчи Посполитой противъ притязаній Флеминга. Если бы онъ былъ живъ, его бы теперь непремѣнно избрали въ короли.

„Хотя, кончаетъ авторъ, я достаточно опредѣлилъ моего кандидата, однако объявляю, что это сіятельнѣйшій князь Чарторижскій, воевода русскій, генералъ отъ гвардіи коронной, имѣющій одинъ между тысячами кандидатовъ, милліонъ годоваго дохода“.

ГЛАВА VII.

СОЗЫВАТЕЛЬНЫЙ СЕЙМЪ 1733 ГОДА.

Европейскіе народы съ теченіемъ времени вышли изъ феодальнаго быта, въ которомъ мѣстные интересы преобладали надъ общими, и приняли болѣе стройныя формы народной жизни. Тамъ, гдѣ мѣстные интересы были особенно сильны, гдѣ борьба была упорна, побѣда была куплена дорогой цѣной; народы возвысившіеся до государственнаго быта, подпали подъ вѣковой деспотизмъ, подъ деспотизмъ не патріархальный, освященный религіей и смягчаемый преданіемъ, но подъ деспотизмъ, выработанный цивилизаціей и оправдываемый современной ему наукой. Только жители Альбіона съумѣли сомкнуться въ стройное государство и сохранить самостоятельность мѣстныхъ интересовъ и средневѣковую свободу личности. Два народа не пережили кризиса, Италіянцы и Германцы: мѣстная жизнь развилась у нихъ до такой степени, что не уступила стремленію къ государственному единству, и наконецъ расторгла ихъ на мелкія части, изъ которыхъ каждая образовала отдѣльный организмъ.

Въ то время, когда во всей Европѣ усиливался государственный элементъ, въ Польшѣ прекратился древній царствующій домъ Пястовъ, и установился избирательный образъ правленія. Польскіе короли, обязанные своимъ возвышеніемъ произволу избирателей, уступали имъ свои верховныя права одно за другимъ. Эта уступчивость послужила не въ пользу всего народа польскаго, а только въ пользу одного сословія. Во время феодализма у всѣхъ народовъ верхній слой составляли военные люди, и этотъ господствующій слой носилъ на себѣ много признаковъ касты. Но съ возникновеніемъ государственнаго начала усиливалось значеніе низшихъ слоевъ, и касты не могли ужиться въ живомъ организмѣ государства.

Въ Польшѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, низшій слой не могъ пріобрѣсти никакого значенія, потому что не развивалась городская жизнь. Правда, польскіе короли старались поднять значеніе городовъ и приглашали туда иностранцевъ и Евреевъ, но эти послѣдніе, вслѣдствіе своей національной исключительности, оставались чужды земледѣльческому населенію. Поэтому къ концу средневѣковой исторіи польскій народъ раздвоился совершенно какъ бы на двѣ касты: на шляхту и на прочихъ жителей, которые стояли не много выше рабовъ. Не было той власти, которая могла бы стереть слишкомъ рѣзкія отличія этихъ двухъ слоевъ, и шляхтичи стали господствовать въ Польшѣ. Чѣмъ больше вкоренялся въ нихъ духъ касты, тѣмъ ревнивѣе соблюдали они между собой полное равенство; они не терпѣли орденовъ и титуловъ, и не допускали возникновенія аристократіи. Польскіе демократическіе писатели, какъ, напримѣръ, Лелевель, стараются доказать, что въ Польшѣ издревле былъ силенъ демократическій элементъ. Но польская шляхта всегда руководилась болѣе духомъ касты, чѣмъ чисто демократическими идеями.

Казиміръ въ 1463 году созвалъ первый сеймъ, на который должны были явиться по два депутата изъ каждаго воеводства. Съ этого времени случайныя собранія знатныхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ (convocatus) ограничивавшихъ прежде волю короля, замѣнились правильными сеймами (comitia) и въ Польшѣ водворилась представительная система. Но представительная система въ настоящемъ смыслѣ можетъ существовать только въ организованномъ государствѣ, гдѣ меньшинство понимаетъ необходимость уступить большинству, если оно не хочетъ повредить цѣлому организму.

Въ кастѣ же, воля каждой отдѣльной единицы имѣетъ такую же цѣну, какъ воля другой единицы или нѣсколькихъ взятыхъ вмѣстѣ, поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи объ уступкѣ. Всякая единица могла парализировать волю цѣлаго сейма. Съ уничтоженіемъ liberum veto, т. е. безграничной воли отдѣльныхъ личностей, долженъ былъ бы угаснуть и духъ касты. Чѣмъ болѣе сохранившійся духъ касты становился на перекоръ новымъ требованіямъ времени, тѣмъ безплоднѣе становились польскіе сеймы. На польскихъ сеймахъ нельзя было спрашивать протестующихъ депутатовъ о причинахъ протеста, сеймъ долженъ былъ безмолвно подчиняться приговору, который уничтожалъ его значеніе. Оттого причины, на которыхъ основывались протесты, становились все болѣе ребяческими и пошлыми. Не говоря уже о подкупахъ и эгоистическихъ интересахъ, которые руководили многими, иногда самое мелочное самолюбіе, считавшее себя оскорбленнымъ, останавливало на нѣсколько дней дѣятельность сейма. Такъ, въ 1758 году, посолъ Стародубовскій протестовалъ противъ сейма и держалъ его три дни

въ бездѣйствіи за то, что имя его было пропущено въ адрескалендарѣ, напечатанномъ въ типографіи Піярскихъ монаховъ. Такъ какъ эта типографія находилась подъ привилегіей короля и Рѣчи Посполитой, то посолъ считалъ нужнымъ отомстить всему сейму за мнимое оскорбленіе, нанесенное ему издателями календаря. Посолъ не обращалъ вниманія ни на чьи просьбы и не снялъ своего запрещенія съ сейма, до тѣхъ поръ, пока во всѣхъ экземплярахъ календаря, находившихся еще въ типографіи не была поправлена опечатка, и пока ректоръ Піярскій не поднесъ ему исправленнаго экземпляра съ всенижайшимъ извиненіемъ.

Еще болѣе малодушія показали послы, которые позволили расторгнуть сеймъ 1746 года. Этотъ сеймъ противъ ожиданія состоялся, и на немъ было порѣшено усилить польское войско до 60,000. Наступилъ послѣдній день сейма, оставалось только перечитать дѣло и подписать его. Но нѣкоторые послы выступили съ частными дѣлами, и не смотря на просьбы маршала отложить ихъ до слѣдующаго сейма и кончить дѣло, касающееся всего государства, они говорили рѣчи, пока смерклось. Тогда ораторы замолкли. Маршалъ хотѣлъ воспользоваться молчаніемъ и приказалъ принести свѣчи, чтобы подписать постановленіе о войскѣ; но нѣкоторые голоса закричали, что при свѣчахъ продолжать сеймъ нельзя; каждый разъ, когда приносили свѣчи, ихъ задували въ дверяхъ или тушили шапками и руками. Маршалъ сидѣлъ съ членами сейма въ темнотѣ до десятаго часа, надѣясь, что ему дадутъ наконецъ собрать подписи, и приказывалъ безпрестанно снова приносить свѣчи; но убѣдившись, что ему не удастся усмирить толпу, стоявшую въ дверяхъ и подумавъ, что эта суматоха можетъ быть внушена свер-

ху, сказалъ на прощаніе длинную рѣчь и распустилъ сеймъ словами: „а кто виноватъ, что сеймъ не удался, того пусть чортъ поберетъ“.

Послы нисколько не заботились о чинности и порядкѣ на засѣданіяхъ, они прерывали рѣчи другъ друга, безпрестанно вскакивали съ своихъ мѣстъ и толпились въ срединѣ залы, потомъ опять садились, но не надолго. Такъ какъ засѣданія продолжались очень долго, иногда съ утра до вечера, то послы покупали у разнощиковъ, входившихъ въ залу, пирожки и лакомства и посылали своихъ слугъ за пивомъ; шумъ отъ вылетавшихъ пробокъ часто прерывалъ рѣчь оратора. Слуги иногда нарочно откупоривали бутылки неловко и обрызгивали пивомъ близь стоящихъ, что подавало поводъ къ смѣху и брани. Безпорядокъ умножался еще отъ того, что входъ въ посольскую палату никому не былъ воспрещенъ. Посторонніе, конечно изъ шляхтичей, смѣшивались съ послами и наравнѣ съ ними принимали обыкновенно участіе въ преніяхъ. Это обстоятельство лучше всего доказываетъ, какое смутное понятіе имѣли въ Польшѣ о представительной системѣ, и какъ духъ касты былъ вездѣ на первомъ планѣ. Посторонніе посѣтители даже назывались латинскимъ словомъ arbitri, что указываетъ на важное значеніе, которое имъ давали. Эти арбитри очень смѣло пользовались своими льготами. Они прерывали рѣчи пословъ, бранились съ ними, вырывали изъ ихъ рукъ книги или списки, которыми они хотѣли подтвердить свои слова; когда послы уходили, посторонніе садились на ихъ мѣста.

Впрочемъ, только знатныя лица смѣшивались съ толпой пословъ, прочія сидѣли на особенныхъ лавкахъ въ сторонѣ, но и тамъ вели себя очень нескромно.

Если имъ ненравился какой-нибудь посолъ, или надоѣдалъ имъ длинною и скучной рѣчью, они бросали ему въ голову жесткія груши и яблоки.

Такъ какъ большая часть пословъ слѣдовала модѣ того времени и брила головы, то ударъ былъ особенно чувствителенъ. Оскорбленный звалъ маршала, жаловался, что въ его лицѣ нанесена обида чести посольской палаты и показывалъ синякъ на лбу или подъ глазомъ. Маршалъ убѣдившись, что честь посольской палаты дѣйствительно опозорена, начиналъ отыскивать виновнаго. Но это никогда не удавалось; виновный молчалъ, а свидѣтели не вмѣшивались, боясь дурныхъ для себя послѣдствій. Послѣ неуспѣшныхъ поисковъ маршалъ возвращался къ послу и говорилъ: „пусть панъ самъ отыщетъ, кто пана обидѣлъ, и виновный будетъ строго наказанъ“. Послу конечно было еще труднѣе отыскать обидчика, чѣмъ маршалу, и дѣло обыкновенно тѣмъ и кончалось. Лѣтописецъ, который передаетъ эти подробности, прибавляетъ, что подобныя выходки приносили нѣкоторую пользу; послы, боясь другаго синяка и новаго сраму, болѣе уже не надоѣдали своимъ плохимъ краснорѣчіемъ.

Постороннихъ лицъ бывало всегда такъ много, что послы, вошедшіе въ залу, иногда не находили мѣста и должны были прибѣгать къ хитрости, чтобы отыскать себѣ мѣсто. Засѣданіе начиналось обыкновенно въ 10 или 11 часу, а тѣ изъ постороннихъ, которые хотѣли записывать рѣчи пословъ, приходили гораздо раньше, чтобы найти хорошее мѣсто и оставались тамъ до 8 часовъ вечера; выходить было невозможно отъ тѣсноты. Когда зрителямъ наскучивало сидѣть смирно, они старались развлекать себя разными забавами,

пихали другъ друга съ лавокъ, какъ школьники; падавшіе хватались за сидящихъ и влекли ихъ за собой; иногда при этомъ происходилъ такой шумъ, и раздавался такой смѣхъ, что они прерывали засѣданіе *).

Исторія всѣхъ польскихъ сеймовъ очень однообразна и не всегда стоитъ вниманія, потому что рѣдко сеймъ имѣлъ какой нибудь результатъ. Конвокаціонные сеймы т. е. созванные тотчасъ послѣ смерти короля имѣли предъ другими то преимущество, что въ случаѣ несогласія между послами, переходили въ генеральную конфедерацію. На конфедераціяхъ большинство предпринимало рѣшительныя мѣры, чтобы уничтожить противодѣйствіе меньшинства. Протестующіе или присоединялись къ своимъ противникамъ запуганные ихъ угрозами или уходили съ сейма. Но ихъ удаленіе не принималось во вниманіе, потому что законъ не допускалъ протестовъ противъ конфедерацій

Конвокаціонный или созывательный сеймъ 1733 года былъ открытъ 27-о Апрѣля. Примасъ отправился въ сопровожденіи многихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ въ церковь св. Іоанна, гдѣ его ожидали сенаторы и земскіе послы. Между присутствующими обратили на себя вниманіе воеводы люблинскій — Тарло и белжскій — Потоцкій, потому что они были одѣты въ польскомъ костюмѣ. Въ это время въ Польшѣ польское платье начинало уступать нѣмецкому или вообще западному. Царствованіе саксонскаго Августа и появленіе многихъ иностранцевъ въ Польшѣ содѣйствовало этому. Вельможи и люди, бывавшіе при дворѣ, стали первые носить иноземное

*) Kitowicz. T. IV p. 152 sq.

платье, а мелкіе люди не отставали отъ нихъ изъ подражанія. Распространенію новой моды особенно способствовали польскія женщины и дѣвушки; для нихъ этотъ вопросъ былъ дѣйствительно очень важенъ. Вмѣстѣ съ польскимъ платьемъ исчезали у польскихъ мужчинъ грубыя манеры и много старинныхъ дурныхъ привычекъ. Напудренные и выбритые представители новой моды, побывавшіе за границей старались подражать французамъ въ любезности и учтивомъ обращеніи съ дамами. Кромѣ того они сбривали свои усы къ большому удовольствію своихъ соотечественницъ.

Дѣвушки явно предпочитали тѣхъ изъ своихъ поклонниковъ, которые носили иностранное платье; плакали если ихъ выдавали за поляка въ контушѣ и съ усами, а родители и опекуны часто ставили въ условіе брачнаго союза, чтобы женихъ перемѣнилъ національный костюмъ на иноземный. Но иногда чувство національности брало верхъ, какъ напримѣръ по смерти Августа II, и тогда вельможи, желавшіе пріобрѣсти популярность въ глазахъ массы, бросали иноземное платье и показывались народу въ контушѣ и высокихъ шапкахъ.

Епископъ краковскій отслужилъ обѣдню, а потомъ сенаторы и послы отправились каждый въ свою палату. Въ сенаторской палатѣ былъ поставленъ обитый чернымъ балдахинъ и сенаторы сѣли по своимъ мѣстамъ подъ предсѣдательствомъ примаса. Число членовъ польскаго сената простиралось до 160: въ немъ засѣдали два архіепископа, 19 епископовъ, 33 воеводы, и болѣе 80 кастеляновъ. Послѣдніе раздѣлялись на ясновельможныхъ изъ воеводствъ, и урожоныхъ изъ повѣтовъ, первые сидѣли на креслахъ,

а вторые на лавкахъ; но голоса ихъ имѣли равное значеніе. Кромѣ этого въ сенатѣ имѣли мѣсто министры и нѣкоторые придворные сановники всего 28 человѣкъ. Впрочемъ всѣ сенаторы рѣдкобывали въ сборѣ.

Земскіе послы также отправились въ свою палату, но нашли тамъ такую толпу любопытныхъ, что не могли размѣститься по своимъ лавкамъ. Должность маршала исполнялъ обозный кор. Ожаровскій, потому что онъ былъ избранъ въ маршалы на прошломъ сеймѣ. Тогда ему покровительствовали приверженцы короля, и поэтому онъ навлекъ на себя такую ненависть республиканцевъ, что они хотѣли его изрубить. Но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Потоцкіе и Чарторижскіе примирились въ пользу Станислава и примасъ присудилъ Ожаровскому часть доходовъ съ краковскихъ солончаковъ, на которые изъявлялъ притязаніе Любомирскій.

Ожаровскій собралъ всѣхъ пословъ на середину залы, выкликалъ ихъ по воеводствамъ и потомъ усаживалъ по мѣстамъ. Такимъ образомъ ему удалось согнать постороннихъ съ посольскихъ мѣстъ, но онъ потерялъ въ этихъ распоряженіяхъ полтора часа времени. Когда онъ хотѣлъ открыть рѣчью засѣданіе, то былъ прерванъ Любинецкимъ, уже извѣстнымъ намъ изъ исторіи послѣдняго сейма. Любинецкій объявилъ, что Ожаровскій не можетъ исполнять должность маршала, потому что былъ избранъ въ прошлый разъ незаконнымъ образомъ, такъ какъ онъ, Любинецкій, своимъ протестомъ расторгнулъ сеймъ. Подняли шумъ и послышались нападенія на Любинецкаго. Одни говорили, что протестъ его не заслуживалъ вниманія, потому что былъ сдѣланъ до избранія маршала; другіе напоминали Любинецкому, что онъ тогда былъ лишній посолъ и самъ не имѣлъ голоса. Одинъ изъ его товарищей, черниговскихъ пословъ объявилъ, что онъ и теперь лишній посолъ и можетъ быть изгнанъ изъ палаты, если не замолчитъ. Наконецъ примасъ и сенатъ прислали депутацію, которой удалось примирить спорящихъ.

Ожаровскій сказалъ свою рѣчь и предложилъ посламъ приступить къ избранію сеймоваго маршала, какъ вдругъ послышался новый протестъ. Огинскій, одинъ изъ пословъ брацлавскихъ объявилъ, что онъ изъ ревности къ католической религіи не позволитъ собирать голоса, пока не будутъ удалены изъ палаты диссиденты, находящіеся между послами прусской провинціи. Вслѣдствіе этого протеста поднялись опять споры, которые заставили наконецъ Ожаровскаго отсрочить засѣданіе до слѣдующаго дня.

Въ царствованіе послѣднихъ Ягеловъ, число диссидентовъ было очень велико въ Польшѣ, и они пользовались безпрепятственно всѣми правами шляхетскими. На сеймахъ ихъ иногда бывало такъ много, что даже маршалъ избирался изъ числа диссидентовъ, напр., Христофоръ Радзивилъ. Но въ концѣ 16 ст., благодаря стараніямъ іезуитовъ и нетерпимости короля Сигизмунда Вазы, число диссидентовъ уменьшилось и католическое духовенство начало думать объ томъ, какъ бы ихъ лишить правъ гражданскихъ. Мало по малу ихъ начали стѣснять разными постановленіями. Во время вторженія Шведовъ ихъ положеніе улучшилось, вслѣдствіе покровительства Карла XII. Но по изгнаніи ихъ началась опять католическая реакція и противъ диссидентовъ было издано постановленіе, по которому ни одинъ изъ нихъ не могъ быть допущенъ къ должностямъ и почетнымъ мѣстамъ,

если заграждалъ этимъ путь какому-нибудь католику. Однако имъ все еще позволяли пріѣзжать на сеймы и подавать голоса наравнѣ съ католиками. Но въ 1718 году случилось, что на сеймъ пріѣхалъ только одинъ диссидентъ Петровскій, посломъ изъ Вѣлунскаго повѣта. Католическое духовенство рѣшилось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отнять у диссидентовъ право являться на сеймы. Когда Петровскій хотѣлъ подать голосъ при избраніи маршала, виленскій офиціалъ объявилъ, что онъ какъ диссидентъ не можетъ имѣть голоса. Его обошли, хотя многіе изъ католическихъ пословъ утверждали, что безъ особеннаго закона, принятаго Рѣчью Посполитой нельзя вводить новые обычаи. Петровскій хотѣлъ протестовать противъ сейма, но его убѣдили, чтобъ онъ отложилъ свой протестъ до избранія маршала; а когда маршалъ былъ избранъ, Петровскому объявили, что его протестъ теперь не имѣетъ силы, ибо онъ допустилъ до избранія маршала и этимъ призналъ законность сейма. Петровскій долженъ былъ уѣхать съ сейма.

На сеймѣ 1733 года было 12 диссидентовъ, и всѣ изъ Пруссіи. Но ревнители католичества рѣшились воспользоваться примѣромъ, поданнымъ въ 1718 году и лишить диссидентовъ права являться на сеймъ.

Второе и третье засѣданія не имѣли результата, подобно первому, потому что палата была занята спорами о диссидентахъ. Быковскій посолъ минскій, говорилъ, что во времена Августа I Польша была огорчена появленіемъ еретиковъ, а въ правленіе Августа II она была утѣшена истребленіемъ ихъ. Сейму было бы стыдно возвращать еретикамъ то, что у нихъ было отнято покойнымъ королемъ, который при томъ не

родился въ католичествѣ, но принялъ эту религію уже въ зрѣломъ возрастѣ.

Рѣзче всѣхъ говорилъ противъ диссидентовъ Огинскій, посолъ брацлавскій, который утверждалъ, что возстаетъ противъ нихъ не изъ личной вражды, но изъ уваженія къ святой вѣрѣ. Онъ говорилъ, что закономъ исключаются изъ земскихъ пословъ всѣ тѣ, которые объявлены „подлыми“, а диссиденты болѣе чѣмъ подлы, потому что они не вѣруютъ въ святую Матерь Божію; кромѣ того они уже прежними постановленіями лишены должностей и почетныхъ званій, а слѣдовательно тѣмъ болѣе лишены права засѣдать на сеймѣ (vi argumenti de minore ad majus).

Посолъ Држевицкій говорилъ, что диссидентовъ нельзя считать подлыми, потому что они въ другихъ случаяхъ пользуются правами польскихъ шляхтичей, но они все-таки не имѣютъ голоса на сеймѣ. Ихъ можно уважать за ихъ личныя достоинства, но они извинятъ его, если, не смотря на это онъ считаетъ ихъ неспособными занимать должность земскихъ пословъ, ибо дѣла безъ вѣры мертвы. Наконецъ, не смотря на протестъ диссидентовъ рѣшили обойти ихъ при избраніи маршала.

На четвертое засѣданіе диссиденты не явились. Начали собирать голоса для избранія маршала, который по установленной очереди между Поляками и Литовцами, долженъ былъ быть на этотъ разъ изъ послѣднихъ. Собрали 117 голосовъ, изъ которыхъ 68 достались старостѣ мерецкому Сапѣгѣ, а 42 старостѣ лидскому Сципіону. Когда же очередь дошла до оршанскихъ пословъ, то поднялись споры о неправильности ихъ избранія и засѣданіе было отсрочено.

На пятое засѣданіе диссиденты опять явились въ

собраніе, но видя невозможность отстоять свои права, согласились не подавать голоса и просили только, чтобы имъ позволили присутствовать при избраніи маршала. Послѣ этого еще четыре засѣданія прошли напрасно, потому что палата была занята спорами о томъ, какое число депутатовъ должны были присылать на сеймъ черниговское и брацлавское воеводства—двоихъ, четверыхъ или шестерыхъ.

Въ 1463 году король Казиміръ опредѣлилъ, чтобы каждое воеводство прислало на сеймъ двухъ депутатовъ. Но такъ какъ раздѣленіе на воеводства было случайное, основанное болѣе на историческихъ условіяхъ, чѣмъ на административныхъ соображеніяхъ, то вскорѣ начался большой произволъ при отправленіи депутатовъ. Многіе повѣты присвоивали себѣ права воеводствъ, и наконецъ установился обычай, что изъ нѣкоторыхъ воеводствъ пріѣзжали 4, изъ другихъ 6 пословъ. Прусская провинція позволяла себѣ наибольшій произволъ, и присылала иногда 40 депутатовъ. Не считая прусскихъ, число всѣхъ пословъ простиралось до 160.

Такъ какъ не было ни одного закона, ни одного постановленія, которое бы опредѣляло число депутатовъ, то на каждомъ сеймѣ могли возникать споры о законномъ числѣ депутатовъ того или другаго воеводства.

На послѣднемъ сеймѣ Августа II протестъ Любинецкаго былъ устраненъ подъ предлогомъ, что онъ лишній посолъ. Теперь споры о черниговскихъ депутатахъ возобновились, но еще большія несогласія возникли, когда очередь дошла до брацлавскаго воеводства. Каждая партія основывала свое мнѣніе на различныхъ доказательствахъ; приводила различныя конституціи, напоминала, что на такомъ-то сеймѣ

было столько-то пословъ. Одинъ изъ брацлавскихъ пословъ объявилъ, что доказательства его противниковъ ничтожны, потому что они ссылаются на Гартknоха, лютеранскаго писателя, который говоритъ, что брацлавское воеводство по древнему обычаю присылаетъ только 2 депутатовъ. Онъ же можетъ сослаться на книгу, написанную іезуитомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія. Въ этой книгѣ сказано, что изъ брацлавскаго воеводства всегда пріѣзжало 6 депутатовъ. Но книга, которую онъ держалъ въ рукахъ, была не что иное какъ алфавитный указатель польскихъ знатныхъ родовъ. Это замѣтилъ одинъ изъ постороннихъ зрителей, стоявшихъ сзади его, и упрекнулъ его въ томъ, что онъ защищаетъ свое положеніе родословной книгой. Посолъ обернулся и спросилъ его, кто онъ такой; и когда узналъ, что онъ не депутатъ, а постороннее лице, то замѣтилъ ему, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Шляхтичъ обидѣлся и схватился рукой за саблю. Произошла суматоха. Посолъ жаловался маршалу на оскорбленіе чести. Нѣкоторые заступались за шляхтича, а другіе приводили противъ него примѣръ одного полковника Стефанса, который въ посольской избѣ также схватился за саблю и за это былъ немедленно разстрѣлянъ. Наконецъ споръ былъ прекращенъ подъ предлогомъ, что эта ссора случилась не между двумя депутатами, а между посломъ и постороннимъ лицемъ, и слѣдовательно она не подлежитъ суду посольской палаты. Брацлавскіе послы основывали свою защиту на томъ, что ихъ воеводство было присоединено къ польской коронѣ вмѣстѣ съ воеводствами кіевскимъ и волынскимъ, и поэтому должно пользоваться тѣми же правами. Троцкій посолъ, Окольскій, объявилъ, что изъ брацлавскаго во-

еводства могутъ быть допущены только 2, а изъ черниговскаго 4 депутата: и сослался при этомъ на литовскіе статуты; но когда ему отвѣтили, что литовскіе статуты не имѣютъ значенія для коронныхъ земель, онъ удалился съ сейма съ протестомъ.

Девятое засѣданіе началось съ того, что маршалъ спросилъ депутацію, отправленную наканунѣ къ Окольскому, чтобы упросить его возвратиться на сеймъ, достигла ли она цѣли. Посланные передали отвѣтъ Окольскаго, который объявилъ, что если бы онъ и уступилъ въ дѣлѣ брацлавскомъ, то ему пришлось бы снова протестовать противъ померанскихъ пословъ, которые въ 1641 году пріѣхали двое, въ 1643 четверо, въ 1645 восемеро, въ 1647 въ числѣ 16, а въ 1649 въ числѣ 20 человѣкъ и съ тѣхъ поръ всегда пріѣзжали въ незаконномъ числѣ. Ожаровскій предложилъ палатѣ отправить за Окольскимъ еще разъ депутацію. Черезъ 2 часа она возвратилась и объявила, что не нашла Окольскаго дома. Рѣшились для блага отечества послать за нимъ въ третій разъ. Это подѣйствовало. Окольскій возвратился и объявилъ, что хотя онъ и правъ, но отказывается отъ своего требованія для пользы общественнаго блага. За это маршалъ его публично поблагодарилъ. Посламъ черниговскимъ и брацлавскимъ позволили на этотъ разъ остаться въ числѣ 6. Когда былъ устраненъ вопросъ о брацлавскихъ депутатахъ, все вниманіе палаты сосредоточилось на спорахъ между приверженцами Сапѣги и Сципіона. Такъ какъ приверженцы Станислава не могли положиться на старосту мерецкаго, то они поддерживали Сципіона, человѣка неизвѣстнаго, надѣясь, что онъ будетъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Это оскорбило многихъ родовитыхъ Поляковъ; они составили адресъ къ

примасу, и подписались подъ нимъ. Въ этомъ адресѣ они объявляли примасу, что если онъ станетъ такъ явно покровительствовать приверженцамъ Станислава то приведетъ всю республику въ большое замѣшательство. Они никогда не допустятъ, чтобы Сапѣгѣ, принадлежащему къ такому знатному роду, былъ предпочтенъ Сципіонъ, который вовсе не шляхтичъ, но сынъ крестьянина, вкравшагося въ шляхетское сословіе. Ибо по польскимъ законамъ, никого нельзя считать шляхтичемъ, кто не въ состояніи указать на 4 предковъ въ нисходящей линіи, занимавшихъ почетныя должности. Когда объ этомъ узнали Чарторижскіе, то они призвали къ себѣ Сципіона и объявили ему, что онъ при этихъ обстоятельстахъ не поддержитъ своихъ притязаній на дворянство, но даже можетъ подвергнуться большой опасности. Впрочемъ, они употребятъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобъ сеймъ не только призналъ его шляхтичемъ, но и избралъ въ маршалы, если онъ клятвенно обяжется безпрекословно слѣдовать ихъ указаніямъ и усердно способствовать имъ въ достиженіи ихъ цѣли. Въ противномъ же случаѣ, они также возстанутъ противъ него со всей своей партіей. Староста лидскій тотчасъ согласился на ихъ предложеніе и потомъ съ успѣхомъ оспаривалъ первенство у своего соперника.

Но наконецъ самые приверженцы Станислава убѣдились, что они не одержатъ верхъ съ этимъ кандидатомъ и только потеряютъ драгоцѣнное для нихъ время, и тогда они прибѣгли къ средству, часто употреблявшемуся на польскихъ сеймахъ: предложили обоимъ кандидатамъ на маршалство отказаться отъ своихъ голосовъ въ пользу третьяго лица. На это предложеніе согласился мерецкій староста, но съ тѣмъ

условіемъ, чтобы и староста лидскій сдѣлалъ тоже самое. Послѣдній требовалъ, чтобы сначала Сапѣга отказался отъ голосовъ, поданныхъ въ его пользу, наконецъ послѣ долгихъ споровъ рѣшили, чтобы староста лидскій, у котораго было меньше голосовъ, первый отказался отъ нихъ, и въ ту же минуту сдѣлалъ бы тоже самое Сапѣга. Тогда былъ единодушно избранъ Массальскій, староста гродненскій.

Пока еще продолжались споры между Сапѣгой и Сципіономъ каждая партія обѣщала диссидентамъ, что она поддержитъ ихъ права, если они присоединятся къ ней. Но когда обѣ партіи помирились, помощь диссидентовъ стала ненужна и при избраніи Массальскаго ихъ обошли, не смотря на ихъ протестъ*). Диссиденты вышли изъ палаты и принесли жалобу сенату на притѣсненія; но тамъ ихъ приняли съ насмѣшками и отказали имъ въ удовлетвореніи. Диссиденты обратились къ своимъ единовѣрцамъ, прусскому и англійскому посламъ, съ просьбой о защитѣ. Оба посла поѣхали къ Левенвольду и пригласили его сдѣлать вмѣстѣ съ ними примасу представленіе въ пользу диссидентовъ. Русскій посолъ объявилъ, что хотя приверженцы греческаго исповѣданія въ Польшѣ не принадлежатъ къ диссидентамъ и права ихъ гарантированы трактатами и мирными договорами, но онъ согласится на ихъ просьбу съ условіемъ, чтобы и они въ случаѣ нужды дѣйствовали съ нимъ въ интересахъ греческой вѣры. Потомъ онъ поѣхалъ къ примасу, когда тотъ находился въ сенатѣ, и сталъ говорить горячо за диссидентовъ. Примасъ намекая на то, что

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили диссиденты Левенвольду, прося его о заступничествѣ Россіи. Протестъ ихъ приложенъ къ реляціи 27 мая. Въ Моск. Гл. Арх. Ин. Д.

русскій посолъ былъ лютеранинъ, спросилъ его, почему онъ не говоритъ за однихъ Грековъ, а за всѣхъ диссидентовъ. Левенвольдъ отвѣтилъ, что Поляки сами, вопреки трактатамъ, причисляютъ приверженцевъ православнаго исповѣданія къ диссидентамъ и поэтому и онъ также употребляетъ это общее названіе, чтобы вступиться за права всѣхъ диссидентовъ, преимущественно же греческихъ. Этимъ поступкомъ онъ по словамъ его реляціи весьма обязалъ англійскаго и прусскаго пословъ и оставилъ примаса въ непріятномъ ожиданіи, что русскій дворъ вступится за права диссидентовъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого прусскій король отправилъ декларацію къ русскому кабинету, въ которой онъ его приглашалъ составить конвенцію съ Пруссіей и Англіей, и пользуясь обстоятельствами улучшить положеніе польскихъ диссидентовъ*).

Русское правительство рѣшилось дѣятельно вступиться за права диссидентовъ. Когда, какъ мы увидимъ вспослѣдствіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Польшу оберштальмейстеръ Левенвольдъ, то ему было поручено вступить въ переговоры съ англійскимъ, прусскимъ и другими послами

*) Левенвольдъ, сообщая объ этой декларації своему двору, говоритъ, что прусскій король только на словахъ готовъ помочь своимъ единовѣрцамъ, а если бы ему пришлось пожертвовать для ихъ интересовъ десятью солдатами или даже 10 талерами, то онъ по своей скупости никогда на это не согласится. Но русскій уполномоченный въ этомъ случаѣ увлекается. Стоитъ только вспомнить съ какой рѣшительностью Фридрихъ-Вильгельмъ вступился за гейдельбергскихъ протестантовъ, когда католическій пфальцграфъ отнялъ у нихъ церковь, и съ какимъ отеческимъ чувствомъ онъ заботился о несчастныхъ протестантахъ, изгнанныхъ архіепископомъ залцбургскимъ.

протестантскихъ державъ и составить съ ними соглашеніе (конвенцію), чтобы диссидентовъ православнаго и протестантскаго исповѣданій при своихъ привилегіяхъ защищать и привести въ прежнее состояніе, „при чемъ, было сказано въ инструкціи, постановляемыя о томъ мѣры не въ пустыхъ словахъ и офиціяхъ, которыя ничего не дѣйствуютъ, но въ самомъ дѣлѣ и въ дѣйствительномъ вспоможеніи состоять имѣютъ“. Такъ какъ „сіе дѣло и прочимъ нашимъ въ Польшѣ намѣреніямъ не малое способствованіе придать можетъ“ Левенвольду было поручено убѣдить диссидентовъ, чтобъ они, если этого потребуютъ обстоятельства, „явно нашу протекцію просили и съ нашими войсками присовокупились“.

Но Левенвольдъ ничего не успѣлъ сдѣлать въ пользу диссидентовъ. Напротивъ, передъ началомъ сейма избранія въ Варшавѣ было публиковано съ барабаннымъ боемъ, чтобы всѣ диссиденты безъ исключенія, въ теченіи 2 сутокъ, выѣхали изъ города, а потомъ изъ государства. Правительство польское, конечно, не имѣло намѣренія привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Оно хотѣло только попугать диссидентовъ и удержать ихъ такимъ образомъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло избранія и отъ союза съ послами иностранныхъ державъ. Соглашеніе между Левенвольдомъ и протестантскими послами не состоялось потому, что англійскій и голландскій послы не хотѣли вступить ни въ какія обязательства, которыя бы могли вовлечь Англію и Голландію въ непріятныя отношенія къ польскому правительству; ибо Рѣчь Посполитая стояла въ то время подъ покровительствомъ Франціи, а морскія державы желали остаться нейтральными въ войнѣ, которая, какъ они предвидѣли, должна была возгорѣться между Франціей и Австріей съ ея союзницей Россіей. Рвеніе прусскаго короля въ пользу диссидентовъ также охладѣло, когда онъ въ концѣ лѣта 1733 г., какъ мы увидимъ поссорился съ своими союзниками Австріей и Россіей и остался равнодушнымъ зрителемъ событій, совершавшихся въ Польшѣ.

Россія же одна ничего не могла сдѣлать, потому что союзница ея Австрія, вовсе не была расположена къ диссидентамъ, а курфирстъ саксонскій, которому Россія доставила польскій престолъ былъ ревностный католикъ, да и малѣйшей мѣрой въ пользу диссидентовъ возбудилъ бы противъ себя еще большую ненависть Поляковъ. Россія отложила вопросъ о диссидентахъ до болѣе удобнаго времени и дѣйствительно подняла его снова черезъ 30 лѣтъ, когда она находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей и тогда этотъ вопросъ послужилъ для русскаго правительства могучимъ орудіемъ для достиженія его цѣли въ Польшѣ.

Прусскіе депутаты католическаго исповѣданія потомъ еще разъ подняли на сеймѣ вопросъ о диссидентахъ. Въ Пруссіи корпоративное начало было сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ польскихъ провинціяхъ, и иногда побѣждало религіозную ненависть. Прусскіе депутаты боялись, что насильственное удаленіе 12 товарищей ихъ повредитъ привилегіямъ цѣлой провинціи, или навлечетъ на нихъ упреки со стороны земляковъ. Поэтому одинъ изъ нихъ объявилъ, что сеймъ не можетъ продолжаться, такъ какъ нѣсколько членовъ удалились съ протестомъ. Но ему отвѣтили, что если ушедшіе протестовали въ качествѣ диссидентовъ, то они не равны прочимъ земскимъ посламъ, если же

они протестовали въ качествѣ шляхтичей, то они простые арбитры, и не могутъ расторгнуть сейма. Одинъ изъ пословъ даже привелъ противъ нихъ конституціи 1413 и 1564 годовъ, которыя отнимали у диссидентовъ право занимать какую нибудь должность, дѣлать завѣщанія и имущества ихъ присуждали фиску. Но ему замѣтили, что эти постановленія относятся къ аріянамъ а не къ протестантамъ.

Потомъ приступили къ такъ-называемымъ ругамъ, или пересмотру посольскихъ инструкцій и полномочій. Часто случалось, что изъ какого нибудь повѣта пріѣзжали послы, незаконнымъ образомъ избранные, или уполномоченные двумя различными враждебными партіями. И на этотъ разъ шляхтичи оршанскаго повѣта протестовали противъ своихъ пословъ; послѣдніе сами удалились, не желая подвергнуть себя суду. Исключены были также послѣ долгихъ споровъ Воловичъ и Зубъ, пріѣхавшіе изъ Мстиславльскаго повѣта, за то, что они перехватили универсалъ примаса, созвали своихъ приверженцевъ на сеймикъ не въ законномъ мѣстѣ и произвольно устроили каптурный судъ, который учреждали въ Польшѣ во всѣхъ воеводствахъ на время междуцарствія. Послѣ этого Массальскій предложилъ посламъ соединиться съ сенатомъ; но познанскіе депутаты потребовали, чтобы еще до соединенія съ сенаторами послѣднимъ были сдѣланы слѣдующія предложенія: превратить сеймъ въ конфедерацію, издать постановленіе, по которому всѣ иностранцы исключались изъ числа кандидатовъ на польскій престолъ при предстоящемъ избраніи, далѣе чтобы сенаторы принесли подобно земскимъ посламъ присягу въ томъ, что они не пріймутъ подарковъ и взятокъ ни отъ одного кандидата и наконецъ, чтобы всѣ тѣ, которые

получили отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла, перестали бы носить его знаки. Тѣ изъ пословъ, которымъ не хотѣлось исключать иностранныхъ принцевъ изъ числа кандидатовъ (при чемъ конечно имѣли въ виду только курфирста саксонскаго) долго не соглашались на присоединеніе къ сенату, но наконецъ соединеніе обѣихъ палатъ воспослѣдовало во время 12-го засѣданія; при чемъ маршалъ сказалъ рѣчь, въ которой выхвалялъ достоинства покойнаго короля и выставлялъ на видъ попеченія примаса объ общественномъ благѣ. Примасъ отвѣчалъ рѣчью, въ которой онъ благодарилъ Массальскаго и поздравлялъ посольскую палату съ успѣшнымъ ходомъ первыхъ ея засѣданій.

Послѣ соединенія обѣихъ палатъ, сеймъ собирался еще 9 разъ; но на засѣданіяхъ польскихъ сеймовъ вообще такъ мало соблюдалось порядка и чинности, а журналы сеймовъ, печатавшіеся въ газетахъ или сообщаемые иностранными посланниками своимъ кабинетамъ, такъ запутаны, что было бы безполезно разсказывать о ходѣ каждаго отдѣльнаго засѣданія, а достаточно представить общій результатъ ихъ. Созывательный сеймъ 1733 г. превратился въ генеральную конфедерацію, на которой было принято 90 положеній; но большая часть этихъ положеній касается частныхъ вопросовъ, другія—общія постановленія, которыя повторялись на каждомъ сеймѣ, такъ, напримѣръ, обязательство стоять за святую католическую вѣру и т. п. Поэтому нужно остановиться только на нѣкоторыхъ главныхъ положеніяхъ, которыя имѣли важныя послѣдствія или характеризуютъ тогдашнее время.

Самымъ важнымъ постановленіемъ было то, кото-

рымъ сеймъ обязывался избрать въ короли только природнаго Поляка и католика, рожденнаго отъ католическихъ родителей, не имѣющаго ни своего войска, ни наслѣдственной державы, и женатаго на католичкѣ.

Нерасположеніе къ иностранцамъ по смерти Августа было такъ велико въ Польшѣ, что почти всѣ воеводства требовали въ инструкціяхъ данныхъ своимъ посламъ исключенія иностранцевъ изъ числа кандидатовъ. Особенно настаивали на этомъ воеводства сандомирское, калишское и познанское; только воеводство подляшское, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ Сапѣгъ, открыто благопріятствовало курфирсту саксонскому. На нѣкоторыхъ сеймикахъ ненависть противъ иностранцевъ выразилась въ такой сильной степени, что многіе требовали, чтобы было запрещено носить нѣмецкое платье. Но богатые этому воспротивились, потому что имъ пришлось бы перешивать ливрею многочисленныхъ слугъ своихъ, а это вовлекло бы ихъ въ большія издержки.

При этомъ всеобщемъ нерасположеніи къ иностранцамъ, попытка приверженцевъ Станислава исключить курфирста изъ числа кандидатовъ не нашла большаго сопротивленія; хотя враги Станислава и примаса увѣряли послѣ сейма, что выраженіе „рожденный отъ католическихъ родителей“ (а мать Августа III до самой смерти своей не соглашалась принять католичество и поэтому не пріѣзжала въ Польшу) не находилось въ первоначальномъ проектѣ конфедераціи, а было потомъ внесено обманомъ въ конфедераціонный актъ, подписанный членами сейма.

Впрочемъ, приверженцы Станислава встрѣтили сопротивленіе въ вельможахъ, которые сами надѣялись

получить польскую корону. Послѣдніе хотѣли дать вышеупомянутому постановленію такой оборотъ, чтобы оно не только исключало изъ числа кандидатовъ курфирста, но и Станислава Лещинскаго. Особенно старался объ этомъ Янъ Вишневецкій, кастелянъ краковскій. Такъ какъ по общему мнѣнію у него было болѣе вѣроятности сдѣлаться королемъ, чѣмъ у прочихъ вельможъ, то обѣ партіи и приверженцы Станислава и посланники союзныхъ державъ старались склонить его на свою сторону. Мы уже видѣли, какъ Чарторижскіе доставили ему изъ казны 300 червонцевъ, что при его бѣдности была для него значительная сумма. Левенвольдъ не хотѣлъ отстать отъ нихъ, но такъ какъ онъ боялся отвѣтственности предъ своимъ кабинетомъ, если онъ безъ его позволенія истратитъ большую сумму, то онъ просилъ цесарскаго посланника дать Вишневецкому денегъ, чтобы расположить его къ общему дѣлу. Онъ увѣрялъ посла, что самъ бы давно уже это сдѣлалъ, но что у него нѣтъ лишнихъ денегъ. Графъ Вилчекъ выдалъ Вишневецкому 1,000 червонцевъ и обѣщалъ постоянную пенсію. Но примасу все-таки удалось склонить кастеляна на свою сторону; онъ воспользовался конфедераціей, которую составилъ Любомирскій въ своемъ воеводствѣ, и убѣдилъ Вишневецкаго, что честолюбивый воевода краковскій хочетъ преградить ему дорогу къ престолу, съ помощью союзниковъ. Можетъ быть примасъ даже обѣщалъ ему корону, въ томъ случаѣ, если нельзя будетъ возвести на престолъ Лещинскаго. Какъ бы то ни было, Вишневецкій сблизился съ партіей Станислава и писалъ даже, незадолго передъ сеймомъ къ своему брату въ Литву, чтобы Литвины избрали Станислава, если не хотятъ погубить своего

отечества. Но на сеймѣ онъ убѣдился, что примасъ думаетъ только о возведеніи Лещинскаго на престолъ и не позволитъ ни одному пясту вступить съ нимъ въ соперничество. Поэтому въ отношенія ихъ вкрались нѣкоторая холодность и недовѣрчивость и Вишневецкій объявилъ на сеймѣ, что „онъ не позволилъ ослѣпить себя подкупомъ и никогда этого не сдѣлаетъ“. (Это былъ намекъ на французскія деньги, которыя щедрыми руками раздавалъ маркизъ де Монти). Потомъ онъ совѣтовалъ, по исключеніи иностранцевъ избрать въ короли такого Поляка, который бы не зависѣлъ ни отъ одной иностранной державы и былъ бы способенъ исполнять договоры, заключенные съ сосѣдними государствами. Такъ говорилъ онъ, по словамъ журнала, доставленнаго русскимъ посланникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но Амстердамская газета, которая печатала отчетъ о засѣданіяхъ сейма, приписываетъ ему еще болѣе рѣзкія выраженія и сообщаетъ, что онъ требовалъ исключенія изъ числа кандидатовъ всѣхъ тѣхъ, которые были лишены законами въ Польшѣ правъ гражданства и объявлены подлыми. Его предложеніе поддерживалъ Сапѣга, староста мерецкій, преданный интересамъ Россіи. Князь Любомирскій, который считался самымъ краснорѣчивымъ между вельможами польскими, доказывалъ въ витіеватой рѣчи необходимость исключенія иностранцевъ, и намекалъ при этомъ, что изъ любви къ отечеству нужно устранить также и Лещинскаго.

Потомъ было постановлено, чтобы всѣ присутствующіе сенаторы и земскіе послы принесли присягу въ томъ, что не изберутъ иностранца въ короли, и чтобы никто не былъ допущенъ на сеймъ избранія, кто не захочетъ клятвенно обязаться въ томъ же. Это

постановленіе прошло съ большимъ трудомъ и приверженцы Станислава могли достигнуть своей цѣли только посредствомъ угрозъ или щедрыхъ взятокъ. Многіе послы требовали, чтобы эта присяга была отсрочена до сейма избранія; другіе не хотѣли присягать, ссылаясь на свои инструкціи. Особенное противодѣйствіе оказывали послы изъ Пруссіи, которые видѣли въ этомъ нарушеніе привилегій своей провинціи. Всего непріятнѣй было такое требованіе для тайныхъ приверженцевъ курфирста, тѣмъ болѣе, что они не дерзали откровенно говорить о своемъ расположеніи къ нему. Многіе впрочемъ сопротивлялись просто изъ привязанности къ драгоцѣнному польскому „вето“, которое вслѣдствіе присяги теряло свою силу.

Примасъ сначала не думалъ, что союзныя державы станутъ противиться вступленію на престолъ Станислава, если увидятъ, что этого желаетъ большинство польской націи. Но потомъ онъ убѣдился, что союзники рѣшатся на все, чтобы удалить тестя французскаго короля. Ему хотѣлось обезпечить себя и свое отечество въ случаѣ неожиданнаго вступленія въ Польшу союзныхъ войскъ, которое было бы очень опасно, потому что при отсутствіи центральной власти во время междуцарствія, было очень затруднительно собрать противъ нихъ достаточныя силы. Поэтому примасъ убѣдилъ сеймъ облечь его чрезвычайной властью на время междуцарствія и сеймъ постановилъ, что „Рѣчь Посполитая хочетъ содержать договоры съ сосѣдними государствами, и обяжетъ своего короля къ тому же. А если бы кто изъ сосѣдей не захотѣлъ содержать взаимной дружбы и договоровъ постановленныхъ съ нею, но нарушилъ ихъ подъ какимъ-либо предлогомъ, и ввелъ войско въ Польшу или въ при-

соединенныя къ ней провинціи (т. е. въ Курляндію), то она обязуетъ примаса издать универсалы на посполитое рушеніе, и просить субсидій у чужестранныхъ державъ.“ Потомъ было поручено казначеямъ коронному и литовскому слушаться приказаній примаса. Коронный казначей Оссолинскій обратилъ при этомъ вниманіе сейма на дурное состояніе польскихъ финансовъ, такъ какъ онъ въ короткое время долженъ былъ истратить 600,000 злотыхъ: 160,000 онъ долженъ былъ, по приказанію покойнаго короля, взять изъ денегъ, назначенныхъ для войска, и употребить на поправки краковскаго замка; 180,000 истрачены на различныя посольства; на содержаніе гран-мушкетеровъ, выходитъ въ мѣсяцъ 30,000 зл., не считая обмундировки, да 30,000 зл. будетъ стоить перевозка тѣла покойнаго короля въ Краковъ.

Иногда случалось, что примасъ провозгласитъ на полѣ избранія одного кандидата королемъ, а какой-нибудь епископъ, принадлежащій къ враждебной партіи провозгласитъ другаго. Поэтому было постановлено, что тотъ, кто провозгласитъ короля безъ согласія чиновъ, будетъ признанъ за врага отечества, и епископы должны были обязаться клятвой, что они въ случаѣ разногласія между избирателями не присвоятъ себѣ права принадлежащаго примасу и никого не провозгласятъ королемъ.

А чтобы отнять возможность у честолюбивыхъ и предпріимчивыхъ вельможъ, подобно Любомирскому, своими происками мѣшать Станиславу вступить на престолъ, то было запрещено собирать войска подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и постановлено, что противъ того изъ иностранныхъ государей или изъ обывателей польскихъ, который бы вздумалъ съ помощью конфедерацій силой взойти на престолъ—возстать всему государству. Примасъ зналъ, что всѣ эти постановленія, направленныя прямо противъ сосѣднихъ государей будутъ имъ весьма непріятны; и желая загладить чѣмъ-нибудь въ ихъ глазахъ свое поведеніе, постановилъ на сеймѣ, чтобы были возобновлены съ ними переговоры для окончательнаго устраненія всѣхъ недоразумѣній.

Много споровъ возбудило на сеймѣ дѣло о краковскомъ гарнизонѣ. Любомирскій пріѣхалъ въ Варшаву раздраженный неуспѣхомъ своего предпріятія, которое повредило ему очень въ глазахъ польскаго народа, потому что преждевременно открыло его честолюбивые замыслы. Онъ жаловался Левенвольду на Литвиновъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что его конфедерація не удалась. Если бы они въ тоже время, говорилъ онъ, составили нѣсколько конфедерацій въ Литвѣ, какъ было условлено, то его предпріятіе имѣло бы гораздо лучшій успѣхъ. Онъ требовалъ на сеймѣ, чтобы ему было передано начальство надъ Кракывымъ, согласно древнему обычаю, по которому воевода долженъ былъ охранять этотъ городъ во время междуцарствія. Но враги его хотѣли занять Краковъ коронымъ войскомъ, стоявшимъ подъ начальствомъ Понятовскаго, приверженца Станиславова. Нѣкоторые вельможи вступились за Любомирскаго, самъ примасъ принялъ для виду его сторону. Наконецъ дѣло было улажено къ удовольствію Любомирскаго, ему былъ порученъ надзоръ надъ городомъ; но гарнизонъ краковскаго замка, состоявшій изъ ста человѣкъ былъ умноженъ еще на 200 солдатъ, которые получали жалованье отъ Рѣчи Посполитой. Старосту краковскаго обязали передать замокъ съ регаліями только законно избранному королю.

Начало избирательнаго сейма было назначено на 25-е августа, и избраніе должно было производиться посполитымъ рушеніемъ, т. е. не посредствомъ депутатовъ отъ воеводства, а посредствомъ поголовнаго собранія всѣхъ шляхтичей. Только за жителями Пруссіи сохранили древнее право являться на сеймъ избранія не поголовно (viritim), а присылать депутатовъ. Кромѣ того воеводствамъ пограничнымъ, краковскому, волынскому, кіевскому и другимъ было позволено согласно съ ихъ привилегіями не принимать участія въ посполитомъ рушеніи, за то они должны были охранять польскія границы въ случаѣ враждебнаго нападенія; литовскому шляхетству было предоставлено рѣшить на своихъсеймикахъ вопросъобъ избраніи: производить ли его посредствомъ посполитаго рушенія или посредствомъ депутатовъ. Это послѣднее постановленіе было вѣроятно дѣломъ примаса. Онъ ожидалъ, что черезъ нѣсколько времени сдѣлаются совершенно извѣстными намѣренія русскаго правительства относительно польскаго вопроса; если бы они оказались враждебными, и русскія войска вступили въ Литву, то литовская шляхта могла бы сѣсть противъ нихъ на коня, а въ это время можно бы было избрать Станислава въ короли посредствомъ депутатовъ.

Было постановлено, чтобы воеводства отправляющіяся на поле избранія соблюдали строгій порядокъ на дорогѣ, за все платили по соглашенію съ продавцами. Сенаторы и вельможы должны были также идти каждый съ своимъ дворомъ, безъ лишнихъ людей, на собственномъ иждивеніи и только подъ самой Варшавой имъ и полковникамъ воеводствъ дозволялось развернуть знамена. Дворъ примаса освобождался отъ посполитаго рушенія.

Въ одномъ изъ своихъ постановленій, сеймъ поручалъ примасу стараться, чтобы папа причислилъ къ лику святыхъ нѣкоторыхъ праведниковъ и чудотворцевъ польскихъ, Іосифа Каласанція, учредителя школы Піаристовъ, Іоанна Канція, Нарбурта, Кунигунду, Анну Омѣцинскую и другихъ, всего 12 человѣкъ.

Послѣднія два засѣданія были самыя бурныя, потому что сенаторы и земскіе послы должны были въ это время принести присягу и подписать актъ конфедераціи. Мы представимъ краткое содержаніе этихъ засѣданій, основываясь не на оффиціальномъ журналѣ сейма, который Левенвольдъ приказалъ списать и отослалъ въ Петербургъ, но на тайномъ, который ему доставилъ одинъ изъ приверженцевъ Россіи и который онъ приложилъ къ своей реляціи отъ 27-го мая. Этотъ тайный журналъ отличается отъ оффиціальнаго большею связностью разсказа и сообщаетъ нѣкоторыя интересныя подробности.

Въ 19-мъ засѣданіи было предложено приступить къ клятвенному подтвержденію всѣхъ статей конфедераціи. Но многіе сенаторы и послы не соглашались на присягу. Тогда примасъ приказалъ вечеромъ того же дня вычеркнуть изъ конфедераціоннаго акта ту статью, которая обязывала присягающихъ не брать взятокъ ни съ кого изъ соискателей, а ночью его приверженцы ходили по домамъ тѣхъ, которые противились присягѣ и угрозами и деньгами склонили ихъ на свою сторону. На другой день рано утромъ, когда еще не вся палата была въ сборѣ, примасъ отправился туда въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, началъ перечитывать актъ конфедераціи и когда дошелъ до статьи, исключавшей иностранныхъ кандидатовъ отъ короны, то взялъ распятіе въ лѣвую руку, правую

поднялъ къ небу и началъ присягать. Одинъ изъ прусскихъ пословъ прервалъ его словомъ „вето“. Тогда приверженцы примаса кинулись на него, стащили его съ скамьи, на которой онъ сидѣлъ, схватились за сабли, осыпали его бранью, грозили, что выбросятъ изъ окна или изрубятъ въ куски, и онъ бы не ушелъ отъ нихъ, если бы его не спасли его товарищи прусскіе депутаты. Всѣ противники примаса замолкли, только одинъ посолъ, по имени Сускій, кричалъ громко: гдѣ же наша свобода, которую намъ Богъ далъ, и которой хотятъ лишить насъ наши собратьи. Но не смотря на его протестъ примасъ кончилъ присягу и его примѣру послѣдовали прочіе епископы и сенаторы. Краковскій епископъ Липскій, главный приверженецъ курфирста саксонскаго, хитростью вывернулся изъ затруднительнаго положенія; приступая къ присягѣ, онъ объявилъ, что дѣлаетъ это съ условіемъ, чтобы всѣ воеводства и повѣты сдѣлали то же самое; окружавшіе его не тотчасъ поняли смыслъ этой оговорки, которая дѣлала его присягу недѣйствительной; а потомъ уже было поздно. Нѣкоторые епископы присягнули безъ всякой оговорки. Вармійскій епископъ вставилъ выраженіе: „съ сохраненіемъ привилегій провинціи прусской“; его примѣру послѣдовали сановники прусскіе, воевода кульмскій и кастелянъ эльбингскій.

Епископы познанскій и куявскій и воевода подляшскій Сапѣга преданный курфирсту, желали избѣгнуть присяги и остались дома; но за ними послали депутацію изъ сенатской палаты и заставили прійти туда. Первый долго отказывался отъ присяги, наконецъ согласился и обратился къ примасу съ словами; какъ агнца невиннаго меня влекутъ къ побоищу.“ (Agnus innocens ducor ad victimam). Епископъ куявскій притворился больнымъ и слегъ въ постель, но ему объявили, что его понесутъ на сеймъ вмѣстѣ съ постелью. Епископъ убѣдился, что его хитрость не удалась и уступилъ силѣ.

Всего труднѣе было склонить къ присягѣ Сапѣгу, человѣка рѣшительнаго и не скрывавшаго своей преданности къ курфирсту. Онъ сѣлъ на свое мѣсто и объявилъ, что не станетъ присягать. Не было бранныхъ словъ, говоритъ журналъ сейма, которыя бы не посыпались на него: ему грозили даже смертью; но онъ обнажилъ грудь свою и объявилъ, что онъ готовъ вынести смертный ударъ. Нѣкоторые изъ вельможъ освободили его и ему дали отдохнуть. Но черезъ нѣсколько времени къ нему снова пристали. Его повлекли въ средину залы и принуждали присягать, тогда онъ поднялъ пальцы къ небу и громко воскликнулъ: клянусь честью моей, что не изберу никого кромѣ Поляка, но призываю Бога въ свидѣтели, что эта присяга вынуждена силой. Тогда стали его называть врагомъ отечества, снова грозили смертью. Нѣкоторые кричали, что въ немъ сидитъ саксонскій демонъ, котораго нужно вырвать у него изъ сердца; другіе говорили, что всякій честный патріотъ долженъ изрубить въ куски и выбросить его изъ окна; сынъ кастеляна черскаго молодой человѣкъ называлъ его, какъ говорится въ журналѣ самыми оскорбительными словами, которыя только можно сказать о Полякѣ. Наконецъ, чтобы спасти свою жизнь, онъ произнесъ полную присягу, но опять съ оговоркой; онъ объявилъ при этомъ, что вовсе не думаетъ стоять за иностраннаго кандидата, но что легкость, съ которой всѣ соглашаются на присягу, заставляетъ его подозрѣвать, что ее не станутъ соблюдать, когда прійдетъ время.

Послѣ сенаторовъ принесли присягу министры и сановники, потомъ маршалъ Массальскій и за нимъ земскіе послы. Многіе изъ послѣднихъ, особенно изъ Ленчицы, изъ Мазовіи, изъ Литвы и изъ Пруссіи присягали неохотно. Они говорили, что на сеймикахъ ихъ уже обязали присягой стоять за вольное избраніе а эта новая присяга прямо противорѣчитъ первой. Посмотримъ, говорили они, какъ на эту присягу станутъ смотрѣть наши повѣты и что изъ всего этого выйдетъ.

23-го мая маршалъ Массальскій открылъ 21-е и послѣднее засѣданіе рѣчью, въ которой онъ сравнивалъ сеймъ съ кораблемъ, послѣ долгаго крушенія стремящимся войти въ гавань, и опасающимся, чтобы новыя бури не отбросили его отъ безопаснаго берега. Потомъ заставили присягать нѣсколькихъ сенаторовъ и пословъ, которые не успѣли сдѣлать этого наканунѣ; при этомъ посылали опять на домъ за тѣми, которые не хотѣли явиться сами, напримѣръ, за Браницкимъ и за Сѣраковскимъ, который только что возвратился изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ въ качествѣ польскаго посла.

Послѣ этого примасъ приказалъ внести въ палату столъ и пригласилъ присутствующихъ подписать актъ конфедераціи, не перечитывая его еще разъ, чтобы выиграть время. Но противъ этого поднялись многіе голоса, которые требовали, чтобы всѣ статьи были еще разъ прочитаны. Примасъ рѣшился тогда, по словамъ журнала, употребить хитрость, чтобы достигнуть своей цѣли. Онъ уговорилъ Массальскаго сказать рѣчь, чтобы отвлечь вниманіе своихъ противниковъ, и въ это время хотѣлъ первый подписать конфедерацію. Но его хитрость замѣтили; воевода

Ленчицкій подбѣжалъ къ нему и схватилъ его такъ крѣпко за руку, что примасъ бросилъ съ сердцемъ перо и сѣлъ на свое кресло. Послѣ долгихъ споровъ, онъ позволилъ наконецъ перечитать актъ конфедераціи. Тогда оказалось, что многія выраженія были вставлены въ конфедерацію, о которыхъ прежде не было рѣчи; такъ, напримѣръ, въ статьѣ, касавшейся кандидатовъ, послѣ словъ „природнаго Поляка“ было вставлено выраженіе „рожденнаго отъ католическихъ родителей“. А въ статьѣ, запрещавшей частнымъ лицамъ собирать войска, были вставлены слова: „чтобы такимъ образомъ силою завладѣть польскимъ престоломъ“. Тогда послышались многія жалобы противъ примаса и его сообщниковъ, которые обманомъ старались подрывать основанія польской вольности. Примасъ не отвѣчалъ на эти упреки и когда кончили читать статью конфедераціи онъ 3 раза спросилъ громкимъ голосомъ, согласенъ ли сеймъ подписать ихъ. Казалось, что всѣ дали свое согласіе, тогда онъ молча подошелъ къ столу, подписался подъ конфедераціей и ушелъ съ сейма. Послѣ него долженъ былъ подписаться епископъ краковскій, исправлявшій должность канцлера. Онъ сталъ жаловаться на то, что хотятъ отмѣнить конституцію 1717 года и подписался съ оговоркой, что недопуститъ ничего такого, что было бы противно обязанности польскаго министра (salvo ministerio status). Изъ тѣхъ, которые подписались послѣ него, многіе также подписались съ оговоркой: одни выговаривали себѣ право свободной подачи голосовъ на полѣ избранія (salva libera electione), а другіе прямо протестовали противъ насилій, которымъ они подвергались на сеймѣ (cum protestatione de oppressione liberae vocis.

Когда примасъ узналъ, что оговорокъ было такъ много, что изъ нихъ составился цѣлый манифестъ, онъ приказалъ многія изъ нихъ просто вычеркнуть и убѣдилъ короннаго маршалка какъ перваго министра и маршала Массальскаго какъ предсѣдателя земской палаты, чтобы они не допускали такого рода подписей. Тогда многіе послы уѣхали, не подписавшись, съ твердымъ намѣреніемъ протестовать противъ всего, что было сдѣлано на сеймѣ. Даже воевода кіевскій, родственникъ примаса подписался съ оговоркой: „сохраняя себѣ право свободнаго избранія“ (salva libera electione); онъ былъ вѣроятно оскорбленъ тѣмъ, что примасъ вставилъ въ конфедерацію выраженіе: „всякій кто будетъ домогаться силой взойти на польскій престолъ будетъ сочтенъ за врага отечества“. Изъ этого было ясно видно, что примасъ старался заградить каждому путь къ престолу, исключая Станислава Лещинскаго.

До 8 часовъ утра продолжали собирать подписи, а въ это время епископъ куявскій распустилъ сеймъ за отсутствующаго примаса. Все собраніе отправилось въ церковъ св. Іоанна, тамъ отслужили благодарственный молебенъ за успѣшное окончаніе сейма и шестью пушечными выстрѣлами извѣстили городъ объ этомъ радостномъ событіи.

ГЛАВА VIII.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПОЛЬШУ ОБЕРШТАЛМЕЙСТЕРА ЛЕВЕНВОЛЬДА.

По смерти Августа II, примасъ отправилъ къ главнымъ европейскимъ дворамъ особенныхъ пословъ съ извѣстіемъ, или какъ тогда говорилось съ нотификаціей о смерти короля. Подобныя поѣздки были въ то время очень выгодны, особенно поѣздки въ Россію и поэтому канцлеръ Липскій старался, чтобы къ русскому двору былъ назначенъ его родственникъ коронный регентъ Липскій. Ему удалось это устроить, но какъ онъ разсказывалъ Левенвольду, протекція, оказанная имъ бѣдному родственнику, стоила ему не дешево. Онъ подарилъ примасу дорогой серебреный поднось или вѣрнѣе сказать серебреную плитку, которою по обычаю того времени покрывали столъ*).

Посолъ Липскій прибылъ въ Петербургъ въ началѣ апрѣля и былъ принятъ очень хорошо. Во первыхъ потому, что канцлеръ польскій, преданный интересамъ Россіи на сколько это позволяли его собственные интересы, просилъ за него, а кромѣ того онъ самъ былъ уже извѣстенъ петербургскому двору, потому что принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые въ

*) Ein kostbares Tafelsurtout.

© ГПБ СОРАН

1732 году расторгли сеймъ по внушенію русскаго посланника. По вѣчному миру, заключенному между Россіей и Польшей было постановлено, чтобы каждое изъ этихъ государствъ содержало на свой счетъ пословъ, присланныхъ къ нему изъ другаго. Такимъ образомъ простой посолъ польскій долженъ былъ получать въ Россіи по 50 рублей въ недѣлю, а чрезвычайный посолъ по 400. Но относительно Липскаго не соблюдали установленнаго договоромъ. Ему отвели великолѣпную квартиру, два раза дали по 2,000 рублей, потомъ при отъѣздѣ подарили еще 6,000, да на дорогу дали 1,000, всего же истратили на него 13,091 рубль. Липскому такъ понравилось въ Россіи, что онъ остался въ Петербургѣ до 21-го іюня, когда уже находился въ дорогѣ новый польскій посолъ, присланный съ другимъ извѣстіемъ. 5-го апрѣля была назначена Липскому аудіенція у императрицы. Къ нему пріѣхалъ президентъ коммерцъ-коллегіи князь Щербатовъ съ царскими каретами. Посолъ принялъ князя на крыльцѣ и ввелъ его въ свои комнаты. Посидѣвши не много, они отправились во дворецъ. Впереди ѣхала въ двухъ каретахъ свита посла, въ третьей сидѣлъ самъ посолъ на правой сторонѣ, а Щербатовъ на лѣвой. Близъ дверей большой залы во дворцѣ встрѣтили ихъ 2 каммеръ-юнкера, а въ срединѣ залы гофъ-маршалъ Шепелевъ, который проводилъ ихъ до аудіенцантикамеры. Здѣсь принялъ посла обер-гофмаршалъ графъ фонъ-Левенвольдъ и проводилъ его до аудіенцзалы. Въ этой залѣ стояла подъ богатоукрашеннымъ балдахиномъ императрица Анна, съ императорскими регаліями, окруженная знатными сановниками, статскими и военными. Пройдя нѣсколько шаговъ, посолъ поклонился въ первый разъ, въ средиnѣ залы во второй разъ, а у престола въ третій разъ. Потомъ онъ сказалъ рѣчь на польскомъ языкѣ, которая начиналась слѣдующими словами: (въ переводѣ поданномъ императрицѣ) „О явственной всему свѣту величествамъ же въ дружбѣ обрѣтающимся сожалѣтельной пресвѣтлѣйшаго Августа II короля польскаго смерти не хощу уже словесно распространять; но токмо сожалѣніе вѣчно неумолчиваемое о томъ добромъ и мужественномъ государѣ, въ сердцахъ вѣрныхъ Поляковъ оставшее, никакими словы неисповѣдимое, предъявляя,„и т. д.“ Въ продолженіи своей рѣчи, онъ увѣрялъ, что Польша намѣрена сохранять неразрывную дружбу съ Россіей и надѣется на высокодушіе и милосердіе императрицы къ осиротѣвшей и находящейся въ печали Рѣчи Посполитой. За тѣмъ онъ подалъ грамоту отъ примаса и Рѣчи Посполитой. Ему отвѣтилъ по-русски вице-канцлеръ Остерманъ и объявилъ, что Ея Императорское Величество сожалѣетъ о смерти польскаго короля и желаетъ, чтобъ эта потеря была вознаграждена новымъ избраніемъ такаго короля, который былъ бы способенъ сохранять права и вольности своего отечества и былъ бы склоненъ жить въ необходимомъ добромъ согласіи съ своими сосѣдями. Послѣ того посолъ и его свита были допущены къ рукѣ императрицы и потомъ посолъ вышелъ изъ залы, поклонившись какъ при входѣ три раза.

Болѣе важныя послѣдствія повлекло за собой отправленіе въ Польшу изъ Россіи оберштальмейстера Левенвольда. Младшій братъ его, каммергеръ Левенвольдъ, жившій посломъ въ Варшавѣ не пользовался совершеннымъ довѣріемъ русскаго кабинета, или потому, что онъ находился прежде на службѣ у императора и сохранилъ связи съ вѣнскимъ дворомъ, или потому что

способности соразмѣряли съ чиномъ и ему боялись дать полномочіе въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Какъ бы то ни было, ему не дали изъ Петербурга знать о содержаніи договора, заключеннаго его братомъ въ концѣ 1732 года, и о намѣреніи союзныхъ державъ возвести на польскій престолъ инфанта Дона-Эммануила. Младшій Левенвольдъ узналъ объ этомъ уже изъ рескрипта вѣнскаго двора къ своему послу въ Варшавѣ, и это недовѣріе его очень огорчило. По крайней мѣрѣ онъ жалуется на это и на холодность къ нему обергофмаршала Левенвольда, любимца императрицы Анны, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ оберштальмейстеру, съ которымъ онъ былъ откровеннѣе. Русскому кабинету хотѣлось имѣть въ Варшавѣ человѣка, которому онъ могъ дать совершенное полномочіе, но вызвать каммергера изъ Польши было невозможно, потому что онъ жилъ тамъ уже два года и очень хорошо зналъ состояніе Польши и взаимныя отношенія ея вельможъ. Отправить же къ нему на помощь другое лице съ болѣе обширнымъ полномочіемъ было бы опасно, потому что зависть, которая бы возникла между обоими послами могла повредить общему дѣлу. Поэтому въ Петербургѣ рѣшили поручить трудное дѣло посольства брату каммергера, оберштальмейстеру, который при томъ во время своего двукратнаго путешествія за границу успѣлъ познакомиться съ политикой австрійской и прусской. Положеніе русскаго посла въ Варшавѣ было потому особенно щекотливо, что кабинетъ его еще ни на чемъ не остановился. Русскій кабинетъ желалъ только одного, воспрепятствовать Лещинскому или другому французскому кандидату взойти на престолъ; но онъ еще не имѣлъ своего кандидата. Вѣнскій дворъ

молчалъ объ инфантѣ португальскомъ и держалъ его какъ бы въ запасѣ; другаго кандидата еще не имѣли въ виду и Россія не могла объявить себя ни за кого, не согласившись прежде съ своими союзниками. А потому русскій посланникъ въ Варшавѣ долженъ былъ вести себя осторожно. Онъ не долженъ былъ выражать своего нерасположенія ни противъ кого изъ пястовъ, желавшихъ взойти на престолъ, но каждаго изъ нихъ обнадеживать въ милости и благосклонности къ нему русской императрицы.

Левенвольду было дано самое обширное полномочіе, которое когда-либо предоставлялось русскому посланнику. Миръ или война съ Польшей зависѣли отъ его благоусмотрѣнія. Въ его инструкціяхъ было сказано, что Ея И. В. никогда и никакимъ образомъ допустить не можетъ, чтобы Станиславъ или какой-нибудь другой отъ Франціи зависящій кандидатъ былъ возведенъ на польскій престолъ. Относительно избранія новаго короля онъ долженъ былъ руководствоваться договорами, заключенными между Россіей, Австріей и Пруссіей на тотъ случай. Если бы приверженцы Франціи одолѣли, и для устраненія Станислава нужно бы было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, оберштальмейстеру предоставлялось право вступить въ немедленное соглашеніе съ посланниками союзныхъ державъ, чтобы всякими способами предупредить вредныя для нихъ послѣдствія. „А такъ какъ, говорилось въ инструкціи, все зависитъ отъ времени, то генералу, командующему 30,000 корпусомъ русскихъ войскъ, стоящимъ на польскихъ границахъ, данъ указъ по первому отъ господина графа полученному письму безъ дальнѣйшаго о томъ сношенія съ кабинетомъ въ Польшу вступить и сово-

купно съ войсками союзниковъ или отдѣльно, смотря по обстоятельствамъ, тамъ дѣйствовать, и во всемъ по его господина графа диспозиціи и учрежденіямъ поступать". Что касается до недоразумѣній и обоюдныхъ притязаній, возникшихъ между обоими государствами, то оберштальмейстеру поручалось не вступать ни въ какіе объ нихъ переговоры, чтобы не раздражать вельможъ противъ Россіи, а доказывать только въ общихъ выраженіяхъ, что не Польшу, а Россію нужно считать обиженной стороной. Относительно Курляндіи стараться отклонить чины польскіе отъ ихъ намѣренія присоединить эту страну къ Польшѣ, а также убѣдить новаго короля, чтобы онъ согласился признать самостоятельность этого герцогства. При заключеніи капитуляцій или договоровъ между чинами польскими и ихъ королемъ, смотрѣть, чтобы были возобновлены, всѣ права, предоставленныя людямъ греческаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ вѣчнымъ миромъ, заключеннымъ между этой страной и Россіей.

Съ Левенвольдомъ, который долженъ былъ жить въ Варшавѣ съ блескомъ достойнымъ представителя Россіи въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, была отправлена многочисленная свита и 60 драгунъ, которые должны были служить ему почетнымъ карауломъ. Но вслѣдствіе этого онъ ѣхалъ такъ медленно, что прибылъ въ Варшаву въ концѣ апрѣля стараго стиля, хотя инструкція его подписана 28-го февраля. Особенно много времени потерялъ онъ въ Ригѣ при переправѣ черезъ Двину. Примасъ, узнавъ, что русскій посолъ ѣдетъ съ такой многочисленной свитой, не приказалъ пропускать черезъ литовскую границу русскихъ драгуновъ. Левенвольдъ былъ извѣщенъ объ этомъ намѣреніи примаса, барономъ Корфомъ

изъ Митавы, который вмѣстѣ съ другими курляндцами вступилъ въ русскую службу, когда герцогиня Анна сдѣлалась императрицей. Левенвольдъ уже хотѣлъ оставить свою свиту на границѣ, но его младшій братъ уговорилъ примаса отказаться отъ своего намѣренія и впустить русскій конвой въ Польшу. Примасъ просилъ только, чтобы оберштальмейстеръ не въѣзжалъ въ Варшаву слишкомъ торжественно и приказалъ бы русскимъ солдатамъ войти въ городъ не толпой, а незамѣтно, не возбуждая подозрѣнія жителей.

Въ то время въ жизни дипломатовъ играли большую роль заботы объ этикетѣ, о рангѣ и т. п. Особенно много затрудненій встрѣчали на своемъ поприщѣ русскіе дипломаты, потому что тогда не всѣ еще европейскіе дворы признали императорскій титулъ за русскими государями. Русскіе послы должны были быть очень осторожны, чтобы не ошибиться въ дѣлѣ ранга, не сдѣлать перваго визита, кому не слѣдовало. Чтобы избѣгнуть всякихъ столкновеній, которыя могли бы повредить достоинству русской дипломатіи, оберштальмейстеру были даны три кредитива, одинъ безъ „посольскаго характера", т. е. Левенвольдъ могъ жить въ Польшѣ просто въ чинѣ оберштальмейстера русскаго двора, другой кредитивъ давалъ ему характеръ полномочнаго посла, а третій — чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Левенвольдъ особенно боялся столкновенія съ французскимъ посломъ, маркизомъ де Монти, который былъ акредитованъ въ чинѣ чрезвычайнаго посла и въ качествѣ такого не уступилъ бы ему первенства. Поэтому Левенвольдъ предпочелъ выдать себя просто за оберштальмейстера; въ такомъ случаѣ всѣ послы должны были ему уступить пер-

венство ради его высокаго придворнаго чина. Такъ какъ грамота русскаго двора отъ 24 февраля, не была подана посланниками союзныхъ державъ, то оберштальмейстеръ счелъ за нужное прежде всего прямо объявить примасу и собравшемуся сейму, что Россія и ея союзники ни за что не допустятъ Лещинскаго до польскаго престола. Поэтому онъ потребовалъ у примаса аудіенцію и уговорилъ императорскаго и прусскаго пословъ поѣхать съ нимъ вмѣстѣ и сдѣлать это объявленіе. 14 (3) мая оба Левенвольда, русскій резидентъ Голембѣвскій, прусскій посланникъ Брантъ и резидентъ Гофманъ собрались на квартирѣ графа Вилчка и оттуда поѣхали къ примасу, который принялъ ихъ одинъ безъ свидѣтелей. Графъ Вилчекъ подалъ ему латинскую декларацію, написанную имъ по инструкціямъ вѣнскаго кабинета. Вотъ ея содержаніе *): Я не ожидалъ, что грамота Е. Ц. В. присланная къ вамъ и декларація, поданная мною дадутъ поводъ къ какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ. Но какъ прежде здѣсь было напечатано ложное извѣстіе, что послы иностранныхъ державъ подали вамъ эту грамоту съ неприличными для свободнаго польскаго народа угрозами, объявляя, что союзники позволятъ избрать на польскій престолъ только такаго кандидата, который имъ нравится, такъ теперь разглашается слухъ, что высокіе дворы наши боятся союзниковъ Рѣчи Посполитой и что союзъ нашъ будетъ въ скоромъ времени расторгнутъ.

Я считаю нужнымъ объявить, что высокія державы наши не боятся Рѣчи Посполитой, но любятъ ее и поэтому не ограничиваютъ вольнаго избранія польска-

*) Recueil Historique d'Actes, Négoc. Mem. et Traités Rousset. 1735 T. IX p. 197.

го народа однимъ только лицемъ. Напротивъ того они намѣрены защищать вольности и охранять древніе уставы Рѣчи Посполитой. Богъ далъ имъ такія силы, что имъ некого бояться, но они и не пугаютъ никого по пустому, а будутъ твердо стоять на своемъ намѣреніи. Относительно слуха, что между союзными державами возникъ раздоръ и началось разъединеніе, я долженъ сказать, что онъ совершенно ложенъ. Послы союзныхъ державъ для того именно пріѣхали къ вамъ, чтобы убѣдить васъ въ продолжающемся полномъ согласіи ихъ высокихъ дворовъ и въ неизмѣнномъ намѣреніи ихъ защищать польскую вольность.

Въ то время какъ посолъ читалъ декларацію, примасъ слушалъ молча и только нѣсколько разъ пожималъ плечами, а потомъ сказалъ, что онъ не находитъ словъ, чтобы выразить благодарность Рѣчи Посполитой за участіе, которое Его Римско-Императорское В. принимаетъ въ ея благополучіи, и за увѣренія, что цесарь хочетъ защищать свободу избранія польскаго короля. Но сколько ему эти обнадеживанія ни пріятны, столько его однако безпокоитъ опасеніе, чтобъ не было нарушено это доброе согласіе.

Графъ Вилчекъ отвѣтилъ, что Полякамъ не подали ни малѣйшаго повода къ такому опасенію, и что они могутъ быть совершенно спокойны, если только изберутъ короля, который бы не былъ „предосудителенъ“ сосѣднимъ державамъ.

Оберштальмейстеръ объявилъ, что онъ во всемъ согласенъ съ императорскимъ посломъ и прибавилъ, что Россія ничего не требуетъ отъ Польши кромѣ сохраненія дружбы и согласія и устраненія всего, что могло бы нарушить миръ. Тогда примасъ иронически спросилъ: „для чего же въ такомъ случаѣ собрано на

границѣ 60,000 войска, и къ чему тогда ежедневные слухи и угрозы, что эти войска вступятъ въ Польшу, какъ только тамъ изберутъ кандидата, непріятнаго русскому правительству? Онъ не можетъ это иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что имъ хотятъ предписать, кого они должны избрать въ короли и силою принудить ихъ къ послушанію".

Тогда всѣ послы союзныхъ державъ потребовали отъ примаса, чтобы онъ назвалъ тѣхъ, которые имъ такимъ образомъ угрожаютъ. Примасъ отвѣтилъ, что это собственные ихъ домашніе, принадлежащіе къ ихъ свитѣ; иностранные послы спросили его тогда, неужели онъ станетъ этимъ слухамъ придавать болѣе значенія, чѣмъ увѣреніямъ, которыя они сами ему дѣлаютъ отъ имени своихъ высокихъ дворовъ. Впрочемъ, они никогда не слыхали, чтобы ихъ домашніе говорили такія рѣчи, имъ кажется, что подобные слухи распространяются неблагонамѣренными людьми изъ его соотечественниковъ. Примасъ, желая сказать колкость посламъ императрицы Анны, возразилъ на это, что Польша никогда не вмѣшивалась въ дѣла своихъ сосѣдей о престолонаслѣдіи и желаетъ только жить съ ними въ мирѣ. И въ настоящемъ случаѣ, какъ только въ Польшѣ узнали, что сосѣднія государства предпочитаютъ пяста иностранному принцу, то тотчасъ и рѣшились избрать на престолъ природнаго Поляка. Иностранные послы сказали на это, что ихъ дворы вовсе не желаютъ предписать Полякамъ, какихъ правилъ они должны держаться при избраніи короля, но совѣтуютъ имъ только не терять изъ виду своихъ собственныхъ выгодъ.

Примасъ сталъ потомъ увѣрять пословъ, что имъ нечего опасаться со стороны новаго короля; если бы

онъ былъ и не миролюбивъ, то онъ безъ позволенія Рѣчи Посполитой все-таки не могъ бы ничего сдѣлать. Рѣчь Посполитая отъ короля не зависитъ и можетъ его совершенно связать своими условіями и законами. При этомъ онъ сослался на примѣръ королей Владислава IV и Яна Казиміра. Но графъ Вилчекъ, напомнилъ ему, что Янъ Собѣскій однако освободилъ Вѣну отъ Турокъ, противъ желанія Рѣчи Посполитой. Примасъ указалъ тогда на Августа II, который не былъ въ состояніи осуществить своихъ намѣреній вредныхъ для республики. Но каммергеръ Левенвольдъ замѣтилъ ему, что эти планы рушились вслѣдствіе смерти короля, и напомнилъ ему, какъ полезно было въ то время для Польши участіе, которое принимали въ ней ея сосѣди.

Тогда примасъ сталъ бранить короля Августа, называть его хищникомъ, котораго республика за его недостойные поступки низвергла съ престола. Но послы ему замѣтили, что это было сдѣлано не республикой, а шведскимъ оружіемъ, и что Августъ по возвращеніи своемъ былъ принятъ съ радостью и всю жизнь считался законнымъ королемъ, а Станиславъ „навязанный" имъ шведскимъ оружіемъ, напротивъ того изгнанъ и объявленъ за врага отечества. Каммергеръ Левенвольдъ прибавилъ къ этому, что если Августъ былъ не законный король а хищникъ, то и примасъ не истинный примасъ, потому что въ такомъ случаѣ всѣ чины, розданные Августомъ были бы не дѣйствительны.

Примасъ, разгоряченный споромъ, не могъ болѣе скрыть своего волненія и сказалъ, что всѣ старанія союзныхъ державъ клонятся только къ тому, чтобы воспрепятствовать Станиславу взойти на престолъ,

но это было бы нарушеніемъ свободы избранія и не согласуется съ дружественными увѣреніями ихъ дворовъ.

Оберштальмейстеръ возразилъ, что онъ никого не называлъ по имени, но такъ какъ примасъ самъ явно сказалъ, что Поляки хотятъ избрать Станислава, то онъ долженъ ему замѣтить, что не произволъ сосѣднихъ дворовъ, но польскія конституціи лишаютъ Станислава возможности вступить на престолъ. Притомъ свобода избранія, о которой примасъ такъ хлопочетъ, плохо соблюдается, ибо Рѣчь Посполитая позволяетъ Франціи назначить себѣ короля, такъ какъ послѣдняя держава прямо объявила, что допуститъ до польскаго престола только одного Лещинскаго.

Графъ Вилчекъ вынулъ въ продолженіи разговора изъ кармана письмо отъ цесарскаго резидента въ Константинополѣ, въ которомъ тотъ писалъ, что французскій посолъ старается склонить Порту на сторону Станислава, доказывая, что послѣдній былъ всегда другомъ Франціи и Турціи, и поэтому можетъ ей служить оплотомъ противъ ея сосѣдей. Но примасъ отвѣчалъ, что слухамъ такимъ нельзя вѣрить.

Примасъ продолжалъ говорить о томъ, что свободное избраніе короля составляетъ основаніе польскаго государственнаго устройства, и что Рѣчь Посполитая не позволитъ нарушить его. Тогда австрійскій резидентъ Киннернъ спросилъ его: въ какомъ положеніи находилась эта свобода избранія въ то время, когда турецкій султанъ Амуратъ грозилъ Польшѣ войной, если она изберетъ австрійскаго эрцгерцога, и когда Польша, устрашенная этимъ, избрала въ короли Стефана Баторія? А каммергеръ Левенвольдъ прибавилъ, что онъ читалъ, какъ Порта предлагала тогда избрать

въ короли архіепископа гнезненскаго. Примасъ засмѣялся и сказалъ: „дай Богъ, чтобы меня сдѣлали королемъ. Послы сочли за долгъ также засмѣяться и сказать, что въ такомъ случаѣ ихъ высокіе дворы были бы совершенно довольны.

Но не смотря на эти шутки, разговоръ принялъ скоро опять серьозный тонъ. Младшій Левенвольдъ сказалъ, что если по словамъ примаса Францію нельзя осудить въ томъ, что она принимаетъ участіе въ Станиславѣ какъ въ лицѣ родственномъ и близкомъ ея королю, то нельзя также обвинять Россію и ея союзниковъ, если они ради своихъ интересовъ и интересовъ самой Польши стараются исключить Лещинскаго изъ числа кандидатовъ. Примасъ не могъ болѣе сдерживать своего гнѣва и объявилъ, что чѣмъ болѣе союзники будутъ оказывать противодѣйствіе Станиславу, тѣмъ болѣе они будутъ ему способствовать взойти на престолъ, ибо Поляки не позволятъ ограничить себя въ свободѣ избранія, но надѣясь на Бога, ничего не опасаются.

Тогда и оберштальмейстеръ рѣшился возвысить тонъ. Онъ сказалъ, что неблагонамѣренные люди всегда старались выставить въ ложномъ свѣтѣ намѣренія императрицы относительно Польши; такъ было въ 1727 году, когда они распустили слухъ, что русскія войска заняли Курляндію, такъ и теперь; они стараются увѣрить народъ, что Россія имѣетъ самые враждебныя намѣренія противъ Польши. Ея И. В. дѣйствительно дружески расположена къ Рѣчи Посполитой, и готова защищать ее противъ всѣхъ враговъ. Но точно также она „не привыкла дѣлать съ своимъ войскомъ пустую тревогу, и если всѣ разумныя представленія останутся безплодными, то она найдетъ

средство наказать своихъ враговъ и предпринять дѣйствительныя мѣры къ содержанію общей тишины. Онъ долженъ просить не представлять польскому народу эти намѣренія въ превратномъ видѣ. Въ противномъ случаѣ онъ самъ станетъ разглашать истину по всему городу и объявлять ее знатнымъ и незнатнымъ".

Примасъ проводилъ ихъ до дверей и все твердилъ, что Поляки отъ правъ своихъ отступить не могутъ, и отворяя посламъ дверь, сказалъ на прощаніе: „Утѣсняйте меня страхомъ, но не боюся; если Богъ за насъ, кто противу насъ."

Прусскій посолъ все еще не знавшій о намѣреніяхъ своего короля, молчалъ въ продолженіе всей конференціи и только подъ конецъ, когда графъ Вилчекъ замѣтилъ примасу, что Пруссія не отстаетъ ни въ чемъ отъ своихъ союзниковъ, онъ подтвердилъ слова императорскаго посла.

Примасу чрезвычайно хотѣлось избавиться отъ пословъ союзныхъ державъ: онъ воспользовался стариннымъ польскимъ постановленіемъ, по которому всѣ иностранные послы должны были уѣзжать изъ Варшавы во время избранія короля, но которое давно уже было забыто, и представилъ его на обсужденіе сейма. Сеймъ тотчасъ подтвердилъ его и 19 мая отправилъ чиновника изъ департамента короннаго маршалка къ Левенвольдамъ съ объявленіемъ, чтобы они во время избранія короля удалились на двѣ недѣли, хотя на разстояніе 6 миль отъ Варшавы. Старшій Левенвольдъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, будетъ ли онъ въ Варшавѣ во время избранія, но если онъ останется до того времени, то весьма сожалѣетъ, что не поступитъ по ихъ законамъ, такъ какъ безъ именнаго повелѣнія своей императрицы не отлучится отъ Варшавы не только на 6 миль, но даже и на два шага. Польскіе уставы и учрежденія ему не извѣстны, и онъ присланъ не для того, чтобы повиноваться имъ, особенно если они противны международному праву.

На другой день, то же предостереженіе было послано къ императорскому послу. Но посолъ уже былъ предупрежденъ Левенвольдомъ и поэтому приготовилъ болѣе спокойный и замысловатый отвѣтъ. Онъ сказалъ посланному, что онъ какъ престарѣлый человѣкъ не можетъ надѣяться на свою память, подобно примасу, который иногда такъ же не знаетъ, какіе издаетъ указы, а потому проситъ, чтобы объявленіе это сдѣлали ему письменно, и что тогда онъ отправитъ его къ своему императору и будетъ ожидать его повелѣній, до тѣхъ же поръ онъ не сдѣлаетъ ни шагу. Какъ императорскій посолъ, онъ не покорится никакимъ чужестраннымъ уставамъ; притомъ онъ считаетъ себя довольно безопаснымъ въ Варшавѣ, хотя его охраняетъ и малочисленный караулъ, всего изъ 30 человѣкъ; если же его заставятъ выѣхать изъ города, то ему трудно будетъ найти другое безопасное мѣсто въ Польшѣ; развѣ императоръ увеличитъ его караулъ на 30,000 солдатъ. Присланный отъ короннаго маршалка объявилъ графу, чтобъ онъ не тревожился, подчинился старинному польскому обычаю и не смотрѣлъ на объявленіе, какъ на личное для себя оскорбленіе. Посолъ отвѣтилъ, что этотъ обычай ведетъ свое начало съ варварскихъ временъ и давно не соблюдается и слѣдовало бы надѣяться, что онъ будетъ совершенно уничтоженъ.

Когда оберштальмейстеръ прибылъ въ Варшаву, то польскіе и литовскіе вельможи окружили его съ большимъ любопытствомъ. Всякому хотѣлось знать, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ, кого будетъ представлять въ кан-

дидаты отъ имени русской императрицы. Одинъ изъ первыхъ пріѣхавшихъ къ нему съ визитомъ былъ князь Любомирскій, воевода краковскій. Этотъ хитрый вельможа, не надѣявшійся на свои собственныя средства, всѣми силами старался о томъ, чтобы союзные дворы избрали его своимъ кандидатомъ. Ловкость его особенно обнаруживается въ его разговорахъ съ русскимъ уполномоченнымъ, котораго онъ старался увѣрить, что партія Станислава не опасна, потому что польскій народъ убѣдился въ невозможности возвести его на престолъ, при нерасположеніи къ нему союзныхъ дворовъ. О курфирстѣ онъ сказалъ, что онъ имѣетъ мало надежды вступить на престолъ, потому что весь народъ боится его. Потомъ Любомирскій началъ говорить о себѣ, о своей преданности къ Россіи; напомнилъ о томъ, что онъ составилъ конфедерацію по первому приглашенію, а если это будетъ нужно, то тотчасъ составитъ другую. Онъ искусно навелъ разговоръ на вопросъ курляндскій, который особенно интересовалъ русскій кабинетъ, и объявилъ, что всегда былъ противъ всякихъ перемѣнъ въ управленіи этимъ герцогствомъ. Раньше всѣхъ другихъ вельможъ пріѣхалъ къ Левенвольду молодой конюшій литовскій, князь Радзивилъ и привезъ ему поклонъ отъ своего зятя, регимента литовскаго. Князь Вишневецкій извинялся, что по болѣзни не могъ самъ пріѣхать и просилъ русскаго уполномоченнаго, увѣдомить императрицу о его непоколебимой преданности ея интересамъ и о его нерасположеніи къ Станиславу. Радзивилъ разсказывалъ, что на одной конференціи, зять его прямо объявилъ примасу, что никогда не допуститъ Станислава до польскаго престола. Примасъ спросилъ его съ насмѣшкой: не сдѣлался ли онъ уже Москвитяни-

номъ? Вишневецкій отвѣтилъ, что онъ не Москвитянинъ, а Полякъ, который любитъ свое отечество и радѣетъ о его благополучіи; притомъ онъ уже старъ, можетъ-быть не долго проживетъ, и не хочетъ видѣть свои имѣнія разоренными и своихъ малолѣтныхъ дѣтей въ несчастіи, поэтому поведетъ противъ Станислава всю литовскую армію и не позволитъ ему утвердиться на престолѣ. При этомъ Радзивилъ увѣрялъ Левенвольда также въ своей преданности, и сталъ просить, чтобы русскія войска, если они будутъ принуждены вступить въ Польшу, пощадили его имѣнія и имѣнія его родственниковъ. Левенвольдъ обѣщалъ это въ томъ случаѣ, если князь оправдаетъ свои обѣщанія и останется до конца вѣрнымъ Россіи. Радзивилъ снова разсыпался въ удостовѣреніяхъ своей неизмѣнной преданности.

Оберштальмейстеръ прожилъ въ Варшавѣ около мѣсяца, но успѣлъ въ это короткое время составить себѣ ясное понятіе о положеніи польскихъ дѣлъ. Онъ убѣдился, что партія Станислава росла съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе щедротъ французскаго двора, и съ каждымъ днемъ пріобрѣтала больше бодрости и самонадѣянности вслѣдствіе слуховъ, распространяемыхъ въ народѣ примасомъ и Чарторижскими.

Они увѣряли народъ, что союзные дворы не помѣшаютъ вступленію Станислава на престолъ; ибо Пруссія уже отстала отъ союза; Россія также не захочетъ довести дѣло до войны; а Австрія безъ союзниковъ ничего не можетъ сдѣлать. Притомъ Польша можетъ разсчитывать на помощь Франціи и ея союзниковъ. Въ Швеціи, которая получаетъ отъ Франціи субсидіи, приготовлено 12,000 чел. войска, чтобы по первому приказанію явиться на устьѣ Вислы. Турція

при первомъ вступленіи русскихъ или императорскихъ войскъ въ предѣлы Польши, объявитъ Австріи войну, и крымскій ханъ уже получилъ приказаніе держать на готовѣ 200,000 Татаръ, изъ которыхъ 100,000 будутъ отправлены на помощь къ Польшѣ, а съ другой половиной онъ сдѣлаетъ нападеніе на южныя области Россіи.

Въ Варшавѣ ходили слухи, что приверженцы Станислава хотятъ наскоро обдѣлать дѣло избранія, чтобы не дать опомниться своимъ противникамъ; что на сеймѣ избранія они будутъ дѣйствовать также насильственно и неожиданно какъ на созывательномъ сеймѣ; въ первый же день изберутъ изъ своей партіи маршала, а потомъ тотчасъ приступятъ къ избранію короля. Левенвольду разсказывали, что приверженцы Станислава совершенно полагаются на преданность великопольскихъ воеводствъ, лежащихъ недалеко отъ Варшавы, изъ которыхъ могло явиться на поле избранія большое число шляхты.

Они разсчитывали, что, напротивъ, изъ Литвы придутъ немногіе, вслѣдствіе дальняго разстоянія и страха предъ русскими войсками; они надѣялись рѣшить дѣло съ помощью воеводствъ великопольскихъ, склонить Литвиновъ и другихъ недовольныхъ на свою сторону деньгами и угрозами и объявить имъ, что дѣло уже кончено, и если они не признаютъ Станислава, то будутъ „изрублены“ его приверженцами.

Понятовскій самый умный и дѣятельный изъ числа приверженцевъ Лещинскаго пріобрѣлъ сильное вліяніе надъ примасомъ. Левенвольдъ писалъ въ Петербургъ, что регименгарь коронный участвуетъ съ Чарторижскими во всѣхъ интригахъ, въ главѣ которыхъ стоитъ французскій посолъ, и что старый примасъ дѣлаетъ только то, что ему внушаютъ эти люди, и два іезуита, которые не отходятъ отъ него, ни днемъ ни ночью. Понятовскій старался увеличить коронную армію, не смотря на то, что сеймъ отвергнулъ сдѣланное ему объ этомъ предложеніе. Но Левенвольдъ былъ убѣжденъ, что Понятовскій дѣйствуетъ не столько въ интересахъ Станислава, сколько въ своихъ собственныхъ, что онъ обманываетъ и примаса и своего зятя Чарторижскаго. Русскій уполномоченный писалъ, что регименгарь надѣется на привязанность мелкаго шляхетства и на преданность войска, что онъ намѣренъ во время избранія тайно собрать около Варшавы нѣсколько полковъ, навести страхъ на избирателей и такимъ образомъ силою вступить на престолъ. По мнѣнію Левенвольда, избраніе Понятовскаго было бы еще опаснѣе избранія Лещинскаго; но онъ не зналъ никого, кого можно бы было противопоставить имъ. Любомирскаго не любили, а между литовскими вельможами не было согласія. Только трое изъ нихъ согласились не противодѣйствовать другъ другу въ дѣлѣ избранія — регименгарь Вишневецкій, Сангушко и Радзивилъ; но они имѣли плохую надежду получить корону; первый, писалъ Левенвольдъ, по причинѣ старости и слабаго здоровья, братъ его кастелянъ краковскій — по глупости и бѣшенству, въ чемъ и регименгарь отъ него не совсѣмъ отсталъ; князь Сангушко по причинѣ непристойнаго поведенія, а Радзивилъ по причинѣ малаго разума. На прочихъ же, хотя они постоянно и изъявляли свою преданность Россіи, нельзя было надѣяться, частью по причинѣ ихъ трусости и непостоянства, частью же „для имѣющагося между ними, не смотря на сродство и свойство, почти всеобщаго несогласія, плохой конфи-

денціи, амбиціи и жалузіи, понеже каждый, хотя мало достойныхъ между ними находится, королемъ быть хочетъ и потому одинъ другому не уступаетъ и въ коронѣ завидуетъ".

При этихъ обстоятельствахъ, оберштальмейстеръ считалъ необходимымъ вооруженное вмѣшательство со стороны Россіи. Хотя по мнѣнію лицъ, стоявшихъ во главѣ русскаго кабинета, Россія уже имѣла достаточный поводъ вмѣшаться въ дѣло избранія, потому что примирительный договоръ между Августомъ и его подданными состоялся при посредничествѣ русскаго посла, и русскіе дипломаты старались дать этому посредничеству видъ гарантіи; однако въ глазахъ Польши и цѣлой Европы этотъ поводъ могъ казаться слишкомъ ничтожнымъ. Левенвольдъ думалъ, что Россія будетъ имѣть большее право вмѣшаться въ домашнія дѣла своего сосѣда, если нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ, недовольные дѣйствіями примаса, обратятся къ русскому двору съ жалобой на притѣсненія польской вольности и съ просьбой о защитѣ.

Поэтому онъ старался раздувать гнѣвъ и негодованіе Поляковъ и Литвиновъ противъ примаса и его приверженцевъ. Конфедерація, исключавшая всѣхъ кандидатовъ отъ престола и подтвержденная присягой не всѣмъ нравилась. Конфедерація была повидимому направлена только противъ иностранныхъ кандидатовъ и поэтому было опасно отказываться отъ участія въ ней. Всякаго недовольнаго ею можно было выставить въ глазахъ мелкой шляхты, какъ измѣнника. Но въ сущности она заграждала путь къ престолу всѣмъ честолюбивымъ вельможамъ и обязывала ихъ избрать Станислава. Насильственное принужденіе къ присягѣ еще болѣе увеличивало неудовольствіе. Нѣкоторые уже напередъ получили отъ папскаго нунція, который втайнѣ покровительствовалъ курфирсту, разрѣшеніе отъ присяги въ пользу конфедераціи, и поэтому съ чистой совѣстью давали присягу, которую не намѣрены были исполнять. Другіе утѣшали себя тѣмъ, что они какъ добрые патріоты обязаны соблюдать интересы своего отечества и поэтому могутъ считать ничтожной присягу, клонящуюся ко вреду ихъ отечества. Сенаторы, при поступленіи въ должность, должны были клятвенно обѣщать, что всѣми средствами будутъ защищать свободныя учрежденія Рѣчи Посполитой; теперь они стали говорить, что первая клятва важнѣе второй и можетъ уничтожить ея силу. Многіе подписались съ оговорками и не считали себя обязанными ни къ чему. Другіе уѣхали не присягнувъ и не подписавшись подъ конфедераціей.

Изъ всѣхъ этихъ недовольныхъ Левенвольдъ старался составить партію, которая бы обратилась къ Россіи съ просьбой о защитѣ. Сдѣлать это однако было не легко. Въ Польшѣ еще не привыкли соединяться съ иностранцами противъ соотечественниковъ: притомъ избалованные подкупами аристократы польскіе и литовскіе ничего не хотѣли дѣлать безъ денегъ, а у Левенвольда ихъ было не много; наконецъ такой рѣшительный шагъ пугалъ многихъ, которые до того времени только хвастливыми фразами выражали свое сочувствіе къ Россіи и свою ненависть къ Станиславу; они боялись отвѣтственности и страшныхъ для себя послѣдствій, если бы обѣщанія русскаго уполномоченнаго остались недѣйствительными и Лещинскій съ помощію Французовъ утвердился на престолѣ.

Наконецъ Левенвольдъ уладилъ все дѣло. Въ его канцеляріи былъ составленъ манифестъ и нѣкоторые

изъ литовскихъ и даже польскихъ вельможъ дали свое согласіе, чтобы онъ отъ имени ихъ былъ отправленъ къ русскому двору. Манифестъ, подъ которымъ никто не подписался, но въ которомъ просители называютъ себя общимъ именемъ „доброжелательныхъ“ былъ слѣдующаго содержанія: „Нѣкоторые изъ нашихъ согражданъ старались вселить въ насъ подозрѣніе, что союзныя державы хотятъ уничтожить права и вольности нашего отечества. Но сколько мы можемъ судить потому, что случилось во время созывательнаго сейма, эта опасность грозитъ намъ напротивъ того отъ Франціи и ея приверженцевъ. Ибо они намѣрены возвести на престолъ лице, лишенное этого права нашими постановленіями и объявленное за врага отечества. (Для подтвержденія были выписаны въ манифестѣ тексты конституцій 1593, 1607 и 1670 годовъ, въ которыхъ постановлялось, что при жизни короля никто не смѣлъ думать о назначеніи ему наслѣдника, потомъ постановленія сандомирской генеральной конфедераціи противъ Станислава Лещинскаго, подтвержденныя въ Люблинѣ и въ Варшавѣ въ 1710 году.)“

„На созывательномъ сеймѣ были исключены изъ числа кандидатовъ иноземцы и это исключеніе подтверждено присягой. Но примасъ и сеймъ не имѣли права устранять иноземныхъ кандидатовъ, потому что этого не предписывали инструкціи депутатовъ. Присяга же была вынуждена разными насильствами. Многіе подписались съ оговоркой (cum protestatione de oppressa libera voce et cum aliis salvis), но просьбами и подкупами (pretio ac prece) ихъ довели до того, что они вычеркнули свой протестъ“.

Манифестъ кончался словами: „Поэтому мы считаемъ священнымъ долгомъ нашимъ обратиться къ союзнымъ державамъ, которыя объявили, что хотятъ всѣми средствами защищать права и вольности Рѣчи Посполитой; и просить ихъ, чтобы они защитили драгоцѣннѣйшее сокровище наше — право свободнаго избранія короля. Мы просимъ ихъ помощи, потому что не желаемъ на избирательномъ сеймѣ подвергаться тѣмъ же насильствамъ и беззаконнымъ мѣрамъ, отъ которыхъ терпѣли на созывательномъ. Мы желаемъ совершенно свободнаго избранія, безъ исключенія кого бы то ни было и признаемъ нашимъ королемъ того, кто окажется достойнѣйшимъ и кого назначитъ намъ Богъ, будетъ ли этотъ избранникъ нашъ пястъ или чужестранецъ. Мы хотимъ короля, который сохранилъ бы миръ и спокойствіе въ нашемъ отечествѣ и не вовлекъ бы насъ въ войну съ нашими сосѣдями. За эту добровольную помощь, которую хотятъ намъ оказать высокіе союзные дворы, мы не обѣщаемъ имъ никакихъ выгодъ (въ нѣмецкомъ текстѣ употреблено выраженіе: reale Dankbarkeit), но обязуемся только не предпринимать ничего такого, что могло бы нарушить вѣчную дружбу между нами и ими“.

Изъ предосторожности Левенвольдъ не называетъ въ своей реляціи тѣхъ, которые приняли участіе въ составленіи этого манифеста. Онъ говоритъ только, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои воеводства и староства, другіе свои повѣты и крѣпости и обѣщаетъ объявить имена ихъ при всепокорномъ изустномъ докладѣ. Но имена этихъ „доброжелательныхъ“ патріотовъ можно узнать изъ одного списка, приложеннаго къ реляціи младшаго Левенвольда. Онъ отправилъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Петербургъ списокъ нѣсколькихъ вельможъ, имѣнія которыхъ слѣдовало особенно ща-

дить при вступленіи русскихъ войскъ, „потому что они доброжелательные“. Вѣроятно, если не всѣ, то большая часть этихъ вельможъ, снискали себѣ право на пощаду своимъ участіемъ въ манифестѣ, который далъ русскимъ войскамъ желанный поводъ вступить въ Польшу. Вотъ списокъ этихъ доброжелателей:

1. Великій коронный маршалокъ Мнишекъ.
2. Графъ Липскій, епископъ краковскій.
3. Литовскій гоф-маршалокъ князь Сангушко.
4. Весь родъ Любомирскихъ.
5. Весь родъ Радзивиловъ.
6. Воевода подляшскій Сапѣга.
7. Воевода хельминскій (Кульмъ въ Пруссіи) Чапскій.
8. Родъ Шембековъ, изъ котораго былъ епископъ куявскій.
9. Родъ графа Цетнера, коронаго кюхелмейстера.
10. Графъ Браницкій, коронный хорунжій.
11. Коронный каммергеръ Тобянскій.
12. Графъ Цедницкій, староста Мельницкій.
13. Родъ Любинецкихъ на Волыни.

Для примаса не осталось тайной, что въ домѣ русскаго посла стали собираться недовольные и что тамъ написанъ роковой для Польши манифестъ. Чтобы привести дѣло въ ясность и заставить Левенвольда или отказаться отъ своего намѣренія или преждевременно высказаться, примасъ отправилъ къ нему депутацію отъ польскаго сената, состоявшую изъ 4 членовъ, во главѣ которой находился кастелянъ черскій, ревностный приверженецъ Станислава.

Депутація просила Левенвольда пригласить на конференцію австрійскаго посла и когда тотъ пріѣхалъ, то она предложила русскому уполномоченному три

вопроса отъ имени сената: „Рѣчь Посполитая, сказали депутаты, встревожена приближеніемъ русскихъ войскъ къ ея границамъ, и слухами, что эти войска вступятъ въ Польшу, если Поляки не сдѣлаютъ того, чего желаетъ императрица“. Левенвольдъ отвѣтилъ, „что его императрица нисколько не обезпокоена тѣмъ, что польскія войска въ началѣ междуцарствія двинулись къ границамъ, и не требуетъ отчета въ этомъ отъ Рѣчи Посполитой; поэтому не можетъ дать отвѣта въ томъ, что происходитъ у нея.“ Депутація возразила, что Поляковъ менѣе безпокоитъ самое движеніе войскъ, чѣмъ слухъ, что они вступятъ въ Польшу. „Здѣсь разглашается много ложныхъ слуховъ, сказалъ русскій посолъ; недавно еще разсказывали, что русскія войска заняли Курляндію.“ Депутаты объявили, что они не вѣрятъ этому слуху и убѣждены въ томъ, что Россія не нарушитъ мирныхъ договоровъ съ Польшей, ибо послѣдняя не подаетъ ни малѣйшаго повода къ этому; но что они присланы отъ сената спросить посла: вступятъ ли русскія войска въ Польшу, или нѣтъ? Левенвольдъ отвѣтилъ, „что если они желаютъ, то онъ обратится съ этимъ вопросомъ къ своему двору, но между тѣмъ можетъ ихъ успокоить, что если Рѣчь Посполитая дѣйствительно имѣетъ такое доброе намѣреніе и не хочетъ подать Ея В. повода къ неудовольствію, то она съ своей стороны можетъ быть увѣрена, что императрица не употребитъ своихъ войскъ для нарушенія мира и тишины въ Польшѣ. Рѣчь Посполитая можетъ судить о намѣреніяхъ Россіи и ея союзниковъ по поведенію ихъ пословъ. Пусть депутаты скажутъ по совѣсти, слышали ли они о какихъ-нибудь интригахъ, произведенныхъ послами во время междуцарствія и сейма.“ Депутаты отвѣтили,

СПЦБ СОРАН

что не слыхали. „Нп въ какіе интриги мы и не вступали продолжалъ Левенвольдъ, но можно ли то же самое сказать о другихъ послахъ.“ Депутаты отвѣчали, что они и объ этомъ не слыхали, да вообще никакихъ интригъ и быть не можетъ въ вольной Польшѣ, пусть посолъ назоветъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ имѣетъ это извѣстіе. Левенвольдъ сказалъ, что они не могутъ требовать откровенности съ его стороны, потому что сами не хотятъ признаться въ томъ, что всему свѣту извѣстно.

Депутаты промолчали и перешли къ второму пункту. Они объявили, что чины польскіе принуждены высказать свое неудовольствіе противъ того, что имъ мѣшаютъ въ вольномъ избраніи исключеніемъ того или другаго кандидата. Левенвольдъ отвѣчалъ, что союзныя державы никогда и не думали исключать кого-нибудь изъ числа кандидатовъ вопреки правамъ и конституціямъ Рѣчи Посполитой. Поляки сами должны знать, кого имъ можно избрать, и кого ихъ законы не допускаютъ къ престолу. Депутаты объявили, что они не подлежатъ чужому закону, зависятъ только отъ Бога и могутъ избрать въ короли, кого хотятъ.

„Но если вы изберете такаго, который не будетъ соблюдать мира съ сосѣдними державами, то вы не можете требовать, чтобы они смотрѣли сложа руки на это избраніе“, возразилъ Левенвольдъ. „Изъ этихъ словъ мы должны заключить, сказали депутаты, что союзныя державы хотятъ непремѣнно заградить Станиславу путь къ престолу. Но вѣдь Станиславъ имъ не опасенъ, потому что онъ будетъ связанъ условіями—пактами конвентами.“ Русскій посолъ съ пренебреженіемъ отозвался объ этихъ пактахъ, которыми они думали ограничить произволъ своего короля и когда

они снова заговорили о русскихъ войскахъ, то онъ напомнилъ имъ, что Поляки сами ищутъ татарской и турецкой помощи; онъ сталъ увѣрять ихъ, что Россія не желаетъ пріобрѣсти отъ Польши ни единой пяди земли и готова защищать ея права и вольности противъ всякаго, кто ихъ нарушитъ. Депутаты поблагодарили за это увѣреніе и перешли къ третьему вопросу.

„Сенатъ слышалъ, говорили они, что нѣкоторые Поляки приходили къ вамъ, жалуясь на притѣсненія во время сейма, просили помощи императрицы и подписались подъ манифестомъ. Сенатъ желалъ бы знать имена этихъ людей, и проситъ русскаго посла смотрѣть на нихъ какъ на враговъ Рѣчи Посполитой, а не какъ на ея представителей“. Левенвольдъ отвѣтилъ, „что онъ не можетъ имъ дать отчета въ томъ, кто у него въ домѣ бываетъ, и что тѣмъ, которые терпятъ насилія нельзя поставить въ укоръ, если они ищутъ защиты, тѣмъ болѣе, что не въ первый разъ члены Рѣчи Посполитой обращаются съ просьбой о помощи къ русской императрицѣ“. Графъ Вилчекъ прибавилъ, „что и къ нему многіе обращались съ просьбой о защитѣ, и что императоръ придвинулъ свои войска къ границамъ съ намѣреніемъ защищать тѣхъ, которые будутъ подвергаться насиліямъ“.

Въ тотъ же день такая же депутація была отправлена къ римско-цесарскому послу. Левенвольдъ также присутствовалъ на конференціи и имѣлъ жаркій споръ съ Сапѣгой, кастеляномъ троцкимъ. Когда русскій посолъ сказалъ, что Россія не перестанетъ гарантировать права и вольности Польши, Сапѣга „гордыми и непристойными минами, смѣшаннымъ смѣхомъ перебивъ рѣчь, спрашивалъ: кто насъ о на-

шей протекціи и гарантіи просилъ и для чего мы оныя имъ безъ требованія наваливать хощемъ? „Левенвольдъ отвѣтилъ „сравною гордостью“, что поведеніе Поляковъ въ высшей степени странно; они теперь презираютъ эту гарантію, которой прежде такъ усердно домогались. Сапѣга, смутившись нѣсколько, отвѣтилъ грубо, что они пришли къ римско-цесарскому послу, а не къ нему. Оскорбленный посолъ хотѣлъ уйти съ конференціи и остался только по настоятельной просьбѣ графа Вилчка. Тотъ же Сапѣга сказалъ потомъ русскому послу: “ссылаясь на требованія десяти или сотни шляхтичей и называя ихъ Рѣчью Посполитой, вы ищете только повода, чтобы вмѣшаться въ наши дѣла и уничтожить нашу вольность“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой конференціи, Левенвольдъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ. По его мнѣнію, нельзя было медлить рѣшительными дѣйствіями. Манифестъ былъ готовъ, на него можно было отвѣтить другимъ манифестомъ, ввести русскія войска въ Польшу и предупредить примаса и приверженцевъ Лещинскаго. Но чтобы склонить русскій кабинетъ къ этому плану, нужно было лично переговорить съ его членами и поэтому Левенвольдъ не теряя времени, выѣхалъ изъ Варшавы, не потребовавъ даже прощальной аудіенціи у примаса и не спросивъ позволенія у своего собственнаго двора.

ГЛАВА IX.

СБЛИЖЕНІЕ МЕЖДУ АВСТРІЕЙ, РОССІЕЙ И КУРФИРСТОМЪ САКСОНСКИМЪ. НЕЙТРАЛИТЕТЪ ПРУССІИ.

Покойный Шлоссеръ коснулся въ своей исторіи XVIII вѣка только мимоходомъ борьбы за польское наслѣдство въ 1733 году, на сколько это ему было нужно для объясненія обще-европейской войны, вызванной ею. Между прочимъ онъ говоритъ, что ни Австрія ни Россія не имѣли въ виду точно соблюдать трактатъ, заключенный Левенвольдомъ въ Берлинѣ, и что инфантъ португальскій служилъ имъ только средствомъ, чтобы замаскировать настоящее свое намѣреніе; а оно заключалось въ томъ, чтобы заставить курфирста саксонскаго согласиться на пожертвованія и уступки въ ихъ пользу при занятіи имъ польскаго престола *).

По своему обыкновенію, Шлоссеръ высказалъ свое мнѣніе не въ формѣ предположенія, а довольно утвердительно; онъ имѣлъ на это право, потому что оно кажется очень правдоподобнымъ и согласно съ общимъ ходомъ дѣлъ. Дѣйствительно, ни вѣнскій ни петербургскій дворы не дали своей ратификаціи на Левенвольдовъ трактатъ, и Австрія, хотя она сама предложила инфанта въ кандидаты, не имѣла намѣре-

*) Schlosser. Gesch. d XVIII Jahrh. Th. I. p. 341.

нія принести большой жертвы въ его интересѣ. Но изъ депешъ и рескриптовъ обоихъ дворовъ къ своимъ посламъ ясно, что они имѣли въ началѣ твердое намѣреніе устранить курфирста отъ польскаго престола, и что только силою обстоятельствъ были принуждены содѣйствовать ему потомъ въ достиженіи его цѣли. Разсказъ о томъ, какъ совершалось это постепенное сближеніе между обоими императорскими дворами и курфирстомъ саксонскимъ, будетъ содержаніемъ этой главы.

Въ первоначальномъ проектѣ Левенвольдова трактата, или какъ говорили тогда, пунктаціи, намѣренія союзниковъ были высказаны чрезвычайно рѣзко и категорически. Союзники обязывались возвести въ случаѣ нужды инфанта силою на престолъ: войска, вторгнувшіяся для этого въ Польшу, должны были оставаться тамъ и жить на счетъ Рѣчи Посполитой до тѣхъ поръ, пока новоизбранный король не вознаградилъ союзниковъ за всѣ издержки, понесенныя ими въ дѣлѣ избранія. Но австрійскій кабинетъ пришелъ въ ужасъ при мысли объ отвѣтственности, которую бы навлекъ на него подобный трактатъ. Онъ писалъ къ своему резиденту въ Петербургѣ, что этотъ планъ не удобенъ, не справедливъ, и не исполнимъ *). Въ договорѣ, который потомъ былъ дѣйствительно заключенъ въ Берлинѣ Левенвольдомъ, уполномоченные союзныхъ дворовъ уже совершенно иначе располагали польскимъ престоломъ, какъ мы видѣли въ началѣ нашего разсказа. Но вѣнскій дворъ и этимъ трактатомъ былъ чрезвычайно недоволенъ. Секендорфъ, какъ кажется, преступилъ свое полномочіе, или смущенный

*) Solches hat uns weder rathsam, noch gerecht, noch thunlich geschienen. Изъ Рескр. къ Гохгольцеру отъ 14 янв. Въ дѣлахъ авст. двора. Въ Гл. Моск. Арх. Ин. Д.

поспѣшностью и рѣшительностью, съ которыми дѣйствовалъ русскій посолъ, или убѣжденный его краснорѣчіемъ. Вѣнскій дворъ пользовался, какъ мы видѣли, дѣломъ объ юлихскомъ наслѣдствѣ для того, чтобы привлечь на свою сторону прусскаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ, чтобъ императоръ ему гарантировалъ наслѣдство юлихское послѣ смерти герцога пфальцнейбургскаго. Но императоръ желалъ избавиться отъ этой гарантіи по многимъ причинамъ, чтобы не усилить еще болѣе бранденбургскаго дома, и чтобы не заставить наслѣдниковъ и друзей пфальцскаго дома искать помощи у Франціи. Сюда присоединялись ревность къ католической религіи и надежда пріобрѣсти при удобномъ случаѣ спорныя земли или часть ихъ для Австріи. Императоръ былъ готовъ на всякое вознагражденіе, чтобы только заставить отказаться Пруссію отъ своихъ притязаній. Во время первой поѣздки Левенвольда въ Вѣну, австрійскій кабинетъ предложилъ прусскому королю Курляндію для его втораго сына, въ замѣнъ его притязаній на юлихское наслѣдство. Но прусскіе министры отклонили отъ себя это предложеніе, опасаясь гнѣва наслѣдника прусскаго престола, молодаго Фридриха, который могъ впослѣдствіи потребовать отъ нихъ отчета за то, что они пожертвовали интересами прусскаго королевства для пріобрѣтенія въпользу прусскаго принца герцогской короны.

Вскорѣ послѣ этого вѣнскій дворъ остановился на другомъ средствѣ, чтобы уладить юлихское дѣло. Это средство, было придумано курфирстомъ майнцскимъ, роднымъ братомъ курфирста пфальцнейбургскаго. Онъ совѣтовалъ раздѣлить спорное наслѣдство: герцогство юлихское, которое было втрое больше

герцогства бергскаго, предоставить младшей линіи пфальцскаго дома, а послѣднее съ Равенштейномъ уступить Фридриху Вильгельму. Впрочемъ, отъ прусскаго участка отдѣлялась береговая полоса Рейна и городъ Дюсселдорфъ, чтобы отнять у Пруссіи возможность запереть другимъ членамъ нѣмецкой имперіи переходъ черезъ Рейнъ.

Когда прусскій король, лѣтомъ 1732 года, сдѣлалъ императору визитъ въ Прагѣ, то послѣдній воспользовался безграничнымъ уваженіемъ, съ которымъ честный Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на главу имперіи и вынудилъ у него согласіе на майнцское предложеніе. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ, что кончилъ спорное дѣло, тянувшееся впродолженіи 120 лѣтъ, и далъ тотчасъ объ этомъ знать своимъ союзникамъ, Англіи и Голландіи; согласіе послѣдней было ему особенно необходимо, потому что Юлихъ и бергскія земли лежали на ея границахъ и она требовала, чтобы ей предоставлено было право держать свой гарнизонъ въ крѣпости Равенштейнъ. Въ то же время онъ желалъ выразить Фридриху Вильгельму свою благодарность за его уступчивость, и однажды прусскій король, проснувшись утромъ, нашелъ на своемъ столѣ золотую табакерку и въ ней свернутую грамоту, которая давала ему право прибавить къ своему титулу выраженіе: „господинъ остфризскихъ земель.“ Прусскій король давно уже хлопоталъ объ этомъ позволеніи и тотчасъ приказалъ включить новый титулъ во всѣ оффиціальныя бумаги прусскаго королевства. Но этимъ былъ оскорбленъ его зять Георгъ II, король англійскій и курфирстъ ганноверскій, потому что онъ считалъ себя настоящимъ государемъ остфризскихъ земель. Поэтому Англія и Голландія не

согласились принять предложеніе майнцскаго курфирста и всѣ труды императора пропали понапрасну.

Вѣнскій дворъ былъ не прочь снова обѣщать прусскому королю Курляндію для его младшаго сына, если бы Фридрихъ Вильгельмъ отказался въ замѣнъ этого отъ юлихскаго наслѣдства. Первое вѣнскому двору ничего не стоило, а второе было ему очень выгодно. Но прусскому министерству хотѣлось пріобрѣсти и то и другое: гарантію Австріи въ юлихскомъ вопросѣ и гарантію Россіи въ курляндскомъ. Русскому оберштальмейстеру не было никакого дѣла до юлихскаго спора, ему хотѣлось только втянуть Пруссію въ союзъ съ Россіей, и онъ обѣщалъ ей Курляндію. Такимъ образомъ былъ заключенъ Левенвольдовъ трактатъ, чрезвычайно выгодный для Пруссіи. Вѣнскій дворъ былъ очень недоволенъ. „Вмѣсто одного щекотливаго дѣла — юлихскаго, у насъ теперь на рукахъ два и юлихское и курляндское,“ писалъ Синцендорфъ къ австрійскому резиденту въ Петербургѣ.

Поэтому когда русскій кабинетъ отправилъ ратификацію Левенвольдова трактата въ Вѣну, то тамошній дворъ не далъ своей ратификаціи и трактатъ не состоялся.

Вѣнскій дворъ не ожидалъ смерти Августа и надѣялся до того времени втянуть прусскаго короля въ свой союзъ и также остановить окончательно свой выборъ на какомъ-нибудь кандидатѣ для польскаго престола. Инфанта португальскаго онъ предложилъ на всякій случай, но не имѣлъ намѣренія принести для него большія жертвы. Онъ хотѣлъ сначала узнать, готовъ ли король португальскій помогать своему брату деньгами и вознаградитъ ли онъ Австрію за издержки ради него понесенныя.

Поэтому какъ только прибылъ въ Вѣну курьеръ изъ Варшавы съ вѣстью о смерти короля польскаго, австрійскій кабинетъ попросилъ португальскаго посла, графа Тарука, отправить курьера къ своему двору, извѣстить короля Іоанна о намѣреніи вѣнскаго двора поддерживать его брата и спросить его желаетъ ли онъ помогать ему въ этомъ дѣлѣ.

Въ Вѣнѣ въ первое время не знали, будетъ ли новый курфирстъ саксонскій искать польскаго престола; большинство думало, что онъ по своей флегматической природѣ предпочтетъ остаться курфирстомъ рабски вѣрной и спокойной Саксоніи, чѣмъ сдѣлаться королемъ мятежной Польши. Вѣнскій дворъ когда то имѣлъ намѣреніе помочь ему въ достиженіи польской короны. Но съ тѣхъ поръ какъ Августъ началъ противиться Прагматической Санкціи и отецъ его склонился къ сторонѣ Франціи, вѣнскій дворъ сталъ къ нему очень черасположенъ. Неудовольствіе императора противъ мужа своей племянницы увеличилось еще вслѣдствіе слѣдующей въ глазахъ потомства маловажной причины. Курфирстъ долженъ былъ „нотификовать“ императору о смерти своего отца, и прислать для этого въ Вѣну почетное и чиновное лице. Но онъ прислалъ вмѣсто этого съ простымъ курьеромъ письмо къ вицепрезиденту военнаго совѣта графу Кенигсеку, который прежде былъ императорскимъ посломъ въ Дрезденѣ и просилъ его сообщить императору о смерти польскаго короля.

Черезъ нѣсколько времени узнали въ Вѣнѣ, что курфирстъ ищетъ польскаго престола, что онъ отправилъ нарочнаго въ Римъ къ кардиналу Альбани, своему старому знакомому, которому онъ отчасти былъ обязанъ своимъ обращеніемъ въ католичество, и просилъ его склонить папу на его сторону. Въ тоже время узнали, что въ Вѣну ѣдутъ полномочные послы саксонскіе, графъ Лицелбургъ и баронъ Цехъ. Австрійскіе министры поморщились при этомъ извѣстіи. Они предвидѣли, что послы будутъ просить императора помогать курфирсту въ достиженіи польской короны. Но вѣнскій дворъ на это не могъ согласиться, для чего бы сталъ онъ усиливать средства государя враждебно къ нему расположеннаго? И если бы курфирстъ даже согласился признать Прагматическую Санкцію, то и это не должно было склонить на его сторону вѣнскій дворъ, такъ разсуждали австрійскіе министры *). Ибо онъ передъ заключеніемъ брака съ эрцгерцогиней уже призналъ Санкцію, а потомъ протестовалъ противъ нея на имперскомъ сеймѣ какъ членъ имперіи. Развѣ можно было поручиться, что онъ не измѣнитъ данному слову, когда обстоятельства будутъ для него благопріятны. Австрійскіе министры рѣшились отвѣчать посламъ въ общихъ выраженіяхъ: сказать имъ, что императоръ не станетъ противиться возвышенію Августа, если это случится посредствомъ вольнаго избранія; напомнитъ курфирсту, что ему всегда давали хорошіе совѣты, но онъ ихъ не слушался, а теперь можетъ быть уже поздно.

Еще до пріѣзда саксонскихъ пословъ прибылъ въ Вѣну посолъ отъ примаса и Рѣчи Посполитой съ нотификаціей о смерти польскаго короля. Кромѣ этого порученія онъ имѣлъ еще другія. Онъ долженъ былъ просить у вѣнскаго двора удовлетворенія въ нѣсколькихъ требованіяхъ, представленныхъ съ польской стороны. Польская королева Бона Сфорца, жившая въ XVI

*) Реляц. Ланчинскаго. Въ Гл. А. М. И. Д.

вѣкѣ, отказала въ своемъ завѣщаніи Рѣчи Посполитой 600,000 червонцевъ, которые неаполитанскіе короли были должны ея роду. Такъ какъ неаполитанское королевство со времени Утрехтскаго мира принадлежало императору Карлу, то Рѣчь Посполитая требовала, чтобы онъ заплатилъ эти деньги. Потомъ нужно было опредѣлить въ спорныхъ мѣстахъ границы между Силезіей и Польшей. Третье требованіе было еще маловажнѣе двухъ первыхъ. Когда Польша въ древнія времена уступила Силезію Богеміи, въ мирномъ договорѣ было постановлено, чтобы въ Трубницкомъ женскомъ монастырѣ, основанномъ польскими королями, игуменьей была всегда полячка. А не задолго передъ смертью Августа игуменьей была назначена нѣмка. Шембекъ началъ переговоры съ императорскими министрами по всѣмъ этимъ тремъ вопросамъ. Ему давали благопріятные отвѣты, обѣщали удовлетворить его и старались затянуть дѣло.

Наконецъ, прибыли саксонскіе послы. Они привезли съ собой много поклажи, много драгоцѣнныхъ вещей; наняли себѣ великолѣпное помѣщеніе. По всему было видно, что они пріѣхали на долго.

Ихъ приняли довольно холодно, такъ что вдовствующая императрица Амалія даже высказала свое неудовольствіе противъ пріема, который нашли въ Вѣнѣ послы ея зятя. Австрійскіе министры не хотѣли имъ дать рѣшительнаго отвѣта. Они боялись, что курфирстъ убѣдившись въ нерасположеніи къ нему трехъ союзныхъ державъ бросится въ объятія Франціи. Притомъ курьеръ, отправленный въ Португалію все еще не возвращался; участь инфанта не была рѣшена. Поэтому императорскіе министры уклонялись отъ конференцій съ саксонскими послами. Какъ нарочно заболѣлъ въ это время одинъ изъ конференцъ-министровъ, Штарембергъ; потомъ сильный катарръ не позволялъ принцу Евгенію выѣзжать изъ дому. Наконецъ приближалась пасха, когда прекращались всѣ дѣла и императорскіе министры уѣзжали въ свои загородные дворцы. Вѣнскій дворъ въ это время выражалъ довольно откровенно свое расположеніе къ инфанту и желаніе видѣть его польскимъ королемъ. На именинахъ жены графа Синцендорфа за обѣдомъ были два тоста: сначала португальскій посланникъ графъ Тарука пилъ за здоровье именинницы, а потомъ Синцендорфъ провозгласилъ, какъ будто въ отвѣтъ ему, тостъ за будущаго польскаго короля.

Наконецъ саксонскіе послы получили аудіенцію и вступили въ переговоры съ министрами императора. Они дѣйствительно стали просить содѣйствія императора въ польскомъ дѣлѣ, но только въ общихъ выраженіяхъ, такъ что вѣнскіе министры имъ отвѣтили въ подобныхъ же выраженіяхъ. Какъ видно изъ депешъ этого двора къ своимъ посланникамъ, въ Вѣнѣ никакъ не предполагали, что у курфирста въ Польшѣ много приверженцевъ и потому не боялись исключить его изъ списка кандидатовъ. Но по извѣстіямъ, приходившимъ изъ Польши, оказывалось, что его партія росла съ каждымъ днемъ; вѣнскій дворъ сталъ опасаться союза между курфирстомъ и Франціей. Августъ могъ отказаться отъ притязаній на польскій престолъ въ пользу Станислава, усилить своими приверженцами его партію; а Франція могла за это гарантировать ему нѣсколько австрійскихъ провинцій изъ наслѣдства Маріи Терезіи. Вѣнскій дворъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта изъ Лиссабона. Наконецъ, 4-го апрѣля прибылъ курьеръ. Вѣнскіе

министры держали въ большой тайнѣ вѣсть, которую онъ имъ привезъ. Русскій посолъ Ланчинскій не могъ узнать ничего достовѣрнаго. Сначала ему сказали, что полученъ отвѣтъ благопріятный. Потомъ „одинъ пріятель“, знавшій хорошо все, что происходило при дворѣ сообщилъ ему, что король португальскій о своемъ братѣ Дону-Эмануилѣ ничего не писалъ, но изъявилъ желаніе помочь другому своему брату Дону Антоніо взойти на польскій престолъ. Тотъ же пріятель говорилъ ему, что цесарскіе министры просили португальскаго полномочнаго отправить новаго курьера въ Лиссабонъ. Но Тарука отказался подъ предлогомъ, что онъ своего двора не преклонитъ, притомъ уже поздно, въ Варшавѣ скоро начнется созывательный сеймъ, а курьеру, чтобы съѣздить въ Лиссабонъ и привезти оттуда отвѣтъ, нужно по крайней мѣрѣ 52 дня.

Вѣнскій дворъ уже началъ раскаиваться въ томъ, что убѣдилъ своихъ союзниковъ стоять за инфанта и противиться возвышенію курфирста. Онъ былъ выведенъ изъ этого затруднительнаго положенія петербургскимъ дворомъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ курфирстъ саксонскій отправилъ къ Лефорту, саксонскому посланнику при русскомъ дворѣ рескриптъ, въ которомъ онъ жаловался на недоброжелательныхъ людей, распространившихъ слухъ, что будто бы онъ не желаетъ взойти на польскій престолъ. Онъ поручилъ Лефорту сообщить въ опроверженіе этого русскимъ министрамъ, что онъ намѣренъ употреблять всѣ способы, чтобы достигнуть польскаго престола посредствомъ вольнаго избранія. Курфирстъ выражалъ надежду, что русская императрица не будетъ ему препятствовать, потому что его

возвышеніе для Россіи гораздо выгоднѣе, чѣмъ возвышеніе приверженца Франціи или какого-нибудь Поляка, который могъ бы перейти на сторону этой державы. Курфирстъ сообщалъ черезъ своего посла русскому двору, что онъ отправилъ пословъ въ Вѣну, въ Лондонъ и въ Берлинъ, чтобъ просить союзниковъ Россіи содѣйствовать ему въ его намѣреніи. Онъ отправилъ также пословъ въ Парижъ, въ Копенгагенъ и Стокгольмъ, но они повезли только нотификацію о смерти его отца и скоро возвратятся. Въ концѣ рескрипта курфирстъ прямо поручалъ Лефорту объявить въ Петербургѣ, что онъ готовъ вступить въ обязательства съ русскимъ дворомъ и съ его союзниками.

Рескриптъ былъ полученъ въ Петербургѣ 31-го марта ст. ст. и въ тотъ же день русскій кабинетъ отправилъ къ вѣнскому депешу слѣдующаго содержанія:

„Приверженцы Станислава въ Польшѣ такъ многочисленны, что имъ можетъ противиться только партія саксонская, поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть, на сколько сходно съ интересами союзниковъ, если они согласятся поддерживать курфирста.

Противъ этого говорятъ два обстоятельства: что саксонскій дворъ былъ при прежнемъ королѣ на сторонѣ французской, и что онъ по своему могуществу можетъ быть опасенъ для польской вольности. Первая опасность устраняется тѣмъ, что курфирстъ предлагаетъ вступить въ союзъ съ Россіей и ея союзниками. А чтобы устранить вторую, Россія, Австрія, Пруссія и Англія могутъ составить съ курфирстомъ трактатъ и обязать его приступить къ Прагматической Санкціи, не соглашаться на присоединеніе Курляндіи къ Рѣчи Посполитой, и не предпринимать ничего противъ польской вольности.

„Во всякомъ случаѣ, чтобы не раздражать курфирста отказомъ, русскій дворъ предлагаетъ дать ему слѣдующій отвѣтъ: что союзники не будутъ оказывать противодѣйствіе его стараніямъ взойти на польскій престолъ, но обѣщаютъ ему поддерживать его втайнѣ, въ случаѣ нужды помогать ему опредѣленной для польскихъ дѣлъ суммой, а послѣ избранія защищать его силою оружія. Изъ этого, сказано въ русской депешѣ, получится та выгода, что Поляки не соглашаясь на избраніе курфирста и принужденные оставить Станислава, изберутъ наконецъ природнаго пяста, котораго всегда можно будетъ склонить на нашу сторону“.

Эта депеша чрезвычайно обрадовала австрійскихъ министровъ. На созывательномъ сеймѣ были устранены иностранные кандидаты и вѣнскій дворъ не могъ уже рекомендовать Рѣчи Посполитой инфанта португальскаго. Притомъ приверженцы Станислава такъ умножились, что ихъ нельзя было устрашить мирными средствами. А въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства для союзниковъ было гораздо выгоднѣй поддерживать могущественнаго курфирста саксонскаго, чѣмъ пяста зависящаго совершенно отъ ихъ помощи. Вслѣдствіе этихъ соображеній, вѣнскій дворъ составилъ наскоро проектъ трактата съ курфирстомъ саксонскимъ и включилъ въ послѣдній не только свои притязанія, но и требованія, выставленныя со стороны Россіи. Этотъ проектъ былъ тотчасъ отправленъ въ Петербургъ.

Русскій кабинетъ былъ очень удивленъ поспѣшностью, съ которой дѣйствовалъ вѣнскій дворъ. Въ кабинетѣ голоса были раздѣлены. Биронъ стоялъ открыто за австрійскіе интересы, Остерманъ, какъ истый дипломатъ не вѣрилъ самому близкому другу, и представилъ замѣчанія*) на австрійскій проектъ. „Поспѣшность императорскаго двора, говорилъ онъ, можетъ быть объяснена двумя причинами: или онъ не понялъ смысла русскаго предложенія, которое состояло въ томъ, чтобы заключить союзъ съ курфирстомъ, но при содѣйствіи Англіи и Пруссіи; или нужно предположить, что императорскій дворъ представилъ этотъ односторонній трактатъ, чтобы тотчасъ связать руки курфирсту и отвлечь его отъ союза съ Франціей, такъ какъ соглашеніе между всѣми четырьмя союзниками требовало бы гораздо болѣе времени. Россія можетъ допустить заключеніе этого трактата, потому что во 1) курфирстъ такимъ образомъ будетъ отвлеченъ отъ французскаго союза; во 2) онъ обязуется въ этомъ трактатѣ исполнить требованія русскаго двора; въ 3) русскій дворъ, напротивъ того, ни къ чему не обязывается; въ 4) вѣнскій дворъ ничего не можетъ сдѣлать въ Польшѣ безъ содѣйствія Россіи, а если бы и захотѣлъ предпринять что-нибудь въ дѣлѣ избранія, то этимъ бы только повредилъ самому себѣ.

„Теперь представляются русскому двору два вопроса: 1) слѣдуетъ ли ему тотчасъ приступить къ союзу императора съ курфирстомъ? Этого совѣтовать нельзя, пока курфирстъ не обязуется формальнымъ трактатомъ содѣйствовать интересамъ Ея Всерос. В. ибо было бы неразсудительно доставить корону польскую такому могущественному государю, на расположеніе котораго еще нельзя разсчитывать.

„2) Но если русскій кабинетъ не пріймется тотчасъ участія въ предложенномъ союзѣ, то нужно опредѣ-

*) Собственноручныя замѣчанія Остермана находятся между австрійскими рескриптами въ дѣлахъ австрійскаго двора.

лить самый выгодный для него образъ дѣйствія. Можно потребовать отъ курфирста, чтобъ онъ далъ своимъ посламъ въ Варшавѣ полномочіе заключить трактатъ съ русскимъ посланникомъ. Можно также составить проектъ трактата и обѣщать курфирсту, что русскій посланникъ въ Варшавѣ станетъ оказывать ему содѣйствіе, какъ скоро онъ дастъ свою ратификацію на этотъ проектъ".

Мнѣніе Остермана было принято и приведено въ дѣйствіе. 31-го мая былъ отправленъ въ Варшаву рескриптъ къ оберштальмейстеру, въ которомъ его увѣдомляли о переговорахъ, начатыхъ съ курфирстомъ. Къ рескрипту была приложена копія съ проекта, составленнаго русскимъ кабинетомъ, и отправленнаго съ нарочнымъ въ Дрезденъ. Оберштальмейстеру было внушено, чтобы онъ началъ дѣйствовать въ пользу Августа, какъ скоро ему будетъ дано знать изъ Дрездена, что курфирстъ подписалъ русскій проектъ. Русскій кабинетъ требовалъ отъ курфирста, чтобы онъ заключилъ съ Россіей оборонительный союзъ и подтвердилъ его какъ скоро будетъ польскимъ королемъ, чтобы онъ гарантировалъ Россіи всѣ принадлежащія ей земли и области. Курфирстъ обязывался по занятіи польскаго престола, не предпринимать ничего противъ польской вольности, соблюдать постановленія вѣчнаго мира, заставить Рѣчь Посполитую отказаться отъ притязаній на Лифляндію; согласиться на самостоятельность Курляндіи и признать за русской государыней титулъ императрицы; за это русскій дворъ обязывался помогать ему въ достиженіи польской короны деньгами и всѣми мѣрами, не противными польской вольности, а по избраніи въ короли поддерживать его на престолѣ оружіемъ, но требовалъ

въ тоже время отъ него, чтобы онъ согласился сколько возможно на условія, предложенныя Пруссіей и домогался бы содѣйствія Англіи и Даніи.

Впрочемъ переговоры съ курфирстомъ затянулись и въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ. Саксонскіе послы въ Вѣнѣ подали императорскимъ министрамъ вмѣсто ратификованнаго курфирстомъ трактата новый проектъ болѣе для него выгодный. Императорскій дворъ былъ этимъ крайне недоволенъ и въ половинѣ іюня казалось, что переговоры съ курфирстомъ совершенно прекратятся*). Но было уже поздно. По окончаніи созывательнаго сейма, который исключилъ изъ кандидатовъ на престолъ всѣхъ иностранныхъ принцевъ нельзя было думать объ инфантѣ португальскомъ, хотя, какъ разсказывали Ланчинскому его друзья при вѣнскомъ дворѣ, португальскій король наконецъ рѣшился помогать своему брату въ достиженіи короны польской большой суммой денегъ. Думать о томъ, чтобы возвести на престолъ въ Польшѣ одного изъ вельможъ также нельзя было, потому что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ за себя сильной партіи. При томъ опасность, грозившая со стороны Франціи все болѣе увеличивалась, а прусскій король напротивъ того, раздраженный тѣмъ, что Левенвольдовъ трактатъ не состоялся, начиналъ уже отказываться отъ вооруженнаго вмѣшательства въ польскія дѣла и смотрѣть

*) 15-іюня вѣнскій кабинетъ писалъ къ резиденту Гохгольцеру: Man hat für gut befunden, noch vor der Conferenz eine nicht hitzige doch truckene Antwort zu entwerfen. „Мы старались указать на всѣ несообразности въ саксонскомъ контра-проектѣ, не прерывая однако переговоровъ. Мы дѣйствовали такъ вовсе не потому, что имѣемъ большое довѣріе къ искренности курфирста, но чтобы закрыть ему глаза (ihn hinzuhalten) до тѣхъ поръ, пока сформируется въ Польшѣ третья партія."

хладнокровно на воцареніе Станислава. Морскія державы, самыя надежныя союзницы императора противъ Франціи совѣтовали ему быть осторожнымъ и вступленіемъ австрійскихъ войскъ въ Польшу не вызывать Францію на войну. Особенно дурныя вѣсти приходили изъ Голландіи. Генеральные Штаты, обязанные помогать императору въ войнѣ, начатой со стороны Франціи, уже сомнѣвались, слѣдуетъ ли имъ дѣйствовать по смыслу трактата, если Франція начнетъ войну, вынужденная вмѣшательствомъ императора въ польскія дѣла (будетъ ли casus foederis.) Данія обязанная также прислать 6,000 вспомогательнаго войска выражала еще болѣе равнодушія къ польскимъ дѣламъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ императору было необходимо пріискать себѣ новыхъ союзниковъ на случай разрыва съ Франціей, и ни одинъ союзъ не былъ для него такъ выгоденъ, какъ союзъ съ курфирстомъ саксонскимъ, который послѣ прусскаго короля былъ самымъ сильнымъ и богатымъ княземъ имперіи. По этому императоръ былъ очень радъ, когда курфирстъ отвѣтилъ на его ультиматумъ отъ 12-го іюня довольно уступчиво. Вѣнскіе министры тотчасъ пригласили саксонскихъ пословъ на конференцію (28-го іюня) переписали трактатъ, измѣнили нѣсколько выраженій, тамъ вставляя, тамъ пропуская какое-нибудь незначительное слово.

Когда переговоры пришли почти къ концу, въ Вѣнѣ узнали, что русскій дворъ не доволенъ отвѣтомъ курфирста на русскія требованія и начинаетъ думать о возведеніи на польскій престолъ какого-нибудь пяста. Чтобы уничтожить поводъ ко всякимъ недоразумѣніямъ, въ Вѣнѣ рѣшились исключить изъ трактата

статьи, касавшіяся русскихъ притязаній, опредѣлить окончательно трактатъ между Австріей и Саксоніей и объявить курфирсту, что этотъ договоръ получитъ силу съ того самаго дня, когда состоится согласіе между Саксоніей и Россіей. Кромѣ того императоръ, по совѣту старшаго Левенвольда, потребовалъ отъ курфирста, чтобъ онъ отправилъ собственноручное письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ и въ общихъ выраженіяхъ, но утвердительно высказалъ бы ей свою готовность къ услугамъ. 15-го іюля пришло въ Вѣну извѣстіе, что курфирстъ написалъ письмо и черезъ три дня послѣ этого австрійско-саксонскій трактатъ прошелъ чрезъ послѣднюю редакцію. Въ своемъ новомъ видѣ онъ заключалъ въ себѣ 11 статей или артикуловъ, кромѣ того 2 сепаратныхъ и 2 секретныхъ артикула.

1. Обѣ договаривающіяся стороны обѣщаютъ другъ другу содержать вѣчный и постоянный миръ.

2. Курфистъ приступаетъ къ гарантіи Прагматической Санкціи въ томъ видѣ, какъ она была объявлена въ 1713 году и какъ она была установлена въ трактатѣ заключенномъ между императоромъ и Англіей въ 1731 году. Курфирстъ обѣщаетъ помогать императору и его потомкамъ сообразно съ своимъ званіемъ имперскаго князя *) каждый разъ, когда они подвергнутся нападенію изъ-за Прагматической Санкціи. Курфирстъ не отстанетъ отъ этой гарантіи ни подъ какимъ предлогомъ, придуманнымъ человѣческой хитростью **).

3. Сообразно съ англійскимъ трактатомъ, курфирстъ обѣщаетъ помогать императору и въ томъ случаѣ, если послѣднему объявятъ войну подъ какимъ-либо другимъ предлогомъ.

4. Императоръ обѣщаетъ въ случаѣ войны защищать земли курфирста 12,000-нымъ войскомъ, которое онъ будетъ содержать на собственный счетъ. Курфирстъ же долженъ выставить войско въ 6,000 на защиту Прагматической Санкціи. Ту часть этого войска, которую онъ долженъ выставить какъ членъ имперіи (Reichscontingent) онъ будетъ содержать на собственномъ иждивеніи (даже если бы его контингентъ равнялся — 6,000). Остальную часть

*) In conformität der Reichsmitleidenheit.

**) Wie ihn Menschensinn immer erdenken möchte.

войска будетъ содержать императоръ. Если же будетъ объявлена война императору или его потомкамъ не за Прагматическую Санкцію, а подъ другимъ предлогомъ, то допускается слѣдующее ограниченіе. 1. Если подвергнется нападенію область, принадлежащая къ германской имперіи, то курфирстъ обязуется помогать императору какъ установлено выше. Если же будетъ сдѣлано вторженіе въ наслѣдственную область императора не принадлежащую къ имперіи, то всѣ 6,000 человѣкъ должны содержаться на счетъ императора и служить для прикрытія не атакованныхъ областей. Войско слѣдуетъ выставить въ теченіи 3 мѣсяцевъ съ того дня, когда оно потребуется.

5. Курфирстъ обѣщаетъ не вступать ни въ какія обязательства, которыя противорѣчили бы этому трактату прямо или косвенно.

6. Курфирстъ обязывается по воцареніи въ Польшѣ не предпринимать ничего противъ польской вольности, подтвердить на имперскомъ сеймѣ обязательство принятое относительно Санкціи, заключить съ союзниками императора оборонительный союзъ и согласиться съ ними особеннымъ договоромъ. Все установленное въ союзѣ будетъ гарантировано всѣми участниками.

7. Императоръ гарантируетъ курфирсту все, чего требуютъ правосудіе, обычай и государственное устройство Саксоніи.

8. Императоръ обязуется помогать курфирсту въ польскомъ дѣлѣ. Эта помощь можетъ быть двоякая. Она можетъ состоять въ удаленіи Станислава отъ польскаго престола и въ прямомъ способствованіи курфирсту взойти на престолъ. Что касается до перваго пункта, то императоръ напередъ увѣренъ въ согласіи своихъ союзниковъ, и обѣщаетъ курфирсту, что послы союзныхъ державъ будутъ дѣйствовать за одно съ его послами въ Варшавѣ, и что за это дѣло Австрія, Россія, Пруссія и Англія, будутъ стоять какъ одинъ человѣкъ. Относительно же втораго постановляется теперь слѣдующее: Такъ какъ прусскій король высказалъ уже въ началѣ переговоровъ, что онъ готовъ помогать курфирсту въ достиженіи польской короны, въ надеждѣ, что цесарь будетъ стараться у курфирста объ удовлетвореніи законныхъ требованій, выставленныхъ Пруссіей (Seine billigen desideria), а Ея Всер. В. уже положительно опредѣлила свои требованія — то императоръ обязуется употреблять всѣ средства, чтобы партія курфирста въ Польшѣ не потерпѣла пораженія, и чтобы не былъ возведенъ на престолъ какой-нибудь враждебный третій кандидатъ *). Императоръ употребитъ въ пользу

*) Ein widriggesinnter Tertius, т. е. кромѣ Лещинскаго и курфирста. Въ первоначальномъ трактатѣ императоръ обѣщалъ помогать Августу только противъ Станислава. Теперь онъ прямо обязывался возвести его на престолъ, и устранить всякаго другаго соперника.

курфирста денежную сумму, назначеную для польскихъ дѣлъ, а послѣ избранія будетъ поддерживать его на престолѣ силою оружія. Но съ условіемъ, чтобы курфирстъ заключилъ отдѣльный договоръ съ Россіей, и чтобы обязательство императора не служило бы къ предосужденію вышеупомянутыхъ обѣщаній его, сдѣланныхъ Прусскому королю *).

9. Императоръ, какъ глава имперіи обѣщаетъ курфирсту всякое возможное содѣйствіе его интересамъ, какое только допускается законами германской имперіи.

10. Чтобы прекратить пограничные споры между Саксоніей и Богеміей будетъ составлена особенная конвенція.

11. Договоръ долженъ быть ратификованъ въ теченіи 3 недѣль или еще раньше.

Артикулъ сепаратный I. Курфирстъ обязывается содѣйствовать на имперскомъ сеймѣ къ тому, чтобъ Прагматическая Санкція была распространена на герцогство мантуанское, какъ на ленъ имперіи.

II. Императоръ обязывается поддерживать требованіе курфирста на имперскомъ сеймѣ, чтобы ему было предоставлено право въ совѣтѣ князей подавать по одному голосу за каждое княжество, которымъ онъ владѣетъ, особенно же, чтобы курфирсту были возвращены 2 голоса за маркграфство и бургграфство Мышенскія **).

Артикулъ секретный I. Хотя императоръ уже обязался вообще гарантировать курфирсту все, на что послѣдній имѣетъ законныя права, но здѣсь онъ обязывается особеннымъ образомъ гарантировать курфирсту не только владѣніе тремя бывшими епископствами: Мерзебургъ, Наумбургъ и Мышень, но и вознагражденіе, которое курфирстъ имѣетъ получить отъ Гессенъ-Касселя по смерти графа

*) Эта была уловка, чтобы оправдать себя потомъ въ глазахъ прусскаго короля. Такъ какъ императоръ обѣщалъ поддерживать только справедливыя требованія короля, то онъ въ сущности ни къ чему не обязывался.

**) Имперскій сеймъ состоялъ изъ трехъ такъ-называемыхъ Курій: изъ совѣта курфирстовъ, изъ совѣта князей (Fürsten) и совѣта вольныхъ городовъ. Первый совѣтъ былъ самый важный, потому что курфирсты обратили рѣшеніе многихъ дѣлъ въ свою монополію, и въ ихъ распоряженіи находилось большое число голосовъ въ совѣтѣ князей, такъ какъ они кромѣ своего курфиршества владѣли еще другими княжествами имперіи.

Ганаускато за уступку ландграфу своихъ правъ на Ганау-Мюнценбергское наслѣдство *).

II. Если бы не смотря на оказанную курфирсту отъ союзниковъ помощь, онъ не успѣлъ взойти на польскій престолъ, то долженъ будетъ однако считать себя обязаннымъ этимъ договоромъ.

Переговоры начатые съ Саксоніей русскимъ дворомъ шли также очень медленно. Курфирстъ не принялъ вышеупомянутаго проекта посланнаго къ нему изъ Петербурга въ концѣ мая, и вмѣсто него прислалъ другой проектъ трактата, болѣе для него выгодный. Его особенно пугало требованіе Россіи, чтобы онъ гарантировалъ ей всѣ принадлежащія ей земли и области. Такъ какъ имперія россійская была очень обширна и захватывала часть Азіи, то курфирстъ по смыслу этого трактата могъ бы быть вовлеченъ въ войну съ Персіей и даже съ Китаемъ. Кромѣ того Россія требовала, чтобы курфирстъ по воцареніи въ Польшѣ отказался отъ притязаній на Лифляндію и не касался самостоятельности Курляндіи. Августъ зналъ, что онъ вмѣстѣ съ скиптромъ польскимъ не получитъ однако власти надъ польскимъ народомъ и боялся принять на себя обязательство, которое бы онъ былъ не въ состояніи исполнить.

Но уклончивый отвѣтъ его, вооружилъ противъ него русскій кабинетъ. Въ то же самое время въ Петербургѣ узнали изъ депеши къ австрійскому резиденту Гохгольцеру, что переговоры между Саксоніей и Австріей почти прерваны. Тогда часть русскаго кабинета, нерасположенная къ курфирсту одержала верхъ и русское правительство рѣшилось продолжать переговоры съ курфирстомъ только для вида, чтобы не заставить его искать помощи Франціи, а на

*) Hanau-Münzenbergische Expectanz-jura.

самомъ дѣлѣ хлопотать о возведеніи на польскій престолъ князя Любомирскаго, котораго рекомендовалъ оберштальмейстеръ Левенвольдъ послѣ своего возвращенія изъ Варшавы, какъ самаго вѣрнаго и надежнаго человѣка въ Польшѣ.

29-іюня (ст. ст.) были собраны въ кабинетъ—министры, сенатъ и генералитетъ, чтобы въ полномъ собраніи обсудить мѣры, необходимыя предпринять въ польскомъ дѣлѣ. Левенвольдъ не хотѣлъ, какъ онъ говорилъ потомъ графу Вилчку, возложить всю отвѣтственность на одно нѣмецкое министерство и поэтому настоялъ у императрицы на томъ, чтобы въ совѣтъ были приглашены сенатъ и генералитетъ. Отвѣтственность эта была бы тѣмъ болѣе опасна, что вмѣшательство Россіи въ польское дѣло могло повлечь за собою войну съ Турціей. Такая война была въ Россіи очень непопулярна, потому что народу былъ еще памятенъ прутскій договоръ и новая турецкая война могла сдѣлать правительство Бирона и его нѣмецкихъ товарищей еще болѣе ненавистнымъ. Собранію были прочтены реляціи Левенвольдовъ изъ Варшавы и декларація доброжелательныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой. Потомъ было составлено слѣдующее мнѣніе, подтвержденное послѣ императрицей:

1. Отправить къ примасу грамоту, въ которой прямо высказать, что Россія будетъ смотрѣть на избраніе Лещинскаго или другаго приверженца Франціи, какъ на явное нарушеніе мира и будетъ принуждена принять противъ этого надлежащія мѣры.

2. Если эта грамота не произведетъ никакого дѣйствія, то уполномоченному Россіи предоставляется право, послать къ русскимъ войскамъ на границѣ приказъ вступить въ Польшу. Это вступленіе должно со-

вершиться заблаговременно, чтобы противная партія не была въ состояніи избрать Станислава въ первые дни сейма. „Понеже легче избранію его препятствовать, нежели избраннаго выгнать“.

3. При этомъ должны быть разосланы въ Литву и другія пограничныя польскія области манифесты, въ которыхъ была бы объяснена причина вступленія русскихъ войскъ и было бы обѣщано, что эти войска будутъ содержаться на счетъ русскаго правительства. Въ то же время русскіе послы должны стараться составить въ Литвѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ конфедераціи.

4. Представляется на Всемилостивѣйшее разсужденіе императрицы для предупрежденія всякихъ жалобъ изъ Польши содержать войско на собственномъ иждивеніи и коштѣ и послать къ нему значительную сумму денегъ на покупку провіанта и на прибавку жалованья войскамъ.

5. Приказать военной коллегіи, образовать на границахъ резервы и снабдить ихъ немедленно людьми, лошадьми и амуниціей.

6. Что касается до послѣдователей греческаго исповѣданія и прочихъ диссидентовъ, то вступить по этому дѣлу въ переговоры съ послами протестантскихъ государей и стараться чтобы права ихъ были возобновлены и приведены въ прежнее состояніе.

7. Портѣ объяснить причины, которыя заставляютъ Ея. И. Всер. В. заботиться о томъ, чтобы избраніе короля въ Польшѣ совершилось безпристрастно и согласно съ конституціями Рѣчи Посполитой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого оберштальмейстеръ былъ снова отправленъ въ Варшаву. Въ его инструкціяхъ, русское правительство ясно выразило

свою холодность и недовѣрчивость къ курфирсту и свое намѣреніе возвести на польскій престолъ другаго кандидата. „И такъ какъ, было сказано въ инструкціи, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ въ Польшѣ намъ нельзя долго пребывать въ неизвѣстности относительно намѣреній саксонскихъ, то Мы приказали вручить саксонскимъ посламъ новый проектъ и объявили имъ по примѣру цесарскаго двора: что если курфирстъ дѣйствительно намѣренъ положиться на нашу и союзниковъ нашихъ помощь, то пусть онъ немедленно подпишетъ этотъ трактатъ и пошлетъ оригинальную ратификацію къ нашему послу въ Варшавѣ, который со дня полученія ратификованнаго трактата будетъ дѣйствовать въ интересахъ курфирста.“ Левенвольду предписывалось, если онъ въ теченіи 3 недѣль (считая отъ 5-го іюля ст. ст.) не получитъ изъ Дрездена ратификаціи курфирста, то не теряя времени приступить къ необходимымъ мѣрамъ, чтобы возвести на польскій престолъ князя Любомирскаго.

Когда Левенвольдъ выѣхалъ изъ Петербурга, трактатъ еще не былъ готовъ. 6-го іюля Остерманъ отправилъ къ нему трактатъ съ курьеромъ. Трактатъ былъ подписанъ императрицей и совершенно приготовленъ къ размѣну. Только число войскъ не было выставлено, которое курфирстъ и Россія обязывались присылать другъ другу на помощь, потому что саксонскіе послы въ Петербургѣ просили предоставить курфирсту опредѣленіе этого числа. Пропорція между саксонскими и русскими войсками была однако напередъ установлена; число ихъ должно было относиться какъ 2 къ 3.

По причинѣ огромнаго разстоянія между Вѣной и Пе-

тербургомъ и вслѣдствіе того, что курьерамъ въ то время нужно было 2 недѣли, чтобы проѣхать это разстояніе, между австрійскими и русскими дипломатами возникали часто недоразумѣнія. Въ своей депешѣ отъ 15-го іюля (н. ст.) Карлъ VI извѣстилъ свою союзницу, что онъ велѣлъ подать саксонскимъ посламъ свой ультиматумъ, но не надѣется на успѣхъ переговоровъ. На основаніи этого извѣстія русскій дворъ отправилъ къ курфирсту также свой ультиматумъ и рѣшился принять сторону Любомирскаго. Но между тѣмъ въ Вѣнѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ концѣ мѣсяца императоръ получилъ отъ курфирста удовлетворительный отвѣтъ. Заключенію трактата мѣшало только одно — неудовольствіе русскаго кабинета, возбужденное отчасти австрійской депешей.

Императоръ поспѣшилъ тогда воспользоваться средствомъ, которое предложилъ графу Вилчку Левенвольдъ, и посовѣтовалъ курфирсту написать къ Аннѣ Іоанновнѣ собственноручное письмо. Курфирстъ послѣдовалъ совѣту, письмо показалось императору удовлетворительнымъ и онъ подписалъ трактатъ заключенный съ саксонскимъ курфирстомъ 16-го іюля. Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ получилъ извѣстіе отъ своего резидента въ Петербургѣ, что русскій кабинетъ отправилъ къ курфирсту свой ультиматумъ и назначилъ ему чрезвычайно короткій срокъ, чтобы привести переговоры къ концу. Императоръ встревожился; несогласіе между курфирстомъ и русскимъ дворомъ могло расторгнуть союзъ между Австріей и Россіей. Если бы первая стала поддерживать курфирста, а вторая Любомирскаго, то партія Станислава и Франціи непремѣнно одержала бы верхъ. Поэтому императоръ въ своемъ рескриптѣ (6-го ав. н. ст.) къ Гохгольцеру приказываетъ ему благодарить русскій кабинетъ за то, что онъ не заключилъ трактата съ курфирстомъ, когда узналъ о несогласіи, возникшемъ между нимъ и императорскимъ дворомъ. „Но теперь, пишетъ онъ все устроено и не слѣдуетъ медлить заключеніемъ трактата“. Императоръ упрекаетъ своего резидента въ томъ, что онъ не умѣлъ воспользоваться расположеніемъ Бирона, чтобы кончить дѣло въ пользу Австріи*) и этимъ далъ возможность французской партіи при русскомъ дворѣ до такой степени затруднить соглашеніе съ курфирстомъ, что оно казалось невозможнымъ. Вѣнскій дворъ приписывалъ это замедленіе и увеличеніе требованій со стороны Россіи интригамъ прусскаго двора, который все старался упрочить курляндское герцогство за однимъ изъ прусскихъ принцевъ.

Опасенія императора были напрасны. Когда его рескриптъ былъ привезенъ въ Петербургъ, русскій дворъ уже склонился совершенно въ пользу курфирста. Эта перемѣна была вызвана двумя письмами Августа къ Аннѣ Іоанновнѣ: одно было изъ Морицбурга отъ 28-го іюня (н. ст.), другое болѣе важное, которое рѣшило дѣло было отъ 9-го іюля изъ Дрездена. Курфирстъ благодарилъ императрицу за ея расположеніе къ нему, напомнилъ ей, что онъ немедленно призналъ за ней титулъ императрицы, обѣщался вступить въ оборонительный союзъ, не помогать ни въ чемъ врагамъ Россіи и стараться, чтобы всѣ требованія и претен-

*) Wo jedoch bei des Birons von dir berichteten an sich vernünftigen Gesinnungen dir so schwer nicht hätte fallen können, das Werk in so lange bei dem rechten Mittelweg zu halten bis nicht die Hoffnung, sich vor den Churfürsten zu versichern völlig verschwunden sein dürffte.

зіи ея, особенно относительно Курляндіи и Лифляндіи были удовлетворены согласно съ древними трактатами. Въ то же время онъ выражалъ надежду, что Россія не станетъ отъ него требовать болѣе чѣмъ „добрыя офиціи“, т. е. обѣщанія дѣлать все, что будетъ въ его силѣ, ибо при ограниченіи королевской власти въ Польшѣ онъ не можетъ обязаться ни къ чему иному. Второе письмо было получено въ Петербургѣ 10 іюля (ст. ст.), т. е. черезъ три дня послѣ того, какъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ трактатъ между Саксоніей и Австріей, и русскій кабинетъ рѣшился тотчасъ же вступить въ союзъ съ курфирстомъ и облегчить ему доступъ къ окончательному соглашенію *).

Въ рескриптѣ къ Левенвольду, писанномъ 12-го іюля, русскій кабинетъ приказалъ ему не дожидаться присылки изъ Дрездена ратификованнаго трактата, но тотчасъ приложить всякое стараніе, чтобы содѣйствовать курфирсту въ достиженіи польской короны. Такъ какъ въ Петербургѣ еще не знали, что договоръ между Саксоніей и Австріей уже подписанъ, то Левенвольду поручалось ускорить всѣми средствами соглашеніе между Августомъ и Карломъ VI. „А ежели

*) Оба письма напеч. въ Выпискѣ Бантышъ-Каменскаго. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія коллегія иностранныхъ дѣлъ потребовала у Московскаго Главнаго Архива свѣдѣній объ избраніи Августа III. Бантышъ-Каменскій составилъ тогда пространную выписку изъ реляцій и рескриптовъ, относившихся къ этому событію и послалъ ее въ Петербургъ подъ заглавіемъ: „Выписка обстоятельная о выборѣ на польскій престолъ кандидата въ случаѣ смерти Августа II и о избраніи потомъ въ короли сына его Августа III, съ 1727—1734 г. — учиненная по приказанію его сіят. вице-канцлера въ архивѣ Бантышъ-Каменскимъ 1775 окт.“ Эта выписка была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 года въ IV томѣ, гдѣ она занимаетъ 200 страницъ мелкаго шрифта. Черновая Б. Каменскаго, которая нѣсколько полнѣе рукописи, напечатанной въ Р. В., хранится въ Москов. Архивѣ.

бы и съ цесарской стороны паче чаянія къ произведенію его курфирста затрудненія учинены были, то имѣете вы цес. послу объявить, что Мы имъ курфирстомъ довольны и произведенія его желаемъ, дабы и они съ своей стороны неудобныя кондиціи, на которыя ему курфирсту поступать невозможно отставили и на произведеніе его на польскій престолъ согласились. А что до прусскаго надлежитъ, то извѣстно, что онъ такія кондиціи отъ него требуетъ, которыя ему курфирсту исполнять никогда невозможно и для того, ежели король прусскій отъ тѣхъ не отстанетъ и на произведеніе его не согласится, то имѣете вы съ одними цесарскими оное дѣло въ дѣйство производить“.

Императрица извѣстила курфирста грамотою отъ 17-го іюля (ст. ст.) о принятомъ ею рѣшеніи и выразила надежду, что онъ дѣйствительно исполнитъ свое обѣщаніе. Трактатъ между Саксоніей и Россіей долженъ былъ быть окончательно установленъ въ Варшавѣ, русскимъ уполномоченнымъ оберштальмейстеромъ Левенвольдомъ и саксонскими коммиссарами графомъ Вакербартомъ Салмуромъ младшимъ и генераломъ Баудисомъ.

Узнавъ объ этомъ, вѣнскій дворъ опять началъ опасаться, чтобы между договаривающимися сторонами не возникло недоразумѣнія. Онъ поручилъ своему послу графу Вилчку представить Левенвольду, что обѣщаніе курфирста не помогать врагамъ Россіи равняется гарантіи русскихъ владѣній, которую отъ него требовали, а саксонскихъ коммиссаровъ убѣждать, что они теперь могутъ принять русскій трактатъ, потому что въ немъ требуется только гарантія владѣній, лежащихъ въ Европѣ и кромѣ того оборонительный союзъ между Августомъ и Россіей ограниченъ 18-ю годами.

Трактатъ, заключенный между Россіей и курфирстомъ содержитъ въ себѣ 9 статей и кромѣ того 5 секретныхъ артикуловъ. Такъ какъ онъ былъ уже подписанъ императрицей, и время не позволяло послать въ Петербургъ за новымъ трактатомъ, то уступки, на которыя согласился Левенвольдъ, были выражены въ особенномъ приложеніи, содержавшемъ въ себѣ еще 10 пунктовъ. Эти пункты или конвенція были подписаны въ Варшавѣ 14 августа, и ратифікованы курфирстомъ въ Дрезденѣ 1-го сентября 1733 года.

9 статей трактата были слѣдующія:

1. Императрица и курфирстъ обѣщаютъ жить въ истинной и постоянной дружбѣ, имѣть въ виду взаимную пользу и предостерегать другъ друга отъ всякаго вреда.

2. Между ними заключается оборонительный союзъ такого свойства, что они гарантируютъ другъ другу всѣ въ ихъ владѣніи находящіяся и въ Европѣ лежащія государства, герцогства, княжества, провинціи и земли, и обязуются выставить въ случаѣ нападенія установленное число вспомогательнаго войска въ теченіи 3 мѣсяцевъ и не успокоиться до тѣхъ поръ, пока обиженная сторона не получитъ справедливаго удовлетворенія.

3. Вспомогательное войско должно состоять съ русской стороны изъ 2,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты, а съ саксонской стороны изъ 1,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи добраго регулярнаго войска, снабженнаго полевой артиллеріей, амуниціей и всѣмъ необходимымъ. Та сторона, которая оказываетъ помощь должна давать своему войску жалованье, пополнять и содержать его, а сторона, призывающая на помощь обязывается давать ему обыкновенный провіантъ, фуражъ и квартиры, какъ своему собственному войску.

4. Если это число окажется недостаточнымъ, то обѣ стороны составятъ между собой новое соглашеніе и въ случаѣ необходимости будутъ помогать другъ другу всею своею силою.

5. Вспомогательное войско должно быть въ распоряженіи того, кто будетъ имѣть главное начальство надъ войсками стороны, нуждающейся въ помощи. Но ближайшая команда надъ нимъ предоставляется собственному ихъ генералу, при этомъ оно не должно быть болѣе утруждаемо, чѣмъ войска стороны пригласившей его на помощь.

6. Императрица всероссійская и курфирстъ саксонскій объявляютъ, что они ни съ кѣмъ не имѣютъ обязательства, которое могло бы служить предосужденіемъ оборонительному между ними союзу, и никогда въ подобное не вступятъ. (Россія имѣла въ виду Францію, а курфирстъ Пруссію).

7. Курфирстъ признаетъ за всероссійской государыней императорскій титулъ, подобно тому какъ это дѣлаетъ прусскій король, а по достиженіи польской короны будетъ стараться, чтобы и республика признала этотъ титулъ. Въ замѣнъ этого императрица даетъ курфирсту тотчасъ по ратификаціи трактата, титулъ королевскаго высочества.

8. Союзъ этотъ заключается на 18 лѣтъ, а по истеченіи этого срока будетъ возобновленъ по обстоятельствамъ.

9. Обѣ стороны будутъ приглашать прусскаго короля приступить къ этому союзу. То же самое будетъ сдѣлано относительно королей великобританскаго и датскаго.

Артикулъ секретный 1. Курфирстъ обязуется по вступленіи своемъ на польскій престолъ, сдѣлать все, что будетъ зависѣть отъ него, какъ отъ перваго чина Рѣчи Посполитой, чтобы она удовлетворила Россію во всѣхъ ея притязаніяхъ, сходныхъ съ Вѣчнымъ миромъ, какъ этого требуетъ явная справедливость. (Дѣло идетъ о земляхъ приднѣпровскихъ и о правахъ греческаго вѣроисповѣданія). Такъ какъ Польша, ссылаясь на трактатъ, заключенный въ Нарвѣ въ 1704 г., но ею самой неисполненный, изъявляетъ неосновательныя притязанія на княжество лифляндское, уступленное Россіи Швеціей по Нейштатскому миру за 2,000,000 ефимковъ, то курфирстъ обязуется употребить всѣ свои старанія, чтобы Рѣчь Посполитая отказалась отъ этихъ притязаній.

2. Его курфирстская свѣтлость обязуется, употребить всѣ свои старанія, чтобы герцогство курляндское было оставлено при нынѣшнемъ своемъ образѣ правленія, при вольности, привилегіяхъ и при принадлежащемъ ему правѣ свободнаго избранія новаго герцога. „Однакожъ съ цѣлостью принадлежащаго Рѣчи Посполитой права феодальнаго, которое Е. И. В. Всер. королевству и Р. П. польской въ вѣчное время гарантировать себя охотна и склонна декларуетъ“.

Курфирстъ обѣщаетъ не нарушать, если достигнетъ польскаго престола правъ, вольностей и конституцій Рѣчи Посполитой, а въ отношеніяхъ къ Россіи соблюдать условія Вѣчнаго мира (1686 г.), что обѣщаетъ съ своей стороны и русская государыня.

4. Такъ какъ императрица всероссійская обѣщаетъ содѣйствовать курфирсту въ его намѣреніяхъ на польскій престолъ только

совокупно съ своими союзниками, то курфирстъ принимаетъ на себя обязанность какъ можно скорѣе заключить отдѣльные договоры съ этими союзниками, Е. Цесар. В. и Е. В. кор. прусскимъ.

5. Напротивъ того, императрица всероссійская обѣщаетъ содѣйствовать курфирсту въ его намѣреніяхъ въ Польшѣ посредствомъ переговоровъ и денегъ, а въ случаѣ необходимости и войсками, если только это можетъ быть сдѣлано безъ нарушенія вольнаго избранія. Императрица заблаговременно воспротивится намѣренію враждебной партіи въ Польшѣ, которая хочетъ исключить курфирста, стѣснить благонамѣренныхъ и ограничить свободу избранія. Императрица пріиметъ также надлежащія мѣры, чтобы удержать Татаръ отъ польскихъ границъ. Съ своей стороны, курфирстъ обязывается помогать Россіи всѣми своими силами, если оказанное ею содѣйствіе курфирсту вовлечетъ ее въ войну съ кѣмъ бы то ни было.

Конвенція, составленная для объясненія главнаго трактата и для облегченія обязательствъ курфирста состояла изъ 10 пунктовъ:

1. Саксонскіе полномочные министры обязуются, именемъ Е. кор. высоч., что будетъ присланъ въ Варшаву трактатъ, имъ подписанный и во всемъ сходный съ тѣмъ, который подписала Е. И. В. Всер., а цесарскій посолъ беретъ на себя ручательство въ этомъ.

2. Оберштальмейстеръ графъ Ф. Левенвольдъ объявляетъ въ силу даннаго ему полномочія, что саксонскія вспомогательныя войска призванныя противъ Турокъ не будутъ уведены далѣе Кіева и его округа, а противъ Шведовъ далѣе Риги и тамошняго округа.

3. Артиллерія русскаго вспомогательнаго отряда должна состоять изъ 8 полевыхъ пушекъ и 4 гаубицъ, а саксонскаго отряда изъ 2 полевыхъ пушекъ и 1 гаубицы.

4. Хотя въ трактатѣ условлено, что вспомогательныя войска будутъ получать отъ той державы, которая ихъ призоветъ, только провіантъ, фуражъ и квартиры, однако теперь установляется, что вспомогательныя войска какъ скоро будутъ приняты коммиссарами союзной державы, будутъ получать отъ нея полное прокормленіе, жалованье, провіантъ и фуражъ, а также необходимыя подводы и квартиры, такъ что державѣ, приславшей войска на помощь, останется только пополнять ихъ рекрутами и снабжать кавалерію лошадьми.

5. Срокъ, назначенный въ трактатѣ, для присылки вспомогательныхъ войскъ опредѣленъ въ 3 мѣсяца. Но такъ какъ разстояніе

тѣхъ мѣстъ, гдѣ нужна помощь можетъ быть очень далеко, то вмѣсто 3 назначается 6 мѣсяцевъ.

6. Если одна изъ договаривающихся сторонъ подвергнется изъза польскихъ дѣлъ нападенію, то другая должна помогать ей не вышеозначеннымъ числомъ войска, а всѣми своими силами, и не успокоиться до тѣхъ поръ, пока сторона, подвергнувшаяся нападенію, не получитъ полнаго удовлетворенія.

7. Оборонительный союзъ между Россіей и Саксоніей будетъ имѣть полную силу, даже въ томъ случаѣ, если бы курфирсту не удалось взойти на польскій престолъ.

8. Титулъ королевскаго высочества признанный Россіей за курфирстомъ переходитъ также къ его наслѣдникамъ.

9. Въ 4-й статьѣ трактата курфирстъ обязался заключить отдѣльные договоры съ союзниками Россіи, съ цесаремъ и прусскимъ королемъ. Но съ цесаремъ трактатъ уже заключенъ, а что касается до втораго, то оберштальмейстеръ объявляетъ, что Е. И. В. Всер. довольна предложеніями, которыя сдѣлалъ курфирстъ королю прусскому и болѣе отъ него ничего не требуетъ.

10. Вышеписанные сепаратные артикулы должны быть ратифицированы и размѣнены какъ можно скорѣе и должны имѣть такую же силу, какъ если бъ они были внесены въ главный трактатъ

Такимъ образомъ за нѣсколько дней до начала сейма избранія, Россія и Австрія обязались возвести на польскій престолъ курфирста саксонскаго. Третій союзникъ, прусскій король, отсталъ отъ нихъ, потому что они не хотѣли купить его содѣйствіе удовлетвореніемъ выставленныхъ имъ требованій.

Курфирстъ саксонскій извѣстилъ тотчасъ по смерти своего отца короля прусскаго о своемъ намѣреніи домогаться польской короны. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ это сообщеніе довольно благосклонно, и въ то время, когда вѣнскій кабинетъ еще стоялъ за инфанта португальскаго, прусскій король извѣстилъ русскую императрицу, что онъ, можетъ быть, войдетъ съ курфирстомъ, какъ съ однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ, въ особенныя сношенія. Когда русскій и австрійскій дворы сблизились съ курфир-

стомъ и предложили ему условія, на которыхъ они обѣщали ему помогать въ достиженіи польской короны, прусскій король не отсталъ отъ своихъ союзниковъ и предложилъ также свои. Его условія не были для курфирста болѣе обременительны, чѣмъ извѣстныя намъ условія императорскихъ дворовъ. Прусскій король обязывался:

1. Помогать курфирсту въ достиженіи польскаго престола, наравнѣ съ своими союзниками.

2. Поддерживать курфирста, въ случаѣ избранія его на престолъ противъ всѣхъ и каждаго въ равной мѣрѣ и степени, какъ это будутъ дѣлать императорскіе дворы.

Въ замѣнъ этого курфирстъ долженъ былъ обязаться:

3. Отказаться совершенно отъ тяжбы, которую онъ началъ вести при имперскомъ надворномъ судѣ въ дѣлѣ Клевъ-Юлихъ-Бергскаго наслѣдства.

4. Гарантировать королю и его наслѣдникамъ мужскаго и женскаго пола герцогство Бергенъ съ областями Равенштейнъ и Винненталь по прекращеніи пфальцъ-нейбургской мужской линіи.

5. Признать безъ всякихъ отлагательствъ остфризскій титулъ принятый прусскимъ королемъ.

6. По достиженіи польской короны признать за Фридрихомъ-Вильгельмомъ королевскій титулъ (чего еще не сдѣлала Рѣчь Посполитая).

7. По возможности благопріятствовать намѣреніямъ прусскаго короля, относительно Курляндіи.

8. Снова дозволить провозъ гальской соли черезъ Эльбингъ, согласно съ прежними торговыми договорами.

9. Не мѣшать прусскому королю въ его намѣреніяхъ относительно эльбингскаго и драгинскаго уѣздовъ, и не предпринимать ничего противъ него въ этомъ дѣлѣ. (Эти польскіе уѣзды были заложены Пруссіи во время войны съ Карломъ XII; созывательный сеймъ поручилъ примасу выкупить ихъ, но прусскому королю хотѣлось удержать ихъ за собой).

10. Возобновить велаускіе договоры и употребить всякое стараніе, чтобы они были измѣнены согласно съ новыми требованіями обстоятельствъ и времени.

11. Особенно же допустить безпрепятственно—дозволенную въ этихъ договорахъ прусскому королю вербовку рекрутъ въ королевствѣ польскомъ и в. кн. литовскомъ.

12. Возобновить такъ-называемый соляной трактатъ и всѣ другіе договоры, установленные между Сакс оніей и Пруссіей.

Въ замѣнъ этого, прусскій король обязывался, кромѣ содѣйствія курфирсту въ польскомъ дѣлѣ, гарантировать ему и его дому съ согласія германскаго императора наслѣдство юлихскаго герцогства со всѣми его принадлежностями по прекращеніи мужской линіи пфальцъ-сулцбахскаго дома (младшей линіи пфальцъ-нейбургскаго дома.)

Но курфирстъ былъ того мнѣнія, что онъ купилъ содѣйствіе Австріи и Россіи слишкомъ дорогой цѣной, и не хотѣлъ согласиться на новыя пожертвованія, чтобы пріобрѣсти союзъ съ Пруссіей. Онъ отвѣчалъ Фридриху-Вильгельму, что по смыслу деклараціи, сдѣланной прусскими послами примасу вмѣстѣ съ послами Россіи и Австріи, король прусскій обязался защищать въ Польшѣ свободу избранія, а при совершенно свободномъ избраніи не потребуется отъ Пруссіи никакой помощи и опасеніе касательно войны съ Франціей окажется напраснымъ.

„Дѣйствительная же помощь потребуется только въ случаѣ несогласія избирателей и провозглашенія двухъ королей. Курфирстъ надѣется, что король пріймемъ тогда его сторону противъ французской партіи, но не видитъ причины, почему вся тяжесть послѣдствій, могущихъ произойти изъ этого должна пасть на него курфирста, хотя король прусскій заключилъ союзъ съ Австріей и Россіей прежде, чѣмъ курфирстъ изъявилъ свое желаніе взойти на польскій престолъ.

„Курфирстъ принимаетъ обѣщанія, высказанныя въ первыхъ двухъ пунктахъ прусскаго меморіала съ благодарностью.

„Требованія, выставленныя прусскимъ королемъ, какъ условія его содѣйствія курфирсту въ прусскомъ дѣлѣ, касаются частью Польши, частью Саксоніи:

„Что касается до первыхъ, высказанныхъ въ 6, 7, 8, 9, 10 и 11 пунктахъ, то курфирстъ находитъ ихъ очень затруднительными и опасными, ибо извѣстно, что король польскій не можетъ обязаться законнымъ образомъ ни къ чему безъ согласія Рѣчи Посполитой. Его кор. высочество рѣшилось не принимать на себя никакихъ обязательствъ, исполненіе которыхъ не зависитъ совершенно отъ его произвола, но обѣщаетъ, въ случаѣ избранія на польскій престолъ, соблюдать доброе сосѣдство, и оказывать прусскому королю всякія возможныя услуги.

„Что касается до условій, относящихся лично до него, то онъ готовъ на всякія справедливыя уступки. Но въ дѣлѣ юлихскаго наслѣдства, о которомъ говорится въ 3 и 4 пунктахъ, онъ не можетъ принять на себя ничего, ибо здѣсь заинтересованъ весь саксонскій домъ. Впрочемъ, онъ готовъ склонять своихъ родственниковъ къ полюбовному окончанію тяжбы и не станетъ предпринимать ничего враждебнаго, пока она будетъ продолжаться (pendente lite).

„Остфризскій титулъ курфирстъ готовъ признать, какъ скоро онъ будетъ признанъ императоромъ. Что касается до пункта 12, то курфирстъ готовъ возобновить всѣ прежніе договоры съ Пруссіей.“

Фридрихъ-Вильгельмъ уже прежде былъ раздраженъ тѣмъ, что Россія и Австрія не дали своей ратификаціи на Левенвольдовъ трактатъ и потому не отправилъ къ своимъ посламъ въ Варшаву условленныхъ 36,000 червонцевъ и не выставилъ на границахъ Польши своего войска. Впрочемъ, по настоянію императора онъ отвѣтилъ рѣзко на французскую декларацію, представленную маркизомъ Шетарди и объявилъ, что онъ ни въ чемъ не отстанетъ отъ своихъ

союзниковъ. Тоже самое подтвердили его послы въ Варшавѣ на аудіенціи у примаса 14-го мая.

Но когда король получилъ этотъ уклончивый отвѣтъ отъ курфирста саксонскаго, то сталъ хладнокровнѣе смотрѣть на польскія дѣла. Дѣйствительно, воцареніе Станислава было для него не опасно, но всякое противодѣйствіе ему могло его вовлечь въ войну съ Франціей и Швеціей. Россія и Австрія обезпечили себѣ различныя выгоды за помощь, которую они обѣщали оказать курфирсту. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не получалъ за свои пожертвованія никакихъ выгодъ ни со стороны курфирста ни со стороны Австріи и Россіи. Поэтому, не зная еще, чѣмъ разыграются польскія дѣла онъ рѣшился остаться равнодушнымъ зрителемъ совершавшихся событій.

Австрія и Россія были очень недовольны, когда узнали о равнодушіи прусскаго короля и между союзными кабинетами началась продолжительная дипломатическая переписка.

Король сообщилъ императрицѣ отвѣтъ, полученный изъ Саксоніи и спрашивалъ у нея совѣта, какъ ему поступать въ дѣлѣ польскаго избранія.

На прусскую промеморію, поданную Мардефельдомъ $\frac{3\text{ іюля}}{22\text{ іюня}}$, Остерманъ отвѣтилъ другой промеморіей, которая была вручена Мардефельду $\frac{26\text{ іюня}}{7\text{ іюля}}$. (ст. ст.). Остерманъ не прямо отвѣчалъ на вопросъ короля, но старался при этомъ удобномъ случаѣ дать понять королю, что онъ заслужилъ такой отказъ со стороны курфирста своимъ нерѣшительнымъ поведеніемъ въ польскихъ дѣлахъ. Вицеканцлеръ напоминалъ королю, что 20-го іюня (н. ст.) графы Вилчекъ и Левенвольдъ подали примасу новую декларацію, и что прусскій посолъ Брантъ не принималъ участія въ

подачѣ грамоты Остерманъ жаловался королю, что такое поведеніе его пословъ повредило общему дѣлу. Ибо въ Польшѣ распространился слухъ, что Пруссія отдѣлилась отъ своихъ союзниковъ и отъ этого увеличилась самонадѣянность станиславовой партіи. Русскій вице-канцлеръ выражалъ отъ имени своей государыни надежду, что прусскій король отправитъ къ своимъ посламъ надлежащія инструкціи, и поставитъ на границахъ польскихъ свое войско.

Прусскій король, сказано въ промеморіи не станетъ смѣшивать устраненіе Станислава съ избраніемъ курфирста. Первое необходимо для всѣхъ трехъ союзниковъ, второе важно на сколько оно можетъ содѣйствовать къ достиженію главной цѣли. Русская императрица еще не обязалась доставить курфирсту польскій престолъ. Все, что произошло между обоими дворами, сообщено прусскому королю. Самъ король еще до смерти Августа II хлопоталъ о томъ, чтобы упрочить за курпринцемъ польскій престолъ, а потомъ первый предложилъ его въ кандидаты на польскую корону. Русскій дворъ вступилъ въ переговоры съ курфирстомъ потому, что онъ одинъ въ силахъ съ помощію своихъ приверженцевъ въ Польшѣ воспрепятствовать избранію Станислава, и чтобы удержать курфирста отъ союза съ Франціей. Король можетъ удостовѣриться изъ договора, предложеннаго Россіей курфирсту, что она не требуетъ отъ него ничего противорѣчащаго правамъ и конституціямъ Рѣчи Посполитой. Русскій дворъ знаетъ очень хорошо, что курфирстъ, если онъ хочетъ поступать честно, можетъ обѣщать только готовность къ услугамъ (bona officia), ибо будетъ совершенно стѣсненъ польскими установленіями. Этого совершенно достаточно, ибо при продолжающемся добромъ согласіи трехъ союзниковъ ни одинъ курфирстъ саксонскій не въ состояніи сдѣлаться имъ опаснымъ, будь онъ и королемъ польскимъ. Е. И. В. Всер. надѣется, что король прусскій не потребуетъ отъ курфирста невозможнаго; впрочемъ она готова употребить всѣ свои старанія при будущемъ королѣ польскомъ и при Рѣчи Посполитой, чтобы король нашелъ себѣ полное удовлетвореніе, а теперь можетъ его увѣрить, что ни съ кѣмъ на свѣтѣ не войдетъ въ обязательства, могущія повредить интересамъ прусскаго короля.

Въ то самое время, когда Остерманъ своей промеморіей старался удержать прусскаго короля въ союзѣ съ Австріей и Россіей, графъ Секендорфъ въ Берлинѣ преслѣдовалъ туже самую цѣль. Онъ получилъ отвѣтъ отъ короля $\frac{\text{это было}}{\text{это было}}$. Прусскій король объявлялъ, что онъ тщательно просмотрѣлъ всѣ трактаты, заключенные имъ съ Австріей и Россіей и нигдѣ не нашелъ ни одного слова, которое бы обязывало его противодѣйствовать воцаренію Станислава. (Это была иронія—вышеупомянутое обязательство находилось только въ Левенвольдовомъ трактатѣ и король хотѣлъ напомнить своимъ союзникамъ, что они сами виноваты въ томъ, что этотъ договоръ не былъ ратификованъ). Въ договорѣ, заключенномъ между нимъ и цесаремъ въ 1728 году, сказано только, что обѣ стороны должны сообщать другъ другу откровенно свои намѣренія относительно польскихъ дѣлъ. А въ договорѣ, заключенномъ съ Россіей въ 1730 г., сказано только, что обѣ стороны будутъ содѣйствовать возвышенію на польскій престолъ такого кандидата, который бы не былъ опасенъ ни для нихъ, ни для польской свободы.

Отвѣтъ Секендорфу былъ отданъ ему 9-го іюля. А черезъ 4 дня король отправилъ новый рескриптъ къ курфирсту, въ родѣ ультиматума. Король настаивалъ на окончаніи юлихскаго спора какъ на главномъ условіи его вмѣшательства въ польскія дѣла.

Наконецъ, $\frac{\text{9-го августа}}{\text{28-го іюля}}$ былъ полученъ въ Петербургѣ отвѣтъ на промеморію Остермана. Король напоминалъ русскому двору, какъ искренно дѣйствовалъ онъ въ пользу общихъ интересовъ съ самого начала междуцарствія, и что онъ отвѣтилъ на французскую декларацію совершенно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ этого желалъ цесарь, хотя такой рѣзкій отвѣтъ могъ имѣть очень невыгодныя для Пруссіи послѣдствія. Мало того, онъ уже рѣшился собрать войска на польскихъ границахъ и вступить съ ними въ Польшу, какъ скоро этого бы пожелали цесарь и императрица. Но союзники его сами измѣнили весь планъ дѣйствій, о которомъ они договорились, сначала не подтвердивъ Левенвольдова трактата, и даже не объявивъ королю о причинахъ, побудившихъ ихъ къ этому, потомъ подставивъ вмѣсто инфанта курфирста саксонскаго. Ради своихъ союзниковъ, король согласился на возвышеніе курфирста, но когда онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры и предложилъ ему нѣсколько условій, то тотъ старался отдѣлаться пустыми словами. „Впрочемъ, всего болѣе удивило Е. К. В. то, что объявилъ саксонскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, будто императоръ не позволяетъ курфирсту соглашаться на сдѣлку относительно юлихскаго наслѣдства. Если вникнуть хорошенько въ дѣло, то курфирстъ гораздо опаснѣе для союзниковъ, чѣмъ Станиславъ. Ибо Лещинскій не могъ бы нарушить свободныхъ учрежденій Рѣчи

Посполитой, ни повредить ея сосѣдямъ. Малѣйшая попытка подобнаго рода могла бы легко быть подавлена соединенными силами союзниковъ, окружающихъ Польшу съ трехъ сторонъ. Но курфирстъ владѣетъ обширнымъ и богатымъ государствомъ, притомъ у него всегда на готовѣ большое и хорошо дисциплинированное войско. Если бы русская императрица, желала исполнить то, къ чему она обязалась въ своемъ союзномъ договорѣ съ Пруссіей она должна бы была отказаться отъ содѣйствія курфирсту, сосѣдство котораго опасно для короля.“

„Но король этого не требуетъ; съ своей стороны онъ однако надѣется, что и его не станутъ принуждать къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Станислава. Всякое противодѣйствіе Лещинскому будетъ способствовать къ возвышенію курфирста и можетъ вовлечь Пруссію въ войну съ Франціей. Такая война для Пруссіи чрезвычайно опасна, потому что области ея разбросаны и нельзя собрать такого войска, которое могло бы ихъ защищать всѣ въ одно время. Пруссія могла бы легко потерять Нефшательское княжество на границахъ Франціи или свои прирейнскія области. Въ то же время приверженцы Станислава могли бы вторгнуться въ пограничныя прусскія владѣнія, а Шведы, возбужденные Франціей, въ Померанію.

„Если же хотятъ, чтобы король помогалъ курфирсту въ достиженіи польскаго престола, вступилъ съ своимъ войскомъ въ Польшу и чтобы такимъ образомъ обрекъ себя на войну съ Франціей, то слѣдуетъ склонить курфирста, чтобы онъ принялъ прусскія условія и кромѣ того обязался вознаградить короля за издержки и за убытки, могущіе произойти отъ войны съ Франціей; а все это должно быть гарантируемо

обоими императорскими дворами. Въ противномъ же случаѣ король въ польскія дѣла вмѣшиваться не будетъ; тѣмъ болѣе, что императорскіе дворы довольно сильны, чтобы уничтожить всѣ замыслы приверженцевъ Станиславовыхъ и легко остановить всякую попытку нарушить польскую вольность, хотя впрочемъ до сихъ поръ еще никто не жаловался на притѣсненія, и никто не подалъ законной протестаціи въ гродахъ, противъ того, что было сдѣлано на созывательномъ сеймѣ". Берлинскій кабинетъ нарочно помѣстилъ этотъ намекъ въ концѣ своей промеморіи; онъ хотѣлъ высказать этимъ: что не считаетъ такъ называемый „манифестъ доброжелательныхъ" законнымъ протестомъ части польскаго народа, а видитъ въ немъ плодъ интригъ императорскихъ пословъ въ Варшавѣ. Впрочемъ, при другихъ обстоятельствахъ берлинскій кабинетъ не затруднился бы признать этотъ манифестъ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вызвать вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу.

Когда русскій дворъ рѣшился окончить переговоры съ курфирстомъ саксонскимъ и приказалъ своимъ посламъ въ Варшавѣ дѣйствовать въ его пользу, онъ отправилъ 21-го іюля ст. ст. въ Берлинъ поручика Мейендорфа, съ рескриптомъ къ русскому послу Ягужинскому. Послу предписывалось сообщить прусскому королю извѣстіе о томъ, что русскій дворъ заключилъ союзъ съ курфирстомъ, не желая отставать отъ австрійскаго. Русскій дворъ выражалъ надежду, что прусскій король послѣдуетъ его примѣру и не будетъ настаивать на условіяхъ, на которыя курфирсту не возможно согласиться. Но въ случаѣ, если союзъ между Пруссіей и Саксоніей и не состоится, то это не должно отдалить прусскаго короля отъ его союзниковъ, потому что онъ можетъ быть увѣренъ въ ихъ расположеніи въ настоящее и на будущее время.

Ягужинскій былъ у Фридрифа-Вильгельма на аудіенціи 27-го іюля. Король стоялъ на своемъ; повторялъ, что никогда не обязывался помогать курфирсту, и что возвышеніе Станислава вовсе не опасно, потому что онъ ничего не въ состояніи предпринять при ограниченности королевской власти. Напрасно Ягужинскій напоминалъ ему о томъ, что онъ самъ хлопоталъ о курфирстѣ, и что Россія не требуетъ отъ него никакихъ жертвъ а только „добрыя офиціи".

Въ тоже время король получилъ собственноручное письмо отъ курфирста, который напоминалъ ему о дружбѣ, господствовавшей между его покойнымъ отцомъ и королемъ, и о расположеніи, которое онъ самъ всегда выказывалъ къ нему. Августъ обѣщалъ содѣйствовать интересамъ Пруссіи, когда будетъ польскимъ королемъ, но въ главномъ вопросѣ, касательно юлихскаго наслѣдства былъ также неуступчивъ какъ и прежде. Онъ ссылался на права другихъ лицъ, также замѣшанныхъ въ этой тяжбѣ (jus tertii) и на верховный судъ императора, отъ котораго все зависитъ.

Отвѣтъ короля, написанный 13-го августа отличается той краткостью и выразительностью слога съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, который замѣчается во всѣхъ его письмахъ. Обращаясь къ своему старому пріятелю, о которомъ онъ былъ не высокаго мнѣнія и котораго онъ на своемъ фамиліарномъ языкѣ не называлъ иначе какъ Mantelsack (чемоданъ) онъ желаетъ ему счастія въ достиженіи польскаго престола, котораго онъ вполнѣ достоинъ, и объявляетъ ему, что не будетъ мѣшать ему въ этомъ намѣреніи. Но дѣятельной помощи онъ отъ него ожидать не можетъ, потому что

онъ не хочетъ согласиться на его умѣренныя и справедливыя требованія, а въ главномъ дѣлѣ, юлихскомъ наслѣдствѣ, хочетъ отдѣлаться пустыми отговорками, ссылаясь на права другихъ наслѣдниковъ и на императорскій судъ. Поэтому онъ не станетъ содѣйствовать ему въ достиженіи престола такъ ревностно, какъ онъ самъ сначала желалъ этого.

Но союзники не хотѣли оставить въ покоѣ прусскаго короля. Австрія была слишкомъ встревожена дѣятельными приготовленіями Франціи къ войнѣ и равнодушіемъ Англіи и Голландіи. Ей хотѣлось, чрезъ посредство русскаго кабинета, втянуть Пруссію въ польскія дѣла. Въ концѣ іюля былъ отправленъ въ Берлинъ новый меморіалъ, и Левенвольдъ старался дѣйствовать на берлинскій кабинетъ чрезъ прусскаго посла въ Варшавѣ, Бранта. Но всѣ попытки были напрасны. Король обѣщалъ императору помощь противъ Франціи, если она начнетъ войну, но рѣшительно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ польскія дѣла. Его не прельстило даже обѣщаніе ратификовать Левенвольдовъ трактатъ. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Левенвольда прусскій министръ Боркъ пишетъ, что ратификація выше упомянутаго трактата теперь не была бы полезна ни для Россіи ни для Пруссіи. „Напрасно отказались отъ инфанта, у котораго было готово нѣсколько милліоновъ талеровъ, чтобы посредствомъ ихъ добыть себѣ польскую корону.“

Въ письменномъ отвѣтѣ, который берлинскій кабинетъ сообщилъ Ягужинскому 11-го ав. (н. ст.), онъ жаловался на то, что Австрія и Россія не сдержали своихъ обѣщаній, а заключили съ Саксоніей трактатъ безъ участія Пруссіи. Но не смотря на это, было сказано въ меморіалѣ, прусскій король не желаетъ отказываться отъ

союза съ ними; но въ Польшу войска послать не можетъ, потому что обѣщалъ отправить большой корпусъ къ Рейну на помощь императору противъ Французовъ.

Русскій кабинетъ сдѣлалъ еще одну попытку, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма къ участію въ польскихъ дѣлахъ. Онъ дѣйствительно подписалъ Левенвольдовъ трактатъ. Но такъ какъ обстоятельства совершенно измѣнились, вмѣсто инфанта кандидатомъ союзниковъ сдѣлался курфирстъ, то ратификація касалась собственно только курляндской статьи *). 16-го августа ст. ст. король чрезъ Мардефельда благодарилъ русскій кабинетъ за оказанную ему любезность. Но и она не измѣнила дѣла, потому что не имѣла послѣдствій. Императоръ отказался дать свою ратификацію и обѣщать Курляндію прусскому принцу, пока Фридрихъ Вильгельмъ не откажется отъ юлихскаго герцогства. Русскій вице-канцлеръ былъ очень недоволенъ этимъ поведеніемъ вѣнскаго кабинета, и жалуется на его упрямство и безразсудность въ своихъ письмахъ къ Левенвольду въ Варшаву.

---

*) Къ этому дѣлу относятся слѣд. 2 цитата изъ писемъ Остермана къ Оберштъ. Левенвольду:

1. (13 Iuli) Eins bekenne ich E. Ex. im gäntzlichen Vertrauen und unter uns beyden, dass ich nicht begreife, warum man Kaiserlicher Seits die Jülichsche Sache bei diesem frangente noch immer einmischen will, welches ohnmoglich schier beim pr. Hof guten Effect haben kann und ich muss mich erschrecklich betrügen, oder ich würde diese Sache hiernächst zu des Kaisers Satisfaction leicht und mit guter Manier terminiren.

2. Отъ 2 августа. Wass der Seckendorff an Hochholtz schreibt ist nicht sonderlich tröstlich, er glaubet nicht, dass auch der Tractat etwas fruchten würde. Er meldet aber auch, dass der Kaiser den Curländischen Artikel bevor die Jülich und Bergische Sache nach des Kaisers Intention reguliret worden, nicht ratificiren dürffte, dieses letztere begreife ich nicht sehr wohl, zumal der Kaiser in dem Curl. Art. sich zu nichts engagiret.

ГЛАВА X.

ДѢЛА ВЪ ПОЛЬШѢ ПОСЛѢ СОЗЫВАТЕЛЬНАГО СЕЙМА.

Мы видѣли въ предшествующей главѣ, какъ могущественные сосѣди, державшіе въ своихъ рукахъ судьбу польскаго народа рѣшили вопросъ о польской коронѣ въ пользу курфирста саксонскаго. Но въ то время какъ курьеры скакали изъ Вѣны въ Дрезденъ и изъ Дрездена въ Петербургъ и какъ писались и переписывались трактаты, польская шляхта въ полномъ невѣдѣніи судебъ предавалась заботамъ и хлопотамъ, вызваннымъ предстоящимъ избраніемъ короля. Партія Станислава пріобрѣтала съ каждымъ днемъ болѣе бодрости и рѣшительности, партія курфирста увеличивалась незамѣтнымъ образомъ благодаря энергіи, съ которой дѣйствовали послы союзныхъ державъ, а честолюбивые пясты все еще не теряли надежды, что дѣла измѣнятся и откроютъ имъ доступъ къ польскому престолу.

Рѣшительность съ какою дѣйствовалъ примасъ на созывательномъ сеймѣ вызвала у многихъ большое неудовольствіе противъ него. Присяга, которой обязали сенаторовъ и пословъ исключить изъ числа кандидатовъ иностранныхъ принцевъ, стѣсняла тайныхъ приверженцевъ курфирста; ибо отнимала у нихъ возможность прямо и открыто дѣйствовать въ пользу

своего кандидата. Но роптать громко и протестовать противъ присяги было опасно. Мы видѣли, какъ Поляки недовольные результатомъ сейма собирались въ домѣ русскаго посланника и просили помощи противъ своихъ соотечественниковъ у русской императрицы. При этомъ они однако такъ строго соблюдали тайну, что не подписались даже подъ манифестомъ, отправленнымъ въ Петербургъ. Прусскій король въ своемъ рескриптѣ къ русскому двору былъ правъ, когда говорилъ, что никто не протестовалъ противъ сейма. Законный протестъ долженъ былъ быть поданъ и записанъ въ одномъ изъ такъ-называемыхъ гродовъ или судовъ: только тогда онъ имѣлъ силу и значеніе. Но на такой протестъ никто не рѣшался. Приверженцы курфирста собирались только кое-гдѣ кружками и обязывались протестовать на предстоящихъ сеймикахъ противъ присяги. Такое обязательство между прочимъ выставилъ для саксонскихъ пословъ епископъ куявскій, Шембекъ, который со всѣмъ своимъ родомъ былъ чрезвычайно преданъ саксонскому дому, потому что былъ обязанъ ему всѣмъ своимъ значеніемъ. Епископъ дѣйствовалъ однако такъ осторожно, что саксонскіе послы, приславшіе Левенвольду копію съ его обязательства скрыли имена подписавшихся.

Иногда противниками присяги руководила только месть за оскорбленіе личныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ прусскомъ гродѣ была подана безъименная протестація противъ нарушенія на сеймѣ свободы голосовъ и привилегій прусскаго казначейства. Этотъ протестъ Левенвольдъ приписывалъ казначею прусскому, надворному маршалу Бѣлинскому, который былъ оскорбленъ тѣмъ, что прусское казначейство было отдано на сеймѣ въ распоряженіе

главнаго казначея короны польской — Оссолинскаго. Такъ какъ Оссолинскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Станислава, то Бѣлинскій перешелъ на сторону курфирста.

Впрочемъ и въ самомъ сенатѣ слышались иногда жалобы противъ насильственныхъ дѣйствій приверженцевъ Станислава.

Въ собраніи сената 2-го іюня, Сѣраковскій, посолъ польскій въ Константинополѣ, по возвращеніи своемъ изъ этого города давалъ отчетъ о своемъ посольствѣ. Онъ говорилъ, что великій визирь призывалъ его и спрашивалъ, кого въ Польшѣ изберутъ въ короли? Визирь сказалъ, что Порта не станетъ вмѣшиваться въ избраніе, но желала бы видѣть на престолѣ природнаго Поляка; при этомъ визирь, не называя никого далъ ясно понять, что онъ разумѣетъ Лещинскаго. Сѣраковскій воспользовался этимъ случаемъ и сталъ говорить въ пользу избранія Станислава, но кастелянъ краковскій Вишневецкій прервалъ его сурово словами, что такая рѣчь умѣстна на полѣ избранія, но не въ сенатѣ. Старый кастелянъ сталъ потомъ жаловаться на тайныя сношенія польскаго правительства съ Парижемъ. „Здѣсь ходятъ слухи, продолжалъ онъ что избраніе будетъ совершено безъ формальностей закономъ предписанныхъ, но я стану сопротивляться этому всѣми силами.“ Примасъ старался успокоить его и сказалъ, что онъ не провозгласитъ никого королемъ, пока не будетъ единодушія. Но этого единодушія, котораго хотѣли достигнуть приверженцы Станислава и боялись именно честолюбивые вельможи, мечтавшіе о коронѣ какъ напримѣръ Любомирскій и братья Вишневецкіе. Кастелянъ краковскій сталъ жаловаться, что въ послѣднее время у всѣхъ на устахъ поговорка melius est excidium, quam scissio: „лучше гибель, чѣмъ разногласіе“. Изъ этого можно заключить, говорилъ онъ, что на сеймѣ избранія будутъ происходить тѣ же насильства, которыя мы претерпѣли на послѣднемъ сеймѣ. Сапѣга, воевода подляшскій, самый ревностный приверженецъ курфирста, сталъ поддерживать кастеляна. Но примасъ прервалъ его рѣчь, и когда кастелянъ заговорилъ снова, примасъ всталъ и распустилъ собраніе.

Послѣ созывательнаго сейма примасъ и приверженцы Станислава уже не скрывали своей привязанности къ нему. Въ началѣ іюня французскій посолъ, маркизъ Монти, пригласилъ на пиръ около 50 польскихъ вельможъ и на этомъ пирѣ открыто пили за здоровье Лещинскаго. Примасъ забылся даже до того, что пригласилъ надежнѣйшихъ приверженцевъ Станислава и французскаго посла на пиръ въ королевскій замокъ. Но посолъ отказался отъ приглашенія, потому что „его сану не прилично обѣдать въ королевскомъ замкѣ партикулярнымъ образомъ“; притомъ по мнѣнію его было непристойно веселиться тамъ, гдѣ выставлено тѣло покойнаго короля. Онъ прибавилъ, что во Франціи и Италіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ покоится тѣло покойнаго государя, каждый день кормятъ бѣдныхъ, но „банкетовъ не отправляютъ“. Примасъ обидѣлся нѣсколько за наставленіе, но отмѣнилъ обѣдъ.

Въ провинціяхъ приверженцы Станислава дѣйствовали еще рѣшительнѣе. Кастелянъ черскій, Рудницкій, объявилъ въ своемъ повѣтѣ, что тотъ будетъ почтенъ за непріятеля отечества, кто дерзнетъ предложить кандидата, къ которому расположены римскій цесарь или русская государыня.

Сообщая объ этомъ въ Петербургъ, младшій Левенвольдъ приложилъ къ своей реляціи списокъ тѣхъ лицъ и семействъ, которыя предъ другими отличались своей приверженностью къ Станиславу и которымъ, по словамъ русскаго посла, „слѣдовало дать это возчувствовать при вступленіи русскаго войска разграбленіемъ ихъ имуществъ и деревень“.

1. Весь родъ Потоцкихъ.
2. Весь родъ графовъ Тарло.
3. Весь родъ Яблоновскихъ.
4. Коронный казначей Оссолинскій.
5. Надворный маршалокъ Бѣлинскій.

Всѣ эти лица и семейства были въ родствѣ съ Станиславомъ.

6. Родъ Чарторижскихъ.
7. Понятовскій.
8. Родъ Велепольскихъ.
9. Весь родъ Огинскихъ.
10. Часть рода Сапѣговъ, особенно кастелянъ троцкій и староста сховскій—сынъ фельдмаршала.
11. Литовскій казначей Сологубъ.
12. Кастелянъ черскій, Рудницкій.
13. Обозный коронный Ожаровскій.
14. Стражникъ коронный Сѣраковскій.
15. Весь родъ Залускихъ, въ особенности епископъ плоцкій.
16. Епископъ смоленскій—Гонсѣвскій.

Левенвольдъ совѣтовалъ переловить при вступленіи русскаго войска въ Польшу руководителей партіи Лещинскаго, и чтобы сдѣлать это съ помощію самихъ Поляковъ, назначить премію за поимку главныхъ лицъ, а именно примаса, Понятовскаго, подканцлера Чарторижскаго, его матери старой кастеляншн виленской, яко главной возмутительницы, воеводы Люблинскаго Тарло и кастеляна черскаго, „которыхъ людей злобу описать не можно“. Левенвольдъ совѣтовалъ для большаго успѣха отрядить команду казаковъ и послать ихъ въ мѣста, гдѣ будутъ находиться вышепомѣненованныя лица.

Вскорѣ послѣ окончанія созывательнаго сейма примасъ разослалъ письма ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, съ которыми Рѣчь Посполитая находилась въ дипломатическихъ сношеніяхъ, и сообщилъ имъ о предстоящемъ избраніи короля. Тонъ этихъ писемъ былъ различенъ смотря по отношеніямъ, въ которыхъ находился примасъ къ различнымъ правительствамъ.

Въ своемъ письмѣ къ императору, отъ 13-го іюня, примасъ просилъ его отъ имени Рѣчи Посполитой защитить свободу избраніе короля—„эту зѣницу ока польской націи“ противъ тѣхъ, которые намѣрены нарушить миръ и согласіе, поселить вражду посреди многочисленныхъ избирателей и возжечь пламя, которое можетъ охватить всю Европу. Примасъ просилъ императора, какъ главу всѣхъ христіанскихъ государей показать имъ примѣръ благосклонности къ осиротѣвшей Рѣчи Посполитой и обязать ее вѣчною къ себѣ благодарностью.

Примасъ отправилъ это письмо съ нарочнымъ въ Вѣну къ надворному канцлеру Синцендорфу. Вѣнскій кабинетъ былъ оскорбленъ этимъ несоблюденіемъ этикета и отправилъ отвѣтъ тѣмъ же путемъ. Письмо императора было вложено въ кувертъ, надписанный Синцендорфомъ. Чтобы дать почувствовать примасу свое неудовольствіе, вѣнскій кабинетъ въ письмѣ давалъ ему вмѣсто обычнаго титула Celsissimus Primas или Vestra Celsitudo названіе Reverendissima Paternitas.

ОТНТБ СОРАН

На патетическое письмо примаса императоръ отвѣчалъ холоднымъ и сдержаннымъ тономъ. Онъ доказывалъ ему, что отъ самого примаса зависитъ сохраненіе польской вольности и удивлялся, что Поляки теперь боятся такъ сильно того, чего они прежде такъ пламенно желали, т. е. гарантіи и защиты ихъ вольности со стороны сосѣднихъ державъ.

Совершенно иначе было написано письмо, присланное французскимъ королемъ въ отвѣтъ на посланіе примаса. Король давалъ ему титулъ mon cousin, выражалъ полную увѣренность въ его мудрости и преданности интересамъ отечества, и обѣщалъ съ своей стороны покровительство и защиту.

Примасъ писалъ также къ королямъ англійскому, шведскому и датскому и къ голландской республикѣ. Въ этихъ письмахъ онъ выражалъ опасеніе, что иноземные государи нарушатъ свободу избранія короля своими интригами, или явнымъ насильствомъ. Онъ писалъ, что Рѣчь Посполитая въ сознаніи правоты своего дѣла не боится ихъ, но готова скорѣе погибнуть, чѣмъ пожертвовать своею свободой. Онъ обращался особенно къ королю англійскому и къ голландскимъ штатамъ, которые никогда не жалѣли ни денегъ, ни крови, для сохраненія въ Европѣ равновѣсія, и просилъ ихъ вступиться за права Рѣчи Посполитой, если бы честолюбіе вздумало незаконными, несправедливыми и противными международному праву средствами раздувать въ Польшѣ несогласіе и пламя пожара распространить на всю Европу.

Отвѣты, которые получилъ примасъ были уклончивые. Генеральные штаты писали между прочимъ, что они не знаютъ обязательствъ, въ которыхъ Рѣчь Посполитая находится къ своимъ сосѣдямъ, и потому

не могутъ дать совѣта въ столь щекотливыхъ обстоятельствахъ; но что они убѣждены въ мудрости примаса и увѣрены, что онъ и прочіе правители республики будутъ всегда имѣть въ виду интересы своего отечества.

Примасъ болѣе всего боялся Россіи, потому что онъ надѣялся, что Франція удержитъ императора отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ польскія дѣла. Правда, примасъ думалъ отвлечь Россію отъ Польши войной турецкой, но разсчитывать на помощь султана было опасно, поэтому примасъ рѣшился прибѣгнуть къ просьбамъ и отправилъ въ Россію особеннаго посла съ грамотой къ русской императрицѣ. О результатѣ этого посольства мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Вѣнскій кабинетъ прежде чѣмъ получилъ письмо примаса отъ 13-го іюня, счелъ за долгъ послать къ нему новую декларацію, которая и была подана 20-го іюня графомъ Вилчкомъ и младшимъ Левенвольдомъ. Содержаніе этой декларации не отличалось ничѣмъ отъ прежнихъ, только тонъ ея былъ рѣзче и выраженія опредѣленнѣе. Императоръ, отъ имени котораго она была подана, жаловался на то, что намѣренія его, высказанныя очень ясно, переданы правительствомъ Рѣчи Посполитой прочимъ членамъ ея въ совершенно искаженномъ видѣ. Императоръ и союзники его, было сказано въ декларации, не хотятъ мѣшать никому въ достиженіи польской короны, за исключеніемъ только того, который лишенъ этого права польскими же законами.

Отвѣтъ примаса былъ написанъ такъ умно и благородно и въ немъ такъ сильно выражалось чувство оскорбленнаго достоинства, что мы охотно бы помѣ-

ОТПЕЧАТОК

стили его цѣликомъ въ текстѣ, если бы онъ не былъ такъ длиненъ *). Примасъ доказывалъ, что союзныя державы напрасно скрываютъ свои эгоистическія цѣли подъ предлогомъ, что онѣ имѣютъ въ виду сохранить свободу польской націи. „Польша радуется, отвѣчалъ примасъ, что императоръ, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, рѣшился защищать ея свободу и не сомнѣвается, что онъ намѣренъ сохранить эту свободу въ цѣлости, т. е. предоставить самой Рѣчи Посполитой право отмѣнять и истолковывать свои законы и учрежденія, ибо если бы эта свобода зависѣла отъ произвола постороннихъ, или была подвержена ихъ объясненіямъ, то она утратила бы свое значеніе.“

Такъ какъ въ декларации императора было ясно сказано, что союзныя державы будутъ считать избраніе Станислава въ короли за нарушеніе польскихъ учрежденій, и недоставало въ декларации только самого имени Лещинскаго, то прусскіе послы отказались подать грамоту вмѣстѣ съ австрійскимъ и русскимъ послами, хотя имя ихъ короля и было упомянуто въ началѣ грамоты. Этотъ поступокъ вызвалъ, какъ мы видѣли, сильныя жалобы со стороны Вилчка, Левенвольда и ихъ кабинетовъ. Тогда прусскій король приказалъ своимъ посламъ объявить примасу, что онъ во всемъ согласенъ съ своими союзниками. Но декларація прусскаго короля была написана въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Изъ нея можно было заключить, что хотя король и признаетъ силу тѣхъ постановленій 1716 года, которыя отнимали у Лещинскаго доступъ къ польскому престолу, но въ тоже время предоставляетъ Полякамъ право

*) Онъ напечатанъ у Rousset. Rec. des act. diplom.

отмѣнить ихъ съ общаго согласія. Поэтому Вилчекъ и Левенвольдъ были очень не довольны королевской декларацiей и сказали прусскимъ посламъ, что она совершенно лишняя. Не смотря на это Брантъ и Гофманъ прочли ее примасу 10-го іюля; примасъ не далъ имъ особеннаго отвѣта, а указалъ только на отвѣтъ, сообщенный имъ графу Вилчку на императорскую грамоту отъ 20-го іюня.

Левенвольдъ былъ очень доволенъ, что прусскіе послы своими *маневрами* ничего не достигли. „Не смотря на это, пишетъ онъ, прусскій дворъ столькоже какъ прежде Полякамъ страшителенъ и ниже любимъ“.

Чтобы уничтожить впечатлѣніе, произведенное грамотами союзныхъ державъ, приверженцы Станислава распространяли разные памфлеты и брошюры, стараясь расположить народъ въ пользу своего кандидата. Между ними заслуживаетъ вниманіе одна брошюра, носящая заглавіе: „Предложенія сдѣланныя чинамъ польскимъ и литовскимъ королемъ Станиславомъ желающимъ снова вступить на польскій престолъ“. Въ этой брошюрѣ сначала объясняется, „что при жизни Августа II, Лещинскій забылъ о своихъ правахъ на престолъ, чтобы не возбудить въ драгоцѣнномъ для него отечествѣ смуты и несогласія. И теперь онъ полагается на волю Божію и на благорасположеніе чиновъ польскихъ и литовскихъ, какъ истинный христіанинъ католикъ, который въ теченіи 30 лѣтъ привыкъ подъ рукою Всевышняго, терпѣливо сносить счастіе и несчастіе“.

Такъ какъ Лещинскій былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ Карлу XII, то долженъ былъ въ договорѣ, заключенномъ съ шведскимъ королемъ въ 1705 году,

© ПНБ СОРАН

согласиться на нѣкоторыя уступки въ пользу диссидентовъ. Это всегда служило для него укоромъ въ глазахъ католиковъ. И во время вторичнаго воцаренія его, приверженцы курфирста, къ которымъ особенно принадлежало духовенство польское, старались воспользоваться этимъ средствомъ, чтобы очернить Лещинскаго въ глазахъ ревностныхъ католиковъ. Поэтому въ вышеупомянутой брошюрѣ говорилось, что Лещинскій не одобряетъ варшавскаго договора, потому что онъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ предосудителенъ католической религіи. „Этотъ договоръ былъ вынужденъ особенными обстоятельствами, Лещинскій не одобрялъ его въ своей совѣсти, а теперь обѣщаетъ уничтожить его. Хотя Лещинскій имѣетъ полное право на престолъ, однако онъ отказывается отъ своего права въ пользу своего отечества и готовъ подвергнуться новому избранію. Многимъ, сказано въ брошюрѣ, можетъ казаться препятствіемъ для его воцаренія тѣсная связь, въ которой онъ находится съ французскимъ королевскимъ домомъ. Но всякій мыслящій человѣкъ, знакомый съ политикой, пойметъ, что для польскаго короля на первомъ планѣ будетъ всегда стоять его отечество и что при союзахъ съ иноземцами онъ будетъ руководствоваться только его интересами. Хотя Лещинскій и не желаетъ открыть себѣ доступъ къ польской коронѣ подарками, но онъ предлагаетъ все свое имущество употребить въ пользу общественныхъ интересовъ и обязуется честнымъ словомъ внести въ свое время въ польское казначейство нѣсколько милліоновъ, а впослѣдствіи не станетъ употреблять никакихъ насильственныхъ средствъ, чтобы получить ихъ назадъ. Лещинскій обѣщаетъ не обращать вниманія на знатность и связи при раздачѣ почетныхъ должностей, а сообразоваться только съ заслугами награждаемыхъ. Онъ обязуется заплатить всѣ свои долги и забыть все, что могло бы повредить тому или другому изъ его соотечественниковъ. Онъ призываетъ Бога въ свидѣтели, что домогаясь снова польской короны онъ имѣетъ только въ виду пользу своего дорогаго отечества, и католической религіи, свободу и всеобщій миръ.“

Различныя партіи въ Польшѣ пользовались для своихъ цѣлей не только брошюрами и памфлетами, распространяемыми въ большомъ количествѣ, но и различными слухами, которые то радовали, то пугали мирныхъ жителей Варшавы. Давно уже ходили въ Польшѣ слухи, что Станиславъ пріѣдетъ до начала избирательнаго сейма. Изъ Франціи постоянно приходили письма, что эскадра готовится выйти то изъ Бреста, то изъ Рошфора или Тулона. Одни ожидали, что Станиславъ пріѣдетъ съ сѣвера черезъ Зундъ. Такъ, напримѣръ, русскій резидентъ Эрдманъ писалъ изъ Гданска, что игуменъ оливскаго монастыря близъ Данцига, на берегу балтійскаго моря, хвастался, говоря, что ждетъ съ моря дорогихъ гостей. Другіе предполагали, что Лещинскій поѣдетъ черезъ Константинополь, и будетъ жить въ Хотинѣ на польской границѣ до тѣхъ поръ, пока его присутствіе потребуется въ Варшавѣ. Наконецъ 21-го іюня вся Варшава переполошилась слухомъ, что Станиславъ дѣйствительно прибылъ въ свою столицу. Вотъ что разсказывали другъ другу по этому поводу. Въ Варшавѣ въ то время было два монастыря сестеръ милосердія, одинъ въ краковскомъ предмѣстьѣ, другой въ деревнѣ Сольцѣ близъ Варшавы. Оба находились подъ вѣдомствомъ монаховъ св. Креста въ Варшавѣ. Французскій посолъ помѣстился въ домѣ

рядомъ съ монастыремъ, и велѣлъ сдѣлать въ своемъ кабинетѣ потаенную дверь, которая сообщалась съ монастыремъ и давала послу возможность тайно сноситься съ игуменомъ и монахами, преданными Станиславу. Ночью на 21 число двѣ дорожныя кареты и коляска подъѣхали къ монастырю св. Креста, а оттуда отправились къ дворцу французскаго посла, гдѣ тотчасъ были погашены всѣ свѣчи. Одна карета была наполнена вещами, а въ другихъ двухъ экипажахъ сидѣло 7 человѣкъ, 4 мужчины и 3 дамы. Мужчины были одѣты въ платье монаховъ св. Креста, а женщины были въ платьѣ сестеръ милосердія. Первыхъ помѣстили въ монастырѣ и распустили слухъ, что они прибыли изъ другаго монастыря того же ордена. Женщинъ помѣстили у сестеръ милосердія, которыя жаловались, что имъ навязали старую француженку, которая выводитъ ихъ изъ терпѣнія. Пріѣзжіе никому не показывались и въ монастыри, гдѣ они жили, стали пускать только людей, которымъ монахи довѣряли. Маркизъ Монти, со времени пріѣзда своихъ гостей пересталъ ужинать въ своемъ домѣ, а въ монастыряхъ съ того же времени все находилось въ суетѣ. Обѣдня оканчивалась въ 9 часовъ вмѣсто 11; къ игуменьѣ въ Сольцѣ пріѣзжали постоянно посланцы отъ маркиза Монти, а въ самый монастырь никого не пускали подъ предлогомъ, что монахинямъ приказано строго соблюдать свои уставы. Разсказывали, что Станиславъ обѣщалъ сестрамъ милосердія 12,000 талер. и земли, если взойдетъ на престолъ, и онѣ не переставали служить обѣдни и молиться за него.

Всѣ эти слухи казались столь важными, что Левенвольдъ счелъ за долгъ сообщить объ нихъ въ Петербургъ.

Иногда слухи, волновавшіе жителей Варшавы и цѣлую Польшу, были выгодны для противниковъ Лещинскаго. Такъ, напримѣръ, вдругъ распространился слухъ, что 500 русскихъ драгуновъ вступили въ эльбингскій уѣздъ, чтобы приготовить квартиры для нѣсколькихъ тысячъ русскаго войска, которое должно было немедленно вступить въ Польшу. Тогда шляхта находившаяся въ Варшавѣ начала дѣлать рѣшительно набѣги на примаса и упрекать его, что онъ своимъ излишнимъ рвеніемъ въ пользу Станислава навлекъ бѣду на отечество. Примасъ, смущенный отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ не по своему произволу, а съ согласія чиновъ Рѣчи Посполитой, которые должны отвѣчать за все вмѣстѣ съ нимъ. Вскорѣ примасъ убѣдился, что это ложный слухъ, однако подумалъ, что онъ можетъ и осуществиться. Желая ободрить приверженцевъ Станислава, онъ сталъ говорить имъ, что императорскія войска вѣроятно вступятъ въ Польшу къ началу сейма избранія, но что это ничего не значитъ, потому что въ универсаляхъ онъ постарается убѣдить отдаленныя воеводства и повѣты не пріѣзжать на сеймъ, но воспротивиться вторженію непріятельскихъ войскъ, а въ Варшаву прислать съ депутатами списокъ голосовъ въ пользу элекціоннаго маршала и новаго короля. Эта мѣра, думалъ онъ, будетъ притомъ способствовать интересамъ Лещинскаго, ибо на сеймъ пріѣдутъ въ полномъ составѣ только сосѣднія съ Варшавой воеводства, совершенно преданныя ему.

Объ этомъ намѣреніи примаса сообщилъ русскому резиденту Голембѣвскому Трипольскій (русскій пенсіонеръ), который все это слышалъ отъ самого примаса, когда послѣдній былъ въ нетрезвомъ состояніи. In vino veritas, прибавляетъ русскій посолъ.

ОТЕЧЕСТВО

Въ началѣ іюля шляхетство варшавской земли собралось на такъ-называемый экономическій сеймикъ, на которомъ обыкновенно разсуждали не о публичныхъ дѣлахъ, а только о мѣстныхъ интересахъ. Однако на этотъ разъ отступили отъ обычая и воспользовались собраніемъ для того, чтобы взять съ варшавской шляхты присягу, установленную насеймѣ. Любопытное зрѣлище привлекло много постороннихъ. И прусскій посолъ отправился на хоры августинскаго монастыря, гдѣ происходило собраніе. Но шляхта, увидавши его, послала къ нему депутацію и просила его выйти, потому что иноземному послу нельзя присутствовать на публичныхъ собраніяхъ польскихъ. Брантъ, извиняясь тѣмъ, что онъ пришелъ только изъ любопытства, и не знаетъ польскаго языка, остался на своемъ мѣстѣ. Депутація сообщила его отвѣтъ шляхтичамъ, но тѣ не хотѣли принять объясненія посла, стали шумѣть и обнажили сабли. Тогда нѣкоторые изъ членовъ собранія послали еще разъ къ нему депутацію, и просили его уѣхать изъ монастыря, такъ какъ одна часть шляхты не хочетъ согласиться на его присутствіе, а другая въ нетрезвомъ состояніи, и невозможно предохранить его отъ оскорбленій. Доводы этой депутаціи, подтвержденные криками толпы, показались послу убѣдительными и онъ вышелъ изъ монастыря.

Въ тотъ же самый день случилось въ Варшавѣ другое происшествіе, которое могло имѣть болѣе серьозныя послѣдствія, и которое долго останавливало на себѣ вниманіе европейской читающей публики. Покойный король Августъ оставилъ послѣ себя въ Польшѣ долговъ на нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ. Хотя Рѣчь Посполитая была ему должна нѣсколько милліоновъ,

однако наслѣдникъ его, желая пріобрѣсти въ Польшѣ популярность, не хотѣлъ считаться съ ней и послалъ въ Варшаву деньги нужныя на уплату отцовскаго долга.

7-го іюля пришелъ къ саксонскому послу графу Вакербарту-Салмуру ксензъ или плебанъ по имени Лазоцкій изъ деревни Уяздова близь Варшавы и потребовалъ отъ него, чтобы онъ его вознаградилъ за убытки, понесенные имъ во время послѣдняго „кампамента“ или смотра войскамъ. Убытковъ этихъ онъ считалъ на сумму 1000 червонцевъ. Графъ сказалъ ему, чтобы онъ обратился къ коммисарамъ, назначеннымъ для уплаты королевскихъ долговъ. Тогда ксензъ началъ говорить съ слезами о своей бѣдности, саксонскій посолъ далъ ему 8 червонцевъ и когда Лазоцкій спросилъ выдать ли квитанцію въ полученіи денегъ, то графъ объявилъ, что это подарокъ. Ксензъ разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности. Тогда Вакербартъ разговорился съ нимъ о присягѣ, данной членами созывательнаго сейма и исключавшей иностранцевъ изъ числа кандидатовъ. Ксензъ понялъ желаніе посла и объявилъ ему съ видомъ искренности, что присяга ему кажется вынужденной насильствомъ. Тогда графъ показалъ ему экземпляръ памфлета, распространяемаго саксонскими послами въ Польшѣ, чтобы возбудить въ народѣ мнѣніе о незаконности присяги, и сказалъ ему при этомъ, что эта брошюра распространяется неизвѣстными ему лицами. Лазоцкій просилъ дать ему одинъ экземпляръ и посолъ надѣясь, что ксензъ употребитъ его съ пользой въ своемъ приходѣ, удовлетворилъ его просьбу. Но ксензъ тотчасъ отправился къ примасу, вручилъ ему экземпляръ и полученныя деньги и объявилъ,

© ПНБ СОБАН

что саксонскій посолъ хотѣлъ его подкупить. Примасъ немедленно послалъ памфлетъ въ собраніе сеймика, гдѣ его прочли и рѣшили предать его публичному сожженію на площади рукой палача. На сеймикѣ было даже сдѣлано предложеніе, чтобы къ саксонскимъ посламъ была отправлена депутація и имъ приказано выѣхать изъ Варшавы въ теченіи 14 дней, заплативъ королевскіе долги, за то, что они своими интригами возмущаютъ спокойствіе Рѣчи Посполитой. Другіе шляхтичи хотѣли даже призвать саксонскихъ уполномоченныхъ пословъ къ варшавскому каптуровому и уголовному суду. Но французскій посолъ, понимая всю опасность подобнаго нарушенія международнаго права остановилъ излишнее рвеніе приверженцевъ Станислава.

Саксонскій памфлетъ былъ однако дѣйствительно сожженъ палачемъ на городской площади варшавской 9-го іюля, при чемъ герольдъ прочелъ слѣдующія слова: „Объявляется всѣмъ и каждому, что этотъ позорный пасквиль тайно распространяемый саксонскими послами, направленный противъ его свѣтлости примаса и Рѣчи Посполитой, приговоренъ каптуровымъ судомъ нынѣшняго междуцарствія къ публичному сожженію у позорнаго столба, что и будетъ исполнено“.

Памфлетъ, написанный очень искусно былъ изданъ, по обычаю того времени, въ видѣ письма подъ заглавіемъ: „Письмо одного посла, возвратившагося съ созывательнаго сейма къ одному изъ своихъ друзей“.

Посолъ въ началѣ сравнивалъ примаса съ апостоломъ Павломъ, который сказалъ новообращеннымъ христіанамъ „Коваренъ сый лестію васъ пріяхъ“, *).

*) Посл. къ Кор. II, 12—16.

Такъ и примасъ заставилъ коварствомъ созывательный сеймъ дѣйствовать по его волѣ. Первыя 2 недѣли, разсказываетъ посолъ, употребили мы на избраніе маршала, на третью мы сочинили эту чудовищную конфедерацію. Наше собраніе походило на сеймъ, потому что послы присвоивали себѣ право свободной подачи голосовъ и на конфедерацію, потому что вопросы рѣшались по большинству голосовъ. Причина всѣхъ происковъ кроется въ желаніи возвести Лещинскаго на польскій престолъ, потому что онъ отецъ французской королевы. Вотъ преимущество, которое приводится въ пользу того, кто лишенъ нашими законами доступа къ престолу.

„Нѣкоторые изъ сенаторовъ не забыли о своихъ интересахъ, они предложили избрать Поляка „равнаго всѣмъ прочимъ“, но оговорка эта была не по вкусу примаса и его партіи и они съумѣли ловко выпустить ее въ актѣ конфедераціонномъ. Впрочемъ, приверженцы Лещинскаго не были въ состояніи исключить изъ этого акта всѣ статьи, которыя могутъ заградить ихъ кандидату доступъ къ престолу. Развѣ оговорка Salva libera electione, которую помѣстили многіе сенаторы подъ своей подписью, не разрушаетъ силу присяги? Развѣ не имѣетъ того же значенія статья, въ которой всѣ Поляки приглашаются на сеймъ избранія, за исключеніемъ тѣхъ, которые подверглись судебному приговору? (exceptis jure victis) и развѣ можно возвести на престолъ того, надъ которымъ тяготѣетъ приговоръ Рѣчи Посполитой. И какими насильственными мѣрами вынуждена самая присяга! Тѣхъ, которые противились ей, стаскивали съ ихъ постели и насильно приводили на сеймъ; другимъ грозили выбросить ихъ изъ окна. Можетъ ли такая присяга согласоваться съ свободнымъ избраніемъ?.

©ПНБ СПБ

„Наконецъ всѣмъ ясно, что эта присяга имѣла цѣлью исключить изъ числа кандидатовъ курфирста саксонскаго, который по благочестію, доблести и богатству одинъ только можетъ быть для Лещинскаго опаснымъ соперникомъ. Приверженцы Лещинскаго потеряли изъ виду всѣ бѣдствія, которыя они навлекутъ на свое отечество, такъ какъ сосѣднія державы: императоръ, Россія и Пруссія прямо объявили, что они никогда не позволятъ воцариться въ Польшѣ лицу, зависящему отъ Франціи. Напрасно приверженцы Станислава ссылаются на то, что наши короли не въ состояніи ничего предпринять безъ согласія чиновъ; но развѣ нѣтъ средствъ тайныхъ, чтобы вывести изъ терпѣнія сосѣдей, оскорбляя ихъ и заставляя ихъ начинать непріязненныя дѣйствія, и такимъ образомъ вовлечь въ войну Рѣчь Посполитую противъ ея воли.

„Что же дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ? Установленія и законы Рѣчи Посполитой, какъ древніе такъ и новые препятствуютъ французскому кандидату взойти на престолъ. Ни одинъ изъ Пястовъ не въ состояніи защитить насъ. Только саксонскій принцъ можетъ избавить насъ отъ угрожающихъ намъ бѣдствій: Онъ пользуется расположеніемъ сосѣднихъ державъ. Онъ могущественъ и владѣетъ большимъ богатствомъ, у него тысяча средствъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.“

Въ той же брошюрѣ находился отвѣтъ друга, къ которому обращался посолъ.

Другъ этотъ сначала очень жалѣлъ, что болѣзнь помѣшала ему присутствовать при созывательномъ сеймѣ; но узнавши о насильствахъ, которыя тамъ происходили онъ примирился съ своей судьбой. Въ своемъ отвѣтѣ, онъ обращалъ преимущественно внимание на несостоятельность присяги. Присяга по его мнѣнію, чтобы имѣть силу и значеніе должна была удовлетворить слѣдующимъ условіямъ.

1. Она должна быть добровольна.
2. Она должна имѣть въ виду какую-нибудь пользу.
3. Она должна относиться къ дѣлу вѣрному, и не зависящему отъ случая.
4. Она не должна быть вынуждена силой.
5. Она не должна заключать въ себѣ противорѣчія.
6. Она не должна быть выманена обманомъ и коварствомъ.

„Но присяга установленная на созывательномъ сеймѣ не можетъ быть названа добровольной. Она клонится не къ пользѣ, а ко вреду Рѣчи Посполитой, потому что можетъ быть причиной внѣшней и междуусобной войны. Она относится къ вопросу, рѣшеніе котораго не можетъ быть опредѣлено тотчасъ и зависитъ отъ обстоятельствъ. Она заключаетъ въ себѣ большое противорѣчіе, ибо она обязываетъ сохранить древнія учрежденія, въ особенности же свободу избранія, и въ то же время ограничиваетъ эту свободу исключеніемъ изъ числа кандидатовъ иноземныхъ принцевъ. Наконецъ, она вынуждена силой и обманомъ. Многіе должны были присягнуть, прежде чѣмъ они знали о содержаніи акта конфедераціи, и когда его прочли, то увидали, что онъ во многомъ несогласенъ съ ихъ намѣреніями.

„Наконецъ авторъ предлагаетъ сравнить эту присягу съ той, которую примасъ и многіе другіе приняли на конфедераціи сандомирской и которая прямо противоположна ей.“

Иностранные посланники, находившіеся въ Варшавѣ сочли этотъ поступокъ за явное нарушеніе ме-

ждународнаго права, которое не позволяетъ оскорблять представителей иноземныхъ государствъ, ни дѣломъ, ни словомъ. Они рѣшились ѣхать къ примасу и требовать удовлетворенія для саксонскихъ пословъ, о которыхъ упоминалось въ объявленіи, прочтенномъ герольдомъ на публичномъ мѣстѣ, подъ звуки трубъ. Только французскій и шведскій послы отказались принять участіе въ общемъ дѣлѣ, хотя они не одобряли поведенія примаса. Маркизъ Монти говорилъ, что онъ не только представитель Франціи, но и Станислава Лещинскаго, а такъ какъ памфлетъ сожженный на площади содержалъ въ себѣ нападки на Станислава, то онъ, маркизъ, не можетъ протестовать противъ сожженія.

По этикету, господствовавшему въ прошломъ вѣкѣ, въ собраніяхъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ предсѣдательствовалъ папскій нунцій. Поэтому посланники просили нунція Паулуччи съѣздить съ ними къ примасу и отъ имени всѣхъ требовать удовлетворенія. Паулуччи было поручено папскимъ правительствомъ дѣйствовать въ пользу курфирста, но не слишкомъ явно противодѣйствовать избранію Лещинскаго. Папа находился въ Италіи между двухъ огней, могуществомъ императора и могуществомъ Испаніи и Франціи, враждебныхъ габсбургскому дому. Папа предпочелъ бы быть равнодушнымъ зрителемъ событій въ Польшѣ. Но онъ не могъ оставаться совершенно нейтральнымъ при томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на польскій народъ и польское духовенство; онъ долженъ былъ выбрать между соперниками и склонился на сторону курфирста, надѣясь, что благочестивый Августъ, сдѣлавшійся со времени своего обращенія ревностнымъ католикомъ и находившійся подъ вліяніемъ жены, крайней католички, по достиженіи польскаго престола начнетъ вводить католичество въ Саксоніи и эту колыбель лютеранства приведетъ въ должное послушаніе преемникамъ св. Петра. Кромѣ того, въ конклавѣ кардиналовъ игралъ большую роль кардиналъ Альбани, которому курфирстъ былъ обязанъ своимъ обращеніемъ и съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но папа боялся французскаго короля и когда приверженцы курфирста просили его, чтобы онъ, въ силу своей власти вязать и рѣшить, разрѣшилъ бы польскій народъ отъ присяги, вынужденной на созывательномъ сеймѣ, онъ не согласился, но для утѣшенія ихъ объявилъ, что присяга вынуждена явнымъ насильствомъ, и поэтому не только не нужно папскаго разрѣшенія, но даже и епископскаго, и что въ этомъ случаѣ, можетъ быть дѣйствительно разрѣшеніе данное простымъ священникомъ.

Нунцій Паулуччи былъ и по своему собственному влеченію на сторонѣ курфирста, но боялся рѣшительными дѣйствіями навлечь на себя гнѣвъ французскаго двора, который могъ помѣшать ему получить кардинальскую шапку и воспротивиться его возведенію на папскій престолъ („чего всѣ кардиналы извѣстнымъ образомъ надѣяться могутъ“, говоритъ въ своей реляціи русскій посолъ). Французскій посолъ слѣдилъ въ Варшавѣ за всѣми дѣйствіями нунція; Паулуччи жилъ въ театинскомъ монастырѣ, тутъ же находился монахъ, родственникъ маркиза Монти, который доносилъ послу объ всемъ, что дѣлалось у нунція и замѣчалъ за тѣми, которые къ нему приходили.

Не смотря однако на всѣ эти соображенія, Паулуччи

отправился 15-го іюля къ примасу, въ сопровожденіи австрійскаго, русскаго, англійскаго и прусскаго пословъ, а также резидентовъ фонъ Киннерна, Голембѣвскаго и Гофмана, и сказалъ примасу латинскую рѣчь, въ которой жаловался на оскорбленіе, нанесенное саксонскимъ посламъ и требовалъ удовлетворенія. Примасъ отвѣтилъ ему, что памфлетъ заключаетъ въ себѣ два преступленія: одно противъ государства, другое противъ религіи, ибо авторъ его позволяетъ себѣ разрѣшать отъ присяги, что можетъ сдѣлать одинъ только папа; поэтому онъ удивляется, что нунцій хотя и священникъ, принимаетъ въ этомъ дѣлѣ сторону саксонскихъ пословъ. Нунцій возразилъ, что онъ не хочетъ разбирать содержанія памфлета, что онъ подобно примасу хорошо знаетъ свои священническія обязанности и готовъ объ этомъ поговорить въ другое время. Но теперь онъ только требуетъ удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное посольской чести. Примасъ отвѣтилъ, что онъ не виноватъ, и можетъ засвидѣтельствовать это своимъ священническимъ словомъ, положа руку на сердце, что онъ не верховный судья въ Польшѣ, а только первый между равными, и что сожженіе состоялось по приговору всего шляхетства. Цесарскій посолъ прервалъ его словами, что не все шляхетство участвовало въ приговорѣ, а только шляхта варшавскаго уѣзда. Примасъ возразилъ, что если бы все польское шляхетство находилось въ Варшавѣ, то было бы еще... и не кончилъ своей фразы. Потомъ онъ перешелъ къ другому предмету разговора и выразилъ между прочимъ надежду, что Рѣчи Посполитой можно будетъ положиться на помощь императора въ случаѣ необходимости. Графъ Вилчекъ отвѣтилъ, что Рѣчь Посполитая можетъ положиться на императора въ

справедливомъ дѣлѣ. Когда Левенвольдъ услыхалъ, что о прочихъ высокихъ союзникахъ не было упомянуто, то счелъ за долгъ сказать, что въ этомъ случаѣ Рѣчь Посполитая можетъ не только надѣяться на цесаря, но и на Ея Всер. В. Послы нѣсколько разъ возвращались къ своему дѣлу и требовали удовлетворенія, но примасъ всегда уклонялся отъ прямаго отвѣта; онъ говорилъ, что онъ не царствуетъ, а только управляетъ. Когда послы стали уходить, примасъ сказалъ, при прощаніи, австрійскому резиденту: Tu et magnus legatus, vos fax et tuba estis, т. е. ты и великій посолъ (графъ Вилчекъ) вы причина всѣхъ неудовольствій.

Опасаясь, что этотъ поступокъ пословъ произведетъ въ Варшавѣ непріятное впечатлѣніе, примасъ распустилъ слухъ, что не они пріѣзжали къ нему, а что онъ самъ послалъ за ними, желая внушить имъ, чтобы они выѣхали изъ Варшавы за 2 недѣли до начала сейма избранія.

Въ тоже время онъ разослалъ къ европейскимъ дворамъ письма, въ которыхъ старался оправдаться, а къ курфирсту саксонскому отправилъ письмо, въ которомъ прямо требовалъ отъ имени Рѣчи Посполитой удовлетворенія противъ саксонскаго посла Онъ писалъ, что одинъ ксензъ раздавалъ памфлетъ, оскорбительный для чести Рѣчи Посполитой, и когда за это былъ призванъ къ суду, то подъ присягой объявилъ, что получилъ его вмѣстѣ съ 8 червонцами отъ саксонскаго посла графа Вакербарта.

Курфирстъ отвѣтилъ, что онъ получилъ подробное донесеніе отъ своего посла обо всемъ случившемся и убѣдился въ его невинности. Онъ удивляется, какъ можно было повѣрить показаніямъ ложнаго доносчика. Онъ очень жалѣетъ, что правительство Рѣчи Поспо-

литой такъ поспѣшило и распорядилось произвольно, не предупредивъ курфирста, который одинъ только имѣетъ право быть судьей своихъ подданныхъ. Курфирстъ выражалъ надежду, что примасъ не откажется отъ должнаго удовлетворенія за это нарушеніе международнаго права.

Примасъ отвѣтилъ на письмо курфирста. Онъ доказывалъ, что не курфирстъ имѣетъ право на удовлетвореніе, а Рѣчь Посполитая; основывалъ свое оправданіе на томъ, что въ приговорѣ каптурнаго суда не было упомянуто имени саксонскихъ пословъ, и опровергалъ слухъ, что герольдъ произнесъ ихъ имена у позорнаго столба.

При этомъ онъ послалъ курфирсту копію съ приговора, за подписью маршалка. Это оправданіе примаса было уловкой; дѣйствительно, имена пословъ не были упомянуты; герольдъ сказалъ только вообще „саксонскіе послы“. Левенвольдъ досталъ потомъ за деньги копію съ настоящаго протокола каптурнаго суда, который обличалъ примаса. Но онъ не хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы не погубить людей снявшихъ для него копію. Что касается до того, что примасъ не зналъ о приговорѣ и это было ложно: въ Варшавскомъ Курьерѣ, который издавался подъ руководствомъ примаса было напечатано все дѣло еще наканунѣ того дня, когда былъ сожженъ памфлетъ. Вообще примасъ, подобно современнымъ ему дипломатамъ не считалъ правдивость необходимымъ свойствомъ государственнаго человѣка. Онъ часто печаталъ въ польскихъ газетахъ совершенно ложные слухи, чтобы ободрить приверженцевъ Станислава. Однажды онъ приказалъ напечатать, что на границахъ происходятъ стычки между русскими и польскими ма-

лыми партіями, что успѣхъ склоняется то на русскую, то на польскую сторону, но что уронъ съ русской стороны бываетъ больше, чѣмъ съ польской.

Между тѣмъ приблизился срокъ сеймиковъ, которые должны были предшествовать главному сейму избранія. Согласно обычаю, примасъ разослалъ во всѣ воеводства и повѣты универсалы, которыми приглашалъ шляхту собраться на сеймики. Въ своихъ универсалахъ примасъ объяснялъ и оправдывалъ свое поведеніе на созывательномъ сеймѣ. Онъ увѣдомлялъ своихъ соотечественниковъ, что писалъ ко всѣмъ европейскимъ государямъ, а въ Россію отправилъ Рудомину, постельничаго брацлавскаго, чтобы склонить русскую императрицу къ миру. Примасъ надѣялся, что его старанія будутъ увѣнчаны успѣхомъ, но изъ предосторожности совѣтовалъ шляхтѣ явиться на сеймъ вооруженной и запастись настоящимъ польскимъ мужествомъ, чтобы на предстоящемъ избраніи воспротивиться вмѣшательству иноземцевъ. Онъ совѣтовалъ также для большаго успѣха назначить отъ каждаго воеводства депутатовъ для избранія сеймоваго маршала, чтобы отнять у иноземцевъ возможность своими происками помѣшать доброму дѣлу установленія порядка и тишины во время избранія короля.

14 іюля открылись сеймики, на которыхъ послы должны были дать отчетъ о результатѣ созывательнаго сейма. Сеймики должны были или принять присягу, установленную на сеймѣ, или отвергнуть ее, и отъ этого зависѣлъ успѣхъ той или другой партіи.

Польскіе сеймики, подобно главнымъ сеймамъ отражали на себѣ безурядицу, въ которой находилось цѣлое государство. Они свидѣтельствовали о грубо-

сти и неразвитости господствовавшаго въ Польшѣ класса. Шляхта, упорно стоявшая за привилегіи и единство своего сословія, распадалась тѣмъ не менѣе на двѣ противоположныя части: на шляхту богатую, или господствующую, и на шляхту бѣдную, или служебную. Богатые шляхтичи держали у себя цѣлый дворъ бѣдныхъ, съ которыми они обращались иногда не лучше, чѣмъ съ своими холопами. Но этотъ деспотизмъ съ одной стороны, а холопство съ другой не уничтожали духа касты, этого отличительнаго признака шляхетства. Правда не всѣ бѣдные шляхтичи находились въ постоянной службѣ у богатыхъ, но многіе жили у себя дома и обработывали свои поля; за то на сеймикахъ вполнѣ выражалась несамостоятельность бѣднаго шляхетства и зависимость его отъ богатаго.

Богатые на свой счетъ привозили бѣдныхъ въ городъ, гдѣ собирался сеймикъ, поили и кормили ихъ въ продолженіе всего сеймика, платили жалованье, но употребляли ихъ за то какъ своихъ тѣлохранителей, и съ помощію ихъ криковъ, а иногда ихъ саблей, старались одерживать верхъ надъ своими соперниками или противниками.

Одинъ изъ польскихъ писателей прошлаго вѣка *) оставилъ намъ грустную, но вѣрную картину польскаго быта, который отразился со всѣми своими недостатками особенно рѣзко на сеймикахъ, этихъ центрахъ мѣстной политической жизни польскаго народа.

Паны или богатая шляхта угощали себя на сеймикахъ, говоритъ онъ, вкусными яствами и дорогими напитками, особенно венгерскимъ виномъ, и гдѣ вино было въ большемъ количествѣ и лучшаго сорта, тамъ сходки были многочисленнѣе.

*) Kitowicz. T. IV.

Мелкая шляхта не мѣшалась съ панами, но имѣла свой особенный столъ въ разныхъ харчевняхъ, а лѣтомъ въ садахъ и на дворахъ подъ навѣсами, гдѣ ее кормили и поили въ продолженіе всего сеймика. Кушанья, которыми угощали мелкую шляхту не были слишкомъ изысканы, обыкновенно онѣ состояли изъ говядины, свинины и баранины, иногда подавали куръ, гусей и индѣекъ жареныхъ и вареныхъ, но все это приготовлялось съ большимъ количествомъ перцу и соли и съ кислыми приправами, для возбужденія жажды. Рано утромъ ставили на столъ нѣсколько хлѣбовъ, нѣсколько кусковъ масла и жареное, нарѣзанное ломтями, при этомъ давали избирателямъ водки по одному, по два или по три раза. Чтобъ утолить жажду имъ подносили пива. Напиваться же имъ не давали для того, чтобы они сохранили здравый разсудокъ и оставались годными для сеймовой работы. Потомъ ихъ уводили въ костелъ или на кладбище, гдѣ долженъ былъ собраться сеймикъ, научивъ ихъ предварительно, что имъ поддерживать и противъ чего возставать. По окончаніи сессіи, ихъ уводили въ харчевни и они садились за пиръ, который продолжался до вечера, а иногда до полуночи и до бѣлаго дня; тамъ гдѣ не всѣ могли усѣсться за столъ, одни садились послѣ другихъ. Ихъ поили виномъ, смѣшаннымъ съ водкой, чтобы скорѣе закружилась голова, а для утоленія жажды давали пива. Такимъ образомъ они напивались скоро и угощеніе стоило дешево. Напившись, они оставались тамъ, гдѣ сваливались съ ногъ, и спали кто у стола, кто подъ столомъ, кто у забора, кто среди улицы, въ протокѣ или въ лужѣ, смотря потому, куда кого заносили ноги.

Выспавшись хорошенько многіе замѣчали, что при

нихъ нѣтъ ни шапки, ни пояса, ни сабли, а иногда и самый кошелекъ былъ похищенъ какимъ-нибудь бродягой или товарищемъ шляхтичемъ, болѣе другихъ трезвымъ. Ограбленный шелъ къ своему *принципалу*, который пригласилъ его на сеймъ, и требовалъ отъ него вознагражденія за убытокъ. Если дѣла этого принципала шли хорошо, и онъ одерживалъ верхъ надъ своимъ противникомъ, то онъ награждалъ своихъ приверженцевъ, давалъ имъ поясъ и шапку и прочія принадлежности, которыми всѣ паны, отправлявшіеся на сеймъ запасались въ большомъ количествѣ. Если же этихъ предметовъ не находилось въ достаточномъ количествѣ ни въ старомъ гардеробѣ, ни у продавцевъ, или у панскихъ слугъ, то панъ давалъ вмѣсто нихъ деньги. Но если панъ не имѣлъ успѣха и долженъ былъ бѣжать съ сеймика, чтобы не быть изрубленнымъ, приверженцы его не считая одного или двухъ червонцевъ, полученныхъ въ задатокъ оставались безъ вознагражденія за платье, саблю, а иногда за руку, за ухо или зубы, потерянныя на сеймѣ. Иногда приходилось имъ поплатиться и жизнью, потому что они не только должны были сражаться за интересы своего пана, но часто, поссорившись другъ съ другомъ рѣшали споръ саблями. Мелкую шляхту паны свозили на сеймъ въ длинныхъ телѣгахъ или брыкахъ, а по окончаніи сеймика заперевъ харчевни и уѣхавъ, отпускали домой пѣшкомъ.

При такомъ положеніи дѣлъ результатъ сеймика зависѣлъ отъ богатства и энергіи руководителей. Примасъ послалъ на сеймики довѣренныхъ людей съ необходимыми денежными суммами, чтобы склонить воеводства къ принятію присяги, установленной на созывательномъ сеймѣ, т. е. на сторону Станислава. Но и противники его дѣйствовали энергически. Вѣнскій кабинетъ совѣтовалъ графу Вилчку послать на сеймики надежныхъ людей, чтобы возбудить неудовольствіе противъ примаса.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ происходили сеймики въ то время, мы разскажемъ то, что случилось въ Дрогичинѣ, главномъ повѣтѣ подляшскаго воеводства.

Воевода подляшскій Сапѣга прибылъ вечеромъ 13 іюля въ Дрогичинъ и къ нему выѣхали на встрѣчу главные сановники воеводства въ сопровожденіи многихъ дворянъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, воевода отправился въ церковь іезуитовъ; съ нимъ были Кучинскій, кастеланъ подляшскій, графъ Оссолинскій (приверженецъ Лещинскаго), староста дрогичинскій Тетевскій и болѣе 600 шляхтичей. Воевода предложилъ избрать маршала и указалъ на Оссолинскаго, но тотъ, видя, что у него много противниковъ, отказался отъ такой чести. Сапѣга потомъ предложилъ Тетевскаго, который и былъ избранъ. Отъ него потребовали, чтобъ онъ не измѣнялъ постановленій сеймика и назначили ему двухъ ассессоровъ.

Карскій, клевретъ Оссолинскаго, потребовалъ, чтобы новый маршалъ тотчасъ обязался присягой сохранять вѣрно всѣ постановленія созывательнаго сейма. Но Сапѣга (приверженецъ курфирста) объявилъ, что это требованіе незаконно, что сначала нужно учредить каптурный судъ, потомъ послы должны дать отчетъ объ исходѣ сейма, наконецъ слѣдуетъ пересмотрѣть и обсудить самыя постановленія его. Тогда сторонники Оссолинскаго начали горячиться и оскорблять воеводу*). Кучинскій съ двумя сыновьями

*) Мы основываемъ нашъ разсказъ на письмѣ, написанномъ однимъ изъ приверженцевъ курфирста.

и маршалъ перешли на сторону Оссолинскаго, приверженцы котораго стали грозить тѣмъ, что составятъ конфедерацію. Шумъ и споры продолжались до 8 часовъ вечера. Наконецъ Сапѣга отложилъ собраніе до другаго дня, но когда онъ хотѣлъ выйти изъ церкви онъ нашелъ двери запертыми; около нихъ стояло 20 человѣкъ изъ партіи Станислава, и когда воевода сталъ уговаривать ихъ, чтобъ они отперли двери, тѣ обнажили свои сабли. Съ трудомъ удалось приверженцамъ воеводы выйти изъ церкви и проводить воеводу домой.

Оставшіеся въ церкви заставили Тетевскаго принести присягу и потомъ отложили собраніе до другаго дня.

Въ этотъ день Сапѣга отправился съ своими приверженцами въ церковь францисканцевъ и составилъ тамъ конфедерацію во имя сохраненія liberum veto. При этомъ онъ обѣщалъ взять на свой счетъ всѣ издержки, необходимыя для того, чтобы содержать шляхтичей его воеводства во время избирательнаго сейма.

Приверженцы же Станислава собрались въ церковь іезуитовъ и тамъ составили особенную конфедерацію. Они говорили, что сосѣднія государства хотятъ подъ предлогомъ охраненія вольности избранія, ввести въ Польшѣ наслѣдственный, т. е. деспотическій образъ правленія.

Рѣдко обходилось на сеймикахъ безъ кровопролитія. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи разсказъ, сообщенный Левенвольду о результатѣ плоцкаго сеймика; онъ оканчивается слѣдующими словами: „И такъ въ продолженіе тѣхъ пяти дней никто не раненъ и не убитъ, и всѣ удивлялись, что при такомъ многолюдномъ собраніи въ такое долгое время *никакого злоключенія не учинилось*“.

Общимъ результатомъ сеймиковъ примасъ и приверженцы Станислава могли быть довольны. Правда, очень многія воеводства и повѣты не приняли присяги, установленной на созывательномъ сеймѣ, но это не значило, что они не хотѣли согласиться на воцареніе Станислава. Они не хотѣли только связывать себя преждевременно этой присягой и отсрочили ее до избирательнаго сейма.

Присяга была отвергнута одной частью брестскаго воеводства, нѣсколькими повѣтами въ Мазовіи, техановскимъ, закрочимскимъ, воеводствомъ подляшскимъ, частью воеводствъ Сѣраджь и Ленчица, нѣсколькими повѣтами прусскими, пинскимъ и троцкимъ повѣтами, и почти цѣлымъ опочинскимъ повѣтомъ въ сандомирскомъ воеводствѣ. Кромѣ того, нѣсколько отдѣльныхъ лицъ протестовали противъ присяги, напримѣръ, генералъ Великой Польши Шолдрскій и др.

Совершенное пораженіе понесли приверженцы Станислава въ 5 воеводствахъ. Въ краковскомъ Любомирскій возобновилъ конфедерацію составленную еще весной. Въ русскомъ воеводствѣ (въ Галиціи) воеводой былъ Чарторижскій; но его не любили за его высокомѣріе. Этимъ воспользовался графъ Цетнеръ, перешедшій недавно на сторону курфирста. Онъ былъ посланъ въ Дрезденъ съ нотификаціей о смерти короля Августа. Курфирстъ принялъ его очень ласково и при прощаніи подарилъ ему кольцо цѣною въ 6,000 талеровъ. Графъ Цетнеръ дѣйствовалъ на сеймикѣ такъ искусно противъ Чарторижскаго, что воеводство русское отступило отъ обычая и выбрало своимъ маршаломъ не воеводу, а хорунжаго львовскаго Гушчинскаго; потомъ оно протестовало противъ исключенія иностранныхъ кандидатовъ. Понятовскій и

Чарторижскій должны были удалиться изъ своего воеводства.

Противъ исключенія иноземцевъ протестовали кромѣ того воеводства новогродекское, минское и кульмское.

Съ другой стороны число приверженцевъ Станислава было особенно велико въ Великой Польшѣ (по рѣкѣ Вартѣ) въ воеводствахъ познанскомъ, калишскомъ и въ сандомирскомъ (въ Малой Польшѣ).

Сеймики давали своимъ посламъ инструкціи, которыя касались иногда общихъ дѣлъ, иногда мѣстныхъ интересовъ. Для характеристики тогдашняго состоянія умовъ и положенія дѣлъ въ Польшѣ, особенно интересны инструкціи, данныя на плоцкомъ сеймикѣ, и поэтому мы предлагаемъ извлеченіе изъ нихъ:

1. Чтобы паны не входили въ сношенія съ иностранными государями, и особенно остерегались берлинскаго двора, какъ самаго не доброжелательнаго сосѣда.

2. Чтобы отзывовъ въ Римъ не было, ибо какъ туда какое-либо дѣло достанется, „то яко погибшей душѣ никакого оттуда возвращенія не имѣется“.

3. Чтобы епископы не посылали въ Римъ большихъ денежныхъ суммъ.

4. Чтобы воевода люблинскій, который взялъ для отправленія посольства въ Римъ 400,000 злотыхъ, дѣйствительно поѣхалъ бы въ Римъ, или возвратилъ казнѣ деньги.

5. Чтобы Понятовскій далъ отчетъ въ своей должности.

6. Чтобы мерзкіе жиды по силѣ мазовецкихъ и польскихъ законовъ были выгнаны изъ Польши.

7. Чтобы былъ установленъ особенный образецъ

для платья мѣщанскаго и для платья шляхетскаго, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго, „чтобы шляхтича и шляхтянку, также мѣщанина и мѣщанку познать было можно.“

8. Сенаторы и урядники должны пріискивать средства для содержанія убогой шляхты и предупреждать, чтобы бѣдные не искали себѣ прокормленія отчаяннымъ образомъ: таковыхъ къ себѣ принимать, а упрямыхъ на цѣпь сажать.

9. Не принимать въ услуженіе людей безъ свидѣтельствъ и заставлять слугъ причащаться св. тайнъ.

10. „Также понеже многіе картежники и костари умножились, которые, волочась отъ мѣста до мѣста людей обманываютъ и не токмо игрою, но напастью, воровствомъ и убійствомъ обиду приносятъ, того ради таковыхъ. хотя бы они подъ предлогомъ воинскимъ или придворной какой службы являлись, имать и смертью казнить или по усѣченіи правой или лѣвой руки изъ города выгнать.“

11. По силѣ конституціи 1717 года, освободить духовныхъ отъ платежа податей при общей раскладкѣ.

Уже изъ однихъ приведенныхъ нами инструкцій плоцкаго сеймика можно себѣ составить ясное понятіе о печальномъ положеніи Польши въ XVIII вѣкѣ. Отсутствіе твердаго и сильнаго правительства, высокомѣріе и спѣсь въ одномъ сословіи, раболѣпное смиреніе въ другомъ, всеобщее невѣжество и религіозная нетерпимость, вотъ бѣдствія, которыя тяготѣли надъ Польшей и влекли ее къ совершенному упадку.

Безвыходное состояніе ея очень метко описано въ одномъ латинскомъ памфлетѣ того времени, который мы не беремся перевести, потому что весь интересъ его основанъ на игрѣ словъ:

© РНБ СПБ

Descriptio Status Poloniae:

Sta viator parum,
Qui cito permeas Poloniam,
At quid moraris diu?
Non tua in hac Polonia statio
Quam nec Rex, nec lex, nec regit ratio.
Paullulum morare, diu morare:
Regnum sine Rege, Rempublicam sine lege
Imo ne sis atrosus, sed curiosus
Multos reges, nullum regem
Multas leges, nullam legem.

Etenim

Multi volunt, sed non possunt regnare,
Omnes possunt legem dare, sed non observare.
Et cum omnia omnibus liceant,
Omnes in omnibus peccant.
Pro libertate habent licentiam,
Pro legibus suum velle,
Pro prudentia pertinaciam et imprudentiam,
Pro justitia rapinam.

Et sic

Ambitus dominandi, contumacia parendi
In suum omnia vertunt et convertunt

Unde

Leges — exleges
curia — Furia
comitia — convitia
sessiones — scissiones
constitutiones — cavillationes
clerus — non verus
praesules — inutiles
ministri — sinistri

nobilitas — mobilitas
tribunalia — venalia
civitates — egestates
municipia — mancipia
pagi — vagi
rura — obscura
belli directores — raptores
praefecti — imperfecti
officiales — illis aequales.
equitator — praedator
peditatus — nudatus
infanteria — miseria
militia — malitia
bellum — imbellum
pugna — fuga

His visis et auditis, abi, chare,
Et nobis meliora precare.

© TIHTB CO PAH

ГЛАВА XI.

ОТНОШЕНІЯ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ИЗБИРАТЕЛЬНАГО СЕЙМА.

Въ началѣ междуцарствія приверженцы Станислава не очень боялись Россіи. Королевско-польскій посланникъ Лефортъ писалъ въ Варшаву, что въ русской арміи недостаетъ и половины того числа солдатъ, какое показано въ офиціальныхъ отчетахъ; войска плохо вооружены, императорская казна чуть ли не совершенно истощена и во всемъ государствѣ общій великій недостатокъ. Чарторижскіе распространяли эти извѣстія на сеймикахъ, чтобы ободрить своихъ приверженцевъ и прибавляли къ тому, что Полякамъ Россіи опасаться нечего, „ибо тамъ женская особа государствуетъ, которая токмо ищетъ правительство свое въ покоѣ и удовольствованіи препроводить“. Пріѣздъ Левенвольда, его грубая и самоувѣренная рѣчь и появленіе русскихъ войскъ на границахъ польскихъ, внушили примасу мысль, что сѣверные сосѣди Польши могутъ быть опаснѣе для нея, чѣмъ онъ думалъ сначала. Но какъ кажется, онъ долго не давалъ у себя мѣста серьознымъ опасеніямъ; онъ предполагалъ, что союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей не можетъ быть продолжителенъ. Онъ надѣялся на помощь Турціи и Швеціи противъ Россіи.

Въ срединѣ лѣта онъ однако убѣдился, что ошибся въ разсчетѣ. Союзъ между Австріей и Россіей былъ крѣпче, чѣмъ когда-либо. Швеція не вооружалась, а отъ Турціи, занятой опасной для нея войной съ Персіей, ничего нельзя было ожидать.

Тогда примасъ рѣшился склонить Россію путемъ переговоровъ къ соблюденію мира и къ допущенію Станислава на польскій престолъ. Онъ считалъ нѣмецкихъ министровъ виновниками союза съ Австріей, онъ не довѣрялъ имъ и поэтому рѣшился послѣ созывательнаго сейма отправить въ Петербургъ надежнаго человѣка, дать ему письмо къ императрицѣ на русскомъ языкѣ и поручить ему, чтобы онъ при удобномъ случаѣ отдалъ это письмо въ собственныя руки императрицы. Для этого труднаго порученія онъ избралъ майора Наревскаго, человѣка ловкаго и чрезвычайно преданнаго Станиславу. Но неизвѣстно почему, примасъ не исполнилъ этого намѣренія, а въ іюнѣ отправилъ въ Петербургъ съ офиціальной грамотой брацлавскаго постельничаго или подкоморія Дюсацкаго Рудомину.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, Рудомина былъ у младшаго Левенвольда и обѣщалъ ему показать инструкціи, полученныя имъ отъ примаса. Чтобы вызвать его на откровенность русскій посолъ подарилъ ему золотыя часы съ цѣпочкой въ 60 червонцевъ. Рудомина принялъ подарокъ, но обѣщанія не сдержалъ. Онъ скрылъ также отъ русскаго посла, что примасъ далъ ему частное письмо отъ своего имени къ императрицѣ и что онъ везетъ въ Петербургъ письмо къ князю Трубецкому отъ кастеляна краковскаго князя Іоанна Вишневецкаго. Левенвольдъ узналъ объ этомъ отъ саксонскихъ пословъ, которые

ему сообщили также копіи со всѣхъ вышеупомянутыхъ бумагъ. Саксонскіе послы знали лучше русскихъ намѣренія примаса и все, что дѣлалось и говорилось на конференціяхъ сената, потому что въ ихъ распоряженіи было болѣе денегъ, и потому что одинъ изъ сенаторовъ — Сапѣга, воевода подляшскій предался совершенно на сторону курфирста.

Рудомина пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ. Такъ какъ въ Петербургѣ знали о томъ, что онъ приверженецъ Станислава и довѣренное лице примаса, то его не приняли такъ радушно какъ Липскаго. Ему давали меньше кормовыхъ денегъ чѣмъ Липскому и при отъѣздѣ подарили только 3000 р. Всего же истратили на него 4600 р.

19-го іюля ст. ст. Рудомина имѣлъ аудіенцію у императрицы, подалъ ей грамоту отъ Рѣчи Посполитой и письмо примаса. Грамота по содержанію походила на ту, которую примасъ отправилъ не задолго предъ тѣмъ къ императору Карлу VI. Въ своемъ же письмѣ примасъ жаловался на оберштальмейстера, который привезъ царскую грамоту и уѣхалъ изъ Варшавы, не увѣдомивъ объ этомъ правительство Рѣчи Посполитой. Потомъ примасъ извѣщалъ императрицу о томъ, что приближается время избирательнаго сейма и выражалъ увѣренность, что она не нарушитъ свободы избранія и будетъ „зерцаломъ справедливости для прочихъ державъ. Такое поведеніе принесло бы ей болѣе славы, чѣмъ многія побѣды, которыя хотя и надежны, однакоже и обидою другихъ и всенароднымъ рыданіемъ получены будутъ“.

Липскій, епископъ краковскій совѣтовалъ младшему Левенвольду написать въ Петербургъ, чтобы Рудоминѣ не давали отвѣта, пока не рѣшатся дѣла въ

Польшѣ и задержали бы его до начала сейма. Дѣйствительно, хотя Рудомина прибылъ 11-го іюля, его пригласили на конференцію съ русскими министрами только 31-го числа.

На конференціи Рудомина показалъ копію съ своей инструкціи, въ которой примасъ извѣщалъ императрицу объ окончаніи созывательнаго сейма и просилъ ее возобновить прерванные переговоры съ Польшей. Потомъ онъ сообщилъ, что Рѣчь Посполитая желаетъ соблюдать договоры, заключенные съ Россіей и надѣется, что императрица съ своей стороны приложитъ всякое стараніе, чтобы избраніе короля въ Польшѣ было совершено безъ раздора и разоренія земли; что императрица захочетъ скорѣе угасить пламя войны, грозящей цѣлой Европѣ, чѣмъ возжечь его, тѣмъ болѣе, что Поляки и Русскіе происходятъ отъ одного корня, должны жить въ мирѣ и согласіи и что вольное государство польское можно склонить только ласками и дружбой. Недоброжелатели оклеветали примаса; но напрасно, ибо онъ старъ и не ищетъ своего интереса; онъ старается только объ томъ, чтобы возвести на престолъ короля, который бы содержалъ со всѣми сосѣдями ненарушимый миръ. Дѣло трудное предстоитъ Рѣчи Посполитой — жениховъ много, а невѣсту можно отдать только одному; неудовольствіе другихъ же можетъ быть опаснымъ, если они найдутъ поддержку у иноземцевъ. Рѣчь Посполитая обяжетъ своего короля, чтобы онъ ни былъ, пактами конвентами, чтобы онъ не нарушалъ договоровъ, заключенныхъ съ сосѣдями. Она можетъ также избрать такого кандидата, который нравится сосѣднимъ державамъ; но кто имъ поручится, что онъ не измѣнится, когда взойдетъ на пре-

столъ. Поэтому гарантія продолжительнаго мира между обоими государствами заключается не въ личности избираемаго, а въ добромъ расположеніи къ Россіи Рѣчи Посполитой. Англія и Голландія до сихъ поръ гордились тѣмъ, что они имѣютъ надзоръ за равновѣсіемъ между европейскими государствами. Русская императрица можетъ теперь показать, что въ ея рукахъ судьба Европы и отъ нея зависитъ дать народамъ миръ и счастіе.

Рудомина присовокупилъ, что онъ присланъ просить совѣта, какими средствами достигнуть внутренней тишины въ Польшѣ и внѣшней безопасности, ибо до начала сейма избранія и во время его еще можно все устроить къ обоюдному удовольствію. Онъ объявилъ при томъ, по порученію маркиза Монти, что французскій дворъ желаетъ союза съ русскимъ и готовъ для этой цѣли прислать посла въ Петербургъ или поручить маркизу вступить въ Варшавѣ въ переговоры съ Левенвольдомъ.

Только черезъ три недѣли, 18-го августа, была назначена вторая конференція и на ней русскіе министры сообщили Рудоминѣ отвѣтъ на его предложенія. Содержаніе его было слѣдующее: „Ея И. В. согласна съ тѣмъ, что свободная подача голосовъ на сеймахъ должна почитаться за зѣницу ока польской вольности, какъ сказано въ инструкціи г. подкоморія. Поэтому Е. И. В. по своей благосклонности къ Рѣчи Посполитой и по примѣру своихъ предковъ считаетъ себя обязанной не допускать ничего, что было бы противно конституціямъ республики, а особенно тѣмъ, которыя гарантированы Россіей. Е. И. В. имѣетъ достовѣрное извѣстіе, что тотчасъ по смерти короля Августа образовалась партія, которая хотѣла возвести на престолъ

Лещинскаго, лишеннаго этого права польскими конституціями, и безъ правильнаго избранія провозгласить его королемъ подъ предлогомъ, что онъ уже разъ избранъ и коронованъ. Самъ примасъ предлагалъ эту мѣру сенаторамъ и по всѣмъ воеводствамъ разсылалъ письмо подъ заглавіемъ: „Братское предостереженіе“, въ которомъ доказывалось, что подобная мѣра необходима и полезна для Рѣчи Посполитой. Но такъ какъ Лещинскій—мятежникъ противъ своего законнаго короля и объявленъ за непріятеля отечества трактатами, заключенными въ 1717 г. въ Варшавѣ и въ 1718 въ Гроднѣ, то Е. И. В. сочла нужнымъ выставить на границѣ корпусъ войска, чтобы въ случаѣ необходимости отвратить всякое нарушеніе законовъ республики и защитить свободу избранія.

„Не желая употреблять силу оружія, Е. И. В. приказала сдѣлать въ Литвѣ необходимыя представленія и послала съ той же цѣлью въ Варшаву своего оберштальмейстера. Но Е. И. В. съ удивленіемъ узнала, какія средства были употреблены на сеймѣ для утѣсненія вольной подачи голосовъ, какими угрозами самые знатнѣйшіе сенаторы были принуждены присягнуть конфедераціи, и какъ потомъ изъ акта конфедераціи были вычеркнуты оговорки, сдѣланные ими при его подписываніи.

„Приверженцы Лещинскаго разглашали ложныя вѣсти о намѣреніяхъ императрицы въ выраженіяхъ оскорбительныхъ, и надѣясь на свою силу грозили изрубить на полѣ избранія всѣхъ тѣхъ, которые бы захотѣли стоять за свободную подачу голосовъ.

„Е. И. В. не повѣрила бы такимъ неслыханнымъ поступкамъ, если бы не получила письмо, въ которомъ многіе знатные магнаты, не хотѣвшіе пожертвовать

свободой избранія для своихъ интересовъ, жаловались на притѣсненія станиславской партіи и просили защиты русской императрицы. Поэтому Е. И. В. еще разъ послала въ Польшу своего оберштальмейстера, дала ему увѣщательную грамоту къ примасу и поручила ему объявить, что Е. И. В. и Ея высокіе союзники не только сами не хотятъ пріобрѣсти ничего отъ Рѣчи Посполитой, но Е. И. В. даже не допуститъ, чтобы кто-нибудь другой оторвалъ отъ Польши хоть единый футъ земли. Въ тоже время она не можетъ однако позволить воцариться Станиславу, потому что онъ всегда былъ врагомъ Россіи; избраніе его сочтетъ она за нарушеніе мира и будетъ ему препятствовать всѣми силами, дарованными ей Богомъ.

„Е. И. В. надѣется, что Ея новое увѣщаніе чрезъ посла Рудомину будетъ имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что она не стоитъ особенно ни за кого изъ кандидатовъ, но хочетъ только поддержать свободную подачу голосовъ въ Польшѣ.

„Что касается до предложенія примаса возобновить переговоры, то Е. И. В. видитъ въ немъ скрытый упрекъ, какъ будто эти переговоры прекращены по Ея винѣ. Она всегда желала устранить недоразумѣнія между Россіей и Польшей и поэтому держала уполномоченныхъ пословъ въ Варшавѣ и назначала особенныхъ коммисаровъ для пограничныхъ дѣлъ. По ея мнѣнію, переговоры въ настоящую минуту не приведутъ къ цѣли, но Е. И. В. охотно согласится на предложеніе примаса, какъ скоро для переговоровъ будутъ назначены коммисары съ польской стороны.“

Отвѣты императрицы на грамоту Рѣчи Посполитой и на письмо къ ней примаса были написаны въ томъ же смыслѣ. На второй конференціи Рудомина жаловался, что Левенвольдъ уѣхалъ изъ Варшавы безъ увѣдомленія и просилъ отъ имени примаса, чтобы въ Варшаву былъ присланъ посолъ націи русской.

На первое ему отвѣтили, что оберштальмейстеръ не простился съ примасомъ, потому что уѣзжалъ только на время по вызову русскаго двора, а на второе, что русской императрицѣ нельзя предписывать, какихъ пословъ ей держать въ Варшавѣ, притомъ всѣ министры Е. И. В., какой націи они бы ни были дѣйствуютъ по Ея указу.

Поляки приписывали нѣмецкимъ министрамъ союзъ русскаго правительства съ Австріей и нерасположеніе его къ Лещинскому. Замѣчательно, что они сдѣлали попытку обратиться къ самолюбію русскихъ вельможъ, чтобы вызвать ихъ на противодѣйствіе планамъ нѣмецкаго министерства и расположить черезъ нихъ русское правительство въ пользу Станислава. Рудомина привезъ съ собой письмо отъ кн. Вишневецкаго къ кн. Трубецкому, съ котораго Левенвольдъ досталъ копію и прислалъ въ Петербургъ. Въ письмѣ не выставлено ни имени ни чина кн. Трубецкаго. Но по всему вѣроятію это былъ Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, который началъ свою службу въ потѣшныхъ Петра, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Нарвой, потомъ размѣненъ и пожалованъ при Петрѣ II въ генералъ-фельдмаршалы, тотъ самый Трубецкой, который въ 1730 году былъ противникомъ верховниковъ и подалъ императрицѣ прошеніе о воспріятіи самодержавія. Другой кн. Трубецкой, Никита Юрьевичъ, который въ концѣ царствованія Анны Іоанновны былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ не могъ быть извѣстенъ въ Польшѣ. Онъ былъ слишкомъ молодъ и въ 1733 году былъ только премьеръ майоромъ преображенскаго полка.

Вишневецкій пишетъ Трубецкому, что онъ давно отъ него не получалъ ни единой строчки, напоминаетъ ему, что ихъ семейства происходятъ отъ одного общаго рода, и проситъ его, какъ *знатнаго сенатора* противодѣйствовать тѣмъ, которые совѣтуютъ императрицѣ, послать свои войска въ Польшу до избранія короля. Онъ увѣряетъ его, что новоизбранный король будетъ соблюдать договоры со всѣми сосѣдями особенно же съ Россіей, потому что Поляки и Русскіе братья. — „Slavonicus dignissimus populus Ripkai Sarmata, какъ гласятъ старинныя лѣтописи“. Вишневецкій выражаетъ надежду, что если императрица назначитъ уполномоченнаго въ Польшу, то князь Трубецкой согласится взять на себя это порученіе, чтобы мирными средствами сохранить согласіе, существующее между обоими государствами. Кастелянъ пишетъ, что примасъ, въ искренности котораго нельзя сомнѣваться (вѣроятно онъ помирился съ нимъ въ это время) обѣщался ему честнымъ словомъ, не провозглашать никого королемъ, противъ котораго возвысится хоть одинъ голосъ.

Левенвольдъ приписалъ къ этому письму свои примѣчанія, и замѣчаетъ, что Вишневецкіе, Сангушки и Чарторижскіе считаютъ себя родичами Трубецкихъ, Голицыныхъ и Куракиныхъ, ибо всѣ эти роды происходятъ по ихъ мнѣнію отъ одного общаго родоначальника Корибута. Онъ обращаетъ вниманіе на опасность, которая могла бы возникнуть отъ союза этихъ могущественныхъ домовъ, если бы Вишневецкій достигнулъ польской короны. Потомъ онъ говоритъ, что кастелянъ доказалъ на себѣ непостоянство своей націи, ибо хвалитъ теперь примаса, тогда какъ недавно еще жаловался на него, какъ на интригана.

Эта не единственная попытка польскихъ вельможъ завести съ Петербургомъ тайныя сношенія. Левенвольдъ узналъ, что воевода бѣлжскій посылалъ часто письма въ Петербургъ черезъ одного купца Маріотти и адресовалъ ихъ на имя Джакомо Танески музыканта императорской капелли и къ какому то-Верокаи, артисту на скрипкѣ.

Незадолго до пріѣзда Рудомины, былъ отпущенъ въ Польшу Липскій. Императрица призвала его послѣ официальной аудіенціи еще разъ къ себѣ, сняла съ руки драгоцѣнный перстень, подарила ему его и поручила сказать примасу и всѣмъ его соотечественникамъ, что она никогда не согласится на воцареніе Лещинскаго. Липскій повезъ съ собой новую грамоту къ примасу. Что касается до его просьбы вознаградить воеводу кіевскаго Потоцкаго за пушки, взятыя изъ его имѣній русскими войсками, то министерство писало въ Польшу къ Левенвольду, чтобы онъ наблюдалъ за поведеніемъ Потоцкаго, и написалъ бы въ Петербургъ, стоитъ ли онъ милости государыни или нѣтъ. Отвѣтъ Левенвольда былъ невыгоденъ для Потоцкаго.

Потоцкій, по его словамъ, былъ такой ревностный приверженецъ Станислава „что онъ не только не заслуживалъ вознагражденія, но его слѣдовало поймать и сослать въ Сибирь. При этомъ, если бы онъ даже обѣщалъ оставить партію Лещинскаго, то его обѣщаніямъ нельзя придавать значенія, точно также, какъ нечего бояться его угрозъ.“

Въ то время, когда ждали въ Петербургѣ польскаго посла, русскій находился на пути въ Варшаву. Левенвольдъ счелъ за нужное, какъ мы видѣли, отправиться на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы скло-

нить русское правительство на рѣшительный образъ дѣйствія. Но его поѣздка имѣла еще другую цѣль, онъ боялся навлечь слишкомъ большую отвѣтственность на нѣмецкое министерство, которое благопріятствовало видамъ Австріи и хотѣлъ распространить эту отвѣтственность и на русскихъ министровъ. Левенвольдъ условился въ Варшавѣ съ австрійскимъ посломъ о времени вступленія въ Польшу союзныхъ войскъ, и согласился на требованія графа Вилчка, чтобы австрійскія войска перешли черезъ границу позднѣе, тогда только, когда русскія находились бы уже близь Варшавы. Левенвольдъ особенно боялся упрековъ за эту уступчивость. Дѣйствительно, въ собраніи министровъ, сената и генералитета 29-го іюня, Левенвольда спрашивали, почему цесарскія войска вступятъ тремя недѣлями позднѣе русскихъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что силезійскія границы гораздо ближе къ Варшавѣ, чѣмъ русскія; если австрійскія войска вступятъ слишкомъ рано, то шляхта западныхъ воеводствъ, которая должна отправиться въ путь позднѣе литовской, вовсе не пойдетъ въ Варшаву. Наконецъ австрійскимъ войскамъ придется идти по великопольскимъ воеводствамъ, наиболѣе населеннымъ и преданнымъ Лещинскому. Собраніе нашло эти доводы убѣдительными, а изъ военной коллегіи были отправлены указы къ рижскому корпусу, который былъ подъ командой Ласси и къ смоленскому, чтобы первый выступилъ въ походъ 31-го іюля (ст. ст.), а второй, которому приходилось совершить болѣе длинный путь, 25-го іюля; австрійскія войска должны были перейти черезъ границу 18-го августа (ст. ст.).

Левенвольдъ не долго пробылъ въ Петербургѣ, 3-го іюля онъ уже тронулся въ путь. Ему было назначено

большое содержаніе, онъ получалъ по 100 рублей въ день жалованья, считая съ 14-го марта, подобно графу Головкину, когда онъ былъ отправленъ на суассонскій конгрессъ. Кромѣ того Левенвольду было дано 15,000 р. на экипажъ и было позволено поставить издержки на проѣздъ и на другія потребности его службы, на особенный счетъ.

При его отъѣздѣ, русскій дворъ не заключилъ еще договора съ саксонскимъ, и Левенвольду было поручено наблюдать за дѣйствіями курфирста, и если бы послѣдній захотѣлъ сдѣлаться королемъ польскимъ безъ содѣйствія союзниковъ, надѣясь на своихъ приверженцевъ, то Левенвольдъ долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ австрійскимъ и прусскимъ послами, чтобы общими силами защищать польскую вольность и воспротивиться вооруженной рукой намѣреніямъ курфирста. Русскій дворъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на помощь прусскую, тѣмъ болѣе, что Левенвольдъ везъ съ собой трактатъ, заключенный имъ въ 1732 году и подписанный теперь императрицей, чтобы склонить Пруссію на свою сторону. Трактатъ этотъ Левенвольдъ отправилъ изъ Кенигсберга съ барономъ Мейендорфомъ къ королю, въ Штетинъ.

Левенвольдъ отправился въ Ригу; черезъ этотъ городъ и Кенигсбергъ пролегалъ путь въ Варшаву. Въ Ригѣ Левенвольдъ пробылъ нѣсколько дней, чтобы согласиться съ генераломъ Ласси насчетъ маршрута русскихъ войскъ. Но по полученнымъ изъ Варшавы извѣстіямъ ему показалось нужнымъ отсрочить на нѣсколько дней вступленіе русскихъ войскъ. Левенвольдъ боялся, что примасъ узнавъ о преждевременномъ вступленіи въ Польшу русскихъ войскъ, отложитъ избирательный сеймъ до слѣдующей весны,

чтобы между тѣмъ съ помощію Турціи и Франціи дать дѣлу оборотъ болѣе благопріятный для Лещинскаго. Поэтому Левенвольдъ отправилъ въ Петербургъ курьера съ совѣтомъ отсрочить день вступленія войскъ въ Польшу. Его совѣтъ былъ принятъ и въ Смоленскъ и Ригу были посланы сообразно съ этимъ указы. Впрочемъ, командующимъ обоими корпусами было приказано быть на готовѣ, и при первомъ извѣстіи отъ Левенвольда выступить въ походъ не списываясь съ Петербургомъ, даже если бы пришлось сдѣлать это раньше назначеннаго военной коллегіей срока.

Но когда Левенвольдъ прибылъ въ Кенигсбергъ, онъ получилъ новыя извѣстія изъ Варшавы. Онъ узналъ, что императоръ отозвалъ отъ своего корпуса, стоявшаго на польскихъ границахъ отрядъ изъ 6000 человѣкъ и послалъ его на Рейнъ; потомъ младшій братъ писалъ Левенвольду изъ Варшавы, что приверженцы Россіи находятся въ большомъ страхѣ передъ примасомъ и требуютъ немедленнаго вступленія въ Польшу русскихъ войскъ. Эти извѣстія заставили оберштальмейстера измѣнить свой взглядъ на дѣло и 20-го іюля онъ писалъ въ Петербургъ, чтобы къ русскимъ войскамъ былъ отправленъ указъ немедленно выступить въ походъ. Онъ требовалъ, чтобы Ласси въ день дѣлалъ по крайней мѣрѣ 4 мили, а драгуновъ послалъ бы впередъ, заставляя ихъ дѣлать отъ 5 до 6 миль, такъ, чтобы они къ началу сейма находились въ разстояніи 10 миль отъ Варшавы. Въ Кенигсбергѣ онъ узналъ отъ одного купца, котораго онъ для этого посылалъ въ Гданскъ, что французское правительство отправило въ этотъ городъ черезъ посредство тамошнихъ купцовъ денегъ на сумму 16,000,000 пр. гульденовъ, т. е. 2,000,000 червонцевъ. Купцы не всѣ эти деньги хранили у себя дома, а часть ихъ скрывали въ оливскомъ монастырѣ и для того, чтобы французскій посолъ не навлекъ на себя подозрѣнія раздачею столь великихъ суммъ, ими распоряжался подканцлеръ Чарторижскій и раздавалъ ихъ по своему благоусмотрѣнію. Левенвольдъ узналъ также, что литовскій казначей Сологубъ прислалъ въ Кенигсбергъ товаровъ на 60,000 злотыхъ, чтобы вымѣнить ихъ на новые червонцы.

На пути изъ Кенигсберга въ Варшаву Левенвольдъ сталъ раздавать манифестъ на польскомъ языкѣ, въ которомъ союзныя державы увѣдомляли Поляковъ о вступленіи своихъ войскъ въ ихъ отечество.

Манифестъ этотъ былъ написанъ австрійскимъ резидентомъ Киннерномъ, потомъ напечатанъ въ Бреславлѣ въ числѣ 2500 экземпляровъ. По 1000 назначалось для каждаго изъ императорскихъ дворовъ, а 500 для прусскаго короля. Замѣчательно, что манифестъ былъ изданъ отъ имени трехъ союзныхъ державъ, хотя прусскій король ничего не зналъ о немъ. Младшій Левенвольдъ и графъ Вилчекъ не показали черновой прусскому послу, боясь, что онъ потребуетъ измѣненій и задержитъ такимъ образомъ напечатаніе манифеста. Они хотѣли объявить о немъ Бранту, когда онъ уже будетъ отпечатанъ; но пока этотъ манифестъ, объявлявшій о вступленіи прусскихъ войскъ въ Польшу, выходилъ въ свѣтъ, прусскій король рѣшился остаться нейтральнымъ. Такъ какъ этотъ манифестъ долженъ былъ оправдать въ глазахъ Польши и цѣлой Европы поведеніе союзниковъ, то мы изложимъ вкратцѣ его содержаніе.

Заглавіе его было слѣдующее: „Основательное из-

ложеніе справедливыхъ причинъ, которыя побудили Е. И. и Р. К. В., Е. В. императрицу россійскую и Е. В. короля прусскаго послать свои войска, стоящія на границахъ въ Польшу, при предстоящемъ избраніи короля, по настоятельному требованію различныхъ знатныхъ членовъ Рѣчи Посполитой, какъ изъ сенаторскаго, такъ и изъ рыцарскаго чину, для защиты свободы голоса."

„Цѣлому свѣту извѣстно, что лучшее сокровище польскаго народа состоитъ въ неограниченной свободѣ голоса, которая ставитъ бѣднѣйшаго шляхтича наравнѣ съ знатнѣйшимъ сенаторомъ, такъ что первый имѣетъ на общественныхъ собраніяхъ и сеймахъ такое же право какъ и послѣдній противорѣчить общему мнѣнію и не давать никому въ этомъ отчета.

„Эта свобода не только положена благороднымъ польскимъ народомъ въ основаніе своей государственной жизни, но и утверждена гарантіей сосѣднихъ державъ.

„Чтобы сохранить эту свободу, Поляки часто жертвовали не только имуществомъ, но и самою жизнью. Исторія показываетъ, что ради liberum veto больше сеймовъ были расторгнуты, чѣмъ окончены. Когда подъ конецъ своей жизни король Августъ хотѣлъ по совѣту своихъ приближенныхъ раздать государственныя должности, не объявивъ напередъ, кому онъ ихъ дастъ, сенаторы и послы взволновались и нѣкоторые изъ нихъ прямо обратились къ Е. И. В. съ просьбой защитить ихъ свободу, что имъ и было обѣщано.

„По смерти короля, честолюбцы продолжали однако стремиться къ своей цѣли, примирились съ тѣми, которые прежде имъ препятствовали и съ помощью чужихъ денегъ пріобрѣли такое вліяніе, что захватили диктатуру на созывательномъ сеймѣ и выбрали по своему желанію маршала.

„Они старались возбудить въ своихъ согражданахъ подозрѣніе, что сосѣднія державы хотятъ помѣшать вольному избранію, отвѣчали съ высокомѣріемъ на увѣренія этихъ сосѣднихъ державъ, и теперь разными происками стараются возвести на престолъ кандидата, лишеннаго этого права древними конституціями и объявленнаго новыми постановленіями за врага отечества.

Въ доказательство приводятся тексты постановленій сеймовъ 1593, 1607, 1670, 1703 г., сандомирской конфедераціи 1704 г., такъ называемой Вольной Рады варшавской, конфедер. тарноградской, гродненскаго консиліума 1705 г., конгресса варшавскаго 1710 г., варшавскаго генеральнаго консиліума и пацификаціоннаго сейма 1717 года.

„Эта партія заставила сенаторовъ и пословъ подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности и даже лишенія жизни присягнуть въ томъ, что они изберутъ въ короли только природнаго Поляка, какъ будто нѣсколько сотъ человѣкъ имѣютъ право измѣнять конституціи своего отечества и своевольно распоряжаться мнѣніемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ своихъ согражданъ.

„Хотя маршалъ сейма обѣщалъ, что онъ предложитъ конфедерацію для подписи только по прочтеніи всѣхъ ея пунктовъ и по зрѣлому и свободному обсужденію каждаго изъ нихъ отдѣльно, однако въ актъ конфедераціи вставлено нѣсколько статей, о которыхъ прежде не было рѣчи и о которыхъ не упоминалось въ инструкціяхъ воеводствъ; такъ, напримѣръ, примасу предоставлена власть объявлять войну по своему благоусмотрѣнію, чего, какъ извѣстно, Рѣчь Посполи-

тая не позволяетъ даже своимъ королямъ; въ его распоряженіе отдана казна Рѣчи Посполитой. По прочтеніи конфедераціи никому не было позволено возражать. Когда нѣкоторые подписали ее съ оговорками, то ихъ убѣждали и подкупали цѣлую недѣлю (precе ac pretio), чтобы они вычеркнули свою оговорку.

„Грамота примаса къ Е. И. В. также доказываетъ, что его партія хочетъ настоять на своемъ, не обращая вниманія на бѣдствія, которыя могутъ постигнуть ея отечество.

„Примасъ говоритъ въ этой грамотѣ, что Рѣчь Посполитая не можетъ принять отъ другихъ государствъ ни рекомендаціи въ пользу какого-нибудь кандидата, ни предостереженія противъ другаго кандидата. (ut nec negativam nec affirmativam sententiam ab exteris potentiis aut exspectet aut admittat.) Но Франція объявила всей Европѣ, что она будетъ поддерживать Станислава и секретарь французскаго посольства сказалъ въ Петербургѣ, что Франція не пожалѣетъ ничего, чтобы возвести Станислава на польскій престолъ.

„Поэтому Рѣчь Посполитая не можетъ жаловаться, если сосѣднія державы не хотятъ допустить воцареніе Станислава, тѣмъ болѣе, что Франція исключаетъ изъ числа кандидатовъ всѣхъ прочихъ, а Россія только одного его. На созывательномъ сеймѣ исключены всѣ иностранные принцы. Примасъ поэтому не можетъ обижаться, если сосѣднія державы по его примѣру исключаютъ Станислава изъ числа кандидатовъ.

„Франція хочетъ силой возвести на престолъ Станислава вопреки польскимъ законамъ, а союзныя державы хотятъ только охранять эти законы. Постановленія Рѣчи Посполитой могутъ состояться только

при согласіи трехъ *чиновъ* (рыцарскаго чина, сенаторовъ и короля); такъ какъ одного *чина* теперь нѣтъ, то Рѣчь Посполитая и не можетъ отмѣнить своихъ постановленій.

„Примасъ въ своей грамотѣ превозноситъ великодушіе союзныхъ державъ, которыя обѣщали защищать свободу въ Польшѣ, когда король хотѣлъ погубить ее своими саксонскими войсками. Теперь слѣдуетъ еще болѣе благодарить ихъ, потому что они хотятъ стоять за свободу въ Польшѣ, не смотря на то, что имъ грозитъ европейская война.

„Примасъ увѣряетъ, что Станиславъ не можетъ быть опаснымъ сосѣдомъ для Россіи и Австріи. Но уже теперь Поляки стараются возбудить Турцію противъ Россіи. Станиславъ будетъ всегда въ союзѣ съ Франціей и Турціей, и этотъ союзъ можетъ сдѣлаться опаснымъ, когда Турки заключатъ миръ съ Персіянами и оба народа обратятся противъ Россіи.

„Честные, благомыслящіе и любящіе свое отечество граждане обратились къ союзнымъ державамъ съ просьбой защитить ихъ, какъ видно изъ приложеннаго манифеста. — Поэтому союзныя державы рѣшились не дожидаться сомнительнаго исхода избирательнаго сейма, но заблаговременно заградить путь къ престолу тому кандидату, который объявленъ законами Рѣчи Посполитой врагомъ отечества.

„Ихъ величества рѣшились поступить по зрѣлому обсужденію, принимая во вниманіе существующія между ними и Рѣчью Посполитой гарантіи и трактаты, не имѣя въ виду собственнаго интереса, но изъ искренней любви къ польскому государству. Они посылаютъ свои войска въ Польшу какъ друзей и защитниковъ польскаго народа, чтобы избавить его отъ

насильственнаго и противозаконнаго избранія и возстановить у него свободу. Пусть будетъ избранъ законнымъ образомъ кандидатъ, выгодный для Рѣчи Посполитой и пріятный для ея сосѣдей, чтобы посредствомъ этого была подкрѣплена связь искренней дружбы и сосѣдства, существующая между ними и былъ бы утвержденъ миръ на сѣверѣ“ *).

Левенвольдъ прибылъ въ Варшаву 27-го іюля за двѣ съ половиной недѣли до начала сейма избранія. Онъ привезъ съ собой новую грамоту отъ императрицы къ примасу, которая отличалась отъ прежнихъ тѣмъ, что въ ней прямо указывалось на Станислава какъ на такого кандидата, которому Россія не позволитъ вступить на польскій престолъ. Графъ Вилчекъ сначала просилъ Левенвольда, чтобы онъ не подавалъ своей грамоты. Австрійскіе дипломаты боялись выражаться ясно и опредѣленно, и хотя изъ многочисленныхъ декларацій вѣнскаго двора можно было безъ труда заключить, что союзники разумѣютъ Станислава, но министры Карла VI хотѣли, чтобы въ ихъ грамотахъ не встрѣчалось имени Лещинскаго. Левенвольдъ возразилъ Вилчку, что эта предосторожность стала излишней, потому что императрица на послѣдней аудіенціи, данной Липскому называла Станислава,

*) Манифестъ этотъ до напечатанія былъ посланъ въ Петербургъ и Остерманъ исправилъ его. Но прежде чѣмъ исправленный списокъ прибылъ въ Варшаву, манифестъ былъ уже напечатанъ. Одна изъ поправокъ Остермана интересна. Въ манифестѣ сказано: „Польша можетъ соединиться съ Турціей противъ Россіи, чтобы возвратить отторженныя отъ нея области „Seine avulsa zu recuperiren.“ Остерманъ пишетъ: „Это выраженіе слѣдовало бы выпустить, потому что Россія не владѣетъ отторженными отъ Польши областями, но у Польши находятся отторженныя отъ Россіи области, въ чемъ легко убѣдиться, бросивши взглядъ на прошедшія времена.“

и онъ самъ на пути въ Варшаву уже роздалъ нѣсколько экземпляровъ манифеста, въ которомъ также прямо шла рѣчь о Станиславѣ. Наконецъ графъ Вилчекъ рѣшился ѣхать съ Левенвольдомъ къ примасу и то потому только, какъ онъ писалъ къ своему двору, что грамота была написана отъ имени императрицы русской, а не отъ имени обоихъ императорскихъ дворовъ.

Но примасъ не принялъ пословъ. Ему уже надоѣло объясняться съ ними и входить въ споръ, который никогда бы не могъ привести ихъ къ какому-нибудь результату. Еще не задолго передъ тѣмъ примасъ имѣлъ разговоръ съ однимъ изъ австрійскихъ пословъ *), во время котораго онъ ему сказалъ, „что вѣнскій дворъ успѣлъ бы гораздо болѣе въ своихъ намѣреніяхъ, если бы не говорилъ постоянно объ устраненіи Станислава. Рѣчь Посполитая никому не можетъ позволить предписывать ей законы“. Австрійскій посолъ спросилъ примаса, на сколько королевскихъ избраній можетъ указать Польша, въ которыя бы не вмѣшались иностранцы и которыя были совершены безъ разногласія? Примасъ отвѣтилъ, „что именно для того и взята на созывательномъ сеймѣ со всѣхъ присяга, чтобы избѣгнуть разногласія. Междуцарствіе — опасная болѣзнь государственнаго организма, — разногласіе же (scissio) влечетъ за собой гибель свободы (scissio autem mors libertatis). Народу, который никогда ни отъ кого не зависилъ, лучше погибнуть, чѣмъ жить въ рабствѣ. Впрочемъ король польскій, если бы это былъ самъ дьяволъ или Станиславъ, долженъ соблюдать миръ съ сосѣдями, потому что его къ этому принудитъ Рѣчь Посполитая. Онъ, примасъ, готовъ отка-

*) Въ донесеніи, откуда мы это извлекаемъ посолъ же названъ. Вѣроятно это былъ Киннернъ, австрійскій резидентъ.

заться отъ своего архіепископства, если Станиславъ не будетъ также вѣренъ императору, какъ его собственные министры. Если избиратели раздѣлятся на партіи, то онъ никого не провозгласитъ, но станетъ увѣщевать ихъ къ согласію. Если же нѣсколько лицъ будутъ дѣлать происки, то онъ не ручается, чтобъ съ ними не расправились на мѣстѣ (stante pede). Если вступятъ въ Польшу иностранныя войска, то онъ пойдетъ противъ нихъ съ крестомъ въ рукахъ“ *).

Подъ конецъ разговора посолъ выразилъ надежду, что примасъ еще одумается и склонится на сторону императора, за что получитъ приличное награжденіе. Примасъ спросилъ его вмѣсто отвѣта: „Кого же вы намъ предлагаете? курфирста мы не можемъ избрать, потому что такое избраніе могло бы сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ въ саксонскомъ домѣ, а изъ всѣхъ пястовъ Станиславъ самый достойный“.

Узнавши, что примасъ подъ предлогомъ болѣзни не хочетъ принять его, Левенвольдъ пригласилъ къ себѣ племянника его, воеводу белжскаго, вручилъ ему копію съ грамоты и сказалъ ему, что если примасъ не пріймetъ русской грамоты, то онъ станетъ раздавать копіи съ нея въ народѣ. Онъ прибавилъ, что Е. В. вынуждена просьбами доброжелательныхъ патріотовъ, которые отправили въ Петербургъ уже 82 письма съ жалобами на жестокія утѣсненія и насильства, послать въ Польшу свои войска, пусть примасъ одумается и отвратитъ во-время гибельныя послѣдствія этого вторженія.

*) Интересно сличить съ этими словами то, что примасъ писалъ черезъ полтора года изъ Торна въ свое оправданіе, когда онъ находился въ русскомъ плѣну: „я не вышелъ съ крестомъ въ рукахъ противъ русскихъ войскъ, хотя я долженъ сознаться, что я грозилъ сдѣлать это, но вѣдь большая разница между словомъ и дѣломъ.“ См. Neue Europaeische Fama. 1735 г. I Th. pag. 259.

Воевода принялъ на себя это порученіе очень неохотно и обѣщалъ дать немедленно отвѣтъ. Однако, когда Левенвольдъ послалъ къ нему на другой день Голембѣвскаго, то онъ сказалъ, что по причинѣ тяжкой болѣзни примаса онъ не могъ исполнить своего порученія. Потомъ онъ объявилъ резиденту, что приверженцы Станислава не боятся русскихъ войскъ, а если нѣсколько воеводствъ рѣшатся сопротивляться избранію Лещинскаго, то дойдетъ до ужаснаго кровопролитія. Что касается до цесаря, то и его не боятся, потому что у него будутъ связаны руки (Франціей) и онъ, воевода, готовъ дать голову свою на отсѣченіе, если его слова не сбудутся.

Тогда Левенвольдъ поѣхалъ 10-го августа съ своимъ братомъ и Вилчкомъ къ коронному маршалку, чтобы подать ему грамоту, какъ главному послѣ примаса лицу. Но Мнишекъ сказалъ, что онъ безъ примаса не можетъ принять письма. Левенвольдъ объявилъ, что если примасъ съ нимъ не хочетъ говорить, то онъ проситъ формально публичной аудіенціи, при чемъ онъ вручилъ маршалку копію съ грамоты на польскомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхалъ къ Вилчку маршалъ примасова двора кастелянъ Солтыкъ. Этотъ Солтыкъ былъ послѣ Понятовскаго самымъ дѣятельнымъ приверженцемъ Станислава, и имѣлъ большое вліяніе на примаса. Онъ объявилъ, что примасъ по причинѣ своего слабаго здоровья не можетъ видѣться съ австрійскимъ посломъ, а на Левенвольда сердитъ за то, что онъ уѣхалъ изъ Варшавы, не простившись съ нимъ и привезъ грамоту, которая имъ связываетъ руки и мѣшаетъ въ свободномъ избраніи.

Когда примасъ узналъ о вторичномъ прибытіи русскаго оберштальмейстера въ Польшу, то онъ совѣтовался съ своими приближенными впустить ли его въ Варшаву или арестовать на дорогѣ. Наконецъ было рѣшено выслать противъ него польскую хорунжу, которая должна была сказать людямъ Левенвольда, что они встрѣтятъ на дорогѣ другой отрядъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ, которые можетъ быть принудятъ ихъ ѣхать назадъ.

Варшавская чернь была очень возбуждена противъ иностранцевъ, особенно противъ Русскихъ и Саксонцевъ. Она говорила, что изъ чужеземцовъ и иностранныхъ пословъ никто не долженъ унести ногъ и что надо сжечь ихъ дома. Поляки безпрестанно стрѣляли по заборамъ, отдѣлявшимъ русскій посольскій дворъ отъ другихъ домовъ, и однажды пуля чуть не ранила одного изъ солдатъ русской конной гвардіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ того одинъ Полякъ напалъ на одного саксонскаго офицера, вошедшаго въ какой-то магазинъ и сталъ его бранить рѣзкими словами; сбѣжалась толпа и офицеръ спасся только тѣмъ, что стращалъ народъ своимъ пистолетомъ. Въ другой разъ одинъ ксензъ вылилъ на улицѣ рюмку вина на саксонскаго посла генерала Баудица, когда тотъ проѣзжалъ мимо него. При ксензѣ находился лакей въ примасовой ливреѣ. Когда послы жаловались на это оскорбленіе примасу, онъ отвѣтилъ, что онъ никого не можетъ охранить противъ народной ненависти.

Левенвольдъ все это выговаривалъ белжскому воеводѣ и требовалъ, чтобы посламъ объявили, остаться ли имъ въ Варшавѣ или уѣхать. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ слѣдуетъ проводить съ коммиссарами до границы. Онъ прибавилъ, „если насъ противъ народной

ненависти защитить не могутъ, то я принужденъ сказать, что и я противъ казацкой пики никого защитить не могу“

Но Левенвольдъ дѣйствовалъ не одними угрозами, а также и обѣщаніями. Онъ обѣщалъ черезъ Потоцкаго примасу, если онъ перейдетъ на сторону Россіи 100,000 рублей, а белжскому воеводѣ, что императрица подаритъ ему 20,000 р., которые онъ еще былъ долженъ за горыгорѣцкое имѣніе. Графъ Вилчекъ сдѣлалъ примасу такое же обѣщаніе отъ имени своего императора. Левенвольдъ писалъ въ Петербургъ, чтобы ему на случай договора съ примасомъ и на другіе тому подобные случаи прислали нѣсколько бланкетовъ за подписью императрицы, и ему дѣйствительно было прислано 8 бланкетовъ. Вообще оберштальмейстеръ истратилъ въ Польшѣ не малыя суммы, къ сожалѣнію неизвѣстно на что. Счеты его младшаго брата хранятся въ архивѣ, но его собственныхъ нѣтъ и это объясняется донесеніемъ его отъ 5-го окт., въ которомъ онъ сообщаетъ, что долженъ былъ сжечь всѣ официальныя бумаги, опасаясь, чтобы они не достались въ руки Полякамъ при разграбленіи русскаго посольскаго дома.

Сохранилась только смѣта денегъ отпущенныхъ къ нему.

27-го февр. ему дано на экипажъ 4,000 р.

27-го того же мѣсяца на расходы въ Польшѣ сереб. мон. 20,000 р.

Въ тотъ же день посланъ указъ къ рижскому губернатору Ласси и генералу экономіи въ Ригѣ Фелкерзаму о выдачѣ оберштальмейстеру всѣхъ наличныхъ въ Ригѣ ефимковъ и денегъ россійскихъ, сколько ихъ въ сборѣ и сколько ихъ будетъ. По этому указу послано въ Польшу съ 1-го мая по 21-го ноября:

Битыхъ албертусовыхъ талеровъ . 104,943 и 5 гр.
При вторичномъ его отправленіи выдано ему на экипажъ. . . . . 15,000 р.
30-го іюня велѣно взять ему переведенныя въ Гамбургъ для покупки лошадей деньги и употребить ихъ на польскія дѣла . . . . . 50,000 р.
По указу отъ 30-го іюня выдано ему изъ рижскихъ доходовъ. . . . . 24,000 черв.
да ефимковъ албертусовыхъ 600
15-го ав. послано къ нему для склоненія примаса 8 бланкетовъ на. . . . 100,000 р.

Понятовскій и Чарторижскіе своею самоувѣренностью поддерживали бодрость въ своихъ приверженцахъ. Они постоянно говорили о турецкой и татарской помощи, и когда кто то при Понятовскомъ выразилъ опасеніе, что войска союзниковъ вступятъ въ Польшу, онъ сказалъ: вы увидите еще, что я буду командовать всѣми этими войсками. Онъ внушалъ коронной арміи, чтобы она объявила себя за Лещинскаго и сталъ собирать у Булавы (sic), мѣстечка принадлежавшаго Чарторижскимъ армію, чтобы напасть на русскія приближающіяся войска. Но потомъ онъ одумался и сталъ говорить, что будетъ нападать на русскія войска малыми отрядами и тѣмъ утомитъ ихъ. Понятовскій и Чарторижскіе часто намѣренно распускали ложныя вѣсти. Когда до Варшавы дошелъ слухъ, что русскія войска дѣйствительно вступили въ Польшу, Понятовскій сталъ говорить, что это не правда, ибо онъ получилъ письмо изъ Литвы отъ Вишневецкаго, который извѣщаетъ его о противномъ. Однажды, когда на собраніи у княгини Чарторижской, бывшей Денгофъ, графиня Вилчекъ упомянула о томъ же, княгиня отвѣтила, что это не можетъ случиться; она уже знаетъ это обыкновеніе: сколько разъ грозили Русскіе послать войска въ Курляндію и никогда ничего не предпринимали Чарторижскіе разсказывали также, что Франція потребовала пропуска для своихъ войскъ черезъ имперію, чтобы оказать помощь Полякамъ.

Понятовскій однако былъ на сторожѣ. Онъ копилъ деньги и занялъ 100,000 червонцевъ, чтобы въ случаѣ нужды бѣжать съ ними въ Хотинъ; о своихъ имѣніяхъ онъ не жалѣлъ, потому что они не стоили дорогой цѣны. Онъ говорилъ также, что въ случаѣ войны онъ вторгнется въ Силезію и вознаградитъ себя тамъ за разграбленіе своихъ деревень, ибо каждая силезская деревня стоитъ 15 польскихъ. Но онъ не всегда былъ въ такомъ бодромъ расположеніи духа. Левенвольду разсказывали, что онъ однажды въ разговорѣ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ ударилъ себя въ лобъ и сказалъ: „Ахъ, какъ мы дали себя обмануть!“ Примасъ сохранялъ большое присутствіе духа и хладнокровіе. Онъ шутилъ надъ предстоящей опасностью и сказалъ однажды, что ничего не боится; если бы дѣла дурно окончились и его отвезли въ Россію, то онъ не счелъ бы это для себя несчастіемъ, напротивъ — тогда исполнилось бы его давнишнее желаніе видѣть Е. В. императрицу русскую.

Наконецъ, Левенвольдъ кончилъ переговоры съ саксонскими послами. Курфирстъ обѣщалъ послать 6,000 чел. войска на помощь къ императорскимъ войскамъ на Рейнъ, а для дѣйствій въ Польшѣ приготовить, если будетъ нужно 12,000 человѣкъ, изъ которыхъ 6,000 могли бы тотчасъ соединиться съ цесарскими войсками у Гросъ-Глогау и вмѣстѣ съ ними всту-

пить въ Польшу 18-го или же не позднѣе 20-го августа. Послы союзныхъ державъ не долго затруднялись въ пріисканіи оправданія для вступленія саксонскихъ войскъ. Они хотѣли, въ случаѣ нужды воспользоваться слѣдующимъ обстоятельствомъ. Когда умеръ Августъ, въ соленыхъ варницахъ, которыя составляли доходъ польскихъ королей, оставалось 150,000 бочекъ соли, на сумму 600,000 албертусовыхъ талеровъ. Но Рѣчь Посполитая объявила, что ей нужны деньги и приказала продать соль въ свою пользу. Сенатъ назначилъ для этого коммиссію изъ 60 человѣкъ, которую потомъ уменьшилъ на 12, и каждому члену опредѣлилъ на содержаніе изъ суммы, вырученной изъ продажи, 500 злотыхъ. Но коммиссары взяли себѣ 150,000 злотыхъ за свой трудъ, а соль продали за необыкновенно дешевую цѣну.

Не трудно было Левенвольду уговориться съ саксонскими послами о времени вступленія ихъ войскъ въ Польшу. Но много хлопотъ доставила ему австрійская дипломатія, когда до нея дошла очередь приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Еще 18-го іюля н. ст. императоръ просилъ русскій дворъ отсрочить день вступленія австрійскихъ войскъ въ Польшу и въ своемъ рескриптѣ обстоятельно изложилъ всѣ причины, требовавшія этой отсрочки. Его не столько побуждалъ страхъ передъ Франціей къ такой осторожности, сколько просьбы морскихъ державъ; ибо Франція объявила, что она сочтетъ за нарушеніе мира, не только вступленіе австрійскихъ войскъ въ Польшу, но даже вторженіе Русскихъ, союзниковъ Австріи, и поэтому эта отсрочка не избавляла Карла VI отъ войны съ Франціей. Но Голландія и Англія союзники императора, просили его не давать повода Франціи

обвинять Австрію въ нарушеніи европейскаго мира. Георгъ II увѣрялъ Карла, что онъ во всякомъ случаѣ будетъ помогать ему противъ Франціи, если эта держава начнетъ войну, но ему, какъ королю англійскому, нужно сообразоваться съ желаніемъ парламента и народа. Георгъ писалъ, что ему гораздо легче будетъ склонить свой парламентъ къ тому, чтобы оказывать императору дѣятельную помощь противъ Франціи, если Людовикъ XV будетъ виновникомъ войны, и если Карлъ VI вторженіемъ своихъ войскъ въ Польшу не дастъ ему повода открыто вступиться за своего тестя Станислава Лещинскаго.

Разсчитывая напередъ на согласіе Россіи, императоръ отозвалъ изъ Силезіи 6000-ный отрядъ и послалъ его на Рейнъ. Онъ оправдывалъ эту мѣру тѣмъ, что необходимо оказать Франціи въ самомъ началѣ сильное сопротивленіе. Притомъ нельзя, было сказано въ австрійской депешѣ, разсчитывать на дѣятельную помощь имперскихъ князей. Курфирсты пфальцскій, баварскій и келнскій (послѣдніе два были братья) держатъ сторону Франціи, а у прочихъ князей войска въ весьма жалкомъ состояніи. Если къ имперскимъ войскамъ не присоединится значительный австрійскій отрядъ, то нельзя будетъ ожидать никакого успѣха, ибо генералы имперскихъ князей по взаимной зависти никогда не подчинятся одному изъ своихъ и уступятъ главное начальство надъ своими отрядами только императорскому полководцу.

Карлъ VI спѣшилъ успокоить русскій дворъ, что онъ вовсе не желаетъ избавиться отъ всякой отвѣтственности въ польскихъ дѣлахъ, и что онъ готовъ, напротивъ, если этого потребуютъ обстоятельства, тотчасъ послать въ Польшу полки, оставшіеся въ Силезіи. Но

вѣдь и для Россіи выгоднѣе, если австрійскія войска будутъ успѣшно дѣйствовать на Рейнѣ, ибо въ противномъ случаѣ придется же Россіи выручать свою союзницу.

Русскій дворъ былъ однако весьма недоволенъ требованіемъ императора. Въ отвѣтѣ, который сочинилъ Остерманъ, русскій вице-канцлеръ очень колко замѣчалъ австрійскимъ министрамъ, что намѣренія французскаго двора были имъ давно извѣстны, и они виноваты въ томъ, что не приняли заранѣе надлежащихъ мѣръ и предосторожностей. Что касается до Англіи и Голландіи, то осторожность цесаря не заставитъ ихъ принять участія въ войнѣ противъ Франціи; если они этого не желаютъ, они всегда найдутъ отговорку. (Послѣдствія оправдали слова русскаго вице-канцлера). Въ Польшѣ же поступокъ императора произведетъ самое неблагопріятное для союзниковъ впечатлѣніе; слова примаса, что на твердость союза между Австріей и Россіей нельзя разсчитывать, оправдаются, и война въ Польшѣ затянется, а ее нужно кончить въ одинъ годъ, потому что къ слѣдующей веснѣ Турки могутъ заключить миръ съ Персіей и вмѣшаться въ польскія дѣла. По этому русскій дворъ долженъ требовать, чтобы австрійскія войска немедленно вступили въ Польшу, тѣмъ болѣе, что русскія, какъ бы они не спѣшили не могутъ поспѣть въ Варшаву ко времени избранія, а цесарское войско по краткости разстоянія можетъ прійти во время.

Въ рескриптѣ отъ 26-го іюля къ оберштальмейтеру было изложено требованіе русскаго двора и Левенвольду поручено, чтобы онъ настаивалъ на вступленіи австрійскихъ войскъ. Рескриптъ оканчивался словами: „Дайте австрійскому послу ясно понять, что, если

цесарь захочетъ чужими руками жаръ загребать, и всю тяжесть на насъ свалить, то и мы будемъ принуждены думать о своей безопасности.“

Въ другомъ рескриптѣ отъ 2-го августа русскій кабинетъ сообщалъ о предложеніяхъ, которыя Франція дѣлала Россіи черезъ Рудомину. „Мы отъ своихъ союзниковъ не отступимъ“ было сказано въ рескриптѣ, „но ожидаемъ, что и они съ своей стороны исполнятъ свои обязательства.“

Всегда было трудно заставить вѣнскій кабинетъ измѣнить свои намѣренія, а на этотъ разъ было почти невозможно, потому что у императора не было готовой арміи ни на Рейнѣ противъ Франціи, ни въ Италіи противъ Сардиніи и Испаніи. Кромѣ того англійскій король все сильнѣе настаивалъ на томъ, чтобы Австрія не вмѣшивалась открыто въ польскія дѣла. Вѣнскій кабинетъ въ своемъ рескриптѣ къ Гохгольцеру оправдывался противъ упрековъ Остермана тѣмъ, что сваливалъ вину на короля прусскаго, который не сдержалъ своего обѣщанія и не поставилъ своего войска на границахъ польскихъ. Мы никакъ не могли знать, было сказано въ австрійскомъ рескриптѣ, что Пруссія объявитъ нейтралитетъ, и что между Голландіей и Англіей установятся холодныя отношенія вслѣдствіе недоразумѣній, вызванныхъ сватовствомъ принца Оранскаго за англійской принцессой.

Въ тоже время вѣнскій кабинетъ поручилъ Вилчку упросить Левенвольда, чтобы онъ не требовалъ вступленія австрійскихъ войскъ. Оберштальмейстеръ согласился ждать нѣсколько дней, пока русскія войска подойдутъ къ Варшавѣ. Къ тому времени, говорилъ онъ, императоръ узнаетъ о настоящемъ намѣреніи своихъ союзниковъ, хотятъ ли они ему помочь противъ Фран-

ціи или нѣтъ. Левенвольдъ предлагалъ написать письмо къ вѣнскому кабинету, которое могло бы ему служить оправданіемъ въ глазахъ англійскаго и голландскаго правительствъ. Въ этомъ письмѣ русскій уполномоченный хотѣлъ требовать отъ имени своего правительства помощи у Австріи согласно съ союзнымъ договоромъ, заключеннымъ между обоими императорскими дворами. Такимъ образомъ австрійская армія вступила бы въ Польшу какъ вспомогательный корпусъ, высланный Австріей по требованію Россіи. Левенвольдъ просилъ только объ одномъ, чтобы императоръ не отказывался публично отъ посылки своихъ войскъ въ Польшу. „Ихъ вступленіе не будетъ нужно, говорилъ онъ, если Поляки не станутъ сопротивляться нашимъ войскамъ. Но если начнется кровопролитіе, то австрійскія войска необходимы, во 1) потому что русская кавалерія будетъ лучше сражаться, когда будетъ имѣть около себя нѣсколько старыхъ и опытныхъ австрійскихъ полковъ, а во 2) и для того, чтобы русскіе министры не могли жаловаться на австрійскую политику въ случаѣ разрыва между Турціей и Россіей.“

Но когда Левенвольдъ узналъ о желаніи своего двора, то сталъ требовать, чтобы австрійскія войска вступили въ Польшу. Вѣнскіе министры были въ большомъ затрудненіи. Императоръ назначилъ принца Людвига Виртембергскаго главнокомандующимъ надъ Силезской арміей, и отправилъ его въ Дрезденъ, чтобы убѣдить курфирста присоединить къ императорскому войску 6000 Саксонцевъ. Ему былъ данъ указъ перейти черезъ польскую границу по первому требованію графа Вилчка, не списываясь съ гофкригсратомъ. Но чтобы выиграть время былъ отправленъ еще одинъ курьеръ въ Петербургъ и Вилчку приказали обождать возвращеніе этого курьера.

Англійскій резидентъ въ Петербургѣ Рондо своими увѣщаніями поддерживалъ просьбы австрійскаго резидента, и наконецъ россійскій кабинетъ склонился на желаніе вѣнскаго двора.

Въ рескриптѣ отъ 17-го августа (ст. ст.) Левенвольду было позволено не настаивать на вступленіи австрійскихъ войскъ въ Польшу съ условіемъ: 1) чтобы австрійскія войска пришли на помощь къ Русскимъ по первому требованію, если бы дѣла приняли въ Польшѣ такой оборотъ, что Русскіе не могли бы одни справиться; 2) чтобы цесарь въ случаѣ разрыва между Россіей и Турціей, тотчасъ объявилъ Турціи войну; 3) чтобы императоръ склонилъ Англію къ союзу съ Россіей.

Россія очень желала этого союза, потому что боялась Швеціи и хотѣла воспользоваться противъ этой державы англійскимъ флотомъ. Но Георгъ II отклонилъ отъ себя русское предложеніе; онъ объявилъ, что парламентъ нельзя будетъ склонить къ союзу съ Россіей, потому что у Англіи и Россіи слишкомъ мало общихъ интересовъ.

За нѣсколько дней до начала избирательнаго сейма Левенвольдъ условился съ саксонскими послами о необходимыхъ мѣрахъ, чтобы возвести курфирста на польскій престолъ. Образъ дѣйствія, на который они рѣшились, былъ чрезвычайно простъ; они хотѣли убѣдить противниковъ Станислава протестовать противъ его избранія, если бы даже они составляли самое незначительное меньшинство на сеймѣ. Потомъ было легко, основываясь на этомъ протестѣ объявить избраніе незаконнымъ и подъ защитою русскаго войска произвести новое. Но посламъ союзныхъ державъ нужно было сначала склонить на свою сторону самаго дѣятельнаго

изъ противниковъ Станислава. Это былъ краковскій воевода Любомирскій.

Генеральная конфедерація созывательнаго сейма была какъ будто подтвержденіемъ краковской конфедераціи, которая объявила себя противъ иностранныхъ кандидатовъ. Но Любомирскій былъ все-таки очень не доволенъ результатомъ сейма, потому что на немъ были лишены надежды вступить на престолъ не только курфирстъ саксонскій, но и всѣ пясты, исключая Станислава. По возвращеніи въ свое воеводство, Любомирскій сталъ возбуждать неудовольствіе противъ примаса и постановленій сейма. Онъ произнесъ на многочисленномъ собраніи шляхты въ Прозовичѣ (sic) рѣчь, которая считалась современниками образцомъ ораторскаго искусства. Онъ старался въ ней доказать необходимость не только устраненія курфирста, но и Лещинскаго, избраніе котораго навлекло бы на Польшу большія бѣдствія. Мы охотно бы перевели отрывокъ изъ этой рѣчи, чтобы представить образчикъ ложнаго паѳоса и необыкновенной напыщенности слога въ рѣчахъ почтеннаго воеводы, если бы только было возможно передать эту массу метафоръ, вплетенныхъ одна въ другую, и этотъ чудовищный хаосъ польскихъ и латинскихъ словъ. Мы приведемъ только послѣднія строки: „Нынѣ же ко кресту господню воздѣваю руки мои, и если вы потребуете, чтобы я умеръ одинъ за весь народъ, то я готовъ идти и принять раны на предстоящей элекціи, полагая жизнь свою, яко воевода за воеводство, яко пастырь добрый за овцы своя, однако же аще возможно, да мимоидетъ отъ меня чаша сія; лучше избавьте меня, господа мои, отъ моего воеводства, если вы не хотите пребыть въ согласіи.“

Примасъ былъ очень недоволенъ этимъ краснорѣчіемъ: 24-го іюня онъ написалъ къ Любомирскому офиціальное письмо о томъ, что не хочетъ вѣрить слухамъ, обвиняющимъ воеводу, будто онъ возстаетъ противъ конфедераціи, составленной при его же содѣйствіи. Любомирскій отвѣтилъ другимъ письмомъ, наполненнымъ библейскими текстами; онъ называлъ ложными слухи и доносы, на которыхъ основывался примасъ, и объявлялъ, что сочувствуетъ генеральной конфедераціи, потому что она избавила Польшу отъ иностранныхъ кандидатовъ; но не можетъ одобрить насильственныхъ средствъ, употребленныхъ на сеймѣ, и въ качествѣ сенатора будетъ жаловаться на это на предстоящемъ сеймѣ.

Любомирскій разсчитывалъ, что избраніе курфирста будетъ не возможно вслѣдствіе нерасположенія къ нему цѣлой Польши, а избраніе Лещинскаго не состоится вслѣдствіе сопротивленія сосѣднихъ государствъ. Онъ надѣялся получить престолъ съ помощью Россіи и Австріи и поэтому сталъ заискивать расположеніе обоихъ императорскихъ дворовъ. Онъ написалъ два письма къ императрицѣ въ іюлѣ и августѣ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ увѣрялъ ее въ своей преданности*). Русскій дворъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе возвести Любомирскаго на польскій престолъ, если бы курфирстъ не согласился на условія, предложенныя Россіей, или если бы онъ нашелъ въ Польшѣ слишкомъ большое сопротивленіе.

Въ іюлѣ Любомирскій отправилъ подобное же письмо въ Вѣну съ довѣреннымъ лицемъ, и поручилъ ему изустно попросить австрійскихъ министровъ содѣйствовать ему въ вступленіи на польскій престолъ. Въ Вѣнѣ тогда уже кончили переговоры съ курфирс-

*) См. въ Приложеніяхъ.

томъ, но Любомирскому дали уклончивый отвѣтъ, и обнадежили его неопредѣленнымъ образомъ, чтобы не заставить его примкнуть къ партіи Станислава.

Однако, когда сближеніе между Саксоніей и императорскими дворами стало явно, Любомирскій понялъ, что ему нечего надѣяться на польскую корону, тѣмъ болѣе что онъ возбудилъ противъ себя почти всѣхъ прочихъ вельможъ. Какъ человѣкъ умный, онъ рѣшился извлечь изъ обстоятельствъ какъ можно большую пользу, и продать союзникамъ свою помощь, какъ можно дороже. 22-го августа онъ заключилъ слѣдующій договоръ съ саксонскими послами, подписанный также Левенвольдомъ и Вилчкомъ *).

1. Саксонскіе послы обѣщаютъ ему отъ имени курфирста булаву короннаго гетмана.

2. Вознагражденіе за всѣ издержки и протори, нужныя для конфедераціи, которую онъ составитъ въ пользу курфирста.

3. Вознагражденіе за всѣ убытки, которые можетъ нанести ему другая враждебная конфедерація.

4 и 5. Послы русскій и австрійскій берутъ на себя ручательство въ точномъ исполненіи этихъ обѣщаній.

6. Любомирскій обязывается образовать конфедерацію въ пользу курфирста саксонскаго.

7. Послы русскій и австрійскій обѣщаютъ, что ихъ государи не прежде положатъ оружіе, пока Станиславъ не будетъ изгнанъ изъ Польши.

8. Послы саксонскіе обѣщаютъ, что ихъ государь возьметъ подъ свое особое покровительство дѣтей и все семейство воеводы.

Главная надежда союзныхъ державъ основывалась однако не на Любомирскомъ, а на литовской

*) См. въ Приложеніяхъ.

шляхтѣ. Впрочемъ въ Литвѣ была также могущественная партія стоявшая за Лещинскаго, къ которой принадлежали Огинскіе и часть фамиліи Сапѣговъ. Однимъ изъ приверженцевъ Станислава въ Литвѣ была написана брошюра противъ Россіи, напечатанная въ утрехтской газетѣ 24-го іюля и чрезвычайно оскорбившая русскій кабинетъ. Она была напечатана подъ заглавіемъ: „Возраженіе литовскихъ чиновъ на инструкціи данныя русской императрицей своему послу, отправленному къ вышеупомянутымъ чинамъ“.

„Русскій дворъ, было сказано въ этой статьѣ, увѣдомилъ насъ, что онъ принимаетъ участіе въ нашей печали, причиненной смертью короля. Можемъ ли мы этому повѣрить, когда извѣстно, что этотъ дворъ всегда отказывался сохранить дружескія сношенія съ нашимъ королемъ. Русскій дворъ обѣщаетъ защищать нашу свободу! Какое однако противорѣчіе въ его словахъ. Въ тоже время онъ устраняетъ отъ польскаго престола одного изъ кандидатовъ, и грозитъ намъ войной, какъ будто мы нарушили заключенные съ нимъ договоры. Развѣ Польша вмѣшивалась въ дѣла о наслѣдствѣ русскаго престола послѣ смерти Петра Великаго, развѣ она спрашиваетъ теперь русскую императрицу, кого она хочетъ назначить своимъ наслѣдникомъ? Эту вражду русскаго двора противъ Станислава мы можемъ приписать только происканъ иностранныхъ министровъ, но не русскимъ. Тѣ лица, которыя составляютъ русское правительство должны знать, что Петръ Великій, недовольный договоромъ заключеннымъ Августомъ съ шведскимъ дворомъ, возымѣлъ намѣреніе возвести Станислава на польскій престолъ и предложилъ ему 30000 армію и большую сумму денегъ, чтобы низвергнуть Августа

и снова воцариться въ Польшѣ. Но благочестіе и справедливость Станислава не позволили ему согласиться. Онъ объявилъ, что предпочитаетъ покориться воли Провидѣнія, чѣмъ возвыситься посредствомъ бѣдствій и кровопролитія, которыя должны постигнуть его отечество" и т. д. Русскій дворъ былъ очень раздраженъ этой статьей. Въ своемъ отвѣтѣ онъ называетъ наглою ложью увѣреніе неизвѣстнаго автора, что Петръ В. предлагалъ Станиславу союзъ противъ Августа. Чтобы побудить литовскихъ вельможъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Лещинскаго къ нимъ были снова отправлены въ концѣ іюля подполковники Даревскій и Ливенъ. Въ инструкціи Ливену, написанной 26-го іюля (ст. ст.), ему было поручено уговорить Литвиновъ къ составленію конфедераціи противъ Станислава. Ему были даны два письма отъ императрицы, одно къ князю Радзивилу, другое къ старостѣ мерецкому Сапѣгѣ. Кромѣ того онъ везъ съ собой 2,000 червонцевъ и ему было позволено въ случаѣ необходимости требовать присылки еще большихъ суммъ изъ Риги.

Даревскій видѣлся съ оберштальмейстеромъ въ Митавѣ и оттуда отправился по его порученію въ Литву. Первый городъ, въ которомъ онъ остановился былъ Вильно, здѣсь онъ никого не нашелъ, исключая епископа смоленскаго Гонсѣвскаго, который занимался тѣмъ, что покупалъ земли на деньги, полученныя отъ французскаго посла. Епископъ, довольный своей судьбой, встрѣтилъ его съ смѣхомъ и спросилъ, что онъ имъ принесъ, миръ или войну. Даревскій отвѣтилъ, что то и другое зависитъ совершенно отъ нихъ. Онъ прибавилъ, что пріѣхалъ въ Литву съ тѣмъ, чтобы объявить и малымъ и великимъ волю

императрицы, которая не хочетъ стѣснять свободы избранія, но никогда не допуститъ, чтобы Станиславъ или кто-либо изъ его приверженцевъ взошелъ на польскій престолъ Русская армія приближается къ польскимъ границамъ, но отъ Поляковъ зависитъ остановить ее и даже заставить ее возвратиться. Епископъ возразилъ, что такое великое дѣло какъ избраніе короля, зависитъ только отъ Бога, что въ Польшѣ три партіи—одни за Станислава, другіе за курфирста, третьи за самихъ себя; сеймъ избранія докажетъ, кому благопріятствуетъ судьба. О вторженіи русскихъ войскъ говорилъ онъ, то сомнѣваясь въ истинѣ словъ Даревскаго, то жалуясь на насильство и грозя всеобщей европейской войной.

Даревскій возразилъ, что его угрозы имѣютъ слабое основаніе, ибо Австрія все ростетъ и усиливается, не смотря на то, что Франція постоянно съ ней въ войнѣ, и на этотъ разъ также Франція не помѣшаетъ императору настоять на своемъ. Онъ, епископъ, можетъ дѣйствовать какъ ему угодно. Императрица предостерегаетъ ихъ только по тому, чтобы имѣть чистую совѣсть предъ Богомъ. Упрямство ихъ можетъ навлечь много бѣдъ на невинныхъ, впрочемъ онъ надѣется, что найдется средство пощадить невинныхъ, но онъ посмотритъ какъ другіе-то выйдутъ изъ бѣды (se tireront d'affaire). Потомъ Даревскій сталъ упрекать епископа за его измѣну. Гонсѣвскій прямо возразилъ: а почему вы тогда не дали денегъ? Даревскій отвѣтилъ: мы не бросаемъ денегъ попустому. Е. В. императрицѣ нѣтъ необходимости рисковать своими деньгами; но когда найдутся люди, преданные общественному благу и понимающіе настоящіе интересы своего отечества, они всегда могутъ разсчитывать на поддержку съ нашей стороны.

Изъ Вильна Даревскій хотѣлъ ѣхать въ Слонимъ, чтобы видѣться съ регементаремъ литовскимъ княземъ М. Вишневецкимъ. Но прибывъ въ Дзеньціотъ, имѣніе кн. Радзивила, воеводы новогродекскаго, онъ узналъ, что Вишневецкаго нѣтъ въ Слонимѣ, что онъ или въ Пинскѣ или на Волыни. Тогда Даревскій отправился къ двоюродному брату воеводы къ кн. Радзивилу в. конюшему литовскому. Онъ сказалъ ему, что императрица, желая наградить его за его преданность и выразить ему свое уваженіе прислала ему письмо. Князь возразилъ, что онъ не достоинъ такой чести, что дѣла въ Польшѣ измѣнились, почти вся нація объявила себя въ пользу Лещинскаго, и ни на кого изъ друзей нельзя надѣяться. Любомирскій, который такъ много говорилъ противъ Станислава, теперь утихъ. Регементарь боится примаса, который можетъ отнять у него начальство надъ войскомъ, притомъ онъ убитъ горемъ, потерявъ сына и теперь ни къ чему не имѣетъ охоты. Онъ назвалъ всѣхъ вельможъ одного за другимъ и объяснилъ, что на нихъ нельзя положиться. Даревскій старался его ободрить, но Радзивилъ упрашивалъ его: „ради Бога не требуйте, чтобы я объявилъ себя открыто противъ Станислава, будьте увѣрены, что я всегда на вашей сторонѣ, и если десять человѣкъ будутъ за васъ, то я буду одиннадцатымъ.“ Онъ, впрочемъ, назвалъ Даревскому нѣсколько друзей, которыхъ можно было подкупить деньгами, но ни за что не хотѣлъ взять на себя порученіе уговориться съ ними. Онъ разстался съ Даревскимъ, обѣщавъ ему, что они увидятся въ Бялѣ около Варшавы, гдѣ встрѣтятся съ Вишневецкимъ, и условятся о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія.

Отъ Радзивила, Даревскій отправился къ графу Сапѣгѣ, старостѣ вилковскому, который легче поддался на его увѣщанія и просилъ его съѣздить къ его брату надворному казначею литовскому, чтобы переговорить и съ нимъ. Возвратившись оттуда, Даревскій остался въ воеводствѣ новогродекскомъ, которое было расположено къ Россіи болѣе другихъ и сталъ помогать Ливену въ его попыткахъ окончательно склонить это воеводство на русскую сторону, что имъ и удалось, какъ видно изъ донесеній Ливена къ Левенвольду и Остерману.

Инструкціи, данныя на новогродекскомъ сеймикѣ шляхтѣ, отправлявшейся въ Варшаву на сеймъ избранія довольно ясно говорили о нерасположеніи новогродекскаго воеводства къ Лещинскому. Противники Станислава были этимъ успѣхомъ обязаны воеводѣ Радзивилу, самому дѣятельному приверженцу Россіи. Примѣру Радзивила послѣдовалъ его зять, литовскій мечникъ графъ Завиша, минскій воевода, который также склонилъ свое воеводство на сторону Россіи. Кромѣ этихъ двухъ воеводствъ, Ливенъ разсчитывалъ еще на нѣсколько повѣтовъ. Волковійскій повѣтъ принялъ присягу, установленную на созывательномъ сеймѣ, но не смотря на это просилъ у Радзивила позволенія присоединиться къ его воеводству. Лидскій повѣтъ не согласился на присягу и староста его Сципіонъ, приверженецъ Чарторижскихъ подвергся на сеймикѣ большой опасности. Ливенъ послалъ также своего брата въ Вилкомиръ и Вильно, чтобы склонить шляхту на сторону Россіи и далъ ему 350 червонцевъ, чтобы раздать ихъ вліятельнѣйшимъ лицамъ въ той области. Вилкомирскій повѣтъ отвергнулъ присягу, и тоже самое сдѣлала большая часть шляхты виленскаго воеводства. Въ слуцкомъ повѣтѣ и въ

Гроднѣ было много протестантовъ, а въ пинскомъ повѣтѣ много послѣдователей греческаго исповѣданія. Ливенъ убѣждалъ ихъ, чтобы они отправились на сеймъ избранія какъ можно въ большемъ числѣ, ибо у нихъ еще не отнято право подавать голосъ при избраніи короля. Онъ обнадеживалъ ихъ, что можетъ быть будетъ включена въ пакты конвенты новаго короля одна или другая статья въ ихъ пользу. Они обѣщали отправиться въ Варшаву и поддерживать сколько возможно сторону императрицы. Ливенъ ѣздилъ также въ троцкое воеводство, чтобы склонить стражника Поцѣя на противодѣйствіе троцкому воеводѣ Огинскому, приверженцу Станислава. Но Поцѣй самъ былъ на сторонѣ Лещинскаго. Ливенъ былъ очень недоволенъ Самогитіей, гдѣ графъ Сологубъ расположилъ шляхту въ пользу Лещинскаго, и упицкимъ повѣтомъ; онъ просилъ Левенвольда показать на этихъ областяхъ примѣръ строгости при вторженіи русскаго войска, „хотя прибавляетъ онъ, и моя нищенская хижина находится въ этомъ повѣтѣ.“ “Ошмянскій повѣтъ. самый сильный въ цѣлой Литвѣ, писалъ Ливенъ къ Левенвольду, будетъ на нашей сторонѣ, если в. конюшей Радзивилъ не пожалѣетъ денегъ.“

Ливенъ ѣздилъ также къ старостѣ мерецкому Сапѣгѣ, чтобы ему передать письмо императрицы; но нашелъ въ немъ болѣе равнодушія къ интересамъ Россіи, чѣмъ ожидалъ, и потому не рѣшился вручить Сапѣгѣ письмо. Сапѣга увѣрялъ его, что онъ не измѣнилъ своихъ намѣреній, но когда Ливенъ его прямо спросилъ, подастъ ли онъ голосъ въ пользу Станислава или нѣтъ? онъ отвѣтилъ, что хотя его и искушали, но онъ завѣряетъ честнымъ словомъ, что

онъ ни съ кѣмъ не заключилъ какого-либо обязательства. Онъ не станетъ способствовать интересамъ Станислава, но его повѣту, слонимскому, прійдется подать свой голосъ почти послѣ всѣхъ другихъ и если прочіе всѣ провозгласятъ Лещинскаго, то было бы безразсудно, если бы онъ одинъ сталъ сопротивляться цѣлому сейму. Ливенъ возразилъ ему, “что не онъ одинъ будетъ протестовать противъ Лещинскаго; не всѣ Поляки до того влюблены въ Станислава, что готовы продать Французамъ свое отечество и свою свободу.“ Сапѣга отвѣчалъ, что онъ будетъ очень радъ, если все пойдетъ хорошо; онъ скорѣе умретъ, чѣмъ допуститъ провозглашеніе короля не единодушно избраннаго. Когда Ливенъ спросилъ его, вступитъ ли онъ въ соглашеніе съ Левенвольдомъ въ Варшавѣ, онъ отвѣтилъ, что это теперь довольно опасно, но онъ не преминетъ сдѣлать ему визитъ. Ливенъ спросилъ его также, принялъ ли его повѣтъ присягу, исключавшую иностранцевъ изъ числа кандидатовъ. Сапѣга отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что тотъ, „кто на полѣ избранія первый провозгласитъ нѣмца, будетъ убитъ какъ собака.“ О русскихъ войскахъ сказалъ онъ, что если они вступятъ въ Польшу до избранія, то примасъ отсрочитъ сеймъ до слѣдующей весны. Ливенъ ему возразилъ, что это было бы очень хорошо, ибо къ этому времени всѣ невинные люди, ослѣпленные партіей Станислава откроютъ глаза и увидятъ свою ошибку. Сапѣга выразилъ также сомнѣніе въ томъ, что французскій посолъ роздалъ столько денегъ, какъ объ этомъ ходили слухи; но можетъ быть, прибавилъ онъ, маркизъ сдѣлаетъ это на сеймѣ избранія.

Ливенъ въ своихъ донесеніяхъ чрезвычайно хва-

литъ воеводу новгородекскаго Радзивила, какъ самаго рѣшительнаго и энергическаго человѣка въ Литвѣ. „Но я долженъ сознаться, пишетъ онъ, что княгиня превосходитъ ихъ всѣхъ рѣшительностью, способностью склонять на свою сторону другихъ и ловкостью устраивать дѣла.

Онъ безпрестанно требуетъ присылки денегъ, говоря, что безъ нихъ ничего нельзя сдѣлать, ибо Литвины испорчены и избалованы французскою щедростью; „не смотря на всю мою осторожность въ роздачѣ денегъ, данные мнѣ 2000 червонцевъ исчезли въ нѣсколько дней, и не могу ручаться, что не ошибся въ людяхъ, прибавляетъ онъ. Богатая шляхта не беретъ съ собой большой свиты, утверждая, что бѣдная шляхта не пойдетъ теперь въ Варшаву, когда ее удерживаютъ дома полевыя работы, если она не получитъ полнаго вознагражденія за издержки необходимыя для пути.“

Сколько было еще отпущено денегъ изъ Риги къ Ливену, намъ неизвѣстно, но въ счетахъ младшаго Левенвольда отмѣчены еще другіе 2000 червонцевъ, посланные къ воеводѣ Радзивилу. Ливенъ бралъ изъ предосторожности съ многихъ Литвиновъ, получившихъ деньги особенное обязательство. Вотъ форма его: Мы нижеподписавшіеся, извѣстно черезъ сіе чинимъ, что ѣдучи мы на элекцію новаго государя, подъ дирекціей сіятельнаго князя воеводы нашего, съ пріятелями нашими, и именемъ того сіятельнаго князя обязуемся вѣрно, честно и постоянно во всѣхъ совѣтахъ публичныхъ въ единомыслiи пребывать и отъ оного не отступать до окончанія, и для вящаго увѣренія собственноручно подписуемся: данъ въ Новгродке авг. 10 1733 года.“

Ливену хотѣлось, чтобы на такъ-называемой „по-

писи“, т. е. смотрѣ шляхтѣ, отправлявшейся на сеймъ къ инструкціямъ была прибавлена статья, которою шляхта прямо обязывалась протестовать противъ избранія Лещинскаго. Но литовскіе вельможи боялись такой рѣшительной мѣры. Радзивилъ и Завиша обѣщали ему за то честнымъ словомъ остановиться съ своими воеводствами за нѣсколько миль, не доходя до Варшавы и составить тамъ конфедерацію. Они обѣщали отправить депутацію къ примасу и просить его объ устраненіи Станислава, объ освобожденіи отъ присяги, о свободѣ избранія и liberum veto, о сохраненіи мира съ сосѣдними державами. Если бы отвѣтъ былъ благопріятный, то ихъ конфедерація приняла бы за свое основаніе упомянутые пункты. Въ противномъ случаѣ они составили бы конфедерацію противъ насильственныхъ дѣйствій примаса. Ливенъ надѣялся, что къ этой конфедераціи присоединятся воеводство подляшское, во главѣ котораго былъ Сапѣга, приверженецъ курфирста, и повѣты волковыйскій, вилькомирскій, лидскій и рѣчицкій. Ливенъ просилъ Левенвольда прислать ему охранныя грамоты для имѣній доброжелательныхъ Литвиновъ, и ускорить вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу. Ибо Литвины боялись приверженцевъ Станислава и не вѣрили, что русскія войска прійдутъ къ нимъ на помощь. По его мнѣнію для русскихъ войскъ было бы удобнѣе всего, если бы они шли слѣдующемъ путемъ: одна колонна рижскаго корпуса на Митаву, Самогитію, Кейданы въ Гродно; другая черезъ упицкой повѣтъ на Троки, Вильно и Ошмяны, оттуда или черезъ Слонимъ въ Гродно, или же прямо черезъ брестское воеводство, въ Подляхію и Мазовію. Украйнскій корпусъ долженъ былъ бы идти черезъ Слуцкъ, смоленскій черезъ Оршу, Витебскъ и Минскъ.

© ГПБ СОРАН

1-го августа генералъ Ласси переступилъ съ своимъ корпусомъ черезъ польскую границу. Оба корпуса рижскій и смоленскій состояли изъ 20 полковъ конныхъ и пѣшихъ—всего регулярнаго войска было 32,000 человѣкъ. Къ смоленскому корпусу кромѣ того долженъ былъ присоединиться 15,000 отрядъ иррегулярнаго войска, состоявшаго изъ 10,000 украинскихъ казаковъ, изъ донскихъ и слободскихъ казаковъ, гусаровъ, и чугуевскихъ калмыковъ. На границахъ въ это время формировался новый отрядъ казаковъ, который долженъ былъ состоять изъ 10,000 человѣкъ. Казаки должны были вступить въ Польшу позднѣе регулярныхъ войскъ, потому что нельзя было ожидать отъ нихъ строгой дисциплины. Русскій дворъ желалъ, чтобы по крайней мѣрѣ сначала не было никакихъ жалобъ на войска, которыя входили въ Польшу подъ именемъ защитниковъ польской свободы. Поэтому было приказано генераламъ содержать строжайшую дисциплину; офицеры и солдаты должны были покупать все на чистыя деньги. Чтобы дать имъ возможность къ тому, жалованье офицерамъ было увеличено на половину, а солдаты получали въ сутки лишнихъ 3 копѣйки, кромѣ того, имъ давали по 3 фунта хлѣба въ день. Впереди войска ѣхали коммисары, для покупки хлѣба и съѣстныхъ припасовъ. Каждый полкъ имѣлъ при себѣ ручныя мельницы, чтобы въ случаѣ недостатка муки, можно было воспользоваться хлѣбомъ стоявшимъ въ поляхъ. Генералу Ласси было приказано идти впередъ какъ можно скорѣе, и для этого вмѣсто 40 фунтовъ сухарей, которые русскіе солдаты несли на спинѣ во время похода, имъ было дано только 20, а остальные были сложены на телѣгахъ, слѣдовавшихъ за полками.

И такъ русскія войска спѣшили принять участіе въ избраніи польскаго короля. Примасъ ошибся въ разсчетѣ; напрасно онъ надѣялся, что покровительство Франціи выручитъ его въ случаѣ опасности. Французскій король могъ только отвлечь отъ Польши Австрію, но некому было остановить русскія войска. Напрасно ожидали Поляки помощи отъ Шведовъ, Турокъ, Татаръ и даже Персіянъ. Въ Польшѣ не было своего войска и она должна была беззащитно склониться предъ чужою волею. Очень хорото характеризуютъ слѣдующіе латинскіе стихи, написанные въ то время неопредѣленныя надежды польскихъ патріотовъ, грустное предчувствіе ихъ, что посторонняя помощь ни къ чему не приведетъ и сознаніе, что причина несчастія кроется въ своеволіи Поляковъ и въ тѣхъ началахъ, которыя они положили въ основаніе своей государственной жизни:

Haec tua praesens sors est Polonia,
Excitat cunctos contra te Austria,
Inundat regnum dura Moschovia,
Inhiat sceptro blande Saxonia,
Spectat eventum vicina Prussia,
Amica quondam silet et Dania,
Invida fremit tota Germania,
Neutralizavit Helves, Hollandia
Et libertatis tutrix Britannia,
Longinqua forsan et Portugallia.
Sed Dei super te Providentia,
Leszczyniorum quoque Insignia,
Sustinebunt te tam potens Gallia,
Jam recognovit regem Italia,
Germanos franget valens Hispania,
Auxiliabitur fida Sardinia,

Invadet Moschos celer Tartaria,
Vindictam sumet offensa Persia,
Diversionem faciet Turcia,
Dabit auxilium et fortis Suecia.
Sed quid exinde infelix Patria?
Dum otiatur tua militia,
Iacturam patitur Polona gloria;
Causa causati tua licentia.
Quis te salvabit post hoc Sarmatia
Si non mutabis tua Principia? *)

---

*) Вотъ, о Польша, твое настоящее положеніе: Всѣхъ возбуждаетъ противъ тебя Австрія, наводняетъ тебя войскомъ суровая Москва, льститъ тебѣ и протягиваетъ руку къ твоей коронѣ Саксонія, и выжидаетъ исхода сосѣдняя Пруссія. Молчитъ Данія, расположенная когда-то къ тебѣ. Кипитъ ненавистью къ тебѣ вся Германія. Равнодушными остаются Швейцарія, Голландія, покровительница свободы Британнія и отдаленная Португалія.

Но надъ тобой Провидѣніе, и охраняетъ тебя доблесть Лещинскихъ. Поддержитъ тебя могущественная Галлія; уже признала короля вся Италія; Германію сломитъ храбрая Испанія, и прійдетъ на помощь къ тебѣ вѣрная Сардинія. Нападетъ на Москву быстрый Татаринъ, отмститъ за тебя оскорбленная Персія, поможетъ тебѣ Турція и вступится за тебя храбрая Швеція.

Но что же изъ этого, несчастная моя родина; праздно твое воинство и никнетъ польская слава. А всему причиной твое своеволіе. Кто же спасетъ тебя Сарматія, если ты не измѣнишь своихъ правилъ?

Выписано изъ польской рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ подъ № 157.

ГЛАВА XII.

ДЕРЖАВЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЯ КЪ СТАНИСЛАВУ ЛЕЩИНСКОМУ — ФРАНЦІЯ, ШВЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

Польскіе аристократы въ критическія минуты не разъ обращались съ полной довѣрчивостью къ Франціи и съ изумительнымъ легкомыслiемъ ставили судьбу и счастіе своего отечества въ зависимость отъ произвола французскаго правительства. Это увлеченіе имѣло каждый разъ самыя гибельныя послѣдствія и бѣдный польскій народъ не зналъ кого болѣе винить, легкомысленность ли своей аристократіи или недобросовѣстность французскаго правительства, возбуждавшаго надежды, которыя оно было не въ состояніи осуществить.

Менѣе всего однако можно винить польскихъ аристократовъ за дѣйствія 1733 года. На этотъ разъ разсчетъ ихъ казался совершенно вѣрнымъ. Они рѣшились избрать въ короли Станислава Лещинскаго, надѣясь на матеріяльныя силы Франціи, и на нравственное вліяніе, которое она имѣло въ Европѣ, благодаря своему могуществу. Лещинскій былъ тесть молодаго французскаго короля; посолъ французскій, маркизъ Монти, самымъ убѣдительнымъ образомъ увѣрялъ Поляковъ, что Людовикъ не оставитъ Лещинскаго и не пожалѣетъ ни денегъ ни войска, чтобы возвести

© ЭЛЕКТРОСОРАН

на престолъ польскій отца своей жены. Декларацією своей отъ 17-го марта, французскій король возвѣстилъ цѣлой Европѣ, что онъ не потерпитъ посторонняго вмѣшательства въ польскія дѣла и всякое нарушеніе древней свободы польской, пріймetъ за личное оскорбленіе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшу было перевезено болѣе 3,000,000 ливровъ. Въ Варшаву безпрестанно пріѣзжали курьеры изъ Стокгольма и изъ Константинополя съ депешами отъ французскихъ пословъ, уполномоченныхъ при шведскомъ дворѣ и при блистательной Портѣ. Послы извѣщали Поляковъ объ успѣшномъ ходѣ своихъ интригъ и обнадеживали ихъ, что въ скоромъ времени и Швеція и Турція объявятъ себя открыто въ пользу Лещинскаго.

Не смотря на все это надежды Поляковъ не сбылись. Русская армія уже переступила черезъ польскую границу и напрягала всѣ свои силы, чтобы поспѣть на сеймъ избранія, а о французской помощи еще не было и слышно. Напрасно польскіе патріоты съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Гданска, надѣясь со дня на день, что французскій флотъ броситъ якорь на устьяхъ Вислы или высадитъ на польскій берегъ французскую армію, а самъ поплыветъ далѣе на востокъ, чтобы блокировать русскія гавани. Но вмѣсто этого флота въ Зундѣ появилась только маленькая французская эскадра съ 1,500 дессантнаго войска, и та остановилась въ Копенгагенѣ.

Нерѣшительность и слабость французскаго правительства никакъ нельзя было оправдать необходимостью дѣйствовать осторожно и обдуманно. Со временъ Людовика XIV Франція привыкла бросать перчатку цѣлой Европѣ, не заботясь о союзникахъ. Но въ 1733 году положеніе ея было выгоднѣе, чѣмъ когда-

либо. Испанская королева, разгнѣванная императоромъ Карломъ, который не выдалъ своей дочери за ея любимаго сына Донъ-Карлоса и мѣшалъ ей упрочить за Карлосомъ наслѣдство въ Тосканѣ и въ Пармѣ, искала только случая, чтобы въ союзѣ съ Франціей выгнать Габсбурговъ изъ Италіи.

Сардинскій король Карлъ Эммануилъ не могъ свести глазъ своихъ съ Милана и готовъ былъ уступить Франціи Савою, если бы она ему помогла завладѣть Ломбардіей. Въ Англіи и Голландіи вымирало поколѣніе государственныхъ людей, воспитанныхъ Вильгельмомъ III и неуклонно державшихся его политики. Морскія державы перестали видѣть свое спасеніе въ тѣсномъ союзѣ съ Габсбургами и въ вѣчной враждѣ съ Франціей. Внутреннее состояніе Франціи было также удовлетворительно, благодаря 20-лѣтнему миру. Буря, поднятая финансовымъ переворотомъ Джона Ло повредила болѣе частнымъ интересамъ, чѣмъ самому государству. Бережливость кардинала Флёри привела въ извѣстное равновѣсіе доходы и расходы Франціи, и современники его считали Францію самымъ благоустроеннымъ государствомъ относительно финансовъ *).

Политика Франціи въ 1733 году объясняется личнымъ характеромъ тѣхъ людей, которые стояли во главѣ ея. Молодой король не раздѣлялъ страсти своихъ предковъ къ воинскимъ подвигамъ и славѣ. У него была холодная и замкнутая въ себѣ натура. До 30 лѣтъ онъ зналъ только одну страсть, охоту — модную страсть государей XVIII столѣтія, какъ выража-

*) Posso ben assicurare, che di tutti gli altri potentati e governi non potrebbessi assegnarsene uno solo in Europa, il quale oggidi si trovasse a miglior conditione nella sua economia. Реляція Мочениго у Ранке въ 4 т. его Исторіи Франціи, стр. 476.

ется маршалъ Виллаpъ въ своихъ мемуарахъ*). Равнодушно слушалъ Людовикъ XV пренія своихъ министровъ въ государственномъ совѣтѣ, и никогда не одушевлялось его лице, никогда не принималъ онъ горячо сторону того или другаго изъ нихъ.

Однажды въ государственномъ совѣтѣ кардиналъ Флёри выражалъ свое неудовольствіе на то, что Испанія послала сильный флотъ съ войскомъ противъ Мароканцевъ, вмѣсто того, чтобы отправить его противъ Англіи. Маршалъ Виллаpъ замѣтилъ кардиналу, что Испанія не могла этого сдѣлать безъ содѣйствія Франціи, и что Булонь и Дюнкеркенъ гораздо ближе къ Англіи, чѣмъ берега Испаніи. Потомъ онъ обратился къ Людовику XV и сказалъ: „что бы далъ вашъ прадѣдъ за возможность дѣйствовать въ союзѣ съ Испаніей противъ Англіи, но это счастіе предоставлено нашему молодому и великому королю, и я надѣюсь, что Ваше Вел. имъ воспользуется.“ Король поспѣшно всталъ и вышелъ; когда онъ выходилъ, Виллару показалось, что онъ ему улыбнулся. „Тѣмъ дѣло и кончилось“, прибавляетъ старый маршалъ, c'est tout ce que j'en ai pu tirer.

Людовикъ XV въ первые годы своего супружества, казался очень преданнымъ своей женѣ. Но эта преданность болѣе основывалась на застѣнчивости и чувствѣ страха, которое ему внушали прочія женщины, чѣмъ на искренней привязанности. Во всякомъ случаѣ любовь его къ женѣ была слишкомъ слаба, чтобы заставить его принять близко къ сердцу интересы ея отца и ея родины.

Кардиналъ Флёри и по своему личному характеру

*) La passion dominante des Souverains du Siècle. Vie du Maréchal Duc de Villars T. IV, p 226.

и вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ предпочиталъ миръ военному шуму. Онъ мало заботился о войскѣ: флотъ французскій былъ въ самомъ печальномъ состояніи. Вся финансовая система кардинала, основанная на бережливости годилась только для мирнаго времени. Но въ 1733 году кардиналъ Флёри имѣлъ еще особенныя причины, чтобы дѣйствовать медленно. Онъ былъ нерасположенъ къ королевѣ, которая была обязана своимъ возвышеніемъ герцогу бурбонскому, сопернику кардинала и которая въ первое время своего замужства даже интриговала по указаніямъ маркизы дё-При противъ Флёри.

Когда Людовикъ женился на Маріи Лещинской, дипломатическому корпусу было объявлено, что этотъ бракъ не будетъ имѣть вліянія на отношенія Франціи къ Польшѣ и другимъ европейскимъ государствамъ. Кардиналъ считалъ себя поэтому въ правѣ не вступаться за изгнаннаго польскаго короля. Когда вѣсть о смерти Августа достигла Парижа и примасъ польскій сталъ просить, чтобы Лещинскаго поскорѣе отправили въ Гданскъ, Флёри не предложилъ даже этого вопроса на обсужденіе государственнаго совѣта, хотя именно въ эту минуту слѣдовало ясно опредѣлить ту роль, которую Франція должна была играть въ польскихъ дѣлахъ.

Самый умный и энергическій изъ членовъ французскаго правительства былъ хранитель печатей Шовеленъ. Онъ понималъ, что для Франціи необходимо принять рѣшительный образъ дѣйствія въ польскомъ вопросѣ. Еще до смерти Августа II, когда Россія отклонила предложеніе о французскомъ союзѣ, онъ совѣтовалъ совершенно пожертвовать Лещинскимъ и тѣсно сблизиться съ Августомъ, упрочить саксонскій

домъ на польскомъ престолѣ и пріобрѣсти такимъ образомъ надежнаго и вѣрнаго союзника въ восточной Европѣ, опаснаго сосѣда и для Австріи и для Россіи. Конечно это можно было бы достигнуть только послѣ долгихъ усилій, потому что Австрія и Россія употребили бы всѣ зависившія отъ нихъ средства, чтобы воспрепятствовать намѣреніямъ Франціи; за то этотъ планъ, если бы онъ удался, совершенно бы измѣнилъ судьбу восточной Европы.

Но такой обширный планъ былъ не по плечу ни Людовику XV, равнодушному ко всему, ни кардиналу, отжившему свой вѣкъ. Притомъ большая придворная партія и приверженцы королевы противились ему, потому что они считали позорнымъ для французскаго короля, пожертвовать своимъ тестемъ. Наконецъ самъ Августъ былъ отчасти виноватъ. Когда дѣло дошло до переговоровъ онъ представилъ такія требованія, что союзъ не состоялся.

Большое вліяніе въ государственномъ совѣтѣ имѣлъ также маршалъ Вилларъ. Онъ всю жизнь свою провелъ въ походахъ, сражался противъ знаменитѣйшихъ полководцевъ своего вѣка ,Евгенія Савойскаго и Малборука и теперь желалъ только одного—украсить свои сѣдины новымъ лавровымъ вѣнкомъ. Въ государственномъ совѣтѣ онъ сильнѣе всѣхъ настаивалъ на необходимости начать войну и постоянно твердилъ: „а вотъ въ 1688 году Лувуа объявилъ войну всей Европѣ, а теперь обстоятельства гораздо благопріятнѣе.“ Всѣ старые генералы пережившіе вѣкъ Людовика XIV раздѣляли мнѣніе Виллара. Кромѣ ихъ при дворѣ была еще другая сильная партія, желавшая войны: то была придворная молодежь, которая скучала въ Версали и мечтала о военной славѣ.

Этимъ положеніемъ партій при версальскомъ дворѣ объясняется поведеніе кардинала. Если бы ему можно было дѣйствовать въ польскихъ дѣлахъ по своему желанію, онъ предоставилъ бы Лещинскаго на произволъ судьбы и пожалѣлъ бы даже истратить на него большія деньги. Какъ неохотно отправилъ кардиналъ въ Польшу 3 милліона ливровъ, можно заключить изъ слуха, распространившагося тогда по всей Европѣ и принятаго всѣми за достовѣрный фактъ, такъ что даже венеціянскій посолъ въ Парижѣ помѣстилъ его въ своей реляціи, выдавая его за истину. Разсказывали, что Шовеленъ уговорилъ знаменитаго въ то время банкира Самуила Бернарда дать французскому правительству 5,000,000 ливровъ, чтобы послать ихъ въ Польшу и поручился за нихъ всѣмъ своимъ имуществомъ.

Но кардиналу не позволили оставаться спокойнымъ зрителемъ событій совершавшихся въ Польшѣ. Противъ его воли заставили его разослать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ грозную декларацію, о которой мы говорили. Послѣ этого уже не слѣдовало медлить. Франція обѣщала поддержать Лещинскаго на польскомъ престолѣ, если Поляки его изберутъ. Чтобы сдержать это обѣщаніе нужно было бы приготовить флотъ и сильное дессантное войско, и отправить ихъ къ устью Вислы при первой необходимости. Но кардиналъ боялся раздражить Англію и Голландію отправкой сильнаго флота въ балтійское море. Тогда оставалось только одно средство, заключить тѣсный союзъ съ Испаніей и Сардиніей и отмстить императору въ Италіи за всѣ его враждебные поступки противъ Польши и Лещинскаго. Но и тутъ переговоры тянулись цѣлый годъ и нельзя было предвидѣть

имъ конца. А всему виной была нерѣшительность кардинала: Испанія и Сардинія боялись довѣриться ему. Имъ хотѣлось сперва узнать, какъ выразился Вилларъ, очень метко въ своихъ мемуарахъ, „что у Франціи на умѣ“, и наконецъ они убѣдились, что у нея на умѣ то и нѣтъ ничего *).

Переговоры съ Франціей замедлялись кромѣ того вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находился испанскій король. Королевѣ Елисаветѣ хотѣлось поскорѣе рѣшить дѣло и доставить своему сыну медицейское наслѣдство съ помощью Франціи, или прекратить всякія сношенія съ послѣдней и снова сблизиться съ Австріей. Но она ничего не могла сдѣлать съ своимъ мужемъ. Филиппъ никогда не занимался ревностно дѣлами своего королевства, но иногда онъ впадалъ въ такую меланхолію, въ такое состояніе идіотизма, что не допускалъ къ себѣ никого и ни за что не соглашался подписаться подъ какой бы то ни было бумагой. Онъ однажды уже совсѣмъ отказался отъ престола, но по смерти его старшаго сына королева Елисавета съ помощію духовника снова убѣдила его принять на себя корону. Теперь на бѣду на него нашла прежняя блажь. Совершенно здоровый онъ слегъ въ постель, пересталъ бриться и мѣнять бѣлье и запретилъ всѣмъ входить въ его комнату, кромѣ жены и старшаго сына. Наслѣдникъ престола долженъ былъ принять на себя роль простаго слуги и подавать отцу кушанье. Королева всячески старалась вывести его изъ этого страннаго состоянія. Когда

*) Ainsi il est clair que ce premier discours d'Ormea de nous offrir la Savoie pour faire conquerir le Milanais, n'etoit que pour voir, comme on dit, ce que nous avions dans le ventre et l'on trouvoit de tous cotés, que nous n'y avions pas grand chose. Vie du Maréchal d. de Villars p. 216 T. IV.

испанское войско въ Африкѣ одержало какую-то незначительную побѣду надъ Мароканцами, королева приказала въ Севильѣ, гдѣ тогда находился дворъ, звонить во всѣ колокола и палить изъ всѣхъ пушекъ, чтобы возбудить въ Филиппѣ любопытство и охоту заниматься политикой. Ничего не помогало. Король слышать не хотѣлъ о договорѣ съ Франціей, особенно потому, что ему пришлось бы утвердить при этомъ прежніе трактаты, заключенные съ Франціей а между прочимъ и утрехтскій, по которому Филиппъ отказался за себя и за своихъ потомковъ отъ правъ на французскую корону. Когда Елисавета надоѣла Филиппу съ своимъ французскимъ договоромъ, онъ сдѣлалъ своимъ довѣреннымъ лицемъ одного придворнаго лакея: ему онъ жаловался на свою судьбу и въ длинныхъ бесѣдахъ излагалъ ему свои задушевныя мысли и тайные политическіе планы. Однажды онъ ему сообщилъ, что онъ терпѣть не можетъ четырехъ евангелистовъ своей жены, (т. е. главныхъ ея совѣтниковъ) министра Патиньо, кормилицу ея, духовника ея, и еще какое-то четвертое лице. Лакей былъ подкупленъ французскимъ посломъ и доносилъ ему обо всемъ, что говорилъ король. Наконецъ королю стало лучше; онъ исполнилъ просьбу своего сына, который умолялъ его на колѣняхъ съ слезами на глазахъ, чтобы онъ обрился. Это всегда служило признакомъ, что король выздоравливаетъ. Вскорѣ послѣ этого дворъ поднялся изъ Севильи, и возвратился въ Мадридъ. Король все еще хандрилъ; онъ не поѣхалъ по обыкновенной дорогѣ, потому что не могъ вынести вида городовъ и поэтому для него и для его свиты проложили особенную дорогу и построили мосты черезъ рѣки, которые потомъ тотчасъ же были уничтожены.

Событія въ Польшѣ и разрывъ между Франціей и Австріей должны были побудить королеву къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; но она все еще не довѣряла Флёри и боялась что онъ ее оставитъ въ минуту опасности *). Туринскій кабинетъ также откладывалъ заключеніе договора съ Франціей; онъ не зналъ намѣреній Испаніи и не былъ увѣренъ состоится ли союзъ между двумя бурбонскими линіями.

Поэтому въ то время, когда Поляки, готовясь къ сейму избранія твердо разсчитывали на помощь Франціи и русскія войска уже приближались къ Варшавѣ, Франція еще не знала, прійдется ли ей одной вступить въ борьбу съ Австріей или въ союзѣ съ Испаніей и Сардиніей. Вопросъ этотъ былъ очень важенъ, потому что опытъ уже тогда доказалъ Французамъ, что нанести сильный ударъ Австріи возможно только со стороны Италіи; ибо на сѣверѣ Австрія всегда искусно подставляла ударамъ Франціи несчастную германскую имперію. Союзъ между Франціей и Испаніей, а также между Франціей и Сардиніей былъ заключенъ поздно осенью, когда судьба Станислава Лещинскаго и его приверженцевъ была уже рѣшена благодаря энергіи, съ которой дѣйствовало русское министерство.

Безхарактерность и нерѣшительность правительства кардинала Флёри особенно высказались въ одной попыткѣ, которую сдѣлало французское министерство, чтобы расположить русское правительство въ пользу Лещинскаго, когда Россіи уже нельзя было отказаться

*) Вотъ что говоритъ маршалъ Виллеръ объ этой нерѣшительности королевы. L'ambassadeur d'Espagne m'a dit la veille, que Patino lui mandoit, que l'on signeroit; mais comme des gens, que l'on mène à la potence par la défiance entière de notre foiblesse et comptant, que nous les abandonnerons à la première occasion. Ibid. p. 307.

отъ принятаго ею образа дѣйствія. Въ 1733 г. при русскомъ дворѣ не было полномочнаго французскаго посла: въ Петербургѣ проживалъ только посольскій секретарь Маньянъ, который не могъ играть официальной роли, потому что не былъ акредитованъ. Не смотря на это французское министерство воспользовалось своей грозной декларацією противъ Австріи, и поручило Маньяну передать ее русскому министерству и постараться при этомъ завести переговоры о союзѣ съ Франціей

Въ среду на святой недѣлѣ въ 11 часовъ утра въ числѣ лицъ, толпившихся въ пріемной графа Миниха*), появился также французскій секретарь Маньянъ. Графъ былъ очень удивленъ его пріѣздомъ, потому что Маньянъ не предувѣдомилъ его объ этомъ. Маньянъ поздравилъ графа съ праздникомъ и Минихъ, не желая при постороннихъ говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ сталъ распрашивать его о здоровіи герцога анжуйскаго и о другихъ „маловажныхъ предметахъ". (герцогомъ анжуйскимъ назывался младшій сынъ Людовика XV, который въ это время былъ боленъ и вскорѣ умеръ). Но Маньянъ попросилъ у него позволенія, поговорить съ нимъ на единѣ. Минихъ повелъ его въ свой кабинетъ, и тамъ произошелъ у нихъ слѣдующій разговоръ:

„Французскій король, началъ Маньянъ, всегда близко принималъ къ сердцу свободу и благополучіе польскаго государства. Поэтому онъ не могъ не обратить своего вниманія на то, что императоръ и другія

*) Мы заимствуемъ эти подробности изъ одной докладной записки на нѣмецкомъ языкѣ, поданной въ кабинетъ. Авторъ ея, то самое лице, которое имѣло разговоръ съ Маньяномъ, не подписалъ своего имени. Но по всему можно догадаться, что это былъ Минихъ.

державы, которыя поддаются внушеніямъ австрійскихъ министровъ, выставили свои войска на границахъ Польши, а императоръ прямо объявилъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобъ Станиславъ Лещинскій вступилъ на польскій престолъ. Французскій король надѣется, что другія державы не пріймутъ участія въ такомъ явномъ оскорбленіи и нарушеніи польской свободы. Цѣль вѣнскаго двора легко угадать. Онъ хочетъ выманить у курфирста саксонскаго согласіе на Прагматическую Санкцію. Курфирстъ, ослѣпленный блескомъ польской короны можетъ не понимать своихъ выгодъ. Но какая же охота другимъ государствамъ помогать въ этомъ дѣлѣ австрійскому дому, который постоянно только думаетъ объ увеличеніи своего могущества, не заботясь объ интересахъ своихъ союзниковъ. Русскому двору ничего не можетъ быть такъ невыгодно, какъ избраніе курфирста въ польскіе короли. Престолъ польскій сдѣлается наслѣдственнымъ въ саксонскомъ домѣ, и Саксонцы поступятъ съ Польшей такъ, какъ Габсбурги съ Германіей, которые превратили свободу избранія въ простую формальность. Кромѣ того, какимъ образомъ достигнетъ Россія своихъ цѣлей относительно Курляндіи, если на польскомъ престолѣ будетъ такая сильная династія какъ саксонская?

„Такъ какъ вѣнскій дворъ открыто объявилъ, что онъ намѣренъ дѣйствовать насильственнымъ образомъ, то французскій король повелѣлъ своимъ министрамъ сообщить всѣмъ европейскимъ дворамъ, что онъ будетъ защищать польскую свободу, всѣми зависящими отъ него средствами и въ случаѣ нужды даже оружіемъ. И такъ какъ всѣ европейскія державы заинтересованы въ этомъ вопросѣ, то король французскій надѣется, что онѣ будутъ дѣйствовать въ союзѣ съ нимъ и воспротивятся намѣреніямъ Австріи. Русское государство наслаждается теперь внутреннимъ спокойствіемъ и глубокимъ миромъ. Какая же охота ему вмѣшиваться въ чужія дѣла? Теперь Россія пользуется уваженіемъ сосѣдей и внушаетъ имъ даже нѣкоторый страхъ своей военной силой. Но легко можетъ случиться, что русскія войска потерпятъ маленькое пораженіе; тогда этотъ страхъ передъ русской арміей очень уменьшиться, и отсюда могутъ произойти довольно непріятныя послѣдствія.

Минихъ отвѣтилъ Маньяну, что онъ не можетъ взять на себя докладъ объ его предложеніяхъ, и что ему бы слѣдовало обратиться съ ними къ господину великому канцлеру или къ графу Остерману. Маньянъ возразилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе отправиться къ канцлеру сегодня же, но только по позднѣе, потому что графъ Головкинъ теперь вѣроятно уже сидитъ за обѣдомъ (въ 12 ч.). Такъ какъ ему нуженъ человѣкъ, знающій хорошо французскій и русскій языки, чтобы ему при этомъ разговорѣ служить переводчикомъ, то онъ проситъ Миниха отпустить съ нимъ секретаря Колушкина. Минихъ отвѣтилъ, что Колушкинъ находится не на его службѣ, а на службѣ императрицы и не согласится служить Маньяну переводчикомъ безъ позволенія канцлера. Онъ можетъ впрочемъ легко себѣ отыскать другаго переводчика. Маньянъ возразилъ, что ему нуженъ человѣкъ, который былъ бы свѣдущъ въ политическихъ дѣлахъ. Минихъ сталъ ему совѣтовать, чтобы онъ подалъ министерству промеморію на французскомъ языкѣ, но Маньянъ отговорился тѣмъ, что онъ еще не акредитованъ при русскомъ дворѣ и что ему только приказано

сообщить русскимъ министрамъ французскую декларацію. Затѣмъ онъ простился съ Минихомъ и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ воскресенье 1-го апрѣля къ Остерману пріѣхалъ датскій посланникъ Вестфалъ. Когда Остерманъ, какъ онъ разсказываетъ въ своей докладной запискѣ, простился съ нимъ, и проводилъ его до дверей, онъ увидѣлъ въ своей передней французскаго секретаря. Маньянъ поздравилъ его съ праздникомъ, и объявилъ, что онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему, но все не заставалъ его дома. Потомъ онъ сказалъ, что получилъ письма изъ Франціи, изъ которыхъ видно, что вѣсть о смерти французскаго короля, распространенная въ Петербургѣ совершенно ложная. Остерманъ отвѣтилъ, что онъ слышалъ, будто бы нѣкоторыя газеты распространяли эту вѣсть, но никто ей не вѣрилъ; впрочемъ ему весьма пріятно слышать, что это извѣстіе не имѣетъ никакого основанія. Наконецъ Маньянъ вынулъ изъ кармана бумагу и послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ прочелъ французскую декларацію 17-го марта.

Когда онъ кончилъ, Остерманъ долгое время молчалъ, ожидая, что Маньянъ начнетъ говорить о Станиславѣ или о намѣреніяхъ русскаго двора. Но и Маньянъ молчалъ, высматривая, какое впечатлѣніе произвела на русскаго вице-канцлера французская декларація. Наконецъ Остерманъ сказалъ, „что Маньянъ вѣроятно по старой дружбѣ къ нему сообщилъ ему извѣстія, полученныя имъ изъ Франціи, но такъ какъ долгъ платежемъ красенъ, то и онъ считаетъ обязанностью сказать ему, что сохраненіе польской свободы и конституціи для Россіи очень важно, по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ для Франціи, что Россія принесла для этого гораздо болѣе жертвъ чѣмъ Франція, и въ будущемъ не станетъ жалѣть ничего, чтобы защитить Польшу противъ всякаго притѣсненія.

„Русскій дворъ вполнѣ убѣжденъ, что Франція очень хорошо понимаетъ свои интересы и дѣйствуетъ согласно съ ними. Можно по этому надѣяться, что и Франція будетъ справедлива къ другимъ и сознается, что и Россія также понимаетъ свою выгоду.“ Остерманъ надѣялся, что послѣдняя фраза вызоветъ Маньяна на дальнѣйшія объясненія, но французскій секретарь промолчалъ и тотчасъ же уѣхалъ.

Наконецъ Маньянъ побывалъ и у канцлера Головкина. Онъ жаловался ему, что цесарскій дворъ внушаетъ русскому правительству, будто бы Лещинскій станетъ мстить Россіи за свое изгнаніе изъ Польши. Французскій король приказалъ ему, Маньяну, объявить, что Станиславъ будетъ всегда сохранять дружбу съ Россіей, если она ему поможетъ во второй разъ взойти на престолъ. Потомъ онъ прочелъ Головкину декларацію 17-го марта. Канцлеръ возразилъ, что сколько русскому двору извѣстно, императоръ вовсе не имѣетъ намѣренія стѣснять свободу избранія въ Польшѣ, а если какая-нибудь иностранная держава захочетъ нарушить эту свободу, то Россія этого не допуститъ. Ибо Польша и Россія въ такомъ сосѣдствѣ, „что на 200 миль и болѣе границы имѣютъ“ и Россія всегда будетъ въ состояніи устранить всякое чужое вмѣшательство въ польскія дѣла. Что касается до Станислава, то онъ королемъ быть не можетъ, потому что лишенъ этого права сандомирскими и гродненскими постановленіями. А избраніе курфирста саксонскаго или кого-либо другаго въ короли зависитъ отъ самихъ Поляковъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Франція сдѣлала еще одну попыт-

ку, чтобы отвлечь Россію отъ австрійскаго союза. На этотъ разъ она дѣйствовала чрезъ посредство герцога мекленбургскаго, близкаго родственника императрицы. Она предлагала заключить тѣсный союзъ между Россіей, Франціей, Швеціей и Мекленбургомъ. По этому новому проекту Россія должна была обязаться поддерживать избраніе Лещинскаго или сохранить въ этомъ дѣлѣ нейтралитетъ. Франція обѣщала гарантировать Россіи завоеванныя у Швеціи провинціи и поддерживать миръ между Россіей и Турціей. Швеція отказывалась совершенно отъ своихъ прибалтійскихъ областей, но за то Росссія и Франція должны были ей помочь завоевать снова отнятыя у нея въ Германіи области Бременъ и Верденъ. Россія и Франція обѣщали вывести мекленбургскаго герцога изъ его затруднительнаго положенія (онъ былъ въ ссорѣ съ своими подданными и область его была занята имперскими войсками—Executionstruppen). За то онъ обязывался держать на готовѣ для своихъ союзниковъ 30,000 корпусъ; 12,000 изъ нихъ должна была содержать Россія, а 12,000 Франція.

Этотъ проектъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій точно также какъ и послѣдняя попытка Франціи возобновить сношенія съ Россіей, посредствомъ пріѣхавшаго въ Петербургъ польскаго посла Рудомины.

Приверженцы Станислава разсчитывали до послѣдней минуты также и на помощь Швеціи. Послѣ Франціи эта страна должна была болѣе всѣхъ другихъ интересоваться судьбой Лещинскаго. Онъ былъ возведенъ на польскій престолъ шведскимъ оружіемъ и въ теченіи 10 лѣтъ бѣдная Швеція жертвовала лучшими силами своими, чтобы удержать его на этомъ

престолѣ. Но въ 1733 году Карла XII, неутомимаго и упрямаго покровителя Лещинскаго, не было въ живыхъ. Смерть его послужила поводомъ къ тому перевороту въ Швеціи, который лишилъ эту страну внутренняго благоустройства и внѣшняго могущества.

Первоначальная судьба Швеціи и Польши представляетъ много сходнаго; обѣ страны были заняты своими обитателями не посредствомъ завоеванія, но мирнымъ путемъ, и поэтому ни та, ни другая не знала феодализма. Въ обѣихъ странахъ королевская власть сначала была наслѣдственной, а съ теченіемъ времени установился избирательный образъ правленія. Но польскій народъ къ концу средневѣковой исторіи раздѣлился на два слоя, на шляхетство или полноправныхъ гражданъ и на гражданъ, не имѣвшихъ политическихъ правъ. Въ Швеціи же благодаря древне-германскому устройству сельскихъ общинъ и другимъ условіямъ, болѣе случайнымъ, мелкіе землевладѣлцы не подпали рабству, а сохранили свои старинныя политическія права. Потомъ, когда въ Швеціи начала развиваться городская жизнь, шведскіе города вступили въ наслѣдство ганзеатскихъ городовъ и жители ихъ составили особенное сословіе, огражденное своими правами и привилегіями. Такимъ образомъ къ началу новой исторіи, шведскій народъ распался на четыре сословія, представители которыхъ, раздѣленные на 4 палаты составляли сеймъ и ограничивали власть королей. Реформація въ Швеціи какъ и въ другихъ странахъ была выгодна для дворянства, которое обогатилось сокровищами, накопленными вѣковыми трудами католическаго духовенства. Въ Швеціи вслѣдствіе географическихъ условій всегда была знатная и могущественная аристократія;

къ концу 16 вѣка она воспользовалась раздорами возникшими въ королевскомъ домѣ и пріобрѣла еще болѣе значенія: она завладѣла большею частью казенныхъ земель и владѣла ими по феодальному праву, перенесенному въ это время съ материка Европы. При Карлѣ IX, который избавилъ Швецію отъ соединенія съ Польшей и владычества іезуитовъ, аристократія сильно пострадала за свое стремленіе къ уніи и за свое пренебреженіе отечественными интересами ради сословныхъ выгодъ. Но она вскорѣ оправилась. Лучшій и знаменитѣйшій изъ шведскихъ королей Густафъ Адольфъ поставилъ себѣ цѣль болѣе высокую и славную, чѣмъ водвореніе самодержавной власти въ своемъ королевствѣ. Чтобы имѣть возможность совершенно предаться своему дѣлу, онъ возвратилъ аристократіи ея прежнее значеніе. Въ это время возникли въ дворянскомъ сословіи Швеціи демократическія стремленія, требовавшія полнаго равенства между членами этого сословія. Но аристократическія стремленія одержали перевѣсъ и въ 1624 году канцлеромъ Уксеншерной было введено раздѣленіе шляхетской палаты на три куріи: на курію господъ, состоящихъ изъ графовъ и бароновъ, получившихъ эти титулы вмѣстѣ съ феодальными правами заимствованными у западныхъ народовъ, на курію рыцарей — такъ назывались потомки всѣхъ тѣхъ, которые были членами государственнаго совѣта, и на курію мелкаго дворянства. Каждая курія имѣла одинъ голосъ; такъ какъ двѣ первыя куріи представляли аристократію, то эта послѣдняя господствовала въ дворянской палатѣ. Въ рукахъ аристократіи было еще другое могущественное средство, съ помощію котораго она всюду проводила свое вліяніе — это былъ государственный совѣтъ, члены котораго, назначаемые королемъ на всю жизнь избирались только изъ самыхъ знатныхъ родовъ.

XVI вѣкъ былъ лучшимъ временемъ для шведской аристократіи. Два раза во время малолѣтства Христины и Карла XI, аристократы управляли страной и вожди ихъ сносились съ европейскими государями какъ равные съ равными. Но положеніе ихъ было чрезвычайно не прочно. Раздѣленіе дворянства на 3 куріи и раздѣленіе всего народа на 4 сословія всегда могли служить властолюбивому и энергическому королю вѣрнымъ средствомъ, чтобы сломить самую могущественную аристократію. Такъ и случилось при Карлѣ XI въ 1680 году. Этотъ король провелъ юность свою въ лагерѣ на войнѣ противъ Датчанъ, и привыкъ здѣсь къ безпрекословному послушанію; въ столицѣ своей онъ былъ окруженъ молодыми секретарями бюрократами, которыхъ тяготило могущество государственнаго совѣта и вліяніе, которое имѣлъ сеймъ. Карлъ XI воспользовался завистью мелкаго дворянства противъ аристократіи и съ согласія его началъ свою знаменитую *редукцію*, т. е. отобралъ въ казну всѣ имѣнія, жалованныя аристократамъ его предками. Отъ нихъ потребовали кромѣ того отчета въ деньгахъ, истраченныхъ ими во время малолѣтства короля, и тогда многіе изъ нихъ лишились не только ленныхъ помѣстій, но и своихъ родовыхъ имѣній. Затѣмъ король воспользовался завистью прочихъ сословій противъ дворянства, и отобралъ небольшія помѣстья средняго дворянства, которыя остались нетронутыми при первой редукціи. Послѣ этого было уже легко уничтожить значеніе сейма и водворить самодержавную власть.

Настала для Швеціи пора военнаго абсолютизма, сопровождаемаго всегда и вездѣ одними и тѣми же явленіями. Сначала много внѣшняго блеска и внутренняго изнуренія; за тѣмъ вслѣдствіе совершеннаго изнеможенія — полный упадокъ и помраченіе пріобрѣтенной славы. При извѣстіи о смерти Карла XII, Швеція ожила; въ странѣ пробудились стремленія къ свободѣ и самоуправленію, которыя совершенно заглохли во время тяжкой годины. Генералы и совѣтники Карла XII устранили законнаго наслѣдника и передали престолъ его младшей сестрѣ Ульрикѣ Элеонорѣ и ея супругу Фридриху Гессенскому съ условіемъ, чтобы они отказались отъ самодержавія.

Когда пришлось дать народному представительству новое устройство, то образовались двѣ партіи. Одна, во главѣ которой стоялъ графъ Горнъ, желала возстановить могущество аристократіи и порядокъ, существовавшій до 1682 года. Но потомки фамилій, возвысившихся на развалинахъ древней аристократіи, за тѣмъ масса чиновниковъ и офицеровъ составлявшихъ большинство дворянства не допустили до этого и дали дворянской палатѣ демократическое шляхетское устройство, какъ въ Польшѣ.

Для Швеціи наступила пора внутренней анархіи и внѣшняго безсилія, неминуемаго слѣдствія шляхетской демократіи. Опять положеніе обѣихъ странъ представляло большое сходство. Монархическая власть потеряла всякое значеніе; корона стала игрушкой, которой тѣшились иноземные государи и честолюбивые демагоги. Вся политическая власть была въ рукахъ толпы не свѣдущей, склонной къ раздорамъ и доступной подкупамъ. Иностранные дипломаты распоряжались какъ у себя дома съ помощію вліянія, которое доставляли имъ червонцы, разсыпаемые щедрой рукой. Объ интересахъ отечества никто не думалъ, вездѣ на первомъ планѣ были личныя выгоды. Эгоизмъ и подкупность подорвали общественную нравственность; изъ верхняго слоя порча проникла въ самыя нѣдры общества и странѣ оставались только два выхода, или военный деспотизмъ, или иноземное владычество.

Господиномъ въ Швеціи былъ послѣ смерти Карла XII сеймъ, раздѣленный на 4 палаты и собиравшійся черезъ три года. На сеймѣ же господствовала дворянская палата. Палата духовенства, горожанъ и крестьянъ состояли изъ представителей избранныхъ каждымъ сословіемъ. Но составъ первой палаты былъ другой. На сеймъ могъ явиться старшій членъ (caput) каждаго дворянскаго рода; въ отсутствіе его мѣсто его могъ занять младшій членъ или уполномоченный. Къ дворянству въ это время причислялось около 2100 родовъ, изъ нихъ около 1900 принадлежали къ мелкому и безпомѣстному дворянству. Такъ какъ раздѣленіе дворянской палаты на три куріи было уничтожено, то вся сила была въ рукахъ бѣдной шляхты. Представители прочихъ сословій получали жалованье во время сейма, дворяне же должны были ѣздить на сеймъ безвозмездно. Многіе изъ нихъ поэтому тяготились своей обязанностью и охотно продавали другимъ свое право засѣдать на сеймѣ. Иностранные послы въ Стокгольмѣ рѣшительно завели торговлю этими довѣрительными грамотами и въ 1765 году, напримѣръ, Французскій посолъ истратилъ на нихъ 36,000 лив.

Государственный совѣтъ былъ слугой сейма. Когда сеймъ расходился онъ оставлялъ совѣту инструкцію, которой онъ долженъ былъ держаться до слѣдую-

щаго сейма. Тогда протоколы его представлялись на разсмотрѣніе чинамъ, и они мстили тѣмъ членамъ совѣта, которые дѣйствовали не въ духѣ инструкціи. Члены совѣта совершенно зависили отъ сейма, который представлялъ на мѣсто выбывавшихъ — трехъ кандидатовъ и изъ нихъ король былъ обязанъ избрать новаго члена. Король ничего не могъ сдѣлать; онъ былъ въ свою очередь совершенно связанъ совѣтомъ, въ которомъ онъ имѣлъ только 2 голоса. Если король не соглашался подписывать рѣшенія государственнаго совѣта, то эти рѣшенія могли имѣть силу указовъ и безъ подписи королевской. Сеймъ такъ стѣснилъ короля, что даже посламъ шведскимъ, пребывавшимъ при иностранныхъ дворахъ было приказано присылать въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ копіи со всѣхъ донесеній, отправленныхъ ими къ королю.

Пока во главѣ управленія стоялъ графъ Горнъ, вождь аристократической партіи, невыгодныя стороны шведскаго государственнаго устройства не обнаруживались еще въ полномъ свѣтѣ. Въ XVII ст. Швеція играла политическую роль, которая ей была не по силамъ; слѣдствіемъ этого было то, что внѣшняя политика имѣла большое вліяніе на ея судьбу даже и тогда, когда обезсиленное королевство должно было отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ европейскіе споры. Горнъ былъ президентомъ канцеляріи, т. е. министромъ иностранныхъ дѣлъ. Политическія дѣла невозможно было обсуждать въ государственномъ совѣтѣ, ибо тогда намѣренія шведскаго правительства сдѣлались бы слишкомъ гласными. Поэтому сеймъ 1723 г. учредилъ особенную „секретную коммиссію“, которая завѣдывала политическими дѣлами и дипломатическими сношеніями. Секретная коммиссія

находилась подъ предсѣдательствомъ президента канцеляріи и состояла изъ гофканцлера, статсъ секретаря иностранныхъ дѣлъ и изъ лицъ приглашенныхъ президентомъ канцеляріи. Такъ какъ внутренная жизнь Швеціи опредѣлялась въ это время ходомъ иностранной политики, то графъ Горнъ сдѣлался какъ бы первымъ министромъ или правителемъ Швеціи.

Два сильныхъ государства старались въ XVIII ст. привлечь Швецію къ себѣ и пользоваться ею какъ орудіемъ — Россія и Франція. Горнъ понималъ, что для Швеціи было необходимо держаться строгаго нейтралитета. Поэтому онъ заключилъ въ 1724 году союзный договоръ съ Россіей на 12 лѣтъ, не смотря на нерасположеніе короля Фридриха къ русскому правительству, которое покровительствовало герцогу голштинскому, законному наслѣднику Карла XII. Но когда число приверженцевъ герцога увеличилось и въ государственномъ совѣтѣ стало преобладать русское вліяніе, Горнъ счелъ за нужное сблизиться съ Франціей и приступилъ къ союзу, заключенному въ 1727 г. въ Герренгаузенѣ между Франціей, Англіей и Пруссіей. Члены совѣта, расположенные къ Россіи потеряли свои мѣста; генералъ Веллинкъ былъ даже приговоренъ къ смерти, но сеймъ назначилъ вмѣсто казни вѣчное заключеніе въ крѣпости. Прошло нѣсколько лѣтъ. На престолъ Петра Великаго взошла его племянница и русское правительство перестало поддерживать права герцога голштинскаго. Король Фридрихъ сблизился съ русскимъ кабинетомъ и въ 1732 году шведское правительство предложило русскому продлить срокъ союзнаго договора. Союзъ съ Россіей былъ выгоденъ для Швеціи, потому что онъ давалъ ей право безпошлинно вывозить изъ Лифляндіи хлѣба на 50,000

р. въ годъ сверхъ количества, опредѣленнаго Ништадтскимъ миромъ. Но прежде чѣмъ русскій кабинетъ отвѣтилъ на предложеніе Швеціи, умеръ Августъ II.

Франція тотчасъ же обратилась къ Швеціи съ просьбой и совѣтомъ вступиться за Станислава. Лещинскій имѣлъ въ Швеціи много доброжелателей; многіе изъ стариковъ генераловъ вспоминали съ умиленіемъ объ опасностяхъ и трудахъ, которыя они раздѣляли съ нимъ во время славныхъ походовъ Карла XII. Многіе были убѣждены, что честь шведской націи требуетъ поддержать короля, который былъ возведенъ на престолъ шведскимъ оружіемъ. Графъ Горнъ былъ особенно расположенъ къ Станиславу, потому что онъ былъ главнымъ орудіемъ его возвышенія; онъ привезъ его въ Варшаву и подъ его защитой былъ коронованъ Лещинскій. Но Горнъ зналъ, что Швеція не имѣла средствъ вступиться за Станислава; казна шведская была такъ истощена, что правительство не имѣло денегъ, чтобы отправить чрезвычайнаго посла въ Варшаву и при дворѣ говорили, что посла отправятъ только въ томъ случаѣ, если Франція возьметъ издержки на свой счетъ *). Поэтому Горнъ рѣшился соблюдать нейтралитетъ. На предложеніе Франціи отвѣтили вопросомъ, на какую помощь можетъ надѣяться Швеція со стороны Франціи? Черезъ нѣсколько времени послѣ этого французскій посолъ Кастея подалъ меморіалъ, въ которомъ правительство Людовика XV объявляло, что чрезвычайно желаетъ возстановить на сѣверѣ порядокъ вещей существовавшій прежде, и готово для этого помогать Швеціи всѣми своими силами (т. е. отнять у Россіи завоеванныя ею

*) Реляц. Бестужева изъ Стокгольма 1733 г. Въ Глав. Моск. Арх. Ин. Д.

прибалтійскія области). Шведское правительство отвѣтило опять запросомъ: какими средствами думаетъ Франція достигнуть этого? Въ то же время пріѣхалъ въ Стокгольмъ Понинскій, присланный отъ примаса съ извѣщеніемъ о смерти короля. Понинскій спрашивалъ неофиціальнымъ образомъ у шведскаго правительства, какъ оно думаетъ поступить, если какая-нибудь держава вздумаетъ помѣшать вольному избранію; не присоединитъ ли Швеція часть своего войска съ шведскимъ или не сдѣлаетъ ли оно „диверсію“, т. е. отвлечетъ вниманіе Россіи отъ польскихъ дѣлъ вторженіемъ въ прибалтійскія области. Шведское правительство отвѣчало уклончиво: оно изъявляло свою готовность къ услугамъ, (bona officia какъ говорилось на дипломатическомъ языкѣ того времени) къ посредничеству, но не обязывалось ни къ чему. Горнъ говорилъ кромѣ того послу, что такое важное дѣло нельзя разрѣшить безъ позволенія чиновъ, а избраніе польскаго короля кончится прежде, чѣмъ можно будетъ созвать сеймъ.

Русское правительство не знало намѣреній шведскаго, оно слышало только о предложеніяхъ Франціи и Польши; поэтому оно очень безпокоилось и предписывало своему послу Бестужеву употреблять всѣ средства и не жалѣть денегъ, чтобы узнать о намѣреніяхъ шведскаго кабинета и отвлечь его отъ союза съ Франціей. Бестужевъ былъ особенно близокъ съ барономъ Гепкеномъ, потомкомъ ганзеатскихъ купцовъ, поселившихся въ Швеціи. Гепкенъ былъ прежде статсъ-секретаремъ, потомъ сдѣлался членомъ государственнаго совѣта, и сталъ во главѣ русской партіи. Гепкенъ сообщилъ Бестужеву, что въ государственномъ совѣтѣ 5 членовъ стоятъ особенно ревно-

стно за интересы Франціи, но что четырехъ изъ нихъ можно подкупить. Бестужевъ списался съ Петербургомъ и получилъ новое предписаніе не жалѣть денегъ. Тогда дѣло было скоро слажено. Гепкенъ вступилъ въ переговоры съ французской партіей и убѣдилъ 4 совѣтниковъ Экеблета, Кронштета, Барка и Гольи (sic) перейти изъ французскаго лагеря въ русскій *). Къ пятому—къ графу Де Ла Гарди онъ не подступался, потому что тотъ былъ „свирѣпый“ приверженецъ Франціи. За эту услугу Бестужевъ заплатилъ Гепкену 6000 червонцевъ; 2000 для него, остальные для новыхъ приверженцевъ Россіи. Русское правительство выразило Гепкену свою благодарность еще тѣмъ, что приняло его младшаго брата въ русскую службу и назначило ему на подъёмъ 2000 чер., но Бестужевъ нашелъ, что и одной тысячи довольно. Король Фридрихъ не любилъ Горна, потому что считалъ его главнымъ виновникомъ униженія королевской власти. Поэтому онъ приблизилъ къ себѣ соперниковъ Горна, Гилленборга и Гепкена, которые влекли его къ союзу съ Россіей. Фридрихъ постоянно утѣшалъ Бестужева и говорилъ, что до войны не дойдетъ, Франція ограничится только деклараціями, будетъ „репликовать, а не атаковать“. Не смотря однако на это, общественное мнѣніе сильно высказывалось за Лещинскаго. Грозная французская декларація отъ 17 марта была принята въ Швеціи съ восторгомъ: само правительство ясно высказывало, что желаетъ возвышенія Лещинскаго. Когда по просьбѣ Левенвольда, Бестужевъ жаловался на шведскаго резидента Рутеншильда за то, что онъ не участвовалъ въ протестѣ прочихъ пословъ противъ оскорбленія,

*) Реляціи Бестужева. Въ Гл. Ар. Мин. Им. Д.

нанесеннаго саксонскимъ коммиссарамъ, шведскій кабинетъ отвѣтилъ, что онъ объ этомъ еще не получилъ никакихъ извѣстій, но въ то же время онъ предписывалъ Рутеншильду, чтобы онъ, если другіе послы будутъ рекомендовать своихъ кандидатовъ, предложилъ отъ имени своего правительства — Лещинскаго.

Русскія декларації напротивъ въ Швеціи принимали съ недовѣрчивостью, и недоброжелательствомъ. Когда Бестужевъ сообщилъ письмо польскихъ вельможъ къ императрицѣ, то въ Стокгольмѣ не вѣрили, что оно написано Поляками, а когда Бестужевъ объявилъ о рѣшеніи императрицы послать свои войска въ Польшу, ему говорили, что Россіи слѣдовало бы дѣйствовать не силою, а интригами подобно Франціи. О возобновленіи союза съ Россіей, шведское правительство перестало говорить; но за то русскій кабинетъ рѣшился поднять этотъ вопросъ. Бестужевъ спрашивалъ Горна, почему Швеція оставила это дѣло. Горнъ отвѣтилъ, что графъ Головинъ обѣщалъ подъ присягой, что Россія заплатитъ долгъ, лежавшій на городѣ Ригѣ, но до сихъ поръ ничего не заплачено, и отъ этого „его Горна кредитъ палъ.“ Бестужевъ отвѣтилъ, что если Швеція вступитъ въ союзъ съ Россіей, то рижское дѣло будетъ улажено. Горнъ сталъ отговариваться тѣмъ, что гофканцлеръ Кохенъ уѣхалъ на 3 недѣли въ деревню, а безъ него дѣла этого начать нельзя. Бестужевъ настаивалъ, чтобы Горнъ немедленно доложилъ объ этомъ государственному совѣту, но шведскій первый министръ потребовалъ 2 дня срока; онъ сталъ говорить русскому послу, что императрица Лещинскаго исключаетъ, и отъ этого можетъ возгорѣться война, а онъ, Горнъ, миролюбивъ.

25 іюня Горнъ читалъ въ государственномъ совѣтѣ докладъ о желаніи Россіи возобновить союзъ съ Швеціей. Оттуда дѣло было по обыкновенію передано въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ. Король казался склоннымъ къ возобновленію союза; но многіе совѣтники удивлялись, почему Россія такъ хлопочетъ о возобновленіи союзнаго договора, хотя до истеченія срока его остается еще три года. Они говорили, что это дѣлается для того, чтобы поссорить Россію съ Франціей. Гепкенъ обѣщалъ Бестужеву склонить короля къ союзу съ Россіей, но Бестужевъ не надѣялся на успѣхъ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что Шведы это дѣло затянутъ, пока окончится избраніе польскаго короля. Иностранная канцелярія совѣтовала отклонить предложеніе Россіи во вниманіе затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Швеція; государственный совѣтъ одобрилъ это мнѣніе и графы Бонде и Біелке были отправлены къ королю, чтобы получить его согласіе. Король былъ недоволенъ мнѣніемъ совѣта, но ему доказали, что предложеніе Россіи необходимо отклонить, чтобы избѣгнуть недоразумѣній съ другими державами. Тогда король далъ свое согласіе. Гепкенъ утѣшалъ Бестужева, онъ говорилъ ему, что король былъ захваченъ въ расплохъ, но что еще ничего не потеряно. По приказанію своего правительства, Бестужевъ продолжалъ хлопотать о союзѣ; онъ два раза ѣздилъ въ замокъ Дротнингхолмъ, гдѣ жилъ король, но не находилъ удобнаго случая, чтобы поговорить съ нимъ на единѣ. Наконецъ онъ выбралъ дождливый и вѣтряный день и отправился еще разъ въ замокъ. Король увидѣлъ его изъ окна, тотчасъ позвалъ его, и благодарилъ за то, что онъ пріѣхалъ въ такое время. Онъ вступилъ съ нимъ въ откровенный

разговоръ и говорилъ съ большими похвалами объ его государынѣ. Тогда Бестужевъ заговорилъ объ упроченіи шведской короны въ гессенскомъ домѣ и сказалъ, какъ будто отъ себя, что императрица этому мѣшать не будетъ. Въ отвѣтъ на это, король разсказалъ ему, какъ годъ тому назадъ пріѣзжалъ въ Стокгольмъ братъ его Вильгельмъ, и какъ тогда распространился слухъ, что онъ пріѣхалъ по дѣлу наслѣдства. Слухъ этотъ такъ взволновалъ Шведовъ, что король долженъ былъ дать въ государственномъ совѣтѣ устное и письменное удостовѣреніе съ присягой въ противномъ. Русскій посолъ извинился и просилъ короля объяснить его слова не иначе какъ добрымъ усердіемъ.

Въ этихъ переговорахъ прошло все лѣто; когда наступилъ въ Польшѣ срокъ избирательнаго сейма, въ Швеціи не было приготовлено ни одного корабля, который можно было бы отправить на помощь стѣсненной республикѣ.

Во время переговоровъ съ Швеціей русское правительство было встревожено неожиданнымъ появленіемъ въ Стокгольмѣ турецкаго посла. Это былъ тотъ самый Заидъ Мегметъ Эфенди, котораго мы видѣли въ Варшавѣ. Русское правительство подозрѣвало, что онъ былъ отправленъ, чтобы склонить Швецію на союзъ съ Турціей. Но его опасенія не оправдались. Мегмету было только предписано потребовать у Швеціи уплаты долга, сдѣланнаго Карломъ XII въ Турціи (милліонъ левокъ, около 660,000 рублей); кромѣ того, онъ долженъ былъ выразить неудовольствіе султана на то, что Швеція со смерти Карла XII не отправила ни одного посла въ Константинополь. Бестужеву было приказано сблизиться съ посломъ и подкупить его секретаря, грека Каражу. Русскій посолъ

исполнилъ порученіе, и Мегметъ передавалъ ему содержаніе всѣхъ конференцій, бывшихъ у него съ шведскими министрами. Швеція была не въ состояніи заплатить такой суммы; ее обременяли даже издержки необходимыя для содержанія турецкаго посла. Мегмету отвѣчали, что Турціи нечего требовать у Швеціи, потому что она обязана ей пріобрѣтеніемъ Азова, а кромѣ того Турки взяли во время кабалыка (схватки Карла XII съ янычарами) не только свои деньги, но и шведскія. Мегметъ былъ очень недоволенъ этимъ отвѣтомъ. Онъ просилъ Бестужева написать въ Петербургъ, не возьметъ ли Россія на себя уплату долга; а ей съ Швеціи легче получить деньги. Бестужевъ отвѣтилъ, что это сопряжено съ большими трудностями. Русскій посолъ приглашалъ Мегмета на возвратномъ пути заѣхать въ Петербургъ и обѣщалъ ему самый ласковый пріемъ. Но дружба между Бестужевымъ и Мегметомъ скоро кончилась. Изъ Константинополя пріѣхалъ курьеръ: Мегмету предписывалось сообщить королю, что Порта желаетъ охранять въ Польшѣ свободу избранія; потомъ Мегмету было приказа но возвращаться не черезъ Россію, какъ онъ желалъ, а черезъ Польшу. Вѣроятно въ его инструкціи было сказано еще, чтобы онъ слѣдовалъ совѣтамъ французскаго посла, потому что съ той минуты Мегметъ прекратилъ свои откровенныя бесѣды съ Бестужевымъ и сблизился съ графомъ Кастея. Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ оставилъ Стокгольмъ, не достигнувши цѣли своей поѣздки.

Въ началѣ XVIII столѣтія въ судьбахъ Оттоманской Порты совершился замѣчательный переворотъ. Долгое время это варварское государство, обязанное

своимъ существованіемъ слабости и раздробленности христіанскихъ народовъ, живущихъ на балканскомъ полуостровѣ, занимало совершенно исключительное положеніе. Турецкое правительство не заботилось объ томъ, что дѣлалось въ Европѣ, не дорожило ни союзами, ни договорами, и такъ мало уважало международное право, что смотрѣло на иностранныхъ пословъ, проживавшихъ въ Константинополѣ какъ на заложниковъ; оно повергало ихъ въ семибашенный замокъ каждый разъ, когда начинала войну съ ихъ государями.

Но европейская цивилизація взяла свое. Мало по малу Порта начала сознавать упадокъ своихъ силъ и превосходство своихъ сосѣдей. Великіе визири должны были низойти съ высоты своего величія и противъ воли вступать въ бесѣду съ европейскими дипломатами, которые все болѣе и болѣе опутывали своими хитросплетеніями гордыхъ представителей блистательной Порты. Первыя попытки турецкихъ министровъ вникнуть въ европейскую политику представляютъ много комичнаго. Они не имѣли никакихъ свѣдѣній о географическомъ положеніи и о матеріальныхъ средствахъ различныхъ государствъ, и должны были полагаться въ этомъ отношеніи на своихъ переводчиковъ хитрыхъ Грековъ, которые всегда бывали подкуплены тѣмъ или другимъ изъ иностранныхъ пословъ. Кромѣ того турецкіе министры часто совѣтовались съ французскими послами, къ которымъ имѣли особенное довѣріе, потому что Франція была вѣчно во враждѣ съ императоромъ; но эти дипломаты давали свои уроки не даромъ и Турціи не разъ приходилось дорого платить за нихъ.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела на турецкое правительство война, окончившаяся миромъ въ

Пассоровицѣ и ознаменованная побѣдой Евгенія при Петервардейнѣ и паденіемъ Бѣлграда. Она сильно сбавила спѣси турецкихъ министровъ. Это особенно замѣтно въ сношеніяхъ Порты съ Россіей. До начала войны, въ 1716 году Петръ Великій напрасно домогался, чтобы ему позволили держать въ Константинополѣ своего резидента, подобно другимъ европейскимъ государямъ. Порта отказала на отрѣзъ подъ предлогомъ, что только цесарь и державы, союзныя съ Турціей имѣютъ право на это. Но во время войны съ Австріей и Венеціей, Порту очень безпокоила мысль, что Петръ соединится съ ея врагами; тѣмъ болѣе она была ему благодарна, когда онъ остался нейтральнымъ. Поэтому, возобновляя въ 1720 г. прежнія мирные договоры съ Россіей, турецкое правительство согласилось на нѣсколько важныхъ уступокъ и между прочимъ дозволило русскому двору держать въ Константинополѣ своего резидента. Вслѣдствіе этого туда былъ отправленъ въ качествѣ резидента Иванъ Неплюевъ, который остался тамъ до начала турецкой войны при Аннѣ Іоанновнѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого произошло еще болѣе тѣсное сближеніе между обоими государствами. Въ 1724 г. Турція и Россія заключили между собой союзъ противъ Персіи. Въ началѣ XVIII ст. въ этой странѣ произошелъ одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ переворотовъ, которымъ отъ времени до времени подвергаются всѣ варварскія азіятскія государства. Династія Сефи отжила свое время; во всѣхъ концахъ государства начались мятежи. Афганы угрожали столицѣ и наконецъ завладѣли самимъ шахомъ. Лезгинцы подъ предводительствомъ Даудъ Хана спустились съ горъ своихъ, наводнили Дагестанъ и Ширванъ и въ

Шемахѣ убили около 300 русскихъ купцовъ. Петръ Великій, окончившій шведскую войну рѣшился воспользоваться этой безурядицей и войска его заняли города Дербентъ и Баку и весь западный берегъ Каспійскаго моря. Тогда испуганные Лезгинцы предложили Портѣ свое подданство; то же самое сдѣлалъ грузинскій царь. Война между Турціей и Россіей казалась неминуема; но Петръ предложилъ ей раздѣлить съ нимъ кавказскія области Персіи и послѣ двухлѣтняго колебанія Порта согласилась на это.

Вскорѣ однако дѣла въ Персіи перемѣнились. Одинъ изъ сыновей убитаго Афганами шаха бѣжалъ въ сѣверныя области Персіи и отбивался тамъ съ большимъ трудомъ отъ Турокъ и Афгановъ. Но совершенно неожиданно онъ нашелъ себѣ защитника и спасителя. Это былъ молодой Татаринъ Надиръ Кули, одинъ изъ тѣхъ азіятскихъ героевъ, которые изъ простыхъ узденей становятся могущественными ханами, свергаютъ съ престола старинныя династіи, разрушаютъ царства, созидаютъ новыя и напоминаютъ современникамъ Джингисъ Хановъ и Тамерлановъ. Надиръ Кули побѣдилъ Афгановъ и посадилъ шаха Тахмасипа на престолъ его предковъ. Благодарный шахъ далъ избавителю свое имя и съ тѣхъ поръ Надиръ Кули сталъ называться Тахмасъ-Кули-Ханомъ. Но смѣлый ханъ не остановился на этомъ; когда онъ достаточно укрѣпилъ свою власть, онъ свергнулъ съ престола Тахмасипа и призналъ шахомъ его шестимѣсячнаго сына Аббаса Мирзу, во имя котораго онъ сталъ управлять Персіей.

Тахмасъ-Кули-Ханъ сталъ думать о возвращеніи отнятыхъ у Персіи областей. Русское правительство предупредило его и уступило ему часть своихъ заво-

еваній; тогда Тахмасъ-Кули-Ханъ возобновилъ войну съ Турціей осенью 1732-го года. Съ сильнымъ войскомъ вторгнулся онъ въ области, лежащія на Тигрѣ; взялъ города Керкютъ и Дерне и весной 1733 года осадилъ Ахмедъ Пашу въ Багдадѣ, который въ русскихъ реляціяхъ того времени постоянно называется Вавилономъ. Турецкое правительство перепугалось, оно съ трудомъ могло набрать войско, чтобы послать его на выручку Багдада подъ начальствомъ стараго Топалъ Османа, бывшаго прежде великимъ визиремъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Порта боялась союза Россіи съ Персіей и поэтому старалась избѣгать всякихъ столкновеній съ первой державой. Когда польскій посолъ Сѣраковскій жаловался Портѣ на притѣсненія Россіи, называя экспедицію Штофеля вторженіемъ въ польскія области и просилъ заступничества, потому что Порта въ мирномъ договорѣ съ Россіей въ 1720 году гарантировала вольности и конституціи Рѣчи Посполитой и всѣ принадлежащія ей области—великій визирь, Али Паша отвѣтилъ, что онъ человѣкъ миролюбивый и желаетъ сохранить дружбу между Турціей и Россіей *).

Также осторожно поступало турецкое правительство въ дѣлѣ избранія польскаго короля, не смотря на всѣ подстреканія французскаго посла Вильнёва. Визирь постоянно напоминалъ русскому резиденту, что Польша свободна избирать себѣ въ короли, кого захочетъ и что Россія въ это дѣло вмѣшиваться не должна; но онъ ограничился этимъ. Порта очень желала возведенія Станислава на престолъ, но не была въ

*) Реляціи Ивана Неплюева и дворянина Вишнякова изъ Константинополя въ 1733 г. № 6 отъ 14-го февр. и слѣд. Въ Глав. Москов. Архивѣ Иностр. Дѣлъ.

состояніи оказать ему дѣятельную помощь; она надѣялась, что французская партія побѣдитъ съ помощію денегъ, если только не произойдетъ вооруженнаго вмѣшательства со стороны Россіи.

Такую же мягкость и уступчивость выказывала Порта и въ тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя существовали между нею и Россіей. Сюда относятся: пограничныя ссоры на Кавказѣ, дѣло калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо и споръ о Кабардѣ.

Порта, заключивши въ 1724 г. договоръ съ Россіей долго уклонялась отъ точнаго опредѣленія границъ между обоими государствами; наконецъ успѣхи персидскаго оружія побудили турецкое правительство назначить пограничную коммиссію. Размежеваніе было окончено въ 1727 году *). Но пограничныя ссоры продолжались особенно по винѣ Сурхая лезгинскаго хана, владѣвшаго частью Дагестана и Ширвана. На границахъ постоянно происходили грабежи и убійства, и Лезгинцы оправдывались тѣмъ, что они дѣлали это въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Русское правительство требовало, чтобы снова была наряжена коммиссія. Порта долго уклонялась; она боялась разсердить Сурхая, который могъ бы принять сторону Персіи. Наконецъ турецкій коммиссаръ прибылъ въ Тенге; съ русской стороны пріѣхалъ полковникъ Муромцевъ. Но когда въ 1732 умеръ турецкій коммиссаръ, Порта воспользовалась этимъ и не назначила другаго. Муромцевъ долженъ былъ возвратиться въ Баку.

*) Съ русской стороны были назначены коммиссарами бригадиръ Румянцевъ, подполковникъ Люкъ и майоръ Гарберъ. Послѣдній оставилъ интересный разсказъ о работахъ этой коммиссіи. Рукопись его хранится въ берлинскомъ архивѣ. Ею пользовался — Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reichs. Th. V. p. 604 и слѣд.

Второе недоразумѣніе касалось калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо. По смерти хана Аюки, въ семьѣ его произошли раздоры. Одинъ изъ родичей Дондукъ-Омбо не признавалъ власти хана Черенъ-Дондука и возсталъ противъ него. Русское правительство приняло сторону Черена и кн. Борятинскій выступилъ противъ Дондукъ-Омбо съ войскомъ. Послѣдній не могъ держаться въ степи и ушелъ въ Крымъ со всѣми своими приверженцами *). Россія требовала отъ Турціи, чтобы она приказала крымскому хану выслать Дондукъ-Омбо; ханъ отвѣчалъ визирю, что у нихъ не въ обычаѣ высылать тѣхъ, которые ищутъ защиты, но задерживать Калмыковъ онъ не станетъ**).

Серьознѣе было неудовольствіе, возникшее между Турціей и Россіей по поводу Кабарды. Такъ называлась область, лежащая на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, между верховьями Кубани и Терека. Эти двѣ рѣки текутъ сначала параллельно на сѣверъ, чтобы потомъ разойтись въ противоположныя стороны. Тамъ гдѣ Терекъ поворачиваетъ на востокъ онъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣку Малку, въ которую впадаетъ съ правой рѣка Балксанъ***). Область, заключенная между этими тремя рѣками называется Большой Кабардой; на противоположномъ берегу Терека простирается Малая Кабарда. Кабардинцы имѣли частыя столкновенія съ Кубанцами и Татарами, а съ другой стороны съ Русскими. Петръ Великій въ своей грамотѣ къ султану Ахмеду въ 1722 году обѣщалъ не вступаться въ дѣла Кабардинцевъ, „ниже

*) В. Н. Татищевъ и его время соч. Нила Попова, стр. 254 и сл.
**) Реляція Неплюева отъ 7-го апрѣля.
***) Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Band IV. Buch LXVI. p. 286.

изъ своихъ подданныхъ кому мѣшаться за оныхъ противъ хана крымскаго“. Но въ то же время астраханскій губернаторъ ходилъ туда съ войскомъ мирить спорящихъ князей. Въ другой грамотѣ, данной турецкому послу Нишли Мегмету въ 1723 г. Петръ отказывался отъ власти надъ Кабардой еще въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ. Въ грамотѣ только одинъ Расланъ Бей былъ названъ русскимъ подданнымъ.

Но въ 1731 году резидентъ Неплюевъ подалъ Дивану грамоту, въ которой онъ присвоивалъ Россіи большую половину Кабарды; а черезъ нѣсколько времени онъ подалъ другую, въ которой онъ и всю Кабарду причислялъ къ русскимъ владѣніямъ; онъ приводилъ много различныхъ доводовъ, доказывая, что Кабардинцы жили сначала въ Россіи, потомъ переселились на Терекъ и искони признавали надъ собой власть русскихъ царей. Въ Турціи великіе визири мѣнялись такъ часто, что они никогда не знали того, что было сдѣлано ихъ предшественниками; грамоты Петра Великаго лежали въ турецкомъ архивѣ и объ нихъ совершенно забыли. Порта не желала ссориться съ Россіей во время персидской войны и въ тоже время не хотѣла разсердить крымскаго хана, который Кабарду называлъ своей; и поэтому она старалась замять дѣло.

Въ то время, когда вмѣшательство русскаго двора въ польскія дѣла и интриги французскаго посла Вильнёва увеличили обоюдное неудовольствіе между Портой и Россіей случилось происшествіе, которое едва не послужило поводомъ къ войнѣ между обоими государствами. Въ войнахъ съ Персіей, Порта всегда прибѣгала къ помощи крымскихъ Татаръ; она перевозила ихъ въ Трапезунтъ или заставляла ихъ идти су-

химъ путемъ черезъ Константинополь. Но когда Тахмасъ Кули-Ханъ осадилъ Багдадъ, Порта пожелала отвлечь его отъ осады вторженіемъ въ его собственныя владѣнія. Въ началѣ 1733 года она приказала хану перейти съ Татарами черезъ кавказскія горы и соединившись съ Сурхаемъ и съ пашами генджинскимъ, тифлисскимъ и эриванскимъ вторгнуться въ персидскія области. Татары не могли совершить этотъ путь, не касаясь русскихъ владѣній. Но Порта не просила у русскаго правительства свободнаго пропуска Татарамъ, или по невѣдѣнію мѣстоположенія надѣясь, что Татары пройдутъ горами, не захватывая русскихъ областей или желая перехитрить русскій кабинетъ, который можетъ быть не согласился бы пропустить Татаръ.

Какъ бы то ни было, Неплюевъ узналъ о приказаніи Порты, когда Татары уже собирались въ походъ. Онъ тотчасъ подалъ турецкимъ министрамъ протестъ противъ этого похода и 1-го марта онъ имѣлъ по этому поводу свиданіе съ Рейсъ-Эфендіемъ и съ великимъ визиремъ. Они утверждали, что черезъ Кавказъ есть свободный путь въ 18 часовъ разстоянія отъ Терека. Неплюевъ отрицалъ это. Тогда визирь сталъ просить его, чтобы онъ писалъ въ Петербургъ о пропускѣ Татаръ, „ибо они пойдутъ какъ друзья и будутъ все покупать“. Онъ извинялся въ томъ, что не просилъ объ этомъ заблаговременно, говоря, что повѣрилъ хану, который утверждалъ, что есть свободный путь.

Писать въ Петербургъ было уже поздно. Послѣ бейрама, т. е. 9 или 10-го марта Татары должны были подняться. 14-го марта у Неплюева была съ Рейсъ-Эфендіемъ другая конференція. Говорили о Польшѣ: турецкій министръ настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла. Пусть избираютъ кого хотятъ, лишь бы природнаго Поляка. Неплюевъ навелъ разговоръ на Лещинскаго. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что и Лещинскій природный Полякъ. Потомъ перешли къ своимъ дѣламъ. Неплюевъ требовалъ, чтобы ханъ не держалъ у себя бѣглыхъ Калмыковъ, „не интересовался Кабардой“. Онъ показалъ копію съ письма крымскаго хана, въ которой тотъ называлъ Кабарду своей и утверждалъ, что султанъ велѣлъ ее занять. Рейсъ-Эфенди смутился, потомъ отвѣтилъ, что въ трактатахъ нигдѣ о Кабардѣ не говорится, что и границъ тамъ нѣтъ. Неплюевъ возразилъ, что Кабарда отдѣлена отъ кубанскихъ народовъ огромною степью. Наконецъ Рейсъ-Эфенди обѣщалъ все это передать великому визирю. На другой день визирь далъ знать Неплюеву, что онъ писалъ къ хану о Кабардѣ и о Калмыкахъ; о походѣ Татаръ онъ ничего не упоминалъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого Неплюевъ послалъ къ Рейсъ-Эфенди запросъ, почему ему не дали отвѣта на счетъ похода татарскаго. Онъ получилъ въ отвѣтъ, что къ хану писали, чтобы не ходилъ черезъ Кавказъ, если нѣтъ другаго пути въ Персію. „Видно Россія персидскую дружбу выше почитаетъ“.

Въ концѣ марта прибылъ въ Константинополь изъ Крыма французскій консулъ Савери. Онъ былъ прежде знакомъ съ Неплюевымъ, но такъ какъ теперь французскіе дипломаты находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ русскимъ, то онъ не ходилъ къ нему. Неплюевъ подослалъ къ нему вѣрныхъ людей, чтобы развѣдать, что дѣлается въ Крыму. Онъ узналъ: „что на третій день ихъ богомерзскаго праздника бейрама, т. е. 9 или 10-го марта ханъ отправилъ *мѣстныхъ* крымскихъ

Татаръ до 10,000, къ которымъ должны были присоединиться до 5,000 Ногайцевъ да вольницы кубанской 5,000. Татары пошли къ Кубани, они думали пройти въ Кумыки, не захватывая Кабарды, и близь гребенскихъ городовъ перейти черезъ горы, не подходя къ крѣпости Св. Креста; оттуда они хотѣли идти горами въ Тифлисъ, а если бы тамъ нельзя было пройти, то пробраться горами близь моря въ Усмѣево владѣніе, а оттуда къ Сурхаю. По выступленіи Татаръ пришелъ къ хану указъ Порты, вызванный протестаціей Неплюева. Визирь писалъ хану, что по словамъ русскаго посла свободнаго пути черезъ Кавказъ нѣтъ и приказывалъ ему не подавать ни малѣйшаго повода къ ссорамъ съ русскими. Ханъ держалъ совѣтъ, на которомъ положили успокоить Порту. Ханъ называлъ Кабарду своей, а Кумыковъ и Дагестанцевъ вольными народами. Онъ утверждалъ, что русскими владѣніями слѣдуетъ считать только одни крѣпости и береговую полосу каспійскаго моря.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того переводчикъ Порты зашелъ къ Неплюеву. Это былъ Гика, братъ молдавскаго господаря. Гика получалъ отъ Россіи пенсію 2000 левокъ въ годъ (2 руб. около 3 левокъ) и богатые подарки мѣхами. Но онъ мало заботился объ интересахъ русскихъ, вѣроятно потому что получалъ въ тоже время пенсію и отъ Франціи*). Онъ объявилъ Неплюеву, что пришелъ отъ себя и разговорился съ нимъ о политическихъ дѣлахъ. Онъ жаловался на то, что русскій посолъ Левенвольдъ „поступаетъ въ Варшавѣ слишкомъ повелительно“. Неплюевъ возразилъ, что Россія не обязана давать Портѣ отчета въ этомъ,

*) Онъ былъ казненъ въ 1740 г. за свою приверженность къ Франціи. Hammer. Th. IV p. 380.

потому что Польша отъ Турціи не зависитъ. Гика сказалъ на это, что Турція желаетъ, чтобъ свобода Рѣчи Посполитой не была нарушена. Неплюевъ возразилъ, что Россія желаетъ этого еще болѣе, „ибо Турція смотритъ на Польшу въ окно, а русская императрица взираетъ на весь корпусъ Рѣчи Посполитой.“

Потомъ перешли къ Кабардѣ. Гика сказалъ, что трудно рѣшить, кому принадлежитъ Кабарда, ибо въ договорахъ объ этомъ не упоминается. Неплюевъ возразилъ, что Кабарда всегда принадлежала Россіи и поэтому въ договорахъ объ ней упоминать нечего.

Татарскій походъ придалъ вопросу о Кабардѣ большую важность; если Кабарда принадлежала Русскимъ, то Татарамъ рѣшительно нельзя было пройти въ Персію, не касаясь русскихъ владѣній. Великій визирь снова призвалъ къ себѣ Неплюева, и объявилъ, что Кабарда по справкамъ оказалась ханскимъ владѣніемъ. Дели султанъ, сдѣлавши нападеніе на русскія области, отступилъ въ Кабарду; а прежде еще Селимъ ханъ ходилъ съ Кабардинцами подъ городъ Терки. Неплюевъ отвѣтилъ, что Дели султанъ могъ бѣжать въ Кабарду, но это ничего не доказываетъ, а съ Селимъ ханомъ Кабардинцы пошли противъ воли.

Визирь сталъ говорить о татарскомъ походѣ. Онъ извинялся тѣмъ, что Татары выступили въ походъ, прежде чѣмъ получили указъ отъ Порты. Ханъ писалъ, что у нихъ два пути: одинъ черезъ Кумыки и Дагестанъ въ Ширванъ. Этотъ путь захватываетъ въ пустомъ мѣстѣ русскія владѣнія на три часа, а другой ведетъ въ Грузію, но очень затруднителенъ. Поэтому, еслибы Татары и коснулись въ пустомъ мѣстѣ русскихъ владѣній на три часа, то Россія не должна считать это нарушеніемъ мира.

Неплюевъ возразилъ, что по собственному признанію хана не три часа пути, а весь путь проходитъ по русскимъ владѣніямъ, ибо Кумыки и Дагестанъ принадлежатъ Россіи и крѣпость Св. Креста стоитъ въ Кумыкахъ. Визирь сказалъ на это, что и Кумыки и Дагестанъ пріобрѣтены Россіей во время персидской войны и у Россіи былъ договоръ съ Турціей дѣйствовать за одно противъ Персіи, поэтому она должна пропустить Татаръ. Неплюевъ отвѣтилъ, что Кумыки и Дагестанъ давно уже пріобрѣтены Россіей; что сама Порта заключила съ Персіей отдѣльный миръ, а поэтому не имѣетъ права разсчитывать на содѣйствіе Россіи. Рейсъ-Эфенди заговорилъ было о польскихъ дѣлахъ и о томъ, что Швеція нерасположена къ Россіи, но визирь приказалъ ему молчать и прекратилъ аудіенцію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Рейсъ Эфенди призвалъ Неплюева и показалъ ему переводъ съ грамоты Петра Великаго отъ 20-го марта 1722 года, въ которой русскій императоръ отказывался отъ Кабарды. Неплюевъ очень хорошо помнилъ эту грамоту, но онъ не зналъ что отвѣтить, и поэтому притворившись, что не помнитъ подобной грамоты обѣщался поискать у себя и списаться съ Петербургомъ. А черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ, что такой грамоты у себя не нашелъ.

Турки порылись въ своихъ архивахъ и наконецъ отыскали самый оригиналъ грамоты. Неплюеву уже нельзя было отговариваться незнаніемъ: тогда онъ сталъ утверждать, что грамота говоритъ въ пользу Россіи, ибо въ ней сказано, что Кабардинцы давали Русскимъ заложниковъ; но Русскіе не могли бы брать съ нихъ заложниковъ, если бы Кабардинцы были турецкіе подданные. Турецкіе министры объясняли это тѣмъ, что Кабардинцы давали Русскимъ заложниковъ, чтобы они ихъ пропускали къ Тереку для рыбной ловли. Но Неплюевъ не сдавался. Грамота дѣйствительно допускала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различныя толкованія, тѣмъ болѣе, что между оригиналомъ и турецкимъ переводомъ было нѣкоторое разногласіе.

Турецкіе министры были очень раздражены противъ Неплюева. Они были убѣждены, что онъ хочетъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Турціи и поссорить ее съ Россіей. Русскій резидентъ сталъ уже опасаться, что его вышлютъ изъ Константинополя.

Судьба Татаръ, двинувшихся къ Кавказу извѣстна. Въ началѣ іюня они встрѣтили у деревни Горячей русскій отрядъ, который заградилъ имъ путь. Татары хотѣли пробиться, но командующій кавказскими войсками принцъ Гессенъ-Гомбургскій подоспѣлъ во время съ резервами и Татары были отбиты. Надѣясь на превосходство своихъ силъ, они готовы были возобновить попытку, но вожди ихъ помнили указъ Порты не возбуждать Русскихъ къ войнѣ и возвратились въ Крымъ.

Это враждебное столкновеніе увеличило холодность, существовавшую между Портой и русскимъ кабинетомъ; но обѣ стороны уклонялись отъ войны. Россія желала отсрочить эту войну по крайней мѣрѣ до весны слѣдующаго года, надѣясь къ тому времени управиться съ приверженцами Станислава въ Польшѣ. Турція съ своей стороны была слишкомъ занята персидской войной. Правда счастіе склонилось на ея сторону, но не надолго. Въ іюнѣ Топалъ Османъ Паша собравши 100,000 войска выступилъ изъ Мосуля и

подошелъ къ Багдаду на выручку. Тахмасъ-Кули-Ханъ оставилъ 12,000 подъ стѣнами города, а съ 70,000 пошелъ на встрѣчу къ пашѣ. При Дулджейликѣ, 19-го іюля произошла кровопролитная битва; Турки побѣдили; Персы отступили къ Хамадану, Багдадъ былъ спасенъ. Но Тахмасъ-Кули-Ханъ не отчаялся въ успѣхѣ; съ необыкновенной быстротой онъ собралъ новое войско и осенью опять явился на Тигрѣ; Порта же не прислала своему полководцу новыхъ подкрѣпленій. Персы отмстили Туркамъ за пораженіе при Дулджейликѣ. Въ концѣ октября они нанесли имъ сильное пораженіе, въ которомъ погибъ Османъ Паша, храбро сражаясь во главѣ янычаръ.

Въ то время какъ вниманіе турецкаго правительства было поглощено событіями, совершавшимися на берегахъ Тигра и на Кавказѣ, въ Польшѣ была рѣшена судьба Станислава Лещинскаго и его приверженцевъ.

ГЛАВА XIII.

ИЗБРАНІЕ ДВУХЪ КОРОЛЕЙ.

Къ 25-му августу, первому дню сейма избранія всѣ воеводства и повѣты собрались въ Варшаву и расположились съ своими знаменами въ равнинѣ, облегающей этотъ городъ. Но, чтобы исполнить обѣщаніе данное русскимъ посламъ, воевода Радзивилъ задерживалъ въ дорогѣ свое воеводство и наконецъ совершенно остановился въ Венгровѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы, на правомъ берегу Вислы. Онъ послалъ депутатовъ къ примасу отъ имени своего воеводства и потребовалъ освобожденія отъ присяги установленной на созывательномъ сеймѣ и подтвержденія статутовъ 1717 и 1718 г., направленныхъ противъ Станислава. Получивши отвѣтъ неудовлетворительный, переданный имъ секретаремъ Примаса, депутаты возвратились. Воеводство новогродекское отправило во второй разъ къ примасу и къ маршалу сейма Масальскому своего хорунжаго Корсака съ другими депутатами (cum flore nobilitatis). Но и этотъ „цвѣтъ шляхетства“ не достигъ своей цѣли. Тогда воеводство новогродекское заключило конфедерацію для сохраненія liberum veto, къ которой присоединились потомъ воеводства минское и подляшское, остановившіяся также на правомъ берегу Вислы. Примасъ и приверженцы

© ГПНТБ СО РАН

Станислава старались убѣдить ихъ оставить конфедерацію и присоединиться къ другимъ. Понятовскій указывалъ имъ на примѣръ воеводствъ кіевскаго и смоленскаго, которыя передались Россіи и утратили свои права; но его увѣщанія не поколебали конфедераціи. Увѣщанія впрочемъ не ограничивались одними словами: много золота потратила французская партія, чтобы склонить упрямыхъ; но саксонскія и русскія деньги и страхъ предъ русскимъ оружіемъ удержали ихъ на правомъ берегу Вислы. Какъ обѣ партіи старались превзойти другъ друга щедростью, видно изъ одной коротенькой записки на французскомъ языкѣ, безъ числа и подписи, сохранившейся въ бумагахъ оберштальмейстера и написанной, судя по почерку, саксонскимъ уполномоченнымъ Вакербартомъ Салмуромъ: „Я сейчасъ узналъ, что примасъ пошлетъ сегодня какого-то гданскаго суфрагана въ Венгровъ съ порученіемъ убѣдить 3 воеводства, которыя тамъ остановились, присоединиться къ другимъ. Сначала постараются ихъ поколебать угрозами, а потомъ станутъ имъ предлагать большія суммы денегъ. По этому-то я прошу В. Прев. поспѣшить отправкой нарочнаго, и отсылкой къ нимъ той суммы денегъ, о которой мы вчера условились съ этими воеводствами; а если нарочный еще не отправленъ, то по моему мнѣнію, не только полезно, но и необходимо послать еще лишнихъ 3000 червонцевъ къ г. майору (вѣроятно писавшій разумѣлъ Даревскаго или Ливена), чтобы дать ему средство противодѣйствовать интригамъ противной партіи.“

25-го августа былъ открытъ сеймъ. Примасъ отправился съ большой свитой въ церковь св. Іоанна и отслужилъ при содѣйствіи папскаго легата молебенъ.

Епископъ хелмскій сказалъ проповѣдь и увѣщевалъ всѣхъ къ согласію и единодушію. Потомъ сенаторы и послы отправились каждый въ свое мѣсто собранія. Послы приступили къ избранію маршала подъ предсѣдательствомъ Масальскаго, маршала прошлаго сейма, На сеймѣ избранія число депутатовъ или пословъ было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ сеймахъ. Но не всегда имъ приходилось избирать маршала; иногда онъ былъ избираемъ всѣмъ шляхѣтствомъ. съѣхавшимся въ Варшаву или какъ это называлось посполитствомъ. Такъ, напримѣръ, случилось во время избранія Августа II въ 1697 году*). И на сеймѣ 1733 года возникли споры о способѣ избранія маршала. Наконецъ было рѣшено не прибѣгать къ посполитству, чтобы выиграть время и провозгласить короля до прихода русскихъ войскъ.

Въ первый день сейма познанскій стольникъ Понинскій увѣдомилъ палату, что русскіе послы обнародовали манифестъ, въ которомъ утверждаютъ, что многіе Поляки просили императрицу о защитѣ. Понинскій потребовалъ, чтобы этотъ манифестъ, изданный отъ имени доброжелательныхъ Поляковъ былъ публично сожженъ, и чтобы каждый изъ членовъ сейма далъ отъ себя удостовѣреніе, что онъ не участвовалъ въ составленіи его. Онъ потребовалъ также, чтобы присяга, установленная на созывательномъ сеймѣ была взята со всѣхъ, которые еще не присягали. Въ преніяхъ объ этихъ требованіяхъ прошелъ весь первый день.

26-го числа Масальскій обходилъ воеводства, и записывалъ тѣхъ, которые еще не присягали. Въ этотъ день вниманіе сейма было занято споромъ, воз-

*) Massuet. H. des Rois de Pol. II. p. 165.

никшимъ между епископомъ виленскимъ и Понятовскимъ. Епископъ въ одной рѣчи упомянулъ, что Понятовскій причиной вторженія русскихъ войскъ и отдѣленія новогродекскаго воеводства. Понятовскій оскорбился и потребовалъ объясненія у епископа, который сослался на литовскаго казначея. Но Сапѣга объявилъ, что онъ этого никогда не говорилъ. Тогда воеводство мазовецкое, и депутаты отъ коронной арміи потребовали, чтобы епископа за клевету лишили сенаторскаго сана. Епископъ счелъ нужнымъ уѣхать изъ собранія. Третье засѣданіе прошло также даромъ. Депутаты нѣкоторыхъ воеводствъ, которые сидѣли далеко отъ Масальскаго потребовали, чтобы его кресло было перенесено на середину зала. Масальскій согласился. Но другіе депутаты объявили, что право сидѣть около кресла предсѣдательскаго принадлежитъ имъ и опять перетащили его на прежнее мѣсто.

Въ этотъ день произошла ссора, которая имѣла болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ безпрестанныя ссоры между послами и сенаторами. Одинъ посолъ изъ воеводства ленчицскаго подошелъ къ регименгарю литовскому Вишневецкому и спросилъ его, правда ли, что русскія войска вторгнулись въ Польшу и дошли уже до города Кейданъ. Вишневецкій подтвердилъ этотъ слухъ. „Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, возразилъ посолъ, что в. сіятельство находится здѣсь и не идетъ къ нимъ на встрѣчу съ литовскимъ войскомъ“. Я слишкомъ старъ и слабъ для этого, отвѣтилъ Вишневецкій. „Такъ откажитесь отъ вашей должности и передайте ее мнѣ“. Друзья регименгаря были такъ озлоблены этими словами посла, что бросились на него и убили бы его, если бы онъ не спасся. Началась ссора между Вишневецкимъ и приверженцами Станислава, которая кончилась тѣмъ, что Вишневецкій 29-го августа перешелъ въ Прагу на правую сторону Вислы со всѣми своими приверженцами и съ своей челядью (всего около 3000 чел.) и такимъ образомъ положилъ начало разъединенію на сеймѣ. Напрасны были всѣ попытки примаса уговорить литовскаго регименгаря возвратиться: послѣдній былъ очень радъ, что имѣлъ поводъ отдѣлиться отъ приверженцевъ Станислава. На всѣ просьбы онъ отвѣчалъ, что ему удобнѣе оставаться въ Прагѣ, потому что тамъ находится его дворецъ. За нимъ вскорѣ послѣдовали Любомирскій и епископъ познанскій Озій. Братья Левенвольды также отправились въ Прагу и пробыли тамъ 3 дня.

28-го числа приступили къ избранію маршала. Познанское воеводство, которое на очереди должно было подать первый голосъ, предложило подкоморія кіевскаго, Раджевскаго, свойственника Лещинскаго. Почти всѣ голоса были за Раджевскаго, только нѣкоторые были за Малаховскаго старосту опочинскаго. Къ концу дня у Раджевскаго было 690, у Малаховскаго 56 голосовъ.

На слѣдующій день очередь дошла до воеводства троцкаго. Одинъ изъ его депутатовъ объявилъ, что между его товарищами находятся три диссидента Забѣло, Аргинскій и Леханскій, и потребовалъ ихъ исключенія изъ числа пословъ; долго спорили объ этомъ, наконецъ диссиденты должны были уступить. Когда очередь дошла до воеводства ленчицскаго, одинъ изъ его пословъ потребовалъ, чтобы послѣ избранія новый маршалъ принялъ жалобу на регименгаря литовскаго за оскорбленіе, нанесенное имъ рыцарскому чину. Его предложеніе было принято. Малаховскій

замѣтилъ, что число голосовъ въ его пользу не прибавляется и отказался отъ нихъ, попросивши Масальскаго поблагодарить отъ его имени избирателей. Перевѣсъ остался на сторонѣ Раджевскаго. Но вслѣдствіе интригъ Левенвольда прошло еще нѣсколько дней, пока онъ былъ провозглашенъ маршаломъ. Оберштальмейстеръ зналъ, что приверженцы Лещинскаго спѣшатъ избраніемъ маршала, чтобы потомъ тотчасъ приступить къ провозглашенію короля, поэтому Левенвольдъ старался помѣшать избранію Раджевскаго въ надеждѣ, что къ тому времени подойдутъ русскія войска. По его разсчету они были уже близко. Онъ не зналъ, что Ласси долженъ былъ идти впередъ очень медленно, потому что Поляки сожгли и поломали всѣ мосты. Русскій передовой отрядъ могъ дѣлать въ сутки не болѣе двухъ миль. Въ отсутствіе русскихъ войскъ Левенвольдъ стращалъ по крайней мѣрѣ Поляковъ ихъ приближеніемъ тѣмъ болѣе, что приверженцы Лещинскаго старались убѣдить массу, что вѣсть о вторженіи русскихъ войскъ ложна. Левенвольдъ же распускалъ безпрестанно слухъ, что къ нему пріѣзжаютъ отъ Ласси одинъ курьеръ за другимъ. Чтобы придать дѣлу болѣе гласности, русскій посолъ предлагалъ нѣкоторымъ вельможамъ охранныя грамоты для ихъ имѣній, и даже самому Понятовскому. Но регименгарь отвѣтилъ, что онъ не желаетъ быть исключеніемъ, и хочетъ подвергнуться судьбѣ, которая постигнетъ его согражданъ. Извѣстіе это передается современными газетами. Оно кажется правдоподобнымъ, потому что Левенвольдъ дѣйствительно старался въ это время отдѣлить Понятовскаго отъ партіи примаса. Рудомина, орудіе примаса, говорилъ въ Петербургѣ, что Понятовскій и Чарторижскіе не получатъ на сеймѣ избранія никакихъ должностей. Русскій дворъ приказалъ своему послу воспользоваться этимъ, чтобы поссорить Чарторижскихъ съ Потоцкими.

Ссора, произведенная уходомъ Вишневецкаго благопріятствовала планамъ Левенвольда. Кастелянъ краковскій долженъ былъ постоянно слушать нападки на своего брата, и упреки, что регименгарь призвалъ русскія войска. Выведенный изъ терпѣнія, старый кастелянъ объявилъ, что онъ и его братъ готовы присягой доказать свою невинность, если другіе дадутъ клятву, что они не принимали иностраннаго золота. Наконецъ 2-го сентября Раджевскій былъ провозглашенъ маршаломъ. И на этотъ разъ не обошлось безъ кровопролитія; одинъ шляхтичъ получилъ ударъ саблей въ голову потому что подозрѣвали, что онъ своимъ протестомъ хочетъ дать русскимъ войскамъ возможность прійти въ Варшаву до окончанія избранія.

4-го сентября обѣ палаты соединились. Приближеніе русскихъ войскъ было уже такъ достовѣрно, что приверженцы Лещинскаго рѣшились издать манифестъ противъ тѣхъ, которыя призвали эти войска. Это былъ краснорѣчивый протестъ противъ иноземнаго вмѣшательства въ дѣло избранія и проклятіе тѣхъ членовъ Рѣчи Посполитой, которые накликали это бѣдствіе на свое отечество. „Рѣчь Посполитая“, было сказано въ манифестѣ, „смотритъ на тѣхъ, которые призвали иностранныя войска, какъ на породу зміевъ, обратившихся противъ своей собственной матери. Она ихъ отвергаетъ, вычеркиваетъ ихъ изъ книги бытія, изъ числа тѣхъ, которые выросли въ свободѣ, потому что они недостойны такого сокровища. Она ихъ отсѣкаетъ отъ себя какъ членовъ гнилыхъ и зараженныхъ адскимъ пламенемъ; она ихъ презираетъ какъ незакон-

ныхъ дѣтей, не имѣющихъ доли въ наслѣдствѣ своей матери, потому что они дерзнули поднять противъ нея свои окровавленныя руки. Она ихъ объявляетъ за враговъ отечества мятежниковъ, нечестивцевъ, и invidicabilia capita, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые впослѣдствіи къ нимъ присоединятся, будутъ съ ними переписываться и станутъ имъ помогать прямо или косвенно — всѣ они уголовные преступники предъ лицемъ своего отечества, потому что они ввели въ него иноземныя войска и затопили его потокомъ крови и слезъ. Ихъ имѣнія будутъ отобраны въ казну и отданы тѣмъ, которые пострадаютъ отъ непріятельскаго нашествія; дома, въ которыхъ они живутъ, будутъ срыты въ вѣчную память ихъ измѣны; они никогда не получатъ прощенія и никогда не будетъ возвращено имъ ихъ прежнее положеніе въ республикѣ, даже жены ихъ лишаются своихъ правъ и преимуществъ."

Этотъ манифестъ, обнародованный 4 сентября встревожилъ приверженцевъ Россіи и Саксоніи. 7-го сентября оба Вишневецкіе, Любомирскій, конюшей Радзивилъ, графъ Браницкій и Сѣдльницкій пришли къ вел. коронному маршалку и послали просить примаса, чтобы онъ пришелъ къ нимъ *). Въ это время присоединился къ нимъ епископъ краковскій. Примасъ явился въ сопровожденіи кастеляна троцкаго Огинскаго, епископа плоцкаго и другихъ. Любомирскій, всегда первый, когда нужно было дѣйствовать, обратился къ примасу съ словами: „Я пришелъ сюда и не выйду отсюда, пока не узнаю, что вы намѣрены дѣлать съ вашимъ манифестомъ. Если вы хотите привести его въ исполненіе, то вы должны написать еще другой манифестъ и привести его въ исполненіе противъ тѣхъ, которые

*) Изъ донесеній саксонскихъ пословъ, приложенныхъ къ рел. Лев.

хотятъ привлечь сюда Французовъ, Турокъ и Татаръ. У васъ тотъ слыветъ врагомъ отечества, кто не стоитъ за Станислава. Развѣ у насъ нѣтъ болѣе достойныхъ престола, чѣмъ Лещинскій,—вотъ напримѣръ кастеланъ краковскій, маршалъ литовскій (Сангушко). Я вамъ обявляю, что я не хочу такого кандидата, который навлекаетъ на насъ войну съ иностранцами. Вы жалуетесь, что русскія войска приближаются — кто этому виновникъ? Станиславъ. Вы говорите, что вы хотите изгнать Русскихъ — гдѣ ваши силы? Если у васъ ихъ нѣтъ, то придумайте другія средства, чтобы заставить ихъ удалиться. Ибо выйти противъ нихъ съ горстью людей, это значитъ подвергнуть Рѣчь Посполитую насмѣшкамъ цѣлаго свѣта. Но у васъ есть эти средства. Откажитесь отъ Станислава, возстановите уничтоженную свободу, сдѣлайте чтобы избраніе было свободно и законно и перестаньте говорить, что того, кто подастъ голосъ противъ Станислава, слѣдуетъ изрубить въ куски какъ врага отечества."

Любомирскій жаловался еще, что пакты конвенты, т. е. условія, на которыхъ Рѣчь Посполитая признавала избраннаго кандидата королемъ, еще не составлены и непересмотрѣны чинами, и что вопреки закону редакція ихъ отсрочена до избранія короля. „Я не допущу, говорилъ онъ, чтобъ потерпѣла свобода, и я готовъ пролить послѣднюю каплю крови за нее". Рѣчь эта нашла большое сочувствіе у многихъ, но конечно не убѣдила ни примаса ни его приверженцевъ.

Во время засѣданій сейма, каптурный судъ составилъ положеніе объ отъѣздѣ иностранныхъ пословъ и далъ имъ знать объ этомъ. Отъ имени его пришелъ къ саксонскимъ посламъ Понинскій и объявилъ имъ о рѣшеніи суда: „Такъ какъ каптурный судъ узналъ,

что саксонскіе коммиссары производятъ происки и козни, то онъ требуетъ, чтобъ они удалились изъ Варшавы". Послы отвѣтили, что они не коммиссары, а уполномоченные министры и протестуютъ противъ приговора суда. Они могутъ повиноваться только указамъ своего государя, теперь уже поздно послать къ нему курьера и испросить его разрѣшенія на отъѣздъ. Саксонскіе послы потребовали, чтобы у нихъ поставили караулъ, какъ у другихъ пословъ, и на другой день послали къ коронному маршалку, чтобы узнать исполнится ли ихъ просьба. Мнишекъ отвѣтилъ, что онъ объ этомъ доложитъ примасу.

Наканунѣ дня избранія, саксонскіе послы боясь взволнованной черни переѣхали во дворецъ цесарскаго посла. Тамъ же искали убѣжища братья Левенвольды, хотя у ихъ дворца стоялъ польскій караулъ изъ 12 человѣкъ. Они не разъ подвергались опасности жизни. Однажды на младшаго Левенвольда, ѣхавшаго въ каретѣ мимо дома примасова прицѣлился съ пистолетомъ одинъ польскій шляхтичъ и хотѣлъ дать выстрѣлъ, но порохъ вспыхнулъ только на одной полкѣ (какъ сказано въ донесеніи русскаго посла). Въ другой разъ тотъ же Левенвольдъ стоялъ у окна своего дворца съ австрійскимъ резидентомъ. На улицѣ раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла надъ самой головой посла и ударилась въ стѣну.

Старшій Левенвольдъ хотѣлъ выѣхать изъ Варшавы на встрѣчу генералу Ласси и послалъ ужъ впередъ свой багажъ. Но графъ Вилчекъ и самъ примасъ упросили его остаться. Примасъ принялъ грамоту императрицы еще до избранія маршала, но объявилъ, что онъ не можетъ дать отвѣта, потому что грамота написана также къ рыцарскому чину, который можетъ отвѣчать только чрезъ своего маршала. Примасъ просилъ Левенвольда приказать русскимъ войскамъ возвратиться. Онъ нарочно посылалъ къ нему кастеляна сондецкаго Морштина съ вопросомъ, „зачѣмъ русскія войска въ Польшу вступили и нельзя ли ихъ возвратить? Если русское правительство найдетъ, что Поляки не достойны дружбы своихъ сосѣдей, то оно всегда можетъ имъ объявить войну. Теперь никто еще не провозглашенъ королемъ и все это зависитъ отъ единодушія избирателей." Левенвольдъ отвѣтилъ, что причина вторженія русскихъ войскъ ясно изложена въ привезенной имъ грамотѣ; притомъ Поляковъ давно объ этомъ предупреждали. Возвратить войска не въ его власти. Войска эти приближаются не какъ непріятели и не причинятъ никому ни малѣйшаго вреда, пока Поляки сами не подадутъ къ этому повода. Впрочемъ во власти самихъ Поляковъ заставить войска возвратиться; но если они будутъ продолжать дѣйствовать въ пользу Станислава, то онъ за послѣдствія не ручается; русскія войска имѣютъ на этотъ случай именные указы, которые они приведутъ въ исполненіе.

Наконецъ 9-го сент. прибылъ въ Варшаву самъ Станиславъ. Чтобы обмануть его враговъ для его путешествія были приняты необыкновенныя предосторожности. 22-го августа онъ простился съ своей дочерью и съ королемъ Людовикомъ и отправился къ герцогу менскому въ Ссо, а оттуда въ Берни къ кардиналу Бисси. Сюда же пріѣхалъ командоръ Тіанжъ, изъ мальтійскихъ рыцарей. На другое утро рано Тіанжъ, который былъ очень похожъ на Станислава, надѣлъ его платье, сѣлъ въ его карету и поѣхалъ съ его свитой въ Шамбордъ, обыкновенное мѣстопребываніе

ОТДЕЛ СОРАН

Лещинскаго. Переночевавши въ Шамборѣ онъ отправился въ Бретань, проѣхалъ черезъ городъ Реннъ, что дало поводъ всѣмъ газетамъ объявить о проѣздѣ короля Станислава черезъ Реннъ, и въ деревнѣ Ланво, сѣлъ на приготовленную для него эскадру. Здѣсь онъ назвалъ себя и эскадра привѣтствовала его пушечными залпами, на которыя отвѣчали пушки изъ крѣпости Брестъ. Эскадра отправилась къ Зунду. Только комендантъ ея маркизъ Люзернъ и спутникъ Тіанжа Люинъ были посвящены въ тайну. Станиславъ между тѣмъ отправился въ сопровожденіи Данделота который говорилъ на 8 языкахъ въ Страсбургъ. Данделотъ выдавалъ себя за польскаго купца, а Станислава за его прикащика. Изъ Страсбурга они отправились верхами въ Мюнстеръ, а тамъ сѣли въ нѣмецкій дилижансъ и прибыли въ Берлинъ, гдѣ пересмотрѣли ихъ паспорты и отпустили дальше. Въ Франкфуртѣ на Одерѣ ихъ ждалъ племянникъ маркиза Монти, который посадилъ ихъ въ свою карету и въ ночь на 9-е сентября доставилъ въ Варшаву.

Русскій посолъ Ягужинскій подозрѣвалъ, что прусское правительство знало о проѣздѣ Станислава, „ибо, сказано въ его донесеніи, когда Станиславъ проѣзжалъ черезъ другія области онъ нигдѣ не останавливался, но ѣхалъ днемъ и ночью, а въ прусскихъ земляхъ онъ надежно ночи спалъ. Притомъ какъ бы онъ въ противномъ случаѣ рѣшился ѣхать черезъ Берлинъ.“ Въ день пріѣзда Лещинскаго въ Варшаву маркизъ Монти объявилъ, что Станиславъ благополучно прибылъ въ Гданскъ и находится на пути въ Варшаву. На другой день Станиславъ публично показался въ церкви Св. Креста своимъ старымъ друзьямъ и приверженцамъ, которые привѣтствовали его съ громкими кликами радости.

Чтобы ободрить приверженцевъ Станислава маркизъ Монти издалъ 4-го сентября объявленіе отъ имени своего короля, подписанное примасомъ. Посолъ обѣщалъ помощь Франціи. „Если, было сказано въ этомъ французскомъ манифестѣ, благородная польская шляхта нынѣ собранная, во уваженіе замѣчательныхъ добродѣтелей короля Станислава и услугъ, оказанныхъ имъ своему отечеству, а также во вниманіе нѣжныхъ узъ, соединяющихъ его съ его величествомъ моимъ королемъ—возведетъ Станислава на польскій престолъ единодушнымъ и единогласнымъ избраніемъ, то Е. В. король Франціи не только обязывается поддерживать своего тестя всѣми силами, дарованными ему Богомъ, но также въ случаѣ войны съ сосѣдними государствами заплатить Рѣчи Посполитой суммы на увеличеніе ея войска. Въ томъ случаѣ, если сосѣднія державы не вмѣшаются въ избраніе, король мой государь обѣщаетъ уплачивать изъ своей казны въ продолженіе 2 лѣтъ, считая съ марта мѣсяца 1734 года жалованье войскамъ коронному и литовскому, какъ оно установлено статутами 1717, а также заплатить Рѣчи Посполитой сумму, равняющуся доходу подати съ дыму, собираемой въ в. кн. литовскомъ.“ Станиславская партія нарочно разглашала ложные слухи, чтобы ободрить своихъ. Такъ напримѣръ, разсказывали въ Варшавѣ, что въ Гданскѣ высадился 10,000 корпусъ Французовъ, съ которымъ соединится вскорѣ отрядъ шведскій, и что императоръ заключилъ договоръ съ французскимъ королемъ. Напрасно графъ Вилчекъ старался убѣждать всѣхъ, что это не правда, ему не вѣрили.

Въ день пріѣзда Станислава, воевода кульмскій—Чапскій, черниговскій—Потулицкій, иновлацлавскій

—Шолдрскій и графы Цетнеръ и Ржевускій перешли на правую сторону Вислы. Примасъ имѣлъ намѣреніе провозгласить Станислава еще седьмаго, но это ему не удалось. Наконецъ 10-го начались приготовленія къ избранію. Сенатъ отправился въ такъ-называемую Шопу, деревянный огромный навѣсъ, построенный именно для этой цѣли въ полѣ между Варшавой и мѣстечкомъ Волой. Около навѣса расположилось посполитое рушеніе; всѣ шляхтичи верхами; всѣ воеводства и повѣты съ распущенными знаменами. Поле, на которомъ стояли избиратели было обведено рвомъ Число избирателей простиралось до 60,000. Оно могло бы быть и больше, если бы всѣ воеводства явились посполитымъ рушеніемъ; но отдаленныя и пограничныя прислали только депутатовъ. Вельможи объѣзжали ряды, чтобы узнать расположеніе избирателей. Когда Понятовскій съ своимъ зятемъ канцлеромъ Чарторижскимъ объѣзжали поле, нѣкоторыя воеводства великопольскія, а особенно люблинское привѣтствовали ихъ криками: да здравствуетъ Станиславъ. Кастеланъ краковскій также объѣзжалъ ряды, въ надеждѣ расположить къ себѣ избирателей; нѣкоторыя воеводства привѣтствовали его и кричали ему: мы надѣемся на васъ и мы исполнимъ, что вы намъ прикажете. Но воеводства великопольскія кричали: князь такой же интриганъ какъ его братъ.

Въ этотъ день по обычаю иностранные послы должны были быть допущены въ рыцарское „Коло“, чтобы предложить своихъ кандидатовъ. Но примасъ не позволилъ графу Вилчку явиться въ Коло, а далъ аудіенцію только папскому легату Мерлини-Паолуччи. Примасъ послалъ къ нунцію епископовъ виленскаго и хелмскаго съ своей каретой, около которой ѣхало

15 шляхтичей и 30 гвардейцевъ. Епископы объявили нунцію, что примасъ не можетъ позволить ему сѣсть по правую сторону, потому что во время избранія 1697 года примасъ Радзіевскій не позволилъ этого папскому легату. Нунцій возразилъ, что Давіа могъ на это согласиться, потому что Радзіевскій былъ кардиналъ, но онъ этого допустить не можетъ. Епископы послали спросить примаса, какъ имъ поступить и тотъ согласился посадить легата по правую сторону. Поѣздъ двинулся въ 12 часовъ. Впереди въ каретѣ примаса сидѣлъ легатъ отъ апостольскаго ребра, напротивъ его сидѣли епископы. Сзади ѣхала карета нунція пустая. Когда кареты подъѣхали къ Колу, нунція встрѣтилъ коронный референдарь Залусскій. При входѣ въ коло маршалъ сейма и в. коронный маршалъ привѣтствовали нунція и подвели его къ примасу. Примасъ сдѣлалъ 4 шага къ нему на встрѣчу. Нунцій сѣлъ по правую сторону его и подалъ ему два письма отъ его святѣйшества, одно къ сенаторамъ, другое къ рыцарскому чину. Во время передачи писемъ оба обнажили головы, потомъ опять накрылись. Примасъ отдалъ первое письмо коронному референдарю, а второе маршалу сейма. Референдарь прочелъ сенату письмо, а маршалъ заставилъ читать референдаря сейма. Содержаніе обоихъ писемъ было одинаково. Папа увѣщевалъ сеймъ избрать такого кандидата, который бы сохранилъ въ Польшѣ миръ и согласіе (т. е. курфирста). Когда было прочтено письмо къ сенату, примасъ поблагодарилъ нунція, но такъ тихо, что никто не слыхалъ его словъ. Маршалъ благодарилъ отъ имени рыцарскаго чина. Только 14 сенаторовъ присутствовали при аудіенціи, 6 епископовъ и 8 свѣтскихъ сенаторовъ.

На другой день 11-го сент. примасъ долженъ былъ собрать голоса. Утромъ отъѣхавшіе на правый берегъ Вислы прислали протестъ противъ избранія Станислава. Но примасъ успокоилъ собраніе, объявивши, что протестъ имѣетъ только тогда законную силу, если онъ высказанъ на полѣ избранія въ рыцарскомъ Колѣ. Отсутствующіе не могутъ протестовать. Примасъ началъ верхомъ объѣзжать ряды избирателей и спрашивалъ, кого они хотятъ королемъ. Почти вездѣ раздавался громкій крикъ — да здраствуетъ Станиславъ. Только кое-гдѣ слышался слабый крикъ, да здравствуетъ кастелянъ краковскій Вишневецкій. Противники примаса обвиняли его потомъ, что онъ вовсе не спрашивалъ тѣхъ, которые были открыто противъ Станислава, и если онъ подозрѣвалъ какую-нибудь хорунжу въ нерасположеніи къ Станиславу, то быстро скакалъ мимо нея, и при этомъ его свита, состоявшая изъ 300 до 400 шляхтичей безпрестанно кричала да здравствуетъ Станиславъ. Эти крики и звуки трубъ и роговъ совершенно заглушали крики противниковъ. Объѣздъ примаса продолжался 8 часовъ, не смотря на сильный дождь и всетаки онъ не успѣлъ спросить всѣ воеводства. Приверженцы курфирста разсказываютъ, что въ этотъ день протестовало 40 хорунжъ противъ Станислава, (Но имени курфирста никто не произносилъ). Когда примасъ подъѣхалъ къ воеводству сандомирскому, воевода Любомирскій, кастелянъ радомскій и староста опочинскій—Малаховскій (соперникъ Раджевскаго) протестовали противъ Станислава. 9 изъ 11 хорунжъ сандомирскихъ поддержали своего воеводу. Примасъ спросилъ Любомирскаго и кастеляна за кого же они? они отвѣтили, что они за того, кто не навлечетъ на

нихъ войны, а Малаховскій сбросилъ свой плащь на землю, раскрылъ грудь и сказалъ примасу громкимъ голосомъ: „Здѣсь грозятъ изрубить въ куски того, кто протестуетъ противъ Станислава — вотъ я протестую противъ его избранія, потому что онъ нашими законами объявленъ за врага отечества. Гдѣ его заслуги? Развѣ это его заслуги, что онъ съ помощію Шведовъ опустошилъ наше королевство? Я повторяю, что я протестую. Кто посмѣетъ изрубить меня въ куски?“

Не смотря на это къ вечеру того дня огромное большинство было за Станислава; ночью протестовавшіе ушли въ Прагу и присоединились къ воеводствамъ новогродекскому и минскому. Всѣхъ сенаторовъ перебравшихся въ Прагу было около 20, а свита ихъ составляла около 4,000 человѣкъ. Утромъ 12-го на правый берегъ перешелъ кн. Сангушко, который до этого времени ожидалъ, что часть голосовъ можетъ быть будетъ въ его пользу. Въ это время примасъ посылалъ къ регименту Вишневецкому и просилъ его возвратиться, но тотъ отвѣтилъ, что онъ не здоровъ. Примасъ продолжалъ собирать голоса. Такъ какъ поле ночью очистилось отъ приверженцевъ курфирста, то всѣ были за Станислава. Но примасъ медлилъ провозглашеніемъ, не смотря на просьбы окружавшихъ и крики толпы. Желая оправдать себя передъ свѣтомъ, онъ отправилъ еще одну депутацію въ Прагу съ просьбой, чтобы находившаяся тамъ шляхта присоединилась къ избирателямъ. Въ Прагу отправились епископъ хелмскій Шанявскій Понинскій—стольникъ познанскій и другіе. Примасъ ждалъ отвѣта до 4 часовъ вечера. Приверженцы Станислава настаивали, чтобы онъ провозгласилъ коро-

ля и наконецъ примасъ, не дождавшись возвращенія депутаціи произнесъ слѣдующія слова: „Такъ какъ Царю царей было угодно, чтобы всѣ голоса единодушно были за *Станислава Лещинскаго*, я провозглашаю его королемъ польскимъ, великимъ кн. литовскимъ, и государемъ всѣхъ областей, принадлежащихъ этому королевству.“ Всѣ присутствующіе до 60,000 закричали, да здравствуетъ король Станиславъ Лещинскій. 18 пушекъ, вывезенныхъ изъ арсенала, тремя залпами возвѣстили польскому народу объ избраніи новаго короля. Шляхтичи, собранные въ Колѣ и слуги ихъ, толпившіеся около него болѣе получаса стрѣляли въ знакъ удовольствія изъ своихъ ружей и пистолетовъ. Многіе стрѣляли изъ заряженныхъ ружей и при этомъ случилось нѣсколько несчастій. Между прочимъ былъ убитъ своими товарищами Галецкій, староста рѣчицкій.

И это королевское избраніе, какъ всѣ другія не обошлось безъ патетическихъ сценъ. Приверженцы Станислава разсказываютъ, что когда всѣ были согласны провозгласить короля, одинъ только шляхтичъ, Каминскій изъ Волыни произнесъ роковое слово„ вето“. Чтобы отсрочить провозглашеніе онъ повергалъ въ опасность свое отечество и уничтожалъ силу голосовъ, поданныхъ цѣлой націей. Его просили, его умоляли, все было напрасно; ему представляли, что слѣдующіе два дня праздники, и что нужно приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Русскихъ. Наконецъ онъ уступилъ просьбамъ и сообразовался съ общимъ желаніемъ. По крайней мѣрѣ такъ гласитъ разсказъ приверженцевъ Станислава.

Съ поля избранія примасъ отправился со всѣмъ сенатомъ въ Варшаву, и повелъ новоизбраннаго ко-

роля въ церковь св. Іоанна, гдѣ отслужили торжественный молебенъ; послѣ чего король Станиславъ сталъ принимать поздравленія. Вечеромъ король переѣхалъ въ замокъ; приверженцы курфирста, разсказываютъ, что подошедши къ окну, которое выходило на востокъ и увидавши на другой сторонѣ рѣки хорунжи протестовавшихъ, которые тамъ расположились, онъ спросилъ, не Литовцы ли это, и развѣ они не участвовали въ провозглашеніи его королемъ. Ему отвѣчали, что большая часть изъ нихъ дѣйствительно Литовцы, и что они не хотѣли присутствовать при его провозглашеніи. Тогда онъ, будтобы, опечалился и сказалъ: „Примасъ говорилъ мнѣ совершенно другое“. Съ этой минуты онъ сталъ выражать свое неудовольстіе примасу, Понятовскому, Тарлу, Потоцкому и маркизу Монти, которые увѣрили его, что Поляки единодушно желаютъ его провозгласить королемъ. Этотъ разсказъ невѣроятенъ самъ по себѣ, притомъ онъ опровергается другимъ извѣстіемъ, по которому Станиславъ еще до избранія хотѣлъ отправиться въ Прагу, чтобы убѣдить Вишневецкаго присоединиться къ большинству, но былъ остановленъ своими приверженцами. На другой день послѣ избранія еще нѣкоторые вельможи, которыхъ до того времени удерживали въ Варшавѣ надежда на личный успѣхъ или любопытство перешли въ Прагу. Кастелянъ краковскій, Любомирскій, воевода сандомирскій, Липскій епископъ краковскій, Шембекъ епископъ куявскій, Огинскій воевода троцкій. Къ послѣднему относится маленькая записка безъ подписи, находящаяся въ бумагахъ оберштальмейстера, слѣдующаго содержанія: Господинъ воевода троцкій не отвѣчалъ на мой визитъ. Можетъ-быть ему совѣстно быть у меня, пото-

му что онъ долженъ получить отъ меня извѣстные вамъ 500 червонцевъ. Поэтому я присылаю ихъ вашему превосходительству съ просьбой передать ихъ воеводѣ троцкому.“

Въ тоже самое время въ Прагу была отправлена новая депутація, состоявшая изъ воеводъ волынскаго и подольскаго; они должны были убѣдить протестовавшихъ признать избраннаго короля и назначить имъ для этого трехдневный срокъ. Но противники Станислава вмѣсто отвѣта сочинили новый манифестъ, въ которомъ они жаловались на уничтоженіе liberum veto. Они хотѣли также обязать другъ друга присягой никогда не признавать Станислава королемъ. Но многіе вельможи не согласились дать присягу и уѣхали домой. Часть литовской арміи составила особенную конфедерацію противъ регименгаря и выбрала своимъ главой стражника Поцѣя. Между обѣими партіями дошло до кровопролитія. Противники Станислава имѣли намѣреніе тотчасъ послѣ избранія маршала, не дожидаясь провозглашенія Станислава отступить къ Бресту литовскому. Теперь они рѣшились идти на встрѣчу къ русскимъ войскамъ. Чтобы коронная армія не могла преслѣдовать ихъ, они сломали часть моста, брошеннаго черезъ Вислу между Прагой и Варшавой. Но коронная армія починила мостъ, перешла на правую сторону и напала на отступающихъ, она захватила багажъ Любомирскаго, Вишевецкаго, Радзивила и взяла въ плѣнъ Завишу воеводу минскаго, который былъ боленъ и находился по этому при обозѣ. Но онъ успѣлъ бѣжать изъ плѣна, а король велѣлъ возвратить багажъ. Полкъ литовской гвардіи во время отступленія выстроился въ каре и оказалъ такое храброе сопротивленіе, что коронная армія не рѣшилась преслѣдовать отступающихъ. Они остановились ночевать въ Оконевѣ и оттуда отправили письмо къ коронному маршалку, въ которомъ жаловались на разграбленіе багажа и нарушеніе правъ шляхетскихъ. 16-го числа они прибыли въ Венгровъ, гдѣ ихъ ожидалъ воевода подляшскій съ драгунскимъ полкомъ и 6 хорунжами польскими. Здѣсь они рѣшились дожидаться прихода русскихъ войскъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ сожгли по обычаю Шопу и распустили 15-го числа сеймъ. Осталось только нѣсколько депутатовъ при королѣ въ качествѣ совѣтниковъ. Было рѣшено дать противникамъ еще трехдневный срокъ, а послѣ этого объявить ихъ врагами отечества. Приготовили универсалы отъ имени новаго короля, который объявлялъ посполитое рушеніе и приказывалъ всему шляхетству сѣсть на коня. Изъ кабинета былъ отправленъ указъ объ увеличеніи коронной арміи на 100 хорунжъ; каждая должа была состоять изъ 100 всадниковъ.

Къ 19-му окончили редакцію пактовъ конвентовъ или условій. Король послѣ молебна поклялся примасу у алтаря соблюдать пакты, и получилъ тогда изъ рукъ Раджевскаго сеймоваго маршала свой королевскій дипломъ.

Но королю нельзя было оставаться въ Варшавѣ; городъ былъ не укрѣпленъ и коронная армія была малочисленна и въ совершенномъ разстройствѣ. Король рѣшился отправиться въ Гданскъ и ожидать тамъ дѣйствія своихъ универсаловъ и помощи отъ своего зятя. Онъ выѣхалъ туда 22-го сен. За нимъ поѣхали примасъ, всѣ вельможи, французскій и шведскій послы. Передъ отъѣздомъ короля Понятовскій отказался отъ должности короннаго регименгаря и ко-

роль передалъ ее кіевскому воеводѣ Потоцкому. Городъ Варшава былъ въ большомъ волненіи, когда уѣхали всѣ вельможи и остались только Потоцкій и Тарло. Новый регименгарь приказалъ сломать мостъ черезъ Вислу и перевести на лѣвую сторону всѣ лодки и барки.

Между тѣмъ братья Левенвольды и саксонскіе послы подвергались въ Варшавѣ большой опасности, не смотря на то, что они жили во дворцѣ императорскаго посла. Дворецъ посла былъ окруженъ крѣпкимъ карауломъ и туда ничего не впускали безъ тщательнаго осмотра. Даже хлѣбы разрѣзывали по поламъ. Къ русскимъ посламъ рѣшительно никого не пускали. Курьеръ Кригъ, ѣхавшій изъ Петербурга былъ остановленъ и всѣ бумаги у него отняты. Черезъ три дня только Левенвольдъ узналъ о случившемся и потребовалъ бумаги. Ему принесли рескриптъ императрицы распечатанный. Точно также были остановлены всѣ курьеры (до 20 человѣкъ) отправленные Левенвольдомъ или присланные къ нему отъ Ласси. Чтобы разобрать шифры были употреблены самыя разнообразныя средства: собрали всѣхъ Армянъ, Грековъ и разныя ученыя духовныя лица и поручили имъ прочесть письмо.

18-го числа прислали сказать русскимъ и саксонскимъ посламъ, чтобы они въ 24 часа выѣхали изъ города. Они отвѣтили, что они не предпринимаютъ ничего враждебнаго и переѣхали къ императорскому послу, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе. Когда прошелъ срокъ, явился одинъ польскій полковникъ къ дому австрійскаго посла и объявилъ, что имъ дается только 3 часа срока. Послѣ этого собралась вооруженная толпа около дома, но по просьбамъ папскаго нунція опять разошлась. За то дворецъ Левенвольда былъ совершенно разграбленъ; корнетъ Таубе, вахтмистръ, 22 конныхъ гвардейца и 120 лошадей принадлежавшихъ солдатамъ и частью посламъ были отведены въ лагерь Потоцкаго.

Противъ саксонскаго дворца былъ отправленъ отрядъ польскаго войска съ 6 пушками. Поляки требовали, чтобы ихъ впустили во дворецъ, подъ предлогомъ, что тамъ спрятаны русскіе солдаты. Получивши отказъ они начали стрѣлять изъ пушекъ, разбили ворота и хотѣли ворваться; но саксонскіе офицеры, защищавшіе дворецъ съ сотнею солдатъ дали изъ оконъ залпъ и убили и ранили около 40 человѣкъ. Поляки отступили. При посредничествѣ нунція была наконецъ заключена капитуляція, въ силу которой дворецъ былъ отданъ Полякамъ, чиновникамъ и служителямъ посольскимъ было предоставлено право или остаться во дворцѣ или перейти къ австрійскому послу. Офицеры же и солдаты должны были выйти съ военными почестями и отправиться по кратчайшей дорогѣ въ Саксонію, обязавшись никогда не служить противъ Рѣчи Посполитой.

Еще 12 дней члены русскаго посольства находились въ тѣсномъ заключеніи. Наконецъ 30-го сентября они свободно вздохнули. На правомъ берегу Вислы показались русскія знамена.

Генералъ Ласси хотѣлъ тотчасъ перейти черезъ Вислу, но Потоцкій разставилъ батареи на лѣвомъ берегу рѣки и стрѣлялъ въ польскихъ крестьянъ, которымъ было приказано свозить на берегъ лѣсъ, необходимый для постройки моста. Такъ какъ у Потоцкаго было не болѣе 5000 войска, то русскіе могли бы перейти черезъ рѣку, не смотря на сопротивленіе Поляковъ, но Ласси боялся потерять слишкомъ много

времени. Ему хотѣлось провозгласить курфирста королемъ еще до истеченія 6 недѣль, назначенныхъ для сейма избранія, а съ 25 августа прошло уже 5 недѣль. Притомъ разногласіе, возникшее между вельможами, находившимися въ русскомъ лагерѣ также заставляло его спѣшить. Многіе изъ вельможъ надѣялись сами получить польскую корону, и не видѣли необходимости провозгласить курфирста саксонскаго *).

Подкрѣпленная русскимъ генераломъ, партія стоявшая за курфирста одержала перевѣсъ и 5-го октября польскіе и литовскіе вельможи собрались съ своей свитой въ Гроховѣ и наскоро построили Коло на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 160 лѣтъ предъ тѣмъ былъ приверженцами Франціи провозглашенъ польскимъ королемъ принцъ Генрихъ Валуа. Приверженцы Станислава по томъ смѣялись надъ избирателями Августа и говорили, что „они ушедши въ Прагу избрали своего короля, устроивши изъ корчмы Шопу и, сдѣлавши изъ публичной дороги окопы, какъ идолопоклонники дѣлаютъ себѣ бога изъ мѣсяца или изъ барана“. Русское войско удалилось на нѣсколько верстъ отъ Грохова, чтобы, какъ говорили приверженцы Августа, избраніе короля происходило безъ стѣсненія и не подъ страхомъ иноземнаго оружія. Когда все было готово, князь Любомирскій сказалъ рѣчь, въ которой онъ доказывалъ, что избраніе Станислава не имѣетъ законной силы, ибо оно противно законамъ и уставамъ Рѣчи Посполитой, онъ требовалъ другаго избранія, при которомъ бы не были

*) Мы не нашли въ польскихъ дѣлахъ хран. въ Моск. Гл. Ар. И. Д. донесенія Ласси о провозглашеніи королемъ Августа III, на которое ссылается оберштальмейстеръ Левенвольдъ въ своихъ реляціяхъ, иноэтому принуждены разсказать объ его избраніи только вкратцѣ.

нарушены права и привилегіи польской шляхты. Послѣ этого приступили къ избранію маршала и выборъ палъ на инстигатора коронnаго Понинскаго. Епископъ познанскій спросилъ присутствующихъ, кого они желаютъ въ короли. Любомирскій первый громко воскликнулъ Vivat Rex Augustus Tertius, да здравствуетъ король Августъ III Всѣ присутствующіе повторили его слова и епископъ провозгласилъ тогда Фридриха Августа III королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Затѣмъ избиратели отправились въ Прагу и отслужили благодарственный молебенъ въ церкви Бернардинцевъ. При этомъ вмѣсто польскихъ пушекъ, русскія пушки тремя залпами дали знать польскому народу о счастливомъ избраніи новаго короля, а русское войско выставленное въ линію тремя шеренгами привѣтствовало новаго короля троекратнымъ пелотоннымъ огнемъ. При провозглашеніи Августа III присутствовало около 20 сенаторовъ: епископы краковскій, познанскій и куявскій, братья Вишневецкіе, Любомирскій, воевода новогродекскій Радзивилъ, зять его воевода минскій Завиша, двоюродный братъ его великій конюшій литовскій Радзивилъ, воеводы троцкій, кульмскій и черниговскій Огинскій, Чапскій и Потулицкій, графъ Цетнеръ, кравчій коронной Ржевускій, надворный маршалъ литовскій князь Сангушко, кастелянъ радомскій, староста краковскій, Фрезеръ—секретарь конфедераціи, нѣсколько другихъ кастеляновъ и старостъ и около 4000 шляхтичей.

Съ поля избранія они отправили въ Дрезденъ старосту литовскаго съ дипломомъ объ избраніи на польскій престолъ Августа III.

Мы останавливаемся въ нашемъ разсказѣ. Вопросъ, кому царствовать въ Польшѣ, королю ли избранному народомъ или королю, назначенному иноземцами, былъ рѣшенъ. Оставалось только вооруженной рукой заставить Поляковъ признать саксонскаго курфирста своимъ королемъ и изгнать Станислава Лещинскаго изъ Гданска, послѣдняго убѣжища его на родной сторонѣ. Все это было сдѣлано въ теченіи двухъ лѣтъ и тогда для Польши наступило время совершеннаго затишья—затишья продолжительнаго, только отъ времени до времени прерываемаго бурными, но безплодными польскими сеймами, на которыхъ шляхтичи горячились противъ своего флегматическаго короля, противъ его всемогущаго любимца Бриля, противъ своихъ соотечественниковъ диссидентовъ и противъ сосѣднихъ державъ, которыя, не смотря на нейтралитетъ Польши во время семилѣтней войны, устроивали въ ней свои военные магазины, и отнимали ихъ другъ у друга вооруженной силой.

Но среди этого затишья—продолжалась, скрытая отъ глазъ современниковъ работа историческихъ силъ, которыя слагаютъ жизнь народа и опредѣляютъ его судьбу. Время шло впередъ быстро, неумолимо; и Польша приближалась къ развязкѣ, которая ждала ее въ концѣ столѣтія.

Насталъ и конецъ XVIII столѣтія. Многое унесло оно съ собою и повергло въ безбрежный океанъ прошедшаго, откуда нѣтъ возврата. Тысячилѣтнія царства разсыпались, вѣковыя учрежденія и освященныя временемъ предразсудки исчезали предъ разрушительной бурей временъ.

Но буря была страшна только для дряхлаго и обветшалаго; все здоровое, все что носило въ себѣ задатки жизни было пощажено и призвано къ новому развитію. Ибо формы бытія измѣнчивы и преходящи, но нерушима и вѣчна—самая жизнь.

СТИЛЬ СОРАТ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

© ГПНТБ СО РАН

Нѣсколько словъ объ источникахъ.

О междуцарствіи 1733 года нѣтъ ни одной монографіи, а писатели, излагавшіе общую исторію XVIII вѣка, только мимоходомъ касаются этого событія, на сколько это имъ необходимо для объясненія европейскихъ дѣлъ болѣе ихъ интересующихъ. Въ польской литературѣ XVIII вѣкъ менѣе обработанъ, чѣмъ предшествующіе ему, а матеріалъ обнародованный относится или къ началу или къ концу столѣтія. Изъ сочиненій, современныхъ самому междуцарствію первое мѣсто заслуживаетъ Массюэта—Исторія польскихъ королей, изданная въ 1734 году на французскомъ языкѣ. Конецъ III тома, и весь четвертый относятся къ междуцарствію. Тѣ главы сочиненія Массюэта, въ которой излагаются событія 1733 года составлены по извѣстіямъ, печатавшимся въ Амстердамской газетѣ, лучшемъ періодическомъ изданіи того времени. Массюэтъ цѣликомъ выписывалъ страницы изъ газеты, дополняя свой разсказъ изложеніемъ содержанія брошюръ, манифестовъ, декларацій наиболѣе замѣчательныхъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ данныхъ, по которымъ онъ могъ соразмѣрять истину, передаваемыхъ имъ извѣстій, то онъ часто помѣщалъ рядомъ противорѣчащіе другъ другу отзывы. Поэтому изъ книги его нельзя вынести опредѣленнаго впечатлѣнія и читается она съ большимъ трудомъ. Сочиненіе Амандъ де Ла Шапеля (Mémoires de Pologne par le S-r Amand de la Chapelle 1737) не болѣе какъ извлеченіе изъ Массюэта или изъ газетъ 1733 года. Разсказъ о самомъ междуцарствіи занимаетъ только 85 маленькихъ страницъ. Въ біографіяхъ Станислава Лещинскаго, которыхъ въ прошломъ столѣтіи вышло

© ГПНТБ СО РАН

довольно много о междуцарствіи и второмъ воцареніи Станислава говорится весьма кратко. Первая изъ этихъ біографій, которая послужила родоначальницей всѣмъ прочимъ вышла въ 1734 году. По смерти Лещинскаго она вышла новымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: Leben des wohlthatigen Philosophen oder vollstandige Lebensgeschichte Stan. Lesczynsky. Von dem Verf. der Historisch. Genealogischen Nachrichten 1767. Другая біографія: Leben St. I Konigs von Polen 1738 приписывается Зейлеру, ректору въ городѣ Эльбингѣ. О третьей біографіи: Merkwurdigstes Leben und Schicksal des weltbekannten Konigs St. и т. д. v. M. R. (Michael Ranft) въ Bibliotheca Historica Мейзела помѣщенъ слѣдующій отзывъ: Compilatio lectu prorsus indigna. Французскія біографіи Лещинскаго или ничто иное какъ переводъ вышеупомянутыхъ или точно также бѣдны матеріаломъ для исторіи 1733 г. Лучшая изъ нихъ: La Vie de St. Les. le Bienfaisant.... par M. (Aubert) Avocat aux conseils du Roi de Pologne. 1769. Польскія біографіи переводы или съ нѣмецкихъ или съ французскихъ. Послѣдняя, вышедшая въ 1859 г. подъ заглавіемъ: Ст. Лещ. и Польша въ первой половинѣ XVIII вѣка, имѣетъ много достоинствъ. Но не говоря уже о патріотическомъ чувствѣ автора, которое заставляетъ его видѣть въ Лещинскомъ героя, она не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ.

Въ періодическихъ изданіяхъ XVIII вѣка, также нельзя найти много матеріала. Болѣе всего можно еще извлечь изъ Mercure Français, издававшагося знаменитымъ Rousset, изъ Historische Staats und Kriegs Schau Bühne и изъ Genealogischer Archivarius v. M. R. 1734.

Въ 1733 году вышло огромное множество брошюръ и памфлетовъ, характеризующихъ взгляды различныхъ партій, но они не заключаютъ въ себѣ историческаго матеріала.

Изъ всего этого видно, что нельзя написать монографію о Лещинскомъ или о междуцарствіи 1733 года безъ помощи архивскихъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи должны быть особенно интересны архивы парижскій, дрезденскій и вѣнскій. Что касается до московскаго архива, то часть его сокровищъ

относящихся къ 1733 году уже напечатана. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Коллегія Ин. Дѣлъ предписала составить въ архивѣ за объ избраніи Августа III и въ 1775 году Бантышъ-Каменскій представилъ пространную «выписку» объ этомъ дѣлѣ. Эта выписка напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1741 года. Къ сожалѣнію большая часть реляцій и рескриптовъ напечатаны не цѣликомъ, а въ отрывкахъ и иногда пропущены Б. Каменскимъ самыя интересныя мѣста, такъ, напримѣръ, пропущено все, что касается до Курляндіи. Кромѣ того отрывки изъ реляцій Левенвольда напечатаны въ переводѣ, сдѣланномъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1733 г. Такъ какъ русскій книжный языкъ въ то время еще не установился, то переводъ этотъ очень тяжелъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непонятенъ.

Изъ рукописей, которыми владѣетъ императорская публичная библіотека въ Петербургѣ, не многія могутъ служить источникомъ для исторіи междуцарствія. Всѣхъ болѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи польская рукопись подъ № 157, но авторъ ея начинаетъ свой разсказъ только съ осени 1733 года и интересуется преимущественно военными событіями.

Что касается до Приложеній напечатанныхъ нами, то главное въ нихъ мѣсто занимаютъ реляціи камергера Ф. К. Левенвольда изъ Варшавы. Въ выпискѣ Б. Каменскаго напечатано только нѣсколько отрывковъ и то не изъ всѣхъ. Мы напечатали ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, исключая рел. отъ 16 ап., нѣмецкій оригиналъ, которой не сохранился и рел. отъ 2 апр. Такъ какъ большая часть послѣдней напечатана въ Р. Вѣстникѣ, то мы сочли нужнымъ только дополнить пропущенныя мѣста. Въ реляціи отъ 8 фев. мы пропустили нѣсколько строкъ, въ которыхъ говорится о полученныхъ векселяхъ и повторяется сказанное въ другомъ мѣстѣ.

Въ письмахъ Даревскаго мы также пропускали только мѣста, гдѣ онъ повторяетъ то, что было имъ сказано прежде или о чемъ упоминается въ реляціяхъ Левенвольда. Подполковникъ Даревскій былъ сначала ревностнымъ привержен-

цемъ Лещинскаго; онъ былъ пажомъ въ домѣ матери Станислава. Когда Лещинскій долженъ былъ бѣжать изъ Польши, Даревскій вступилъ въ шведскую армію. По смерти Карла XII, онъ не могъ или не хотѣлъ возвратиться въ Польшу и поступилъ вмѣстѣ съ Урбановичемъ въ русскую службу. Въ своей запискѣ, изъ которой мы заимствуемъ эти подробности, онъ объясняетъ этотъ поступокъ своей преданностью къ Лещинскому. „Ибо, говоритъ онъ, въ 1718 г. русское правительство имѣло намѣреніе сблизиться съ Станиславомъ (это совершенно справедливо) и я нигдѣ не могъ быть такъ полезенъ моему королю, какъ въ русской службѣ». Урбановичъ и Даревскій пользовались расположеніемъ Меншикова, но когда послѣдній палъ, они потеряли надежду на возвышеніе. Урбановичъ былъ посланъ въ Горыгорки для управленія имѣніями Меншикова, а Даревскій возвратился въ Литву. Здѣсь онъ сблизился съ приверженцами Лещинскаго. Они поручили ему съѣздить въ Шамборъ, чтобы отъ имени ихъ вступить въ сношенія съ Лещинскимъ и французскимъ правительствомъ. Гетманъ литовскій обѣщалъ по смерти Августа встрѣтить Лещинскаго на границѣ съ своимъ войскомъ и признать его королемъ. Но приверженцы Лещинскаго опасались, что Августъ, составивши себѣ партію посредствомъ роздачи главныхъ должностей, провозгласитъ при жизни своего сына преемникомъ. Имъ нужно было поэтому стараться разрывать всѣ сеймы, но для этого были потребны большія суммы денегъ, которыя они надѣялись получить отъ Станислава и французскаго двора. Даревскій былъ принятъ въ Шамборѣ очень ласково, но Станиславъ разыгралъ философа, говоря, что онъ не ищетъ почестей мира сего, а все предоставляетъ Богу: что касается до денегъ, то онъ не можетъ ихъ дать, ибо знаетъ по опыту, что это ни къ чему не поведетъ. Даревскаго обласкали и уговорили остаться во Франціи, какъ человѣка знакомаго съ польскими дѣлами и съ намѣреніями русскаго правительства. Самъ Шовеленъ уговаривалъ его остаться. Даревскій согласился, но какъ велико было его удивленіе,

когда вмѣсто ожидаемой награды его сдѣлали gentilhomme de la cour de la Reine въ Шамборѣ и назначили ему 1000 фр. жалованья. Онъ сталъ требовать мѣста въ французской арміи, ему отказали. Станиславъ не хотѣлъ ему даже заплатить денегъ, издержанныхъ имъ на путешествіе изъ Литвы, подъ предлогомъ, что никто его не звалъ. Между королемъ и Даревскимъ началась переписка, которая обоихъ еще болѣе раздражила. Кончилось тѣмъ, что Даревскій уѣхалъ изъ Франціи, перешелъ снова въ русскую службу и составилъ для русскихъ министровъ подробную записку обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Шамборѣ и Версали.

Примѣчаніе. На стр. 198 послѣ слова *Кинперну* на 9 строчкѣ пропущены слова: *и русскому послу написать возраженіе. Возраженіе Левенвольда получило предпочтеніе; оно было переведено* и т. д. На строчкахъ 14 и 25 вмѣсто *австрійскій* слѣдуетъ читать *иностранный*.

СПЕЦ СОБАН

I. Письмо къ Бирону отъ Прусскаго короля Фридриха Вильгельма I, въ которомъ онъ ему обѣщаетъ 200,000 т., если Биронъ доставитъ его второму сыну герцогство Курляндское.

Hochwollgeborner, Besonders lieber Herr Graf.

Ich habe in consideration der viel(fal)tigen Mühe und erspriesslichen Bemühungen, so der Herr Ober-cammerer bishero, zu beständiger und sorgfältiger Unterhalt- und cultivirung der zwischen Ihrer Russisch, Kaiserlichen M. und Mir glücklich florirenden Freundschaft, angewandt, und dergl. Ich auch ferner von Ihm in sicherem Vertrauen erwarte, mich entschlossen, ihm davor ein neues Denkmal Meiner Ihn zutragenden konigl. Gnade und propension zu stiften, dergestalt, dass wann, zufolge der, zwischen Ihro Kön-Kays. M., Ihrer M. Der Kayserinn von allen Reussen, und Mir, deshalb genommenen verbindlichen Abrede, Meines zweyten Sohnes und konigl. Printzen, August Wilhelms Liebd., oder allenfals einer von desselben Ihm, in der Geburthsordnung folgenden Bruderen, zum Hertzoge von Curlandt, durch selbigen Herzogthumbs Ritterschaft und Stände gewehlet, und darauf zum würklichen und ruhigen Besitz des Hertzogthumbs Curlandt gelanget sein wirdt, Ich dem Herrn Graffen so fort ein Praesent von zwey mahl hundert Tausendt Th. hiesigen Geldes, allhier in Berlin in einer unzertrennten Summe, zahlen lassen will, allermassen ich solches dem Herrn Graffen hierdurch auf das Bundigste verspreche, auch sonst keine Gelegenheit aus Handen gehen lassen

© ГПНТБ СО РАН

werde die besondere estime und consideration zu erweisen mit welchen Ich bin und stetz verbleibe

des Herrn Graffen

Wohl affectionirter Freundt

F. Wilhelm R.

Berlin d. 11 Dec 1732

A. B. Borck. H. Podewils.

II. Отрывокъ изъ рескрипта германскаго императора Карла VI къ своему резиденту въ Петербургѣ Гохгольцеру, въ которомъ онъ говоритъ о 300,000 гульд., данныхъ имъ Бирону на покупку имѣнія въ Силезіи.

Das grössere Rescript so dir untereinsten durch gegenwartigen Courier zu kommt ist von uns geflissentlich also eingerichtet worden dass es per extensum dem Russ. Ministerio mitgetheilt werden kann. Wir sind hiezu durch nachfolgende Ursachen bewogen worden. Erstlich je weniger wir den Inhalt deines letzten Berichts v. 12 u. 21 Apr. combiniren können, je nöthiger hat uns geschienen nicht nur die Aufrichtigkeit unseres Betragens klar und deutlich vorzustellen, sondern auch uns zu befleissen auf der Sachen Grund zu kommen, da wir nun zweitens muthmassen, dass so wohl das gegen uns geausserte Misstrauen als die Erweiterung derer Russ. desideriorum an Chur Sachsen von des Mardenfeld insinuationen herrühren, so hat uns um solches zu entdecken obiges Mittel am diensamsten geschienen. Zumahlen da drittens Graf Biron im Vertrauen an Graf Wratislaw geschrieben, dass gut wäre, wenn ihm die hiesigen Rescripta per extensum aus der Ursache mitgetheilet würden, weil er mehrmahlen in der Ministern Vortrag einen Theil dessen, was in denen Rescripten einkame unangemerket gefunden.

Du hast aber diesen letzteren Umstand gegen jedermanniglich hochstgeheim zu halten. Wo wir inzwischen dem Biron antworten lassen, dass du von uns angewiesen warest, dasjenige zu befolgen, was disfalls von ihm an Hand gegeben werde. Wie du denn auch in der That ihm das grössere Rescript per extensum mitzutheilen haben wirst. Sein des

Birons Privatanliegenheit anbelangend hat unser letzteres Rescript und das beigeschlossene Handschreiben ihn Biron überzeugen müssen, das an uns sicherlich kein Verzug haftet. Die zur Erkaufung einer Herrschaft in Slesien gewidmete 300 T. Gulden sindt in hiesiger Stadts Banc zu sein Birons disposition inmittels ad fontificandum angeleget worden u. können all Augenblick auf sein Birons Verlangen zu solchem ende angewendet werden. Das incolats Diploma ist bei dem Schreiben und hoffen wir es durch den gegenwartigen Courier einzusenden. Zur Erkauffung Wartenbergs werden wir so viel an uns ist allen Vorschub thun. Den Grafen von Dohna dahin zu bringen stehet nicht in unserer Macht. Was aber ausser des Zwangs zu facilitirung des Werks geschehen kann werden wir directe u. indirecte willig beitragen. Sollte jedoch wider Verhoffen alles dieses bei deme Graf von Dohna nichts aufgeben, so gebt es ja noch mehrere anständige Herrschaften in Slesien bei deren Kauf sich kein Anstand nach Verzug aussern wird. Insonderheit ist die ansehnliche Herrschaft Zabor feil. Sollte sie etwas weniger als 300000 fl. betragen, sind wir nicht entgegen den an solchem Capital verbleibenden Ueberrest baar hinauszuzahlen, welchen Graf Biron zu Vergrösserung Zabor anzuwenden öffter Gelegenheit finden wird. Es kommt also hierbey nur darauf an, dass er Graf Biron jemanden aussuche, in welchen er ein vollständiges Vertrauen *setze* (?) mithin ihn zu (одно слово не разб.) was in seinem Namen zu beschehen hat bewaltigen zu können glauben möge. Denn wann wir diese oder jene Herrschaft um die 300 t. fl. erkaufeten, so stünde darunter zu besorgen, dass wir hierunter nicht just des Biron Zufriedenheit erreichen, das ist, nach der Hand geglaubet werden möchte, ob wäre die Herrschaft weniger werth, als sie uns gekostet, aus welcher Ursache wir die Wahl, Einrichtung des Kaufs und so fort an, des Birons selbsteigener Willkür überlassen, und uns begnügen seinem intent allen Vorschub, durch jene, so des Landes Slesia kundig seyn, geben zu lassen.

III. Реляція Русскаго посла въ Варшавѣ графа Фридриха Казиміра Левенвольда:

отрывокъ изъ реляціи левенвольда отъ 20 ав. 1731 г.

Wegen der vacant gewordenen Cron-Chargen und sonderlich der vier Feldherrn Stellen, giebt man sich abseiten des Senats alle Mühe um den Konig zu bewegen, dass er dieselben noch vor einem zu haltenden Reichstage eventualiter benennen möge, damit die noch länger fortwährende Unbesetzung derselben nicht möge zum praejudic der Republick gereichen.

Die Information auf dem R. Tage zu erwarten, wäre zu weitläuftig, die Differenz bestände nur darinnen ob dem Woywoden Kiowsky oder Cron-Regimentario die Kron-Grossfedherrnstelle sollte gegeben werden? Ersterer ware der Mächtigste Concurrent des Cron-Regimentari Poniatowsky aus Ursachen er schon ehedessen des Stanislai Feldherr gewesen, der Leztere behält vor dem Ersteren des Konigs gleichsam allzu starkes genommenes Engagement zum Vortheil.

Obiges, des Senats Gesuch ist des Konigs etwa hegenden Vorhaben nicht allerdings vortraglich und gemäss. Er hat sich zwar darauf dahin geäussert, dass die Republick mit seiner Vergebung dieser Chargen zufrieden seyn würde. Vor dem R. Tage wird aber solches schwerlich geschehen, indem die Gemüther der Competenten allezeit nach des Konigs Willen in Hoffnung solcher ansehnlichen Belohnungen konnen gelenket werden; da im andern Falle mancher wohl gar sich seiner neuerhaltenen Macht unter dem Praetext der Freiheit zu seinem eigenen Nutzen und wider seine Wohlthater gebrauchen dürfte, welche wieder von ihren Chargen zu entsetzen der Konig nicht vermag.

Der General-Major und Obriste von der Kron-Garde Furst Czartorinsky, welcher mit seiner Gemahlin der Palatinin von Donhoff erheuratheten Reichthum zum wenigsten die Unterfeldherrnstelle von Lithauen zu erhalten vermeint. ist einer der Competenten zu den vier Feldherrn-Stellen.

Es streitet wider die Fundamental Gesetze des Königreichs, dass Vater und Sohn oder Gebrüder einige Cron, oder Gross-Aemter bekleiden. Um dem neuen Praetendenten nicht den Weg zu sperren, müsste dessen Vater der Castellan von Wilna und sein Bruder, Unterkanzler von Lithauen, resigniren.

Der Konig selbst ist dieser ansehnlichen Heirath jederzeit heimlich zu wider gewesen, damit die mehrgedachte Palatinin eine seiner Creaturen erwählen möchte, ein widrig gesinnter, aber wegen der Cron-Folge leicht cabaliren konnte.

Der Konig hat zwar auf das ergangene Notifications-Schreiben dem Fürsten einen reich besetzten Adler-Orden zugesendet, selbiger aber ist der Gemahlin schon bei Uebersendung dessen von ihren vorigen Gemahl vor ihren zukünftigen wieder versprochen worden, und mehr als eine vernünftige Politik anzusehen, indehm die Sache doch nicht mehr zu ändern gewesen

Die Czartorinskische Famielie hat sich überdem, wegen ihrer ehedessen gemachten mesalliancen und sonsten schlechten Eigenschaften bei denen andern Piasten Verachtung und Hass zugezogen.

Der Kron-Regimentarius Poniatowsky dürfte wohl leichter die Feldherrn-Stelle davon tragen; er ist zwar wegen seiner geringen Abkunft, auch seines allzustarken Anhanges an den Konig, bei der Nation eben nicht sehr beliebt, dennoch besitzt er viel Vernunft und Anschläge, hat auch zulänglich Geld genug um zu seinem Zweck zu gelangen. Ambition regiert ihn mehr als das Intresse.

Er ist in seinem Vorhaben um so viel mehr zu verhindern, als weniger er bisher I. K. M. Intresse beigetreten noch inskünftige bei Vermehrung seiner Gewalt demselben beitreten wird, und würde I. K. M. hierunter versirendes Intresse von denen meisten Grossen heimlich unterstützet werden, die selbsten ihn daran zu verhindern suchen.

Der Konig möchte auch wohl aus unterschiedlichen Ursa-

chen auf den alten Woywoden Wilinsky, Oginsky reflectiren.

Die Lithauische Gross-Feldherren Stelle möchte allem Vermuthen nach dem jetzigen Lithauischen Regimentarius Fürsten Wiesnowicky verbleiben, als welcher sonsten dem Könige allzu nachtheilige mesures aus Rache nehmen dürfte.

Mit guter Art, Vorstellungen und gelinden Mitteln sei niemals was von der Republick zu erhalten, sondern von Seiten I. Kays. M. eine solche ferme und vigoureuse Resolution zu fassen, dass, was deroselben Praetensionen betrifft, sich dieselben der von Gott verliehenen Gewalt bei fortwährend aufzüglicher und gleichsam abschlagiger Satisfaction zu gebrauchen hätten, damit so wohl ratione dieser, als auch was ihre eigenen an I. Kays. M. noch machenden Forderungen betrifft, dieselben sodann gemüssigt werden, zu Kreuz zu kriechen, und durch reciprocirliches Bitten bei I. K. M. selbsten ihre unnachbarliche Bezeigung zu erkennen, genöthigt werde. Der Metus reverentialis muss bei Ihr introducirt werden, wie solches der Preuss. Hof taglich beobachtet; begehen sie auf seinen Grentzen insolencen, so klopft er sie auf die Finger; klagen sie aber bei ihm, so verweiset er sie auf die Conferentzien, wie wohl sie auch desfalls sehr wider ihn animirt sind.

Die Polnische Nation zeiget in allem ihren Verfahren mit ihren Nachbaren, quod non sit orbis nisi Polonus. Zu Gewinnung so vieler Magnaten gehören schwere Summen Geldes und dennoch ist's damit nicht einmal ausgerichtet, indem sie selbsten sagen, dass die Erkenntlichkeit bei ihnen als Republickaner keinen Platz habe, sonsten ihre Republick längsten in ein souveranes Konigreich würde seyn verwandelt worden, woran doch Ihren Nachbarn viel gelegen, dass es nicht geschehen möge.

Bei Abthuung der gravamina lassen sie gemeiniglich schlechten Ernst spüren, indehm der König es auf die Republique und diese wieder auf des Königs Schultern schiebet, sogar dass der Primas selbsten sagt: Er repondire vor sich und

die Republick, alleine der König hatte seinen Privat Absichten gemäss sein Wohlgefallen, die Republick mit ihren Nachbarn in Missverstandniss zu unterhalten.

In denen respectivi zu gebenden und zu empfangenen Ehrenbezeugungen Titulaturen und Praecedentien so wol mit den Einheimischen von der Cron Polen, als auch ausländischer Puissancen Ministren, nicht zu wenig oder zu viel zu thun, ingleichen welchen von auswärtigen Ministren weichen solle oder nicht, darüber wird zuförderst eine gemessene Instrucktion von nöthen seyn, da absonderlich in der Gesandtschafts Canzeley nichts darüber vorhanden, noch ein Minister gleichen Charackters gegenwärtig, nach welchem mich zu richten.

Der päbstliche Nuntius hat mir bei der ersten Visite die rechte Hand im Hinein und Herausgehen auch im Sitzen gelassen, doch in einem andern, als seinem Paradezimmer, allwo sein Baldachin steht.

Dieses hat auch der Römisch Kays. Botschafter gethan, jedoch mit dem Bedeuten dass er solches theils in Ansehung der unter Beiden Kays. Höfen obwaltenden guten Vernehmens und Freundschaft, theils weil ich Kammerherr von seinem Herrn, an nebst sein selbst guter Freund sey, thue, doch nur gegen die Plenipotentiarios.

Der franz. Botschafter hingegen hat mir weder im Hinein noch Herausgehen die rechte Hand noch im Sitzen die obere Stelle gegeben.

Der preuss. Minister, welcher auch bei denen R. Tagen als Plenipotentiaire accredirt wird, ob er gleich kein Cavallier vermeinet, es dürfte so dann auch zwischen uns bei Gelegenheit desfalls Streit vorfallen.

Wem ich als Minister Plenipotentiaire bei öffentlichen Zusammenkünften so wohl in, als ausserhalb meiner Wohnung von denen polnischen Magnaten, und sogenannten polnischen Fürsten, welche zwar als Fürsten in der Republick selbsten keinen andern Rang haben als ihr etwa bekleidendes Amt so ihnen aufgetragen worden mit sich bringet, die

Exellenze, Hand und Praecedenz zustehen, und bei wem ich aufhören, auch ob ich selber weder titulatur noch Praecedenz von Jemanden fordern solle oder nicht?

Der Römisch Kays. Hof giebt nur denen Woywoden, denen ersten Castellanen und den Ministris status so Sitz im Senat haben den Titel der Exellenz und empfangt denselben auch wieder; geben sich auch beiderseits die Gegenvisitten.

Der vermuthlichsten ausländischen Candidaten zur Kron Pohlen ist einer der Stärksten: Stanislaus Lesczinsky; er ist in dem Pacifications Reichs-Tage zu Warschau d. A. 1717. von der Amnestie. ausgeschlossen, muss sich ausser dem Königreich Polen aufhalten und ist daher als ein Fremder zu consideriren.

Seine mehrentheils in Gros-Polen liegende Güter sind in obgedachter R. Versammlung ad fiscum gezogen und vom König August andern levi pretio in arendam gegeben.

Seine Freunde, deren in Gros-Kleinpolen und Lithauen befindlich, suchen post fata Augusti eine ueue Königswahl zu verhindern; er sei Rex electus coronatus und von den meisten europäischen Puissancen davor erkannt.

Sein gewesener Feldherr der Woywode von Kiow, Potocky, kann ihm znm Dienst 6000. Mann wehrhaft machen und noch leicht 20000. Tartaren vor Geld dazu aufbringen, das Geld wird ihm am franz. Hofe dazu nicht fehlen.

Der Primas Regni, ob er gleich sein Freund, möchte dennoch lieber einem aus seiner Famielie dazu behilflich seyn.

Es möchte das hohe Alter und Abgang männlicher Erben vielleicht die Krone Frankreich abhalten, dem König Stanislao mit Geld zu assistiren; allein da ohnedem das Königl. Haus keinen Antheil an des abgelebten Königs Regierung bekömmt und die Exempel in den Famielien des Königs Michael Wiesnowicky und Johann Sobiesky erweisen, dass die Polen die königlichen Prinzen nicht mehr über die Alpen und dem Meere herbeiholen, so wird dieses dem Stanislao nicht sehr hinderlich fallen.

Ein vornehmer Senator hat die Kron Polen mit einer Bischofs Inful verglichen, jemehr selbige abgenommen wurde, jemehr profitiren die Capitulares dabei. Der Venidator munerum mache viel aus und sahen die Polen absque reflexione prolis auf denjenigen, qui plus dat.

Frankreich und Schweden wird auch deswegen dem Stanislaus behilflich seyn um dadurch beiden Kais. Hofen ein Gegengewicht zu stellen.

Die so genannten Dissidenten möchten auch wohl sich des Stanislai annehmen in Hoffnung eines ruhigen Genusses der vor Sie von dem Könige Carl XII bedungene Vortheile.

Der franz. Botschafter giebt sich schon Mühe die Partie des Stanislai zu unterstützen, der nach Ableben des Königs Augusti postliminii vel quasi jure possesion zu nehmen suchen wird; worinnen ihm aber der Primas, um wehrendes Interregno die proventus mensae Regalis die er 1 Jahr und 6 Wochen zu geniessen hat, nicht zu verlieren, alle Verhinderung machen wird.

Mit dem Chur-Prinzen von Sachsen wird es schwer halten, weil die Polen ein ungemeines Mistrauen auf das Haus Sachsen geworfen; es sei denn dass die beiden Kayserlichen Hofe seine Partie per preces armatas untestützen wollten.

Seine gute Eigenschaften und Eifer pro re Catolica recommandiren zwar den Chur-Prinzen; da er aber aus einem so machtigen Hause entsprossen und die Erfahrung wiese, was ein solcher Prinz zu unternehmen capable wäre, sie auch mit ihren Nachbarn leichter in einen Krieg verwickeln könnte, so wäre es sehr bedenklich duorum Dominiorum Principem, der sich mehr sein Eigenthum als die Republick würdezu Herzen gehen lassen, zu erwählen; des Hasses nicht zu gedenken, den sich sein Herr Vater zugezogen.

Er, Primas sey in faveur der Kronfolge mit Niemand angebunden; es gelte ihm auch gleich viel, ob ein auswärtider Prinz oder ein Piast dazu gelange, wenn es nur secundum leges regni geschähe. Sollte man es auf eine andere Weise versuchen und Truppen ins Land bringen, so würden sie sich widersetzen und auswärtige Mächte vornehmlich

Ihre R. Kais. Maj. zu Hülfe suchen, wobei die Erwählung eines solchen Königs recommandiret, durch welche die alte gute Freundschaft und Nachbarschaft mit hiesigem Reiche könne beibehalten werden.

Der Bischof von Krackau ist dem König August ganz und gar zugethan; hingegen dem interêt I. K. M. sehr zuwider, wie er selbiges bei dem Punkte von Kurland, Lievland und des Bischofs Berlo zu erkennen gegeben.

Der Kron Gross-Marschall Mniszeck bekömmt vom Könige eine jährliche Pension von 12000 Rthl. und ist demselben sehr devot. Weil er sich von seiner Gemahlin regieren lässt und als Primus Minister Status eine grosse Gewalt hat, so ware es von grosser Wichtigkeit, denselben mit Geld durch seine Gemahlin zu gewinnen.

Die Bischöfe von Cujavien und Ermland Gebrüder haben dem König Augusto ihr und ihrer Familie Aufkommen zu danken. Der Bischof von Caminick Hosius ist auch von des Königs Partie, und ist wegen dieser Partheilichkeit vom Primate verhindert, dass er nicht ist Vice Canzler von der Krone geworden.

Der Kron Regimentarius Poniatowsky muss sich vor dem Churprinzen bearbeiten, weil er bei des Stanislai Erhebung, als dem er das Renunciations-Diplom entwand, oder eines andern Piasten auf den Thron, nimmermehr ein Gutes wird zu erwarten haben. Er hat bei den Primaten eine Proposition de nominando successore in vita regis veranlasst, sich aber damit bei ihm verdächtig gemacht. Er scheint ambidenter zu seyn, indem er mit dem Stanislaischen Hofe in geheimer Correspondenz steht; es müsse denn seyn, dass solches mit des Königs Augusti Vorwissen geschehe.

Die Czartorinskische Familie ist dem Chur-Prinzen auch zugethan und in ganz Lithauen wol die Einzige mit der Oginskischen, die es mit ihm halten; doch möchte bei vielen die innerliche Neigung mit der ausserlichen Erklarung schlecht übereinstimmen. Sie sind arm und folglich in schlechtem Ansehn, können auch dem Intresse Ihr. Kays. M. nicht sonderlich schaden, wenn sie nicht zu gewinnen seyn sollten.

Der Kron Unterkanzler Lipsky ist totus quantus Regius, ist sehr interessirt, liebet das Spiel und die Depensen und wäre leicht durch considerable presenten vor I. Kays. M. zugewinnen; ist von dem wahren Interesse seines Vaterlandes nicht informiret, doch fehlt es ihm nicht am ingenio.

Auf den Woywoden von Marienburg Prebendowsky als einen Bruders Tochter Mann des Primatis wird sich eveniente casu der König wohl nicht sehr verlassen können, ob er gleich das contrarium äussert.

Der Kron Gross-Schatzmeister Graf Ossolinsky, ob er gleich dem Interesse des Königs Augusti geneigt, ist I. Kays M. sehr zuwider. Als er vor des Königs letzterer Herauskunft in Polen, zu Dresden gewesen, und von dem Könige befragt worden, was für Diskurse in Polen gingen, hat er mit zuckender Achsel geantwortet: Man sage I. M. wollten den Churprinzen mit oder ohne Willen der Nation auf den Thron schwingen, und machten die starken Anwerbung und Verständniss mit dem Preuss. Hofe starkes Nachdenken; worauf der König geantwortet; er dächte auf dergleichen Mittel nicht; wollten die Polen nach seinem Tode für die aufgewanten grossen Summen, die doch zn ihrem Besten geschehen, für seinen Prinzen einige Erkenntlichkeit bezeigen, wolle er ihm dazu den väterlichen Segen geben; die Vermehrung seiner Truppen, wäre zu seinem Plaisir, und auch nicht hinlänglich die Repb. mit Gewalt zu zwingen.

Der Kron-General Feldzeugmeister Branicky ist auch gut Königlich, aber in schlechtem Ansehen bei der Republick, kann dem Intresse I. Kays. M. weder nütz- noch schädlich seyn. Er soll zur Kron-Unter-Feldherrnstelle Versicherung haben, und zwar, weil er den König auf seinem Gute Bialostock nebst dem ganzen Hofstaat 4 Monate hindurch, so lange der König daselbst krank gewesen magnifique bewirthet hat.

Der Kron-Referendarius Dembowsky ist dem Könige auch devot. Im Fall der Lipsky Kron-Gros-Kanzler wird, soll er Hoffnung, ihm zu succediren haben, ist ein Mann von guter Lebensart und zeiget sich, wenn ich mit ihm von I. Kays. M. Intresse spreche, sehr bescheiden.

Der König hat jetzo wiederum Gelegenheit sich Freunde zu machen bei Vergebung der vacanten Stellen; allein da die Polen das principium haben, quod Rex teneatur ex justitia distributiva ipsis beneficia regni conferre, ohne demselben davor obligation schuldig zu seyn, so möchte der Entzweck vor dem Prinzen schwerlich erreicht werden; zumal, wenn dabei betrachtet wird, dass die Polen lieber 1, einen keine Lande besitzenden und mit Geld unterstützten Prinzen oder Piasten erwählen, 2, die Furcht der innerlichen Zerrüttung und die erlittenen Drangsale aus des Konigs selbst eigenem Verschulden. ihnen noch im Herzen stecken 3, die so oft versprochene Pacta conventa nicht gehalten sind 4, Viele, wieder die Land-Gesetze und gute Sitte streitende Missbräuche eingeführt sind 5, der Primas lieber einen seiner Blutsverwandten oder einen andern, dem er gewogen, dazu verholfen siehet.

Die Via extraordinaria zur Krone zu gelangen ist, ut vivo adhuc Rege nominetur successor, welche dem Prinzen offen steht, davon Nic. Chwalkowsky in seinem Jure Publico Regni Polon. Cap. 3 de Regia Majest: — Exempel anführte.

Damit aber dasselbe nicht als eine Cewohnheit eingeführt und der freien Wahl Gewalt angelegt werde, ist allen Capitulationen einverleibet worden, dass die Könige keine successores erwählen sollen, wie Hartknoch Lib. II. Cap. I. de Rege ejusq. electione meldet.

Anno 1667. im April ist die Wahl bei Lebzeiten eines Königs durch ein neues Gesetz verboten Conf. Diar. Europ. Contin. VI pag. 149. et 351. et Contin. VII pag. 68. et 69. sqq.

Anno 1654 haben die Polen aus Noth gedrungen selbst wider diese Gewohnheit gehandelt, und weil sie von dem Römischen Kayser anders keine Hülfe wider ihre Feinde erhalten konnten, den Erz-Herzog von Oesterreich nach des Konigs Johannis Casimir Tode die Kron Folge versprochen.

Bei dem darauf erfolgten Friedensschluss haben sie die freie Königswahl mit allen Kräften gesucht beizubehalten, weshalb auch von Wiederforderung des ausgestellten Re-

scripts im Interregno 1674 den 27-ten Januar und den 3-ten Februar ernstlich gehandelt, wie solches das Diarium besagten Interregni ausweiset.

Ob nun der König diese Gesetze werde durchlöchern können, und den Consensum ordinum erhalten, steht zu erwarten. Es ist auch die Proposition de nominando successore in vita Regis noch niemals öffentlich aufgeworfen worden.

Der König sucht itzo durch Verlegung eines extra ordinairen R. Tags nach Warschau, den ordinairen zu Grodno absorbirt zu machen und wird gerne Reversales de non praejudicando in posterum, um die Sanction zu erhalten ausstellen. Der Primas dürfte dieses erstere Unternehmen wohl schwerlich secundiren, weil keine Nothwendigkeit, die Stände mit einem extraordinairen R. Tage zu beschweren.

Der Prinz Don Emanuel von Portugal, ob er gleich noch keinen Anhang hat konnte in Ermangelung des Haupt-Principii de duorum Dominiorum spe casu eveniente, dass die Polen lieber einen Ausländer als Piasten haben wollten, vornehmlich, wenn er von dem Könige seinem Herrn Bruder mit Geld assistiret und von den benachbarten Puissancen, absonderlich I. Russ. Kays. M. protegiret würde, wohl Hoffnung haben.

Im Fall, die Krone Frankreich mit Stanislav nicht zu Stande komme, oder derselbe den König Augustum nicht überleben sollte, hat sie den Comte de Clermont ehedem Comte de Charolois genannt, einen jüngeren Bruder des Herzogs von Bourbon in Reserve, der beiden Kaiserlichen Höfen und der Republick selbsten gleich wie Stanislaus ein Stein des Anstosses werden könnte.

Jacob, Eduard Pretendent von Gros-Britanien möchte auch wohl einen Candidaten abgeben; der pabstliche Hof würde ihn gern dazu erwählet sehen; er müsste ihn aber sodann nicht mit Ablass oder Wechselbriefe, sondern nummis paratis assistiren. Die so genannte Jacobiten mochten auch wohl bei der Nation vor ihm was ausrichten, die ihm wegen seiner Gemahlin Sobiesky, deren Namen noch bei ihr in guten

Andenken vielleicht nicht gar zu ungeneigt sein dürften. Wenn Frankreich mit seinem project in Ansehung Stanislai oder des Comte de Clermont nicht zu Stande kommen sollte, möchte es vielleicht diesen am ersten vor allen andern dazu behilflich seyn, theils beiden Kaiserlichen Höfen zuwider zu seyn, theils die Engländer damit im Zaum zu halten, theils auch dem Päbstlichen Hofe gefallig zu seyn,

Der Prinz Eugenius v. Savoyen, ob er gleich der würdigste unter allen möchte wegen seines hohen Alters, als auch sonst in der Welt schon erworbenen hohen Ruhm sich nicht viel Mühe geben. Es wäre denn, dass der R. K. Hof mit Beyhülfe I. K. M. ihn dazu befördern wollte.

Die Römisch Reichs-Fürstlichen Häuser können auch wol candidatos hergeben; ihnen stehet aber das Principium des Primatis de duorum dominiorum spe oder der Abgang hinlänglicher Mittel, oder genugsamer Assistenz auswärtiger Puissancen entgegen; selbige sind im Hause Bayern Herzog Ferdinand, dem auch Frankreich vielleicht nicht möchte zuwider seyn. Im Hause Sachsen Herzog Adolph von Weisenfels und die Söhne des Herzogs von Gotha. Denen Brandenburgischen Prinzen giebt dieses Hauses verhasster Name bei der Nation ohne dem die exclusivam. Die Prinzen von Bevern ob sie gleich beim Röm. Kays. Hofe möchten Zuneigung finden, könnten wegen der nachdenklich nahen Anverwandtschaft mit demselben und wegen ihrer Jugend unumstössliche Verhinderung finden. Denen Würtenbergischen drei qualificirten Prinzen fehlen Kräfte, Geld und Assistenz. Zu der Wahl eines Hessischen Prinzen, obgleich der König von Schweden denselben favorisirt und die Krone Frankreich nicht zuwider seyn möchte, werden sich die Polen schwerlich verleiten lassen.

Piasten werden diejenigen genannt, die wegen der Geburt, Würde und Verdiensten durch eine freie Wahl, Hoffnnng zur Krone haben; obgleich die Famillie woraus Neun Könige entstanden und der zu Ehren dieser Name beibehalten wird gänzlich ausgestorben.

1) Der Prinz Jacob Sobiesky, dem es an Ambition, Jugend

und Geld mangelt, möchte sich wohl mehr vor den Praetendenten seiner Tochter Mann, als sich selbst Mühe geben.

2) In dem Radzivilschen Hause sind Einige die auch schon Kron-Chargen besitzen, allein es fehlt ihnen an distinguirten Meriten; sie sind I. Russ. Kays. Maj. mehr ausser- als innerlich zugethan; das Sapiehische Haus ist ihnen zuwider; sie haben sich in Lithauen fürchterlich gemacht und möchten daher vielen Widerstand finden, weil denen Polen eine Gleichheit sehr angenehm ist.

3) Die Fürsten Wiesnowiecky passiren vor blut- und rachgierige Leute und sind deswegen bei der ganzen Nation verhasst; haben schlechte Conduite und Qualitaeten und möchten noch, weil der Lithauische Regimentarius ehedessen ein Russ. Gefangener gewesen, vielen Groll wider I. K. M. Reich im Herzen hegen.

4) Der Lith: Hof-Marschall Fürst Sangusko hat unter allen, wegen seiner guten Qualitaeten und Reichtums den Vorzug; er bezeiget sich auch für I. K. M. Intresse devot und willig. Weil sein Sohn des verstorbenen Feldherrn Dönhoffs Tochter geheiratet hat, dessen Name bei der Nation im guten Andenken stehet, so vergrössert er seinen Anhang dadurch.

5) Die Fürsten Czartorinsky haben sich wegen ihrer mesalliancen in Verachtung gesetzt, sind mit eigenen Kräften nicht versehen, ausgenommen der General-Maj. der mit seiner Heirath vieles erwerben, wodurch ihn aber die Potockische Famielie, als welche die reiche Braut gerne in ihre Famielie bringen wollen, gehässig geworden, das ganze Haus und sonderlich der Lithauische Vice Kanzler, sind dem Interesse Ihrer Kays. Maj. zuwider.

6) In dem Potockischen Hause dem der Primas gewogen, ist der Woywode von Kiow ein geld- und ehrgeiziger Mann, womit er sich bei der Nation verhasst gemacht, es sey denn, dass er diese Scharte mit einer Freigebigkeit auszuwetzen willens wäre; wofern es ihm aber nicht gelingen sollte, wird er sich vor den Stanislaum declariren.

Den Starosten Belsky, und Podstoly Litowsky, ob sie gleich

in ziemlichen Ansehn und I. Kays. M. Intresse geneigt sind, fehlet es am Gelde, wofern der Mangel nicht anders woher ersetzt wird.

7) In dem Sapiehischen Hause ist der Lithauische Gros-Marschall in Consideration, aber wie alle die Uebrigen seines Hauses, schon abgelebet; sie sind alle, ausgenommen der Castellan Trocki sehr heruntergesetzt und würden die nöthigen Kosten schwerlich herbeibringen. Wenn sie durch Freigebigkeiten alliciret werden, bezeigen sie sich vor I. Kays. Maj. devot. Sie werden beschuldigt gut Schwedisch und Stanislaisch zu sein.

8) Das Wielopolskische Haus ist zwar in Hochachtung aber arm, ausser dem Woywoden von Krackau der keine meriten hat.

9) Der Kron-Gross-Marschall Mniszeck ist von aufrichtigem Gemüth, scheinet aber nicht Ambition genug zu haben; er wäre wol zu gewinnen und hat durch die Kabalen seiner Gemahlin trefflichen Anhang bekommen.

10) In dem Lubomirskischen Hause ist der Starost Spisky von vieler und guter Vernunft, gleichmüthig, brav und im Credit, Geld zu bekommen, hat sich aber durch viele exorbitantien sein Ansehn verkleinert. Weil sie auch Rom. Kays. Fürsten sind, möchten sie sich wol nach dem Willen des Röm. Kais. Hofes lenken lassen. Der Starost ist auch dem Ansehn nach den Intressen I. K. M. nicht zuwider.

11. In dem Jablonowskischen Hause sind, der Starost von Bialorzerkiew sammt dessen Bruder und der von Buski in Vorschlag. Ersterer würde vor Stanislaum arbeiten wegen der nahen Anverwantschaft und französischen Neigung, wenn es ihm selber fehl schlagen sollte; der Konig Augustus liebt ihn nicht, weil er wider sein Wissen und Willen die verwittwete Generalin von Gros-Polen Radomiczka geheirathet. Auf das ihm desfalls bezeigte Misfallen des Königs, hat er geantwortet: Jam duxi, jam habeo, sero me Rex interpellat. Weil die Meisten von diesem Hause ihre Güter an der Russ. Grenze liegen haben, scheint es, als wären sie I. K. M. zugethan, worauf aber wegen der Anverwantschaft und franz. inclination wenig wird zu bauen seyn.

12) Aus dem Tarloischen Hause möchte sich der Woywode von Lublin hervorthun und von seinem Schwager dem Kron-Gros-Marschall Mniszeck unterstützet werden. Er ist heimlich Stanislaisch.

13) In dem Oginskischen Hause sind 3 Candidaten: der Woywode Wilansky, sein Sohn der Woywode von Trock und der Woywode von Witepsk; davon der Letztere verschlagen genug seyn soll, aber nicht in consideration kömmt, sie sind arm und nicht in sonderlicher Reputation; der ihnen am meisten giebt, kann sie auf seine Seite locken.

14) Der Poniatowsky möchte sich auch wohl Gedanken zur Krone in Sinn kommen lassen; er hat Reichthum genug, ist geschult, erfahren im Kriege, voller Ambition, resolvirt und ihm Umgange angenehm, aber verhasst, wegen seiner Herkunft und der dem Könige Augusto zutragenden Devotion. Er ist dem Intr. I. K. M. zuwider, im Herzen aber gut schwedisch und dürfte mit der Zeit dieser und der franz. Krone wohl beistimmen.

Sollten bei einer künftigen Thrones Erledigung oder vorzunehmenden Wahl die 3 mächtigen Nachbarn, als der Römisch Kays., Russ. Kays. und Preuss. Hof sich wohl verstehen, möchten die Polen ex metu reverentiali sich wohl des bekannten lateinischen Distichi erinnern und sich selbiges zu einer norma dienen lassen:

Est rogitare Regum species violenta, jubendi
Et quasi nudato supplicet ense potens:

Widrigenfalls Frankreich gewiss zu seinem Zweck gelangen dürfte.

Sollte das Augenmerk I. Kays. M. auf keinen Piasten, sondern auf einen auswärtigen Prinzen, qui non sit duorum Dominiorum, gerichtet seyn, so wird mit Geld am meisten efectuirt werden können, und sonderlich dabei zu beobachten vorkommen:

1) Ut respublica maneat Respublica,

2) Ut Rex sit in Republica i. e. talis, qui legibus ordinum sit circumscriptus.

©TITEDOCRAT

3) Ut sit amicus Majestatis Imperialis Russiae.

Vor die beiden erstern Stucke tragen die leges cardinales Reipublicae Vorsorge, und die Letzte muss man mit Geld bewirken.

Der Primas wie auch die altesten Magnaten sind der Meinung, das eveniente casu man in dem Senat einig seyn, die Candidatos verschwiegen halten, deren Eigenschaften wohl überlegen und mit dem Vortrag an die Ritterschaft nicht ehender als bis man über Einen einig sey, hervortreten müsste.

Реляція отъ 2 фев. 1733.

E. K. M. habe in meinen letzthin abgegangenen all-th. Relationen sub № 2 sonderlich aber sub № 4 per stafetta ganz gehorsamst zum Voraus zu melden die Gnade gehabt, dass obgleich die Hofleute des Königes Krankheit damals zu verkleinern und gantz nicht gefahrlich zu sein das Publicum zu bereden gesuchet, ich dannoch das gegentheil davon geglaubet habe, wie denn auch durch den, expresse abgechickten Major Gehema schon berichtetermassen erfolget, dass Ihre nunmehro höchstseelige K. M. von Pohlen den 21. Jan. morgens $^3/_4$ auf 5 Uhr wirklich Todes erblichen, und sollen dieselben etliche Tage vorhero sehr grosse Schmertzen von dem in den untern Leib sich geschlagenen innerlichen Brand erlitten, selbige aber einige Stunden vor Dero hinscheiden gantzlich nachgelassen haben, so dass I. M. bis zu dero letzten Odem bey vollkommener Vernunft geblieben. Die Cz. Familie hat etliche Tage vor des Königs Tode alle erdenklich Mühe sich gegeben, um dass einer aus ihnen, die Gnade möchte haben den kranken König zu sehen. Zu dem Ende haben sie einen K. Cammerdiener nahmens Peter August der von geburt ein Calmouque u. von I. höchstseel. K. M. Petro dem Grossen, glorw. Angedenk. I. nun verst. K. M. von Pohlen geschenket worden ist, 1800 Sp. Ducaten zu geben offeriret, wenn er es bey dem Könige dahin bringen könnte, dass entweder der Cron-Reg. oder der Unterkantzler Czartoriski oder aber der Bischoff von Plocko Zalusky vorgelassen würde, gedachter Cammerdiener nahm auch die Commission solchergestalten auf sich und that dem kranken Konige deshalb den würklichen Vortrag. Der König soll ihm aber geantwortet haben, wie er sich unterstehen könnte ihm dergleichen Begehren vorzubringen, da doch diese leute Ihme des Königes Tod verursachet und man möchte doch ihn ruhig sterben lassen, so dass also diese Familie und ihre Anhänger zu ihrem vorgehabten Endzweck nicht gelangen können. Man weiss auch von sicherer Hand, dass der König in seinen Schmertzen mit gen Himmel aufgehobenen Augen viel mal laut ausgerufen u. zu unterschiedenen Malen repetiret: oh coquins!.. Wen er aber eigentlich damit verstanden habe weisst man nicht. Dieses kann fast sicherlich behaupten, dass dieses Epitheton ohne der Sache zu viel zu thun, wo nicht alle polnische Magnaten insgesammt, doch denen allermeisten und grösssten könne mit Recht beygeleget werden. Indessen aber haben sie während der Krankheit des K. dannoch es so weit schon gebracht gehabt, dass die Diplomate ihnen würklich allen seyen von dem Konige unterschrieben worden, so dermahlen aber ohne Effect bleiben, biss man sehen wird, wass der künftige König thun wird. Die König. Leiche wurde um Mitternacht v. 22 auf den 23 in der Stille in das allhiesige Stattschloss gebracht u. hernach balsamiret, da die intestina und partes nobiles desselben noch alle gut befunden worden; Das Hertz hat man dem geheimen Rath v. Brühl abfolgen lassen um nachher Sachsen überbracht zu werden. Den 29 ist selbige allda auf einem Leichengerüst von 5 Stuffen mit allen gehörigen Reichs-Insignien öffentlich ausgesetzet worden, allwo sie auch bis auf die Versammlung des Conv. Reichstags verbleiben solle und indessen tägliche Messen bei der Leiche gelesen werden. Den 23 kamen die allhier auf den gewesenen Extraord. Reichstag versammelten Landboten zum 7. u. letzten mal zusammen, indem ihnen von dem Pr. durch einen Abgeordneten das Interregnum förmlich angekündiget und also diese Versammlung gantzlich dissolviret und der Reichstag geendiget wurde,

wie aus gegenwärtiger Beylage des mehreren zu ersehen. Dem Lubiniecky habe seine laut Capitulation im Septembre erst zu habende Pension, wegen seiner guten geleisteten Diensten bey letztem Reichstage schon anticipative mit 139 Dukaten bezahlt und annoch 61 dazu gelegt, so dass er in allem 200 empfangen, die Zerreissung des letzten Reichstags aber E. K. M. aber eigentlich in der That nicht mehr dann 61 D. nebst etlichen paar Zobeln und etlichen Stucken Kamka gekostet hat, da andere sich nicht geschamet mir tausendweiss dazu zu begehren umb selbige in ihren Beutel stecken zu können und zu E. K. M. Diensten nicht das geringste bey zu tragen, wie ich solches gewiss gewusst, mithin mir billig ein Gewissen machen müssen, so ich Ihnen einen polnischen Schilling gegeben. Wie nicht geschehen.

Es ist auch in einem selbigen Tages bey dem Pr. gehaltenen sogenannten grossen Colloquio des Senats resolviret worden nicht nur die Diettinen auf den 5 Martii und den Conv. Reichstag auf d. 16 April anzusetzen, sondern auch die von dem Könige nach dem Campement allhier aus der gantzen Pohl. Armee zusammengezogene 2 neue Regimenter, welche ihn anstatt der Sachsischen zugestandenen Manschaft hätten allhier eines zu Fuss, das andere aber zu Pferd als Dragoner dienen sollen zu congediren u. sie anzuweisen sich zu ihren vorigen Regimentern zu begeben, wie dann mit dem zu Fuss schon wirklich geschehen u. sich allerlei feine Officiere schon bey mir gemeldet um Russ. K. Dienst anhaltend. Das Dragoner Regiment wird noch einige Zeit lang beybehalten um die Hofleute durch Pohlen bis auf die Sach. Grantze zu escortiren, wonach es gleichfalls solle dissolviret werden. Die grands mousquetaires Pohlnischer Nation haben eine espece von Revolt spüren lassen und gewisse Capitulations puncte verfasst, die man ihnen zustehen sollte, wozu sie die Cameraden Curländischer Nation und einige fremde mit gewalt zwingen wollen causam communem mit ihnen zu machen, w. sie aber abgelehnet u. sich erkläret gewalt mit gewalt abzutreiben. Der Pr. aber u. der Senat wollen dieses corps beybehalten u. haben ihr Bezahlung an den Cron-Schatz verwiesen biss auf weitere Disposition des kunftigen Konigs. Unterdessen führt der Pr. als Interrex das Ruder bey der Republique u. werden E. K. M. allergn. sich zurück zu erinnern geruhen wollen, wie ich oft über die Unbestandigkeit desselben Mannes sonderlich auch in meinen Relationen.... habe, dessen nun eine ausserordentliche Probe, worüber der grösste Theil selbsten derer pol. u. auslandischen Ministern ja fast die ganze hiesige Nation erstaunt u. bestürzet ist, am Tage liegt, indem ohngeachtet der von dem Pr. u. der gantzen Potocky-schen Familie vorhin gegen die Cz. u. den Poniatowsky bezeug ten Animosität, diese es bey jetziger für sie verderblich angeschienen Veränderung des allhiesigen Staats, dannoch nicht nur Mittel u. Wege zur Stelle gefunden nicht nur sich in Sicherheit, sondern sogar in die grösste Gnade bey dem Pr. in der Geschwinde zu setzen, dass er sich auch nicht scheuet den Cron Reg. (welcher in solchem Employ von dem Pr. schon confirmiret) öffentlich seinen Kochany Stasiu u. Favoriten zu nennen, welche Worte er aber vorhero mit 20000 Ducaten solle erkaufet haben, u. desswegen nicht unterlässet, dem Pr. fast ohnablässig so zu sagen vor der Thür zu stehen um denen daselbst taglich haltenden Conferentzen beizuwohnen; alles dieses sonders des Pr. Caracter wohl kennend, habe noch et. Tage vor des Konigs Tode vielen Magnaten vorgesagt, dass diese Harmonie sich ereignen dürfte, welches aber mir weder hiesige noch fremde damals zustehen wollen bis sie es nunmehro selbst beyde erfahren. Wass in selbigew Conferenzien nun eigentlich agitiret werde, weisst man nicht gewiss. Wie sie sagen, sollen ihre Mesüren nur auf die innere u. aussere Ruhe des hiesigen Staats angesehen sein, um desfalls heylsam Vorsorge zu thun troublen zu verhüten, doch ist vermuthlich zu glauben, dass ihre haubt Absicht auf die Cron Candidaten u. unter diesen vornemlich auf den Stanislaum gerichtet seye.

Der Pr. will zwar von sich glauben machen, wie er mir auch selbsten vor einigen Tagen gesagt, dass er noch mit

Niemanden kein Engagement, wegen eines neuen Konigs halber genommen. Wenn er aber seiner natürlichen Inclination allein folgen wollte, so wüsste er wohl was er thäte, alleine sey er absolute vor Niemanden preveniret. Um aber seine gedanken besser zu erforschen, antwortete ich ihm: man habe doch jeder Zeit mehr natürliche Inclination für ein subject als für das andere, nach welcher der Stanislaus bei vielen Magnaten sich Hofnung zu machen hätte. Worauf der sonst alte u. listige Pr. sich nicht enthalten konnte zu sagen (denn es war Nachmittag) dass wenn er seiner Inclination nachgehen sollte, es nicht zu verdenken sein würde, wenn er für den St. stünde weil derselbe durch ein gedoppeltes Blut-u. Freundschaft-Band Ihme angehöre, worauf denn von dem Uberrest der Schluss ohnschwer zu machen ist u. fängt des St. Anhang allhier schon an nach und nach die Ohren in die Höhe zu regen u. dürffte zuletzt grösser sein, als man sich wohl vorgestellet. Es hat jüngsthin ein gewisser Rostkowsky Starosta Wiski in des Pr. Haus sich öffentlich verlauten lassen, dass er sich obligire dem St. zu diensten 1000 bewafnete Edelleute zu Pferde aus dem Powiat, worinnen er wohne, alle Stunde zu zuführen. Wenn nun eine jede Wojewodschaft dergleichen thue, würde man gleich eine armee von 60—70000 Mann pol. Adels zu Pferde, um den Lesc. zu souteniren, aufbringen konnen. Die übrigen fremden Cron Candidaten, von denen dermalen insonderheit viel gesprochen wird, gegen den vorigen aber sich wenig Hoffnung der meisten Polen innerlicher wahrer Meinung nach zu machen haben, sind vornehmlich: Der nunmehrige Churfürst v. Sachsen, der Churfürst von Baiern oder dessen Bruder der Herzog Ferdinand u. der Pretendent v. Engelland, von denen so die allerhöchsten alliirten Hofe zu promoviren entschlossen nicht zu gedenken. Die Piasten aber, so vor andern hier aufs tapet gebracht worden, seyen: die Fürsten Wiszniewiecky Gebrüder 2, der Fürst Lubomirsky Woiewoda Krakowsky 3, der Fürst Sanguszko 4, Sonderlich u. in der Stille der Cron Marschall selbsten 5, der Czartorisky W. Ruski 6, Poniatowsky 7, Choronzy Koronny Branicky. Das

Cz. Haus hat sich durch den Todesfall des Konigs gar nicht in seinen grossen Projecten deconcertiren lassen, sondern suchet vielmehr auch diese Veränderung sich meisterlich zu Nutze zu machen u. von allen Seiten her Geld zu ziehen. Zu dem Ende haben sie unter sich, wie ich in sichere Erfahrung gebracht u. zwar in des Castellan v. Wilno F. Cz. Hause schon verschiedene Conferenzen in Beysyen des Cron Reg. wozu auch der geheime Rath v. Brühl u. der gewesene geh. Kon. Referendarius Thioly berufen worden, in welcher Sie äusserlich die Mittel um den jetzigen Churfürsten v. Sachsen auf den p. Thron zu bringen concertiren zu wollen sich anstellen, nur in der Absicht ansehnliche Summen daher zu ziehen, da sie doch in ihrem Herzen auf nichts weniger als dessen Thronbeförderung jemahls mögen bedacht gewesen sein u. wohl noch nicht sein, ob sie gleich den verstorbenen Konig damit flattiret, aber auch betrogen haben, um nur die importanteste Chargen unterdessen emportiren und durch deren Hülfe ihre selbst eigene weitaussehende Absichten vollziehen zu können. Weil ganz gewiss, dass diese Cz. Familie jeder Zeit französische Partisans gewesen. u. heimlich deswegen Pensionen empfangen habe. Ihr Project aber meines wenigen Einsehens glaube gehet dahin, dass sie solchergestalten den Churfürsten von Sachsen einleiten wollen sich mit grossen Geldsummen allhier ein Anhang, wovon die Cz. die chefs würden sein (worüber sie aber ohne weitere Zweifel mit dem Potoc. Hause u. andere Magnaten mehr fast unläugbar vor den St. verstanden sind, aber diesen und jenen betriegen wollen) zu erkaufen. Auf solche Weise suchen sie diese beyden Cron Praetendenten einander entgegen zu stellen damit sie sich mit einander verzehren und aufreiben, hingegen die Cz. sich mit ihrer beider Gelder bereichern möchten, das sie sodann mit vollen Handen unter den hiesigen Adel in faveur des Generalen und Woiwoden von pohl. Russland Fürsten Czart.auszustreuen vorhaben, um selbigen wo möglich zur Crone zu befördern, welches dessein dieses Fürsten Gemahlin, so wohl ihrer natürlichen Ambition, als auch ihren

sehr grossen selbsteigenen Reichthum nach gewiss auf das nachdrücklichste zu souteniren nicht unterlassen wird allein mit was für succes wird die Zeit lehren. Unterdessen suchen sie wie den Primas also auch andere der grosten Magnaten zu gewinnen u. da sie auf alles wass passiret ihre Spionen ausgestellet, haben sie ohnlängst erfahren, dass der Castellan v. Cr. F. Wisniew. in sehr dürftigen Stand sich befinde und solchem nach Ihme aus dem Cron Schatze 300 Ducaten verschaffet und sich also diesen Mann, der der erste Senator und aus der ersten Familie im Reiche auch eines pohl. Königs Neveu ist mit fremden wenigen Gelde obligirt. Es hat mir der Kantzler Lipsky dieses vertrauet und dabei bedeutet, dass nicht undienlich wäre diesen Fürsten Castellan durch ein vorläufig ohnvorschreibliches Present von etwa tausend Ducaten und Hofnung einer ordinären Pension bey diesen Umbständen auf E. K. M. Seite zu ziehen. Welches dann allerhöchst deroselben Grossmuth und Gutbefinden allerunterthanigst hiemit anheimstellen und zugleich berichten sollen, dass nachdem der Röm. Kais. Minister zu mir dieser Tage gekommen, ich von der Gelegenheit profitiret um ihme von sothaner Dürftigkeit des Castellan von Cracau Confidenz zu machen und vorzustellen, wie derselbe ohngefahr mit 1000 D. Present in das hohe Interesse der all. Kais. Höfen könne gezogen werden, ich aber dermahlen nicht bei Casse zu sein bedauerte, alles aber in intention geschehen E. K. M. die Last nicht allein tragen zu lassen in demjenigen, wo die alliirten Höfe gemeinsamen Nutzen haben, so hat der obgedachte Botschafter endlich resolvirt dem F. Cast. von Cracau mehrbesagtes Present v. 1000 Ducaten und Hofnung zu einer Pension zu machen, wovon dann nun den würklichen Erfolg erwarthe. Dieser F. Castellan ist einer der ersten mit auf der Liste von denen einheimischen pohl. Cron-Candidaten oder sogenannten Piasten, deren sich eine solche grosse Menge mit guter Hofnung desfalls schmeicheln, dass fast ohnmöglich selbige alle zu erzählen, welches genugsam daraus erhellen kann, dass auch die Czart., deren Namen vor sehr

wenig Jahren im Pohlen fast ganz unbekannt gewesen darnach zu aspiriren sich einfallen lassen, so dass man diese Candidaten halber noch nichts eigentliches melden kann, welche unter ihnen vorzüglich in Consideration bey der Nation kämen, oder welche vor oder wider E. K. M. Interesse sein möchten. Das letztere lässt sich auf alle überhaupt appliciren, das erste aber von sehr wenigen und nur in dem Fall presumiren, wenn sie ihren eigenen privat Nutzen dabei genugsam vermerken; dieses äussert sich dermahlen nach dem Tode des Königes, und nachdem die Situation der hiesigen affairen dadurch gantzlich verändert worden, sehr handgreiflich, weilen kein eintziger weder von denen pohl. Magnaten, so ehedem sich an mich adressiret noch von denen Lithauischen die dem Darewsky so Vieles weiss gemacht nicht ein Wort mehr von sich selbst von der vorgeschlagenen Confederation, da sie am allernöthigsten werden will sprechen und wenn man selbst von dieser Materie mit Ihnen zu reden anfängt, bezeugen sie, die einen so wohl wie die andern, zwar ausserlich einige Willfährigkeit zu solchem Confederations Werke, allein es geschiehet alles solches mit einer so grossen Kaltsinnigkeit und Herzenszwang, dass man gar leicht auf die wahre Neigung derselben daraus aber auch zugleich gründlich, wie in der That nun mehr würklich eine ausgemachte Sache ist schliessen, dass man sich abseithen E. K. M. auf keinen von dem ersten bis zum letzten, so wohl von denen pohl. als lith. Magnaten in gar nichts sicher verlassen könne u. zeigen insonderheit die letzteren ihre Beständigkeit nur beharrlich in dem Geldbegehren, wie sie noch vor ihrer Abreise von hie gethan, ich aber bei solchen Umständen weder vor nöthig noch viel weniger aber vor nützlich gefunden, Ihnen damit zu willfahren, und von Ihnen vielleicht mit andern unter der Hand spielenden Intriguen die façon zu bezahlen, indem gantz gewiss, dass sie nichts anderes in allem suchen, als von allen Ecken der Erde Geld zu nehmen wie denn der Oberstl. Darewsky dessen nunmehro so persuadiret ist, dass er mir gesagt, welcher gestallten er sehe, dass mit

seinen bekannten lithauischen Freunden dermahlen nichts Sicheres zu Stande zu bringen seyn und er deshalb darwider protestiren würde so ich Ihnen einen polnischen Groschen geben wollte. Wie auch nicht geschehen. Der Bischof v. Smolensko ist von jemanden bey dem frantzösichen Minister noch surprenirt worden und Etwas bestürtzt darüber geschienen, nachdem er fast bei 3 Stunden allein gewesen, auch wie ich jetzo höre vor diesem sehr frantzösich gesinnnet gewesen sein soll. Wäre also meiner allerunterth. unmassgeb. Meinung nach, dass gleich wo nichts mehr zn hoffen übrig.auch nichts mehr zu menagiren nöthig alle diese in Lithauen an denen Russ. Grentzen liegende Güter derer vornehmsten Herren dasiges Landes etwas mit der Zeit, wenn sie absolute auf keine Weise E. K. M. Interesse beygehen wollten entgelten zu lassen und falls es nothig werden sollte wegen alles übrigen Truppen einrücken zu lassen, als wodurch theils aus Furcht theils aus Interesse diese leute einigermassen gebändiget werden könnten. So aber E. K. M. dennoch auch dero K. angebohrenen Grossmuth und Freigebigkeit dieser Consideration ohngeachtet allergn. mir befehlen wollten den Lithauern die verlangten Gelder zu geben werde solches auf das allergehorsamste und ohne ferneren Verzug bewerkstelligen. Es werden aber E. K. M. nicht in Ungnaden vermerken wollen, wann nach meiner allerhöchst deroselben schuldigen Pflicht und Treue auch nach der Känntniss die ich von denen hiesigen Sachen u. Persohnen habe die Freiheit nehme aller submissest zu sagen, dass dieses Ihnen zu gebende Geld noch zur Zeit nicht anders als in den Abgrund des Meeres geworfen ohnmassgeblich achten könne, da sich doch davon gegen die Zeit des bevorstehenden Convoc. Reichstag eine nützlichere Anwendung wird machen lassen, indem man als dann abseithen der Republique nicht länger wird anhalten können, den im Sinn führenden vornehmlichen Cron Candidaten zu verschweigen, wie nun der Primas u. die Meisten anderen sorgfältig zu thun affectiren, so dass man doch nicht im Stande ist, wass positives dessfalls schon melden zu können. Wann

aber E. K. M. ich die Beschaffenheit der hiesigen Sachen und Inclinationen der Gemuther in Ansehung der bevorstehenden Wahl eines neuen pohl. Königs kurzlich nach dem casu, worinn wir uns nun wirklich befinden entworfen sollte wüsste solches nicht deutlicher zu bewerkstelligen, als es schon in meiner allerunth. Rel. v. 11 August. 1731 geschehen ist, nach der Känntniss, die ich überhaupt von denen meisten Europ. Höfen so auch von dem Zustande der Republique schon vor meiner hieherkunft gehabt und nachmals nur durch den persönlichen Umgang mit denen hiesigen Subjectis vermehret habe, so dass ich nun in dem Werk selbsten finde. damahls mit meinem ohnmassg. allergehor. judicio in der Hauptsache nichts oder wenig ohne allen eiteln Ruhm geirret zu haben, worauf mich auch des wegen allhier allerunterth. beziehe und gar wohl überhaupt pro fundament könnte angesehen werden. Um dass aber E. K. M. nach dero allerhöchsten Intention zu glückl. Entrichtung dero allerh. Interessen en general u. insbesondere, so bishero am hiesigen Hof negoziret worden und jetzo aber auch zugleich einen deroselben gefalligen König auf den pohl. Thron befördert, oder über einen missfalligen u. von dem man keine gute Freund-und Nachbarschaft sich zu versprechen hätte daran gehindert sehen möchten, scheinen meinem allerunt. ohnm. Erachten noch nur 3 Mittel und Wege dazu vorhanden zu seyn, nehmlich: Geld, Gewalt oder alle beyde zugleich, bey denen Pohlen anzuwenden und zwar in voller Massen, wie solcher Vorschlag auch von dem R. K. Botschafter allhier nicht nur selbsten auch sich gäntzlich hierin conformirt, sondern seinem Hof u. von dem Residenten Hofmann dem K. Preussichen gleichfals schon wurklich vorgestellet u. gemeldet worden, um also mit grösserem Nachdruck communi consilio und conjunctis viribus zu Erreichung einerley gemeinsahmen Endzweckes agitiren zu können. Das Geld als ein..... Mittel belangend, werden E. K. M. allerleuchtest von selbst ermessen, dass zu einem solchen Werke nicht allein sehr considerable Summen, welche allhier zu specificiren mir nicht einmal getraue und

auf etliche mahl hunderttausend hinauflaufen werden, sondern auch allenfalls nöthig seyn gegen Anfang des Convoc. Reichstages in paratis nummis gleich beihanden zu haben, indem selbige durch Wechsel zu übernehmen, theilss die Zeit zu kurz, weilen sie wenn es grosse Summen sind nicht anders als auf sechs Wochen nachsicht ausgestellet mithin jedesmahl 14 Wochen bis zu derer Bezahlung verlaufen, umb welche Zeit die Königswahl schon vorbey sein würde, theilss die Gefahr dergleichen Summen aus den benachbahrten Staaten um solche Zeit zu transportiren allzu gross sein würde, indem sich hier nicht ein Kaufmann befindet, der auf der Stelle gleich nur 10000 Thaler auszuzahlen im Stande wäre, zu geschweigen derer öffentlichen Strassen-Räubereyen so sich hier schon spüren lassen. Meinem allerunt. ohnmassg. dafürhalten also nach, dürfte das geschwindeste und sicherste Mittel seyn die von E. K. M. etwa zu obgedachtem Endzweck zugelangen distinirte Gelder durch eine Escorte von ohngefähr 20 oder 30 Mann Dragoner in natura u. geheim hieher bringen zu lassen, welche Leute unter dem Pretext einer Wache für E. K. M. Minister alhier gar wohl kommen könnten, als welche man in dieser Crisi ohne dem sehr nöthig haben dörffte, zu mahlen da sich auf die von dem Cron-Garde Regiment habende nicht sonderlich viel zu verlassen ist und dem Cron-Regimentario nur dazu dienet um richtiger spioniren zu lassen u. umb zu wissen, wer bey mir aus und eingehet und wass passiret; und ein gleiches finden auch die übrigen hiesigen respective alliirten Minister so nöthig als sicher, wie sie auch schon solches an ihre hohe Principalen gemeldet. Gleichwie man aber ohngeachtet der Verwendung der ansehnlichen Geldsummen von dem Erfolg eines gewünschten successes wegen der polnischen Unbeständigkeit und schändlichen Geldbegierde nicht gesichert seyn und ohnmöglich dafür gut sprechen kann, also will auf der andern Seite ohnumgänglich nöthig scheinen, damit dieses etwa anzuwendende Geld seinen verlangenden Effect mache, diesen durch die Furcht der Waffen im gegentheiligen Falle zu unterstützen

und zu dem Ende auf den Russ. Kays. Grentzen v. Pohlen hin mit einer starken Armee zu erscheinen, welche in Fall eines widrigen Anschlages der Sachen sogleich auf den ersten Wink wirklich in Pohlen einrücken könne. Dadurch die alsdann etwa für E. K. M. Interesse geneigten Pohlen in ihrem Muth gestarket, hingegen die widrig gesinnten abgeschrecket und also die gantze Nation in den so nöthigen metum reverentialem gesetzet und der vorhabende Endzweck erreichet werden würde, u. zwar um so leichter, wenn die mit E. K. M. hohe alliirte benachbahrten Mächte auf gleiche Weise, wie nicht zu zweifeln, ernstlich in der That mit zu concurriren Vorhabens sind. Ohne diese mesures dürfte man fast kunlich zum voraus behaupten, dass alle andere etwa zu nehmende von gar keiner Wirkung sein werden und in diesem letzteren Fall denjenigen, so dieses corps armée commandiren soll sehr ernstlich an denjenigen Ministre zu verweisen, welchen E. K. M. um selbe Zeit allhier mit unumschränkter Vollmacht auf alle Fälle versehen zu sein in der Zeit residiren zu lassen allergnädigst belieben werden gemeinschaftlich in getreuer u. eyffriger Harmonie mit demselbigen zu stehen, um dem gleich nachkommen zu können in der Execution, wass hernach zur Stelle von jegl. Minister in seinem Theil zu allerhoch. Diensten vor nöthig u. gut befunden werden sollte; dann sonsten eine kleine Jalousie einschleichen dürffte, so nur zu letzt der Dienst darunter manquiret werden dürffte. Der R. K. Min. war vor einigen Tagen bei mir und berathschlagten u. beschlossen wir mit einander, wo möglich einen gewissen Fuss zu einer künftigen Confederation zu legen, umb den St. von Erlangung der Krone abzuhalten. Der Botschafter vermeinet auch sothane Confeder. durch Hülfe gewisser Leute in der Cracau u. Sendomirschen Woyewodschaft zu Stande zu bringen und anfangen zu können, verlanget aber dabei, dass solche leute sodann von etlichen versicherten Lithauern möchten sogleich unterstützet werden, welche ich ausfindig zu machen mir angelegen seyn und den Oberstl. Darewsky nöthigenfalls deshalb nach Lithauen

schicken werde. Der Kais. Minister ist auch der Meinung, man hätte doch nicht nöthig dem Stanislao absolutam exclusivam abseiten unserer hohen Höfe zu geben, sondern nur anzuzeigen, wie desselben Erhebung auf den pohl. Thron aus vielen Ursachen denenselben nicht angenehm sein könne; und würde nicht undienlich sein, unterdessen unter der Hand denen Pohlen von einem ganz anderen Candidate ab unserer Höfe Seite im Discours superficialiter zu sprechen, als dieselbe würklich befördert wissen wollen, welches, wie er glaube, wohl auf einen frembden Printzen angesehen seyn möchte, und seine schon vor etl. Zeit enthaltene Nachrichten geben, damit also der gegentheilig gesinnte nicht etwa Gelegenheit bekäme vor der Zeit wider solchen Cabalen zu machen. E. K. M. werden demnach geruhen dero allerhöchste Resolution über alles bisherige zu fassen, und zu befehlen, welches subjectum vornehmlich und durch wass Mittel und Wege, Dieselbe zum pohlnischen Konigsthron zu befördern und zu protegiren geneigt sind, damit ich allhier mich danach zu verhalten und die nöthige Mesures zu nehmen in Zeiten wissen möge. Weshalb denn auch den gegenwartigen Courier und Translateur Bialoszycki nicht länger habe aufhalten wollen. Den allergnädigst übersandten Rappel von hier, wofür E. K. M. unterthänigsten Dank abstatte, habe bey solcher der Sache Bewandniss in unvermutheter Veränderung noch nicht übergeben wollen, damit nicht etwas in E. K. M. Diensten bey diesen delicaten Umständen verabsäumt werden möchte, wie ich der unterth. Hofnung lebe, dass die gantze Zeit meines hiesigen Ministerii über, so viel an mir und in meinem Vermögen gewesen, auch nicht geschehen seye. Man hat mir allhier zu verstehen gegeben, dass nunmehro nach dem Tode des Königs E. K. M. allergnadigst befehlen möchten in dero allerhöchsten Namen, einen Brief an den Primaten als Interregen zu schreiben, kraft welches ich dero allerhöchst habendes Interesse bey der Republique und anbey dero Ministern zu fortwährenden Glauben und freundlicher Aufnahm zu recommendiren, wann anderst

E. K. M. Willensmeinung dahingienge mich allhier in solcher oder andern qualitaet zu continuiren, welches Schreiben a dato in 12 Wochen auf dem ConvocationsReichstag schon muss ubergeben werden. Und da die Rep. nun ohne König ist, wird ihr gewönlichermassen auch von dem Kön. Kays. und auch andern Höfen der Titul Serenissimae Reipublicae während dem Interregno beigeleget, da man ihr sonsten nur inclita Respublica zu geben pfleget, denn wiedrigenfalls, wie mir der Lipsky selbst gewahrschauet, dass man den Brief nicht annehmen wurde. Nach der Election des neuen Königes ist ein neues besonderes und vollkommenes Creditif an denselben gewöhnlichermassen vonnöthen, um in allen sich so dann ereignen konnenden Fallen instructions mässig agiren zu können und ungebundene Hände zu haben, indem bey dergl. Gelegenheiten öffters Emergentia sich hervorthun, die man nicht ad referendum zu nehmen Zeit hat, sondern auf der Stelle resolviren muss. Wobei aber E. K. M. ich allerunt. zu bitten mich unterstehe, allergn. versichert zu sein, dass in allem, nach gemeinsahm mit derer übrigen hohen alliirten Höfe Ministern zu nehmenden Entschluss, wo es nöthig sein wird, mit solcher Behutsamkeit werde zu Werke gehen, damit ich meine Aufführung gegen Gott u. E. K. M. werde verantworten können. In Ansehung der bevorstehenden Königs Wahl observiret man noch so viel, dass die Pohlen von dreien ihren vorhero in dergl. Gelegenheiten genommenen Conclusionen diessmahlen abzugehen sich anlassen, da sie sagen, sie wollen bei der künftigen Wahl vornehmlich u. vorzüglich auf einen Piasten stimmen, doch deswegen keinem fremden eine absolutam exclusivam geben, da sie bey der Wahl des Königes Michael hingegen zwischen denen fremden und einheimischen gar keinen Vorzug, sondern alle gleichmässig um erwählet werden zu können admitiret haben. Bei der Erwählung aber des Königes Joannis bekamen alle Ausländer eine absolutam exclusivam, welche hinwieder bey derjenigen des verst. K. Augusti II allen Eingebohrnen von ihnen selbst gegeben wurde. Sonst hat mir so wohl der Primas

selbst, als der Woiewoda von Podolien Humieckj, der Regimentarius Poniatowskj und der Woiewoda Bielskj, die alle 3 dieser Tagen bey mir waren, gesagt, dass man mit mir die Coferenzien reassumiren würde; ob nun solches auch würklich und mit wass guten Fortgang bey diesen Umstanden geschehen werde, ist zu erwarthen. Hiernächst übersende E. K. M. hiemit auch allerunth. die Liste von denen pohl. Gesanden, welche an etliche auswärtigen Höfe die Notification von des Koniges Absterben thun sollen; an E. K. M. Hoflager zu gehen ist der Regent Koronny Lipski ein naher Blutfreund des Cantzlers dieses Namens ernennet; er ist aber derjenige, welcher durch seine machdrückliche und patriotische 3-mahlige Protestation dem letztzerrissenen u. so lang verzögerten Reichstag auf ein mahl ein Ende gemachet, und ist er übrigens ein ehrlicher Mann, der sich in allen Vorfallenheiten, löblich aufzuführen weisst; deswegen allerunt. die Freyheit nehme E. K. M. allerhöchsten Gnade (Warum auch der Cantzler Lipsky gleichmässig bittet) ihn bestens zu recommendiren, zumahl da dieser Mann bey gegenwärtigen Conjuncturen nützliche Dienste zu leisten im Stande ist, künftighin aber solches noch mehr wird erweisen können, und weilen er von schlechten Mitteln, wohl auf ein allergnadigsten reel regale angesehen sein mag, wie mir dann der Cantzler, so sich bissdato das Sigill in seiner Gewalt adroitement zu conserviren gewusst, ersuchet diesen zu der commission nacher Petersbourg promoviren zu helfen. An den R. K. Hof wird der Starosta Tolknickj Szembek, der bey denen letzten Conferenzien einer meiner Commissarien von dem ordine equestri mit war, und an den Päbst. der Suffraganeus von Cracau gesandt. Dem Starosta von Leopol Graf Potockj einen Sohn des Verstorbenen Untermarschalle und Neveu des Primaten, der sich auf seinen Reisen vorhin in Frankreich befindet ist die Notification an dasigen Hof zu thun aufgetragen worden, und der Graf Cettner Obrist Küchelmeister von der Cron gehet um gleicher Ursache willen, an den Churs-sachsischen Hof; dem pohl. Envoyé Sierakowskj zu Constantinople ist vor einigen Tagen ein Courier dahin zugeschickt worden, um bis auf fernere ordres daselbst zu verbleiben, welche etliche Tage darnach ihme dahin zugefertiget worden der Ottomanischen Pforten den Todesfall des Königes gleichfalls zu notificiren, an alle übrige Europeische Höfe aber ist von der Republique Niemand zur Verschickung denominiret worden; allhier wird die Trauer bis auf den Convocations Reichstag getragen werden. Wie ich mich aber desfalls verhalten solle, erwarthe E. K. M allerh. Befehl. Dieses alles ist nun der gegenwartige neue Zustand der Rep. nach des Konigs Tode, durch welche alle vorherige gemachte Projecte von selbsten an allen Seiten wegfallen, und wäre fast die Frage, ob die vorige alte oder jetzo neue mehr embarrassant zu seinem glückl. Ende gebracht zu werden. Ich hatte auf den 1 Feb. st. novi ein Festin bey mir zu geben, wegen wiedergedachtniss des antrittes E. K. M. glorreichesten Regierung, alles prepariret und die hiesige Senatores u. Ministros status, wie auch die fremde Ambassadeurs und Ministres dazu invitiret gehabt, und hatten mir alle zu kommen versprochen, wegen des Königes selbigen Tag dazwischen gekommenen Todes, haben sich die Pohl. Magnaten alle entschuldigen lassen, deren der Cron Marschall Mnischek, der Cantzler Lipsky, der Woiewoda Belskj und einige andere mehr Vormittags mit einem Gratulations Compliment doch bei mir gewesen waren. Der R. K. Botschafter kam auf den Abend auch selbsten, blieb aber nicht bey der Taffel mit Entschuldigung, dass er seinen Courier expediren müsse. Der Päbstl. Nuncius und frantz. Botschafter sind gar nicht gekommen, und haben sich erst späth auch von der Taffel excusiren lassen. Der Eng. Holl. u. Schwed. Minister kamen auch späth und führte der Erste das Wort für die übrigen, dass sie nicht bleiben könnten; da ihnen doch der Tod des Königes noch nicht publico nomine, so wenig als mir angesagt gewesen u. erst den 4 tag drauff durch den Primaten geschehen ist, mithin sie selbigen wohl hätten ignoriren können, allein als absolute Sachsische und Czartoryskische Creaturen mit

Fleiss nicht gewollt. Meine antwort aber auf ihre Entschuldigung war folgende. Comme je n'en sçai rien, que le Roy soit mort, je crois qu'en tout cas un Monarque vivant vaut mieux, qu'un Roy mort en toute manière. Der Englische Gesandte von Wotwort ist zuletzt völlig vor dem Könige und dessen Parthey gestanden u. der Holl. ist es bereits seit 5 Jahren schon her. Nach dem nun bei denen bevorstehenden 2 extraordinairen Reichstagen, der folgenden Wahl und Crönung des neuen Königs weit wirklichere extra unkosten, als biss hero, vor dem alhiesigen Ministre werden erfordert werden; als kann wieder nicht umhin E. K. M. abermahlen solches in Unterthänigkeit vorzustellen, damit im Fall ich noch länger gegen selbige Zeit alhier verbleiben müste, mit solchen in Gnaden hinlängl. versehen zu werden, um dem Caractere gemass in dergl. Fonctionen erscheinen zu konnen. E. K. M. habe oben die Gnade zu melden gehabt, dass der Primas sich zum Vortheil des Cron-Regimentaren nach dem Tode des Königes zu Jedermanns Verwunderung verandert habe; gestern Abend spath von dem Cron Cantzler im Vertrauen erfahren wie kurtzhin dem Primas von einigen Magnaten deshalb Vorstellungen gemacht worden, vorüber er sich dann explicirt, er habe dem publico zum Besten und wahrend dem Interregno in dem Reich Ruhe zu erhalten so freundlich mit dem Poniatowsky gehandelt, welcher sonsten wann er ihm die Regimentarn Stelle hatte abnehmen wollen, wegen seines grossen Anhanges unter der Armee sowohl, alss unter denen hier gewesenen Nuntiis leicht hätte Troublen anfangen können. Man könnte aber versichert seyn, dass wenn der Poniatowsky oder ein Czart. bei künftiger Wahl auf die Königsliste sollten gebracht und ihm zugemuthet werden solche krafft seines Amtes offentlich zu dem Ende zu nennen, Er Primas sich lieber wollte auf der Stelle alsdann todschiessen lassen als solches thun, wann auch gleich die ganze Repub. einmüthig d'accord deshalb sein sollte. Der obgedachte Cantzler, welcher gar nicht vor den Stan. zu stehen sich bezeuget hingegen vor den Churf. v. S. aus Consideration u. Dankbarkeit,

derer von dessen H. Vater d. verst. K. genossenen grossen Gnade, nicht abgeneigt scheinet, im Fall man in der Wahl vornehmlich auf einen Ausländer bestehen würde, anbey aber declariret, dass er sich nicht nur deshalb den Hals nicht wolle brechen, sondern auch v. E. K. M. Interessen nicht abwendig machen lassen hat mir nebst vorherigen auch geoffenbahret, dass er dem Pr. auch in Ansehung des Stan. Rückkunft auf den Pohl. Thron unter andern impedirenden Ursachen vorgestellet, wie es der Nation von andern nicht allzu wohl würde ausgeleget werden, wenn der Lescz. zum Thron nun würde befordert werden nachdem er doch in der Pacificatiöns R. T. Constitution von A. 1717 pro infami Rebelle, u. invidicabili Capite declariret u. proscribiret worden sey, worüber aber der Pr. sich etwas empfindlich bezeuget habe und sagte mir der Lipskj auch, dass er den Primas einen kostbahren silbernen Tafel Surtout geschenket habe um seinen Vettern zu der Gesandschaft an E. K. M. Hofe zu befördern, damit er also hiedurch in mehrere Distinction su seinem ferneren Glück bey hiesiger Republ. gesetzet werdeu mochte. Dem Cron Gross Marschalle, welchen einen der ehrlichsten finde, habe selbst mit der Hoffnung flattiret König zu werden wann die Wahl, wie ich nicht zweiffelte auf einen Piasten fallen sollte. Worüber er mir aufrichtig bezeugete, wie ich aus allen Umständen abnehmen können, dass er theils seines über 60 Jahre Alters wegen, theils aber aus Mangel der zu solchem Ende nöthigen Geldmittel nicht dahin aspirirete. Würde aber die Wahl von selbsten auf ihn fallen seye leicht zu glauben, dass er derg. ihm anzubiethende Ehre nicht refusiren würde, allein fügte er hinzu: Roy ou point Roy, je ne me departirai jamais des interets de votre cour.

E. K. M. Resident zu Dantzig Erdmann hat mir dieser tagen benachrichtiget, wie ihme von dem Magistrat besagter Statt eine sehr empfindliche Beschimpfung widerfahren aus Gelegenheit, dass ein gewisser Obrister namens de la Serre sich in seine Protection begeben und daselbst eines patricii Tochter geheurathet hat, wovon in des Residenten Behausung die

Copulation geschehen; als aber hernaoh erwehnter Obrister mit des Residenten carosse u. Livrée ausgefahren seye die Carosse von etl: beorderten Stattsoldaten angehalten mitsamt mit dem Obristen auf die Haupt Wache gebracht, dieser mit Gewallt herausgezogen u. allda verwahret, nachgehends in ein hartes Gefängniss, worinn er noch sitze, geworfen worden. Die Carosse und Pferde hatten auf denen Strassen der Statt über die gantze Zeit ohne Futter herum getrieben, bis man sie endlich in eine gewisse Herberge aufgenommen habe und wird des Residenten Aufführung, dass er sich solcher gestalten seines Wagens und Pferden gantzlich entschlagen von jedermann gebilliget. Ich habe dieses respectlose Verfahren unterdessen bis auf E. K. M. ferneren Befehl denen hiesigen Ministern der Rep. nur discursive erzehlet, welche solches höchst strafbahr befinden und gestern bei dem Primaten untersuchet, auch dem allhier sich aufhaltenden Dantziger Secretario den Kopf in Gegenwart vieler Senatoren gewaschen und befohlen haben solches an die Statt zu melden, welchem allem der Cantzler Lipsky hinzugesetzet: Die Statt Dantzig solle sich zu allen Zeiten erinnern, dass er um gegenwärtige Zeit Cantzler gewesen, wie sie sich unterstanden hat die Rep. dermahlen mit einem benachbahrten Hof zu collidiren; der Anfang der Satisfaction könnte ohne alle Massgabe am füglichsten nach dem Principio spoliatus ante omnia restituendus gemacht werden, auf welche Art die Stadt Dantzig obligiret wäre den de la Serre aus seiner gefangenschaft geziemend an Ort und Stelle zu liefern, wo er aus der Residenten Carosse ist hinweg genommen worden, in welcher er auch zu dem Residenten fahren, um daselbst E.K.M. Protection so allerh. dieselbe ihn solcher würdigen wollten, frei zu geniessen, wodurch dann E. K. M. u. dero Residenten eine vorläufige Satisfaction widerfuhre; biss dahin dann und zu völliger Satisfaction der an E.K.M. Hoflager von dem Statt Dantzig abgeschickte Secretaire, wie ich vernehme, daselbst hinwieder in arrest behalten werden könnte, als welches mir unter der Hand insinuiret worden ist. Die hiesigen fremden Ministres halten gleichfalls des Magistrats Verfahren vor unverantwortlich und höchst sträfflich, und hat der Frantz. ambassadeur allhier mir gestern in einer Visite ein gleiches bestätiget und dabei allegiret, dass wegen einiger insulte die denen frantz. Schiffen. so den Printzen von Conti anno etlich und neuntzig nach Dantzig gebracht, geschehen, die Cron Frankreich 16 bis 18 Jahr hindurch, alle der Stadt D. gehörigen Schiffe wo man nur gekonnt hinweggenommen habe, um sich Sat. zu verschaffen und wo sich nicht die Staaten v. Holland a. 1712 darin meliret hätten, die Sache vielleicht noch nicht aus wäre; Es hat auch der Magistrat v. Dantzig einen gewissen von Bulow, der dahin mit einem von mir genommenen Passeport seiner eigenen affairen wegen gereiset, und bei mir im Hause ist, des Obristen La Serre halber wollen $^1/_2$ Meile von Dantzig auf seiner hieher Reise arretiren lassen, indem er ihm einen Lieutenant mit 2 gemeinen zu Pferd so weit nachgeschickt, die ihn auch eingehohlet, und ob er gleich von dem Resid. Erdmann mit Briefen an mich, betreffend unter andern den jetzigen Zustand des Hertzogen v. Curland depechiret gewesen, auch meinen Passeport vorgewiesen hat, so haben sie doch für keines keine Consideration haben wollen; es hat sich aber ged. Bulow dennoch von ihnen los zu wirken gewusst, wornach sie dennoch eine Meile verfolget, aber nicht eingehohlet haben. Wie mir aber dieser B. gesagt, solle der H. Ferd. v. Curland bei dem Resid. Erdmann des dem La Serre und ihm widerfahrenen affronts wegen haben erkundigen und sagen lassen: Er hoffe, er Resident würde seines Hofes und Characters Ehre souteniren

Mit gestriger Post seyen v. E. K. M. 3 Wechsel Briefe richtig allhier eingeloffen, davon einer per 3000 R. zu E. K. M. Cassa destiniret, der andere per 4209 R. zu meiner halbjährigen Sustentation, der dritte aber 1485 vor dem Res. Golembiewsky; man hat aber alle Mühe anzuwenden um einen sichern Kaufmann allhier aus zu machen derg. starke Posten auf einmahl auszahlen zu können u. das noch mit sehr grossen Verlust an Zeit und Geld.

Das Garde Dragoner Regiment, wovon oben Erwehnung geschehen ist heute auch cassiret worden u. bleibet nur ein commando allhier von der armée von 300 Mann Infanterie u. 200 Pferd Dragoner. Der durch 36 Jahr allhier gestandene Königl. General Post Meister von Holtzbring, wie auch der so bekannte Thioli Gen. Post Meister von Pohlnisch Preussen zu Dantzig seyen in procinctu gestanden abgesetzt und verjagt zu werden; der letztere hats ich gestern Abend noch salviret und bey seinem Ampt conserviren machen, welches ihm aber nebst andern Ursachen mehr ein schweres Geld gekostet, der andre schwebt noch zwischen Furcht u. Hoffnung und daferne er sich noch conserviret, dürffte er nicht wohlfeiler abkommen als der Thioli. Weilen an heute um diese Relation zu schliessen werde mit der heutige ordinaire Post keine andere abschicken in deme die Zeit zu kurtz, womit mich zu E. K. M. allerh. gnaden unterth. empfehlend in tiefster Soumission verharre

Euer K. M.

Allerunterthanigst Treugehorsamster

Friedrich Casimir Graff von Löwenwolden.

Warschau d. 2.
February 1733.

Отрывокъ изъ Реляціи отъ 8 февр.

Лев. сообщаетъ, что Примасъ не велѣлъ пропускать никого чрезъ Поль. гр. безъ особеннаго отъ него паспорта. Поэтому былъ задержанъ въ Вѣришовѣ цесар. курьеръ и депеша опоздала на 8 дней. По просьбѣ Лев. Примасъ позволилъ впускать рус. кур. въ Польшу, если они будутъ снабжены паспортомъ на польскомъ или лат. яз. Отъѣзжающіе изъ Варшавы курьеры должны непремѣнно брать у него паспортъ. Лев. продолжаетъ:

Ich halte davor, dass E. K. M. allerh. Intention eines neuen Königes wegen nicht nachdrücklicher als durch Zeigung eines rechten Ernstes umb solche Zeit werde erhalten werden können, wovon aber in Zeiten mich avertiren zu lassen allerunth. bitte, um meine Mesures der Sicherheit meiner Persohn halber nehmen zu können.

Die gantze Sächsische Hofstat des verst K., welche mehr dann in 1200 Pers. bestanden von allerley vornehmer u. geringer Condition hat dann am vergangenen Montag plötzlich die ordre bekommen als gestern sich von hier u. ausser Lande zu begeben. Weilen aber die Zeit gar zu kurz, so ist solcher Auszug heute morgen würklich vor sich gegangen und zwar die Helffte durch Gross Pohlen über Karga die andere Helffte durch Schlesien über Breslau; jeder Parthey hat man 100 Pohln. Uhlaner und auch ein Commando v. etwas Inf. zur Escorte mitgegeben. Der Pr. sagte mir gestern Abend auff dieses Sujet folgende Worte: A la fin nous serons pourtant une fois quittes de tous ces Saxons. Gewiss ist dass bey denen Pohlen der Stamm überhaupt sehr verhasst ist, ja dannoch ist nicht zu zweifeln, dass der jetzige Churf. heimlich noch viel und grosse Partisans hat, überhaupt aber ist noch nichts gewisser zu urtheilen, wo sie hinaus wollen, sondern wird man dieses am sichersten bey bevorstehenden Convocations Reichstag abnehmen können.

Реляція отъ 21 февр.

E. K. M. melde allerunterth., dass ob ich gleich weder vor, noch nach dem letzt alhier gewesenen Reichstag bis dato mich selbst um Reassumirung derer Conferenzien directe eben nicht beworben, dannoch E. K. M. Interessen zugethane allhiesige pohlnische Magnaten meine gute Freunde als der Cron-Marschallck Mniszek und Bischof v. Cracau Lypsky mich selbsten darum angeredet, sagend, dass es nun die beste Gelegenheit seye gütlich über die zwischen Russland und Pohlen obschwebende Differenzien sich in der Güte zu vergleichen, da insonderheit der Primas nunmehro als Interrex die gantze Authoritet von der Republique in Händen habe, mithin dieses Werk so er anders nur wolle zu beyderseitigem Vergnügen zu Stand gebracht werden könnte. Sie hätten hierüber dem Primas Regni schon nachdrücklich zugeredet, wie solches auch in meiner gegenwart geschehn. Da mir dann der Primas selbsten versichert, dass er seiner seyts alles beytragen wolle,

wass zu schleiniger auseinandersetzung der beiden benachbahrten Reichen beförderlich sein könnte, wobei er sich so freundlich gegen mir bezeiget, dass er sich selbsten sammt seiner gantzen famille und unsern gemeinsahmen guten Freunden zu mir auff die Mittagmahlzeit eingeladen hat, welches denn vergangenen Sonntag auch würklich geschehen ist, welche Distinction er keinem derer übrigen fremden Ministern alhier, seitdem er Interrex ist, bishero noch gethan hat; Wass er aber in der That in Anschung der obgedachten Conferenzien thun werde bin ich nun gewartig. Er sagte mir, wir wollen alles vorhero in camera caritatis zusammen ausmachen, umb desto weniger in offentl. Conference debatiren zu haben, sondern nur meistens wegen der Unterschrift proforma zusammen kommen. Er hat auch dem pr. Minister von Brand schon intimiren lassen sich zu denen Conferenzien zu prepariren, als welche er ehester Tagen mit ihme vornehmen wollte, der letztere aber so viel ich glaube sich dermahlen mehr als nie auf seine machtige Nachbahren verlassend seine Conditione sehr hoch spannet und vielleicht die Conferenzien gar evitiren wird. Welches sich aber alles in wenig Tagen zeigen muss. Ueber die in denen Conf. mit mir zu deb. Materien hat sich insonderheit der Cantzler und Bischoff v. Cracau Lipsky im Vertrauen gegen mich ziemlich offenhertzig hinausgelassen u. zwar 1) den preliminarpunct E. K. M. allerhöchstem Titul als Kaiserin betreffend so hielte er dafür, dass nach dem dermahlen die Rep. Pohlen ohne König seye, dieses die favorabelste Situation wäre um solchen von derselben leichtlich erhalten zu können, indem ihr als Rep. gar nichts abgienge solchen verlangten Titul E. K. M. beizulegen und den pactis conventis, die der neue König beschwören muss zu inseriren u. vorzulegen; wiedrigenfalls und nach der Hand würde sonst der neue König nicht nur einigen unwillen wieder sothane Beylegung als seiner eigenen Dignität abbrüchig bezeigen, sondern vielleicht auch als primus ordo in der Rep. nicht so leicht darein consentiren wollen. Wegen des Zusatzen «aller Reusen» würde man in denen Conferenzen schon Mittel und

Modeiation finden, um sich danuber vergleichen zu können und hernachmahls den Senatus und Ritterschaftsorden vollkommen einwilligen zu machen. 2) hat mehrgedachter Lipsky Curland betreffend und dessen Verfassung nach dem Tode des H. Ferd. vielerley Mittel und Wege vorgeschlagen um E. K. M. so wohl deshalb zu vergnügen, als auch der Rep. eigene Ehre bey diesen Sachen zu salviren, zumahlen da sich dieselbe auf eine Reichsconstitution gründe, als welches daher der schwehreste punct unter allen zu vergleichen sein dürfte. Die freie Wahl eines neuen Curl. Hertzogs würde sich die Rep. als ein dem Oberlehensherrn in einem devolvirten Lehen gebührendes Vorrecht, so wie es überall sonderlich aber im Rom. Reich brauchlich, nun und nimmermehr nehmen lassen, oder dem adel in Curland zustehen, es koste auch, was es wolle. Diesemnach käme die Hauptsache auf die Person an, welche als H. solle daselbst erwehlet werden u. dieses Hertzogthum nach bisherigem Gebrauch und Successions Recht, als ein Lehen von der Rep. besitzen solle. Hier fänden sich dreierley Subjecta: Curl. Edelleute, poln. Edel. und fremde Printzen; die letzteren belangend, so sehe die Rep. gar keine Ursache, warum sie einen solchen Printzen, der um ihr Vaterland noch gar keine Verdienste habe, wenn er auch gleich von Hauss nicht mächtig seie, mit einer solchen considerablen Wohlthat gleichsame par boutade überhauffen und bereichern solle. Wäre er aber von Hauss aus oder durch alliancen machtig, so liefe die Rep. bey einem solchen allezeit grosse Gefahr mit ihren Nachbahren in Missverstandniss und Krieg eingeflochten zu werden, indem so er sich etwa einfallen liesse, den Adel im Lande in seinen Freiheiten zu kränken, oder wohl gar die Rep. selbsten zu chicaniren und man solches so dann wie billig nicht leiden würde, die Rep. als dann alle Mühe haben würde um den Curl. Adel wider Anfechtungen zu schützen und ihre eigene Oberlehnsherrlichkeit zu mainteniren. Welches man zum voraus sehe nichts als troublen nach sich zu ziehen, darüber zuletzt die Rep. selbsten Gefahr leiden könnte zu Grunde zu gehen. Von dem

Curl. Adel aber insgesammt seie dermahlen keine famille in dem land von solchem Ansehen, die etwa durch Kriegs oder andere considerablen Verdiensten, sich solche Distinction erworben, welche vor den andern vorzüglich könnte zu dieser hohen Würde befordert werden; dahingegen in der Rep. Polen so viel distinguirte Famillen anzutreffen wären, welche diese Dignitet zu bekleiden mit allem Recht verdienten; der eintzige Einwurf, w. hier wieder könne gemacht werden, betreffe den Unterschied der Religion eines solchen aus der Rep. Mitte zu erwehlenden neuen Hertzogs, indem sich unter ihren angesehenen Mitgliedern könnes mehr in Pohlen u. Litthauen als nur noch der einige General Denhoff protestanischer Religion befinde, da er aber schon bey 70 Jahr alt, ohne Kinder und der letzte von diesem gantzen Haus seye, als würde der Rep. sowohl, als auch Curland selbsten, mit seiner Erwehlung zum H. wenig oder nichts gedienet sein, mithin schloss er Lipsky: dass Er kein besseres Mittel zu beylegung dieser Sache sehe, als dass ein pohlnischer Magnat, obgleich Röm. Cath. Religion, zum Hertzoge erwehlet werde; damit aber die protestantische Religion in Curland, bey dergl. Umständen ausser Gefahr und Unterdrückung gesetzet werden möge, indem sonst die Röm. Cath. Geistlichkeit, wie er selbst nicht laugnen wolle, freylich allerhand Verwirrungen daselbst anfangen dürffte, so könnte dem Adel in Curland ihrer Religion als auch ihrer übrigen Privilegien und immunitaeten wegen von E. K. M. dem Röm. K. und dem König in Preussen die Garantie hierüber beliebigst geleistet werden, welche die Rep. auch wohl annehmen würde, mithin die Curländer desfalls in allem genug gesichert wären! In Ansehung der Art und Weise, wie ein solcher Hertzog von der Repub. solle erwehlet werden, so sagte der Lipsky, müsse und könne solches auf einem allgemeinen Convocations Reichstag von denen versammelten Ständen, gleichwie die Königswahl, geschehen, so viel mahl, als die künftige herzogliche famille männlichen Geschlechts aussterben wird, als weshalb die Rep. eine besondere Constitution errichten würde, so dieser Vorschlag Eingang finden sollte, ausser welchem er keinen besseren wisse und sich sonsten schon selbsten ausgebeten haben würde mein commissarius zu sein, wann er diesen punct nicht von so sehr grosser Difficultet findet bey der Rep. Pohlen auszumachen, dann er alle gelegenheit evitiren wollte sich aus Reconnaissace mit dem Russ. Hofe nicht zu brouilliren.

3tens mit Liefland würde es nicht zu gar grosse Schwierigkeiten setzen, um auf selbiges abseithen der Rep. Pohlen zu renonciren, wann nur E. K. M. gefällig wäre Ihnen den an dem Dnieper wüst liegen sollenden Strich Landes abzutreten, doch auf solche Art, dass sie auch einigen Nutzen davon haben. und so viel von denen bereits dortigen angesessenen Leuten behalten zu können um solchem Strich landes Besetzer und Bauer zu lassen. Als ohne welches ihnen sonst wenig daran gelegen seye; damit aber dieses gantze Vergleichungs (sic) nur so mehr facilitiret werden möchte und nicht ein und andrer der Pohl. Magnaten solches zu hindern und dar wieder zu protestiren Gelegenheit nehme, wegen der so vielen Canons, die theils ihnen, theils immediate der Rep. selbsten, wahrend vorigen Kriege von den Russ. Trouppen sollen hinweggenommen worden seyn, als worüber so wohl der Cron-Feldzeugmeister Branicky, wie auch der Woiewoda Kijowsky, welcher letztere sich sonst für E.K.M. Diensten anjetzo noch nicht sehr devot bezeuget, aber en particulier gegen mir sich beschweret, dass bei ihm in einem ihm zugehörigen Städtchen Brody in Volhynien gelegen eine grosse Menge selbiger Canons seyen weggenommen worden, da doch dieser Orth ohne Schwertschlag sich selbsten freywillig ergeben hatte, ohne einmal aufgefordert worden zu sein, als rathe er Lypsky wohlmeynend, dass da diese Canons schwerlich wohl werden in natura ersetzet werden können, und zweifels ohne alle umgegossen worden, E. K. M. geruhen möchten diese pretensiones mit einer theils an die Rep. selbst, theils andern rechtmässige Anforderung habende particuliers, vornemlich aber den obgedachten Woiewoda Kijowsky zu bezahlende summa geldes in allem von etwan vierzig oder auffs höchste

bis 50,000 Rubel in Etwas zu vergüten und sie also zu stellen, indem man die übrige kleinern pretendenten zu vergnügen nachdem schon Mittel finden würde. Von dem schwedischen Residenten allhier habe dieser tagen, dieser Materie halber vernommen, dass eben der Woiewoda Kijowsky declariret, dass wenn ihm die, von denen Schweden auch mitgenommene canons und andre gewisse Sachen nicht restituiret würden, er wieder das gantze mit Schweden letzthin allhier geschlossene pacifications Werk protestiren wolle, wie er dann auch sich verlauten lassen, wieder die mit dem Röm. K. Hof gemachte convention, protestiren zu wollen, wenn ihme in seinem vor demselben schwebenden langwierigen wichtigen Process nicht bald Recht und Satisfaction verschafft würde. Die übrige beyderseitige Gravamina würden sich ohne sondere Mühe beylegen lassen, insonderheit wenn E. K. M. geruhen wollten auch von dero seith Gränz-Richter mit genugsamer Vollmacht und Gewalt versehen zu etabliren, als wie die Rep. dergl. durch eine constitution auf immer ernennen würde, und in allen Vorfallenheiten ohne appellation über Leben und Tod zu der Stelle sprechen und solches exequiren zu können und seye solches ja das beste mittel, als wann man allhier allezeit an die Tribunalia appelliren sollte, als welche seinem eigenen Gestandniss nach hart satisfaction geburendermassen geben könnten, und möchte man doch solches der hiesigen Regierungsform, von anbegin alle zeit so gewesen zu seyn zu schreiben. Mit dem privilegio des Bischoffs von Mogilew, würde es gar keinen Anstand mehr finden, ohnerachtet der Pabstl. Nuncius sich sehr heftig darwieder setzet. Ob künftig hin die Ministri derer resp. Höfe von Russl. und P. in allen Stücken überhaupt, oder nur zum theil, die bishero gewöhnlichen prerogationen ferners geniessen sollen, sonderlich der deffrayrung, logement und Wachten, seyend sie hier noch nicht einig, die meisten finden vor gut, dass solches völlig aufgehoben werde. Des ceremoniels wegen, wollen sie conveniren, wie es an andern europäischen Höfen brauchlich. Nur wegen des Tituls, welcher in denen Briefen, so vice versa geschrieben werden

sollten, voran stehen soll, muss etwas klärer ausgemacht werden. Wie weit man nun in allen diesen schönen Sachen zu Werke gehen, und in der That ausmachen wird, muss die Zeit in Kurtzem lehren, ich aber meines orths wrde mich gar nicht mehr amüsiren lassen, sondern in allem mich gebührend instructions mässig conduciren.

Was sonst anbelanget die neue Königs Wahl, so hat der R. K. Minister allhier dieser Tagen durch einen courier von seinem Hof die vollkommene instructionen desfalls sehr ausführlich erhalten, mir auch dieselbe alle in original gezeiget und selbst vorgelesen. Der preuss. M. von Brand ist ehester Tagen einer gleichen instruction von seinem Hof unter einer starken Escorte, die ihm ebenfalls hernach als Wache allhier dienen soll gewärtig. Dem nun regierenden Churf. v. S. ist von dem R. K. Hof. laut besagten Instructionen ferner keine ausdruckentliche exclusiva gegeben. Der Kron-Küchel-Meister Graf Cettner ist vor einigen Tagen aus Sachsen wieder zurückgekommen, der jetzige Churf. hat selbigen auf dem Schloss logiret, mit Churf. Equipage bedienen lassen, auch überhaupt dorten sehr distinguiret und nachmahls bei der Abreise ihn auch mit einem diamantenen Ring von 6000 Thaler in Wehrth beschenket; ich zweifele aber, dass dieser bey ihme in des Churf. faveur verfangen wird, wenn er anders bey seinen vorigen sentiment bleibet, mit welchen er sich gegen mich geäusert, dann er ein neveu der Cron Marschallin und specieller Freund der Fürsten Regimentary bishero gewesen.

Uebrigens aber ist nur meine allerunterth. Privat Anfrage, dass im Fall der Churf. mit dem Röm. Kais. Hof sich raccomodirte, die sanctionem pragmaticam cognoscirte und so ferner, damit der Wienerische Hof ihme der Cron Folge wegen mehr beförderung als Hinderniss verursachen mochte und selbiger Hof ohn verhoffen fals solches wegen erwehnten Ursachen auch thate, was dann ich meines Orthes so dann allhier in regard des Churf. zu thun habe? Weil man zweiffelsohne von dem Sächs. Hofe auch an mich kommen dürffte, dermahlen aber noch nicht weiss, was ihnen antworten soll.

Uebrigens hat der K.R. Min. in seinen Instructionen, dass im Fall die Rep. Polen allen fremden Cron Praet. die exclusivam geben, hingegen einen Piasten auf den Thron erheben wollte, er Botschafter, nur dahin zu trachten hatte,—damit sie in ihrer Wahl nicht auf einen Czart. oder andern ihrer Parthey zugethanen Magnaten fallen mögte, sonsten seye dem R. K. Hof gleichgültig, wen sie aus ihnen zum König erwehlen würden, soferne man sich nur guter Freundschaft und Nachbahrschaft zu ihm versehen könnte. Da über solches alles dem an E. K. M. Hoflager substituirenden R. K. Minister gleichmässige vollkommene Information zugeschicket u. zweiffelsohne von E. K. M. an dem W. Hof residirenden Ministre alles solches des mehreren, schon wird berichtet worden sein, so dass über dieser Materie ich allhier E. K. M. ferners beschwerlich zu fallen ungebürlich erachte.

Der K. K. Hof pretendiret nach inhalt mehrbesagter Instructionen zuverlässige Nachricht zu haben, wie Frankreich alle Anstalt mache, umb den Stanisl. in Pohlen zu bringen. Weshalb dann der K. K. Minister seinem erhaltenen Befehl nach mit mir consuliret auf was vor Art dem Stanislao von hieraus, wenn er zu Wasser nach Dantzig kommen würde der Weg zu seiner Hereinkunft zu versperren seye. Darauf ich dann ihm meine Meynung, die er auch gut gefunden und seinem Hofe gemeldet, auch mich ersuchet hat E. K. M. solches vorzustellen, folgend. Massen eröffnet. Wie ich vor mich diesen Menschen considerirend, wie er sich von Anfang seiner Wahl u. Crönung bishero betragen, von allzuschwacher Resolution glaube, so hardi zu seyn seine Anherokunft zu unternehmen und nur bloss auf Frankreichs hefftiges Insistiren endlich geschehen möge, allenfals glaubete ich eben nicht so gefährlich zu sein; dann so er hieher käme, wollte mich fast hoch obligiren, selbigen so dann tod oder lebendig in meine Hände zu bekommen. Jedoch aber wann man es absolute für gut befande zu verhindern so glaubete ich, dass da die Stadt Dantzig E. K. M. Residenten daselbst letzthin die bekannte violence begangen, man sich dieses Praetextes füglich bedienen könnte, ohne doch selbige kund zu machen und zu allegiren, warumb solches eigentlich geschehe, 2 wohl armirte Fregatten vor den Hafen zu Dantzig legen und alle fremde einfahren und landen wollende Schiffe auf das genaueste, ob der St. sich nicht darauf befinde, visitiren, und so er sich in der That darauf befände, ihn arretiren u. in Sicherheit bringen zu lassen, anbey dem Comandeur von solchen Fregatten anzubefehlen, dass im Fall der St. vor Dantzig zu Wasser ankomme und nach Wahrnehmung dieser Schiffe die Flucht nehmen wollte, ihn einzuhohlen und gefangen zu nehmen suchen sollte. Wie auch den gedachten Com. zu instruiren, dass er unter meiner ordre stehen, und sich nach denen von mir empfangenden Nachrichten verhalten solle, derweilen selbige von E. K. M. Hofe aus ihme hernach erst zu geben, sich allzu lang verziehen mithin die beste Gelegenheit zu agiren versaumt werden möchte.

Unterdessen werde nicht unterlassen gehoriger massen allhier und in Dantzig unter der Hand auszustreuen, dass diese Fregatte in keiner andern Absicht nach D. gekommen als wegen des erwiesenen affronts v. der Stadt Satisfaction zu fordern und wann diese Stadt, wie vermuthlich ihren recurs an hiesige Rep. deswegen nehmen und von der Rep. seither mit mir hier über gesprochen wird, würde ich andtworten, dass weil mir davon nichts bekannt, wollte ich solches E. K. M. berichten u. dero allerh. Antwort darauf ihnen zu seiner Zeit communiciren, welches man aber solang verzögern kann bis man positive wissen wird, woran man mit denen Pohlen wegen eines neuen Königs eigentlich seye und sodann alle Zeit revertiren können, und müsste die Rep. P. solches noch als ein Zeichen der Freundschaft annehmen, dass man in regard ihrer die Stadt Dantzig mit mehrerer Strafe verschonen thäte, während welcher Zeit aber die Nothwendigkeit zu erfordern scheinet nicht nur die trouppen auf denen polnischen Grantzen, sondern auch auf den ersten Wink marschfertig zu hallten. Doch ist der R. K. Hof der Meynung, wie mir auch selbsten dessen Obrister Hof Cantzler Graf von Sintzendorf in einem

particulier Schreiben gemeldet, dass eine allzufrühzeitige Einrückung der trouppen in Pohlen und ehe man von der Rep. wahrhaften Intention zuverlassig versichert wäre mehr schädlich als nützlich sein dürffte. Sollte es aber St. L. tentiren wollen durch teutschland sich in Pohlen zu begeben, so müsse er entweder durch R. K. Erblande als Böhmen u. Schlesien, oder durch die Sächsische oder Brandenburgische Lande gehen durch die erstere aber werde er schwerlich oder gar nicht passiren, indem die Grantzen allschon bereits mit Trouppen besetzet und diesen die nöthige Verhaltungsbefehle desfalls würklich gegeben seyen, wie von dem Pr. Hof zweifelsohne ein gleiches geschehen werde. Damit er sich aber nicht durch Sachsen hereinschleiche, so wird man unter der Hand insinuiren dass der St. L. heimlich seinen Weg durch selbiges nehmen wolle, welches dem Churf. v. S. daselbst genug sein wird, um auf seinen gefahrlichsten Cron Rivalen invigiliren und ihm den Weg verlegen zu lassen. Dieses dürffte um so unfehlbarer geschehen, als ich in Erfahrung gekommen, dass der Churf. von S. eine sehr grosse partie in seinen favor habe, indem nicht nur fast der ganze hiesige Clerus, ausgenommen 2 oder 3 Bischöfe, sondern auch bis 25 Senatores vor ihn stunden allegirend, dass er nicht als ein Extraneus sondern weil er ein Kön. Printz als ein Piasta und naturalisirter Pohle zu consideriren seye, kraft welcher qualitaet und formlicher Reichsconstitutionen, er auch die von seinem Herrn Vater dem verstorbenen Könige erkaufte und ererbte Güter zu besitzen und zu behalten befugt seye. Alles dieses aber sowohl als was die obgedachte in denen conferenzien vorgeschlagener massen zu vergleichende puncten betrifft, solle E. K. M. allerleuchtesten Beurtheilung allergeh. unterwerfen, und nur um allergn. baldige Resolution darüber, wie auch wegen des zu der Pohl. Cron eigentlich zu recommendiren habenden Subjecti allerunterth. bitten, dann nur allzugewiss, dass der sämmtl. kleine Adel schon vorläuffig mit Ungestüm herauslässet, keine fremde, wer sie auch sein mögen zu admittiren, und nebst vielen wichtigen Umständen so sie alleguiren unter andern auch wegen der landes Sprache absolute auf einen Piasten antragen, sagend sie wären der Intriguen derer grossen familien im Reich überdrüssig u. wollen einen König haben mit dem sie ohne Dolmetscher reden könnten, und glaube, dass alle diejenigen piasten so sich mit der anscheinenden Hoffnung schmeicheln König zu werden sie fleisig darinnen unterhalten, nur ist anzutragen, was die Exclusion der Familie Les. betrifft, dass sie diesen Piasten nicht darunter meinen. Unterdessen bemühet sich der R. Kays. Minister und ich umb auf allen fall von denen grossen der Rep. einige vorläufig an Uns zu ziehen und eine ansehnliche Parthey formiren zu können. Wie dann der R. K. Minister den Fursten Castellan v. Cracau, wie auch den F. Lubomirsky Woiew. daselbst, und dieses letztern nahen Vettern gleiches Namens den W. v. Sendomir, der von sehr grossen Mitteln ist, pretendiret gewonnen zu haben; hingegen ist wohl gewiss, dass die schandlich verlohrne betriegerische und verratherische Littauer aller empfangene Wohlthaten ohngeachtet, in Etwas, wo es thunlich gezüchtiget würden, und ihnen die machtige Nachbarschaft empfinden zu lassen, welches sie schon müssigen würde zum creutz zu kriechen. Hingegen hat mir der Cron-Grossmarschalck, wie auch der W. Kiowskj bei E. K. M. Parthey feste zu halten neuerdings versprochen und da für den Cron Marschallck ziemlich gute Hoffnung der Pohl. Crone wegen anscheinet, wenn selbige nicht etwa durch die consideration bei der Nation verdorben wird, dass seine Gemahlin nach dem Exempel der Königin Maria etwas zu begierig nach dem Gelde ist, habe mich dieser Gelegenheit bedienet, ihme in presence seines Tochtermannes, weil er in Wahrheit noch der ehrlichste Mann unter ihnen Allen hier ist, zu sagen, dass im Fall die pohl. Nation in ihrer Wahl auf einen piasten fiele, ich nicht zweifelte, dass seine Wahl E. K. M. die angenehmste sein mochte, wodurch dann der W. Kiowsky als sein Tochtermann von der Gross Feldherrstelle so gewisser sein konnte, als nicht zu glauben, dass sein Herr Schwiegervater so dann ihme einen frembden werde vor-

ziehen wollen. Weilen auch der W. Lubelsky Tarlo ein sehr freundlicher, remuanter, hardier und dabei reicher Mann ist, der weder Geld noch Mühe sparet, um seinen Endzweck zu erreichen, als suchen wir gleichfalls ihn wo moglich von der Czart. Partie ab und hingegen auf unsere Seite zu bringen mit der Hoffnung, dass er in obigen casu die Crohn Unterfeldherrnstelle, wornach er trachtet, gewiss davon tragen solle. Die Ursachen, derer vorhin schon E. K. M. gemeldeten zwischen dem F. u. W. v. Cracau Lubomirsky u. dem General Mir entstandenen Weitlauftigkeit sind, wie aus gegenwärtigen Beilagen sub. lit. A. zu ersehen, biss dato aber noch nicht beygeleget; doch hat der Pr. zu dem End einen Brief, alhier sub. B. copcylich beygeleget, an gedachten W. geschrieben, und ihn darin von fernern gefahrlichen Unternehmungen freundlich doch auch Etwas empfindlich abgemahnet, wovon man nun den Erfolg erwartet, der aber vielleicht nicht nach des Primaten Wunsch sein dürfte, indem gedachter W. für seine Person, theils viel nachzugeben gar nicht gewohnet und a peu près von des Tarlo seinem humeur ist, theils auch von dem R. K. Hof. diese entreprise zu soutenieren unter der Hand animiret werden mochte, welchem nach noch hier und dar noch mehrere troubleu in hiesigem Reich entstehen werden, welches um so mehr zu besorgen ist, als mir der Schw. Min. Rothenschild dieser tagen selbsten discursive gesaget, dass ob er gleich noch keine ordre desfalls habe, seye er dannnoch der Meinung, die Crone Schweden könne ihrer eigenen Ehre halber nicht weniger thun, als den Stan. mit Hülfe Frankreichs, vor allen andern Croncandidaten auf den pohl. Thron befördern helfen, bey welchem Umständen E. K. M. von selbsten allergn. nothig finden werden, zu sicherheit deroselben hiesigen Gesandschaft von Trouppen einige Mannschaft, wie ich schon vorhin allergeh. umständlicher gemeldet, anhero zu schicken, denen selben aber zu gleich zu ihrem Sold und Unterhaltung so viel allergn. auszuwerfen; damit sie bei der Zeit der nach einander folgenden 3 zahlreichen Reichstagen, gewisslich alhier einbrechen-

den grossen Theurung ehrlich und ohne Noth subsistiren können. Diese Ursachen veranlassen mich ebenmassig mich E. K. M. allerunterth. zu füssen zu legen und zu bitten, dass im Fall allerh. dieselbe allergn. Willensmeynung ware, mich als dero Ministern sothane Zeit uber noch alhier zu continuiren, ich gleichfalls eine hinlangliche Geldzulage zu meiner subsistenz und pro dignitate Majestatis Vestrae augustissimae meinen Character nach in publico erscheinen zu können aus gnaden erhalten möge. Weil ich auch ausser dem Cantzellisten Lobkow in der Cantzeley sonst Niemanden habe der die Russ. Sprache verstünde, bey diesen Conjuncturen aber die Geschaften sich mehr als verdoppeln werden, mithin er allein ohnmöglich im Stande ist, die Expeditionen so geschwind zu vollenden, als es der Sachen Nothwendichkeit erfordern mag, und im Fall er sollte krank werden ich gar Niemanden hatte, um in Russ. Sprache relatiren zu können, als ersuche E. K. M. allergeh. mir zu Cantzeley Hulfe einen Translateur anhero zu schicken, weleher russ. u. teutsch oder frantz. verstehe, denn hier dergl. Leute sonderlich die der russ. Sprache mächtig wären, wenn man sie gleich suchen wollte nicht zu finden sind; oder ob ich mir alhier selbsten ein tüchtiges Subjectum aussuchen soll, ob schon nicht der R. Sprache gleichmächtig seye, und was demselbigen vor Besoldung solchen falls auszuwerfen seye. Sonst habe ich endlich die beide letzthin anherogesandte Wechsel Briefe dieser Tagen mit vieler Mühe und Verlust an einen hiesigen Kaufmann verhandelt, doch weil der von 3000 R. Cassagelder nur Secunda gewesen, ich deswegen vor dessen Betrag und Bezahlung caviren müssen; als bitte allunterth. dass die prima mit ehesten anhero gesandt oder gemeldet werden mochte ob die prima recta zur acceptation seye versendet worden. Welches ins künftige zu mehrerer Sicherheit und Ordnung auf den Wechselbrief selbsten kurzlich konnte notiret werden. Uebrigens hat mir E. K. M. Res. Golembiewsky hinterbracht dass der gewesene k. p. Envoyé Lefort denjetzigen Staat Russlands betreffend hieher geschrieben haben solle, als ob

E. K. M. Armeen in der That kaum die Helfte derjenigen an der Zabl wie sie auf der anhero gesandte Liste verzeichnet ausmacheten, selbige sehr schlecht bewaffnet seyen, auch die Kays. Cassen fast gantzlich erschopfet, und ein allgemeiner grosser Geldmangel in dem gantzen Reiche seye. Die Czart. und Poniatowski mit ihrem Anhang haben diese Zeitung, wie man vermuthet alhier ausgestreuet und sollen sich bey bevorstehenden Dietinen selbige dem hiesigen Adel überall glauben zu machen bemühen mit dem Zusatz, dass sie von Russland sich um so weniger zu befürchten hätten, als eine Dame daselbst herrschete, welche nur suche, ihre Regierung in Ruhe und Vergnügung zu führen und weil man dem hiesigen Land Adel noch darzu vieles von der Türckenhülfe im Fall einer attaque von Russland vorschwatzen, als habe dienlich erachtet die letzthin von E. K. M. Residenten Nepluiew zu Constantinople mir zugekommene Nachrichten, dass die Perser würcklich mit der Pforte den Krieg angefangen und einige Städte sammt vielen Gefangenen hinweggenommen (wie davon E. K. M. zweifelsohne von gedachten Residenten selbsten, weitl. werden informiret sein) alhier behöriger Orthen zu communiciren, worüber bey ein und andern eben kein Vergnügen verspüret.

Der von der Rep. destinirte Regent Koronny Lipsky, um E. K. M. die Notification des K. in P. Absterben zu thun, ist erst den 14-ten h. von hier abgereiset, und hat sich seine Abreise vielleicht darum noch so lange verzögert, weilen ihm vielleicht wohl mehrere Instructiones mitgegeben worden. Die meiste hiesige fremde Ministers, als der Engl. Schw. Holl. erwarten von ihren Höfen ordres um dem nunmehrigen Churf. daselbst Ihrer Principalen wegen zu condoliren. Es haben sich seit des Königs in Pohlen absterben viele so wohl in hiesiger Rep. als Churf. Kriegsdiensten stehende Officiers, derer viele schon in denen letzten niederl. Kriegen gedienet haben, sich bei mir gemeldet, und in die Russ. Kais., zu kommen verlanget. Weilen ich aber zumvoraus von E. K. M. befehliget bin, keine Officiers mehr zu recomendiren als habe Ihnen keine andre Antwort gegeben, oder Hofnung gemacht, als dass ich ihr Gesuch E. K. M. allerunterth. melden würde. Unter diesen Officiers kommt vornehlich ein Major von der hiesigen Cron Garde, bei der er auch noch würklich stehet, Namens Heppen, wegen seiner besondern Erfahrenheit in solcher Charge in Consideration, indem gewiss ist, dass er wenig seines gleichen in solchem Metier habe, wie er dann desfalls dem Grafen u. Feldmarschall von Münnich bekannt sein wird und in dem letzten campement allhier alle diese inventirte neue Evolutionen mit vieler Geschicklichkeit zu exequiren gewust hat, und solle ihm der Churf. Feldmarschall Graf Wackerbart mit letzterer Post die Versicherung habe thun lassen, dass wenn er der Rep. Dienste quittiren, hingegen Sachs. annehmen wollte, Er Feldmarschall dem obgedachten Major Heppen, wegen seiner Beförderung u. Avantage garantire. Weil aber dieser Major in E. K. M Kriegsdiensten jedoch mit avantage employret zu werden vor allen andern verlanget die Gnade zu haben, wenn es sonst allerh. deros. gefallig wäre ihne solcher zu würdigen, so hoffet er auch von E. K. M. Gnade, dass dieselbe ihn wiederum mit einem convenablen Rangplatz, und wenn es etwa, als Major bey dero Gardes sein könnte begnadigen werden. Hierbey kann nicht umhin E. K. M. allerh. Gnade, und Grossmuth den schon lange Jahre bei alhiesiger Gesandschaft sich befindlichen Cantzelisten Lobkow, seiner Treue und Fleisses halber, wie ich ihm dann nichts anders als dieses verdiente gute Zeugniss geben kann, allerunterth. nochmahlen dahin zu recommendiren, dass derselbe zu der erledigten Secretarii Stelle allergn. befördern, oder zum wenigsten eine allerh. beliebige Zulage zu seiner gage und consolation, auch wegen denen vorseyenden theueren Zeiten Etwas selbstgefalliges Extra allergn. zufliessen lassen möchten. Gegenwärtige Rel. übersende E. K. M. durch den bey mir seither einiger Zeit sich aufhaltenden v. Bulaw, welchem als einem treuen resolvirten u. vielgereisten Mann, wie er mir desfalls wohl bekannt diese Depeschen sicher habe zur Ueber-

bringung anvertrauen konnen; indem ihm mit gegebenen passe habe die Freyheit genommen ihme den Titul eines Capitans v. E. K. M. Armeen zu seiner Sicherheit und bester Fortkunft beyzulegen, welchen tuchtigen Mann dann auch E. K. M. allerh. Gnaden allergeh. zu recommendiren mich unterstehe, als deren Würklichkeit um allerhochstdieselbe dieser Bulaw lebenslang durch alle von ihm erfordert werden konnende Dienste und schuldigste Treue sich würdig zu machen gelobet, und ist bey gegenwärtigen conjuncturen man allhier noch glücklich, solche treue, raffinirte u. capable subjecta aus zu finden, sich deren gebrauchen zu konnen; wie er dann auch von dem verstorbenen Bernsdorff in denen Engl. Intriguen zu London vieles gebraucht worden und selbige Sprache sehr wohl redet. Der Major Gehema welcher mit einer unglaub. Geschwindigkeit seine hin und herreise in 24 Tagen glückl. zurückgeleget sagt mir; Er habe die Madame Lefort unterwegens, auf ihre heraus Reise zu Wolmar angetroffen, welche wie sie den Tod des Königs von ihme vernommen bald fast halb tod bestürtzter zur Erden gesunken wäre zu gleich aber ihme ein Prief an den Starosta Belsky mitgebend. Uebrigens hat mir der Major das Allergn. Rescript richtig eingeliefert und erwarte ferner Allerh. Befehl was weiteres hier vorkehren soll.

Nach Vollendung gegenw. Relation ist allhier sichere Zeitung eingeloffen, dass die Woiewodschaft v. Cracau sammt denen ihr zugehörigen Fürstenthümern von Zator u. Oswiciem unter sich eine Confederation gemacht. Worinnen aber solche bestehe, werden E. K. M. aus dem hierbeygelegten Acte sub. lit. D. mit mehrerem ersehen. In gedachten Palatinat, Powiat Sondecki, hat sich auch dergl. Confederation hervorgethan, deren Absicht hauptsächlich unter andern dahin gehet, die zur unterhaltung der regulirten Truppen bis hieher bezahlte Kopfgelder abzuschaffen. Es gehet auch die Rede, dass einige Woiewodschaften in Lithauen in Conf. getreten seyn sollen; ihre Absicht aber gehe dahin, wieder die benachbahrten puissancen, im Fall dieselbige sich in ihre jetzige affairen wieder

ihren willen meliren würden sich zu opponiren, ob dem in der That so seye, wird die Zeit bald weisen.

Der Türkische nach Schweden gehende Gesandte Mahomet Effendi ist gestern Abend mit einem grossen Gefolg von Menschen und Pferde alhier eingetroffen. Vor seiner Anherokunft hat er sich einiger Tagen bey dem Cron Regimentario Poniatowsky auf seinem Gut zu Wolczin aufgehalten; ohnerachtet er gar spät gestern ankam, so hat ihm doch der Primas, sobald er davon benachrichtiget worden, gleich complimentiren und auf heute zu gast bitten lassen. Was ferners hier mit ihm vorfallen sollte, werde nicht unterlassen sogleich unterthänigst zu berichten.

E. K. M. muss annoch allergehors. melden, dass in dem ordinairen teutschen Zeitungsblatt, so der Herr von Grumkau an die hiesigen preuss. Ministros schicken lasst die gantze Passage betreffend den Printzen von Portugall von Wort zu Wort schon öffentlich zum voraus beschrieben und gemeldet ist, wie auch solche Zeitung hier öffentlich vorgestern bei dem von Brand in gegenwart andern Personen mehr lautgelesen worden.

Der Cron Cantzler Lipsky hat mir heute im Vertrauen geoffenbaret, wie gestern morgens als den 20-ten h. der Starosta Buski Jablonowski von hier ab und nach Chambor zu dem Lesczinski abgegangen seye und zu dem Ende von dem Primaten die Passeports erhalten habe. Er Lipski und seine gute Freunde hätten dem Primas Regni wiederrathen, solche nicht zu ertheilen mit Vorstellung der übeln Folgen die daraus entstehen konnten und wie er gegen der Rep. Pohlen so wohl als andern Puissancen sich desfals Verdruss zuziehen könnte, deme ohngeachtet habe doch die Czart. Parthey bei ihm durchgedrungen. Welches kein wunder, indem dieser gute alte Mann nicht viel Vormittag, noch weniger aber Nachmittag bei sich selbsten ist.

Und obgleich bis daher die Potockische Familie auf beiden Achseln zu tragen (поступала смотря по временамъ) und den Stanislaum unter der Hand hauptsächlich zu favorisiren

getrachtet hat, so hat doch der Woiewoda v. Lublin Tarlo Mittel gefunden, ihnen den Vortheil abzulaufen, indem er sich mit dem frantz. Minister allhier in Tractat heimlich eingelassen, und als er vor ohngefahr 8 Tagen von hier verreiset ist, einem Priester Piarum scholarum fernere Commission desfalls gegeben hat, so dass gedachter Woiew. die Grossfeldherrnstelle sich zum Voraus im Fall der Rückkehr des Stan. auf den pohl. Thron stipuliret, hingegen dem W. Kiowsky zu contentiren, weil er gleichfalls sothane Stelle pretendiret durch die 3 Person die Cron Cantzler Stelle anerboten hat, worüber aber sich dieser letztere sehr unwillig bezeiget hat und auch also von hier verreiset ist. Was nun ferner hierin vorgehen wird, wird sich bald weisen und ich solches zu seiner Zeit zu melden nicht unterlassen.

Unterdessen ist so viel gewiss, dass der kleine Adel fast überhaupt auf einen Piasten dringet, deme zu letzt wohl der gröste Theil Senatoren beytreten möchte, und werden von ihnen so wohl der Lesez., als auch der Churf. v. Sachsen mit unterselbigen begriffen, welches der Beforderung eines Extranei sehr grosse Verhinderung machen wird.

E. K. M. werden sonsten aus meinen vorhergehenden Rel. sonderlich derj. № 4 allgn. ersehen haben, was für passus zum Voraus, wegen der von dem pohl. Gesandten an der Ottomanischen Pforten geführten Beschwerden gethan, und was so wohl von dem Pr., als dem Cantzler darüber zur Antwort erhalten habe. Nachdem nun E. K. M. allgn. Befehle hierüber aus dem heutigen Rescript des mehreren ersehen, so habe mich heute nach mittag bei Zeiten zu dem Primaten, allwo eben der obgedachte turkische Gesandte zur Mahlzeit gewesen, verfüget, wobei ich sie auch noch und zwar eine Gesellschaft von ohngefahr 50 Personen, alle von Distinction angetrotfen, so dass der turkische Gesandte oben an der Tafel welche superbe serviret war, obenansitzend zwischen der alten Fürstin Castellanin Czartoryska und ihrer Schwiegertochter der Vicecantzlerin, denjenigen Platz inne hatte, welche sonst nur denen Botschaftern gegeben wird. Nach dem

man aufgestanden, hat der Cron-Gross-Marschall und der Cantzler Lipsky Mittel gemacht, dass ich mit dem türk. Gesandten reden kunte, welcher mir denn ein freundliches Compliment machte und alle während seinem Aufenthalt in Moskau daselbst empfangene Gnaden und Höflichkeiten anrühmete. Weil er aber die königl. Leiche zu besehen ginge, wohin er mit des Primas seiner Equipage bedienet wurde, konnte ich wegen der besagten Materie mit ihm nicht sprechen, werde aber mit ehestem darzu gelegenheit suchen, indem er über 3 oder 4 Tag von hier aufbrechen, sich zu Wasser nach Dantzig und von dar so weiter nach Schweden gehen wird. Wohin morgen schon theils seiner mitgebrachten Leute ohngefahr 20 Personen voraus, die andern aber nach Chocim wiederzurückgehen. Von andern etwa seinen habenden commissionen allhier ist mir dato noch nichts bekannt, werde mich aber darum bestens informiren u. E. K. M. deshalb zu seiner Zeit allth. berichten. Hingegen habe dem Pr. selbsten so wohl, als dem Cantzler Lipsky zusammen nochmahlige Vorstellung gethan, wegen des ungebührlichen Betragens des gesandten der Rep. an der Pforte, nnd dass er solches entweder nach seinen empfangenen Instructionen oder aus seinem eigenen Willen musse gethan haben. In dem ersteren fall wäre D. K. M. lieb eigentlich zu wissen, wass allerhochst dieselbe eigentlich gegen die Rep Pohlen sich zu versehen hätten, da dann dieselbe nicht unterlassen könnten noch würden convenable mesures wieder so unnachbahr- u. unfreundliches Verfahren zu nehmen, in dem andern Fall forderte ich Satisfaction über den Pohl. Gesandten. Der Pr. erwiederte hierauf, wie er mich neuerdingen versicherte, dass er von keinen derg. dem Sierakowskj gegebenen Beschwerungs Instructionen nicht wisse, welches auch der Cantzler Lipsky für sich selbst bestatiget mit dem Zusatz, dass er mir zu mehrerer Ueberzengung abschrifft von sothanen Instructionen verschaffen wolle, und approbirten Sie Conduite des Sier. gar nicht, allein ehe man ihn condemniren u. Satisfaction geben könne, wäre doch nöthig zuvor seine Verantwortung

und Ursachen zu hören, warum er dergl. gethan habe, und sollte solches sobald als er hier ankommen würde, wie man ihn mit nächsten erwarthe geschehen, da dann E. K. M. den ferneren Erfolg von dieser Sache allth. referiren werde. Der Graf Potocki W. Belskj bittet nochmahlen um dilation wegen der der horyhorkischen Güther halber annoch schuldigen Gelder, dass ihm bis zu End dieses Jahrs, Frist zu Bezahlung derselben allgn. möchte zugestanden werden.

Der Baron Loos soll wie man mit letzterer Post aus Sachsen vernimmt, von dem nun regierenden Churf. daselbst beordert seyn, um als dessen gesandter an E. K. M. Hof zu residiren. Es ist derjenige, der bey dem verst. K. Obrist Stallmeister und auch schon zuvor Gesander in Russland gewesen ist. Uebrigens mich E. K. M. unterth. zu Allerh. Gn. empfelend e. t. c.

Реляція отъ 22 февраля.

E. K. M. hiemit unterth. melde , das ich gestern Nachts um 10 Uhr einen gewissen Bülaw mit meiner ausführlichen Relation sub № 10 nach E. K. M. Hofe depeschiret habe, an dessen glückl. und geschwinder Ueberkunft nicht zweifeln will. Heute morgen ist des nach Schweden gehenden Türkischen Gesanden Legations Secretarius bey mir gewesen und hat mir desselben Ankunft allhier nebst einen sehr obligeanten compliment notificiret. Ich habe diesem Legations secretario bey dieser Gelegenheit eine vorlaufige Information über den ungebührl. Betrag des pohl. Abgesanden an der Pforte und zugleich E. K. M. deshalb billig darüber führende Beschwerde zu erkennen gegeben. Morgen Vormittag aber werde dem Türkischen Gesanden selbst meine Visite machen und über vorgedachte Sache mit demselben ausführlicher sprechen. Wovon zu seiner Zeit E. K. M. allth. Bericht abstatten werde. Der Ch. von S. solle den dasigen Zeitungen nach an unterschiedliche Höfe mit Notification des Todes seines Herren Vatern , Ministers zu verschicken Willens

seyn. Unter andern seye an dem R. K. ein gewisser alter Graf von Lützelburg, der des Ch. Oberhofmeister in seiner Jugend, und mit ihm zu Wien, wie auch bey seiner Vermählung daselbst, und sonst hin und wieder gewesen nebst dem geh. Rath von Zach, welcher schon zuvor et. Jahr hindurch an obgedachten Hof als Minister gestanden zu gehen beordert. Hieher nach Pohlen zu gehen, seye ein gewisser adoptirter Graf von Wackerbart ernennet, und meinen andere, dass der Geheimde Rath von Brüll mit ihm kommen, und dieser letztere von dem jetzigen Ch. in allen seinen Ehrenstellen und Chargen bestattiget worden seyn solle. Uebrigens mit allertiefstem Respect.....

Реляція отъ 2 марта.

E. K. M. werden aus meiner allth. Relation sub № 10 w. durch den Capitaine von Bülow übersand, unter andern allergn. ersehen haben, dass Mehemet Effendi nacher Schweden gehend hier angelanget, da sich dann folgendes Tages zu getragen, dass der alte Fürst Czartoryski Castellan von Wilna in Begleitung des Bischoffs von Plocko Zaluski und seines Brudern des Bischoffs und Cronsecretarii zu dem R. K. Ambassadeur Graffen von Wilczek in Visite gekommen, und gleich anfangs des Türkischen Gesanden personal meriten unendlich gepriesen, zugleich vorgebend, wie sich jeder alhier befleissen tähte, um ihm alle Distinction und Höfflichkeit zu erweisen, da ihm nun der K. Ambassadeur unter andern geantwortet, wie die Herren Pohlen gar wohl thäten alle fremde Ministros, so auch den von der Pforten gebührend hoflich zu begegnen, so gab der Castellan hin wieder zur Antwort, dass solches nicht allein die Ursache wäre , sondern sie cajolirten die Türken, um sich dieselben noch mehr zu freunde zumachen, um sich derselben Hülfe und Beistand sicher und zuverlässlich gegen alle diejenigen gebrauchen zu können, welche der Rep. bey gegenwärtigen Unständen der Königswahl Gewalt an thun, die freye Wahl

hindern und Conditiones aufdringen wollten; welchen impertinenten discours der Botschafter gleich ressentiret selbigen zur Stelle verwiesen und gefraget; Wer diejenige dann wären, so der Rep. mit dergl. Sachen droheten. Und da er Niemanden positive zu nennen gewusst, ihme zugleich die Unwahrheit seines Discourses überführet, und wie er nicht unterlassen würde seinem Herrn, so gleich zu berichten, dass eine christliche Rep. anstatt sich in der Güte mit ihren Nachbarn zu setzen vielmehr ihre Zuflucht zu Türken und Tartarn nehmen wollte, u. wass dergl. mehr, der Castellan aber gantz indifferent und höhnisch darauff antwortend, dass er solches nicht würde gesagt haben, wenn der Primas selbsten nicht solches offent. laut über Taffel gesprochen, und zwar zu dem intent, dass es public werden sollte, um so viel mehr, weil ich zur selbigen Zeit mit dem Residenten Golembiewsky in dem neben Zimmer gewesen seyn soll. Wir haben aber beyde davon nichts gehört noch gewusst; so läugnet auch der Primas, solches niemahlen geredet zu haben; indessen aber scheinet es doch wahr zu seyn, weilen man observiret, dass jedesfalls Etwas embarassiret sind und sich von sich selbsten excusiret. Weil nun dieser Türk, wie schon gemeldet, mir seine Ankunft wissen lassen, als bin anderten Tags darauf bei ihm gewesen, so hat auch er hinwiederum seine gegen Visite in Beyseyn seines Legationssecretarii in forma bey mir abgestattet, bey welcher gelegenheit ich mit selbigen über dasjenige gesprochen, wass mit dem Pohl. Gesanden Sierakowski zu Constantinople vorgefallen und wie der Zusammenhang der Sachen sich eigentlich befindet, über deme, wass mit dem Jablonowski Starosta Czeherinski vorgegangen deutlich expliciret, so viele ihme zu wissen von nöthen gewesen, womit selbiger auch sehr wohl zufrieden zu seyn geschienen. In dessen ist dieser Türk mit dem frantzösischen Ministre marquis de Monti zu verschiedenen mahlen zusammmengekommen, und haben einer bei dem andern gantz alleine offene Conferenzen gehalten, so zu 2 und 3 Stunden lang gedauert und die letzte

erst gestern morgen gewesen. Uebrigens wird dieser Türk heute Mittag bei mir speisen und noch diesen Abend von hier zu Schiff nacher Danzig abgehen. Sonsten hat er sich seines wahrenden hierseyns überall überaus E. K. M. allerh. Gnaden gepriesen, welche allerhöchst dieselbe ihme, da er in Moscau gewesen, wiederfahren lassen, sich auch gegen mir gar höflich betragen, wie er mir dann auch vorgestern von freyen Stücken ein gutes Türckisches Pferd ins Haus geschickt bitten lassend, solches als ein Geschänk von ihm anzunehmen. Er hat ein gleichmassiges Present an den Cron-Regimentario Poniatowski gegeben, nemlich ein sehr schönes Pferd mit völliger zugehöriger Equipage, so gar magnifique gewesen sein soll; Wohingegen der Regimentarius ihm wiederum mit einen kostbaren Wagen, einen Zug von sehr schönen Pferden sammt völliger Equipage, so alles zusammen von ziemlichen Werth gewesen gleichfalls verehret, was weiters aber zwischen ihm und denen Pohlen mag geschlossen worden seyn, habe noch nicht in Erfahrung bringen können; übrigens aber muss die Pforte der Persischen affairen halber mehr als jemahls embarassiret seyn, wie aus gegenwärtiger Beylage zu ersehen, welche mir der K. Amb. communiciret, dass also von denen Türken allen Cabalen ohne erachtet, dannoch sobald nichts zu befürchten seyn dürfte.

Die Nachricht von des Stanislai Anherokunft wird zum öfftern bestättiget, und meinen einige gar, dass er schon würklich unterwegens seye. So geben auch einige Brieffe, ob seye er zu Toulon oder Marseille auf einen frantzösischen Kriegsschiff embarquiret und nach Constantinopel transportiret worden, um seinen Weg von dorten über Chocin hieher zu nehmen. Sonsten aber habe auch vernommen, dass der R. Kaiser den kön. däniscehn Hoff ersuchen lassen, dass im Fall er zur See nacher Dantzig kommen wollte, ihme den Weg durch den Sund zu verhindern. Der Frantzösiche Minister solle sich allhier öffentlich haben verlauten lassen in faveur des Stanislai alles mögliche zu thun und zwar in diesen Worten sich des Lateinischen Sprichwort

bedienete: Flectere si nequeo superos, acheronta movebo. Zu dem will verlauten, dass der allhiesige Franztzosiche Resident de Perte vielleicht nacher Schweden gehen soll, um die bishero in frantzosischem Sold gestandene 12000 Mann Schweden mobil zu machen, damit selbige auf benötigten Fall concurriren möchten des St. Bestätigung auf den pohl. Thron zu unterstützen. Welcher letztere Umstand aber mehr confirmation brauchet und mir nicht wahrscheinlich vorkommt, sondern nur mehr eine terreur panique des R. Kaiserl. Hofes zu sein scheint, als welcher sich vor Frankreich und den Stanislaum recht übermassig besorgen thue. Frankreich soll der Repub. Pohlen versprochen haben alles mögliche zu unternehmen das konigl. Preussen seinem jetzigen Besitzer zu entreissen und der Rep. Pohlen wiederum retabliren zu machen. Welches mir aber eben so wenig als das andere so glaubich als practicable vorkommt und hinwiederum preussische terrores panici seyn. Die alhiesigen Pr. Ministri haben zwar ihre Wacht zu Pferde von 36 Mann, und ihre vollige Instructiones, aber noch kein bares Geld, so zu dem bewusten negotio von nothen, erhalten, sondern der Konig in Pr. hat ihnen nur gemeldet, wie sie schon zu seiner Zeit auch mit der bestimmten Summa Geldes versehen werden sollten; indessen aber hat Frankreich schon über Dantzig durch den Banquier Mathy an den hiesigen Wechselherr Reauquoux würklich eine million livres über machen lassen, so dass dann also weder dem zu Dantzig noch dem andern alhier von diesen beyden Kaufleuten mehr trauen kann.

Hier gehet dermahlen der Ruf, als ob sich der Poniatowskj der Cronfolge gleichfalls vor sich selbsten anmasse, desfalls auf alle mögliche Art die Pohl. Truppen, als auch andere Pohl. Magnaten an sich zu ziehen suchet: Ich meines Orths sehe solches, als ein sehr schwaches unternehmen von ihm an, indeme die Pohlen selbsten solches nie zulassen werden.

Es hat sich vor einigen Tagen ein Pohl. Edelmann von der Confederation von Cracau deputiret mit einem Schreiben bey dem Primaten eingefunden, und selbigen seinen mit habenden Brief einhandigen wollen, allein der Pr. hat solchen nicht recipiret, den Edelmann sein Beginnen in harten terminis weitlauftig verwiesen, sagend, dass er diese Confederirten nicht als eine legitimirte Confederation, sondern als rebellen und hostes patriae ansehe. Der Success davon stehet ehestens zu erwarten.

Der Primas hat bey dieser occasion einen Brief, welchen er von dem Fürst Regimentario Wiesznіewieckj aus Lithauen erhalten öffentlich laut vorlesen lassen, worinnen dieser Herr der Repub. mit denen lithauschen Trouppen, gegen allerley Unternehmungen, worinnen sie auch bestehen mochten Beystand verspricht, zugleich versichernd, dass der gantze Lit. Adel ein gleiches thun werde. Es ist zwischen dem R. K. Minister dem pr. M. von Brand, der 3 resp. Höfen residenten und mir auf meinen Vorschlag bey dem Grafen Wiltzek eine Conference veranlasset worden, bey denen gegenwartigen conjuncturen zu allerseits höchsten principalen interressen durch einstimmige Unterredung gehörige mesures nehmen zu können. Da dann vor gut befunden worden, um so viel mehr mit dem denominirten Cron-Candidaten bis einige Zeit nach dem Convocations Reichstag zurückzuhalten, als die Sache vor diesen Herrn durch zu dringen fast impracticable scheinen will; umb so viel mehr als die grossen dieses Reichs in ihren sentiments nur zwischen dem Churf. von Sachsen und dem St. zertheilet; der kleine Adel aber, so doch die grösste Zahl ausmachet und beynahe den Ausschlag mit Gewalt in der Sachen geben dörffte, wie schon öfters gehorsamst gemeldet, auf alle Art und Weise von Niemand als von einen natürlichen piasten bey der künftigen Konigswahl, wil reden hören. Bitte als nochmahls unterth. wass in solchen letztern Fall zu thun habe mich allgn. zu instruiren; sonderlich aber auch denjetzigen Churf. v. Sachsen betreffend. Der R. K. Minister sagte mir vorgestern, wie der W. Kiowsky Potocky, da er von demselben, Abschied genommen der Cronfolge halber declarirte, wie er alle seine personal merita,

wie auch derer seiner famille, so sich durch soviel 100 Jahren in dem Konigreich P. erworben, hiermit seinem Schwiegervatter dem jetzigen Cronmarschall Mniszek deferirte, und selbigen denen benachbarten Höfen zur Cronfolge recommendirte, er auch vor ihm mit seinem Anhang alle Zeit stehen, und vor seiner Person sich mit der schon so lang verlangten Cronfeldherrenstelle begnügen würde. Es hat mir auch der Cronmarschall seit einiger Zeit zu unterschiedenen malen über dieses Sujet sondiret und allemal diese Worte widerhohlet: Messieurs, je suis et je serai toujours de vos amis, soyez de miens, je vous prie et laissez moi le soin de trouver des amis dans la Pologne, worüber aber nicht allein en perspective sondern auch sehr equivoque geantwortet, keines Weges aber rebutiret. Es hat mit letzterer Post, als auch 2 mal durch abgeschickten couriers geschehen der Churf. v. Sachsen, an dem Primaten, Poniatowskj, Cronmarschall, Bischoff von Cracau, Cron-Schatzmeister Ossolinskj und unterschiedenen anderen Magnaten mehr, sehr obligeante Briefe geschrieben, seine Angelegenheit recommendirend und zugleich ersuchet, man möchte erlauben, dass er 100 Mann zu Pferd und 100 zu Fuss hereinschicken dorffte, seine hereinschickende Gesandschaft, als auch seine übrigen liegende Gründe und zugehörige Effecten zu bewachen; so seynd auch schon öfters courriers aus Frankreich an den frantz. Minister angelanget, so gar aber auch vorgestern ein gewisser pohl. Edelmann, Namens Zartzembskj von dem Stanislao Lesczynsky directe an den Primas regni hieher geschickt worden; alle diese Intriguen und Cabalen aber hoffe ich werden zu nichts dienen, als das Spruchwort wahr zu machen: vana est sine viribus ira; im fall nur die 3 resp. Hohe alliirte die künftige Konigswahl betreffend biss zu Endigung derselben einmüthiglich gleiches Sinnes verbleiben. Die Preussischen sollen en passant ordre haben auch einen Brandenburgischen Printzen zu recommandiren.

Mit gestriger Post habe E. K. M. allergn. Rescript sub. № 5 richtig erhalten; aus welchem in Allerunterth. ersehen, wie allerhochst dieselbe verlangen, dass ich die Pohl. Rechte,

Gesetze, Constitutionen u. dergl. Errichtungen mehr: über das Verhalten des Pr. und der Pohl. Stände wahrenden Interregno; von der Versammlung zur Election des neuen Königes; von der Art und Ordnung solcher Wahl und der Croncandidaten Vorstellung, derer mit dem neuen König zu machenden Pactorum conventorum wegen; die Errichtete consitutiones zur Zeit der ersten Confederation zu Sendomir, von Anfang des zwischen Russland und Schweden gewesenen Kriegs: die Reconciliations constitution von A. 1716 unter Russ. Kais. Mediation errichtet; und den Ewigen Friedens-Tractat zwischen Russland und Pohlen einschicken soll; Ich werde zwar allen möglichsten Fleiss anwenden, um solches alles zu überkommen, wie ich denn schon heute und gestern durch den Residenten Golembiewskj alle Buchladen durchsuchen lassen, allein gleich wie leider dieses Reichs Einwohner in vielen Sachen das manquiren, wass einer civilisirten Nation anstandig wäre, so ist in sonderheit ihre ignorance wegen schlechter application so gross, dass sie selbsten ausser einige wenige Personen, fast ihre eigene Reichsconstitutiones, Gesetze und Verfassungen nicht anders als per traditionem verbalem wissen, und excusiren sich selbsten, wie ihre Cantzeleyen und Bibliothequen, ja sogar die meisten archiven durch die vorige Kriege verloren und zu Grunde gegangen.

Bei dem Primaten, Bischoffen von Cracau Lipskj, und der Zaluskischen und Czartoryskischen Familie allein habe noch codices gesehen und gelesen, welche einigermassen vor legitime passiren können, jedoch ist es hier nichts neues, dass sie aus denen Registren, so in denen Groden deponiret werden, wenn es die Noth erfordert, es betreffe hernacher das publicum oder privatum, so bald es ihnen nicht anstandig, gantze Blätter herausreissen. Es ist aber ein Werk von 5 Tomis in folio, unter der Press, zu welcher Beforderung unserer sehr viel eine starke praenumeration hergeschossen, welches überhaupt eine Compilation von allen Pohl. Rechten und Constitutionen in sich halten soll; bis dato ist nur erstlich ein tomus heraus, die Uebrige aber werden schwerlich vor Jahr

und Tag zum Vorschein kommen, solte aber indessen diejenigen obspecificirten puncten als autentique erhalten, werde nicht unterlassen selbige sogleich zu übersenden.

Die mit mir zu reassumiren vorgewesenen Conferenzien seyen von dem Primaten dermahlen noch nicht vor sich gegangen, aus Ursache, weil sie hier alle, sonderl. aber das Czart. Haus mit dem Turkischen Gesandten, so nach Schweden gehet fast gantze Tage und gantze Nächte Conferenz halten. Es ist mir aber fast einigermassen vorgekommen, dass weder er, noch sein Legations Secretarius, welcher letzterer ein gelehrter und sehr capabler Mann ist, nicht sond. Lust haben, sowohl in die pohl. als frantz. Ambassadeurs Projecte sich einzulassen, und sagt er mir noch gestern Abend, wie er alle Stunde gerne hier weg ware, weilen ihme weder das Land noch Einwohner in nichts geficlen, gewiss ist es, dass nachdem er gestern gegessen, und nach der Tafel gleich weg wollte, der Primas ihm instandig ersuchet, heute Mittag noch bei ihme zu essen, welches auch geschehn, und noch gewiss diesen Abend weggehen wird. In dem Umgang, so mit demselben zu offter alhier gehabt, habe ihm insensiblement anlass gegeben, dass er mir selber nm Zeitung aus Persien befragt, da ich ihm dann zwar ganz trucken dieselbige erzehlet, jedoch ohne zu melden, woher ich sie hätte, die Walachey und Moldau vorschützend, so dass er mir nicht allein gar viel obligations hatte, sondern in folgende Worte ausbrach: Dieu soit loué, mon cher ami, que je ne me trouve pas à Constantinople, sans cela, il m'auroit infailliblement faller marcher à cette maudite et malheureuse guerre de Perse.

E. K. M. agent zu Dancig Erdmann hat mir mit gestriger Post gemeldet, dass die Schweden zu Wismar einige mouvements machen und weil aus seinem Brief ersehen, dass er solche schon an E. K. M. relatiret finde uberflüssig, jedoch habe durch einen guten Freund Gelegenheit nehmen lassen heute morgen dem von Rutenschild, welcher von denen Schwedischen affairen allhier chargiret ist, desfalls sondiren zu lassen, welcher dieses alles aber völlig wiedersprochen, auch

sogar, dass die Trouppen in Schweden, so in frantz. Sold gestanden nicht in faveur des St. Les. solten gebraucht werden, sagend, es seye ja bereits schon einige Jahre, dass die Cron Schweden keine subsidien mehr von Frankreich annehme. Gestern Abend ist wieder ein Courier von dem St. an den Primas gekommen, Namens Rostworowsky, ein anderer aber nach Gross Pohlen gegangen, Namens Mionskowsky.

Der Pr. in seiner heutigen Antwort an den Ch. v. Sachsen hat unter andern gemeldet, wie er ihm vor sich allein, in dem anjetzo sich wenig senatores zu seiner assistence alhier befindeten, unter was vor pretexte es auch seye, nicht erlauben könnte, Sachs. Trouppen, auch nur in geringer Anzahl herein passiren zu lassen, ohne sich bey der Rep. verantwortlich zu machen. Die kleine landtage alhier in Masovien haben bereits seith vorgestern den Anfang und gestern ihre Ende genommen, des Cronmarschallen jüngster Sohn, ein Knab von 15 Jahren welcher Starosta Jawarowsky ist, und ein gewisser Kalisz, welcher ein Client von den Cronmarschalkischen Hause, seyend beyde zu Landbotten auf den bevorstehenden Convocations Reichstag aus dem Warschauschen District erwehlet worden. Ein gewisser Sobolewsky wurde zum Marschal aus diesem powiat, und der Woiewoda Belsky Potocky zum Marschall von dem Capturgericht erwehlet; diesem letztern seyend 24 assessores zugegeben, in welchen Gerichten sehr kurtz und streng verfahren wird, sie nehmen ihren Anfang zu der Zeit der Convocation, und dauren bis 3 Wochen nach der Wahl.

Ich habe einen Brief gelesen, der mit heutiger Post aus Sachsen angekommen, worinnen der Graf von Wallenstein Oberhofmeister von der Churfürstin meldet, dass der gewesene Oberstallmeister von Loos, die commission nach Petersbourg zu gehen depreciret, worüber der Churfürst resolviret den Grafen Linard an E. K. M. Hoflager abzuschicken, man wisse aber noch nicht, ob der Lefort rappelliret werden würde. Der Graf Litzelburg und Geheimde Rath von Zach gingen noch gewiss nacher Wien, und ob schon geglaubt

worden, der gewesene geheimde Rath Graf von Mannteuffel würde wieder nacher Hof berufen werden, so seye solches doch bis dato noch nicht geschehen, allein der Ch. hätte an denselbigen ein sehr gnadiges Schreiben von eigener Hand ergehen lassen, und seine Pension von 12000 Rth. continuiret; nacher Frankreich gienge der Graf Alexandre von Kallenberg; nach Engelland der Cammerer von Binau; nach Dännemarcken der Cammerer von Pless; in Schweden bleibe der dorten seyende Sach. Gesande von Ichterot; nach Preussen gienge der Generalmajor von Berckholtz, nach Churbayern der Graf von Watzdorf; und bliebe es noch dato darbey, dass derjenige Graf von Wackerbart Salmour nebst den Curländischen Bulaw, so bishero Churs. Gesande in Berlin gewesen anhero kommen sollen.

Dass der Churf. der Herzogin von Holstein zwar eine Pension von 8000 Th. jahrlich noch gelassen, allein habe sie viele Sachen, sond. was der Geschmück von der Seel. Konigin gewesen zurückgeben mussen, und dabey aber ein Befehl erhalten sich aus Churs. Land wegzubegeben, so wisse man auch noch nicht bis dato recht eigentlich zu sagen, was der Churf. mit denen übrigen natürlichen Kindern, welche der verst. König als die seinigen legitimiret gehabt, thun werde. Endlich so hat man alhier mit sehr grosser Muhe die hierbey gesande Bücher aufgetrieben, nemlich № 1) De Jurium Regnandi Fundamentalium in Regno Poloniae. etc. nebst einen Anhang: De Electionibus Regum Poloniae etc. wie auch ein Anhang: de Juribus Majestatis sive Regalibus e.t.c. № 2) in Pohlnischer Sprache: Poparcie Generalney Sandomirskiey Konfederacyi e.t.c. Worinnen auch zugleich unterschiedliche Traktaten sond. zwischen Russland und Pohlen betreffend zu finden. № 3) Actum in Curia Regia Varsaviensi e.t.c. № 4) Foedus inter Sacram Regiam Majestatem atque Rempublicam Poloniae et Sacram Regiam Majestatem Sueciae Conclusum Varsaviae e.t.c. dem Stanislao betreffend. № 5) Konstitucye Zakonczeniu Konfederacyi Tarnogradzkiey e.t.c. worinnen fast das meiste enthalten, was in der letzten grossen Confederation zu Tarnograd A. 1717 geschlossen worden, wobey noch anhang von unterschiedlichen Sachen mehr zu finden. Uebrigens den punct betreffend, ob der König verbunden auf vielen puncten bey seiner Crönung der Repub. anzugeloben und zu beschwören, ist gar kein Zweiffel, und wird aus diesen überschickten gedruckten Sachen, mit mehrern allgn. zu ersehen seyn: Ein mehreres habe bis jetzo unmöglich in der Eyl zusammenbringen können, dann wass jemahlen vor diesen von dergl. Sachen hier in der Cantzeley gewesen, sollen die Fürsten Dolhoruki bey ihre Abreise mit sich genommen haben.

Auf denen Landwege fängt es an sehr unsicher zu werden und auf den kleinen Landtag Olive 8 Meylen von hier, wo der Starosta Kruszwicky, ein Sohn des Castellan von Czirsk grosser Partisan von der Czart. Famille, den Meister spielen wollen, ist ein Edelmann tod, viele andere aber zu Schanden gehauen worden. Künftigen Mittwoch als den 7 dieses, wird der kleine General Landtag von Mazovien alhier gehalten werden; ein gleiches wird selbigen Tag in allen Woiewodschaften des gantzen Reichs und in Litthauen auch geschehen.

Gegenw. Allerth. Relation habe von hier nacher Dancig an den Agenten Erdmann durch eine Estafette gesand, um solche weiter über Riga an den General Lascy adressirend nach Pet. zu depechiren. Womit mich E.K.M. allerh. Gnaden....

Nachrichten von Wien. An den Bulgarischen Gränzen d. 30 Jenner.

Mit einem gleich von Constantinopel hier angelangten vernimmt man aus Persien, dass der Chan von Kisu, Namens Thamas Kuli Chan sich mit andern Chanen vereinbahret ihre Völcker in 80 bis 100 T. Mann stark zusammen gezogen und damit den importanten Ort Balsora an dem Sinu Persico angegriffen und denen Türcken hinweggenommen hätten; von dannen hätten sie sich gegen Kurdistan, d. i. ein Theil des grosson Mesopotamien ehedem das Chaldaeer Land genannt, gewendet, sich mit denen Kurderfürsten vereiniget, ihre armée sehr gestärkt und also hätten sie einen grausamen Einfall in

das Land Kerkora gethan, alles verheeret und zerstoret u. grosse Massacre gemacht: Ein anderer Theil der Persianischen armeé agirt um Gentsche herum, und haben die Türcken allda continuirlich zu fechten, ziehen aber meistens den Kurtzeren. Die Leski, so Tartaren von Schamaki sind und sich meistens an dem Fluss Chur aufhalten, sind eben von der Pforte, welcher sie sich ehedem mit ihrem Daud Chan unterworfen haben abgefallen, und bekriegen die Türken heftig. Ueber diese betrübte Nachrichten ist die Pforte ausserst consterniret und dannenhero unaufhörlich occupiret, wie sie sich in eine gute Angewehrfassung setzen möge. Wie wohlen, so zweifeln die meisten an einem guten success, und vermeinen, dass bei diesem Ministerio nicht viel nützliches mehr werde können ausgerichtet werden.

Реляція отъ 8 марта.

Aus meinen vorherogehenden 2 allth. R. werden E. K. M. allergn. zu ersehen beliebet haben, dass man allhier Willens gewesen, der Conferenzien halber vorhero privatissime mit mir zu sprechen. Solches hat nun auch würklich der Primas zwar wohl gethan, und dieses pourparler bei dem Bischof v. Cracau Lipsky in Gegenwart des Cron-Gross-Marschale Gr. Mniszek, Woiew. Belsky Potocky, den Resident Golębiewsky und mir vor 4 Tagen angestellt. Nachdem nun die meisten Puncten vice versa einige Stunden lang gegen einander untersuchet und erwogen worden, so habe per conclusionem dennoch gefunden, dass kein rechter Ernst vorhanden und dass hiesige Pohl. Ministerium nichts suchet, alss nur durch diese plausible freundl. apparencien Zeit zu gewinnen, verhoffend, dass man dadurch bewogen werden würde, in denen gegenwärtigen Conjuncturen und Praktiquen, so sie gern spielen möchten, dieselbe ungestört zu lassen, so dass ich noch weit grösseren Ernst und wahrhaften effect, von ihnen erfahren muss, bis E. K. M. desfalls was positives melden zu konnen im Stande sein werde. Der Instigator Koronny Poninsky, welcher vor einiger Zeit nacher

Gross Pohlen gegangen, umb in faveur des St. Lesczynsky wo möglich in denenselbigen Woiewodschaften den gantzen Adel beweglich zu machen, hat dem von hier verreissten nach Schweden gehenden Türkischen Gesanden zu Dancig rendez vous gegeben, als wo sie sich beyde zusammen embarquiren und nach Schweden übergehen werden; dieser Türk, wie im Czart. Hause gesprochen wird, soll eine Stunde vor seiner Abreise, von der Pforten einen Courier erhalten haben, ob hätte dieselbe bey Babillon über die Persianer eine sehr considerable Battaille gewonnen, und wass derg. Umstände in faveur der Pforte mehr, welche Zeitung er Turk dem Furst Vice Cantzler Czartoryski hiermit insinuiren wollen.

Der General Landtag der hiesigen Woiew. Masovien hat zwar gestern seinen Anfang genommen, ist aber, weil jetzunder keine Landtage zerissen werden können, bis auf den 24 ap. St. n. und also 2 Tage vor dem Convocations Reichstag aufgeschoben worden, und zwar unter dem Vorwand, weil sich fast die meisten officiales territoriales nicht dabey eingefunden, und sie in dieser bishero gehabten kurzen Zeit, mit denen Instructionen vor die Landboten noch nicht fertig werden können; dieses alles aber seynd nichts als practiquen in der That, so von der Stanislaische und Sachsische Partie gespielet werden, w. erstere Partie aber sonderlich von dem Pr. und seinem Anhang fomentiret wird; solche mesuren genommen werden, damit sie wo möglich auch ihr dessein den Stan. auf den Thron zu setzen ausführen zu können. Gegenwärtige Beylage ist von dem St. hieher gesand und der Menge Copien ausgetheilet worden. Gegenwärtige war der Starostianka Goscinka Fräulein Tarlo, ein Mädchen dermahlen von 50 Jahren, welche aber schon seit mehr als 30 Jahren eine sehr specielle Freundin von dem St. ist, eingeschlossen und mit beygefugtes Postscriptum von dem Stanislao eigenhändig unterschrieben, bittend solches auszutheilen; gleich wie aber aus dem Inhalt zu ersehen, dass solches mit lauter invectiven gegen den verst. K. Aug. angefullet, also hat sie solches vor sich allein zu thun sich nicht getrauet,

OMITTED COPY

sondern den frantz. Ministre zu rath gefraget, da sie dann beyde mit einander beschlossen, indeme er auch ein Exemplar erhalten, sowohl diese 2, als anch die bereits schon ausgetheilten, wo noch möglich supprimiren zu lassen. Ob dieser letzte Umstand aber deme also, zweifele sehr, indessen aber hat mir diese Umstände auf solche Art der Obrist Lieutenant Darewsky, als welcher gleichfals ein alter guter Freund von dieser Starostianka ist hinterbracht.

Alhier wird von dem Pohl. Ministerio die Constitution heftig agitiret, dass zur Zeit der Kön. Wahl, alle fremde Ministri, von was Caractere sie auch immer sein mögen, sich von hier auf 4 Meil Wegs von der Stadt wegbegeben sollen; der Frantz. Minister ist desfalls weniger als wir andere alle embarrassiret, weil er von der Promotion seines Candidaten dem Ansehen nach weit mehr als wir gesichert zu seyn scheinet. Nachdem aber diese Entfernung der fremden Ministern, ohnerachtet der Constitution, w. solches ausdrückentl. haben will, schon bey denen 3 vorigen letzteren Wahlen, namlich der Könige Augusti, Joannis und Michaelis nicht mehr observiret worden, und alle ausländische Ministri nicht allein alhier verblieben, sondern sogar der Wahl in campo Electorali, jedoch in Pohlnischer Kleidung und zu Pferd beygewohnet, desto besser im Stande seyn zu können. ihre Herren zu dienen. Zu dem Ende haben wir dero allyirten Höfen hiesige Ministri uns beredet und beschlossen, dass wir uns nicht von hier hinweg bey künftiger Königswahl begeben wollten, wegen der üblen Consequenzen, der aus unserer Abwesenheit wider die Absichten unserer Höfe entstehen könnten, indem so dann die St. Partie ein so gut als gewonnenes Spiel haben würde. Weilen aber ungewiss, was man abseiten der Rep. vor einen Schluss dieser Sachen wegen nehmen werde, als bitte E. K. M. mir dero Verhaltungsbefehle zeitlich zu zusenden ob ich mich im Fall man Gewalt brauchen wollte mich zu delogiren so gut als ich werde können alhier souteniren solle. Wie wohl nicht zu muthmassen, dass die Rep. auf solches Extremum fallen werde, theils aus Furcht,

theils der verdachten praejudicaten wegen. Geschehe es aber dannoch um den Inhalt ihrer etlich hundertjahrigen Constitution wiederrum gültg zu machen, so hätte man daher Gelegenheit die Trouppen hereinrücken zu lassen. Mit gestriger Post. habe E. K. M. allgn. Rescript sub. №. 6 sammt dem Duplicato richtig erhalten und werde dessen Inhalt auf das genaueste bey convenabler Gelegenheit vollziehen.

Wass anbelanget den zwischen dem Pr. und seiner Famille wie auch dem Poniatowsky und der Czart. Famille nach dem Tode des Königes getroffenen Vergleich und Vereinigung in faveur des St. ist solches ausser allem Zweifel, wie E. K. M. aus meiner durch den Translateur Bialoszycky eingesanden Relation insonderheit, wie auch aus denen nachfolgenden des mehreren allgn. zu ersehen werden geruhet haben, dem hier noch beyfüge, dass obgleich der Pon., welchem vor einigen Tagen eine von ihm regulirt erbauete schone Stadt Wolczyn, da er residiret von Grund abgebrand ist sich nicht allein alhier befindet, er dannoch mit dem Primas in beständiger geheimer correspondence stehe, doch haben weder der Primas noch einige Pol. Magnaten schon gewisse offenbahre mesures zu Beförderung des St. genommen, oder sich öffent. declariret. So es die Nothwendigkeit der Sachen erfordern wird, werde nicht unterlassen E K. M. allerhöchsten Befehl zu gehorsamster Folge durch couriers und Staffetten von allen Vorfallenheiten auf das schleunigste zu benachrichtigen. Wie ich dann hoffe, dass meine den 21 Feb. durch den courier von Bülaw und den 2 Mart. der Staffetta über Dancig mit denen verlangten Büchern abgefertigte Relationen, bereits schon werden eingeloffen seyn. Mit gestriger Post hat mich E. K. M. Hofrath Erdmann benachrichtlget, wie Briefe zu Dancig eingeloffen, dass die Schweden nicht allein eine Flotte von 10 Kriegs Schiffen zu Carls-cron ausrüsteten, sondern auch eine ziemliche Anzahl Kauffahrdeyschiffe zusammen sammelten, um 6000 Mann, ohne dass man noch eigentlich wisse wohin, zu transportiren, worüber er selber so wohl als auch E. K. M. Minister an dem Schwedichen Hof zwei-

felsohne, werden berichtet haben, welchem nach, wie ich unmassg. allth. dafür halte etliche bewaffnete Schiffe, wo nicht eine Flotte nach Dancig hinzuschicken nöthig seyn mochte.

Sonsten ist bis dato Alles hier zu Lande ruhig und still, weilen von den Primaten und den Crongrossmarschalle gute Veranstaltungen gemacht und manuteniret werden. Vor einigen Tagen ist der Bischoff von Plocko Zaluski, wie auch der Fürst Untercantzler Czart. zu dem R. K. Botschafter gekommen, und hat der erstere, weil er bey des alten Fursten Castellanen Czart. bey dem gedachten Botschafter gehaltenen thorichten Discours, betreffend die schon ehe gemeldte von den Türcken zu begehrende Hülfe, gewesen, solchen als keines Weges von dem Primaten, wie der Castellan gesagt, herkommend, wiedersprochen, der Untercantzler aber hat insonderheit seinen Vater zu excusiren gesuchet, weil er solches im Trunk geredet habe, da er seine Zunge nicht allemal, wie er wohl wünschete im Zaum halte, mit Bitte also nichts aus dieser Sache weiter zu machen. Weil aber der Botschaffter auch dem Crongrosmarschalle, als ersten Minister Status von dieser Begebenheit Nachricht gegeben, dieser aber den Primaten expresse gefraget, ob er dergl. discourse sich gegen Jemanden habe vernehmen lassen, wie der Fürst Cast. Czart. vorgegeben, so hat der Pr. nicht allein alles solches desavouiret und geläugnet, auch declariret, dass er im geringsten von nichts wisse, sondern ihn den Cron-Mreschalle ersuchet, dass er dem Botschfter solches hinterbringen, den Castellan entschuldigen und also nichts aus dieser Sache ferner machen möchte, welches der Cron Marschal auch gethan, und der Botschafter ihm das letztere versprechen; weshalb dann verschiedene raisonnemens geführet werden sollen. Uebrigens mich...

Отрывки изъ реляціи отъ 2 апр. *)

Послѣ словъ: «въ королевствѣ обращались»: (стр. 170).

Какое же дѣйство все сие у здѣшняго народа имѣть будетъ и то, до будущаго созывательнаго сейма именно донести не можно и какъ примасъ

*) Эти отрывки служатъ дополненіемъ къ отрывкамъ напечатаннымъ въ Выпискѣ Б. Каменскаго». Русск. Вѣст. IV т. на стр. 170 и слѣд.

о возведеніи Ст. на престолъ старание прилагаетъ. то изъ пристрастного его поступка усмотрѣть можно, ибо онъ предъ нѣсколькимъ временемъ старосту Копаницкого Понинскаго къ королю прусскому со всякими предложеніями (о которомъ я еще неизвѣстенъ) самъ собою отправилъ, но втомъ мало успѣху будто имѣлъ.

Когда же я о семъ случаи и притомъ увѣдомился, что пр. министры или съ притвору или за подлинно (какъ то и быть можетъ) увѣряютъ. что они о томъ ничего не вѣдаютъ. то я случай принялъ у кор. маршалка и кор. канцлера Липския, которыхъ я въ мѣсте засталъ и со мною безъ того въ конфиденціи обходятца о томъ навѣдыватца и въ разговоре ихъ спросить. какия вѣдомости староста Копаницкій изъ Берлина примасу привезъ; о семъ они ужаснулись и увѣрили, что о семъ и о поступкахъ примаса ничего прежде не вѣдали, кот. они весма не аппробуютъ, прибавя ктому, что ему безъ нихъ яко первыхъ статскихъ министровъ то учинить не надлежало, въ чемъ ему иногда отвѣтъ дать трудно будетъ и просили меня притомъ, чтобъ я подлинно о семъ дѣлѣ навѣдывался и имъ извѣстие подалъ, чемъ они подлинно вползу Ст., х которому они оба министра склонности не имѣютъ ползыватся не будутъ. Прусскихъ министровъ предявление мнѣ видится толь вѣроятнѣе, понеже они не всегда обстоятелное извѣстие отъ своево двора получаютъ; якоже они увѣряютъ, что ни надлежащей инструкціи о будушемъ избраніи короля ниже назначенные ктому денги не получили. И хотя партія Ст. см. стр. 170.

Послѣ словъ; стараться не будетъ на стр. 173: В.И.В.—Оберштъкамейстеру, к. вы сюда всемилост. отправить изволили, по его прибытіи тако помогать буду, какъ высочайшіе интересы ваши того востребовать могутъ, о его отправленіи сюда, гдѣ надлежало пристойнымъ образомъ я обявление учинилъ и особливо кор. канцлера Липския ктому склонилъ, чтобъ онъ о томъ наспорте, въ кот. ему можетъ быть нужда будетъ, самъ собою примасу представилъ, чего онъ и я прямо у республики просить за благо неразсудили. Сие онъ Липцки и учинилъ такъ, что, когда я у примаса на визите былъ и токмо въ разговоре о томъ упоминалъ, то онъ на сие охотно позволилъ и токмо просилъ, чтобъ при немъ будущая свита не въ другъ въ городъ въѣхала, но по малу бы вошла, чтобъ шуму не было; и потому онъ на сихъ прошлыхъ дняхъ оной паспортъ на всю свиту ко мнѣ прислалъ, хотя онъ сначала, когда онъ о пріѣздѣ В. И. В. обершт. съ толикими людми услышелъ, зѣло сердитовалъ: и въ присутствіи подполк. Даревскаго ему жестоко выговаривалъ, когда же онъ Даревскій пристойнымъ образомъ ему на то отвѣтствовалъ, то онъ его безъ отвѣту оставилъ и не простясь въ кабинетъ свой вошелъ.

Съ великою трудностью я для В.И.В. обершт. съ его свитою квартеры нашелъ и то въ разныхъ домахъ за кот. и за починку оныхъ болѣе 700 черв. дать принужденъ, ибо квартеры здѣсь нынѣ въ чрезвычайной цѣнѣ и оныхъ достать неможно. Отъ старосты Бѣлскаго Потоцкаго принятые 1651

черв. въ приходъ здѣшней В. И. В. казны я записалъ, оной оригинальной векселъ я изъ Гданска получилъ, и возвращу оной помянутой старосте во свое время взявъ у него мою росписку назадъ.

Подполков. Дарев. годовое жалованье 300 черв. съ росписки я выдалъ. Что же до того В. И. В. изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ офицеромъ Билоу во мнѣ присланнаго рес. а особливо до содержанія о предложенныхъ конференціяхъ касаетца, то я оные не токмо всяческимъ образомъ обходить искать буду, но такожде, когда оныхъ при будущемъ созыв. сеймѣ миновать не возможно будетъ (ибо отъ воеводства Плоцкого у примаса уже ктому представление учинено, что тогда ссосѣдними державами примиритца надлежитъ) по всепокор. моей вѣрности и должности и по имянному содержанію трактатовъ и В. И. В. указовъ вѣрно и непремѣнно поступать буду.

Коронному Канц. Липскому повелѣнный превысочайшій комплементъ и милостию обнадеживание ему и дяди его я отправилъ, еже онъ съ великимъ благоговѣнісмъ принялъ, и при всякихъ случаяхъ по возможности своей отслужить обѣщался.

Послѣ словъ—чиновъ постановляется на стр. 173: Я союзнымъ здѣшнимъ министрамъ предлагалъ, чтобъ нѣкоторое разсуждение подъ имянемъ полскаго патріота сочинить на полскій языкъ перевесть напечатать и потомъ роздать, дабы тѣмъ полскому народу опасность Станиславова домогательства вдоступленіи полскаго престола представить, и ему тѣмъ у оной, ежели возможно, препону учинить. Вышепомянутые министры то мое предложение за благо изобрели, и потомъ какъ римско-цесарскій министръ фон. Кинернъ, такъ и я на себя приняли, всякому изнасъ по копіи сочинить и тогда тое, которая наилутче удастся и отъ всѣхъ апробована будетъ впечать отдать. И понеже вышереченнаго резидента, договореннымъ образомъ сочиненное писмо было весма кратко и токмо въ генералныхъ терминахъ поставлено, и слѣдов. не къ дѣлу клонилось, а я того мнѣния находился, что резоны явственнее описать, дабы менше подозрителными, но болше вѣроятными у оной націи себе учинить, того ради мои труды хотя пространнее, однакожъ отъ союзныхъ минист. по разсмотрѣнію ихъ, во всѣхъ пунктахъ апробованы счего В. И. В. копію при семъ подъ лит. С. всеподданнѣйше прилагаю, какъ скоро резидентъ Голембовскій переводъ сего писма на полскій языкъ изготовитъ, то оной или в Бреславу или в Кенигсбергъ для печати пошлю, понеже мнѣ отздѣшнихъ печатныхъ мастеровъ столко благоугодности и таинства, какъ французской министръ, надѣятся не можно, однакожъ я оное чрезъ третьи руки производить. Что же впрочемъ до внутренного здѣшнего состояния касается, то донынѣ еще все втишинѣ и покое, понеже какъ примасъ такъ и протчия здѣсь бывшия полския министры предъ страшною недѣлью, по обыкновению своему, вдѣла не вступали, а что до тѣхъ вѣдомостей и писемъ принадлежитъ о надежной подлинности которыхъ В. И. В. всем. повелѣли мнѣ провѣдывать, и ежели возможно оныя видеть и оригиналныя читать и они суть такого состояния, что о томъ отъ приватныхъ

покойного короля служителей ему резиденту Голембовскому сказано, но понеже какъ я такъ и онъ еще тогда старались неприкосновной опытъ о томъ получить, то помянутой рез. съ тѣми служителями паки разговаривалъ и удобнымъ образомъ спрашивалъ, нетъ ли писемъ и прочесть оныя не можноль, на что оные ему ответствовали, что достать послѣднего не возможно, ибо полской посланникъ при дворѣ В. И. В. о такихъ вѣдомостяхъ въ реляціяхъ своихъ доноситъ, чему надежно за истинну вѣрить довлѣетъ. И якоже отъ всѣхъ сакс. служителей никого здѣсь ни обрѣтается и тако о семъ дѣлѣ провѣдывать далѣе не можно.

О инструкціяхъ старосты Рускаго Яблоновского данныхъ ему во Францию, на всѣ донынѣ приложенныя труды не смотря освѣдомится не могъ, но впредь всевозможное чинить буду какъ объ оныхъ, такъ и другихъ иногда во Францию и оттуда сюда посылаемыхъ комиссіяхъ развѣдывать.

Здѣшней шведскій рез. Рутенгильдъ повидимому нынѣ не такъ ревностно, какъ прежде сего чинилъ, за Ст. стоитъ, но ктомуже и говоритъ, что онъ не чаетъ, чтобъ корона шведская за оного особливо вступилась, еже однакожъ всѣмъ оттуда получающимся вѣдомостямъ противно быть кажется, которыми увѣряется, что въ Швеціи водою и сухимъ путемъ вооружения чинятъ, якоже меня еще недавно В. В.—а пребывающей тамо посланникъ Бестужевъ увѣрялъ, что помянутая корона Ст. Л. на полскій престолъ сильно пропзводить виды являетъ. О чемъ В. И. В. безсумнѣния пространно всеподданностию донесено. Примасъ отъѣхавшаго отсюда во Гданскъ Турец. посл., оному городу взело сильныхъ терминахъ, притомже особливо рекомендовалъ, чтобъ оному всякую отмѣну показывать, и о томъ попечение имѣть, дабы онъ безопасно и сохранно привезенъ быль въ Швецію.

Полской при оттоманской порте посланникомъ бывшей Сиракоской оттуда уже сюда возвращаясь отѣхалъ и тогда я не оставлю о веденномъ его тамо поступкѣ отповеди требовать. Впрошлой праздникъ....

Послѣ словъ—способствовать буду на стр. 175. На сихъ дняхъ ожидаются сюда 3 курсаксонскихъ посланника а имянно генералъ отъ курсакс. кавалеріи Баудицъ; уже упомянутой графъ Вакербартъ Салмуръ и нѣкоторой полковникъ фон-Дисбахъ, которыя всѣ три неотмѣнно отворенной столъ содержать имѣютъ, чемъ они партію принципала своего немало усилить могутъ.

Понеже противъ тако названной и уже всепокор. отправленной престароги брантерской, учиенное вползу Станислава, опровержение на почтѣ ко мнѣ неизнамо откого прислано, того для и оное подъ лит. Е при семъ приобщаю.

Реляція отъ 16 апрѣля.

Я не сумнѣваюся, что отъѣхавшей 2 сего вкомпаніи Маєора Гегема, даже до Кенихзберга куриеръ Крикъ отпущенную съ нимъ реляцію і дспеши, щастливо между тѣмъ привезъ і ваше Ім. Вел. ізоной между другимъ касательно о об-

щей воспріятой отъ здѣшнихъ союзныхъ дворовъ министровъ резолюціи въ дѣле остановки вподанію присланной къ примасу ваш. Ім. Вел. грамоты и содержание оной всемилостивѣйше усмотрѣть изволили, послы пруские по учиненномъ доношеніи і прошеніи о резолюціи получили въ сихъ дняхъ ответъ слѣдующей і отказной. Что де король пруской такихъ грамотъ въ республике польской писать не можетъ стой премены, понеже республика оного за короля признать ниже величество ему дать не хочетъ, чрезъ которые препятствіи следовательно вся письменная корресподенция между ими пресечена, ежели де онъ інако самъ себѣ предосуждения учинить непохочетъ. Насупротивъ же де того могутъ и імѣютъ здѣшние его министры, яко они понынѣ інструированы были і чинили по намѣрению трехъ союзныхъ дворовъ і согласно съ министрами ихъ продолжать къ чиненію гдѣ потребно іхъ деклараціи о ісключеніи Станислава. Требованные къ удержанію общаго намѣренія наупотребленіе того денги во свое время пришлются і войска на границахъ поставлены будутъ. Сіи обстоятельства подали мнѣ случай праведно высоко упомянутую В. Ім. Вел. къ примасу грамоту удержать понынѣ у себя, дабы В. Ім. Вел. ненавистію польской націи чрезъ такое письменное абсолютное ісключеніе безпотребно прежде времяни себя однимъ не отяготить. І понеже вашего Ім. В. оберъ-шталмейстеръ, братъ мой вскорѣ можетъ быть сюда прибудетъ по В. Ім. Вел. соізволительной інтенціи совершенно інструированъ будетъ, і тако подание оной еще гораздо благовремянно і тогда учинится. Римско-цесарской дворъ наклонить аглинской дворъ умѣлъ туда, что оной также при польской элекціи короля въ інтриги вступитъ воздержать станислава отъ короны, для того онъ находящемуся въ вѣне министру его Робинсону недавно куриера отправилъ стемъ указомъ, чтобъ онъ тамошней министеріи государя і короля своего о томъ резолюцію объявилъ і ей притомъ отправленной до здѣшняго аглинскаго министра Водварда пакетъ і указы вручилъ, которые бъ до здѣшняго цесарскаго посла отправлены і отъ него первому отданы были. По содержанію чего оной Водвардъ съ протчими союзничьими министры вдѣло вступать імѣетъ, которой былъ по ныне Чарторыйскому дому зѣло доброй приятель. Предъ нѣсколькими днями прибылъ куриеръ до цесарского посла съ помянутыми депешами действительно, которой также і аглинскому министру вручилъ; яко я получилъ о томъ вѣдомость, то поѣхалъ тотъ часъ ксему послѣднему подъ предлогомъ учинения ему должной контра визиты и по введеніи его мною въ дискурсъ о матерія здѣшней элекціи, сказалъ онъ мнѣ, хотя я рескрыптъ видѣть требовалъ, на память, что онъ отъ двора своего указы получилъ у примаса і польской націи предложеніи и представленіи чинить туда, дабы они въ іхъ будущей королевской элекціи жадного (ни одного) субекта сосѣднимъ державамъ, особливо же цесарю противнаго необирали, которою партію аглинской дворъ ради толь тѣснаго между ими находящагося обязательства всякого случая всегда принять, оставить не можетъ. Но я при всемъ томъ тораздо понятно примѣтить могъ, что сіи

указы суть Водварду невесма приятны; что тако далѣе въ томъ произойдетъ всепокорнѣйше доносить не отставлю.

На подписи кредитивной аглинского министра Водварда до республики грамоты, которая притомъ содержитъ въ себѣ ответъ і кондоленцию на данную о смерти королевской нотификацию данъ республике Praedicat Screnissima и внутри сначала также, но чрезъ весь контекстъ и ни по окончаніи при подписи болѣе не дано. Водвардъ во оной акредитованъ до республики чрезвычайнымъ посланникомъ, чемъ онъ былъ понынѣ только у короля польского іли наипаче яко у курфирста саксонскаго, еже і причиною было, что республика ничего отъ него никогда принять не хотѣла.

Коронной великой маршалокъ Мнишекъ купно спродолжающеюся его приязнию обпадеживаетъ меня постоянно, что онъ понынѣ еще нискемъ ни за однимъ, ниже противъ кого іскоронныхъ кандидатовъ не обязался но время і обстоятельствъ ожидать хочетъ.

Есть заподлинно, что сей министръ яко уже многократно донесено къ Станиславу несклоннымъ, также за курфирста Саксонскаго стоитъ токмо для внѣшняго виду і для засвидѣтельствования нѣкоторой благодарности, а насупротивъ того канцлеръ Либскій ему есть зѣло преданнымъ, яко онъ о семъ кнамъ понятно себя изъяснилъ во мнѣніи, что мы указъ имѣемъ ему также вспомоществовать, и дабы коронного маршалка въ сеи доброй диспозиціи не токмо удержать, но и аккуражировать то побезмероподоятельному всепокорнѣйшему моему разсуждению былобъ не безполезно, когда бъ оному отъ В. Ім. Вел. всемилостивѣйше аккордованная годовая 6000 талеровъ курантъ пенсия, которой і безъ того срокъ выходитъ вскорѣ къ будущему сейму элекціи напередъ точно заплатить невелѣно было, что приведетъ его воусугубленную облигацию.

Папежской нунциусъ также отъ двора своего інструированъ привести Лещинского въ исключение, а насупротивъ того по обстоятельствамъ рекомендовать курфирста саксонскаго іли претендента аглинского, первого того ради понеже курфирстъ толь ревностно за римско-католицкою религиею оказывается и тако папежское сѣдалище изъ того надѣется, что онъ по возвышеніи его на польской престолъ зблагодарности і дѣвоціи ко оному нетокмо отъ спорящагося чрезъ толь долгое время между королеи польскихъ и папежами jure patronatus і оного імѣющейся поссессіи отступитъ, но такожде и римско католицкую религию въ Саксоніи разширять пещися будетъ.

Претендента іщетъ онъ производить свышереченной притчины и аппетиту ктому jure patronatus, также чтобъ онъ его дорогоценного и тягостного пенсионария доброю манирою съ рукъ сбылъ і отъ него освободился, а сей бы ему однакожъ імѣлъ всегда одолжение, яко я вящее о томъ вовсенижайшей моей кабинетной реляціи въ августе 1731 представлять честь імѣлъ. Въ дополнение того дискурсу, которой цесарской резидентъ Киннеръ о представляемомъ на будущей элекціи кандидате імѣлъ съ примасомъ, яко я въ послѣдней всенижайшей моей реляціи чрезъ куриера отправленной

упомянулъ, посылаю приссмъ экстрактъ списма его о томъ отправленного 12 апрѣля шт. нов. до цесарского оберъ-гоѳъ-канцлѣра граѳа Ѳонъ Синцендорѳа, которое онъ мнѣ сообща просилъ притомъ, чтобъ резиденту Гохголцеру о семъ знать недавать В. Ім. Вел. безсумнѣнія отъ пребывающаго при цесарскомъ дворѣ чрезвычайного посланника Ланчинского уже есть извѣстно, что какъ мнѣ цесарского помянутого двора посолъ здѣсь сказалъ, что находящияся тамо 2 саксонскіе министры отъ начала іхъ пребывания імѣли стамошнею министериею токмо единственно одну конѳеренцию, въ которой іминемъ принцыпала своего предлагали, яко куреирстъ государь ихъ зѣло сожалѣетъ, что отъ нѣсколько лѣтъ между римского цесаря и усопшаго короля польского государя отца его такимъ образомъ проізросло несогласие. Онъ курфирстъ не токмо есть готовымъ древнее обязательство доброй дружбы совершенно со стороны своей по благоугодности і удовольствию его цесарского величества возобновить, но такожде къ вящему увѣрению до санкціи прагматики нелицемѣрно приступить і оную признать; надѣется насупротивъ того і отъ его цесарскаго величества, что милостивѣйше ему не токмо вдоступлению польской короны безпрепятственнымъ, но ктому і производительнымъ быть соізволитъ. На сие предложение данъ отъ цесарскимъ саксонскимъ министрамъ ответъ на писмѣ слѣдующей: куреирское де засвидѣтельствование котставлению несогласия і утверждению істинной нелицемѣрной дружбы чинитъ цесарскому Вел. ко особливо милостивой его благоугодности и иное здяднскимъ своимъ доброхотствомъ ему куреирсту признать уметь будетъ. Почему его величество снимъ о семъ пункте равные спокойные мнѣнія какъ и всегда імѣетъ что же куреирсткого предложенія вдѣле приступления къ санкціи прагматике и признанию оной касается, то находится его цесарское Вел. въ томъ удивительнымъ. Понеже онъ вѣрить не можетъ, чтобъ сие дѣло болѣе нѣкакое сумнѣние со стороны его імѣло, когда онъ уже чрезъ троекратную присягу то утвердилъ. И тако его паки возобновляемая помянутой санкціи конеирмация болѣе авантажу ей непринесетъ, когдабъ куреирстъ и еще 20 присягъ учинилъ и чрезъ бы прошедшие чести і совѣсти его обязанной быть невѣрилъ, такъ что акцессия его по тому въ собственности его былабъ весьма соизлишествомъ. Хотѣлъ же бы де куреирстъ киринятой въ дѣле санкціи прагматики отъ большей части Императорскихъ становъ на генеральномъ сѣйме въ регенсбурге генеральной имперской гарантіи приступить, то імѣлъ бы туда ітти гдѣ найдетъ двери і ворота отворены и былобъ оное его цесарскому Вел. вельми удобно. Въ дѣле желаемаго возвышения на польской престолъ, его цесарское Вел. уже предъ нѣсколькими лѣты въ семъ производительнымъ быть, яко ему не безъизвѣстно дѣйствительно старался. Для чего и чрезъ внушенія свои при імпоратороско россійскомъ і королевско прускомъ дворѣхъ то дѣло туда проізвелъ, что они вѳаворъ куреирста себя декларовали. Со стороны римского цесаря его куреирста усопшему государю и отцу о сихъ добрыхъ ѳѳиціяхъ і ѳаворабельныхъ

диспозиціяхъ откровение учинено, за что онъ хотя благодарилъ но то яко за непотребное і излишнее держать отринулъ, і понеже и онъ нынѣшней куреирстъ самъ отъ тото времяни никакого далшаго іскания цесарскому двору и ни подъ рукою, о семъ дѣле нечинилъ, то цесарское Вел. къ принятию о томъ своими союзники Россійскою Імператрицею і королемъ прускимъ іхъ величествами другихъ обязательствъ и мѣръ, далѣе медлить не хотѣлъ якожеде і дѣйствительно учинены, о которыхъ его цесар. Вел. безъ единодушнаго помянутыхъ высокихъ дворовъ согласия ни въ малѣйшемъ отступить ненамѣренъ, імѣлъ бы де тако куреирстъ у оныхъ и о іхъ на его персону соизволение и на польской престолъ проізведение надлѣжащимъ образомъ прилагать іскание, и когда онъ въ искании своемъ успѣхъ возімѣетъ то его цесарское Величество равномѣрно поступки свои потому учредить и ему противнымъ не будетъ; какъ бы куреирстъ то дѣло принялъ состоитъ то во ожиданіи.

Преднесколько днями провѣдалъ я сперва теперьво отъ маршалковой коронной (понеже онъ самъ яко первой штатской министръ, оказыватся не хочетъ, чтобъ тому подобное отъ него вышло) что примасъ будто намѣренъ былъ другаго дни по смерти короля Августа вмѣсто інтерегнума огласить Станислава королемъ польскимъ и о томъ съ партизанами оного держалъ совѣтъ. Но отъ того будто некоторые отъ страху опасныхъ слѣдствіи якоже і другие вѣрно склонные патріоты отсовѣтовали, и сего проэкта экзекуцию отвратили, однакожъ будто примасъ Станиславой партіи притомъ представлялъ, что чрезъ публикование интерегнума, і что престолъ опорожнился навлечетъ Станиславу великое предосуждение понеже **semel unctus semper unctus**, какъ власные слова его гласить імѣли, остается. Хотя онъ цесарскимъ министрамъ, даетъ толь добрыя увѣренія і сладкие слова, что противъ воли ихъ двора Станислава производить непохочетъ, то однако же побезмѣрно подаятельному моему разсужденію оному въ томъ не всѣмерно надежно вѣрить. Но на супротивъ того недреманное око на оного імѣть былобъ потребно: дабы онъ такой тайной игры нечаянно неучинилъ, и понеже онъ предъ двумя днями, самъ мнѣ сказалъ, что онъ нарочного къ вашему Ім. Вел. пошлетъ. І тако по безмѣро подаятельному всенижайшему моему разсужденію такожде потребно быть восторожности, дабы отъ ѳальшивыхъ его пропозицій і обѣщаней іногда конеузіи учинено не было. Понеже онъ токмо тѣмъ къ раздѣленію поводъ подать і время выіграть хочетъ. Якоже теперво высокие союзники, болѣе нежели когда соединенными пребывать причину имѣютъ, и время терять не надлежитъ поляковъ во всѣмъ игрою предупредить. И они наконецъ принуждены будутъ согласится, когда інако опасные слѣдованіи, которые ихъ отечеству приключится могутъ, уничтожить не похотятъ. На подъ полковника Ливена онъ весьма не добръ, удая, что онъ ничто іное, какъ безпокойство въ Литвѣ возбудить іщетъ. Понеже я вижу, что онъ при сихъ обстоятельствахъ вопасность впасть можетъ, того ради писалъ кнему чтобъ онъ, какъ скоро

можетъ пріѣзжалъ сюда, ваше Ім. В. всенижайше проса ему такой указъ для убѣжанія всѣхъ дальностей повелѣть отправить.

Куда впротчемъ мысли сей націи генерално вдѣле обранія короля клонятся, то о томъ наілутче изъ тѣхъ постановленій нарицаемыхъ Лауда іли инструкцей воеводствъ, которые я собрать іщу познать мочно. Станиславская же партія есть понынѣ еще наибольшая, однако же оному і нѣкоторые воеводства или изоныхъ нѣкоторые дистрикты противятся. Воевода волынскій Потоцкій ему такожде ко многому неудовольствію примаса возпротивился, изъ сего въ воеводствѣ много подвигу проізошло. Но теперво паки все утишено быть имѣетъ.

Примасъ учиненную Өранцузского посла декларацію повелѣлъ тотъ часъ слѣдующаго дни вполькихъ печатныхъ газетахъ извѣстну учинить, якоже и учинено. Но понеже такая декларація і оной въ газетахъ публикація зѣло дезавантажного состоянія, того ради мы совокупно союзничьи министры заблаго изобрѣли нашихъ высочайше респектованныхъ принцыпаловъ вопросить, не имѣемъ ли і мы противную тому на писмѣ вручить примасу декларацію, въ какихъ же терминахъ состоять оная имѣетъ, то потому имѣютъ здѣсь на мѣстѣ себя учреждать ко внесению того ежели бъ ізъ тѣхъ министерій чего партикулярного повелено не было.

Курфирстъ Саксонской какъ освѣдомленося імѣлъ переслать въ Польшу 20 тысячь талеровъ для созидания вкатедралномъ костеле въ Краковѣ усопшему государю отцу своему гроба. Притоже онъ тамо будто увундовалъ вѣчную службу Божию за душу его и другую нарицаемую вотивомъ, дабы Богъ просвѣтилъ Саксонской народъ къ принятию католицкой религіи; для давно умершаго короля Яна такожде пребогатой Castrum doloris приготовляется безсумнѣнія къ перенесению его и супруги его купно съ королемъ Августомъ во свое время въ Краковъ до гроба королевского.

Какъ я сию реляцию уже заключить хотѣлъ то пріѣхалъ ко мнѣ цесарской посолъ увѣдомилъ меня, что онъ на вопросъ его въ дѣле подания примасу грамоты о исключеніи Станислава получилъ отъ двора своего чрезъ куриера отвѣтной рескриптъ которой мнѣ и читалъ. Содержаніе оного главнѣише клонится, что цесарь въ такихъ точныхъ терминахъ писать яко В. Ім. В. грамота къ примасу написана за потребно неразсуждаетъ. Но было бы де лутче, когдабъ примасу въ такой грамоте per indirectam і потребная консеквенция представлена і до выразумления дана была, что три союзные дворы неохотнобъ видѣли, чтобъ Лещинскій возшелъ на польской престолъ. А на супротивъ того было бъ имъ пріятнѣе, когда бъ смирной і сосѣдней покой любящій Пистъ на оной проізведенъ былъ всходствие де чего цесарской дворъ грамоту къ примасу оправить затруднения нечинить, якоже такая къ послу и дѣйствительно прислана. Но подать оную токмо въ потребномъ случае. Естли сие іногда дѣйствомъ Өранцуской декларації іли не есть отсылаю то на мѣсто свос і тѣмъ Ваше Ім. В. болѣе утруждать нехочю, понеже резиденту Гохгольцеру о всемъ до цесарского посла писанномъ, по увѣдомленію, копіи кнадлежащему сообщению посланы. Но дабы какъ уже выше донесено Ваш. Ім Вел. однимъ ненависть польской націи при такой ситуаціи дѣлъ на себя ненавлещи то споданиемъ присланной къ примасу грамоты, толь долго даже до пріѣзду сюда брата моего которой отъ В. Ім. Вел. всевысочайшихъ указовъ совершенно инструированъ удержуся. І съ онымъ тогда потребное о томъ концертировать і о всѣхъ обстоятельствахъ ващшее устное откровение ему чинить буду.

Дающейся примасу отъ цесаря титулъ есть подобенъ тому которой онъ даетъ кардиналамъ то есть Reverendissima Paternitas vestra etc., а Өранцуской король начинаетъ кнему писма свои слѣдующимъ образомъ; взаглавіи Monsieur le Primat і даетъ ему токмо въ заключеніи mon cousin. Цесарь и того нечинитъ. Понеже находящейся при Пруском дворѣ французской министръ маркизъ Шетарди о отвѣте на ізвѣстную его декларацию усилно домогался, то пруская министерия по данной здѣшнему отъ Понятовского цесарского двора послу інформаціи и по содержанию писма отъ граоа Секендорфа до него же цесарского посла отправленного, королю совѣтывала, чтобъ онъ тотъ отвѣтъ учинилъ токмо въ генеральныхъ терминахъ такимъ образомъ. что ему заровно есть, кто королемъ въ Польше избранъ не будетъ, когда бъ токмо онъ і его союзники никакой отъ оного не імѣли опасности. И граевъ де Секендоревъ со всякимъ трудомъ едва толико у министеріи исходатайствовать могъ, чтобъ съ тѣмъ удержался, даже онъ двору, своему подастъ інформацію і получитъ вѣдомость, какимъ бы равной өормы образомъ отъ трехъ союзныхъ Өранцускому Двору могъ данъ быть отвѣтъ. Король же пруской министеріи его совѣту (которой Грумкау особливо подалъ вфаворъ курфирста Саксонского) не принялъ но попришедшемъ сперва изъ вѣны отвѣте далъ маркизу де Шетарди і свой отвѣтъ. Чинитъ де однако же сей поступокъ цесарскому двору реѳлекцию, і видится, что пруской дворъ менажировать Өранцию ищетъ, толь наіпаче яко здѣшние прусские министры при доброй оказіи и одного Брандебурского принца рекомендовать могутъ, какъ ваше Ім. Вел. все оное изъ сообщения отпомянутого резидента Гохгольцера всемилостивѣйше себѣ донести повелѣть соизволите; обще өормующейся отъ трехъ союзныхъ дворовъ, отвѣтъ на французскую декларацию имѣетъ потому сему двору і его у іностранныхъ Дворѣхъ министрамъ внушенъ быть сходственной и равно гласящей. А чрезъ цесарского во Франціи резидента Васенера, такимъ образомъ, чтобъ онъ кардиналу Флорию оное съ надлежащею модестиею открылъ устнѣ, яко и отъ кардинала ему та декларация объявлена. А оному garde des Sceaux Шовелину, которой то учинилъ состентациею гордо, декларовалъ бы себя взаімно і врав номъ тоне. Дабы виду не имѣть якобы чрезъ французскую декларацию себя устрашить допустили. Но когда бъ Васенеру мѣжду тѣмъ помянутая декларация отъ французского двора писмянно дана была, то имѣетъ и онъ цесарскую комуниковать такимъ же образомъ. Ежели же такъ неучинено, то остатся при устной декларації. Понеже здѣшней французской посолъ, ко-

роля его декларацію не токмо примасу но і другимъ польскимъ магнатомъ на писмѣ подалъ, то і цесарской посолъ 11-го сего учинилъ такую въ присудствіи моемъ у примаса, къ которому мы оба нарочно для того ѣздили. Посолъ нарекалъ сперва примасу, что артикулъ француской декларації столь ненадлежащими экспрессіями противъ цесаря государя его въ польские печатные газеты внесенъ, вопрошая при томъ примаса свѣдомали і приказу іли безвѣдома его оное учинено, і какъ онъ примасъ на обое негативе отвѣтствовалъ, то посолъ на то требовалъ, что бъ онъ газетиру сей артикулъ ревоковать велѣлъ, илибъ за то его наказать имѣлъ. Онъ ізвинилъ себя, что ни одного изъ того учинить не можетъ. Кчему посолъ ему доложилъ, когда де тому тако есть, то онъ самъ імянемъ двора своего оказію сыщетъ получить надъ газетиромъ возмедие. Что примасъ смолчаніемъ мимо пропустилъ. Присемъ цесарской посолъ учинилъ примасу повелѣнную декларацію, такъ какъ оная прислана ему отъ двора его і какъ повелено резиденту Гохголцеру В. Ім. Вел. сообщить со оной копію. Для чего о содержаніи оной здѣсь себя не остановляю. Но оную коизлишеству присемъ включаю. Я сію декларацію для потребнаго случая (in passibus utilibus) і особливо въ дѣле волной элекціи имянемъ В. Ім. В. конѳирмовалъ и равною декларацію устнѣ учинилъ.

Примасъ далъ на наше предложеніе во отвѣтъ, что когда онъ яко презитеръ істинну признать імѣетъ, что заперется не можетъ, что онъ желаетъ, чтобъ Станиславъ яко сродственникъ его на польской престолъ возшелъ, но такожде ему ктому и помощникомъ быть себя должна почитаетъ. Якоже повторялъ онъ тѣ слова неодноврапно, истокмо хощу но и желаю дабы Станиславъ королемъ былъ (non solum volo sed etiam opto, ut Stanislaus Rex eligatur). Въ протчемъ онъ по силѣ присяги его прибудущей элекціи болѣе де чинить неможетъ, какъ огласить избранного короля единодушнымъ согласіемъ народу польского (unanimi consensu a gente Polona)». Но обнадеживалъ повторительно что коль быде охотно онъ Станислава произведеннымъ видѣть и ни желалъ, то однако же оного бесконсенсу всей польской націи и безъ наименьшаго согласия et neque in minima Scissione никогда неогласитъ. Яже обжектируя ему говорилъ, чтобъ онъ тогда учинилъ когдабъ наприкладъ отъ 34 воеводствъ около 30 Станислава, а только 3 іли 4 воеводства другаго избрать имѣли. Понеже тогда не былобъ ни генерального консенсу а ниже право ни отъ кого неоспоримово (Lex nemine contra dicente), остался безобидимъ. Примасъ спрашивалъ, какъ бы мы чаяли, чтобъ тогда чинить імѣлося, яко бы чрезъ то сказать хотѣлъ, что есть натуральною консеквенциею, что онъ асистовалъ бы болшой половине. Отвѣтствовалъ я ему, что можнобъ взять третьяго, такожде пяста. На что онъ весма замолкъ і токмо требовалъ отъ посла на писме декларацію, которую онъ ему и далъ. Примасъ же на вопросъ его, что можетъ ли онъ сію декларацію впечать издать отдано въ волю его съ тѣмъ чинить, что заблагоизобрѣтетъ. Я обойтится не могу чтобъ вашему Ім. В. непредставить о труд-

ностяхъ, которые мнѣ нечаянно вдѣле рангу, вчемъ я понынѣ яко Вашего Ім. В. полномочной министръ себя консервовалъ, по аппаренціи снаущения Чарторыжской ѳамизіи отъ Аглинского чрезвычайного посланника Водварда чинится хотятъ. Понеже онъ вомногихъ мѣстахъ нареканіи чинилъ, что какъ мы впослѣдние были у примаса и цесарского посла на обѣде, то напередъ за мое а потомъ за его здоровье по обыкновению здѣшней пили кубкомъ, и онъ Водвардъ мнѣ уступить впредь никако ненамѣренъ. И яко понынѣ такъ Ваш. Ім. Вел. всевысочайшее достоинство во всѣхъ другихъ якоже и втаковыхъ случаяхъ удерживать старание мое прилагалъ, такъ что мнѣ отъ министровъ второго классу понынѣ никакого спору не чинено. Такожде ни прежде здѣ бывшей прусской полномочной министръ Биберштеинъ и ни нынѣшней сукцессоръ его втомъ же чине стоящей Ѳонъ Брандъ, хотя они оба суть тайные совѣтники нѣчто подобного отвѣдывать пескали, но доброволно мнѣ уступали; то такожде въ сей поссесіи толь долго себя удерживать іскать буду даже Ваше Ім. Вел. мнѣ и поступку моему всемилостивѣйше указы особливо вдѣле сего казуса саглинскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ Водвардомъ, якоже і вдѣле пріѣхавшихъ сюда Саксонскихъ посланниковъ, какъ я оныхъ трактовать імѣю, понеже они собственно токмо отъ одного курѳирста імѣютъ депенденцию, прислать соізволите И дабы В. Ім. В. вдѣле конкуренціи здѣшними сенаторами ничего неупустить, и тако то дѣло бездецизіи оставить по нынѣ при всѣхъ публичныхъ собранияхъ і обѣдахъ на остатнемъ мѣсте времянемъ на правой а времянемъ на лѣвой сторонѣ коронного маршалка, которой помянутое мѣсто стоиже іконкуренціи съ сенаторами обираетъ садится іскалъ, они такимъ образомъ оказіи неполучили взять істого В. Ім. В., предосудительной консеквенціи. Понеже ятѣмъ персонамъ которые мнѣ дать рангъ безспорно должны і въ томъ трудности нечинятъ, выше себя садится допущаю ізъ чего тако сенаторы ничего въ іхъ ѳаворъ вымочь не могутъ. Саксонские пріѣхавшие сюда министры себя кабинетъ министрами у здѣшнихъ пословъ повѣстили і имъ первую визиту отдали, і понеже я держу за то что Величеству Російской Імператрицы отнюдь противно ітти курѳирсту Саксонскому на встречу і тако есмь того мнѣния что я, яко полномочной Ваш. Ім. Вел. министръ, чтобъ неучинить себя втомъ отвѣтна тѣмъ Саксонскимъ министрамъ, яко характеру моему низшимъ, оное такожде мало какъ они, хотя претендуютъ, позволить могу, іли позволю, для чего еще предихъ сюда приѣздомъ въ разныхъ мѣстехъ, внушилъ что я противно тому первую визиту отъ нихъ ожидаю, інакоже обхождение между нами не былобъ учащательнымъ; дадутъ же они первую визиту, какъ вкомпараціи Ваш. Ім. Вел. съ ихъ государемъ суть должны понеже іхъ домашней характеръ яко кабинетные совѣтники передъ характеромъ публичного вчужей земли полномочного министра імъ никакой преценденціи de persona ad personam дать не можетъ, то Ваш. Ім В. предосуждения неучинится. Но ежели будутъ они въ томъ стоять, чтобъ я імъ учинилъ первую визиту, а и того безособливого указу никогда не учиню то пере-

стаетъ впрочемъ къ імению повинное общество і обхождение. Чрезъ что тако і оказия ковхождению прежде времяни сними о главнѣйшемъ артикуле, что ізволите В. Ім. В. курфирста Саксонскаго при сей элекціи помѣстить, іли неізволите, пресечется. Но яко тѣмъ Саксонскимъ посланникамъ которые отъ Поляковъ Саксонскими комисарами называются, іхъ домашней характеръ передъ публичными второго класу министрами никакой прецеденціи недастъ і тако я опасаюся, что братъ мой Вашего Ім. В. оберъ-шталмейстеръ по силе сего чину, ежели онъ яко чрезвычайной посолъ неакредитованъ такожде бы то мало отъ здѣшнихъ первого класу министровъ получилъ прецеденцию. Чрезъ что сей высокой чинъ токмо уничтоженъ будетъ. Понеже онъ симъ інако первую визиту и руку дать іли оныхъ убегать принужденъ и нѣсть сумнѣния, что хотябъ онъ яко чрезвычайной посолъ сюда прибылъ, то однакожъ какъ папежской нунциушъ яко і особливо французской посолъ брать у него прецеденцию похотятъ, вкоторой ему і безтого отъ Поляковъ способствование чинится. Яко то всегда і особливо при элекціи короля Михаила учинено. Понеже тогда здѣ бывшей французской посолъ предъ гишпанскимъ in Campum Electoralem отъ собранныхъ становъ републики призванъ і собыкновенною церемонисю привезенъ былъ для предложения двора его кандидатовъ; которой поступокъ и прецеденцию гишпанской посолъ ради імѣвшей съ Франциею до недавныхъ лѣтъ великой впрецеденціи диспуты, толь чувственно принялъ, что тотчасъ безвзятия отъ республики а ниже отъ іного кого абшиту прочь отъѣхалъ і отъ того времяни никакой гишпанской министръ при польскомъ дворѣ нерезидовалъ. Чего ради В. Ім. В. всемилостивѣйше повелѣть ізволите какъ въ такомъ случае поступить имѣется.

14-го сего приѣзжалъ комнѣ імянемъ Сената і кола рыцерского сустнымъ обвещениемъ подкоморій Сохачевскій, вилковскій которой есть ex ordine equestri однимъ изъ моихъ комисаровъ доконференціи, что помянутые де чины републики свеликимъ удивлениемъ отъ магистрата Гданского надежную получили вѣдомость, что В. Ім. В. тамошней агентъ Эртманъ всевысочайшимъ імянемъ ея декларовалъ і требовалъ, чтобъ Станиславу Лещинскому ежелибъ онъ туда водою прибылъ прибежища іасистенціи недавать вприотивномъ же быде случае В. Ім. В. противъ города Гданска ізволите поступить непріятельски и понеже де сия декларация учинена одному волному подпротекциею републики стоящему, и ея суперіориту признать імѣющему городу которой для того і прибежище свое крепублике принялъ, дабы вѣдалъ, яко оной при такихъ обстоятельствахъ поступить імѣетъ і сей де поступокъ толь многимъ контестациямъ о удержаніи і защищеніи вольной польской короля элекціи весма противенъ, тако имянемъ помянутыхъ чиновъ просилъ меня онъ староста ему обявить, что ежели сия агента Эртмана магистру Гданскому устнѣ учиненная декларация, которую де магистратъ на письмѣ требовалъ, но агентъ неимѣниемъ ктому указу себя экскузовалъ, мнѣ извѣстналь и по указу ли В. Ім. В. учинена. Почему онъ мнѣ поудаянию

его кооблегченію своей памяти въ рукахъ імѣющей подалъ экстрактъ, которой присемъ прилагаю. І понеже отъ союзныхъ дворовъ равной силной пассусъ квоздержанию Станислава отъ польскаго престола не всемѣрно чинитца, то присланному ко мнѣ подъкаморію лучше отвѣтствовать незналъ, какъ только что о сей учинится імѣющей декларациі ни отъ двора В. Ім. В. ни отъ агента Эртмана понынѣ неувѣдомленъ, но что хочу то дѣло взять В. Ім. В. надопошение и отуду полученной всевысочайшей отвѣтъ. Чинамъ республики во свое время сообщю. Понеже такимъ образомъ чрезъ протяшку впредь дательнаго отвѣта республика между тѣмъ въ неподлѣнности остается и слѣдовательно В. Ім. В. серіозны всегда опасаться принуждена, сверьхъ того и на начинающемся сего дни сеймѣ вящее окажетца коль бы далече потребно было сію декларацію публичьно удерживать о чемъ съ братомъ моимъ, на котораго съ великимъ желаніемъ ожидаю зрѣле дели-бировать буду; разные добронамѣренные магнаты сей мой отвѣтъ апробовали, понеже де потребно держать републику для того всуспенсіи і выиграть время, когда будетъ потребно кдекларованию.

По приѣзде всихъ дняхъ сюда воеводы краковского князя Любомирского былъ я у него съ визитою, гдѣ онъ мнѣ съ великою ревностию чинилъ контестаціи, что начатая его конфедерация упала де толко для того, понеже онъ ни откого вполше, а ни отъ ѳалшивыхъ Литвяновъ такъ онъ іхъ назвалъ не былъ удерживанъ. Но пребываетъ онъ еще въ доброй своей диспозицыи кслужбѣ Римско цесарского и россіиско Ім. дворовъ, сию конфедерацию, ежели возможно і потребно будетъ паки возвести і протестовать всегда противъ Станислава. Но есть онъ того мнѣнія что вдѣйствованию сего есть теперво время говорить силно, ібо-де потомъ, когда единожды Станиславская партия яко наіболшая совокупится свою резолюцию принявшкообранию приступитъ, былобъ все всуе і поздо. Такожде і онъ снѣсколькими малыми протестующимися воеводствами не былбы более всостояніи болшей половине націи in Campo Electorali противится, ежели онъ себя своею партіею сумыслу нарочно вчасти изрубить непохочетъ, кчему онъ нинужды а ниже ползы невидитъ. Якоже онъ равной приводилъ тому примѣръ произшедшей при элекціи Яна Собеского, которой притомъ былъ коронным гетманомъ ісклонной кнему армеи не мало Campo Electorali приступить велѣлъ, какъ увидѣлъ что нѣсколко воеводствъ оттѣхъ которые его обрали отлучилися і отъ протестаціи своей противъ него отстать нехотѣли, такъ что тогда бывше склонной ему примасъ всеи сциссіи ничего более чинить незналъ, какъ токмо что онъ киротестанской партіи пошедъ имъ сказалъ: Когда де они Собеского имѣть за короля нехотятъ, то невидитъ онъ іного способу квоспрепятствованию того, какъ чтобъ они іли его купно спартнею его выгубить імѣли, или Собескій ихъ выгубитъ. Почемъ они тако препотенцию противной партіи видя коюной перешли, что і теперишняго случая, когда бъ то дѣло туда притти допустили весмабъ учинится могло.

Какъ я подъ рукою освѣдомился то имѣлъ будто курфирстъ саксонской тайно всей армеи своимъ полковникамъ выдать указы ихъ полки вовсемъ 20 тысячь человѣкъ держать вготовности кмаршу і былибъ потребнымъ ружьемъ денгами і наметами снабденными, дабы на первой указъ могли итти вполе.

Прилагая при семъ одинъ экземпляръ подъ титуломъ: Разсужденіе дружеские на братскіе представленія Refelxiones amici ad amicum super monito fraterno, которые выданы отъ Бискупа краковского Липского і отъ оного подъ рукою роздаются исчего усмотрится, что хотя оныя реолекціи противъ Станислава, то насупротивъ того однакоже сочинены весма вфаворъ курфирста Саксонского.

Реляція отъ 19 апрѣля.

E. K. M. allgn. Rescr. sub. № 10 sammt der Beylage betreffend des Resident Niepluiews Nachrichten von der Situation der Türkischen Affairen mit Persien habe mit gestriger Post, nebst vielen publiquen Zeitungen aus dero Reichs collegio auch gar einige von dem verflossenen Jahr 1732 erhalten, und werde nicht unterlassen von obgedachten Turkischen Nachrichten gute usage zu machen; Wie solches schon zum voraus nach der von dem gedachten Residenten Niepluiew unter den 10 Febr. darüber erhaltenen Information gethan habe.

Den 2ten dieses habe den courier Krieg wiederum mit depeschen respediret, nicht zweifelnd, er werde dermahlen schon wohl angekommen sein und selbige richtig abgegeben haben. Wass nach seiner abreise von hier merkwürdiges in Ansehung der hiesigen Affairen vorgefallen ist, solches habe durch den Major Gehema in meiner allth. Relation v. 16 hujus umstandlich in E. K. M. Cabinet berichtet, wie er dann mit diesen Depechen vermuthlich bey Eingang dieser Relation gleichfalls gluckl. wird angelanget seyn. Seith der Zeit ist in denen Pohl. Affairen nichts besonder merkwürdiges vorgefallen und ist bis dato in denen Reichs-Tag Sessionen nichts anders als die Materie von denen Dissidenten, welche Landboten sind, agitiret worden um selbige von denen consiliis publicis zu excludiren, wie E. K. M. aus dem hiebeyliegenden Diario sub

L. A. des mehreren sich allgn. vortragen zu lassen geruhen wollen.

Es sind sowohl der Englische als auch die preussischen Ministri dieser die Dissidenten betreffenden Sache halber bey mir gewesen und haben mich ersuchet causam communem in jener faveur mit ihnen zu machen; Worauf ich ihnen geantwortet, dass obgleich die griechische Religionsverwandte in Pohlen unter den Namen der Dissidenten nicht begriffen werden konnten und ihre Rechte auf öffent. Tractaten und Friedensschlüsse sich gründeten, so wollte ich doch derer Ministren Verlangen auch hierin nicht entstehen, mit der Condition, dass sie ihrerseiths gleichfalls causam communem in Faveur der griechischen Glaubensgenossen mit mir machen und dero Angelegenheiten bestens recommendiren sollten: Worauf ich dann gestern morgens zu dem Primaten in den Senat gegangen und selbigen in Gegenwart aller Senatoren geist und weltlichen Standes obbesagte der Dissidenten gerechte Sache remonstriret und recommendiret; Der Primas antwortete mir, warum ich nicht vor die Griechen allein, sondern auch für die Dissidenten spreche: Sie wollten vor die erstern alle complaisance haben, man möchte nur von denen letzteren abstrahiren: ich replicirte ihm, dass weilen die Pohlen unter dem Namen der Dissidenten auch die Griechen wieder die Tractaten mit begriffen wollten, so bediente mich auch dieses generalen termini um aller Angelegenheit, der Griechen ihre aber zu vordrist zu unterstützen, wornach ich dann dem discours, Sie zwischen Zweifel und Hofnung lassend mit guter Maniere ein Ende gemacht habe: Welche passus denen obbesagten Ministren nicht nur angenehme sein, sondern auch ihren Höfen obligation gegen E. K. M. erwecken muss. Gegenwartige Beylage sub B. ist mir von denen preussischen Ministern in copia communiciret worden, woraus zu ersehen, wie der König von Preussen verlange, dass zu Beschützung der Güter in Curland der verwittibten Frau Herzogin von Sachsen Meiningen, wieder des Herzogs Ferdinands Unternehmen, einige wenige Russische Mannschaft auf jedes Ampt

zur Sauvegarde verleget, auch das Russ. Kais. Wappen daselbst, mit der Unterschrift Russ. Kays. Sauvegarde affigiret werden möge. Ich habe ihnen geantwortet, dass ich dergl. Sachen ohne E. K. M. hierüber allth. referiret u. dero allerhöchste Befehl erhalten zu haben, zu thun nicht auf mich allein nehmen könnte, zumahlen da mein Bruder alhier noch nicht angekommen, mit deme zu seiner Zeit diese Sache weiter überlegen und E. K. M. zu erwartende allh. Antwort und Verordnung wie auch meines Bruders Meynung eröffnen würde; Dieses Zumuthen kommt mir um so ausserordentlicher vor als der König in Preussen solches selbsten eben so wohl thun könnte, wenn er nicht seine eigene Mannschaft schonen und den daher von der Pohl. Nation nothwendig fassenmüssenden Hass bedächtlich ablehnen wollte, welcher aber im Gegentheil ganz allein auf E. K. M. zurückfallen würde. Dieser Tagen ist der Churs. Min. Gr. Wackerbart S. des Morgens nur mit 2 Pferden ohne Suite gleichsam en ami die Visite zu machen zu mir gekommen, die ich ihm folgendes Tages darauf Abends zwischen 7 u. 8 Uhr gleichfals nur mit 2 Pferden und ohne assistence eu particulier zurückgegeben und dabey declariret, dass woferne der General v. Bauditz und er Graf mir nicht die erste Publique und Ceremonial Visite machen würden, sie selbige von mir nimmemehr zu erwarten hätten; weil sie nun sich flattiren E. K. M. möchten nicht ungeneigt sein, den Churf. ihren Principalen bey der bevorstehenden Pol. Königswahl zu portiren so sind obgedachte zwei Churs. Commissarii gestern Vormittag mit völliger Suite in einer ceremonial visite zum ersten bey mir gewesen; Welche ich ihnen heute morgens auf gleichmässige Art wieder abgestattet, und also E. K. M. allerh. Vorrechte, wieder aller Ministri secundi ordinis Vermuthen und Einrathen dennoch behauptet habe; Welches nun diese um so mehr mit scheelen Augen ansehen, als sie sich in dieser Sache precipitiret, und nachdem die Churs. Ministri jenen ihre Ankunft haben wissen lassen, sie sogleich die erste Visite bey ihnen gemacht haben, die sie nun bis dato von denen Churs. noch nicht zurückempfangen

haben. In meiner letzten durch den Major Gehema E. K. M. Cabinet adressirten Relation habe in Ansehung des coremoniels das Exemple des spanischen Botschafters alleguiret und wie derselbe lieber ohne Abschied von der Rep. zu nehmen hinweg, als dem Franz. Botschafter nachgeben wollen: Um nun E. K. M. allh. prerogativen durch eine unnöthige Concurrenz mit dem Fr. Botschafter bei künftiger Wahl nicht in hazard zu setzen, im fall dieser Botsch. vor E. K. M. ihrem in das campum electoralem sollte berufen werden, so wäre ich der allerth. unvorgreif. Meinung, es seye kein leichterer Medius terminus alles prejudicium zu evitiren und doch denen Negociationen gebührend abwarten zu können, als wenn E. K. M. Botschafter etliche Tage vor der Wahl unpässlich geworden zu seyn, würde hin und wieder insinuiren lassen, im fall man vermerken sollte, dass die pol. Stande den Fr. Botschafter vorzüglich vor E. K. M. ihrem zu sich berufen wollten, indem ich als dann ohne E. K. M. allerh. Dignitet das geringste zu prejudiciren, als Minister Plenipotentiaire mich dahin verfügen und den zu recommandirenden Cron Condidaten in E. K. M. Nahmen proponiren könnte, woraus denn die Botschafter keine avantage vor das künftige ziehen konnten, indem ich ihnen ohne dem schon nach meinen tragenden caractere cediren muss. E. K. M. bitte nochmal allth. um Verhaltungsbefehle im Fall die Rep. Pohlen persistiren wollte, dass sich die frembde Ministri gegen der Wahl Zeit von hier hinweg sollen. Wass man als dann eigentlich zu antworten und zu thun haben werde.

Dieser Tagen ist von dem Krymischen Han ein abgeschickter Tartar alhier angelanget, welcher, wie man sagt, beordert sein soll der Rep. anzubiethen 1) 100 T. Tartaren zu diensten der Rep. und in specie wider E. K. M. zu gebrauchen, im Fall allerhöchstdieselbe die Freyheit der Pohl. Königswahl auf einige Weise kränken wollten. 2) andere 100 T. Mann wider den oder diejenige benachbahrte Machten, der Rep. zu Hülfe zu schicken, welche ihre freye Wahl zu hindern suchen würden; dörften die Pohlen in solchem Fall nur anzeigen, wenn

und wohin sie marschiren sollen; 3) solle er den St. Lesz. zum Pohl. Königsthron recommendiren. 4) Vor die aus Pohlen von denen Tartaren geraubte Leute 5000 Th. Species anzubieten.

Es ist vor einigen Tagen ein bruit von denen Stanislaisch gesinnten Pohlen ausgestreuet worden, als ob der schwedische von ihnen so genannte Resident Rutenschild bey Uebergab seiner neuen creditialien dem Pr. im Namen seines Hofes declariret habe, dass die Cron Schweden der Rep. Pohlen anerbiete ihre freye Wahl wieder die allejenige, sie mögen seyn, wer sie wollen zu schützen, zu dem Ende der Rep. 100 metallene Stücke und 30000 Mann regulirte Trouppen zu diensten offerire, welche letztere selbige Cron auf ihre eigene Unkosten zu unterhalten sich verbündlich mache; solchem nach hat der Romisch Kaiserliche Resident mit gedachtem Rutenschild gesprochen, da er ihm dann nicht allein das gegentheil von obigem bruit versichert, und dass der König in Schweden niemahlen daran gedacht, denen Pohlen weder so viele Canonen, noch weniger aber so viel Tausend Mann umsonst und zu Behuf des St. zu geben, dieses konne er der Rutenschild nicht laugnen, dass er in commisson gehabt denen Pohlen zu declariren, dass sein Herr der König nicht ungeneigt seye ihnen die ehedem aus Pohlen nach Schweden entführte und noch etwa daselbst befindliche Stücken auszuliefern, jedoch nicht anders, als ein Present und nicht aus Schuldigkeit; und weil er sehe, dass die Pohlen seiner declaration einen so widrigen Verstand und auslegung andichten, so wolle er solches in denen öffentlich hiesigen gedruckten Pohl. Zeitungen widerlegen, indem sein Herr der König nichts mehr verlange, als mit denen benachbahrten Mächten in guter Freundschaft zu leben, und damit er Kais. Resident von diesem allem so gewisser sein möchte, hat er ihm unter sein eigenen Hand die alhier sub L. C. copeylich angefügte Beylage und Extract von seiner dem Primaten gethanen Declaration communiciret. Was sonst die Hauptfrage der hier versammelten Pohl. Stände dermahlen betrifft, komt selbige nur darauf noch

an, wer Reichs-Tags Marschall seyn soll und weil die Ordnung für diesmahlen an denen Lithauern ist, so haben sich 2 partien von selbiger Nation aufgeworfen, deren die eine für den Starosten Merecki Sapieha, die andere aber für den Scipion stehet, welchem letzteren aber viele wichtige und unübersteigliche Hindernisse entgegen sind, worüber E. K. M. in meiner nächstfolgenden allth. Rel. des mehreren gehorsamst informiren werde. Uebrigens...

Реляція отъ 26 апр.

E. K. M. Allergn. mit allerh. dero eigenen Hand unterschriebenes Rescript datiret vom 7 h. habe mit gest. Post richtig erhalten, und werde den darin allgn. mir gegebenen Befehl geh. vollziehen. An eben gestrigen Vormittag ist auch E. K. M. Obrist Stallmeister mit sammt seiner bey sich habenden Suite glücklich alhier angekommen.

In Verfolg meiner letzten Rel. № 19 solle E. K. M. allgn. melden, dass betreffend die Strittigkeit zwischen dem Star. Mer. Sapieha und dem St. Licki Scipion wegen vorzüglicher erwehlung zu einem Convoc. R. T. M. diese Sache bis dato noch nicht weder in faveur des einen noch des andern von denen Landboten hat verglichen werden können, wie E. K. M. aus dem hiebeyliegenden Diario des mehreren zu ersehen allgn. geruhen wollen.

Für den Star. Merecky haben sich die meisten der pohl. Magnaten eifrig angenommen, so das sie dem Pr. eine von verschiedenen unterschriebene Declaration zugeschicket und darin ihm vorgestellet haben, dass wenn er so fort führe für den St. und seine Anhänger so sehr sich zu portiren zu letzt nichts anders als grosse und schädliche Weitlauftigkeiten daraus entstehen würden, und wollten sie ihm nicht verhalten, dass sie nimmehr zugeben konnten, dass der St. Merecky als von einem so alten und ansehnlichen Hause als wie das Sapiehische dem Scipion postponiret und dieser vor jenen zum R. T. M. erwehlet werde, zumahlen da er eines sich unter den Adel eingeschlichenen Baurens sohn

seye, wie er dessen genugsam konne überführet werden, mithin seye kein Edelmann, vermöge constitution wenn er nicht 4 generationen in linia descendente beweisen könne fähig grosse Chargen in der Rep. zu besitzen, als nun der Poniatowsky und die Czart. Famille von diesen des Scipion Umständen Nachricht bekommen, sollen sie ihn zu sich haben rufen lassen und ihm vorgestellet, dass weil unstrittig seye, dass er kein Edelmann, mithin sich bey denen prerogativen des Adels allein nicht zu souteniren im Stande wäre, sondern über das noch grosse Gefahr liefe, so wollte die Cz. Famille sich seiner nach allem Vermögen und Kraften dahin annehmen, dass er nicht nur als ein Edelmann angesehen und verbleiben, sondern auch, wenn es möglich R. T. M. erwehlet werde, allein dieses wollten sie nicht anders als unter folgenden Bedingung thun, nehmlich dass er Scipion der Cz. Famille in allen ihren habenden Absichten und Unternehmungen getreulich beygehen und blindlings vollziehen wolle, was sie ihm an Hand geben werden, zu welchem allem er mit einem corperlichen Eyd sogleich sich verbinden solle; würde er sich dessen weigern, so wollten sie mit seiner Gegen Partie gleichfals sich ihm opponiren, welchem nach er dann sich auf der Stelle entschlossen haben solle, den von ihm begehrten Eyd zu schwören so dass bis auf diese Stunde die Concurrenz zwischen diesem Scipion und dem Starosten Merecky wegen der Marschallenstelle nebst einigen andern Domestique Disputen betreffend insonderheit die Nuntios supernumerarios der Woiew. Braclaw und Czernischow noch fort dauret und haben einige der Landboten, um diese Sache zu schlichten theils auf eine confederation, theils auf ein drittes in die Marschallswahl zu bringendes Subjectum angetragen, ohne dass bis dato weder eines noch das andere zu Stand gekommen wäre. Weshalb dann nicht moglich ist zu der Zeit schon was zuverlässig gewisses von dem endlichen Ausgang dieses Reichs Tages versichern zu können.

Es hat der hier versammelte pohl. Adel bey verschiedenen Gelegenheiten denen Magnaten, welche den von dem verstorbenen König Augusto restaurirten weisen Adlerorden haben zu verstehen gegeben und verlanget, dass sie solchen orden als wider die Equalitet ablegen sollten. Der Pr. ist der erste gewesen, welcher ihnen willfahret, die übrige Senatores aber haben solches zumuthen theils dem Gedächtniss ihrer Königen, theils ihrer eigenen Personen schimpflich erachtet einen Orden so schlechterdings von sich ab zu legen, welchen sie doch als Ritter auch mit ihrem Leben zu deffendiren angenommen und verbunden seyen, um aber dem Adel dannoch in Etwas gefällig zu sein so haben die meisten zwar das ordensband doch nur während diesem Reichs Tag abgeleget, welches sie auch bey dem künftigen Wahl Reichs Tag thun wollen, hingegen doch den Stern auf dem Kleid behalten. Der W. Belsky Potocky hat den von E. K. M. allh. Gn. empfangenen St. Andreas Orden nicht in gleicher Hochachtung gehalten, sondern ohne jemandes zumuthen und dero Ministern alhier deshalb zu begriessen (sic) so wohl das Ordensband als den Stern von sich abgeleget, welches auch der Star. Belsky gethan, jedoch mit dem Unterschied, dass weil er Nuntius ist und den ersten Sessions Tag mit höchst gedachten Ordensstern in die Landboten Stube gekommen, die übrige nuntii ihn dahin vermocht haben, dass er solchen in der Landstuben noch, von dem Kleid herunter genommen hat, welchen er aber nach Endigung des Reichstags wiederum annehmen wolle.

Реляція отъ 7 іюня.

Euer Kayserlichen Mayestät solle hiemit allerunterthänigst melden, welchergestalten der Primas, samt denen Ihm zur assistenz aus dem Senat sowohl, als dem Ritterstand zugegeqenen Deputirten, den vorhin schon bekannten Rudomina beordert haben, sich mit dem Charakter als Internuncius an Ew. K. M. Hoflager zu begeben, und in obbesagter Stände und der Republique Nahmen Allerhochst deroselben dem allhier Sub. Lit. A. copeylich beygebogenen Brief allergehorsamst zu überreichen, zu welchem Ende dieser Rudomina d $^{1}/_{12}$ hujus würklich von hier abgereiset ist.

Er war noch den Abend vorher mit einer Abschieds Visite bey mir, und weil er mir Hoffnung hatte machen lassen, sowohl von gedachtem Brief, als seiner habenden Instruction Abschriften zukommen lassen zu wollen, so habe ihn zum Theil deshalb, zum Theil auch weil er sich einige Zeit wegen Ew. K. M. OberStallmeister länger allhier aufgehalten hat, mit einer schönen goldenen Uhr, und dergleichen Kette beschenket, welchem allem ohngeachtet aber, er sich unter allerhand weitlauftigen Vorwand, solcher Abschriften halber nicht nur entschuldiget, sondern auch nicht einmahl mit einer Sylbe gegen mir gedacht hat, dass Er noch neben obgedachten Brief von der Republique, mit einem andern besondern von dem Primaten allein, welchen alhier Sub. Lit. B. beyfüge an Ew. K. M. versehen seye.

Allein gleich wie ich denen Chur. Sachssischen hiesigen Ministris das verdiente gute Zeugniss zu geben nicht umhin kann, dass dieselbe der hohen Alliirten gemeinsamen Absichten und Interessen und demjenigen Ew. K. M. insbesondere, mit allem geflissenen Eyfer beizugehen sich angelegen seyn lassen; Also haben Sie solche ihre Aufmerksamkeit auch in diesem Fall bewiesen, und mir von freyen Stücken die obangefugte Abschrifften gelieffert. Die erschwerete Instruction dieses Rudomina, welche allhier Sub. Lit. C. folget., so wie mir selbige communiciret worden, hat der Resident Golembiewsky durch einen seiner guten Freunde herausgebracht; aus welchem allem, denn so viel erscheinen will, dass dieser Rudomina, ohngeachtet seiner schönen Worte, für Ew. K. M. und das wahre Interesse seines Vaterlandes so sehr geneigt zu seyn, eine Creatur von dem Primas, einfolglich auch von der Stanislaischen Parthey seyn müsse.

Deswegen dann der Bischoff von Cracau Lipskj, samt andern wohlgesinnten der Meinung ist, dass, ohne allerunterthänigste Massgabe, nicht übel seyn würde, wann man diesen Rudomina mit seiner Respedition anhero von Hof, mit guter Art so lange aufziehen wollte, biss der Wahl-Reichs-Tag nächst vorbey und zu Ende seyn wird.

Dieses möchte vielleicht um so mehr Nutzen haben, als ich durch schon gedachter Chur-Sächssischer Ministern Vorschub darhinter und zu der Abschrifft eines gewissen Brieffes gekommen, den mehr berührter Rudomina mir ganz und gar verhehlet und von dem Fürsten Castellan von Crakau Wiesznowiecky empfangen hat, um selbigen einem Fürsten Trubeckoy, welcher Ew. K. M. aus denen Umständen am besten bekannt seyn wird zu überliefferen, wovon allhier sub. D. copiam sowohl in Pohlnischer als Teutscher Sprache allergehorsamst anschliesse, welcher letzteren meine allerunterthänigste, unvorgreiffliche und übrigens ohnnochtheilige Gedanken zu geschwinderer Einsicht gegenüber zu zetzen, treumeinend die Freyheit genommen habe, worauff mich auch desfallss allerunterthänigst beziehe, und anbey nur noch so viel zu erinnern erkühne, dass ohnmassgeblich nicht schadlich seyn möchte auf dieses Rudomina, wahrend seinen Auffenhtallt in Russland führende Conduite, Umgang und Correspondenz, sowohl in als ausserhalb des Reiches, unter der Hand gute Achtung geben zu lassen, auch von Wem und an Wen er bey seiner Abreysse etwa wieder Brieffe mit sich zurück und hieher — nehmen wird. Die Chur Sächssische Ministri haben bisshер berührte und andere Nachrichten, durch den Canal des Woywoden von Podlachien Sapieha, welcher dem Churfürsten gantz und gar ergeben ist, und seine vertrauten Leute hin und wieder in der Magnaten Häusser hat, durch welche er von vielen in Erfahrung kommt, erhalten. Sie bitten aber E. K. M. allerunterth. um die Gnade, dass dieser auf das geheimeste möchte erhalten werden, indem sonst dieser Woywode dem gemeinsahmen Interesse ferner zu dienen nicht nur ausser Stand, sondern wohl gar mit samt seinen Confidenten in Gefahr gesetzet würde, worein er bey dem Convocations-Reichstag ohnedem schon gewesen.

Mit einem ohngefahr in gleichen terminis, als obiges sub Lit. A. abgefassten Schreiben, hat der Primas samt denen Ihm zugeordneten Deputirten im Nahmen der Republique an den Römisch K. Hof unter Couvert dessen Obristen Cantzlers

Grafen von Sintzendorff, vor einigen Tagen einen Lieutenant von seiner Guarde abgefertiget; an mehr andere Höfe sind dergleichen Schreiben recta auf der Post abgeschicket worden. Das an das Röm. K. M. erlassene habe noch nicht zu handen bringen können: hingegen folget hiebey sub. E in Lateinischer Sprache dasjenige, welches die Rep. an die König Höfe von Dännemark und Schweden abgehen lassen, die beyde eines Inhallts sind.

Sonsten continuiret die Stanislaische Parthey immer fleissig dem hiesigen Adel einzubilden, wie sich derselbe an die benachbahrten alliirten Machten zu verstehen gegebenen Drohungen wegen Einrückung ihrer Völcker in Pohlen, keines Wegs zu stossen hätte, ob derselbe gleich den Stanislaum zum Könige erwehlen würde, indem es denen Nachlahrn kein rechter Ernst damit seye.

Deshalb sie denn schon Besten Fleisses alles dahin zu praepariren bemühet sind damit (Wie solches der §-us die Wahl eines Marschalls in der General Confoederation genugsam an den Tag leget) durch ihre fortzusetzende Intriguen und Gewallt gleich den Ersten, oder den andern Tag, bei Anfang der Wahl ohngesäumt ein Stanislaisch gesinnter Marschall erwehlet und demnach sogleich fort ohnverzüglich zu proclamirung des Leszczynsky geschritten oder zugefahren werden könne. Es dörffte dieser vorhabende Strich ihnen um so leichter gelingen (Wenn anders nicht in Zeiten vorgebeuget wird), als sodann der viel kleiner nicht Stanislaisch gesinnte, dem weit stärkeren Gegentheil Kopff zu bieten sich allzu schwach, und desto grösserer Gefahr sich ausgestellet sehen würde.

Doch ist fast auch nicht wohl zu zweiffeln, dass bey dereinstiger Zeigung eines würklichen Ernstes, mit Thatlicher Einrückung der alliirten Machten Völcker, wie der Wiedriggesinnten Hochmuth fallen, also der Wohlgesinnten Kleinmuth sich erheben werde, welche Würckung zum Theil schon aus der unvermutheten Abreysse von hier Ew. K. M. Oberstallmeisters, meines Bruders nicht undeutlich zum Voraus verspüret wird, welche aber der Stanislaische Anhang, durch

allerhand gewohnliche Intriguen und Einbildungen zu hemmen sich bemühet, doch hierinn nicht allerdings glücklich ist, wie daraus erhellet, dass, nachdem vor einigen Tagen allhier ein falsches Gerücht erschollen, (wovon Ew. K. M. Erdmann zu Dantzig Allerhochst dieselbe, wie er mich berichtet, schon informiret hat) als ob 500 Mann Russisch Kayserliche Dragoner in dem Elbingischen Territorio angekommen waren um daselbst ein Lager für Etlich Tausend Mann E. K. M. Truppen die bald nachfolgen würden, abzustechen, viele des hier anwesenden Adels dem Primaten in Eyl zu Hauss und auf den Halss geloffen, Ihm vorwerffend, dass er durch seine in favor des Stanislai allzueifrig haltende Bezeig- und Auffuhrung an dieser Unruhe und Gefahr schuld und Ursache seye.

Worauff er ganz bestürtzt solle geantwortet haben: Wass er thue, thue er nicht allein, und für sich selbst, sondern mit Rath der ihm zugeordneten Standen, welche es mit ihm verantworten müsten.

Es scheinet, dass als der Primas von dieser Uebereilung wieder zu sich gekommen und der Sachen nachgedacht, Er endlich gefunden habe, dass dieses nun zwar falsche Gerücht mit der Zeit doch wohl wahr werden, und ihm sein Concept mächtig verrücken konnte, welchem letzteren er aber vorkommen wolle, indem (Wie der bekannte Tripolsky dem Residenten Golembiewsky hinterbracht aus des Primaten Mund, da dieser betrunken, und also vielleicht nach dem Sprichwort In vino veritas, gewesen, nebst andern mehr gehöhret zu haben), dass er sich habe vernehmen lassen, um ohne Zweiffel zugleich denen wankenden Stanislaisten damit Muth zu machen: Er sehe wohl, und seye alle apparence dazu, dass die Russ. und Röm. Kays. Truppen gegen den Wahl Reichs Tag in Pohlen einrücken würden um die Wahl des Stanislai zu verhindern: Allein dieses habe nichts zu bedeuten und hindere nichts, indem Er Primas willens seye und trachten werde, durch die zu Halltung derer auf den 15 Iuly st. nov. angesetzten Relations und Ante-Comitial Landtagen abzuschickende Universalien, die Woywodschafften, Powiaten und

Districts dahin zu bewegen, dass in Betrachtung der androhenden Gefahr, derer einrücken wollenden benachbahrten Völcker, einer jeden derer auf denen aussersten Gräntzen von Pohlen und weit von Warschau gelegenen Woyw. oder Dist. insbesondere, oder etliche mit einander gräntzende zusammen tretten, ihre Stimmen sowohl auf den künftig haben wollenden Elections Marschalle, als auch auf den König selbst geben und selbige demnach durch die auf die Election anhero nach Warschau zu schickende Landbotten schriftlich und förmlich unterschrieben einsenden und also abwesend erwehlen möchten, welchem nach derjenige solle zum Marschall erwehlet werden, auf welchen die meisten dergl. Stimmen gefallen seyn würden, auf welche Art dann die auf denen weit entlegensten Gräntzen wohnende Edelleute in ihren Woywodschafften und zu Hausse bleiben, gefolglich ihr Vaterland und sich selbsten zu beschützen sich gefasst hallten; diejenige W. aber so gleichsam in dem Centro des Reiches und um Warschau gelegen seyen sich gewöhnlich altem Gebrauch nach zu der Wahl einstellen und mit der abwesenden Deputirten einen König erwehlen könnten, auf welche Weise der Stanislaus ein gantz gewiss gewonnenes Spiel hätte, weil sich auf dem Wahl-Platz, fast nur die ihm aus Gross und Klein Pohlen auch Lithauen zugethane W. sich einfinden, gegen diese aber ein und andere W. sich zu setzen nicht unterstehen würde, viel weniger der abwesenden geringe Zahl Deputirte.

Zu desto geschwinderer Beförderung aber alles dessen wird schon zum Voraus an denen dem künfftigen Könige zu beschwöhren vor zu legenden Pactis Conventis gearbeitet, um selbige gleichfalls auf die solcher gestallt zu halltende Relations Land Tage schicken, derselben approbation Verminder- oder Vermehrung auf obige Art einhohlen oder erschleichen und demnächst dem neuen König Vor der Proclamirung ohne weiteren Anstand und Zeit Verlust darlegen zu können.

Wenn dieses des Primaten Project sich so leicht in das Werk setzen lassen wollte, als dessen Erfindung ihm vielleicht gering und erfreulich gewesen; So hätte es, wie schon vorhin

gedacht worden mit des Stanislai Erhebung auf den Thron wohl seine vollkommene Richtigkeit, die aber seithen des hiesigen Adels selbst noch sehr grossen Gegenstand zu seiner Zeit finden wird. Doch ist gewiss, dass sich dessen Anhänger alle und ordentliche Mühe geben, um es dahin und zur Erfüllung ihres Wunsches zu bringen, wie der Cron Regimentarius Poniatowsky in einer bey dem Röm. K. Botschafter noch letzthin abgelegten Visite ihm gantz ohngescheut zu verstehen gegeben hat.

Hingegen unterlassen auch E. K. M. allhiesige wie auch die R. Kais. Ministri nicht, mit Zuziehung derer Sachssischen wo es von nöthen de concerto, denen Stanislaischen Machinationen so viel möglich entgegen und getreulich mit einander zu Werke zu gehen, und hat auf solche Weise und zu dem Ende der K. K. Resident von Kinnern gegenwärtig sub. T. in Copia mitfolgendes und ab solcher Seite zu seiner Zeit bey Einrückung der Truppen zu publicirendes Manifest verfertiget, welches E. K. M., ob selbiges dero allerhöchsten Sinn und Willens Meinung gleichkomme, untersuchen zu lassen allergnädigst werden belieben und demnach mir zu berichten anbefehlen wolle, ob sothanes Manifest also bleiben oder in ein und anderem geändert werden solle. In der Hauptsache ist es meiner geringen Einsicht nach mit demjenigen, welches in E. K. M. allerhöchstem Nahmen ausgegeben und von deroselben Ober Stallmeister Gr. v. L. allerunterthänigst zur Untersuchung wird hinauf gereichet werden übereinstimmig, und geruhen E. K. M. das von gedachtem Grafen verfertigte ohnmassgeblich mir bald beliebig anherosenden zu lassen, damit selbiges zur rechten Zeit nnd in der Stille zum Druck befördert und in nöthiger Bereitschaft gehalten werden könne.

Da die allhiesigen K. Pr. Ministers' eine Weile her sich ziemlich abstractive gegen Uns halten und mehr als sonsten phlegmatisch bezeugen, so haben wir allhier für dienlich erachtet ihnen von obbesagtem Manifeste noch kein Eröffnung zu thun oder dieselbe zu communiciren, damit nicht, wann sie selbige an ihren Hof schickten, dieser viele Difficultäten und

Ausstellungen etwa machen möge, und also hernach mit Heb- und Beylegung derselben unter denen 3 alliirten hohen und entlegenen Höfen von einander, durch hin und wieder zuschickende Couriers die kurtze Zeit nicht unnützlich verstreichen und diese Manifeste von Druck abgehalten werden, mithin das gantze Werck ins Stocken gerathe; deshalb haben wir nach allergnädigster Genehmhaltung unserer resp. hohen Höfe beschlossen denen Pr. M. hievon nicht eher, als ohngefähr 8 bis 10 Tag vor würcklicher Einrückung der Truppen in Pohlen, und biss wir diese Man. schon werden gedruckter in Handen haben davon zu informiren und Abschrift zu geben, unterdess aber, als sie diese zur Untersuchung nach ihren Hof schicken, in der Stille die M. auszutheilen fortzufahren, weil doch nichts darinn enthalten, wass den K. Pr. Interesse oder Engagement zuwieder sein könnte, mittlerweile aber es zu spät werden wird Ausstellungen zu machen.

Von dem allhier Sub. G beigeschlossenen Project der künftigen operationen bei Einrückung der Truppen dem zur Erläuterung meine allerunterthanigst ohnvorgreiffliche Gedanken bei jedem Punct gegenübergesetzet und worauf mich allergehorsamst berufe, ist aus oben angeführten Ursachen mit dene Pr. M. auch noch keine Communication gepflogen worden, zumahl da des Churfürsten von Sachsen suchende Beförderung auf den P. Thron allzudeutlich darin von dessen Ministern ausgedrücket, und gleichsam als eine unzweifelhafte Sache zum voraus gesetzet worden ist, wir aber allhier noch nicht eigentlich wissen, wass E. K. M. insonderheit hierunter in faveur der Churfürsten etwa zu thun gnädigst resolvirt, oder wie sich der K. Pr. und der Ch. S. Hof miteinander deshalb etwa verstanden haben.

Aus denen allhier Sub. H. und I. befindlichen Beylagen, deren die Erstere die von dem K. Pr. den Ch. S. Hof vorgeschriebene Conditions Puncten, die andere aber des Letzteren darauf gegebene Beantwortung u. Resolution in sich halt, scheinet sothane Uebereinkunft noch nicht allerdings nahe

zu sein, indem so streng und gross jene das Ansehen haben, so redlich und doch ungewiss hingegen ist dieser, in welcher mir nur derjenige Schluss nicht allerdings weder nöthig noch nützlich angewendet zu sein vorkommt, da von Ch. S. Seite geantwortet wird:

Die Verbindlichkeit zwischen Ihrer K. M. in Preussen und I. R. und K. Russ. M. habe eher subsistiret, als sich der Churf. von S. um die P. Crone beworben, mithin ihm die hieraus entstehende Beschwerden u. zumachenden Unkosten nicht zur Last zu legen wären, sintemahlen man v. K. Pr. Seits hierauf vielleicht erwidern dorffte, dass solches zwar wahr, allein in favor eines gantz andern und damals abgeredeten Candidaten geschehen seie, von dem man nun abgegangen, infolglich da dermahlen ein anderer, wer der auch seie, in Vorschlag komme, des Königs in. Pr. M. kraft solches Engagement nicht gehalten seie für diesen so viel Consideration desfalls, als für jenen zu haben; weilen überdass seine Hauptverbindlichkeit eigentlich nur darinnen dermahlen bestehen den Stanislaum von Besteigung des P. Thrones über eingekommener Massen abhalten zu helfen, mithin Er ungebundene Hände behalten habe von einem anderen und seinen Bundesgenossen sonst angenehmen Cron Praetendenten sich solche Vortheile stipuliren zu lassen, welche obiger Verbindung nicht zuwider sind, als nach welcher es sich nicht sowohl mehr specifice von einer gewissen Person und Individuo, welches man promoviren wolle, als vielmehr nur negative, wen man nicht promoviren wollen, frage.

Diesen Difficultäten dannoch ohnangesehen, leben die hiesige Sächs. Min. der Hoffnung von einem gütlichen Vergleich hierüber zwischen beiden Höfen erster Tagen die Nachricht zu erhalten.

Der allhier sich befindliche Engl. Envoye Wodward bezeuget zwar mit Worten genugsam v. seinem Hof befehlt zu sein, derer hohen all. K. Höfen gemeinsahm genommenen Entschluss u. Absichten auch seines ortes bei hiesiger Nation untersützen u. befördern zu helfen. Allein sein mit dem Czartoriski-

schen Haus habende alte Freundschaft u. ohne dem natürliches Phlegma, lassen demselben nicht allerdings zu, seinen Worten u. haben mögender Instruction in der That den erforderlich benöthigten Nachdruck zu geben, und wie es vielleicht seinen Hof mehr als ihm selbst ein Ernst seyn mag.

Deshalb dann vielleicht nicht undienlich sein möchte, (wann E.K.M. es sonst allererleuchtest verträglich und nothig finden) dass in all.h. dero Namen, ohne des Wod. dieser Ursache wegen zu gedenken, sondern gleichsam proprio motu an dem K. Engl. Hof die wiederhohlte Ansuch- u. Vorstellung gethan werde, damit der v. W mit derer all. Höfen allhiesigen Min. conjunctim und mit mehrerem Eyfer zu Wercke zu gehen, so baldmöglich geschärfte Ordres erhalte. Die Rede geht noch immer stark, als ob der St. würklich sich allhier in einem Kloster befinde u. ist dieses nicht allein aus vielen Umständen, die E. K. M. dero Ob. St. weitlaufliger all.nigst mündlich zu eröffnen die Gnade haben wird, sehr wahrscheinlich, sondern auch von verschieden vernünftigen Magnaten selbst behauptet und geglaubet; Obgleich particulaire Briefe aus H. und Fr. melden, wie aus gegenwartigem Extract Sub. K. zu ersehen, dass in denen Seehäfen v. Brest und Rochefort einige Schiffe segelfertig liegen u. vielleicht nur auf eine Person warteten, um selbige an Bord zu nehmen u. sodann auszulauffen, welche Schiffe auch mit andern hin u. wieder ausgerüsteten u. ohngefähr zu gleicher Zeit in See gehensollenden, sich auf einer gewissen Höhe zu conjungiren beordert seien, wie diesen letzteren Umstand der im Haag residirende Ch. S. Env. Debrosse an dieses Hofes hiesigen M. letzlich berichtet hat, worüber ich selbst den Original Brief gelesen. Diesem kann zwar allem in der That allso sein, nichts destoweniger aber mehr als eine Absicht v. S. der Kr. Frankreich darunter verborgen liegen, unter andern auch diejenige mit, den würklichen Aufenthalt des St. in P. vielleicht um so verdeckter und in Zweifel zu hallten durch das Gerücht, als ob er noch aus Fr. heimlich abreyssen solle, da doch nicht wohl zu vermuthen, dass solches zu Wasser, u. zwar einen so weiten Weg über

Const. geschehen werde, weil ich sonst keinen andern sehe u. ihn die Danen die Passage durch den Sund auf Requisitio leicht verlegen konnten, zumal da sich der K.v. Dan. überaus favorabel für den Ch. v. S. wegen der P. Cron-folge erklähret, wie ich desfalls auch org. Briefe gelesen habe.

Den $\frac{31\ \text{Mai}}{11\ \text{Juni}}$ hat der Fr. Botschafter dem Pr. ein grossen Festin gegeben, wobey biss 48 hiesiger Standes Persohnen gegenwärtig gewesen sind u. des St. nicht nur fleissig in denen Discursen mit aller Ergebenheit gedacht, sondern auch auf s. Gesundheit wacker getrunken worden ist.

Der Pr. wird dieser Tage von hier nach Lowicz verreisen u. daselbst bis nach Joh. Baptistae verbleiben, während welcher Zeit dann die P. conventa, wie schon oben erwehnt eingerichtet u. geschmiedet werden sollen. Er exerciret fast gar einen vollkommenen Despotismus, sonderlich über die ihm zur assistenz in denen affairen von der Republique angewiesenen Deputirte, wie auch über die Schatzgelder, als die er nach seiner Willkühr austheilet u. s. Creaturen damit bereichert, dessen sich viele von dem kleineren Adel sehr beschweren bey sogestellten Sachen aber nichts sonderliches dagegen zu sagen, noch weniger aber sich mit Nachdruck dar wieder zu setzen getrauen.

E. K. M. ersuche annoch all-gst. in dero Cantzley der auswärtigen Affaire allergnädigst anbefehlen zu lassen damit mir von denen beyden von deroselben Ob St., theils an das Cabinet theils an das hochlobliche Collegium d. aus. af. geschickten Relationen die abgangige und zu meinem hiesigen Betrag nothigen abschrifften, wie auch von denen dazu gehörigen Beylagen möge zu gesandt werden, um selbige insgesammt denen hiesigen Cantzlei Acten beylegen zu können, weilen sie wegen schleuniger Abreysse E. K. M. Ob. St. und kürtze der Zeit nicht haben allhier noch abcopiret werden konnen. Wie ich denn auch meine oben schon gethane Bitte um bald beliebigst Einsendung des zum Druck zu befördernden u. in E. K. M. all.h. Nahmen zu s. Zeit zu publicirenden Man. hieher zu wiederhohlen dahin die Freyheit nehme, dass wo all.h. gefallig solches durch den baldzurückfertigenden gegenwartigen Courier v. Bülaw geschehen möge.

Von d. Ch. S. M. bin vorgestern Abends erst benachrichtigt worden, wie dass den $^{3}/_{14}$ h. ein Expresser von dem Chrimischen Tartarchan mit einen starken Paquet an den Primaten u. den Reg. Poniat. allhier angelanget seye, von dessen Mitbringen man noch bis dato nichts erfahren können; Solches aber zu entdecken werde mir alle Mühe geben u. sogleich demnach berichten. Es ist dieser abgeschickte zwar v. dem Pr. noch nicht respedirt, unterdessen aber doch mit etwas Geld von Ihm beschenket worden. Einige haben mir sogar versichern wollen, dass er directe an den Woj. Kiowsky Potocky hieher expediret gewesen w. jederzeit grosses Ansehen bey denen Tartaren gehabt; diesen letzten Umstand aber habe nicht zuverlässig genug entdecken können, ob dem allso; indessen will es scheinen, dass dieser W. seine alte Mucken doch nicht lassen kann, indem mir der Kais. Botschafter gesaget, dass der Ersterer bey diesem letzteren gestern morgen in einer Abschieds visite gewesen und in seinen geführten Discoursen sich nur gar zu deutlich geäussert für den St. portirt zu sein, ja sogar ihn treuherzig zugeredet demselben doch nicht so viel zu wieder zu sein; dann sie ihn durch die P. C. schon so fest binden wollten, dass er weder gegen der Cron Pohlen noch dene benachbarten Puissancen wass nachtheiliges zu unternehmen nicht in Stande seyn sollte.

Von eben vorgedachten S. Min. sind mir die sub. L. L. in Abschrift liegende Piecen im Original mit ihren Siegeln vorgezeiget worden. Ich habe zwar an dieselbe begehret, dass sie mir die Nahmen der Unterschriebenen zu lesen geben mochten, dessen sie sich aber damit sehr entschuldiget, wie Sie denen unterschr. Personen bey ihrer Ehre haben versprechen müssen, solche Instrumente noch Niemand vorzuweissen; sollte aber die Nothwendigkeit es mit der Zeit erfordern, würden sie diese Personen schon zu disponiren suchen, dass sie die Bekanntmachung ihrer Namen erlauben.

Die Erste Piece sub. L. ist eine in einem gewissen Grod in Preussen geschehene Protestation wieder die auf dem Conv. R. T. mit Gewalt unterdrückte liberam vocem vetandi u. eine conservation einer freien Wahl und der gerechtsamen des Schatzes in Preussen. Woraus sich denn nicht unbillig urtheilen lässet, dass diese Protestation von dem Hofmarschalle Bielinsky selbst (der zugleich Pr. Schatzmeister ist u. deshalb mit dem Cron Gr. Sch. M. Ossolinsky, welcher gedachter Provinz Preussen Schatz auch an sich zu ziehen praetendiret, aus privat Intresse ursachen in eine fast unversöhnlich brouillerie vorfallen ist) seye eingeleget, und damit die St. Parthey, welcher der Oss. völlig ergeben, verlassen worden, welchem nach er sich gantzlich zu der Ch— heimlich geschlossen hat.

Die andere zur Seite gegenüber gesetzte Piece sub. B. № 1. ist eine Verbindung einiger Personen, wodurch sie sich anheischig gemachet, nicht nur wieder die auf den letzten Conv. R. T. geschehene oppressionem lib. vocis v. u. den erzwungenen Eyd auf d. Rel. L. T. zu protestiren u. dass selbiger Eyd nicht für gültig erkannt, sondern verworfen werde, sich zu bemühen, sondern auch dass der Ch. v. S. nicht ausgeschlossen, hingehen viel mehr zum Konig erwehlet werde. Aus sehr plaussib. Umständen scheint mir, dass solche Verbindung von dem Bisch. v. Cuj. Szembeck u. dessen gantzer famille geschehen, als w. dem Ch. sehr ergeben. Die Piece NB. № 2 ist ein anders formular gleicher Verbindung, doch etwas generaler, weil sie sich darin nur obligiren den Ch. bey künftiger Wahl wollen helfen erwehlen aus dem fundament einer freien u. ohnumschränkten Wahl, dass sich also die Sachen für den Ch. zu guter Hofnung an lassen, wann er insonderheit von d. b. K. Hofen hierinn sollte unterstützet werden, indem er seines Orthes selbsten allbereit das Geld nicht schonen lässt. Wird also letzlicher fast meistentheils, betreffend die Cron Cand. es auf das hinaus laufen, wass bereits vor einiger Zeit in unterschiedlichen Rel. E. K. M. all. gst. zu melden die Gnade gehabt habe, wie nehmlich nach des St. des Ch. v. S. Parthey ohnstreitig die grösste allhier seye.

Weilen ich auch endlich den v. dem Pr. an die Rep. Hol. letzthin abgelassenen Brief aufgebracht, als sende selbigen hiebei in Copia sub Lit. M., woraus E. K. M. allgn. zu ersehen geruhen werden, wie weit sich der Pr. unter dem unschuldigen Namen der Rep. in seinem Eyfer für den Les. versteige, dass er sich auch nicht scheuet zu sagen: die Rep. seye entschlossen lieber grossmüthig alles ausserste über sich, auch den Untergang selbst ergehen zu lassen als in forchten leben oder faullenzend die Zerstimmlung ihrer Freyheiten so mitanzusehen.

Die in dem Schluss angeführten Beweg-Ursachen und Endzweck aber, um welcher Willen sich der Primas derer Staaten v. Holland Rath u. gute Officia ausbittet, scheinen nicht nur auf die benachbahrte all. Machten gemuntzet, sondern auch an bey von sehr indecenten u. ernstliche Ahndung verdienenden Art zu sein, indem es Niemanden u. am allerwenigsten dem Pr. zu kommen will, nach denen ihm von deren benachbahrten all. Machten Min. in ihrer hohen Principalen Namen so redlich u. wohl meinend wiederhohlt Geschehene Declarationen in die Welt aus Bossheit, dass er seinen Willen nicht allerdings wie er wünscht haben kann, zu schreiben u. andere Machten zu bitten, sie möchten sich doch zur Erhalltung des Equilibrii angelegen seyn lassen den hochmuth in denen Grantzen der Gerechtigkeit zurükzuhalten, damit nemlich die wegen ihrer Gewalt und aus Stoltz übermüthige Machten sich nicht anmassen anderen bey ihrem grösten Recht die gröste Beleidigung zuzufügen; welchem nach man sich leicht die Rechnung machen kann in wass für indecente terminis er sich erst gegen Frankreich und andere, wider die benachbahrten Machten heraus lassen müsse, worüber denn E. K. M. mir allergnäd. befehlen werden, was ich desfalls ferner zu thun haben werde. Unterdessen da der R. K. Botsch. vorgestern einen Cour. von seinem Hof nebst einem vollstandigen Rescript und gutheissung seiner mit E. K. M. hiergewesenen Ob. St. u. mit mir gehaltenen Conduite u. abgeredet zu nehmenden Mesuren auch daneben den Befehl erhallten hat. conjunctim mit mir den Primaten noch eine Declaration zu thun (wie dieselbe allhier sub Lit. N. beigehet) und ich auch meines Ortes dazu bereit bin, so werde mich vorher obiger Sache wegen mit dem Botschafter besprechen, um bey solcher Gelegenheit gegen den Pr. zugleich deshalb gemeinschaftliche Beschwerde zu führen, und demnach dessen Explication u. Verantwortung anzuhohren, die sodann E. K. M. ohnverzuglich allergehorsamst melden werde.

Von obgedachten an den R. K. Botsch. allhier überbrachten Rescript ist dem an E. K. M. Hoflager befindlichen Residenten Hochholtzer vollstandige Abschrift von seinem Hof zu gleicher Zeit zugefertiget worden mit dem beygefügten Befehl, solches Inhalt E. K. M. geziemend zu communiciren, worauf mich denn auch allergehorsamst berufe. Eben gedachter Resident Hochholtzer ist mit der nehmlichen Gelegenheit von seines Hofes genommenen Resolution wegen würklich in Pohlen einzurüken lassende Truppen, welche auch allhier sub. Lit. O. per Extractum anschlisse vollkommen unterrichtet, mithin im Stand, auch befehlicht E. K. M. alle erforderliche Information des mehreren zu geben.

Wass sonst des R. Kais. Majestät an dero hiesigen Botschafter per Rescr. antwortlich haben gelangen lassen auf das Zumuthen der Repub., dass sich die fremde Min. gegen den Wahl Reichs Tag von hier hinweg begeben sollen geruhen E. K. M. aus dem Inhalt gegenwärtiger Beylage s. Lit. P. all-st zu ersehen, deme dann auch mich mittlerweile conformiren werde, so lang u. biss E. K. M. mir nichts anderes zu befehlen belieben wollen.

E. K. M. bitte auch noch all-st, dass allerhöchst dieselbe nach dero Grossmuth geruhen möchten für die bey dem letzten Conv. R. Tag verschiedentlich gehabten Extra Ausgaben, wie auch zu Bestreitung derer bei künftigen W. R. Tag auch zwischen während solcher Zeit nothwendig machen müssende Unkosten, u. wo als dann ohne dem alles sehr theuer allhier seyn wird etwas hinlängliches allermildest auszuwerfen u. mir zu remittiren all-gst anzubefehlen. Wie dann unter an-

dern Extra Unkosten derjenige, welchen E. K. M. auf den Cronungs Reichs Tag nach Cracau zu gehen all-st beordern werden, nur vor solche kurtze Zeit vor ein Haus daselbst bis 2000 Sp. Thaler wird bezahlen müssen, auf welchen Preis auch die meisten Häusser daselbst von den fremden Min. bestanden sind.

Den Augenblick erfahre ich, dass der Eingangs gemeldete Rudomina ausser u. neben der in Copey gegenwartiger Relation angehefte Instruction noch eine andere geheime und besondere haben solle, wovon aber noch nichts zuverlassiges versichern kann. Hiernächst nehme schliesslich die Freyheit den mit dieser Rel. an E. K. M. abgefertigten von Bulaw allerhöchst dero Gnaden dahin all-st zu recommendiren, dass derselbe seynem eyfrigen Wunsch nach in E. K. M. Kriegsdiensten, mit einem allerhöchst Selbst convenable achtenden Posten möge begnadiget werden. Weil der Obrist Lieutenant Darewsky verlanget von hier hinweg u. nach E. K. M. Hoflager zu gehen, deshalb bey meinem Bruder dero Ob. St. Ansuchung gethan, dieser auch darein gewilliget, u. ihm befohlen dass, weil derselbe von Hof an mich angewiesen gewesen, er auch von mir deshalb die zu seiner Abreysse nöhigen Ordres zu empfangen habe; so sind ihm auch denn selbige zugefertiget worden wonach er den 1 hujus von hier wirklich abgereiset ist.

Warschau d. 7 Juny 1733.

Реляція отъ 28 іюня 1733 г.

Понеже ксочиненному отъ Римско Цесарской стороны Маниѳесту, котораго квашему Имп. Вел. при кабинетной моей реляціи чрезъ Биляу послана копия по произшедшимъ мѣжду тѣмъ обстоятельствамъ одно и другое внести, обще за благо изобрѣтено, и потому оной преднѣсколькими гнями, для переводу на полской языкъ отданъ, но по сие число ради обширности его еще неизготовленъ, то оной Маниѳестъ и до друку вбреславль еще посланъ быть не могъ, что однакожъ впервыхъ дняхъ учинится. И по полученіи оного, куриеръ кригъ чаятелно въ 12 или 14 дней спотребными печатными экземплярами купно со всенижайшимъ доношеніемъ о томъ, что между тѣмъ важного произойдетъ отменя отправится, такъ что помянутые экземпляры для раздачи оныхъ, гдѣ потребно еще доволно благовременно достигнутъ. Третьяго дня варшавской земли шляхетство поімѣющей своей привилегіи держало здѣсь особливой экономической сеймикъ, на которомъ однакожъ о публичныхъ дѣлехъ трактовано, при которомъ акте обранной виедавнѣ предсимъ маршалкомъ, писарь Варшавской Соболевской втомъ же чину конфирмованъ. Между другимъ особливо произведена послѣдней генералной конѳедераціи присяга, которую все собранное шляхетство безспоримо принявъ оную исполнило. Пруской министръ Ѳонъ Брандъ, самъ персонално сей актъ смотрѣть туда ходилъ и былъ на хорѣ вавгустинскомъ костелѣ, гдѣ шляхетство имѣетъ обыкновенное свое собраніе, но какъ они его увидѣли, то посылали къ нему депутацію, проси его, чтобъ онъ понеже чужестранному министру впубличныхъ іхъ собраніяхъ находится недовлѣетъ, оттуда вонъ вышелъ. Онъ извинилъ себѣ, что невѣіной какой інтенціи, какъ токмо ради любопытствія пришелъ видѣть образъ и манеру ихъ собранія, якоже и полского языка не разумѣетъ и остался тако на мѣсте своемъ. Какъ тѣ посыланные его извиненіе донесли шляхетству, которое то принять нехотѣло, но наипаче сомногимъ шумомъ сабли обнажили, то нѣкоторые послали другую кнему депутацію стѣмъ изясненіемъ, чтобъ онъ изъ костела вонъ вышелъ, понеже они его инако противъ шляхетства, которое отчасти присудствія его терпѣть нехочетъ, отчасти же будучи внетрезвости находятся невсовершенномъ разумѣ защищать ниже отъ аѳронту гарантовать не могутъ, почему пруской министръ прочь и отѣхалъ.

Третяго же дня нѣкоторой гзенъ, которой при томъ неподалеку отселѣ въ уяздове есть (какъ здѣсь нарицаютъ) плебаномъ, пришелъ ксаксонскимъ министрамъ и отнихъ трсбовалъ, чтобъ они ему претерпѣнные во время послѣдне бывшаго тамо кампементу убытки вдобрахъ его плебаніи наградили. И какъ онъ того для отъ граѳа Вакербарта до опредѣленныхъ здѣ кзаплатѣ королевскихъ долговъ саксонскихъ комисаровъ будучи отосланъ со многимъ соболѣзнованіемъ и слезами помянутому граѳу бѣдность свою знать далъ, то съ сожалѣнія подарилъ оной ему 8 червонныхъ, сей плебанъ спросилъ, імѣетъ ли онъ за то дать квитанцію. На что граѳъ Вакербартъ далъ ему воотвѣтъ, что то есть однимъ подаркомъ, а протчие свои претензіи, ему однакожъ імѣть посправедливости будетъ волно за, которое ізясненіе сея гзенъ яко наиобязательнѣйше ему возблагодарилъ, посемъ граѳъ Вакербартъ вступилъ снимъ вразговоръ, вопрошая его, что о учиненной при послѣднемъ сеймѣ конвокаціи присягѣ соізключеніемъ чужестранного онъ держитъ. Гзенъ ответствовалъ ему по показавшемуся виду сомногою искренностию, что то снѣкоторымъ отчасти насиліемъ выможено было; граѳъ Вакербартъ сообщилъ ему на сие экземпляръ приложенного здѣсь писма и сотвѣтомъ на оное, яко бы тѣ писма отнезнаемыхъ персонъ здѣсь разсѣяны были. Сей гзенъ апробовавъ содержаніе оныхъ просилъ притомъ ободномъ такомъ экземпляре которой Саксонской министръ толь наисвободнѣе ему далъ, яко будучи того мнѣния, что гзенъ учинитъ ізоного доб-

рый усажъ а особливо, что онъ передъ тѣмъ снимъ о мирянахъ вплебанія его живущихъ разговаривалъ, однакожъ онъ себя весма обманута нашелъ, понеже сей плебанъ тогожъ моменту оттуду пришелъ к примасу и оной экземпляръ ему объявилъ со многою прибавкою, якобъ его Саксонской министръ свести хотѣлъ кначатію разныхъ Ѳакцій, такъ что сей измѣнической поступокъ небезровнымъ есть тому которой воевода Троцкой Огинской предкратнымъ времянемъ учинилъ противъ обоихъ [Имп. дворовъ министровъ, о чемъ вящее всенижайше устнѣ донесетъ вашего Ім Вел. оберъ шталмейстеръ.

Примасъ безумедленія послалъ сей экземпляръ до собранія помянутого сеймика. Гдѣ попрочтеніи предложено, чтобъ оной чрезъ руки палача зжечь приказать. Посемъ Саксонскихъ министровъ чрезъ депутацію вопросить отнихъ ли сіи писма вышли, или не отнихъ, понеже де оные публичной штатъ возмущаютъ і република таковыхъ людей здѣсь тѣрпеть нехочетъ; сверхъ того имъ декларовать, чтобъ они писмянное обнадѣживаніе дали, что они во время 14 дней оставшіе по покойномъ королѣ долги заплатя, отсѣлѣ прочь до Саксоніи отѣдутъ; на помянутомъ здѣ сеймикѣ толь весма не токмо предложено, но і отвсего шляхетства апробовано, чтобъ Саксонскихъ министровъ втомъ дѣле чрезъ депутацію безприкладно позвать предъ здѣшной Каптуровой і криминальной судъ, противъ чего здѣшніе чужестранные министры между собою заодно совокупися общество въ фаворъ Саксонскихъ учинили, яко водномъ дѣле всемъ предосудителномъ і бесчестномъ. Понынѣ они дѣйствомъ еще не позваны, і чаятелно поремонстраціи Ѳранцуского посла, которой есть зѣло умной мужъ, дабы полская нація у всего свѣта чрезъ таковые экстраваганціи себя вносмѣяніе привела, і неізвѣстно однакожъ что поляки еще учинятъ.

Каштелянъ чирскій ревнителной Станиславистъ вдистриктѣ своемъ тогожъ іміяни пособственной своей власти сравномѣрнымъ невѣжествомъ публиковать приказалъ, чтобъ тотъ которой бы пріятного россіиско Импер., іли Римско-Цесарскому двору кандидата хкоронѣ производилъ, яко непріятель отечества і ребелизантъ держанъ былъ На ономъ же здѣшнемъ сеймику проізшелъ вопросъ въ дѣле здѣшняго, протчихъ чужестранныхъ министровъ пребыванія во время сейму элекціи, при чемъ упорно стояли, чтобъ они министры, 14 дней предпомянутымъ сеймомъ элекціи отсель отдалилися. Между тѣмъ увѣдомился я сего моменту, что помянутые включенные здѣ писма, паче чаянія каждого нынѣ пополудни всамомъ здѣшнемъ городѣ на обыкновенномъ пляцу экзекуціи, чрезъ палача дѣйствително сожжены публично.

Ізъ Гданска совчерашнею почтою получилъ я вѣдомость, что. Понинскій, которой ко дворамъ Швецкому і дацкому снотиоикациею о смерти короля Августа посыланъ былъ, туда назадъ возвратился впротчемъ отъ времяни до времяни разсѣваются здѣсь вфаворъ Станислава разные скрипты, на которые отдобромышленныхъ паки отвѣтствуется, чемъ ваше Ім. Вел., понеже оные важности неімѣютъ, не утруждаю.

Реляція Оберштальмейстера Левенвольда отъ 7 апрѣля.

Im Gross Padowschen Kruge. d. 7. April.

Diesen Augenblick rencontrire ich allhier den aus Warschau zurückkommenden Courier Krieg, mit welchem mir mein Bruder nichts Neues noch Wunderliches, sondern nur dieses hauptsächlich meldet, dass wegen des Ceremoniels und um alle dessfalls sich etwa ereignenden Difficultäten zu applaniren und zuvorzukommen, das beste Mittel sei, mich bei meiner Ankunft daselbst vors erste ohne Ministerialischen Character und nur als E. K. M. Oberstallmeister bekannt zu machen, um also Niemanden als denen etwa in höheren particulairen Rang stehenden die erste Visite geben zu dürffen. Jedoch hoffe ich, dass hiernachst und wenn nur erst da bin, und die dortigen Beschaffenheiten sehe sich auch dieser Punct des Ceremoniels endlich wohl werde applaniren lassen, wobei gewiss E. K. M. allerh. Respect in keinem Stücke zu praejudiciren jederzeit aufs allersorgfaltigste bemühet sein, indessen so viel nur immer moglich meine Reise zu beschleunigen fortfahren werde.

Реляція Обершт. Левенв. отъ 23 іюня.

Aus Riga datum 23 Juni.

Bei meiner Ankunft alhier erhalte ich beigehenden Brief von E. K. M. Cammerhern Korff aus Mietau, in welchem derselbe wegen derer sich daselbst eingefundenen Pohlnischen Officiers die Anrückung einiger Mannschaft von hieraus verlanget. Ich habe sogleich darüber mit dem H. Gouv. v. Lacy conferirt, und wir beyde allerdings vor bedenklich gehalten ohne E. K. M. allergnädigsten Befehl dergleichen, so nur Anlass zur Ombrage und Weitlauftigkeit geben konnte zu thun, zumahlen man nicht wissen kann, ob nicht besagte Pohlen nur wegen Einkauffung einigen Gewehres, so wie in Conigsberg und an andern Orten geschiehet auch nach Mietau gekommen.

Unterdessen habe ich dem Cammerherrn Korff geantwortet, dass um alle Precaution zu gebrauchen das alldorten befindliche Commando E. K. M. Soldaten vors erste nur zusammengehalten und auf alles gehörigermassen ein wachsames Auge continuiret werden möge. Der H. Gouverneur Lacy wird auch mehrerer Invigilerie und Sicherheit halber so fort einige Compagnien nach dem Schultzen Kruge umb auf allen bedürfenden Fall desto näher zu sein, defiliren lassen, welches um so viel füglicher, ohne einige Ombrage zu geben, geschehen kann, als ohnedem die hiesigen Regimenter in der Gegend dieser Stadt campiren müssen. Ingleichen habe vor nöthig gefunden den Obersten Lieven ohnverzüglich von hier nach Mietau zu schicken. Damit er unter einem andern Praetext in dortiger Gegend sich aufhalten, und ob er etwas näheres von besagter Polen Vorhaben und Demarches developpiren könne sich bemühen, auch solches so fort an den H. Gouverneur hieher so wohl als auch nach Hofe berichten möge.

Ich breche heute noch wieder von hier auf und werde meine Reise mit aller möglichen Eilfertigkeit fortsetzen.

Реляція Обершт. Левенв. отъ 20 іюля.

Conigsberg $\frac{30}{11}$ Juli.

Aus den Nachrichten, welche die gestern Abends bei meiner Ankunft allhier mir begegneten Couriers, die Capitäne Bulau und Krieg mir aus Pohlen von meinem Bruder so wohl, als dem Römisch Kaiserlichen Botschafter Gr. Wilzeck mitgebracht, habe ich ersehen, dass nicht nur die jetzigen Umstände in Pohlen und die daselbst fortdauernde, gefährliche und auf eine praecipitirte Wahl und Proclamation beständig abzielende Anschläge der St. Partei die möglichst schleunige Einrückung E. K. M. Truppen, zu Rassurirung derer solches inständigst verlangenden Wohlgesinnten, und zu wohlzeitig nachdrücklicher Begegnung derer widrigen Projecte erfordern, sondern auch der Kaiser wegen des von

Franckreich im Reiche allerdings zu besorgenden Angriffs einen Theil seiner in Schlesien stehenden Truppen, um selbige zu seiner Beschützung am Rheine zu employiren zurückzuziehen sich gemüssiget sehen möchte, und desfalls die nöthige Vorstellung und Antrag bei E. K. M. zu thun, dem Residenten Hochholtzer durch ein unterm 18 Juli an selbigen abgefertigtes Rescript befehliget, wovon der Graf Wilzeck mir beygehenden Extract communiciret, und ich solchen auf den Fall, da der K. R. Courier vor Ankunft dieses noch nicht eingetroffen sein möchte hiebey zu schliessen vor nöthig gefunden.

Da mir nun diese Umbstände bishero nicht bekannt gewesen, nach selbigen aber die baldige Einrückung E. K. M. Truppen und dass dieselbe um alle bei einer praecipitirten Wahl zu besorgenden Inconvenienzen vorzubauen, gegen den zum WahlReichstage angesetzten Termin, in der Nähe von Warschau zugegen sein mögen, mehr als sonsten nöthig zu sein scheinen will. So habe ich E. K. M. allergn. Decision allerunt. anheimstellen sollen, was dieselbe auf oberwähnten durch den Residenten Hochholtzer zu geschehenden R. K. Antrag zu entschliessen geruhen und ob dieselbe bey sothanen und übrigen in Pohlen sich äussernden Bewandnissen und allerdings pressirenden Umständen, nicht vor nöthig finden sogleich bei Ankunft gegenwärtigen Couriers dem General Lacy durch einen Expressen die Ordre zu möglichster Beschleunigung seines Marsches wiederhohlen zu lassen und dass er ohnfehlbar den 1 August und wo möglich noch eher, die bei Smolensko stehenden Regimenter aber sofort bei Empfang der Ordre einrücken, und der Gen. Lacy insonderheit die Infanterie des Tages zum wenigsten 4 Meilen die Dragoner aber 5 bis 6 Meilen marschiren lassen möge, so dass dieselben, wenn er auch nur einige Regimenter bei sich und bei der Infanterie zurück behalten sollte, allemal voraus avanciren und zu denen operationen die nähesten sein, auch solchergestalt die Truppen noch zu rechter Zeit vor dem Wahltag auf 10 Meilen von Warschau

sich befinden mögen, indem es anjetzo, da die Sachen in Polen so weit gekommen, und die widrige Partei mit ihren Absichten absolument durchzudringen praetendiret, auch zu solchem Ende der Poniatowsky ein Corps Truppen bei Lublin formiren soll, allerdings darauf ankommt, dass zur Hintertreibung und gehoriger Begegnung dessen, unsere Regimenter bei Zeiten zur Hand seien, und der Gen. Lacy auf obgesagte ohnmassgeblich vorgeschlagene Weise die nöthigen Ordre desfalls auf das allerfördersamste erhalten möge. Ich meines theils werde bei solchen Unnständen mich auch in Warschau nicht lange aufhalten können, sondern nachdem die gehörige declaration daselbst an den Primas gethan, mich, wenn es nöthig befinde, auf die Litthauische Seite zum General Lacy ziehen. Auch weiss ich nicht, ob mein Bruder, wenn die Sachen so weit gekommen, daselbst werde bleiben können, und es nicht vielmehr besser sei, dass er zu den Kais. Truppen sich begebe, woruber sowohl als über alles übrige bei meiner Ankunft in Warschau mit dem Gr. Wilzeck das nöthige concertiren werde.

Die über alles obige zu nehmende, allergn. Entschliessungen bitte allunt., mir auf dass baldigste wissen zu lassen, auch dass der mit der Antwort auf den R. K. Antrag zurückzufertigende Courier auf Warschau, von wannen er über Breslau nach Wien gehen kann, expedirt werden möge, damit ich sowohl, als der Graf Wilzeck von denen Resolutionen und darauf zu nehmen nöthigen Mesures in Zeiten informirt sein könne.

Mehrbesagter Gr. Wilzeck hat mir zu gleicher Zeit auch geschrieben, dass zwischen seinem Hofe und Chursachsen, der Tractat bereits würklich zu Stande gekommen und geschlossen worden.

Den Berlinischen Tractat werde von hieraus mit dem Lieutenant Baron Meyendorff nach Stettin, woselbst sich der König von Preussen anjetzo befindet abfertigen und in Abwesenheit des Grafen Seckendorf selbigen an den General Borck adressiren, und stehet zu erwarten, was selbiger Tractat, und die dadurch dem Könige geschehende Gefalligkeit bey selbigen vor einen Effect thun werde. Aus Dantzig erhalte ich allhier die Nachricht, dass der in Schweden gewesene Türkische Gesandte mit einem Schiffe daselbst angekommen und weiter nach Polen gehen werde.

Ich werde meine Reise mit aller möglichen Eilfertigkeit fortsetzen u. E. K. M. bei meiner Ankunft in Warschau von der dortigen Situation der Sachen und wie selbige befunden wird meinen naheren allunt. Bericht abzustatten nicht ermangeln.

P. S. Bei meiner vorigen Durchreise allhier habe ich einen in Dantzig vor andern wohl bekannt seienden Kaufmann die Commission gegeben sich daselbst wegen denen dorthin remittirten Frantzösischen Gelder aufs genaueste zu erkundigen. Selbiger Kaufmann ist vor drey Tagen selbst aus Dantzig zurückgekommen und hat mir versichert, dass auf seine daselbst so wohl als auch in Oliva eingezogene gewisse Nachrichten, die alldortigen frantzösischen Remisen bishero in 16 Millionen Preuss. Gulden oder 2 Millionen Ducaten bestehen, auch die Kaufleute, umb so viel möglich den Schein zu vermeiden solche Gelder nicht alle in ihren Hausern, sondern einen Theil derselben in dem olivischen Closter liegen haben unter dem Praetext, dass selbige vor den frantzösischen Gesandten wenn derselbe (an) Geld zu kurtz kommen sollte gehören. In der That aber und damit der frantzösische Minister durch Distribuirung derer Geldsummen sich und andere nicht verdächtig machen möge hat der Litthauische Unterkantzler Czartorynsky die Disposition über besagte Gelder und vollkommen freie Hand, selbige an wen er es gut finde, auszutheilen

Der Schatzmeister Solohub hat auch durch einen gewissen Schelkofsky an ebendenselben Kaufmann alhier vor ohngefähr 60,000 Gulden Waaren anherogeschicket und ist bemühet davor neue Ducaten einzuwechseln.

Königsberg. $\frac{21\ J.}{1\ Aug.}$ Eben da in Procinctu stehe, mich von hier auf die Reise zu begeben, kommt der Courier Ma-

ximovitsch bei mir an, mit welchem E. K. M. allergn. Ordre wohl erhalten u. selbige in allen Stucken allergeh. zu befolgen nicht ermangeln werde. Ich habe auch, da doch selbst so geschwind nicht fortkommen kann, vor nothig befunden, einen Expressen voraus nach Warschau zu schicken und denen Sächsischen Ministern an die Hand zu geben, dass der Churfürst noch den Versuch thun möchte, an den König von Preussen zu schreiben, um denselben in seinen faveur zu disponiren. Ich breche diesen Augenblick von hier weiter auf und werde meine Reise nach aller Moglichkeit beschleunigen. Ich habe dem General Lacy auch mit gegenwärtigem Courier zum Voraus geschrieben, dass er die ohnvorzügliche ordre von E. K. M. erhalten wurde den Marsch derer Truppen möglichst zu beschleunigen, auch ohne den geringsten Zeitverlust die solchem gemässige Anstalten gleichfalls nach Smolensko an den das dortige Corps commandirenden General abgehen zu lassen.

Письма Даревскаго къ Остерману.

I.

J'ai eu déja l'honneur de mander à V. Exc. l'ordinaire passé, que je suis arrivé içi le 2 du courrant, le lendemain aprés la mort du Roy, et j'ai trouvé ainsi déja la diette rompue par cet accident. Sans quoi suivant toutes les apparences le Roy y aurait fait tout ce qu'il aurait voulu, le parti Republicain agissant fort lachement et le Sien avec la dernière vigueur et fermeté, comme j'ai appris á mon arrivée içi.

Les Républicains m'ont dit à la verité, que le Parti du Roi agissait avec trop de violence et qu'ils ne pouvaient pas résister à leur force et qu'il n'avaient autre parti à prendre, que de faire la Confederation aprés. Mais leur conduite dans la suite ne fait voir qeu trop, qu'ils n'ont jamais assez de résolution pour cela.

Je suis bien mortifié et au desespoir d'avoir tant proné la bonne disposition des Lituanois leur resolution et leur fermeté: Tant de belles choses, qu'ils me disaient toujours, que leurs propres interêts me faisaient croire, me trompaient. Et qui ne se laisseroit pas tromper par des choses, qui arrivent contre la nature? Et qu'est ce qui soit plus contre la nature, que d'agir contre ses propres interêts, comme ces Messieurs le font à présent.

Votre Ex. verra par le rapport du Ministre de quelle manière toutes les choses sont allés et vont jusqu'ici depuis la mort du Roi. Je veux seulement detailler içi, ce qu'il s'est passé entre les Lituanois et moi.

A mon arrivée à la première entrevue avec ces Mr. lá ils se sont plaint d'abord de la conduite du Primas et la deplo-

© ГПИБ СПбФ РАН

roient, et aprés avoir dit de trés belles choses qu'ils voulaientfaire et avoir vanté leur conduite à la diette, et la dépense, qu'ils ont fait ils m'ont demandé avec beaucoup d'empressement, ce que je leur ai apporté de bon: Je leur répondis, que je leur ai apporté de bonnes nouvelles dont ils auront lieu d'être contents, qu'ils agissent seulement comme il faut, et comme nous fumes interrompus par d'autres qui vinrent, cela restat cette fois là.

Le lendemain bon matin le tresaurier de la cour de Lithuanie Sapieha m'envoyat chercher et me contat, comment le Pr. s'etait accommodé avec Poniatousky et toute la maison Czartor. et aprés avoir pesté contre le Pr. et plusieurs autres avec une ardeur à tromper je ne scai qui, il conclut, qu'il n'y avoit absolument autre chose à faire, pour remedier à toutes les affaires, que de faire la confédération. Mais pouvez Vous me dit il m'assurer de l'assistance de la part de Votre cour, je répondis qu'ils n'ont à compter seurement sur toute assistence de notre part et que notre cour ne leur manquera en rien, alors paraissant tres content de mes assurances, fort bien dit il d'un air fort résolu et me demandat, si notre cour était toujours dans une parfaite intelligence avec celle de Vienne et dans les mêmes sentiments à l'égard de la Pologne. Je l'ai assuré encore la dessus. En suite il me dit; allez Vous en donc dire à Votre Ministre, qu'il parle avec le M. de l'Emp. afin que celui ci tache de former une Confédération dans la Grande Pologne, et que pour eux ils sont seurs de leur fait en Lituanie, que lui, il alloit sortir dans ce moment pour aller parler au grand Maréchal de la Couronne, Palatin de Kijovie le Pr. Regimentaire Wisniewiecky, Palatin de Cracovie, l'Enseigne de la couronne, que tous me disait-il être dans les mêmes sentiments, et à trois heures aprés-midi, Vous vous trouverez, me dit il, chez le Palatin de Witebsk, j'y viendrai aussi et l'Eveque de Smolensk et nous parlerons d'avantage. Je le croyais en tout ce qu'il me disait, d'autant plus que je le voyais piqué par son interêt particulier, puisque comme trésorier de la cour de Lithuanie il prétendait avoir à sa disposition les Economies du Roy, en ce pais là la coutume portant, que toujours autre fois la disposition des Economies du Roy appartenaient aux trésoriers de la cour, même du vivant du Roy, et le Pr. avait laissé cela à la disposition du grand Tresaurier Solohub, qui d'accord avec la maison Czartor, en a disposé pour des personnes de leur parti.

Je suis done sorti de chez lui et allé droit chez notre Ministre pour l'informer, celui ci me dit, qu'il avait déja parlé au M. de l'Empereur et que celui là aurait dit, qu'il prenait bien la grande Pologne sur lui. Je reviens aprés chez le Tresaurier et lui dit cela, dont il m'a paru fort content. Il me retient à diner; lui, son frère, et moi (ne faisaient) que parler des operations de la confoederation. Le Frère du Tresaurier, qu'on appelle Starosta Wilkowsky était destiné pour aller dans la Gr. P. conjointement avec le Pal. de Kijovie pour y agir.

Sur la fin du diner, notre Ministre m'envoyat chercher pour me parler, et lorsque je viens chez lui il me dit, qu'il avait été chez le grand Maréchal et avait parlé aussi au Palatin de Kijovie et qu'il l'avoit trouvé dans les mêmes sentiments; tout cela allait le mieux du monde jusque là.

Au sortir de chez notre Ministre, je me suis rendu donc chez le Pal. de Witebsk, qui était un peu indisposé, nous attendimes trés longtemps les autres; jusqu'au soir fort tard en parlant des affaires de la conjoncture présente et toujours dans une fort bonne disposition, à la fin les autres vinrent aussi et nous commençames la conférence. Ils me demanderent, qu'est ce que je leur ai apporté; je répondis, qu'ayant representé à la cour leurs bonnes intentions et la neccssité de l'assistence en argent, pour s'opposer aux entreprises de leur cour, notre cour avait envoyé l'ordre au Ministre de les assister et de plus Sa M. Im. elle même m'a ordonné de leur offrir de pensions. La dessus justement le Pal. de Crac. arrive qui nous interrompit et comme je ne suis pas connu particuliérement de lui, pour ne les point gêner dans leurs conférences, par discrétion, je me suis retiré dans une autre chambre.

Le Pal. de Crac. resta longtemps avec eux et après lui étant sorti, je suis rentré chez eux. Ils me dirent, qu'ils remettaient la conférence au lendemain matin à 8 heures à se trouver chez l'Eveque de Smolensk. Le lendemain nous nous y trouvames donc tous à l'heure marquée. Ils commencèrent par me demander: Comment est ce que je leur ai parlé hier de pensions. Je répondis, qu'ayant representé que Vous autres n'ayant pas assez de l'argent par Vous mêmes pour fournir aux dépenses, que Vous êtes obligé de faire sur tout a de si fréquentes diettes, et pour menager les interêts la cour ait pris résolution de Vous en fournir en Vous donnant de pensions et de plus encore l'extraordinaire dans les occasions suivant l'exigence. Là dessus ils me demandèrent, ce qu' était ce donc la cour demandait d'eux. Je fus d'abord surpris de la question, comme si je leur en parlais pour la première fois et leur dis, que Notre cour ne demande rien autre chose que de maintenir en premier lieu les decrets de la République, les avoir eux pour amis, afin qu'ils travaillassent de faire en sorte, que la bonne intelligence et amitié entre la Russie et la Pologne soit toujours maintenue, et aprés comme il est à présent question d'un nouveau Roy, que Vous tachiez d'élire un tel, avec le quel Vous puissiez vivre en paix et Vos voisins aussi, et en leur parlant j'ai donné l'Exclusion au Stan. et à l'Electeur d'aujourd'hui de Saxe.

Ils me demandèrent en suite, combien je leur offrais pour pension, je répondis, que c'etait à Eux à me le dire, de quoi ils voudraient se contenter en se souvenant pour tant, quod ab amicis justa petenda. Ils demandèrent donc 5000 écus espèces pour eux 4, qui sont ceux, que j'ai proposé.

Je répondis, que je croyais, que la cour ne leur en fera point de difficulté, pourvu qu'ils fussent en sorte, que la cour puisse prendre entiere confience en eux. Ils me demandèrent encore, qu'était ce donc qu'ils devraient faire. Je leur conseillais ou d'envoyer quelqu'un d'entre eux à notre cour avec plein pouvoir pour concertir toutes choses et que celui là leur apporterait d'abord l'argent néccéssaire pour agir ou

bien au moins de dresser un système des engagements dans lesquels ils voudraient entrer, et comme notre cour ne pétend rien au préjudice et contre la République, ils pourront y inserer toutes les précautions pour la seureté des interêts de leur Patrie.

Ils firent semblant de vouloir former ce système et en attendant ils voulurent avoir 2500 ducats tant pour la dépense, qu'ils prétendent avoir fait à la diette pour les nonces que pour donner aux mesmes nonces, qui allaient à present dans leurs Provinces afin qu'ils disposassent les Esprits pour le grand ouvrage de la conféderation. Je répondis, que nous ne nous étions pas attendu à l'evenement d'aujourd'hui et qu'il n'y avait pas autant de l'argent prét, toutes fois s'ils veulent agir comme il faut, on verra. Mais que sans cela je suis faché de leur dire, qu'on ne donnera rien. La dessus ils se mirent d'abord à se formaliser, que nous n'agissions point avec eux de bonne fois, que nous cherchions toujours des escapades, qu'ils etaient homêtes gens, qu'ils ne promettraient rien, s'ils ne voulaient point tenir et mille pareilles choses. Je répondis qu'il ne tenait qu'à eux de toucher l'argent, pourvu qu'ils forment le système, comme il faut, et qu'ils le signent. La dispute dura longtemps, à la fin il semblait que je les eusse persuadé. Ils dirent, qu'ils voulaient former ce système et le signer, mais que cela ne se pouvait faire dans un instant, qu'il fallait convenir avec les autres et que cependant comme les nonces partaient aujourd'hui il fallait absolument leur donner de l'argent, qu'ils voulaient en attendant donner l'assurance signée d'eux, comme quoi ils avaient reçu cet argent pour contenter les nonces.

Ils me parlèrent tant, que je n'ai pas pu me dispenser de leur promettre d'en faire rapport au Ministre. Mais Son Excellence voyant leur conduite à la dernière Diette n'a pas jugé à propos de leur accorder cela, à moins qu'ils ne se déclarent plus positivement et plus solidement, et moi en mon particulier j'étais du même sentiment. Je reviens donc leur dire, que le Ministre voudrait bien les contenter, mais que

l'argent pour lequel j'avais apporté de lettres de Change n'etait pas encore arrivé.

Alors donc ils se sont beaucoup plaint, que nous n'agissons pas de bonne foy avec eux et me temoignaient, qu'ils entendaient, que cela importait plus á la Russie d'avoir des amis en Pologne, qu'á Eux et moi je leur representais, que la Russie n'avait d'autre interêt en cela, que de maintenir la tranquillité generale et terminer les affaires à l'amiable, pour eviter ainsi les extremités dont ils se ressentiraient Eux le plus. Depuis nous nous sommes mis sur l'indifference les Uns et les autres et dans cette indifference ils sont partis d'içi.

Toute cette conduite me fait croire pourtant, que c'est plutôt l'effet de leurs irrésolutions et du manque de courage pour entreprendre quelque chose, que de la mauvaise foi, car comme nous sommes dans le cas d'effectuer les belles promesses, qu'ils nous avaient toujours donné, ils sont peut-être bien aise de ce pretexte, prétendant que nous leur manquons d'argent. Mais j'espère qu'ils reviendront d'Eux Mesmes, ou bien il en viendra d'autres à sa place car certainement il y aura encore bien des parties et qui changeront plus d'une fois. Tout le monde scait, que ce serait absolument un miracle, qu'ils fussent unis tous. Et rien à mon petit advis ne nous attirerait tant de Partisans qu'une firme resolution sans une grande hauteur, qu'il faudrait leur montrer d'abord à la convocation, qu'on ne souffrira absolument pas, qu'ils élussent un sujet, dont les voisins n'eussent lieu d'être assuré de vivre en paix et tranquillité avec la Rép. et qu'on souhaitait pour cela d'autant plus un Piast. Et ainsi ma foy la couronne nous attirera les ambitieux et la crainte d'une guerre et de troubles empêchera bien la petite noblesse de se déclarer pour le St.

Le Parti de St. est le plus fort, ou le Primas est à la tête entièrement, et je crois, qu'il n'y a que celui là, qui est fixé, quoiqu'il le nie toujours. On parle par ci par là aussi du Prince de Bavière et du Pretendant et aussi de l'Electeur de Saxe.

Mais il y aussi quantité de Piast, qui ont la couronne en tête, et c'est alors quand ils verront que notre cour et ses alliés veulent s'opposer entièrement au retour du Stan. que tous ces pretendants accourrerons à nous.

Jusqu'ici ils ne croyent pas que notre cour et ses alliés veulent s'y opposer jusqu'à venir aux extremités. De l'autre coté ils veulent aussi voir si la France est résolu à soutenir le St. absolument et là dessus ils se regleront. Je me suis apperçu, que c'est la pensée du parti de Poniatowsky et Czart., et je crois, qu'il est de même du reste.

Et en cas que non obstant les remontrances amiables des voisins les Polonais voulussent unaniment se déclarer pour le St. si notre cour et ses alliés veulent s'y opposer absolument, il faudrait tenir les armées prêtes sur les frontières, en ce cas les faire entrer d'abord chacun de son coté sans leur donner le temps de séduire plus le public, en publiant de même temps de manifestes déclarant à la nation, que voyant l'opiniatreté de factieux uniquement pour leurs vues et profits particuliers, à vouloir un sujet pour Roi et que par les liaisons, qu'il a avec les puissances etrangères la Pologne ne cesserait jamais d'etre troublées par les intrigues etrangères dont les voisins se pourraient trouver aussi inquietés et jamais assurés de la tranquillité dans laquelle ils pretendent vivre avec la Rep; laisser au choix libre de la Nation l'election d'un Piast et faire tenir ensuite l'ordre le plus exacte au trouppes pour ne point incommoder la petite noblesse et la menager en tout ne s'attachant qu'aux biens des grands et je suis bien trompé, si les grands ne soient abandonnés et que la noblesse ne se met ensemble pour se donner du repos. Autrement sans leur montrer une resolution ferme dans l'opposition au retour du St. la seule négotiation n'y fera rien et l'argent, qu'on y employerait seroit perdu. Toute fois il faudrait que l'argent soit prêt ici pour soutenir ceux qui se rangeront de notre coté aprés la déclaration faite à la convocation, qui peut-être entreront dans de solides engagements avec notre cour.

J'ai cru avec le reste du Monde, que la mort du Roy renverserait entièrement Mr. Poniatowsky et Czart. Mais le Primas y a mis ordre et ils brillent à présent tout autant qu'autre fois. Je souhaiterais, de tout mon coeur que ces gens là prissent le parti de se mettre de bien avec notre cour, afin qu' elle eu raison de les soutenir, on ne sçauroit jamais se mieux venger de tout ceux, qui ayant toujours pris recours à notre cour, à présent agissent d'une manière si ingrate. J'ai insinué cela un peu à mes amis, que j'ai dans ce parti là, comme venant de moi même par amitié pour eux. Comme se sont tout gens d'esprit et très circonspects, ils ne m'ont répondu directement á cela, mais j'ai remarqué, que cela ne leur était pas desagréable, et je trouve, qu'ils ne se gendarment plus tant contre nous, qu'ils faisaient autrefois, et je jurerois presque, qu'ils veuleut seulement premièrement voir, avec quelle vigueur tant les voisins, que la France veulent agir et alors ils prendront tout d'un coup leur parti et se moqueront du Pr. et de tout le reste, le Pr. les mettant en état de le faire.

Le Star. Merecky n'était pas içi à cause de sa maladie qu'on prétend, je lui ai pourtant envoyé la lettre de V. Exc.

Vars. 12 fev.

Отрывокъ изъ Реляціи отъ 4-го марта.

II.

Mr. le Pal. de Belzk m'a dit en même temps, qu'ils avaient résolu de faire une convention entre 3 ou 4 personnes avec notre Min., sur toutes les affaires entre la Russie et la Pologne pour ôter toutes les contestations dans les conférences, et puis à la convocation ils ordonneront par forme seulement des commissaires pour les conférences et que c'était de cette manière, qu'ils prétendent finir avec nous. Je souhaite, que cela fut sincère, et quand cela seroit même, je prévois qu'ils mettront le St. entre les conditions, car ils sont tout à fait pour lui et il y a quelques jours, qu'ils ont envoyé

chez lui le jeune compte Jablonowsky Star. Busky cousin germain du St. Le Pr. prétend n'en savoir rien, et dit que c'est la maison Cz. qui l'a fait partir car le même Jabl. est cousin g. aussi avec la pr. Czart. Palatine de Russie. Mais le même Jabl. m'a conté lui même, que d'abord aprés la mort du Roy il voulait partir pour la Fr. mais Mr. Pon. et la maison Czart. ne voulurent point qu'il parti, avant qu'ils eussent convenu avec le Pr. et il me dit, qu'à présent il ne partirait pas si non avec des commissions. Ainsi je conclue que le. Pr. ssait fort bien, pourquoi il est allé là, lui ayant donné même un passeport.

Отрывокъ изъ письма къ Остерману отъ 4 марта.

III.

Je prends la liberté de communiquer à V. Ex. la lettre de Mr. St. Merecky, que j'ai reçu par le dernier ordinaire de Lituanie, ou il y a aussi une apostyle de Mr. le Pal. de Witebsk, que je reconnais par sa main. Tout cela ne veut dire presque rien, mais V. Exs. verra pourtant, que ces gens là prétendent toujours être de nos amis.

Leur conduite, qu'ils ont tenu en dernier lieu içi, comme j'ai mandé à V. Exc. est un effet de leur mauvais jugement des affaires, qu'ils se sont imaginés, que c'est à nous, qu'il importait le plus de les avoir pour amis; car d'ailleurs pour prendre parti contre nous, il est trés difficile à croire, qu'ils osassent jamais et la déclaration qu'il faudra faire à la convocation le fera voir.

On dit, qu'il y a en Lituanie une confédération opposée à nous, mais à moins que le Prince Régimentaire ne soit dans les mêmes sentiments, il est à croire, qu'il y aura une aussi qui sera opposée à celle-là. Pour ce qui est à qui demeurera la superiorité cela dépend de la déclaration des cours voisines, soutenue par un peu de l'argent, si on ne veut pas encore aller d'abord aux coups.

A l'égard des candidats tant Nationaux, qu'Etrangers, il

y a une quantité, dont en entend parler içi, et j'ai entendu hier, que le Pr. Jaques tout vieux, qu'il est se met aussi sur le rang et ait ecrit une belle lettre au Primas. Celui la pourrait emporter sur tous, si son grand âge ne l'en empechait; d'ailleurs parmi les nationaux il y a le plus d'apparence pour le Pr. Sangouschko, par raison, qu'il est pour ainsi dire l'unique de sa maison, et de plus, qu'il n'est ni fier ni m'échant ni turbuleut, et qu'il est assez riche pour soutenir sa dignité, y joints les revenus de la Royauté. Au reste il n'y a point d'apparence, qu'il se passe içi quelque chose d'extraordinaire jusqu'a la convocation, non obstant les confeder., qu'on pourra faire même encore d'avantage.

Письмо отъ 13-го апрѣля.

IV.

En attendant, tout ce que j'ai de nouveau à mander à V. Exc. est que ces jours cy il est arrivé le colonel Eperjasz, qui étant d'une ancienne connaissance avec moi m'a dit en grand secret, qu'il se formait un grand parti pour le prince Jaques, que Sanguszko était le principal qu'il s'est chargé de traiter pour cela avec notre ministre, que le Pal. de Kiowi étant à Zolkew s'est declaré aussi, mais avec condition s'il n'y aura pas opposition au Stanislas, que la princesse Castellane de Cracowie s'est obligé de disposer son mari pour lui, que Sanguszko prend sur lui d'attirer le pr. Wisniowiecky, qui est à présent pour le Stanislas, qu'ils se fondent pour réussir de trois choses, sur l'exclusion des étrangers, qu'ils croient immanquable de la part de la nation, sur l'opposition au St. de la part des voisins et sur la jalousie des nationaux entre eux mêmes; il m'a dit, qu'en parlant avec le palatin de Belzk sur les affaires de la conjoncture présente il lui a dit, qu'en cas de l'opposition au Stanislas, (personne ne le saurait être), que le Pr. Jacques. Je demandais aprés sa Santé, il dit qu'il se portait parfaitement bien pour vivre 6 au 7 ans. J'ai envoyé le Mr. Eperiasz chez

notre ministre, il lui a parlé et demandé un grand secret la dessus, ils ne veulent faire semblant de rien, jusqu'a ce qu'il en sera temps.

Je n'ai plus rien, à V. Exc. pour le présent, si non à lui rapporter un petit entretien, que j'ai eu avec le Vice chancelier Pr. Czart. le premier Jour de Paques chez le Prymas.

Comme j'etais là il vient à moi avec beaucoup de familiarité gracieuse et aprés quelques douceurs il me dit en souriant, pourquoi était ce, qu'on ne m'avait pas donné la commission, qu'avait Mr. Lieven. Je lui répondis sur le même ton, que je croyais ne rien perdre en cela, puisque javois la même commission, qui est de remontrer à un chacun dans les occasions, que notre cour ne souhaite rien autre chose, que de pouvoir vivre toujours dans la plus parfaite amitié et intelligence avec la République pourvu que la Rép. y voulut contribuer de son coté. Mais dit il, il a la commission de donner l'exclusion au St. Je répondis, qu'en cela il n'y avait plus du secret, et que j'avais la même commission aussi. La dessus il s'est mis à me dire sur un ton d'un ami àl'autre, mais pourtant me dit il, c'est vouloir imposer la loix à une nation libre. Je répondis que cette imposition ne consiste que dans l'imagination et dans le vouloir de donner cette interpretation. La dessus il me dit, qu'il ne me parlait de cela comme s'interessant pour le St. car nous ne nous sommes declarés encore ni pour lui ni pour personne et puis il me dit à l'oreille, qu'on se fachait même contre eux de ce qu'ils ne veulent point se déclarer, voulant parler du Pr. Mais, di il, Vous nous connaissez, nous ne voulons rien faire à la legère, nous voulons premièrement voir, comment cela ira. Je lui répondis, que j'étais en mon particulier leur ami, plus qu'ils ne croyaient peut-être et comme je connaissais leur merite, je souhaiterais qu'ils l'employassent bien pour le bien de la Patrie et leur particulier et ainsi finit notre entretien.

Mais peu aprés il me souvient un autre entretien assez plaisant avec M. le Primat publiquement et en présence de notre Ministre; il voulait, que je ne parlasse rien içi, que

je laissasse faire le ministre que je n'étais pas ministre. Et comme il parlait sans aigreur, je répondis en souriant, qu'aussi bien, je ne me mélais point du ministère mais quelquefois par occasion je disais quelque chose par le zèle toujours pour ma patrie, et il n'entrat plus en matière. Mais il y a apparence de la cause de cette plainte contre moi, que moi pouvant me meler parmi les petits, ce que le Ministre ne saurait faire, ce que je dis, je communique plus outre et cela les incommode un peu.

A l'égard de Poniat. et de Czart., il y a des gens dans l'opinion, que leur credit est beaucoup tombé dans le pais, cela se pourra bien peut-être mais il faudra voir encore; ces gens là ont ma foy le plus d'esprit dans le pais et leur parti est formé de tout ce qu'il y ait de plus leste et de plus active, et de ces gens là, qui font plus qu'ils ne parlent, ces gens là ont donné une preuve recente, comment ils sçavent tourner les affaires, et ces gens là pourraient fort bien reparer tout d'un coup ce dont on a eu à se plaindre d'Eux jusqu'ici.

Je parle tant pour ces gens là, que cela pourrait paraître partial, mais Dieu sait, que je n'ai pour but, que le service de Sa M. I. Je ne sais pas même encore, ce que ces gens là feront. Mais j'espère un peu et je souhaite autant, que cela pourra trouver lieu à notre cour.

P. S. J'ai appris pour sur, que Mr. le Pr. Czartor. Pal. de Russie a été beaucoup mortifié à la Dietine de son Pal. et sur tout par ceux, qu'il croyait être le plus de ses amis; si cela va de même avec tout le reste, ma foy, ils n'auront pas beau jeu.

Il doit s'être attiré tous ses affronts, à cause qu'il a voulu insinuer quelque chose en faveur de l'Electeur de Saxe, tout le Royaume donnait l'exlusion à tous les Etrangers excepté le Palat. de Podlachie et la Prusse dont les Instructions doivent être indifferentes sur ce sujet, comme on me l'a dit pour trés sur.

Письмо отъ 30 мая.

A la fin de la diette on a enfin donné l'exclusion aux Etrangers, mais de telle façon, qu'on a déja fait plusieurs manifestes dans les Grodes protestant contra totum actum et on se plaint hautement du Primas d'avoir agit avec plus de violence et opression de la liberté, que le Roi défunt n'a jamais fait, et on m'a dit même que plusieurs, qui etaient porté pour le St. rebuté par ce procedé ont changé de sentiments.

La passion du Pr. pour le St. est inexprimable, son parti est grand; Pon. et Czart et le Pal. de Lublin avec tout leur parti toujours bien uni, est du nombre; mais il est impossible de penetrer si c'est de coeur ou de politique.

Dans tout le parti de St. on ne parle que de Turcs, de Tartares, des Français, de Suédois, de Danois mêmes, de revolutions dans le pays et mille autres extravagances pour nous opposer, et enfin de risquer tout pour soutenir le St. et ne se laisser point imposer la loix, on a beau leur representer la fausse interpretation de cette pretendue imposition de loix, tout cela ne fait que blanchir; On a beau leur remontrer les mauvaises affaires, que cela leur attirerait; ils n'en croyent rien, et regardent tout cela comme de simples menaces pour les intimider saus pouvoir l'effectuer.

De l'autre coté il y a des gens, qui s'adressent à nous comme Votre Exc. verra par les depeches de S. Ex. le Gr. Ecuyer. Mais comme V. E. me permette de dire mon sentiment, je dirai qu'il n'y a qu'un seul, sur qui on puisse compter, encore le faut il appuyer et cela en faisant d'abord entrer les Trouppes dans le pais sans attendre l'élection, sur tout s'il est vrai, que le St. est déjà arrivé à Varsovie. Je ne l'ai pas pu jusqu'ici decouvrir par moi même, mais je n'en doute pas, me souvenant de ce que l'Ambassadeur de France me disait, lorsque j'y allais; qui est que le St. devait prendre le moins du monde, qu'il peut pour venir ici en cas de la mort du Roi Auguste; ce qui fait voir, que cela était projetté de long temps.

A l'égard de ma conduite, que j'ai tenu içi ce tems çi, j'ai l'honneur de dire à Votre Excellence, qu'avant le commencement de la Diette et avant l'arrivée de S. E. le Gr. Ec., j'ai demandé à S. E. Notre ministr. Plenipotentiers, comment j'avais à parler à nos pretendus amis. S. E. m'a donc dit, qu'à l'égard du nouveau roy, il fallait leur faire entendre, que notre cour et ses alliés ne consentiront jamais au St. et qu'en cas de l'opiniatreté de Polonais pour l'avoir, ils s'attireraient de trés facheuses affaries et je pouvais dire ceci par tout dans les occasions. Mais a certains gens je devais dire en confidence, que notre cour ne souhaite non plus l'électeur de Saxe mais si l'Electeur trouvait un parti pour lui, notre cour et ses alliés n'auraient pas les mêmes raisons pour s'y opposer, sans un parti bien formé de la nation contre lui d'ailleurs on leur laissait la libre élection en sonn entier et même que l'on maintiendrait absolument que la dessus ils n'avaient qu'a songer bien à leur intérêts et profiter de la bonne disposition de leurs voisins à leur égard et de cette manière ils pourvoiraient au bien public et à leurs interêts particuliers.

J'ai travaillé donc là dessus, mais il n'y avait que le Star. Merecky parmi les gens de ma connaissance, qui parlaient raison, tous les autres temoignant toujours de l'indifference, comme ils l'ont fait la diette passée et que c'était à nous à chercher leur amitié et la dessus de discours et des raisonnements à l'infini.

Tout ce que j'ai pu leur dire, ne les a jamais rendu plus raisonnables si non que cela les portait quelquefois à mentir; ils promettaient tantot ceci tantot cela et en effet ils faisaient autre chose, comme je suis présentement informé, qu'ils se sont entièrement rangés du coté de St. avec cette convention entre eux néanmoins, qu'en cas qu'ils ne puissent réussir pour le St, qu'ils veulent donc être pour le Pr. Sanguszko. Mais avant que de prendre l'Electeur de Saxe, ils disent vouloir plutôt perir tous. De plus, suivant l'intention et les sentiments de ce parti là, ils donnent l'exclusion à tous les

autres cand. de la nation, surtout, à Pon. et Czart. avec une extrême animosité. Mais si on les laisse faire tout seuls entre eux, je parierai toujours pour Pon. et Czart., car c'est un parti, qui est le mieux formé, le plus uni, et agit par une suite de conseils, et je dis toujours que nous aurons à traiter ou à combattre.

Письмо отъ 13-го августа.

A. Dzienciot le 13 Août.

J'ai l'honneur de mander à V. E., qu'ayant eu l'ordre de son E. M. le Gr. Ec. à Mitau le 22 Juil. N. St. de passer par la Lituanie: J'en suis parti le même jour et ai pris ma route par Wilda, où je n'ai trouvé personne, que l'Evêque de Smolensk, occupé a travailler en faveur du St. et outre cela à acheter de terres pour l'argent de France. Je fus le voir; à mon entrée d'abord il m'a demandé en riant, si je leur apportais la guere ou la paix. Je répondis, que l'un et l'autre dépendait absolument d'eux mêmes. En suite je lui dis, que j'avais l'ordre de déclarer finalement et en général aux bien et mal intentionnés, aux grands et aux petits, que Sa M. J. ne cherche et ne souhaite rien que de vivre le plus longtemps en pais et bonne amitié avec la Rép., qu'elle prétend en tout temps et occasion maintenir les interêts de la Rép. sur tout liberum veto et liberam Electionem, vere et non speciose. Que Sa M. ne prétend pas, que le Roy futur soit dependant d'elle mais seulement, qu'il ne soit dependant d'aucune autre Puissance, que jusqu'ici on a fait des insinuations et de remontrances sous main, qu'on ne pourra pas consentir au St. mais puisque toutes remontrances amiables non pu produire aucun effet, j'ai l'ordre de déclarer à présent à un chacun hautement, qu'on ne consentira jamais au St. ni à ses adhérents, laissant d'ailleurs une pleine liberté à la Rép. d'élire tel Sujet qu'elle voudra; que pour soutenir cette déclaration j'ai laissé l'armée en pleine marche; mais qu'il dépendait absolument d'eux ou de l'arreter ou de la faire sortir sur le champ, en changeant de conduite et en prenant

СПБГУ

de mesures conformes aux bonnes intentions de Sa M. et de Ses alliés: Je lui remontrais toutes les mauvaises suites, tant en général qu'en particulier; Mais à tout cela il ne m'a répondu que froidement, qu'un si grand ouvrage que l'Election d'un Roy dépendait du bon Dieu, qu'il y avait trois parties dans le pais: Les uns pour le St. les autres pour l'Electeur et les troisièmes pour eux mêmes et ainsi on ne saurait point savoir sur qui le sort tombera, et qu'il faut remettre cela ad campum Electoralem. A l'égard de l'entrée de notre armée il m'a parlé à la manière du parti contraire tantôt se plaignant de la violence, qu'on faisait à la libre Election, tantot témoignant, qu'il ne le croyait pas et tantôt par leurs contremenaces, que cela allumerait une guerre générale dans toute l'Europe.

Je lui remontrais, que leurs contremenaces étaient très mal fondées Je lui proposais à considérer, que l'Empereur Romain était parvenn à cette puissance, où on le voyait aujourd'hui, la France lui faisant toujours la guerre, et qu'ainsi la France n'empéchera jamais l'Empereur d'agir etc. et puis voyant, quod obduratum est cor ipsius, je finis en lui disant, qu'il est le mâitre d'agir comme il voudra, que le motif, qui faisait Sa M. faire des remontrances, était d'avoir la conscience libre devant Dieu de toutes les mauvaises suites, que leur conduite pourrait attirer sur tant de pauvres innocents, mais que j'esperais pourtant, qu'il y aura moyen d'épargner les Innocents, et que nous verrons comment les autres se tireront d'affaire.

Quand je lui ai reproché son changement, il m'a répondu, pourquoi n'avons nous pas donné de l'argent autre fois. Je répondis, que ni autre fois ni à présent, nous ne jetterons pas de l'argent en l'air; que Sa M. n'était pas dans la nenecessité de l'hazarder, mais quand il y aura des gens, qui voudront agir de bonne foi pour le bien public, qui est de maintenir la paix et la bonne amitié et les véritables interêts de la Rép. on ne manquera pas de les assister, et en cela je l'ai quitté dans son mauvais sens.

Etant parti de Vilda mon intention était d'aller droit chez le Pr. Régimentaire de Lituanie, qu'on m'avait dit être à Slonim. Mais étant avancé jusqu'à Dzienciot, chez le Prince Pal. de Novgorod, j'ai appris, qu'on ne sçavait pas pour seur où il était, du coté de Pinsk ou bien en Volhynie. J'étais donc cependant trouver le Prince Grand Ecuyer de Lithuanie. Je lui ai fait compliment, que Sa M. étant informée par ses Ministres de ses bons sentiments, en était charmée et voulant lui donner de marques de son estime et sa consideration pour sa Personne, m'a chargé d'une lettre pour lui de sa part. Il m'a répondu, qu'il ne se voyait pas digne d'un si grand honneur comme en effet, car quand nous vienmes à parler d'affaires, il s'est mis à me dire, que les affaires avaient changé, que leurs amis les ont abandonnés que la plupart et presque la nation entière se déclarait pour le St., qu'on menaçait tous ceux, qui y seraient contraire de la proscription, qu'il n'y avait personne, sur qui on puisse se fonder, que le Prince Castellan de Cracovie etait un inconstant, qu'il avait autre fois tant parlé contre le St. à présent c'est autre chose. Que le Prince Régimentaire craindra de perdre le commandement de l'armée, le Primas ayant le pouvoir de le lui ôter, que d'ailleurs il était trop cassé pour vouloir entreprendre quelque chose, de plus, que depuis qu'il a perdu son fils il n'a envie de rien et ainsi il a fait l'éxamen devant moi de tous les autres sujets Principaux; conclusion toujours, quils ne valaient rien. Je lui ai dit, tout ce que j'ai pu pour l'animer, mais il est trop timide pour en être susceptible, et il m'a prié au nom de Dieu de ne pas prétendre de lui, qu'il se déclare hautement contre le Stan., qu'on se contente seulement, qu'il sera seurement notre ami incognito, et j'amais je n'ai pu tirer de lui autre chose, sinon que quand il y aura dix pour nous, il se déclarera l'onzieme. Voici Mr. sa réponse à la lettre de Sa M., que j'espére ne donnera pas le démenti à ma relation; il m'a proposé quelques uns de ses amis, que nous devions attirer à Nous à force de l'argent, et quand je lui proposais de s'en

charger lui même, jamais il n'a voulu. Je l'ai quitté donc avec une certaine promesse incertaine que nous nous verrons à Biala devant Varsovie, où le Pr. Régimentaire passera, et là nous verrons ce qu'il y a à faire.

De chez lui j'étais voir compte Sapieha Star. Wilkowsky qui m'a paru à la fin être mieux persuadé de mes remontrances, il m'a dit de passer chez son frère le Tresaurier de la cour de Lithuanie, qui est aussi sur le chemin de Varsovie et de lui dire aussi clairement, que je lui avais dit.

Ainsi étant de retour de cette course et trouvant une assez bonne disposition dans le Pal. de Novogrod, j'ai jugé à propos de m'y arrêter pour travailler avec le L. C. Lieven, lui seul ne pouvant pas aller de tous cotés, où il fallait pour disposer les esprits, et assez heureusement nous avons pourtant réussi à construire ce que V. E. verra dans le rapport de M. Lieven. Mais il faut absolument, que notre armée avance le plutôt; le parti contraire débite toujours avec une effronterie extrême, qu'elle n'entrera jamais, cela met dans une inquietude extrême ceux, qui ont pris parti et intimide absolument ceux, qui pourraient s'y joindre.

Je pars pour aller trouver le Pr. Régiment. et les autres pour voir pourtant ce qu'il y a à faire.

Реляція Ливена отъ 10 апрѣля.

Кн. Вишневецкій съ великимъ почтеніемъ принялъ В. И. В. письмо въ конференціи партикулярной говорилъ мнѣ, извѣстно де что Стан. мой двоюродный братъ, однакоже я родного брата на отечество не променю, видя что чрезъ его можетъ помѣшательство произойти, и хотя де я самовластно ничего дѣлать не могу однакоже моихъ пріятелей такъ диспоновать буду дабы то творили, что къ содержанію мира и трактатовъ предосудительно не можетъ быть, нынѣ мы сами еще не знаемъ, кого изъ поляковъ желать за короля; какъ будемъ въ Варшавѣ, то посовѣтуемъ съ собою.

И какъ я ему послѣ объявилъ, что В. И. В. не противно будетъ, ежели его или брата его королемъ выберутъ, то онъ благодаря за милость отвѣчалъ, не ищу де я того, однакоже воля въ томъ Бога, а про брата не знаю. Нынѣ я слышалъ, что онъ брату не желаетъ, понеже изъ одной фамиліи по силе ихъ конституціи не можетъ быть король и гетманъ, а ему

еще отъ короля Августа великая булава литовская посулена; онъ сказывалъ мнѣ, чтится де Чарторижскій воев. Русскій, а онъ не можетъ быть пріятнымъ госуд. рос. понеже въ свойствѣ съ Понятовскимъ, а Пон. есть креатура Швецкая. Кн. Радзивилъ говорилъ, что будучи одолженъ В. И. В. выс. милостію еще въ Курляндіи, къ тому обязанъ есть для предбудущаго супружества брата своего принцессою Зулцбахъ и Цес. В. Римскому во всѣхъ случаяхъ вѣрную службу показать не оставитъ.

Домъ Огинскихъ весь накрѣпко обнадеживаетъ, что никогда отъ В. И. В. не отрѣшится а воев. Виленскій по моему прошенію воеводу витепскаго гораздо настращалъ и отвернулъ его отъ противнаго намѣренія, который при собраніи 7 чел. Огинскихъ слово мнѣ далъ отъ фамиліи своей неотдѣлится и служить какъ до сего времени въ интересахъ В. И. В.

Старостѣ Мерецкому выговорилъ я, что слышалъ я, будто вся фамилія Сапежская Станислава партіи, на что онъ отвѣтствовалъ, хотя не надѣюсь однако за всѣхъ порукою быть не могу, а за себя ручаюсь, что никогда въ умѣ моемъ не было и никакого резону не имѣю, развѣ я погибель отечества а паче и моихъ вотчинъ, к. большая часть на Русѣ же близь Смоленска лежитъ, желалъ, увидите вы сами, когда къ дѣлу прійдетъ, что я постоянный. Стар. Вилковскій сверхъ того сказалъ «знать что сіе оглашеніе отъ непріятелей нашихъ, которые всеми мѣрами ищутъ, чтобъ мы нигдѣ не имѣли кредиту,

Бискупъ Смоленскій обнадеживаетъ, что по прежнему неотмѣннымъ, токмо и про его сказываютъ, что Станислава партіи; а сказывалъ мнѣ какъ про Сапѣгахъ такъ и про бис. Смоленскаго, воевода виленскій и можетъ быть по страсти, понеже онъ въ присяжной дружбѣ съ Понят. и съ Чартор. а Сапѣги въ великомъ несогласіи съ ними.

Поцей говорилъ, извѣстно государству россійскому что фамилія наша непоколебимую вѣрность сначала до окончанія войны содержала, и что мы Станиславу всегда противные были.

Каштеляны витепскій и мциславскій и протчихъ многіе говорятъ, понеже видимъ, понеже чрезъ Стан. можетъ прійти до безпокойства, для чего же намъ его желать. Многіе его Ст. держутъ за непріятеля отечества, понеже амнистіи о немъ нѣтъ, другіе сказываютъ какъ при Августѣ за Нѣмцами до короля доступить не могли, такъ при Стан. за Французами намъ Полякамъ тоже былобъ а про чужестраннаго принца шляхетство и слышать не хочетъ. Бытность моя въ Литве и намѣреніе В. И. В. вездѣ огласилась. и хотя такіе могутъ быть, кот. Ст. факціи причастниками однако же они зѣло тайно поступаютъ, а больше узнать возможно будетъ, когда къ дѣлу прійдетъ.

Со многими проѣзжающими Поляками до Варшавы чрезъ Гродно имѣлъ я случай говорить, всѣ сказываютъ, что Стан. не хотятъ, однакоже кто имъ можетъ вѣрить, ибо нѣкоторые изъ нихъ безъ денегъ на сеймъ ѣдутъ, надѣясь тамо получить, а другіе уже за времянно меня просили, чтобъ забвенны не были.

Хотя еще всѣ намѣренія свои тайно держутъ однакоже чрезъ разговоры столько выразумѣлъ, что кн. Вишневецкій не противенъ князю Любомирскому воев. Краковскому не хулитъ конфедерацію его. Сапеги потому же а больше князю Сангушке желаютъ. Воев. виленскій и сынъ его воев жмоцкій желаютъ курф. саксонскаго токмо явно говорить объ немъ не смѣютъ, понеже во всей Литвѣ въ инструкціяхъ предложено, чтобъ отнюдь не былъ чужестранный кандидатъ.

Слышно, что кн. Чарторижскій воев. русскій сулилъ каштеляну краковскому 50,000 черв., чтобъ онъ ему свою претенсію до короны уступилъ, и ему помогъ и сказываютъ, что въ томъ уже и согласился, однакоже многіе спорить будутъ понеже весь домъ ихъ при прошедшемъ царствованіи многія обиды показалъ,! а Сапеги говорятъ, лутчей Стан. допустить хотябъ со всѣмъ пропасть нежели Чарторижскаго. По очереди сего сейма надлежитъ быть маршалу изъ Литвы, староста мерецкій надѣется, что ему не будутъ спорить, токмо ежелибъ по обстоятельствамъ увидитъ что сеймъ порванъ будетъ, то и самъ не хочетъ а между прочими конкурентами есть обозный литовскій Огинскій, Масальскій староста гродненскій и Волскій хорунжій виленскій.

Между фамиліями великое есть несогласіе и для того чаятельно, интерегнумъ продолжительное будетъ. Сеймъ разсуждаютъ также не совершится и конфед. сдѣлается генеральная. Непрестанно меня спрашиваютъ кому В. И. В. изъ Поляковъ королемъ быть желаетъ. Бискупъ Виленскій нынѣшній, никакую силу не имѣетъ ни въ какіе дѣла не вступаетъ и до Варшавы не поѣдетъ. Которые изъ здѣшнихъ господъ В. И. В—у вѣрны спрашиваютъ, ежели въ Польшу также кто со объявленіемъ отправленъ, дабы они могли знать, кто какихъ сентиментовъ и съ ними согласитца, на что имъ отвѣтствую, что ничего для ихъ пользы и предосторожности не упущено, а какъ пріѣдутъ въ Варшаву то извѣстно будетъ.

Письмо Ливена къ Остерману.

Dzienciot den 28-ten July. st. nov. 1733.

Hochgebohrener Graf Gnadiger Herr!

Mein Vornehmen war zwar von den hiesigen Umstanden eher unterthanigsten Bericht abzustatten, es hat aber wegen verschiedenen Vorfallenheiten bis dato sich verzögert.

Ew. Ex. werden aus der Novogrodeckschen Instruction ersehen, dass sich der Palatin furst Radziwil vor allen andern distinguirt, sich auch gewiss viele Mühe giebt, vollständige Proben seines attachements an den Tag legen zu können. Die Woywodschaft Minsk welche sein Schwager der

Hr. Zawisza, Lithauischer Schwerttrager commandirt, ist auf seiner Seiten; den Districkt Wolkowysk hat er auch gewonnen, und ob sie gleich daselbst den Eid abgelegt, so haben sie dennoch Delegirte hierher gesand um unter des Fürsten seinem Commando zu stehen, auch ihm bei der Electtion in Allem zu folgen, sich engagirt; nun sind wir beschafftigt den Disdrickt Lida zu gewinnen, selbiger hat nicht geschworen, und den Hr. Scipion Starosten auf dem Landtage dermassen bedrangt, dass er hat decampiren müssen. Der Hr. Lopot wird von Allem umstandlicher Relation abzustatten wissen; allein wie ich sehe, so ist das Geld aller Rathschlage und Gewerbe Conclusion, desfalls der Fürst auch resolviren müssen, den Hr. Lopot an Ew. Ex. abzusenden, und um einen ohnverzüglichen Zuschub zu bitten, weil wir sonst die verwöhnten und verdorbenen Leute, schwerlich bei dem einmal gefassten Schluss werden erhalten können, zumal die Contra-Partie nichts ohnversucht lässt, und wenn gleich die Vornehmsten Wort hielten und Alles zu thun erbötig sind, so exkusiren sie sich doch, dass sie mit keinem nombreusen Gefolge zur Electtion kommen können, denn der kleine Adel ohne frei defrayiret zu werden nicht aus dem Hause, zumalen bei dieser Arbeitszeit gehen will. Die 2000 d. sind schon employret wovon die Woywodschaft Novogrodeck das Meiste bekommen. Nach Wilkomierz und Wilno habe meinen Bruder gesandt und mit approbation des Fürsten, weil enpassent Einige von den dasigen Principalisten gewonnen, 350 d. mitgegeben, in Wilkomier haben sie nicht geschworen, desgleichen in der Woywodschaft Wilna ein guter Theil.

Die Novogrodsche Instruction ist zwar subvinculo Confoederationis verfasst; ich habe sie aber nicht sufficient genug zu seyn erachtet, weshalb denn gesucht, dass bei der General-Musterung welches sie popis nennen noch dieser Punkt, welchen zu Ew. Ex. hohen Approbation beischliesse, inserirt werde; der Fürst und die Meisten von Condition dieser Woywodschaft haben versprochen, es ins Werk zu richten, und wenn diese Woywodschaft es eingeht, so zweiffle auch nicht, dass

Minsk, Lida, Wolkowisk und Wilkomier folgen werden; allein die Furcht vor der Contra-Partei ist hier so gross, dass es fast nicht möglich ist, ihnen aus dem Sinn zu reden, wesfalls sie auch wünschen, ja gar bitten, dass doch die Truppen ohnverzüglich einrücken möchten; um nun die Leute zu erhalten, lasse ich unter der Hand eclatiren, dass die Regimenter schon im Anmarsch sind, und wenn ich darüber befragt werde, ist die Antwort: es kann wol seyn.

Der Hr. Lopot wird auch einen Entwurf eines Manifestes und Patents vorzeigen, ob Ew. hochgräffl. Ex. nicht gut finden, dass einige Copien durch wohlgesinnte Polen, unter dem Vorwand, als wenn ihnen selbige von Ihren an der Churschen Gränze wohnenden Freunden zugesand wären dem Adel zu lesen geben.

Auf den 20t August bei Warschau sich einfinden, will weder der Fürst noch sonst Jemand versprechen. Wie artig der Hr. Palatin von Trock sich aufführt, wird der Hr. Lopot hinterbringen. Ich habe mir die Freiheit genommen einige Notationes der Wohlgesinnten anzunehmen und versprochen auf selbige Güter bei Ew. hochgräffl. Ex. Libertationes auszuwirken. Ich stelle es Ew. Ex. hohem Gutbefinden anheim, wenn es aber sich thun liesse, dass sie mitkämen, würde es die Leute standhafter machen.

Der Schatzmeister Solohup hat sich wie bekannt eine Zeitlang in Samoiten aufgehalten und den dasigen Adel fomentiret; selbiger wird unfehlbar die partei ergriffen haben; könnte also meinem Erachten nach nicht schaden, dass den andern zum Exempel, wenn die Truppen einrücken werden, ihnen ein kleiner Ernst gezeiget wird, nicht minder auch dem Upitschen Districkt, obgleich meine Bettler Hütte da befindlich ist. Bei dem Hr. Sapieha, Staroste Merecky bin ich auch gewesen, finde ihn aber sehr kaltsinnig; er sagt zwar, dass er unveränderlich ist, da ich ihn aber bathe, er mochte mir doch positiv sagen, ob er den Stanislaus erwählen wird, oder nicht? Antwortete er mir: er würde ihn nicht promoviren, versicherte auch auf seine Ehre, dass er, ob sie ihn gleich tentirt, weder diesem, noch einen Andern seine parole engagirt hat. Der Slonimsche Districkt, welchen er commandirt, wäre im Votiren bei der Wahl einer von den allerletzten, wenn nun die Vorhergehenden Stanislaus wählen würden, so würde er ja unvernünftig handeln, wenn er allein sich dem widersetzen wollte; ich widerlegte ihm dieses meinem schlechten Begriff nach zur Genüge, beschuldigte ihn einer indifference, die reellen Freunden nicht anstunde, versicherte ihn zugleich, dass er nicht der Einzige seyn würde, die wider Stanislaus protestiren würden und dass es sich bei der Election schon ausweisen wird, dass nicht alle Polen in Stanislaum so verliebt, die ihr Vaterland und Freiheit um franz. Geld verkaufen; er sagte: Es würde ihm lieb seyn, wenn es gut gekartet wird und versicherte, dass er eher sein Leben verlieren, als in der Scission einen König zu nennen zulassen wird; da ich ihn aber fragte: ob er nicht mit Ew. Ex. conferiren wird? Antwortete er: Es würde sich jetzt nicht thun lassen, oft hinzukommen, er würde aber dem Wohlstand gemass nicht manquiren, die Visitte zu machen; er meinte, dass es ohne Krieg nicht ablauffen dürfte, denn die Stanislaus Partie wäre sehr stark. Ich versicherte, dass Ihre Maj: die Ruhe in Polen zu erhalten suchen, und nicht intentioniret sind, mit der Republick Krieg zu fuhren, wohl aber die Störer der Ruhe zu corrigiren. Er antwortete: wo die Truppen vor der Elecktion einrücken, so wird der Primas den Reichs-Tag aussetzen, und den Adel zur Pospolita Ruszenie schreiten lassen; ich sagte, es wäre gut, weil alsdann die jetzt schlafenden, und von der Faction verblendeten, unschuldigen Leute, Zeit haben würden, die Augen aufzuthun; da ich ihn fragte: ob er in seinem Districkt hat schwören lassen, bejahete er es, und fügte hinzu, dass der Erste, welcher auf der Election einen Deutschen promoviren würde, nicht sicher wäre, als einH und todtgeschlagen zu werden. Er zweifelte nunmehr auch, dass der franz: Minister so viel Geld als eclatirt worden, zur Corruption ausgegeben; meinte aber, dass es auf der Elecktion wohl geschehen dürfte. Ew. Ex. werden also aus angeführ-

ten Umständen besser urtheilen, ob ihm zu trauen ist, oder nicht; ich habe unterdessen Ihre Kayserlich-Maj: Schreiben ihm nicht abgegeben, weil zu befahren, dass er es nicht missbrauchen möchte. Ich gehe heute zum Fürsten Radziwil, Litthauscher-Ober-Stallmeister, welcher mit dem Palatin seinem Vetter, in Assistence des Herrn Sapieha, Starosten Wilkowsky stark emuliret, zuletzt aber den Prozess verloren hat, und jetzt reconciliiret zu werden sucht. Ich nehme mir nochmals die Freiheit, des Geldes wegen gehorsamst Erinnerung zu thun, denn der Fürst meint, dass es unmöglich ohne dessen die angefangene Sache zu erhalten capable seyn wird. Der Primas hat an alle Woywodschaften geschrieben und sie zur Standhaftigkeit angemahnet, anbei remonstriret, dass es nur leere Drohungen wären, wie schon ehemals oft geschehen; sie sollten sich nicht fürchten, es würden keine fremde Truppen einrücken, welches die Leute in solchen Zweifel hällt, dass sie eines andern zu versichern, und die Furcht, dass sie nicht möchten von der Contra-Partie, die so stark ist, als Feinde des Vaterlandes declarirt werden, zu benehmen, gar schwer hallt. Ich habe dieses zu wiederholen, mich genöthigt gefunden, denn die guten Freunde mich inständigst darum ersucht und versichert, wenn sie des baldigen Soutiens versichert wären, würden sie viel herzhafter seyn. Wenn Ew. Ex. eine Quantite Salve-guarde Briefe, in welchem Platz gelassen ware, die Namen einzusetzen, mir zu senden geruhen wollten, wäre es auch ein Mittel, die Leute an sich zu ziehen.

Meinem Erachten nach, wenn die Truppen einrücken sollten, könnten sie folgenden Tract nehmen. Die erste Colonne den Tract, welchen Rudomina gegeben, die Andere gleichfalls über Mitau durch Samoiten uber Keydany, Kowno nach Grodno; die dritte durch den Upitschen Districkt auf Troki, Wilno, Oszmiana, von wannen sie sich gleichfalls über Slonim entweder nach Grodno, oder nach der Woywodschaft Brzesc und noch Podlachien und Massovien wenden konnten. Die aus Ukraine gehen über Sluck, die aus Smolensko über Orsza, Witepsk, Minsk.

Ich empfehle mich übrigens etc. etc.

Ich werde Ew. Ex. Order erwarten, ob ich das Schreiben an den Starosten Merecky abgeben soll, oder nicht.

TRANSLATION:

Additamentum des Bandes unserer unter dem 14-ten July 1733. in Novogrodeck festgesetzte Confoederation, jetzt bei der General-Musterung der Woywodschaft Nowogrodeck aus Ursachen der Nothwendigkeit einmüthig hinzugefugt:

Weilen nicht allein die publicke Nachrichten von Herannaherung der Russ: Truppen lauten, sondern auch Copien eines Patents einlaufen, dass erwehnte Truppen keinen Andern, als des Stanislaus Lesczynsky des Polnischen Thrones Pretendenten wegen, Kraft der 1717. durch den Fürsten Dolgoruky unterschriebenen Garantie des Warschauischen Tracktats nach unsere Landen aufbrechen als renunciren wir auf Ihn, als einen excludirten, und durchs Recht abgesprochenen, und wollen bei Ihrer Durchlaucht dem Fürsten Primas serieux anhalten, dass Er erwähnten Stanislaum als einen proscribirten, weder promoviren nech nominiren möge, sondern auf alle Weise sich bemühen, die auswartige mouvements zu facilitiren und mit denen Benachbarten Puissancen, kraft der Tractaten und Alleances die gute Harmonie und cointelligenz bei zu behalten.

P: S: Dieses wird von Ew: Hochgraff Ex: hoher Corecktur dependiret. Ich aber habe sie bis dato zu keiner deutlichern Expression bereden können; des Hr. Lopots baldige Retour ist hier höchst nöthig, weil er noch vor dem 10-ten August als auf welchen Tag die General-Musterung festgesetzt hier seyn muss. Des Fursten Radziwil, Litth. Stallmeister Ankunft hat verursacht, den Hr. Lopot annoch aufzuhalten; ich bin also noch heute hierher gekommen, habe mit ihm gesprochen, und finde ihn bei seiner einmal engagirten Parole ferme, wie wol nicht weniger, als die andern guten Freunde timite. Der Furst Palatin von Novogrod ist der Resolvirteste. Ich kann aber mit Grund der Wahrheit sagen, dass

die Fürstin sie alle an Resolution, auch wohl capacité die Leute zu convinciren, nicht minder in Betreibung der affairs übertrifft. Es ist beschlossen, dass ohnweit Warschau die Wohlgesinnten zusammentreten, Consilium halten und im Namen der Woywodschaften, welche sich nicht haben corrumpiren lassen, Gesandte an den Primas absenden wollen; denn man hofft noch einige Districkte zu gewinnen, allein es wird hierzu Geld erfordert, dass sie nur anfanglich, wenn gleich mit wenigem können herbei gebracht werden. Der Fürst Radziwil, Lith. Stallmeister hat den Districkt Oszmiana, welcher der starkste in ganz Lithauen ist, auf seiner Seite und kann er, wenn er nur Geld spendiren will, über selbige auch des Commando haben. Der Hr. Lopot hat Versicherung von den Sachsischen Hr. Commissarien, dass sie auf einige Woywodschaften Geld geben wollen; es wäre höchst nöthig, wenn sie jetzt den Effect zeigten. Der Fürst Regimentarius Wiesniewiecky soll recht wohl gesinnet seyn, weil aber der Primas die Gewalt überkommen das Comando, wem er will, zu geben, oder zu nehmen, als ist er gezwungen sich einigermassen retire zu halten, sonsten dürften sie auch das Commando dem Straznik Pociey, welchen sie auch mit der Hofnung schmeicheln, über die Lithauischen Truppen conferiren. Wenn Ew. Hochgräffl. Ex. es vor gut finden sollten, so wollte das Schreiben welches an den Starosten Merecky Sapieha gestellt, nach dem die Aufschrift verändert, an den Stallmeister Fursten Radziwil abgeben:

Novogrodeck. Ew: Ex:
den 28-t July 1733. ganz gehorsamster Diener.

Продолженіе Письма Остермана къ Левенв. отъ 6 іюля о Ратификаціи Левенвольдова Трактата *).

Ew. Exc. erhält dabei:

1) Die Ratification des von Ew. Exellenz in Berlin projectirten Tractates.

*) Начало письма, гдѣ говорится о саксонскомъ трактатѣ помѣщено въ русскомъ переводѣ въ« Выпискѣ Б. Каменскаго.» Р. Вѣстникъ стр. 236.

Nach dem man die Sache reiflicher überlegt, so hat man geglaubt, dass es viel besser ware, den ganzen Tractat, als nur der Churlandischen Articul alleine zu ratificiren, in diesem durch den Tractat der König in Preussen engagirt wird in der polnischen Sachen mit uns causam communem zu machen und schadet nicht, dass in einem derer Separat Artickel des Infanten gedacht wird, wobei solches condicionate auf den Fall man mit ihm auslangen konnte, geschiehet.

Man hat den Hr. Baron von Mardefeld die Original Ratification gezeigt , dass sie zur Auswechselung an Ew. Exellenz geschickt würde, gesagt und das Nöthige dabei und zwar dass es nicht auf die Ratification alleine, sondern auf die wirkliche praestation praestandorum ankäme, vorgestellt.

Da nun der König beständig auf Ratification dieses Tractats gedrungen und ihm der Churländische Artickel nicht anders als angenehm sey kann, so wollen wir nebst der Ratification nunmehro auch alles Gute von ihm hoffen und erwarten.

Weil nun auch der Tractat von Ew. Exellenz dürfte müssen unterschrieben werden, so lege ich zu selbigen Ende die aus Berlin mitgebrachte Exemplare mit bei, damit sie sich derselben bedienen können, und stelle Ew. Ex. gehorsamst anheim, ob sie vor gut finden mögten, das vor Preussen destinirte Exemplar zu unterschreiben und selbiges etwan per Estaffete dem General Seckendorf nach Berlin zu schicken, um dadurch den König so viel mehr zu rasseuriren und eines von denen Preusischen Ministern unterschriebenes dagegen zu erhalten, bis dass die Ratification in Warschau gegeneinander ausgewechselt worden.

Wurde der König in Preussen auch die Römisch Kayserl. Ratification darüber für sich verlangen, so sollte ich hoffen dass der Graf Seckendorf genugsam im Stande seyn würde, dieserwegen dem Könige alle Satisfaction zu geben.

Die Ratification zwischen uns und dem römischen Kaiser kann hiernächst alle Zeit folgen, wobei es dies mal nur auf den König in Preussen und um selbigen zu binden ankommt, und darunter keine Zeit zu verlieren ist.

2) Das in Polen projectirte und von dero Hr. Brüdern dem Ministro plenipotentiario eingeschicktes Manifest, und eines so von dem Hr. Geheimen Rath von Mennics allhier entworfen worden. Daesjenige, was Polen betrifft, ist in dem erstern weitläufftiger auch umständlicher deduciret, was aber Ihro Kayserl. Majest. und das hiesige Reich betrifft, davon ist in dem letzteren ein Vieles enthalten, so dem ersteren sehr wohl und füglich inseriret werden kann.

Ew. Exellenz werden bey Beiden eine und andere kleine remarque finden.

Und weilen dieses Manifest nomine aller drei alliirten (ich supponire der König von Preussen werde sich anschicken oder doch sonsten in Unserem und der R. K. Namen) publicirt, gefolglich auch untereinander concertiret werden muss und daran gelegen, dass selbiges aufs fördersamste gedruckt werde, so gebe ich Ew. Ex. erlauchte gütige Ueberlegung anheim, ob sie nicht zu Gewinnung der Zeit vor rathsam erachten möchten, durch diesen Courir etwa beide projecta voraus nach Warschau zu schicken, damit selbiges mit dem Kayserlichen Ministerio ajustiret, und gegen Ihre Ankunft fertig gehalten werden könne.

Eine Confoederation, so gross oder klein sie auch vor den Anfang seyn mögte, würde der Sache ein grosses Gewicht geben und sich nach Einrückung der Truppen schon verstärken.

Nach Ew. Ex. Abreise ist nichts Veränderliches eingekommen.

Ew. Exellenz beharrliche Gewogenheit und Freundschaft mich bestens und ganz ergebenst empfehlend, versichere, dass mit aller Veneration und in treuster Ergebenheit beständig seyn werde.

Рескриптъ къ Левенвольду отъ 2 генв. 1733 года.

Ваша всеподданнѣйшая реляція подъ № 45 скоторою переводчикъ Томиловъ оттуда 11-го минувшаго чис. отправленъ чрезъ онаго въ 25-е того же здѣсь исправно подана а 28 числа потомъ и подполковникъ Даревскій, которой путь

свой чрезъ Вилну предвосприялъ сюда прибылъ; и какъ намъ о содержаніи вышереченной вашей обстоятельной реляціи тако и о томъ, еже онъ о нынѣшнемъ состояніи полскихъ дѣлъ и намѣреній къ отечествію рачителныхъ, королевской же партіи не преданныхъ какъ литовскихъ такъ и полскихъ велможъ предявилъ, пространне всепокорнѣйше донесено, то изобрѣтаемъ, мы, что сіе послѣднее стѣмъ о чемъ вы всеподданнѣйше доносите весма согласуется, и однимъ словомъ ктому клонится, что тѣ, которыя придворной партіи, и слѣдовательно Чарторыжской фамиліи не держатся, такожь Понятовскому великой булавы не желаютъ твердо поднамѣрены и сей настоящей чрезвычайный сеймъ паки разорвать, ежели же бы король на оное несмотря испражненными чинами распоряжать и раздавать похотѣлъ, то всякими мѣрами препятствовать и въ конфедерацію вступить.

И тако имѣете вы по силѣ прежнихъ квамъ отправленныхъ рескриптовъ, доброжелательную партію всякими образы и мѣры при намѣреніи ея содержать и при трехъ въ вашей реляціи изображенныхъ случаяхъ такимъ образомъ поступать, чтобъ вамъ при неотмѣнномъ ободреніи доброжелательныхъ въ томъ имъ волѣ дать, себя же токмо въ тихости содержать, а особливо въ первомъ случае, когда сеймъ правда рушится, но отъ короля въ роздачѣ чиновъ и впротчемъ ничего предосудителнаго предвосприято не будетъ и потому ни до какой конфедераціи не дойдетъ всеподданнѣйше намъ доносить, дабы тогда вящше мѣры свои принять было возможно. Вдругомъ же случае какъ сеймъ рушится, но король бы на оное не смотря чины раздавать похотѣлъ, то надлежитъ вамъ по прежнимъ вашимъ инструкціямъ поступать, дабы доброжелателная партія конфедераціею, какъ оная прежь сего о томъ себя изяснила сему королевскому волностямъ ихъ противному предпріятію накрѣпко сопротивлялася и препятствовала и какъ и какимъ способомъ оную конфедерацію подтвердить и укрѣпить кнамъ бы о томъ какую знатную особу снадлежащею полною мочью, какъ намѣреніе оной было и о чемъ Даревскій здѣсь доно-

силъ отправила, скоторою тогда что до нашего интересу главнѣйше касается здѣсь постановлено и заключено быть можетъ; но прежде пока сія конфедерація дѣйствительно не состоится, мы весма не заблагоразсуждаемъ, чтобъ о нашихъ претензіяхъ и интересахъ а потому выговариваемыхъ иногда кондиціяхъ особливо упоминать, толь же меньше чтобъ отнынѣ о какихъ кондиціяхъ договариватся понеже ихъ тѣмъ всумнительство и непотребнымъ образомъ вподозрѣніе кнамъ привести или и весма отъ имѣвшаго ихъ къ утвержденію волности добраго намѣренія отвратить можно. А будетъ въ третемъ случае паче всякаго чаянія отъ полскихъ ведможъ о собственномъ ихъ интересѣ довольно усердствовано или съ достаточной твердостью дѣйствовано не будетъ, и король ссвоими партизанами дареніемъ великихъ денежныхъ суммъ и роздачею или обѣщаніемъ богатыхъ доходовъ преодолѣетъ и видъ поимѣется что сей сеймъ устоитъ и король роздачею чиновъ безпрепятственно преуспѣетъ, то довлѣетъ вамъ по крайнейшей возможности и силѣ при вспоможеніи вашихъ лутчихъ къ отечеству рачителныхъ друзей такожъ закупленія какихъ либо земскихъ пословъ тому благовремянно препятствовать и сеймъ разорвать и дабы ввышеозначенномъ случае вамъ онаго не упустить, то имѣете къ тому надлежащіе мѣры принять.

И хотя вы надѣетесь имѣющимися въ запасѣ еще 1200 червонными людей и способы изыскать, и безъ вспомоществованія литвянъ сеймъ разорвать, то правда вы оныя ктому употребить можете, однакожь ежелибъ и помощь литвянъ сверхъ того вамъ потребна была, тогда мы къ вамъ еще сумму двѣ тысячи или три тысячи рублевъ вскорѣ пришлемъ для употребления ктому, ибо мы необявя вамъ притомъ оставить не можемъ, коимъ образомъ Даревскій насъ увѣрялъ, что хотя мы о доброжелательствѣ литвянъ совершенно благонадежно быть можемъ, однако довлѣимъ ради ихнего недостатку иногда и денгами кприведенію пословъ насвою сторону вспомогать, еже для всякаго случая ктому служить можетъ, дабы постоянную партію влитвѣ при всѣхъ

происхожденіяхъ надежно имѣть. И тако мы ему Даревскому словесно повелѣли, оныхъ увѣрить, что когда необходимость востребуетъ, то вы уже указъ имѣете имъ нѣсколькими денгами помощь подать, еже вы по изобрѣтенію дѣлъ и дѣйствительно учинить имѣете, при чемъ однакожь всѣ ироисходящия обстоятельства тщательнѣйше уважая, и втомъ такимъ образомъ поступая, чтобъ наше при томъ имѣемое намѣрение и интересъ всемѣрно пренебрежены и упущены небыли, еже мы вашему намъ извѣстному радѣнию и искуству предаемъ, впротчемъ же паки на наши прежния инструкціи и послѣдния подъ № 26, 27 и 28 квамъ отправленныя рескрипты а особливо подъ № 26 ссылаемся, вамъ при томъ обявляя, что мы Даревскаго назадъ отправили, дабы наипаче ежели до конфедераціи дойдетъ по вашему благоизобрѣтению нашъ интересъ купно наилутчимъ образомъ пристерегать и хранить. Чтоже Финкъ Фонъ Финкенштейнъ нынѣ вкурляндіи всовершенной свободе обрѣтается и оному дѣлу имѣете вы наилутчимъ образомъ важности подать. Мщеніе о учиненномъ маеору Егейму тамо насилствѣ паче до другаго способнаго случая отлагается. Объ отмѣнѣ почты изъ варшавы на Кенигсбергъ, которая донынѣ со излишествомъ пути чрезъ Гданскъ ходитъ, вознамѣрены мы о томъ, еже вы намъ представляли, нашему министру вберлинѣ какъ наискоряе сообщить повелѣть при указе, чтобъ о учрежденіи сего полезнаго дѣла, тамо гдѣ надлежитъ наилутчимъ образомъ рекомендовалъ и способствовалъ. О отнятыхъ у Яблоновскаго въ Чигиринѣ маетностяхъ мы уже прежде получения вашей послѣдней реляціи особливой рескриптъ сочинить повелѣли, которой при семъ вамъ посылается дабы по содержанию оного всемъ дѣлѣ поступать. Рейзъ Эфендія, котораго порта кшведскому двору встокголмъ отправила и вначале путь свой чрезъ наши земли воспріять имѣлъ, нынѣ какъ сказываютъ, для ускорѣния и избѣжания карантены чрезъ полшу чаятелно на варшаву поѣдетъ, вчемъ другия причины скрыты быть могутъ, того ради надлежитъ вамъ во все время тамошняго его пребывания на поступки

оного прилежно смотрѣть и примѣчать. И для вящего вашего извѣстія при семъ вамъ экстрактъ изъ реляціи нашего резидента Неплюева сообщается. При семъ же вамъ экстрактъ изъ реляціи нашего въ Стокгольмѣ пребывающаго посланника Бестужева включается, коимъ образомъ шведской статской секретарь Цедеркрейцъ о постановленномъ недавно между Швециею и Полшею примиреніи отозвался и понеже то, еже о амнестіи и преданіи всего оного вѣчному забвению, какой во время швецкой войны вполше убытокъ ни причинился изображено, намъ противъ полскихъ неправедныхъ претензій нѣкоторымъ образомъ вползу вмѣнено быть можетъ, того ради имѣете въ впроизшедшемъ случае тѣмъ удобнѣйше ползоватися. По вашему многократному домогателству наконецъ квамъ и отзывъ вашъ присемъ отправляется, которой по своему благоизобрѣтенію употребить можете, а между тѣмъ будемъ ожидать о всемъ, какія во время и послѣ сейма обстоятельства произойдутъ отвремяни до времяни отвасъ точнаго и прилежнаго доношенія.

Канцлеръ графъ Головкинъ.
Андрей Остерманъ.
Х. Фонъ Минихъ.

Василей Степановъ.

Письмо къ Императрицѣ отъ Любомирскаго.

Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kayserin
und Selbsthalterin aller Reussen.
Allergnädigste Kayserin und Frau Frau.

Die von Ew. Kays. Mayst. dieser benachbahrten Republique jederzeit, so gerecht, als grossmüthig und nachdrucksam bezeigte höchste Wolneigung veranlasset mich bei gegenwärtigen Conjuncturen Ew. Kays. Mayst. mich in tiefster Erniedrigung und Dankbarkeit hiemit zu Füssen zu legen und allerhöchst dieselbe allbey von meiner aufrichtigen und unterthänigst gewidmeten Ergebenheit vollkommen zu versichern.

Ich hoffe Ew Kays. Mayst. bey Gelegenheit des vorseyenden Wahl-Geschaftes, von der Wahrheit dieser Worte durch die

That selbsten überzeugen zu können in Stande zu kommen, und Ew. Kays. Mayst. führende wolmeinende Absichten durch meinen redlichen Eyfer und Dienste nach aller nur moglichen Sorgfalt und so viel an mir lieget, Bestens zu unterstützen, damit die Ruhe und Freiheit der Republique erhalten, dass gute Vernehmen und zuversichtliche Vertrauen, zu Ew. Kays. Mayst. bereits weltgepriesenen vorsichtigen Gerechtigkeit mehr ausgebreitet, einfolglich die benachbahrte Republique sich meiner Proben von allerhöchst deroselben Grossmuth im Voraus gesichert halten könne.

Wenn Ew. Kays. Mast. zu seiner Zeit allergnädigst geruhen wollen, dero zurück kommenden Obrist-Stallmeister Herren Grafen von Loewenwolde über alles dieses mündlich zu vernehmen so zweifle keines weges, es werde derselbe dessfalss einen sowohl gerechten als mit obigem übereinstimmenden Bericht abstatten und wie ich meines Orthes in der Welt nichts mehr wünsche und mir ausbitte, alss durch Leistung treu und redlicher Diensten nach allerhöchst deroselben Befehlen und Absichten Ew. Kays. Mayst. unschätzbaren Hulden und Gnaden mich würdig zu machen und selbige von mir auf die Meinigen durch gleiche mittel und wege ohnaufhörlich dankbar fortzupflanzen, in welcher fussfälligen zuversicht mit tiefstem Respect verharre Ew. Kays. Mayst.

Zu Krackau d. 4. Juny 1733. gantz unterthanigster Diener
Theodor Prince Lubomirsky
Palatin de Krakow.

Подп. его рукой.

Письмо къ императрицѣ отъ Любомирскаго *).

Votre Majesté Imperiale.

Aprés que la cour de France s'est melée dans l'élection prochaine de notre nouveau Roi et a poussée les choses si loin en faveur de Stanislas, que non seulement notre République se voit exposée á des troubles infinis, mais aussi l'Empire Romain menacée ouvertement d'une guerre, qui ne laisserait

*) Зѣсь какъ и во всѣхъ прочихъ реляціяхъ и письмахъ, напечатанныхъ въ Приложеніяхъ къ этой книгѣ, сохранена орѳографія оригинала.

de se communiquer bientôt a toutte l'Europe, je ne sçaurais en bon Patriotte faire autrement que me conformer en toutte soumission aux intentions de Vôtre Majesté Imperiale, pour l'avancement des vues de son Altesse Royale l'Electeur de Saxe d'autant pour (?) les mesures, que Vôtre Majesté Imperiale conjoinctement avec ses alliés ont pris pour cet effet et pour protéger en même tems notre Patrie contre les troubles et suites trés funestes oú la promotion de Stanislas l'entreneraient immanquablement nous donne une nouvelle preuve convaincante de la haute propension que Vôtre Majesté a toujours temoigné á notre République, et pour le maintien et la conservation de ces droits et libertés. Votre Majesté agréera la reconnaissance de mon cotté que je prèns la liberté d'en mettre á ses pieds et les contestations sincères du zéle inviolable, avec lequel je serais toujours des premiers à me joindre aux intentions gracieuses de Votre Majesté et d'employer tout ce que depend de mes forces pour les soutenir. Cet zèle ne cessera qu' avec ma vie aussi bien que la devotion et l'attachement, que j'aurai pour les intentions de Votre Majesté Imperiale lesquels je connais asses unis avec ceux de ma Patrie pour ne me departir jamais de ce but, et je m'estimerais heureux toutes les fois, que Votre Majesté Imperiale daignera me fournir des occasions ou je pourrai manifester les sentimens de zele et de devotion la plus parfaite. Le Comte de Levenvolde Grand Ecuyer de Votre Majesté Imperiale qui en a été temoin jusqu'á present me fera la justice de Lui rendre un fidèle et plus ample rapport, et Votre Majesté Imperiale voudra bien me permettre que je me rapporte, me recommandant au venir dans sa haute clemence et propension dont je ferai toujours mon devoir le plus essentiel de me rendre digne et d'être avec toute la soumission et zéle parfaite de Votre Majesté Imperiale

le trés humble, trés obeissant
et trés fidèle serviteur

Varsovie le 24 aout 1733.

Theodor Prince Lubomirski
Palatin de Cracovie.

Письмо въ Импер. отъ Радзивила В. Новогродскаго изъ Праги 5-го октября.

Madame.

Votre Majesté Imperialle pardonnera la liberté, que je prend de luy dire, qu'aprés que les adhérans de Stanislas nous onts violé la base de notre liberté dans son Electione qui a ? la libre voix, nous avons ellu le 5 d'octobre sous les auspices de vos armées, L'habileté et la sage Conduite de Votre Ministre Mr. le Comte de Lowenwolde Grand Ecuyer de Vos Empires et le general comandant Mr. de Lacy: Auguste troisieme si devant Prince de Pologne, Electeur de Saxe pour notre Roy et maitre. Sachant que Votre Majesté Imperialle avoit pris ses interés à coeur, de même que l'opressione de notre liberté. J'espere que cette agreable nouvelle sera au contentement de Votre Majesté Imperialle, daigné y Madame apuyer cette grand oeuvres de la bonté, que Vous avéz envers nos compatriotes biens intentionee et honoré de Votre haute et Puissante Protectione celuy qui sera toute sa vie avec une trés profonde veneratione et un entier devouement.

Madame
de Vôtre Majesté Imperialle
Le trés trés humble
et trés Obéissant
Serviteur

à Prag le 5 oct. 1733
nouveau stile.

Le Prince de Radzivil
Palatin de .....

Письмо къ Имп. отъ Любомирскаго.

Madame

La grace et clemence particuliere, dont Votre Majesté Imperiale a bien daigné me donner des marques aussi precieuses que convaincantes de la bouche de son Grand Ecuyer Conte de Levenvold ne sçauroient m'inspirer d'autres sentimens que ceux de la devotion et recognoissence la plus profonde et parfaite. V. M. I. aura agrée les trés humbles assurances, que j'ai deja la liberté d'en mettre aux pieds de

V. Majestée et comme l'idée, que d'occasion, qui me restoit pour marquer plus essentielement cette rocognoissence véritable a étoit celle de me conformer avec toute la soubmission et empressement possible aux intentions et volontée gracieuse de V. M. J. touchant l'affair de notre derniere election, aprés que le susdit grand Ecuyer conte de Levenwold me les avait expliquées plus precisement, j'ay preferé à toute autre chose la gloire de me rendre en quelque maniere digne des sentimens gracieuses de V. M. J. a mon egard et me soumettant entierement a ces vues, toujour favorable et avantageuses pour le salut de ma Patrie, c'est a cette gloire, Madame, que j'ay sacrifie avec plaisir l'ambition, à laquelle la qualitée d'un de premiers Piastes m'auroit pu donner quelque droit d'aspirer, n'ayant eu d'autre soin que de manifester ma trés profonde recognoissence envers V. M. J. et en meme temps le zele fidel et sincer, avec lequel j'ay taché de mon possible a concourir a l'avancement des vos vues et intentions. La suitte des evenemens jusque à present et le témoignage du Grand Ecuyer Conte de L. pourront certifier que mes soin n'ont pas estoient infructueuses, et com je n'ay aucun lieu de doutter que l'Election de notre nouveau Roy etoit agréable a V. M. J. elle voudra bien aussi aprouver trés gracieusement, que de mon cottés j'ai eu le bonheur de pouvoir contribuer; c'est donc avec autant plus de hardiesse, que j'ose mettre aux pies de V. M. J. la trés humble priere de vouloir m'accorder toujour sa hautte clemence et protection et croire que ni moi ni les miens n'auront jamais rien plus a coeur que de meriter en quelque maniere cette avantage trés precieuse par un attachement et zele inviolable aux intentions de V. M. J., d'autant plus que je conçois plus que personne que l'interet principal de ma Patrie sera toujour l'entretien et l'affermissement d'une étroite amitié et voisinage avec V. M. J. et la conservation des intentions favorables, dont elle a bien voulu nous donné en tout occasion des preuves si convainquantes, que ni fortune ni quelque autre chose aux

monde ne sçaurait jamais me detourner de ces sentimens inviolables et ne chercherai d'autre gloire que de pouvoir etre assuré de la grace et bienveillence de V. M. J. je seray toute ma vie avec le zele et la veneration la plus parfaitte.

Madame de V. Majestée
Imperial
Le trés humble trés obeissant
et tres obligee serviteur
Teodor Prince Lubomirsky
Varsovie le 6 nov. 1733. Palatin de Cracov.

Письмо Станислава Лещинскаго.

Przyuczony moy Kochany M. Panie Janie Odwiekow do twoiey kochaney przyiazni zniezwyczayny iednak konsolacy bo iest nadwszystkie expressye odbieram nowy dowod pamięci j affectu twego za ktory tenerrime dziękuię, nie piszę nic co czynic wteraznieyszych cyrkumstancyach bo wiesz dobre cos całe zycie prantykował kiedy szło o Interesso Publiczne j Moie nigdi zniem nierozłyczne a zatym sama miłosc ku mnie j dobra pospolitego dictabit co iest ad agendum. Wiem dobrze j kredyt j merita Jm. P. Stolnika Wk. L. *) znam przytym j osobliwy ku sobie jego affekt proszę bydz moię rękojmię że sie na wdzięcznosci moiey nigdy nie zawiedzie, Proszę tylko żeby z Marquis Monty Posłem francuskim chciał się znosic ktoremu iest iuz dobre zaleceny. Iako j ty kochaney Panie Ianie chciez że tedy disponowac IMP. Stolnika aby znim Iako Plenipotencyarzem moim chciał convenire tak jn Publicis negotijs jako et in privatis desideriis bedzie upewniam kontent, O mnie zas niech by namniey niewętpy su oploco et tempore będze zdruw j odmłodniey abys mogl po dawnemu pracowac a osobliwie żebys po dawnemu kochał tego ktory twoy kochaięcy.

Stanisłaus Krol.

Wchambor 9 martis
1733.
На конвертъ Monsieur
Monsieur Jean Grudzinski
en Grande Pologne.

*) В. Княжества Литовскаго.

Счетъ соболямъ розданнымъ гр. Левенвольдомъ.

Specification der Ausgab Zobel.

Anno 1732. Erstlich den R. K. Residenten v. Kinnern vor offters zu Interessen I. R. K. M. geleisteten guten Dienste	6	Paar.
Item den H. Cantzler Lipsky	6	»
It. fur Neujahrsgeschenk an die Kon. Hofbediente wie gebräuchlich u. sonst hin u. wieder pro an. 1732—1733	18	»
It. der Cron-Gross-Marschallin u. ihrer Tochter der Wojewodzina Kyowska laut Rel . .	10	»
Dem Bischof v. Smolensko.	4	»
Dem Starosten Merecky, Sapieha.	6	»
It. dem Lubieniecky	3	»
It. Dem Rudomina	2	»
Dem W. Witepsky Oginsky u seiner Familie .	6	»
Dem bekannten Tripolsky.	4	»
Dem Secretario v. den Cron Marschalle. . . .	1	»
1733. Den 3 Febr. Dem Lubieniecky	3	»
Item bey 4 Reichstägen an unterschiedliche sowohl vornehme als geringer Pohlen vor geleistete Dienste geben müssen	10	»
	79	»
Restiren in Cassa.	7	»

Specification der Ausgab d. Kamsken.

A. 1732. Erstlich (*wie oben*) Kinnern.	4	Stück.
Dem Herrn Cantzler Lipsky	6	»
Dem Landboten Lubieniecky	2	»
1733. Den 3 Feb.	3	»
It. dem Priester Sylvester zu Kirchenkleidern.	1	»
Für Neujahrsgeschenke u. an 4 Reichs Tagen an verschiedene Polen.	8	»
	24	»
Restiren	35	»

Счетъ расходамъ камергера Ф. К. Левенвольда.

1731 г.	Червон.	Тимфы.
Расходы на путешествіе изъ Варшавы въ Бреславль и обратно.	200	
Подарки на Новый годъ придворнымъ служителямъ въ 1731, 32, 33 год.	198	
Русскимъ курьерамъ, жившимъ въ Варшавѣ въ ожиданіи депешъ на харчи	25	
За сундуки для сбереженія соболей	30	
Православнымъ священникамъ, искавшимъ убѣжище въ Варшавѣ на харчи и обратный путь.	64	
1732.		
Россійскому попу Селиверсту, обрѣтающемуся здѣсь при посольствѣ, для отправленія службы божія на вощаные свѣчи и вино къ причастію по росписке	7	$10^1/_3$
Тако 1 августа. Ницинскому какъ онъ списмами ко двору отправленъ заплачено по росписке.	60	
Того же числа мой секретарь Гохштетеръ въ Бреславъ посланъ, дабы тамо 10,000 государственныхъ денегъ получилъ, 25,000 ефимковъ ходячихъ по авизу *) приняты и на почтовые и кормовые расходы удержано по силѣ росписки	51	
31 ав. Ея Им. Вел. резиденту Голембовскому въ зачетъ и нащетъ выпрошенныхъ у Ея Им. Вел. и ожидаемыхъ экипажныхъ денегъ, дабы онъ по своему характеру между тѣмъ внародѣ являтца могъ, дано по силѣ № 4	250	
18 сент. чрезъ подполковника Даревскаго еп. смоленскому и старостѣ мерецкому Сапеге для разорванія тогдашняго сейма, какъ и учинилось заплачено	1000	
18 с. Коронному великому маршалку графу Мнишеку по указу Ея Им. Вел. заплачена по росписке № 5	2160	

*) 10,000 Reichsgulden an dem Wechsel derer 25000 Rth. current.

	Червон.	Там.
Тако Любиниецкому его пензіи по 300 ефимковъ по силѣ № 6.	139	
4. окт. тогдашнему земскому послу Любиннецкому его ежегодной пензіи снагражденіемъ всего по роспискѣ № 7.	200	
8 окт. Епис. краковскому и канц. графу Липскому по указу.	1000	
14. окт. Епис. смоленскому чрезъ подполковника Даревскаго вособливое награжденіе дано.	100	
Извѣстному Триполскому, который тогда благонамѣреннымъ оказывался	50	
14 окт. За двухъ рос. купцовъ, которые тогда въ Краковѣ покрадены сдругими на то издержками.	12	
Попу Силиверсту на надлежащие церковные ризы, которые онъ новые здѣлати приказалъ по неотступному его прошенію . . .	3	
На мои расходы при чрезвычайноиъ сеймѣ въ мѣс. сент. всемилостивѣйше дополненнымъ образомъ отъ 25,000 ефимковъ ходячихъ.	500	
На почтовые и кормовые расходы какъ мой секретарь двоекратно отъ меня в Бреславу посыланъ былъ дабы остатки вышепомянутого векселя 25,000 еф. ход. взять по силѣ № 9	54	
Маэору Гехему за разные поездки въ Кенигсбергъ, Бреславу, Ригу, еже онъ в службѣ Ея Им. Вел. чинить принужденъ по с. № 10	262	
Тако журналъ сейма списать велѣлъ для отсылки ко двору по силѣ № 9	6	
Подп. Дарев. за поез. въ Литву и еще ко двору по с. № 11	150	
26 дек. двумъ греческимъ россійскимъ попамъ изъ Литвы на содержаніе ихъ церквей.	10	
1733.		
Дьякону Силвестеру на свѣчи и на цер. вино и проч	6	
Двумъ киевскимъ рейтарамъ, к. отъ генер. гр. Вейсбаха сдѣлами вВаршаву		

	Червон.	Там.
присланы и имъ въ К. канцеляріи на кормъ и на ихъ лошадей токмо 12 р. дано на содер. и на кормъ назадъ	12	
1 Фев. Маеору Гехему, кот. свѣдомостью о смерти короля Августа ко двору отправленъ № 13.	114	
Любиниецкому его пензія за 1732 г. по рос. № 14	139	
Его брату, кот. противъ сейма протестовалъ награжденія	61	
28 ф. за журналъ сейма.	6	
За отправл. ко двору чр. Гд. штафету . . .	22	
Греч. рос. лит. духов. милостины	10	
Двумъ изъ Россіи въ Саксонію сдругими посланнымъ и тамо паки отставленнымъ болнымъ солдатамъ, кот. назадъ въ домъ пошли	6	
4 мар. Билову, кот. кур. ко двору посланъ № 14.	100	
26. По с. Всем. Ея Имп. В. указу подп. Даревскому на жалованье напередъ на 1733 г. выдано по росп.	300	
За отправ. 15 м. ко дв. штафету подъ № 17.	22	
13 а. Маеору Гехему, кот. вкенигс. посланъ, дабы тамо писмо имяпуемое безпохлебственное мнѣніе (Unpartheiische Gedanken) напечатать.	80	
За два рос. имп. герба заплачено (Wappenschilde).	10	
Столеру и шлесарю два рос. им. герба вырезать и на воротахъ обоихъ рос. им. пословъ прибить	2	
М. Гех. куріеромъ.	100	
Двумъ лит. гр. рос. попамъ милостыни. . .	6	
24 мая. Любиннецкому его пензіи на 1733 и за его старанія при сеймѣ конвокаціи.	200	
27 м. полковнику Грудзинскому на щетъ его имѣющей отъ двора и возобновленной капитуляціи по с. № 23.	400	
30 м. За журналъ сейма конвокаціи и награды приносителю.	17	
30 м. Воеводѣ Новогродскому кн. Радзивилу.	200	
12 і. За англинские золотые часы и такуюже цепочку кот. Рудомине подарены. . .	60	

СПбГУ

	Червон.	Там.
13 і. Подпол. Даревскому за проездъ изъ Варш. ко двору.	100	
15 Купцамъ Пелисону и Валентину за взятой у купца Мейера и сиротестомъ изъ Голландіи возвращенной вексель канцеляриста Лобкова	93	3
18. Билову, кот. списмами ко двору отпр.	135	
23 і. Нѣкоторому Іонишу за переводъ конфедераціи и другихъ писемъ кслужбѣ Ея Имп. Вел.	18	
25. Нарочному, к. князь Радз. воев. Новог. ко мнѣ для дѣлъ присланъ награжденія.	10	
Такожъ резид. Големб. на платежъ купленныхъ и ко двору посланныхъ книгъ. . .	12	
Римско Цесар. резид. Киннерну за показанные къ интересу Ея рос. Им. Вел. многократно добрые заслуги дважды награжденія дано	200	
12 іюля М. Гехему кот. вбреславъ посланъ манифестъ тамо печатать.	100	
13. Өехтмейстеру, кот. обрѣтающимся всвитѣ об. шт. рос. импер. кадетамъ задачи (Lectiones) даетъ	3	
Дабы каптуровой указъ для дѣла сакс. мин. кас. до публ. сожженого писма изъ оригинального протоколу, кот. ко мнѣ тайно на домъ принесенъ, выданъ былъ (extrahiren) награжденія.	22	
28 і. Кур. Крику по его прош. для его отправ. назадъ ко дв.	50	
Билову, кот. об. шталмейстеру на встречъ посланъ на его проездъ туда и назадъ . .	75	
29 іюля. Гехему кот. об. шт. на встречъ сманифестомъ отправ.	25	
2 ав. Порутчику Лопоту, к списмами отъ кн. Радивила Новогородскаго и подп. Ливена ввар. ко мнѣ прис.	12	
Пол. Грудзинскому на щетъ его капитуляціи.	100	
Кн. Радивилу воеводѣ Нов. чрезъ порутчика Лопота подъ адресомъ и диспозицію подп. Ливена.	2000	
19 ав. Өехтмейстеру.	6	9
20 а. Канцелеристу Лобкову для его отезду сканцеляріею.	100	

	червон.	Там.
Служителю земскихъ пословъ города Вилды, к. нѣсколко кратно, ко мнѣ тайно присыланъ былъ для соглашенія съ его господами о выключеніи Станислава, какъ и учинилось, награжденія.	10	
Моему секр. Гохштетеру за многия снѣкоторыхъ годовъ писанные и сочиненные ко двору реляціи и за другую работу въ разные времена.	75	
На данной въ день рожденія Ея. Им. Вел. въ семъ году Өестенъ, на кот. Его Вел. покойной король польскій со всемъ своимъ придворнымъ штатомъ и всѣ тогда здѣсь присутствующие во время сейма велможи и знатнѣйшее шляхетство званы были во всеподданнѣйшей надеждѣ при семъ ставлю, что Ея Им. Вел. всем. апробовать изволитъ, во что мнѣ сей Өестенъ, кромѣ собственныхъ домовыхъ расходовъ сталъ.	750	
При семъ включаю втакойже всеподд. надеждѣ, что Ея Им. Вел. всем. апроб. изволитъ, во что мнѣ трактаментъ сталъ, к. я примасу по его силному требованію и всей его фамиліи учинилъ, а имянно. .	300	
Такоиздержено чрезъ 11 недель на перезку (Versendung) Ея Им. Вел. посольской канцеляріи сюда (allhier) и моихъ малыхъ вещей и экипажа въ Пруссію по силѣ росп. щету.	634	$6^2/_3$
Издерж. на починки, кот. чрезъ грабежъ моего дома, въ кот. и безъ того напередъ долгое время до 200 чел. и 150 лошад. стояло, умножены посилѣ росп. .	63	2
Порутчику Іннесу (Innes) вотсутствіи об. Шт. для всевысочайшей вашей службы далъ по квит.	450	
Порутчику Медемъ въ разныя времена восутствіи его Прев. об. шт. къ службѣ В. Им. В. порос.	399	
Обоимъ нарочнымъ вортелсбургъ посланнымъ за возвращениемъ канцеляріи и прочаго багажу я на дорожныя проѣздъ далъ.	36	
	11	

© ГПИБ СПб

	червон.	Там
Внадежде всем. апробаціи поставляю на чрезв. росходы за обои всемъ году бывшия сейма а им. конв. и элекціи по всещедрому уже напредь сего опредѣленію за каждый по 500 черв. хотя моихъ издержекъ и болѣе было, еже превысоч. в. Им. Вел. милости совсепод. предаю и тако на обои сейма сочиняетъ.	1000	
Нарочному именемъ Мановскому предъ нѣсколькими недѣлями изъ Киева списмами ко мнѣ прибывшему за тѣ дни, что онъ б. удержанъ и на возвратной проѣздъ всего далъ.	20	
	15,226	4

Copie de la Convention faite avec le Pal. de Cracovie le Pr. Lubomirsky à Varsovie le 22 aout. 1733.

S. E. Msgr le Prince Pal. de Cr. considerant les malheurs imminens, qui menacent sa patrie au cas, que Stanislas parvint au throne de Pologne, par ou le flambeau de la guerre pourroit s'allumer dans toute l'Europe, sur tout dans le Nord, et la Pologne en deviendrait le principal théatre, par l'entrée des Turcs et des Tartars. Et S. E. faisant murement attention, que pour prévenir les derniers malheurs et la desolation et ruine entière du Royaume le moyen le plus sure et le plus solide étoit d'élire un Roy, qui soit agréable aux trois Puissances voisines, nommément à l'Empereur Romain, à Sa Majesté de Russie et au Roi de Prusse, et qu'il n'y a aucun candidat plus convenables aux dites Puissances, aussi bien que pour le maintien de l'equilibre de toute l'Europe que S. A. Msgr. l'Electeur de Saxe, dont à l'exemple de feu S. M. Le Roy son père de glorieuse mémoire, on a tout lieu de s'attendre, qu'il maintiendra la paix et tranquillité dans le Royaume et qu'il regnera en Père sur la nation.

A ces causes sa dite Excellence est convenue avec leurs Exc. Ms. le comte de Wilsçek ambassadeur extraordinaire de

Sa M. Imp. et Cath. et le Comte de Lewenwold, grand ecuyer et Ministre Plenipotentiaire de Sa M. de Russie de la convention qui suit:

1. Les dits Ministres ont promis à S. E. le Pr. Pal. de Cr. le grand Baton de General de la Couronne de la part de S. A. Sa M. l'El. de Saxe et de ses Min. Plen. à Varsovie M. M. le C. de Wackerbarth et le général de Baudissin.

2. Le remboursement de tous les frais et dépenses, que M. le Pal. fera dans Sa Confédération pour mettre S. A. Sa M. l'El. sur le trône de Pologne.

3. L'indemnisation de tous les dommages, que S. E. pourra souffrir dans ses biens par une autre confederation, qui pourroit se former contre la sienne.

4. Ce remboursement et indemnisation sont promis à S. Ex. tant de la part des susdits Ministres Imp. et de Russie, que de celle des Min. de Saxe.

5. M. M. l'Amb. de l'Emp. et le Gr. Ec. de Sa M. de Russie garantissent à M. le Prince Pal. de Cracovie, de la part de leurs cours respectives que S. A. Elect. et ses dits Min. à Varsovie accompliront tout ce que dessus.

6. Surquoi S. E. M. le dit Pr. Pal. promet de s'engager que la conf., qu'il veut faire en temps et lieu et si la necessité l'exige incessament, sera uniquement pour mettre S. A. Sa M. l'El. de Saxe sur le trone de Pol., à quel effet il employera tous les soins et y travaillera avec tout le zèle imaginable et possible.

7. S. E. M. le Pr. Pal. et L. L. E. E. les dits Min. de la part de leurs cours respectives promettent de ne pas mettre bas les armes jusqu'à ce que St. soit expulsé hors du Royaume et que S. A. S. et El. de Saxe soit mise dnos une paisible possession de la couronne de Pologne ce qui doit se faire le plus promptement, qu'il sera possible. S. E. M. le Pr. Pal. souhaitant ardemment de voir au plutôt sa patrie deliberée de toutes trouppes étrangères et la tranquillité entierement rétablie.

8. M. M. les M. de Saxe s'engagent aux M. de l'Emp. et de sa M. de Russie, que, S. A. S. et El. prendra en sa

tutele les enfans de M. le Pal. en toute manière autant qu'il dépendra de Sa dite Altesse, et qu'Elle en tout temps aura soin pour lui et pour toute se famille comme aussi de procurer leus avantages et leurs interêts en toute rencontre.

9. En foy de quoi les Parties contractantes ont signée et scellé du cachet de leurs armes la présente convention, qu'ils ont ensuite echangée et les M. de Saxe en ayant agree tous les points de la part de S. A. Sa M. l'El. de Saxe ils l'ont aussi signée et scellée et échangée sur le même pied. Fait à Varsovie le 22 d'aout. 1733.

B. W. C. Welczeck Amb. Imp.
Gr. Lowenwolde.
Ios. de Wackerbarth.
Wolff Henrich von Baudissin.

Нѣсколько стихотвореній и памфлетовъ относящихся къ событіямъ 1733 года.

Les Principales Cours de l'Europe au jeu d'Ombre.

Le Pape. Si j'avais de triomphes et moins de fausses cartes je jouerais.
L'Empereur. J'ai de bons triomphes trois Rois et une Dame, mais j'attendrai qu'un autre joue.
L'Angleterre. Que l'on joue, si l'on veut, pourvu que les triomphes soyent partagés.
La France. Je jouerai, quand mon Roi sera à couvert.
La Prusse. J'aurais déjà joué, si je ne craignais d'être coupé.
La Suisse. Si l'on joue, je ne puis manquer de faire mes levées.
La Russie. J'ai assez de jeu, pour faire gagner la partie.
La Suède. Je ne jouerai pas, si l'on ne me paye les honneurs.
L'Espagne. Mon jeu ne vaut pas grande chose, si ce n'est qu'en noir.

Le Danemarc. Du moins je ne jouerai pas sans matador.
La Pologne. Ie pourrai perdre pour un seul roi, qui me manque.
L'Empire. Il me manque trois cartes, et je crains de payer la remise.
Le Portugal. Je ne joue pas, si l'on ne force mon Espadille.
La Savoye. Je ne joue qu'à coup sur.
La Hollande. Si tout le monde passe, je passe aussi.
L'Electeur de Saxe. J'ai passé mal à propos, á cette heure que j'entre.
Je serai peut être la bête pour ne m'être pas défait d'un maudit valet.
Le Roi Stanislas. Attendez, Messieurs, je n'ai pas renoncé et je ne prétends pas faire la bête deux fois.
Le Primat. Jouez comme il vous plaira, je suis sur d'attraper une de vos bêtes.
La Republique de Pologne. Je fournis les cartes, le profit le plus clair est toujours pour elles.

Gott verhangt Alles *).
Die Welt verdient Alles.
Polen verursacht Alles.
Frankreich erhält Alles.
England und Holland lachen über Alles.
Venedig und Schweiz zucken die Achsel über Alles.
Die Commissarien nehmen? Geld für Alles.
Die Iesuiten stecken die Nase in Alles.
Den Prinzen Eugen verdrüsst Alles.
Die Weiber wollen regieren über Alles.
So hole denn der Teufel und seine Mutter Alles.

*) Изъ рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ № 157.

Предсказаніе Нострадама, которое современники относили къ событіямъ 1733 года.

Lorsqu'on écrira un sept trois trois, un chef défaillera,
Quel bruit alors! Roi ci, Roi là; Grabuge, Escrime, Sabre,
Pierre, Gaule, César se mouveront et Bonnet rouge rira,
Voyant les jaunes écus de Lis blanc retablir vainement un
Prince cabre.

Das ist: Wenn man wird schreiben 1733, so wird ein hohes Haupt fallen. Was für Lärmen wird es alsdann geben! Einen König hier, einen König dort. Verwirrung, Fechten, Säbel (Polen) Steine (saxum—Sachsen). Frankreich, der Kaiser werden sich bewegen und die rothe Kappe (die römische Geistlichkeit) wird lachen, sehend, dass die gelben Schilder von den weissen Lilien (die Louis d'or) einen wilden Prinzen vergeblich wieder einsetzen.

Стихи Вольтера на избраніе Станислава и отвѣтъ на нихъ.

Il fallait un Monarque aux fiers enfants du Nord
Un peuple de héros s'assemblait pour l'élire.
Mais l'Aigle de Russie, et l'Aigle de l'Empire
Menaçaient la Pologne et maîtrisaient le Sort.
De la France aussitôt, son Trône et sa Patrie
La Vertu descendit aux champs de Varsovie.
Mars conduisit ses pas, Vienne en frémit d'éffroi
La Pologne à genoux courut la reconnaître.
Peuples nés, leur dit elle, et pour Mars et pour moi
De nos mains à genoux, recevez Vôtre Maître.
Stanislas à l'instant, parut et fut Roi.

Mais ayant remarqué, du haut d'une fenêtre
L'invincible Themis, campée à l'autre bord,

Partons, s'écria-t-il, cette Dame peut-être
Ne voudra pas de nous, retournons à Chambord.
On le vit à l'instant partir et disparaître.
L'espoir le fit venir, le remords le chassa,
Stanislas en un mot vint, parût, s'éclipsa.

© ГПНТБ СО РАН